

№ 2 (121) 2012
Выпуск 19

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

Издатель:

НИУ «БелГУ».

Издательско-полиграфический комплекс НИУ «БелГУ»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-21121 от 19 мая 2005 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Л.Я. Дятченко,
ректор НИУ «БелГУ», доктор социологических наук, профессор

Зам. главного редактора

В.В. Соколев,
проректор по научной работе НИУ «БелГУ», кандидат педагогических наук

Ответственный секретарь:

Е.Н. Кролевецкая,
доцент кафедры педагогики НИУ «БелГУ», кандидат педагогических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ ЖУРНАЛА

Председатель редколлегии

Л.Я. Дятченко

ректор Белгородского государственного университета, доктор социологических наук, профессор

Главный редактор серии

В.П. Римский
доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Заместители главного редактора

В.П. Бабинцев
доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Е.Е. Тонков
доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского государственного университета

Философия Социология Право

Belgorod State University

Scientific bulletin

Philosophy Sociology Law

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Христианский неоплатонизм XIV века. Антропология и учение об экстазе Иоанна Экхарта и Григория Паламы. Статья 3 **М.Ю. Реутин** 5

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Этика как не школьная философия **В.В. Варавва** 17

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

Гендерная асимметрия в современной социокультурной реальности **Г.А. Ельникова** 23

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Специфика самоидентификации среднего класса центральной России **А.А. Алексеев** 32

Использование мониторинговых измерений в процессе функционирования муниципальной власти **Р.И. Мельникова, Е.А. Захарова** 40

Социологический мониторинг конфликтов инновационного развития в вузе как условие обеспечения качества образовательного процесса **В.Б. Тарабаева** 46

Философия и теория управления в обществе и экономике знаний **В.В. Трошихин** 54

Концепции социологического мониторинга внутривузовской среды **И.С. Шаповалова, В.А. Сапрыка, Л.Н. Шмигирилова** 59

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Ревитализация религии (православия) в Сербии: действительность или миф? **М. Благович (Сербия)** 71

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Проблемы современного правопонимания: интегративный тип в системе научной трактовки социальной и правовой реальности **Г.А. Борисов, В.А. Носков** 81

К вопросу о правовых основах развития нанотехнологий в России **В.Ю. Туранин, Д.А. Сергеева** 87

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА

Золотой век отечественной юриспруденции: правовые идеалы русских юристов **С.Б. Глушаченко** 91

Российское законодательство об образовании: основные тенденции и перспективы развития **А.А. Гусева** 97

Специфика конституционно-правовой ответственности в системе местного самоуправления России **В.Г. Ермаков, В.В. Авилон** 104

Принципы федерализма в условиях становления новой российской государственности **В.П. Касаткин, О.Н. Полухин** 113

Конституционно-правовое содержание защиты и покровительства Российской граждан, находящихся за рубежом **М.В. Мархгейм, В.А. Носков, А.В. Волченко** 122

Обеспечение пенсионных прав граждан в контексте формирования социального государства **Н.Н. Олейник, В.К. Летунковский** 131

Ответственный секретарь

С.Н. Борисов

кандидат философских наук
(НИУ «БелГУ»)

Члены редколлегии

Г.А. Борисов, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Н.В. Витрук, доктор юридических наук, профессор (Российская академия правосудия)

М.Н. Громов, доктор философских наук, профессор (Институт философии РАН)

Ю.А. Зубок, доктор социологических наук, профессор (ИСПИ РАН)

С.М. Климова, доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Е.А. Кожемякин, доктор философских наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Л.Г. Королева, доктор философских наук, профессор (Курский государственный университет)

Т.Р. Лоусон, доктор философии, профессор Луисвилльского университета и Университета Кентукки (США), директор международных программ Института социальной работы им. Кента Луисвилльского университета, Почетный профессор НИУ «БелГУ»

М.В. Маркгейм, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Е.В. Реутов, кандидат социологических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

М.Д. Розин, доктор философских наук, профессор (СКНЦ ВШ при ЮФУ)

В.Б. Тарабаева, доктор социологических наук, профессор, декан факультета управления и предпринимательства (НИУ «БелГУ»)

Статьи представлены в авторской редакции.

Оригинал-макет *Н.А. Гапоненко, С.Н. Борисов*

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Подписано в печать 23.01.2012.
Формат 60×84/8.
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 40,45.
Тираж 1000 экз.
Заказ 142.

Подписной индекс в каталоге агентства
«Роспечать» – 81462

Оригинал-макет подготовлен и тиражирован
в издательско-полиграфическом комплексе
НИУ «БелГУ»
Адрес: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Суд и прокуратора как ведущие субъекты правозащитной деятельности в сфере обеспечения экологических прав личности **Е.Д. Проценко, И.С. Чалых** 135

Роль конституционного суда Российской Федерации в защите полномочий органов местного самоуправления по налогообложению земли **В.Н. Самсонов, А.А. Алексеева** 141

Правоприменение как способ реализации юридических норм **Е.Е. Тонков, В.И. Коваленко, Л.А. Пожарова** 146

Роль законодательных и исполнительных органов власти (федеральный уровень) в защите прав отцов **С.В. Тьчнин, П.А. Деревянко** 157

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Свобода совести и опасность прецедента дела «Лаутси против Италии» **М.А. Авилов** 163

Условия и предпосылки создания социокультурного кластера в Белгородской области **Н.О. Андросова** 171

Влияние социальной сети интернет на развитие социальной активности молодежи **О.В. Асеева** 181

Личностные детерминанты формирования духовной безопасности молодежи: социологические аспекты **В.В. Бахарев, Г.А. Фолченкова** 185

Человек, его способности и потребности в социально-личностном изменении **И.А. Беляев** 191

Феномен насилия: контекст целостности и частичности человека **С.Н. Борисов, С.А. Шемраев** 199

Факторы интеграции территориального общественного самоуправления **Р.И. Гайдуков** 212

Субъектность в аспекте инновационного стиля жизни **С.З. Гончаров, Н.В. Попова** 218

Образ женщины в религиозных представлениях бурят **Н.Д. Гончикова** 232

Стратегии информационно-коммуникативного поведения молодых людей-участников интернет-сообществ в Белгородской области **А.В. Гордилов** 237

Подарок как информационно-символический феномен **У.И. Грызова** 246

Методологические парадигмы науки о религии: теоретические основания и практическая реализация **А.Ю. Зорина** 254

Физическая культура и культура философского мышления в контексте современной философии образования **А.А. Клеценко** 262

Религиозно – нравственные основания принципа неделания в опыте толстовцев **И.С. Кудюшев** 267

Гендерная идентичность в контексте социокультурной парадигмы **Л.У. Курбанова** 270

Идея согласия в контексте жизни, судьбы и творчества П. А. Сорокина **М.П. Меняева** 276

Философия творческого поиска – космогенез, вселенское вечное совершенствование **И.М. Невлева** 282

Платон и культура в свете философского знания **Л.Я. Подвойский**

Партнерство и миграция иностранной рабочей силы **Н.В. Посохова** 293

Добро и зло как категории нравственной философии М.В. Лодыженского **О.В. Солопов** 308

Философско-этический анализ художественного языка иконы **И.В. Шалда** 315

Человек и конкуренция как форма социального взаимодействия **В.Н. Шилов** 323

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ: ДИНАМИКА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Диалог светского и религиозного и толерантность в средневековой культуре Западной Европы **О.В. Ковальчук, В.П. Рыльский** 330

Сведения об авторах 339

Информация для авторов 343

**№ 2 (121) 2012
Issue 19**

Scientific reviewing journal

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «Belgorod National Research University»

Publisher:

Belgorod National Research University, Belgorod National Research University Press

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-21121 May 19, 2005.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-chief

L.J. Djatchenko,

Rector of Belgorod National Research University, Doctor of sociological sciences, professor

Deputy editor-in-chief

V.V. Sokorev,

Vice-rector for scientific research of Belgorod National Research University, Candidate of pedagogical sciences

Assistant Editors

E.N. Krolevetskaya,

Associate professor of Pedagogics department of Belgorod National Research University, Candidate of pedagogical sciences

Chairman of editorial board

L.Y. Dyatchenko

Rector of Belgorod National Research University, Doctor of sociology, Professor

Chief editor

V.P. Rimskiy

Doctor of philosophy, professor (Belgorod National Research University)

Deputies of chief editor

V.P. Babintsev

Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

E.E. Tonkov

Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Responsible secretary

S.N. Borisov

Candidate of philosophy (Belgorod National Research University)

**Belgorod State University
Scientific bulletin**

Philosophy Sociology Law

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета
Философия Социология Право**

CONTENTS

**HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES
AND HUMANITIES**

Christian neoplatonism of the XIVth century. The anthropology and the theories of the ecstasy of J. Eckhart and G. Palamas. Article 3. **M.Y. Reutin 5**

LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

Ethics as a no school philosophy **V. Varava 17**

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

Gender asymmetry in modern social and cultural reality **G.A. Elnikova 23**

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Specificity of middle class' self-identification in the central Russia
A.A. Alekseenok 32

Use of monitoring dimension in the operation of municipal government
R.I. Melnikova, E.A. Zakharova 40

Sociological monitoring of the conflicts of innovative development in high school as a condition of maintenance of educational process quality
V.B. Tarabaeva 46

Philosophy and theory of management in the knowledge economy and society
V.V. Troshikhin 54

Concepts of sociological monitoring of the high school intra-environment
I.S. Shapovalova, V.A. Sapryka, L.N. Shmigirilova 59

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

Revitalization of religion (orthodox) in Serbia: reality or myth?
Mirko Blagojevic 71

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Problems of the modern interpretation of law: integrative type in the system of scientific interpretation of social and legal reality **G.A. Borisov, V.A. Noskov 81**

On the legal basics of nanotechnologies development in Russia **V.Y. Turanin, D.A. Sergeeva 87**

ACTUAL PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL LAW AND MUNICIPAL LAW

Golden age of Russian law: legal ideals of Russian lawyers
S.B. Glushachenko 91

Russian legal system for education: key tendencies and perspectives
A.A. Guseva 97

Specificity of the constitutional and legal responsibilities in the system of Russian local self-government **V.G. Ermakov, V.V. Avilov 104**

Principles of federalism in the new Russian statehood **V.P. Kasatkin, O.N. Polukhin 113**

Constitutional and legal protection and patronage of Russian citizens living abroad **M. Markheim, V. Noskov, A. Volchenko 122**

Realization of pensionary rights of citizens in terms of social state development
N.N. Oleynik, V.K. Letunovskiy 1131

Members of editorial board

G.A. Borisov, Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

N.V. Vitruk, Doctor of law, Professor (Russian Academy of Law)

M.N. Gromov, Doctor of philosophy, Professor (Institute of Philosophy, Russian Academy of Science)

Y.A. Zubok, Doctor of sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)

S.M. Klimova, Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

L.G. Korolyova, Doctor of philosophy, Professor (Kursk State University)

E.A. Kozhemyakin, Doctor of philosophy, associate Professor (Belgorod National Research University)

T.R. Lawson, PhD, professor of The University of Louisville and the University of Kentucky (USA), director of international programmes of Raymond A. Kent School of Social Work of The University of Louisville, Honorary professor of the Belgorod State University

M.V. Marhgeim, Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

E.V. Reutov, Candidate of sociology, Associate professor (Belgorod National Research University)

M.D. Rozin, Doctor of philosophy, Professor (North-Caucasian Science Centre of High School, South Federal University)

V.B. Tarabaeva, Doctor of sociology, Professor, Dean of the faculty of management and entrepreneurship (Belgorod National Research University)

The articles are given in authors' editing.

Dummy layout by *N.A. Gaponenko*,
S.N. Borisov
e-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Passed for printing 23.01.2012
Format 60×84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 40,45
Circulation 1000 copies
Order 142.

Subscription reference
in Rospechat' agency catalogue – 18078

Dummy layout is replicated at Belgorod
National Research University Press
Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia,
308015

The court and the procurator as the leading actors of human rights activities in the field of environmental rights of the individual **E.D. Protsenko**,
I.S. Chalykh 135

Role of the constitutional court of the Russian federation in protection of powers of local governments on the earth taxation **V. Samsonov**,
A. Alekseeva 141

Law enforcement as a means of realization of juridical norms **E.E. Tonkov**,
V.I. Kovalenko, **L.A. Pozharova** 146

Role of the legislative and executive authorities (federal level) to protect the rights of fathers **S. Tychinin**, **P. Derevianko** 157

THESIS

Freedom of conscience and the threat of a precedent case "Lautsi v. Italy"
M.A. Avilov 163

Terms and conditions of a socio-cultural cluster in Belgorod region
N.O. Androsova 171

Influence of internet social networks on development of social activity of youth
O.V. Aseeva 181

Personal determinants of the youth's spiritual security formation in sociological aspects **V.V. Bakharev**, **G. Fomchenkova** 185

A man, his abilities and needs in social and personal dimension
I.A. Belyaev 191

Phenomenon of violence: a context of wholeness and partness of the man
S.N. Borisov, **S.A. Shemraev** 199

Factors of integration of territorial self-government **R.I. Gaydukov** 212

Subjectivity in terms of innovational style of life **S.Z. Goncharov**,
N.V. Popova 218

The image of woman in the religious representations of the Buryats
N.D. Gonchikova 232

Strategy of information-communicative behaviour of young people as participants of internet communities in the Belgorod region
A.V. Gordilov 237

A gift as an information symbolic phenomenon **U.I. Grizova** 246

Methodological paradigms of the science of religion: theoretical background and practical implementation **A.Y. Zorina** 254

Physical education and culture of philosophical thought in the context of contemporary philosophy of education **A.A. Kleshchenko** 262

Religious-moral bases of a principle of inactivity in experience by L.N. Tolstiy's followers **I.S. Koodiushev** 267

Gender identity within social and cultural paradigm **L.U. Kurbanova** 270

Idea of consent in the context of life, fate and creation by P. A. Sorokin
M. P. Menyayeva 276

Philosophy of the creative search: cosmogenesis, cosmic eternal development
I.M. Nevleva 282

Plato and culture in the view of philosophic knowledge
L. Y. Podvoysky 293

Partnership and migration of foreign workers **N.V. Posokhov** 303

Good and evil as the categories in the moral philosophy of M.V. Lodyzhensky
O.V. Solopov 308

Philosophical-ethical analysis of the language of art icons **I.V. Shalda** 315

Man and competition as the form of social interaction
V.N. Shilov 323

COGNITIVE MODELLING: DYNAMICS OF CIVIL SOCIETY AND FACTOR OF NATIONAL CONFESSIONAL TOLERANCE

Dialogue between secular and religious in the medieval culture of the western Europe **O.V. Kovalchuk**, **V.P. Rimskiy** 330

About authors 339

Information for authors 343

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

От редакции

В этом номере журнала мы завершаем публикацию цикла статей М.Ю. Реутин «Христианский неоплатонизм XIV века», посвященных сопоставительному изучению рейнской мистики и афонского исихазма. Сравнив в первой статье онтологические системы идеологов этих течений И. Экхарта и Гр. Паламы, рассмотрев во второй статье их теории языка и богопознания, Реутин переходит в третьей статье к сопоставлению их учений об экстазе и общении с Богом. Перечисленные разделы исчерпывают, в своей совокупности, объем богословских доктрин И. Экхарта и Гр. Паламы, а это, в свою очередь, сообщает цельность и завершенность издаваемому нами циклу статей.

Редколлегия ожидает от авторов и читателей журнала заинтересованной, объективной и доброжелательной полемики с автором опубликованных статей.

ХРИСТИАНСКИЙ НЕОПЛАТОНИЗМ XIV ВЕКА. АНТРОПОЛОГИЯ И УЧЕНИЕ ОБ ЭКСТАЗЕ И. ЭКХАРТА И ГРИГОРИЯ ПАЛАМЫ. СТАТЬЯ 3

М.Ю. РЕУТИН

*Институт высших
гуманитарных исследова-
ний при Российском
государственном
гуманитарном
университете*

e-mail: mreutin@mail.ru

Настоящая статья представляет собой введение к теории экстаза, разработанной великими мистиками Германии и Византии И. Экхартом и Гр. Паламой. Статья разделена на две главы. Первая из них содержит очерк ряда основных положений антропологии И. Экхарта и Гр. Паламы, развитых в их латино- и грекоязычных трактатах. Во второй главе предложено описание мистического опыта обоих мыслителей, характеризующегося, по мнению автора, множеством общих черт.

Ключевые слова: христианский неоплатонизм, эманационизм, теория экстаза, критерии мистического опыта.

Как учения о языке и богопознании, учения И. Экхарта и Гр. Паламы об экстазе укоренены в их онтологиях, построенных на началах неоплатоновского эманационизма. Отсюда – явное сходство экхартовской и паламитской теорий экстаза: сходство, которое мы намереваемся продемонстрировать в настоящей статье.

1. Отправные послышки

Духовные совершенства экхартовской мистагогии – они, напомним, представляют собой адресованные людям эманации Бога – описывались французскими и затем немецкими неотомистами по 4-ем параметрам: 1) духовные совершенства существуют до своих тварных субъектов-носителей; 2) существуют и после них, когда те исчезают, они остаются; 3) они не получают бытие от субъектов, но наоборот сообщают им свое бытие; и, наконец, 4) сами субъекты (не в качестве тварных людей, а в качестве людей мудрых, несовершенных, праведных, вечных) существуют «постольку... поскольку» (als... als,

inquantum... intantum) – в ту и только в ту меру, в какую способны приобщаться духовным совершенствам: несотворенным, вечным и неделимым¹. Думается, что по этим же параметрам допустимо описывать и несотворенные энергии Гр. Паламы. «Триады» (ч. III, гл. 2, п. 20): «Мы... знаем... божественные силы приобщаемыми и все никогда не начавшимися, не по действию, но по существованию, хотя и не самостоятельными; приобщаемыми, по слову великого Дионисия, в качестве преждесуществующих в Боге. Приобщаемое, по божественному Максиму, никогда не начало быть, и “небытие не старше его”, но вечно существует от вечно сущего Бога, вечно пребывая без отделения при Нем и бытиествуя в Нем совечно с Ним»²; (ч. III, гл. 1, п. 31): «Божественный Максим называл обожение не только воипостасным, но и нерожденным, не только нетварным, но неограниченным и надвременным, так что улучившие его делают в нем нетварными, безначальными, безграничными, хотя и возникли, со стороны своей природы, из ничего»³. – В «Триадах» же (ч. III, гл. 2, п. 23) Гр. Палама попарно перечисляет энергии и то, что причастно каждой из них: «сущетворная сила» – «сущее», «жизнетворная сила» – «живущее», «умудряющая» сила – «умудряемое» и «обоживающая сила» – «обоживаемое». Эти пары позаимствованы Паламой из гл. 11, § 6 трактата «О божественных именах»⁴. Тот же парный принцип используется И. Экхартом, видимо, под влиянием Дионисия и Максима в гл. 1 «Книги божественного утешения»: Мудрость – мудрец, Истина – правдолюбец, Праведность – праведник, Благодостыня – блаженный.

«Поначалу надобно знать, что мудрец и Мудрость, правдолюбец и Истина, праведник и Праведность, блаженный и Благодостыня друг на друга взирают и так друг к другу относятся. Благодостыня не сотворена, не создана и не рождена, хотя она и рождающая и порождает блаженного. А блаженный, коль он вправду блажен, – не созданный и не сотворенный, но рожденный ребёнок и сын Благодостыни. Сама себя и всё, что она есть, Благодостыня порождает в блаженном. Сущность и знание, любовь и деяние вливает она с избытком в блаженного. Блаженный же берет все свое существо, знание, любовь и деяние из сердца и сокровенных недр Благодостыни – и лишь из нее... Блаженный и Благодостыня суть не иное что, как единое благо, всё во всем, кроме порождения и рождения-становления. И все же порождение, присущее Благодостыне, и рождение-становление в блаженном суть единая сущность и единая жизнь. Всё, что имеет блаженный, он получает от Благодостыни и в Благодостыне. Тут он есть, существует и жительствоует. Здесь осознает он себя самого и все, что он сознает, и любит всё, что он любит, и творит с Благодостыней [и] в благодостыне, а Благодостыня с ним и в нём, все их дела сообразно тому, как начертано, и как Сын говорит: “Отец, во Мне пребывающий и живущий, совершает дела”...»⁵.

Экхартовская теория экстаза представляет собой продолжение и завершение экхартовского эманационизма, точнее, учения о духовных совершенствах. Это учение в целом было рассмотрено выше. Но если выше предметом анализа было соотношение духовных совершенств и Божества (с привлечением понятий «Прообраз» и «образ»), то теперь следует сосредоточиться на втором звене: на соотношении духовных совершенств и человека, тем самым рассматривая эти совершенства как посредствующее звено между Богом и человеком.

¹ Ср.: Théry G. Le commentaire de maître Eckhart sur le livre de la sagesse // Archives d' Histoire Doctrinale et Littéraire du Moyen Age. 1928. Vol. 3. P. 364–382. См. также: Реутин М.Ю. Образ человека в творчестве Иоанна Экхарта. Теория экстаза // Россия XXI. М., 2010. Вып. 3. – С. 146–167.

² Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Ὑπὲρ τῶν ἱερῶς ἡσυχάζοντων. III, cap. 2, p. 20 // Meyendorff, p. 679, 1–9. (Grégoire Palamas. Défense des saints hésychastes / Ed. J. Meyendorff. Louvain, 1959. Цитация по: Св. Григорий Палама. Триады в защиту священнобезмолствующих / Пер., сопр. ст. и коммент. В. Вениаминова. М., 1995. С. 322.)

³ Ibidem. Cap. 1, p. 31 // Meyendorff, p. 617, 7–12. (Цитация по: Св. Григорий Палама. Триады в защиту священнобезмолствующих. С. 294.)

⁴ Ibidem. Cap. 2, p. 23 // Meyendorff, p. 683, 10–22. Ср.: Διονύσιος ὁ Ἀρεοπαγίτης. Περί θεῶν ὀνομάτων. XI, § 6 // Suchla, S. 222, 3–223, 14. (Pseudo-Dionysius Areopagita. De divinis nominibus / Hrsg. von B.R. Suchla. Brl., N.Y., 1990.)

⁵ Meister Eckhart. Daz buoch der götlichen troestunge. Kap. 1 // DW V, S. 9, 4–20. (Meister Eckhart. Die deutschen Werke: in 5 Bd. / Hrsg. von J. Quint u.a. Stuttgart, 1936–2003.) Ср. прим. 28 к статье «Христианский неоплатонизм XIV века. Теория “духовных совершенств” И. Экхарта – теория “энергий” Гр. Паламы».

(Трехчленная конфигурация богословия Экхарта идентична трехчленной конфигурации паламитской доктрины: Божество – энергии – человек, выделенной Г. Острогорским в качестве укорененного в греческой традиции know-how Гр. Паламы⁶).

В основных чертах учение о духовных совершенствах изложено Экхартом в приведенной выше гл. 1 «Книги божественного утешения». Систематическую разработку, однако, оно получило в п. 14–22 экхартовского «Толкования на Евангелие от Иоанна» на примере пары праведника и Праведности⁷. Доминиканский теолог выделяет 4 позиции: Божество, праведность не рожденную, рожденную праведность и праведника. Два средних члена, не рожденная и рожденная праведность, – это (наряду с мудростью, святостью, истиной, благодатьней) одно из духовных совершенств, взятое в двух разных ракурсах: применительно к Богу и применительно к человеку, и являющееся, если прибегнуть к терминам экхартовской теории образа, Богом «в Своем ином» (*in se altero*), «иным способом» (*sub alio modo*) божественного бытия⁸. По поводу четвертого члена, праведника, нужно заметить, что Экхарт называет его «темным» праведником «самим в себе» (*in se ipso*) и противопоставляет его обитающему в нем же праведнику «как таковому» (*ut sic*). Этот последний, праведник «как таковой», есть не что иное, как рожденная праведность,... Бог. Три первых члена всей четверицы (Божество, праведность не рожденная, рожденная праведность, или иначе, праведник «как таковой») – однородные, соименные сущности (*univoca*), связанные озадачивающим отношением «порождения» (*generatio*). Но о пантеизме здесь говорить не приходится, поскольку последний член упомянутой триады, рожденная праведность (праведник «как таковой»), связан с темным праведником «самим в себе» лишь аналогическим способом (*analogia*). Они – разнородные сущности, связанные друг с другом несущностным тождеством... Вся драма христианской жизни, по И. Экхарту, заключается в том, чтобы пробиться от себя «самого в себе»: «темного», преходящего, тварного, к иноприродному себе – к себе же «как таковому», светлому, вечному, несотворенному, к своей «*synteresis*», «искорке», к рожденной праведности (*iustitia genita*), к Богу. «Что было вверху, то стало внутри. Ты должен быть собран в единое, от себя самого – в себя самого, дабы Он был в тебе, а не так, чтобы нам брать от того, что над нами. Нам надо черпать это в себе и брать от себя в нас самих»⁹.

Важная для Гр. Паламы мысль о «приобщении» (*μεθεξις*) к Богу¹⁰ (ср.: «*participatio*» у Экхарта¹¹) была развита им во многих местах различных его сочинений, в частности же, в гл. 37 трактата «О божественных энергиях и их причастии»¹². Первое, что бросается в глаза при чтении этой главы – активное использование Паламой терминологии порождения, к примеру: «От Бога по благодати родившись (*γεννημένοι*) чрез Слово в Духе и неся неповрежденным подобие родившего (*γεννήσαντος*) Бога...». Использование такой терминологии оправдывается в гл. 37 стихом Ин. 3,6: «Рожденное от плоти есть плоть, рожденное от Духа есть дух», который здесь и приводится. А в гл. 7 труда «О божественной и боготворящей причастуемости» для санкционирования терминологии порождения привлекается стих Ин. 1,13 «Кто не от крови, ни от похоти плоти, ни от хотения мужа,

⁶ Острогорский Г.А. Афонские исихасты и их противники. К истории поздневизантийской культуры // Записки русского научного института в Белграде. Белград, 1931. Вып. 5. С. 369: «Между трансцендентным и имманентным устанавливается нечто среднее и посредничающее».

⁷ Meister Eckhart. *Expositio sancti Evangelii secundum Iohannem*. P. 14–22 // LW III, S. 13, 4–19, 2. Ср. тезисы о святости и святом: Idem. *Liber Parabolarum Genesis*. P. 69–71 // LW I, S. 535, 4–537, 9. (Meister Eckhart. *Die lateinischen Werke*: in 5 Bd. / Hrsg. von J. Koch u.a. Stuttgart, 1936–2007.)

⁸ Idem. *Sermo 50*. P. 513: «Нельзя было бы утверждать, что я вижу человека или [какой-то] цвет, если бы образ (*species*) цвета или даже сам цвет, но в ином бытии (*sub alio esse*), или скорей то же бытие, но иным способом (*sub alio modo*) не присутствовало в глазу» // LW IV, S. 430, 1–4.

⁹ Idem. *Predigt 14* // DW I, S. 237, 9–12.

¹⁰ Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Περί θεῶν ἐνεργειῶν καὶ τῆς κατ' αὐτὰς μεθέξεως. Cap. 16 // Χρήστου, Τ. II, p. 109, 5–10. (Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Συγγράμματα: Τόμοι I–V / Εκδίδ. Π.Κ. Χρήστου. Θεσσαλονίκη, 1970–1994.)

¹¹ Meister Eckhart. *Expositio sancti Evangelii secundum Iohannem*. P. 14 // LW III, S. 13, 4–5.

¹² Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Περί θεῶν ἐνεργειῶν καὶ τῆς κατ' αὐτὰς μεθέξεως. Cap. 37 // Χρήστου, Τ. II, p. 122–123.

но от Бога родился»¹³, – на него, между прочим, указывается и при обсуждении «gebern» (generatio) в гл. 1 экхартовской «Книги божественного утешения».

«Поскольку же всякое рождение (λαῖσα γέννησις) обыкновенно делает рожденное (τὸ γεννώμενον) тождественным (ταὐτὸν) родившему (τῷ γεννῶντι)», постольку «рожденные» Богом: «богочестивцы» и «боги», получают название не от природных и временных свойств, но от блаженных и божественных признаков, которыми преображается самый их вид¹⁴. Таким образом, «богочестивец» (θεοσεβής) Гр. Паламы – восточный аналог экхартовского праведника – имеет в качестве тварного человека «природные и временные свойства» (ἐκ τῶν φυσικῶν χρονικῶν ιδιωμάτων). Но как причастник энергий Творца «праведник» обладает также «блаженными и божественными признаками» (ἐκ τῶν θείων καὶ μακαρίων ὑψωσιμάτων). Этим-то он напоминает собой экхартовского праведника, поочередно определяемого то как праведник «в себе», то как праведник «как таковой»: «Все, что праведнику принадлежит, – читаем в гл. 1 «Книги... утешения», – исключая то, что образует его праведность, в силу чего он становится праведен, – это есть чадо, имеющее отца на земле, и творение. Оно тварно и создано, ведь и его отец является тварью, созданной и сотворенной. Но праведное само по себе, – ибо оно имеет Отца не созданного и нетварного, и Бог и праведность суть одно, и лишь праведность есть его отец, – посему скорбь и горе могут войти в него так же мало, как в Бога»¹⁵. Что же касается Паламы, то разведение двух позиций позволяет ему настаивать, несмотря на используемые термины порождения, на нетварности мудрости (σοφία) при тварности её «результата» (ἀλοτέλεσμα), «мудрого создания» (δημιούργημα σοφόν)¹⁶. (Напомним, что и у Экхарта пара «мудрость / мудрец» (der wîse und wîsheit) стала одной из моделей, на примере которой развивается теория духовных совершенств.)

При том, что мистагогические учения И. Экхарта и Гр. Паламы обнаруживают очевидное сходство, есть у них и известные различия. Это относится, прежде всего, к образу «искорки» (vünkelîn), применяемого, впрочем, рейнским мистиком для обозначения позиции, предусмотренной и в рамках концепции византийского исихаста, а именно: для праведника «как такового» – тварного причастника нетварных энергий, наделяемого божественными атрибутами. (Позаимствованный из мифопоэтического ряда женской монашеской словесности юга Германии, образ «искорки» обозначил собой (с 1314 г.) ранее созданную позицию, помеченную в экхартовских сочинениях Парижского времени термином «синтересис» (synderesis) и описанную в рассмотренном выше «Толковании на Евангелие от Иоанна».) Обратим внимание: как Палама, так и Экхарт описывают эту позицию строго апофатически. Для нее, согласно Паламе, «недостаточны ни время, ни природа, ни слово, ни ум и ничто другое из существующего, как недостаточны они для описания Бога»¹⁷. А вот как изъясняется Экхарт: «Я иногда говорил, что в духе есть некая сила; – и она одна свободна. Иногда говорил, что есть прибежище духа, порой говорил, что в духе есть свет, иногда же я называл это искоркой. Но теперь я скажу, что это – ни то и ни это, и вообще не что-либо. Это дальше от этого и того, чем небо от земли. И посему я определяю *оное* еще более благородным образом, нежели раньше. И вот, оно уже смеется над благородством и образом и превзошло все это! Оно свободно от всех имен, обнажено от всех форм. Свободно и чисто, как свободен, чист Сам в Себе Бог. Оно совершенно едино и просто, как един и прост Бог, так что в него никак невозможно проникнуть»¹⁸... Ища опоры в Писании для своих мистагогических доктрин, И. Экхарт и Гр. Палама любили повторять вслед за ап. Павлом: «Жив не я, но Христос жив во мне».

¹³ Idem. Περὶ θείας καὶ θεοποιοῦ μεθέξεως. Cap. 7 // Χρήστου, Т. II, p. 142, 27–29. Meister Eckhart. Daz buoch der götlichen tröstunge. Kap. 1 // DW V, S. 10, 18–20.

¹⁴ Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Περὶ θείων ἐνεργειῶν καὶ τῆς κατ' αὐτὰς μεθέξεως. Cap. 37 // Χρήστου, Т. II, p. 123, 9–15.

¹⁵ Meister Eckhart. Daz buoch der götlichen tröstunge. Kap. 1 // DW V, S. 12, 10–15. В переводе сохранена эллиптическая конструкция экхартовского предложения.

¹⁶ Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Περὶ θείων ἐνεργειῶν καὶ τῆς κατ' αὐτὰς μεθέξεως. Cap. 40 // Χρήστου, Т. II, p. 125, 18–21.

¹⁷ Ibidem. Cap. 37 // Χρήστου, Т. II, p. 123, 15–17.

¹⁸ Meister Eckhart. Predigt 2 // DW I, S. 39, 1–40, 4.

Другим и более существенным, различием двух концепций «приобщения» к Богу является тот факт, что Экхарт ассоциирует человека не только с праведником «самим в себе» и праведником «как таковым» (в этом, повторим, доктрины рейнского мистика и афонского исихаста очень близки друг другу). Скользя снизу вверх по вертикали: рожденная праведность (= праведник «как таковой») – праведность не рожденная – Божество, Экхарт может идентифицировать и, действительно, время от времени идентифицирует человека с двумя последними членами вертикали: праведностью не рожденной и Божеством. В этом, разумеется, нет никакого противоречия, поскольку вся вертикаль характеризуется онтологическим тождеством. Так, идентифицируя человека с праведностью не рожденной мистик настаивает в проп. 6: «Праведники живут вечно “у Бога”, ровно при Боге, ни ниже, ни выше Него; они творят все дела их при Боге, Бог же при них... Праведная душа должна быть ровно при Боге, прямо у Бога, именно равной, ни под, ни над Ним»¹⁹. А вот чему учит мистик в проп. 52 в порядке приравнения человека к до-троичному Божеству и отождествления предвечной идеи о человеке с Тем, Кем она мыслится:

«И умоляю я Бога: да сделает Он меня свободным от “Бога”! Ибо мое сущностное бытие выше Бога, поскольку мы берем Бога как начало творений. Ведь в той самой сущности Божьей, где Бог – над бытием и выше различий, там был я собою, там я хотел себя самого и осознал сам себя как Творца себя, *этого* человека. Поэтому я – причина себя по моему бытию, которое вечно, но не по моему становлению, которое временно. И поэтому же я не рожден и по образу моей нерожденности никогда не смогу умереть. По образу моей нерожденности, я был вечно, есмь ныне и вечно пребуду. Чем же являюсь я по рождению, тому надлежит умереть и обратиться в ничто, ибо это подвержено смерти, почему со временем это и гибнет. При моем рождении появились все вещи, и я был причиной себя самого и всех вещей. И если бы я пожелал, то не было бы ни меня, ни вещей. Не будь же меня, не было бы и “Бога”. Что Бог является “Богом”, тому причиной я... Не будь меня, Бог не был бы “Богом”. Хотя знать это не нужно»²⁰... Таких отождествлений и подобных пассажей мы у Гр. Паламы, конечно же, не найдем.

2. Критерии мистического опыта

Имея в виду структуру экхартовского праведника, имеет смысл задаться вопросом: кто в нем, собственно, является подлинным субъектом богопознания: праведник ли «как таковой» (*ut sic*), в конечном итоге сам Бог, или праведник «сам в себе» (*in se ipso*), но посредством обитающего в нём Бога, праведника «как такового».

<p><i>И. Экхарт</i> «Что знаешь, лишь то и можешь любить. В этой связи заметь: я не могу тем или иным образом помнить о Боге, и не будет истинно то, что я помню о Боге, если Бог не присутствует в моей памяти. Точно так же обстоит дело с разумом и волей. Истинно, можно ли сказать, что я помышляю о Боге, постигаю или люблю Его, если Его нет в мышлении, разуме, воле или любви?»²¹. «Языческий мудрец говорит, что природа на сверхприродное неспособна. Поэтому Бог не может быть познан никакою природой. Если Он и может быть познан, то сие случится в сверхъестественном свете»²².</p>	<p><i>Гр. Палама</i> «Бога никто не видел, и никто не увидит, ни человек, ни ангел, однако постольку, поскольку ангел и человек видят чувственным либо умственным образом. Став же Духом и видя в Духе, как не узреть подобное подобным, в полном согласии с тем, что говорят богословы?»²³. «Чрез причастие лучшему превратившись в нечто лучшее и “обновившись в силе”, по пророческому слову, они приостанавливают всякое действие души и тела, так что чрез них является и ими созерцается только свет. Ведь избытком славы побеждается всякое природное ощущение, “дабы Бог был все во всем”, по апостолу»²⁴.</p>
--	---

¹⁹ Idem. Predigt 6 // DW I, S. 106, 4–7.

²⁰ Idem. Predigt 52 // DW II, S. 502, 6–504, 3.

²¹ Idem. Sermo 50. P. 513 // LW IV, S. 429, 6–430, 1.

²² Idem. Predigt 57 // Pf. S. 182, 37–40. (Deutsche Mystiker des 14. Jahrhunderts / Hrsg. von Fr. Pfeiffer. Bd. 2. Lpz., 1857.)

²³ Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Ἐπὶ τῶν ἱερῶς ἡσυχάζοντων. II, cap. 3, p. 31 // Meyendorff, p. 449, 15–19.

²⁴ Ibidem // Meyendorff, p. 451, 6–11.

По-видимому, и Экхарт и Палама склоняются ко второму варианту ответа. Оба выступали последователями дионисиевского учения о «вечном круге». Согласно этому учению, Бог с помощью человека «Сам Себя с Собой сводит и к Себе движет». Мысль Ареопагита развивает в своих схолиях Максим Исповедник: «Вечный круг исходит из Добра, ниспосылается из Него на воспринимаемое умом и чувствами, и вновь к Добру возвращается, не останавливаясь и не прекращаясь»²⁵. Дионисию и Максиму вторит И. Экхарт: «Бог познается Богом в душе»²⁶, «Душа не действует, не познает и не любит, в ней действует и познает Сам Себя Бог»²⁷. Под «Богом» здесь нужно понимать Бога «в своем ином»: рожденную праведность, «искорку», праведника «как такового». (Ср. Маймонид: «Мы познаем Бога в том свете, который Он изливает на нас»²⁸.) Экхартовским выкладкам в богословии Паламы соответствует концепция «самовидящего света» (τὸ αὐτολτικὸν φῶς), которому приобщаются боговидцы²⁹.

Взаимодействие двух активных субъектов: праведника «самого в себе» с праведником «как таковым», нужно, вслед за Экхартом, описать как «сотрудничество» (ein mitwirken) – при том, что каждый из субъектов является «соратником» (mitewürker) друг друга (ср. с συνερῶς, συνερῶν Ареопагита и Паламы). В качестве первого и логичного следствия из подобной постановки вопроса проистекает экхартовский *персонализм*, в пределах которого предусматривается и утверждается цельность, неповрежденность человеческого начала (праведника «самого в себе») в акте богообщения, ведь в противном случае человек не стал полноправным субъектом взаимодействия: «Когда ясное солнце Божества просветило его [Павла. – М.Р.] душу, из светлой розы его духа излился поток любовного Божественного созерцания»³⁰, «Когда человек, душа, дух взирает на Бога, он понимает и мыслит себя познающим, то есть, он сознает, что видит и созерцает Бога»³¹. (Персоналистский опыт Экхарта запечатлен в ряде подобных взаимно-рефлексивных конструкций.) – Обратной стороной экхартовского персонализма выступает т.н. *энергичность*, определяемая, в отношении исихазма, как «соединение двух горизонтов бытия, осуществляющееся лишь по энергии, а не по сущности и не по ипостаси»³². Именно так, по Экхарту, выглядит взаимодействие Бога и человека, представленных как разнородные друг другу праведник «как таковой» и праведник «сам в себе»: «Когда Бог взирает на тварь, то Он сообщает ей ее бытие, а когда тварь взирает на Бога, она стяжает свое бытие»³³, «Душа в чистоте взирает на Бога, здесь берет она всю свою суть и свою жизнь»³⁴.

Как сказано выше, между праведником «как таковым» и праведником «в себе» Экхарт устанавливает аналогические отношения, и это является главным аргументом в пользу отсутствия у него пантеизма. Будучи по существу отличен от тварного праведника «в себе», нетварный праведник «как таковой» оповещает его о себе (informare), тем самым преобразуя его (reformare) и уподобляя себе (conformare). Говоря иначе, он видоизменяет его в соответствии со своими принципами организации, но оставляет его вполне инородным себе. Такой процесс преобразования обычно описывается посредством иллюминативных мотивов и образов света:

²⁵ Διονύσιος ὁ Ἀρεοπαγίτης. Περί θεῶν ὀνομάτων. IV, § 14 // Suchla, S. 160, 4–5. Комментарий Максима: PG 4, 268 B.

²⁶ Meister Eckhart. Predigt 1 // DW I, S. 18, 8.

²⁷ Idem. Predigt 76 / 1 // Pf. S. 243, 4–6.

²⁸ Rabbi Mosis Majemonidis Liber Doctor perplexorum. III, cap. 52 // Buxtorf, p. 523–524. (Rabbi Mosis Majemonidis Liber Doctor perplexorum. In linguam Latinam conversus à J. Buxtorfio. Basileae, 1629.) Цитируется в: Meister Eckhart. Expositio Libri Exodi. P. 277 // LW II, S. 223, 7–11.

²⁹ Γρηγορίου τοῦ Παλαμά Ὑπὲρ τῶν ἱερῶς ἡσυχάζόντων. II, cap. 3, p. 56 // Meyendorff, p. 503, 26–505, 4.

³⁰ Meister Eckhart. Predigt 23 // DW I, S. 407, 5–7.

³¹ Idem. Von dem edeln menschen // DW V, S. 116, 21–23.

³² Хоружий С.С. К феноменологии аскезы. М., 1998. – С. 155.

³³ Meister Eckhart. Predigt 10 // DW I, S. 173, 6–7.

³⁴ Idem. Von dem edeln menschen // DW V, S. 116, 29–30.

<p><i>И. Экхарт</i> «От переизбытка свет, находящийся в основании души, изливается в тело, и оно полностью просветляется»³⁵. «Познание шествует впереди. Оно – княгиня. Оно взыскует владычества в высшем и наиболее чистом и передает его душе, душа далее – естеству, а естество – всем телесным чувствам»³⁶. «Благодать изливается даже в самое тело, притом в таком изобилии, что оно в качестве тела подчиняется душе, как воздух свету, без того, чтобы при этом возникло какое-то сопротивление, что и открывается в дарах: прозрачности, бесстрастии, утонченности и подвижности. Тогда жизнь становится совершенной, подчинение же материала окончательным»³⁷.</p>	<p><i>Гр. Палама</i> «Свет видится в свете, и видящее пребывает в подобном же свете... Видящее само целиком становится светом и уподобляется видимому, верней, несмешано объединяется с ним, будучи светом и видя свет посредством света. Взглянет ли на себя, узрит свет, на то ли, что видит, и там также свет, на то ли, через что видит, все тот же свет... Видящий стал светом и видит свет, отличный от всего тварного»³⁸. «Не как мы созерцают рожденные в Боге, оживившиеся, боговдохновенно устремленные к Нему. Чудесным образом они созерцают чувством сверхчувственное, а умом превышающее ум – когда их человеческим способностям усваивается сила Духа, которой они видят то, что нам не по силам»³⁹.</p>
--	---

В этом и состоит *холизм*, способность к участию в экстазе всего человека во всем его психосоматическом составе.

Как видим, персонализм, энергийность, холизм – эти важнейшие критерии исихастского опыта богообщения – в полной мере свойственны и экхартовской мистагогии. В противоположность тому, чему учит С.С. Хоружий, они отнюдь не являются уникальными признаками восточной (и прежде всего афонской) традиции, по которым та отличается от неоплатоновской мистики. Но речь идет, подчеркнем еще раз, о христианском неоплатонизме второй, позднесредневековой, волны.

3. Заключительные замечания

а) Источники

Итак, сходство богословских доктрин И. Экхарта и Гр. Паламы вполне очевидно и, как кажется, может считаться доказанным. Это сходство возникло не в результате непосредственных контактов и эмпирического взаимодействия, но в результате параллельного и синхронного развития двух автономных традиций, общность которых обусловлена укорененностью в позднеантичном неоплатонизме и, которые, имея в виду сказанное выше, можно назвать западной и восточной ветвями христианского неоплатонизма позднего Средневековья. Сходство доктрин И. Экхарта и Гр. Паламы является предметом не компаративистского (в узком смысле), а типологического изучения.

В порядке конкретизации выдвинутого тезиса следует поставить вопрос о паламитской и экхартовской рецепции «Corpus Dionysiacum». Вообще говоря, она достаточно исследована: применительно к Гр. Паламе – А. Голицыным, А. Риго, Ж. Надалем, А. Риттером⁴⁰ и др., в приложении к И. Экхарту – Й. Бахом, В. Прегером, К. Ру, В. Байервальте-сом⁴¹ и пр. И. Экхарт ознакомился с «Corpus Dionysiacum» в годы преподавательской дея-

³⁵ Idem. Predigt 2 // Pf. S. 12, 1–3.

³⁶ Idem. Predigt 3 // DW I, S. 52, 12–53, 1.

³⁷ Idem. Sermo 12 / 2. P. 145 // LW IV, S. 136, 4–7.

³⁸ Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Ὑπὲρ τῶν ἱερῶς ἡσυχάζόντων. II, cap. 3, p. 36 // Meyendorff, p. 459, 23–461, 4.

³⁹ Ibidem. III, cap. 3, p. 10 // Meyendorff, p. 713, 23–27.

⁴⁰ Golitzin A. Dionysius the Areopagite in the Works of Gregory Palamas // St. Vladimir's Theological Quarterly. 2002. № 46 / 2. P. 163–190. Rigo A. Il Corpus Pseudo-Dionisiano negli scritti di Gregorio Palamas (e di Barlaam) del 1336–1341 // Denys l'Aréopagite et sa postérité en Orient et en Occident. Actes du Colloque International Paris, 21–24 septembre 1994 // Éd. par Y. de Andia. P., 1997. P. 519–534. Nadal J. Denys l'Aréopagite dans les traités de Grégoire Akindynos // Ibidem. P. 535–564. Ritter A. Gregor Palamas als Leser des Dionysius Ps.-Areopagita // Ibidem. P. 565–579.

⁴¹ Bach J. Meister Eckhart der Vater der deutschen Speculation. Fr. / M., 1964 (Nachdruck). Preger W. Geschichte der deutschen Mystik im Mittelalter: in 3 Bd. Bd. 1. Aalen, 1962 (Nachdruck). Ruh K. Meister Eckhart. Theo-

тельности в Парижском университете (1293–1294, 1302–1303, 1311–1313). В 1250-х гг. в университетском скриптории был переписан т.н. «Анастасиевский корпус». Составленный из переводов аббата Сент-Дени Хилдуином (ок. 832 г.) и, главным образом, Иоанна Скотта Эриугены (ок. 867 г.), «Корпус» был снабжен глоссами Анастасием Библиотекарем (до 875 г.)⁴². В качестве составной части в глоссы вошли комментарии Иоанна Скифопольского и Максима Исповедника. Учитывая знакомство Экхарта с «Точным изложением» Иоанна Дамаскина, следует констатировать, что большинство «духовных предков» Гр. Паламы – именно так называл Дионисия, Максима, Иоанна архим. Киприан (Керн)⁴³ – были «предками» также И. Экхарта. Нужно прямо сказать: Дионисий Ареопагит – активно, но не самый часто цитируемый автор в сочинениях рейнского Мастера. И, тем не менее, как раз дионисиевская теория «исхождений» стала для немецкого мистика рамочной конструкцией, в пределах которой переосмыслились, сводились воедино разнородные источники его теологии: Авенцеброль, Маймонид, Авиценна, Аверроэс и пр. Выбор Дионисия в этом качестве, вообще, характерен для школы Альберта Великого⁴⁴. О месте Ареопагита в творчестве Экхарта свидетельствует множество латино- и немецкоязычных переводов главного термина «Corpus Dionysiacum» (и по наследству Гр. Паламы) «проободс»: «processus», «productio», «emanatio», «irradiatio»; «ûzganс», «ûzvluз», «ûzbruch», «ûzsmelzen» и т.д.⁴⁵

В отличие от Гр. Паламы, И. Экхарт заглянул «по ту сторону» «Corpus Dionysiacum» – в традицию, простирающуюся от платоновского «Парменида» до сочинений Прокла. Этим доминиканский теолог обязан величайшему переводчику позднего Средневековья и другу Фомы Вильгельму из Мёрбеке (2 половина XIII в.)⁴⁶. Последний перевел на латынь большую часть платоновского «Парменида», прокловского «Комментария на «Парменид»» (до конца 1-ой гипотезы: 142 а)⁴⁷, поздние «Первоосновы теологии» Прокла (в которых практиковалась отработанная в «Пармениде» методика анализа оппозиций: всего 112 пар) и их анонимный конспект «Книгу о причинах» (2 половина XII в.). Экхарту был знаком герметический апокриф 2 половины XII в. «Книга XXIV философов». Известный специалист по неоплатонизму Р. Клибански ставит Экхарта во главу позднесредневекового и ренессансного течения мысли, имевшего своей целью реабилитацию платоновского «Парменида». К этому течению, согласно Клибански, принадлежали Николай Кузанский и Дж. Бруно⁴⁸.

loge. Prediger. Mystiker. München, 1989. Idem. Geschichte der abendländischen Mystik: in 4 Bd. München, 1996. Bd. 3. S. 282–289. Beierwaltes W. Procliana. Spätantikes Denken und seine Spuren. Fr. / M., 2007.

⁴² Последующие переводы «Corpus Dionysiacum» на латынь: Иоанн Сарацин (ок. 1167 г.), Роберт Гроссетест (ок. 1235 г.) и Траверсари (1436 г.). Для немецкояз. региона особую важность имели комментарии Альберта Великого (после 1248 г.), Иоанна Венка из Херренберга (1455). См.: Riedinger R., Hone-mann V. (Pseudo-) Dionysius Areopagita // Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon: in 13 Bd. Brl., N.Y., 1980, Bd. 2. S. 154–166.

⁴³ Архимандрит Киприан (Керн). Духовные предки Святого Григория Паламы (Опыт мистической родословной) // Богословская мысль. Труды православного богословского института в Париже. 1942. Вып. IV. С. 102–131. Экхарт, разумеется, был также знаком с произведениями Иоанна Златоуста / Хризостома. Впрочем, он знал только его толкования на Евангелия от Матфея и Иоанна, проповеди же, по-видимому, не читал.

⁴⁴ Таково классическое толкование творчества Экхарта. В последние годы осуществлялись попытки переустановить рамочную конструкцию экхартовского богословия, заменив влияние Ареопагита в частности влиянием арабских философов. (Flasch K. Meister Eckhart. Die Geburt der «Deutschen Mystik» aus dem Geist der arabischen Philosophie. München, 2006.)

⁴⁵ Meister Eckhart. Expositio Libri Exodi. P. 36: «processus» // LW II, S. 43, 4. Idem. Expositio Libri Sapientiae. P. 283: «[formalis] productio, [formalis] emanatio» // LW II, S. 615, 12–616, 2. Idem. Liber Parabolarum Genesis. P. 150: «irradiatio» // LW I, 620, 9–621, 2. Idem. Predigt 50: «ûzganс» // Pf. S. 167, 14. Idem. Daz buoch der götlichen tröstunge. Kap. 2: «ûzvluз» // DW V, S. 41, 11. Idem. Predigt 7: «ûzbruch» // DW I, S. 121, 5. Idem. Predigt 18: «ûzsmelzen» (Бог источается (ûzsmilzet) и сообщает (gemeinet sich) Себя всякой твари) // DW I, S. 302, 2–3. Ср. однокоренные образования: Daz buoch der götlichen tröstunge. Kap. 1: «îvluз» (вливание) // DW V, S. 12, 20; Kap. 2: «durchvluз» (переливание [через границы]) // DW V, S. 29, 5.

⁴⁶ Реутин М.Ю. Поэтика гипотезы. Традиция платоновского «Парменида» в творчестве Майстера Экхарта // Arbor mundi. М., 2010. № 16. – С. 28–48.

⁴⁷ Parmenides usque ad finem primae hypothesis nec non Procli commentarium, pars ultima adhuc inedita interprete Guillelmo de Moerbeka / Edidit R. Klibansky, C. Labowsky, Londinii, 1953.

⁴⁸ Klibansky R. The Continuity of the Platonic Tradition during the Middle Ages. London, 1939. Idem. The Continuity of the Platonic Tradition during the Middle Ages. Plato's Parmenides in the Middle Ages and the Renaissance. Millwood (New York), London, Nendeln (Liechtenstein), 1982. См. также: Günther H.Ch. Die

Помимо прочих, рассмотренных выше последствий (позиции относительности / безотносительности и под.), знакомство с традицией «Парменида» сформировало главную черту экхартовского богословия: его общий полифонизм. Доктрина Экхарта представляет собой сложное равновесие противоположных, внутренне непротиворечивых предположений (гипотез) о Боге. Только в своей совокупности они – с их частичными правдами – способны выразить главную антиномию мистического опыта: «*totus intus, totus foris*», совершенного присутствия Бога в сотворенном им мире, в котором Бог как таковой совершенно отсутствует. Принципы строения экхартовской доктрины тождественны принципам готической архитектуры: «В обоих случаях окончательные решения были достигнуты благодаря *принятию и, в конечном счете, примирению противоположных тенденций*» (курсив автора. – М.Р.)⁴⁹. Об этом было прекрасно сказано С.С. Аверинцевым: «В готике распоясывается безумство гипотезы»⁵⁰... Собственно говоря, экхартовский полифонизм был открыт уже в диссертации В.Н. Лосского. Э. Жильсон писал в преамбуле к посмертному изданию книги: «Редчайшее достоинство этого длительного исследования заключается именно в отказе от того, чтобы свести экхартовское богословие к систематическому развитию какой-то единственной основной мысли. Но это богословие не толкуется здесь и как своего рода эклектизм, где каждая из таких основных мыслей обрела бы себе место и одна за другой нашла свой черед»⁵¹. По Лосскому, Экхарт озвучивал частичные правды о Боге и мире голосами своих многочисленных персонажей. Но он не разыгрывал «кукольной драмы», зная наперед, больше и лучше, чем его «куклы». Нет, он и сам говорил этими голосами: их переживал, перетолковывал, изживал, отвергал и возводил «к лучшему», коль скоро они не соответствовали его мистическому опыту. Каждое из привлекаемых сочинений представлено в экхартовских трактатах и проповедях в качестве прерывистого «ядерного» текста-резюме. Цитируемые с разной степенью точности сочинения «задают Экхарту значительную часть содержания и определенные языковые и стилистические ходы, которые, будучи осмыслены и обобщены, как бы по инерции переходят за пределы [текста-резюме] и начинают уже работать в оригинальном тексте Мейстера Экхарта, существенно определяя и его “поэтическую” структуру»⁵². Приведенное соображение В.Н. Топорова успешно дополняет теорию экхартовской полифонии В.Н. Лосского. Мысль, которую Лосский разработал на содержательном уровне, Топоров развил на формальном уровне поэтики текста. – Из традиции платоновского «Парменида» вытекают характерные черты поэтики Экхарта. Условная гипотетичность, провокационность его утверждений, в которых закрепляется незавершенное знание, выстраиваемое в ходе «мыслительного эксперимента» (термин В.Н. Топорова) и готовое к переопределению со стороны противоположных, столь же относительных утверждений⁵³. Отсутствие доминирующей точки зрения на изображаемую ре-

Übersetzungen der Elementatio Theologica des Proklos und ihre Bedeutung für den Proklostext. Leiden, Boston, 2007.

⁴⁹ Панофски Э. Готическая архитектура и схоластика // Богословие в культуре средневековья. Киев, 1992. – С. 74.

⁵⁰ Библихин В.В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М., 2004. – С. 319.

⁵¹ Gilson E. Préface // Lossky V.N. Théologie négative et connaissance de Dieu chez Maître Eckhart. P., 1960. – P. 10.

⁵² Топоров В.Н. Мейстер Экхарт-художник и «ареопагитическое» наследие // Символ. Журнал христианской культуры, основанный Славянской библиотекой в Париже. П., М., 2007. № 51. – С. 132–133.

⁵³ Такое качество положительного знания отражено в типично экхартовском термине «братъ» (nemen), см. прим. 43 к статье «Христианский неоплатонизм XIV века. Теория “духовных совершенств” И. Экхарта – теория “энергий” Гр. Паламы». Еще пара примеров: Meister Eckhart. Predigt 23: «Разум души берет Бога (nimet got), поскольку Он – чистое бытие, возвышенное бытие... Они же [учителя] берут благодать (nement sie güete) и полагают ее поверх бытия... И берут Его (nement sie in) снова, поскольку Он – истина» // DW I, S. 400, 1–5. Idem. Predigt 24: «Отрекись от себя самого и всех вещей, от всего, чем являешься сам по себе, и прими себя (nim dich) в соответствии с тем, что ты есть в Боге» // DW I, S. 419, 6–8. Idem. Predigt 52: «Мое сущностное бытие выше Бога, поскольку мы берем Бога (als wir got nemen) как начало творений» // DW II, S. 502, 6–7. Такая речевая фигура Экхарта, по-видимому, как-то связана и является смутным воспоминанием платоновского «а не рассмотреть ли» (ἀρα οὐ σκελτέον), предшествующего переходу к очередной гипотезе. Ср. замечание К. Флаша о гипотетической «если... то» (wenn... dann) – структуре мышления Дитриха Фрайбергского (Flasch K. Dietrich von Freiberg. Philosophie, Theologie, Naturforschung um 1300. Fr. / M., 2007. S. 299–300.)

альность, ибо мнение автора последовательно отождествляется с позициями задействованных персонажей и выражается в них. Представленность чужих голосов (логик, модальностей, интонаций) в авторской речи (т.н. косвенная речь), организованной в Konjunktiv'e, предусматривающем особую парадигму глагольного спряжения для репрезентации сторонних речевых практик... Определенно, М.Л. Гаспаров поспешил с похоронами бахтинской «мениппеи». Если за неудачным термином Бахтина стоит рецепция платоновского диалога в эпоху позднего Средневековья и культивация его поэтических принципов, то богословие Экхарта – это, несомненно, расцвет и буйное цветение «мениппеи».

В противоположность И. Экхарту, чьим излюбленным полемическим ходом было возведение «ad optimum», доводка мнения оппонента до возможно высокого уровня, главным полемическим приемом Гр. Паламы стало низведение «ad absurdum». Творчество Паламы совершенно монологично; в нем нет готовности к переопределению завершенного, закрытого, знания; главенствует монархическая, единственно верная точка зрения автора; голоса оппонентов Варлаама Калабрийского, Акиндина и Никифора Григоры неузнаваемо искажены, не найдя адекватного отражения. Если сбросить со счетов причины психологического, культурно-политического толка, то остается очевидным: глава афонских исихастов опирался на традицию, встроившей автономные, взаимно уравновешенные гипотезы платоновского «Парменида» в тело последовательно и методично развернутого учения.

Однако в культуре восточного христианства И. Экхарта интересовала не только линия Ареопагита и его греческих толкователей, но и традиция практической аскезы. Недаром в проп. 109 (Pf.), 110 (Pf.) он упоминает имена и приводит примеры из житий Антония, Макария, Арсения, Нестора, цитирует слова Исаака о плаче, молитве, используя, в частности, сведения, почерпнутые из «Жизни пустынных отцов» Руфина, из «Жизнеописания отцов» и сочинения «О знаменитых мужах» Иеронима. Осуществляя окормление женских общин, бродячих бегинок и монастырей юга немецкоязычного региона, И. Экхарт во многом опирался на ту древнюю аскетическую традицию, к которой тоже, хотя и в несколько расширенном значении, прилагается название «исихазм» (сам термин «ἰσυχία» возник в IV в.). У Экхарта можно найти рассуждения о сидячей молитвенной позе (проп. 90), роли сердца в физической и духовной жизни человека (проп.14, 71, 81, 82, 99), опрощении, внутреннем единении, хранения ума и отсекания помыслов (проп.5а, 19, 33, 34, 69, 72, 81, 86;. 1 (Pf), 2 (Pf.)⁵⁴. Несмотря на то, что эти рассуждения не обобщены в цельное аскетическое учение, уже их наличие недвусмысленно свидетельствует о восточных симпатиях немецкого мистика.

В этих симпатиях И. Экхарт не был одинок. В его окружении осуществлялся активный перевод классики восточно-христианской мистико-аскетической литературы, прежде всего, творений Исаака и Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника, проповедей Иоанна Златоуста (Экхарту были известны только евангельские толкования последнего). Переводы делались с греческого языка на латынь, далее – на немецкий, голландский. Но особенно широко переводческая деятельность развернулась уже после кончины И. Экхарта, в сер. – 2 пол. XIV в., в окружении мистиков следующего поколения: И. Таулера и Г. Сузо. Сузо, например, всю жизнь почитал египетского аскета IV–V вв. Арсения Великого, которого называл не иначе, как «*summus philosophus Arsenius*»⁵⁵... Труды ранее не известных авторов переводились монахами (доминиканцами и францисканцами), получившими ученые степени в Парижском университете. Совместное чтение вслух во время монастырских коллаций, перемежалось с медитацией, беседой, молитвой, аскетическим упражнением. Если на рубеже XIII – XIV вв. восточно-христианская мистико-аскетическая литература была представлена в произведениях немецких монахов (в том числе у Экхарта) главным образом краткими выдержками: цитатами и пересказами

⁵⁴ О молитвенном опыте Экхарта см.: Löser Fr. *Oratio est cum deo confabulatio. Meister Eckharts Auffassung vom Beten und seine Gebetspraxis // Deutsche Mystik im abendländischen Zusammenhang. Kolloquium Kloster Fischingen 1998. Tübingen, 2000. – S. 283–316.*

⁵⁵ Cp.: Seuse H. *Seuses Leben. I, Kap. 14: «do nam er in siner betrachtunge drie meister... und daz waren die lieben heiligen: unse vater Dominicus, sant Arsenius und sant Bernhart» // Bihlmeyer, S. 38, 6–9. (Seuse H. Deutsche Schriften / Hrsg. von K. Bihlmeyer. Stuttgart, 1907.)*

фрагментов, то несколько десятилетий спустя с нею знакомились уже по полным переводам и сборникам текстов... Впоследствии живой интерес к восточной аскезе перешел от рейнской мистики к «*devotio moderna*». У Геерта Гроде мы найдем множество рассуждений о молитвенной позе и дыхательной технике, сопоставимой с афонской.

б) *Проблемы интерпретации*

Нельзя полагать, что сравнение богословских идей Экхарта и Паламы представляет собой исследование, по существу факультативное и дополняющее изучение тех и других по отдельности. Нет, такое сравнение должно с самого начала придавать особенное качество анализу текстов двух современников. Указание на общее сходство различающихся в частностях явлений размещает эти явления на *новом эпистемологическом фоне*, каковым становится каждое из них друг по отношению к другу. Это касается, прежде всего, экхартовской и паламитской риторики и стилистики (процессы субстантивации), а также вопросов более высокого теоретического уровня. – Если, скажем, многие вопросы теории «энергий» решаются в рамках теории «духовных совершенств» несколько отличным образом, то само наличие альтернативных решений, позволяя взглянуть со стороны на хорошо знакомые построения, существенно углубляет уровень анализа, передвигает его в другой горизонт. – В новой системе сопоставлений подвергается пересмотру то, что не осознавалось проблемой, принималось как данность в закрытой системе того или иного учения. Только в этом случае возможно обновление знания, ревизия устоявшихся представлений, заключающаяся в их переводе из разряда общих мест, аксиом в разряд проблем и требующих обновленного доказательства теорем. Такой подход поможет прорваться за пределы «дурного» понятийного космоса, в сторону которого зачастую имеют склонность видоизменяться гуманитарные дисциплины – особенно же, если их взращивают, оберегая от вторжения извне и переопределения, те или иные авторитеты, созданные ими и поддерживаемые ортодоксией институции.

Это, собственно говоря, и есть практикуемый в предлагаемой работе метод толкования литературно-философских наследий афонского исихаста и рейнского мистика. Внутреннее родство доктрин Гр. Паламы и И. Экхарта, их глубокая укорененность в неоплатоновской традиции позволяют использовать связанные с Паламой разработки русской богословской школы в Париже применительно к творчеству Экхарта. Здесь существует глубокое согласие, изоморфизм метода исследования, воспитанного на восточно-европейском неоплатонизме, в его паламитском изводе, и предмета исследования, учения И. Экхарта, уходящего корнями в неоплатонизм западно-европейский. Лишь такой подход даст возможность состояться самостоятельной российской науке об Экхарте и не позволит ей стать производным от западноевропейского, прежде всего, немецкого экхартоведения. – С другой стороны, этот подход поможет сдвинуть «с мертвой точки» изучение наследия Гр. Паламы. Несмотря на продолжающиеся перевод его сочинений, сбор, описание фактов его биографии, уточнение культурно-исторического контекста его деятельности, интерпретация паламитского учения об энергиях остается в целом и в частности именно такой, какой была предложена полвека назад в монографии о. И. Мейендорфа. Ибо вопрос интерпретации есть не что иное, как вопрос принятия того или другого предустановленного языка описания, способного к самоактуализации по мере привлечения фактов и интегрирующегося в предсказуемые конфигурации выводов... Мы не ставили перед собою цели придти к выводам, отличным от итоговых выводов о. Мейендорфа. Наша, построенная на сопоставлении сильная позиция гораздо амбициозней. Она позволяет разложить и аннигилировать каждый из первичных элементов его (по существу же официально-церковного) языка описания с тем, чтобы выйти из плоскости этого языка и перейти в пространство герменевтики, построенной совсем на других основаниях (см. ниже).

Список литературы

1. Bach J. Meister Eckhart der Vater der deutschen Speculation. Fr. / M., 1964 (Nachdruck). Preger W. Geschichte der deutschen Mystik im Mittelalter: in 3 Bd. Bd. 1. Aalen, 1962 (Nachdruck). Ruh K. Meister Eckhart. Theologe. Prediger. Mystiker. München, 1989. Idem. Geschichte der abendländischen Mystik: in 4 Bd. München, 1996. Bd. 3. S. 282–289.
2. Beierwaltes W. Procliana. Spätantikes Denken und seine Spuren. Fr. / M., 2007.

3. Gilson E. Préface // Lossky V.N. Théologie négative et connaissance de Dieu chez Maître Eckhart. P., 1960. P. 10.
4. Günther H.Ch. Die Übersetzungen der Elementatio Theologica des Proklos und ihre Bedeutung für den Proklostext. Leiden, Boston, 2007.
5. Klibansky R. The Continuity of the Platonic Tradition during the Middle Ages. London, 1939. Idem. The Continuity of the Platonic Tradition during the Middle Ages. Plato's Parmenides in the Middle Ages and the Renaissance. Millwood (New York), London, Nendeln (Liechtenstein), 1982.
6. Meister Eckhart. Daz buoch der götlichen tröstunge. Kap. 1 // DW V, S. 9, 4–20. (Meister Eckhart. Die deutschen Werke: in 5 Bd. / Hrsg. von J. Quint u.a. Stuttgart, 1936–2003.)
7. Meister Eckhart. Expositio Libri Exodi. P. 36: «processus» // LW II, S. 43, 4. Idem. Expositio Libri Sapientiae. P. 283: «[formalis] productio, [formalis] emanatio» // LW II, S. 615, 12–616, 2. Idem. Liber Paraboliarum Genesis. P. 150: «irradiatio» // LW I, 620, 9–621, 2. Idem. Predigt 50: «ûzganc» // Pf. S. 167, 14. Idem. Daz buoch der götlichen tröstunge. Kap. 2: «ûzvluz» // DW V, S. 41, 11. Idem. Predigt 7: «ûzbruch» // DW I, S. 121, 5. Idem. Predigt 18: «ûzsmelzen» (Бог исходит (ûzsmilzet) и сообщает (gemeinet sich) Себя всякой твари) // DW I, S. 302, 2–3. Ср. однокоренные образования: Daz buoch der götlichen tröstunge. Kap. 1: «înluz» (вливание) // DW V, S. 12, 20; Kap. 2: «durchvluz» (переливание [через границы]) // DW V, S. 29, 5.
8. Meister Eckhart. Expositio sancti Evangelii secundum Iohannem. P. 14–22 // LW III, S. 13, 4–19, 2.
9. Meister Eckhart. Expositio sancti Evangelii secundum Iohannem. P. 14 // LW III, S. 13, 4–5.
10. Rabbi Mosis Majemonidis Liber Doctor perplexorum. III, cap. 52 // Buxtorf, p. 523–524. (Rabbi Mosis Majemonidis Liber Doctor perplexorum. In linguam Latinam conversus à J. Buxtorfio. Basileae, 1629.) Цитируется в: Meister Eckhart. Expositio Libri Exodi. P. 277 // LW II, S. 223, 7–11.
11. Théry G. Le commentaire de maître Eckhart sur le livre de la sagesse // Archives d' Histoire Doctrinale et Littéraire du Moyen Age. 1928. Vol. 3. P. 364–382.
12. Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Περί θεῶν ἐνεργειῶν καὶ τῆς κατ' αὐτὰς μεθέξεως. Cap. 37 // Χρήστου, Τ. II, p. 122–123.
13. Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Ὑπὲρ τῶν ἱερῶς ἡσυχάζοντων. II, cap. 3, p. 31 // Meyendorff, p. 449, 15–19.
14. Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Ὑπὲρ τῶν ἱερῶς ἡσυχάζοντων. III, cap. 2, p. 20 // Meyendorff, p. 679, 1–9. (Grégoire Palamas. Défense des saints hésychastes / Ed. J. Meyendorff. Louvain, 1959. Цитация по: Св. Григорий Палама. Триады в защиту священнобезмолствующих / Пер., сопр. ст. и коммент. В. Вениаминова. М., 1995. С. 322.)
15. Архимандрит Киприан (Керн). Духовные предки Святого Григория Паламы (Опыт мистической родословной) // Богословская мысль. Труды православного богословского института в Париже. 1942. Вып. IV. С. 102–131.
16. Библихин В.В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М., 2004.
17. Острогорский Г.А. Афонские исихасты и их противники. К истории поздневизантийской культуры // Записки русского научного института в Белграде. Белград, 1931. Вып. 5. – С. 369.
18. Панофски Э. Готическая архитектура и схоластика // Богословие в культуре средневековья. Киев, 1992.
19. Реутин М.Ю. Образ человека в творчестве Иоанна Экхарта. Теория экстаза // Россия XXI. М., 2010. Вып. 3. С. 146–167.
20. Реутин М.Ю. Поэтика гипотезы. Традиция платоновского «Парменида» в творчестве Майстера Экхарта // Arbor mundi. М., 2010. № 16. – С. 28–48.
21. Топоров В.Н. Мейстер Экхарт-художник и «ареопагитическое» наследие // Символ. Журнал христианской культуры, основанный Славянской библиотекой в Париже. П., М., 2007. № 51. – С. 132–133.

CHRISTIAN NEOPLATONISM OF THE XIVTH CENTURY. THE ANTHROPOLOGY AND THE THEORIES OF THE ECSTASY OF J. ECKHART AND G. PALAMAS. ARTICLE 3

M.Y. REUTIN

*Institute of high humanita-
rian studies
Russian State Humanita-
rian University*

e-mail: mreutin@mail.ru

This article introduces to the theological theory of ecstasy of the great German and Byzantine mystics J. Eckhart and G. Palamas. It is divided into two chapters. The first of them is an overview of several fundamental positions of the mystical anthropology developed by J. Eckhart and G. Palamas in the Latin and Greek treatises. The second chapter is a description of their mystical experiences, that have in the author's view a lot of common traits. The text completes the series of the articles of M. Reutin published in the last issues of the magazine "Russia XXI".

Key words: Christian neoplatonism, emanationism, the theory of ecstasy, criteria of mystical experience.

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 17.022.1

ЭТИКА КАК НЕ ШКОЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

В.В. ВАРАВА*Воронежский
государственный
университет**e-mail:
vladimir_varava@list.ru*

В статье рассматриваются возможности этики оказать позитивное влияние на современное общество, образование и культуру. Для этого необходимо осознать тождество этики и философии и определить бытийный статус самой философии, которая в контексте современной культуры теряет свою фундаментальность. Этика как практическая философия ассоциируется с философствованием как живым экзистенциальным актом, нежели с философией как системой историко-философских знаний, имеющих гносеологическое, а не нравственное значение. В этом контексте проблематизируется вопрос о статусе прикладной этики, которая утрачивает корневую связь и с философией и, тем более, с философствованием.

Ключевые слова: этика, философия, философствование, прикладная этика, образование, философия образования, культура, бытие.

Судьба бытия, или более приземленно – историческая судьба человечества – вольно или невольно связана с философией, в которой единственно происходило и происходит осмысление и оценивание вообще *того, что есть* с точки зрения *абсолютного*. Как бы ни понимать само абсолютное и какой бы скептической ревизии не подвергать его самосущую онтологию, иного пути нет – философия остается единственным способом бытийной легитимизации существования; исторического, культурного и социального существования в том числе.

Современная ситуация такова, что в эпицентр философии помещена этика. И несмотря на то, что этический дискурс именно сегодня отеснен на периферию общественного дискурса, именно этика играет сегодня решающую роль в судьбах общества и культуры. Действительно, последние десятилетия философской жизни отмечены быстрой сменой различных парадигм и характеризуются такими «трендами» как «деидеологизация», «дискредитация онтологизма», деконструкция логоцентризма, завершение нон-классики в искусстве, «смена этоса на эстетизм», в конечном счете, переход от фундаментальной этике к прикладной и профессиональной, в том числе и к «этике организаций» и т. д. Не случайно, что в центре этих изменений находится этика, поскольку именно последняя является «генератором ценностей», наиболее радикально определяющим ситуацию в любой области жизни и культуры. Этика дает «аксиологическую санкцию» на создание какой-либо теории, направления, движения, образа мысли и поведения; апелляция к этике как к высшей инстанции часто является последней и предельной апелляцией, когда все иные аргументы и мотивы исчерпаны.

Однако сегодня возникает вопрос о *должном образе самой этики*, поскольку само «должное» оказывается под сомнением. Какой должна быть та философская дисциплина, которая занимается должным? Этот вопрос далеко не случаен; он возникает, исходя из анализа современной нравственной ситуации в таких сферах жизни как общество, культура и образование, которые более всего поражены «нравственным недугом». Методология нравственной аналитики общества, безусловно, опирается на научные данные социологического анализа, стабильно показывающих угнетающие результаты в последние десятилетия; в то же время, эта методология принципиально ненаучна, здесь важно духовное и социальное самочувствие, основанное на непосредственном наблюдении и критической рефлексии полученных данных и ощущений.

Избегая традиционного морализаторства, необходимо сказать, что «здоровое общество» – это, скорее всего, социальная утопия, однако степень нравственной патологии современно российского общества выходит за всякие «нормальные» рамки. Состояние современного общества можно охарактеризовать в терминах «социальной аномии» (Э. Дюркгейм, Р. Мертон); ситуация в культуре характеризуется тотальным обесцениванием ценностей; в образовании господствует прикладная доминанта, связанная с утратой духовного смысла образования. К таким выводам можно прийти с одной стороны из непосредственного наблюдения за ситуацией, участниками которой мы являемся, с другой, из анализа существующей литературы двух последних десятилетий, в которой самой частотной и популярной темой является тема «кризиса».

В этой ситуации закономерно взоры общества обращаются в сторону этики, актуализируя такие вопросы: «Какова роль этики сегодня, может ли этика как вузовская дисциплина оказать оздоравливающее влияние в целом на ситуацию в обществе?» Иными словами, есть ли у современной этики социальная миссия, и если есть, то как ее реализовать?

Для более полного понимания социальной миссии этики необходимо осмыслить этику как философскую дисциплину, заново обретая утраченное понимание *изначального тождества этики и философии*. Это осмысление приходится производить вновь, поскольку время от времени жизнь и культура впадают в состояние «забвения бытия» и «утраты идеалов», которое требует переосмысления фундаментальных основ существования. Это переосмысление и ложится в основном на плечи этики, поскольку в арсенале ее «аксиологического инструментария» такие понятия как «сущее», «должное», «добро», «зло», «совесть», «ответственность» и т. д. Но это не главное и определяющее. Важно понимать, что есть существенное различие между тем, что понимается под этикой в аристотелевской системе философского знания (этика как «школьная философия») и между тем, что такое этика как практическая философия в смысле тождества мысли, бытия и поступка (этика как «не школьная философия»). Наша задача привлечь внимание к этому различию, которое очень часто просто-напросто ускользает от взоров как исследователей, так и преподавателей этики.

Это различие имеет принципиально важное значение, поскольку «школьная» или «категориальная» этика работает в системе теоретического знания, которое может и не иметь непосредственного выхода в жизнь. Практическая философия, или в нашей терминологии «не школьная этика», реализует совершенно иную программу – программу поступка как бытийного акта, рожденного в недрах философского восприятия мира. Особенность современной ситуации еще и в том, что статус этики как практической философии актуализирует *вопрос о самой философии*; во-первых, о философии как философии, и, во-вторых, о «функциях» философии в современном социально-культурном и социально-образовательном контексте. Иными словами, заговорив об этике, мы неизбежно выходим на философию, естественно сталкиваясь с проблемами и здесь.

Актуализация вопроса о собственном *бытийном статусе философии* вызвана тем, что последняя в очередной раз теряет свою органичность и уникальность, растворяясь в несвойственных философии практиках (научной, религиозной, культурной, политической и т. д.). Это во многом типичная для философии ситуация, когда происходит «падение мышления в науку и в веру», что есть, по слову М. Хайдеггера, «злая судьба бытия»¹. Но таков принцип *культурной*, а не *философской* организации бытия. Культура требует рациональных форм, вот почему она не приемлет непонятное бытие, рожденное в лоне

¹ Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. – М., 1991. – С. 52.

чистой философии, и требует замены его понятными, то есть понятийными образами, созданными в науке и религии.

Сегодня же философия, потеряв в очередной раз свой бытийный статус, по-новому занимается обслуживанием нужд культуры, становясь исключительно прикладной «наукой». Произошло сущностное понижение онтологического статуса философии; философия воспринимается (если вообще воспринимается) лишь в качестве средства и инструмента; само же философское вопрошание исчезает из духовного горизонта современного человека. Оно не исчезает вообще как «метафизическая потребность» отдельного человека, который неизбежно сталкивается с философией вне всяких социальных детерминант. Но философское вопрошание перестает быть ценностью на уровне духовных приоритетов культуры. Это видно по всему. Отсюда и возникает ощущение «умирания философии», сопровождаемое апатией и разочарованием в философии, в убежденности в тщетности всех ее «прекрасных взлетов мысли», которые, по словам П. Слотердайка стали всего лишь «словесами для юнцов, для профанов, для клерикалов да социологов»².

В этой ситуации приходится заново определять бытие философии, ее «дисциплинарный статус», отличный от статуса других наук, в том числе и от гуманитарных. Это нужно, прежде тем, кто понимает, что такое философия и какова опасность превращения философии в нефилософию. Но опосредованно это нужно всем. Иными словами, философский императив времени требует определить отличия философии от науки, религии, искусства в контексте современности. Это вызывает к постановке вопроса об онтологической легитимности «научной» и «религиозной» философии. «Чистый» этос философии укоренен в бытии, чем и определяется глубинное тождество этики и философии. Осознание бытийной сущности философии позволит ей выполнить свою социальную, духовную и нравственную миссию в современном мире. Но для этого должно нечто созреть в живых пластах культуры, чутких еще к бытийной проблематике. Принуждением к философии решить ничего нельзя, как впрочем, принуждением в любой сфере. Но привлечь внимание, заставить задуматься можно. Этим как раз и должно заниматься образование, поставив философию в эпицентр своих стратегий.

Определение бытийного и дисциплинарного статуса философии вопрос из разряда «неподъемных». Но, как нам представляется, ситуацию можно прояснить, если учесть следующую дифференциацию. В европейской философской культуре, включая и отечественную философскую традицию, сложилось два понимания философии. Их, конечно же, намного больше, но для нас важны следующие два. Первое – это восприятие философии как *феномена культуры*, второе – как *феномена бытия*. Иными словами, есть профессиональная философия, связанная с академической традицией и есть вольная философия, не связанная ни с какими социальными институтами, а являющаяся лишь выражением личного метафизического настроения человека, его философского вдохновения.

Первый подход («культурологический») наиболее распространен среди философов-профессионалов, представителей научной академической философии, полагающих философию исключительно феноменом греческой культуры (С.С. Аверинцев, А.Ф. Losev). Второй подход («онтологический») видит в философии не столько порождение греческого гения, хотя и не исключает этого полностью, но в большей мере сосредоточен на философствовании как универсальном свойстве человеческого бытия как такового (М. Хайдеггер, К. Ясперс).

Согласно первому подходу рождение философии происходит из не-философии, которое является рождением философского языка из житейского, перерождением «слова в термин». Об этом как раз много и убедительно говорит С.С. Аверинцев с своих работах, посвященных сравнительному анализу ближневосточной словесности и греческой литературы. Философию он однозначно связывает с греческой рациональной культурой, в то время как философствование со словесностью. Согласно второму подходу человек есть *homo philosophicum*, но не в антропологическом, а в онтологическом смысле. Здесь речь не идет о «рождении философского термина из стихии жизни»; здесь речь идет о человеческом существовании и его смысле, который можно осознать только изнутри философского опыта, который и есть опыт бытийного присутствия человека. Современный исследователь А.А. Ермичев, пристально наблюдая за состоянием философской культуры в

² Слотердайк П. Критика циничного разума. – М., 2009. – С. 6.

России, отмечает, что «в реальной жизни профессиональная философия не отменяет мировоззренческих проблем и не отменяет желания людей разобраться в них и, следовательно, философствовать»³. В контексте отечественной философской традиции столкновение профессиональной и вольной (иногда называемой «кружковой») философии ощущается наиболее сильно, что в целом, подтверждает правоту нашего разделения философии на два таких типа.

В чем преимущество философствования для этики? Философствование как бытийный феномен, в отличие от научной философии, ставит единственный в своем роде вопрос о смысле чистого человеческого бытия, человеческого бытия как такового. Ни религиозное откровение, ни научное познание, ни художественное творчество не могут раскрыть человеку смысл его присутствия, поскольку само присутствие является вторичным и производным в этих актах. Поэтому философия сохраняет присутствие этики, которая, как показал А. Шопенгауэр, утрачивается, когда человеческое происхождение полагается не принадлежащим ему. Он пишет, что «только в том случае, если сущность человека есть его собственная *воля*, и он таким образом в самом строгом смысле – свое собственное создание, его деяния всецело принадлежат ему и могут быть ему вменены. Если же его происхождение носит иной характер, и он – создание отличного от него существа, то вся его вина падает на это происхождение или на этого создателя»⁴. Таким вот образом этический аргумент обосновывает идею о том, почему только в философии человеческое бытие предстает как бытие в своем первоначальном виде.

Такое бытие вызывает непсихологическую реакцию, которую философская традиция именует «удивлением». И это не работа с абстрактными терминами и понятиями, это изначальная стихия неведомого, в которой только и возможно обнаружить и осознать подлинность своего бытия. Наверное, не случайно глубинное задание философии и заключалось в отыскании подлинного смысла бытия, который был бы тождественен самому бытию. И поэтому философия, в этом плане, есть не интеллектуальные упражнения, не логические задачи, не теоретические конструкты, и не знание философских теорий, а нечто гораздо большее. В философии человек соприкасается с истиной самого бытия, что имеет глубинное нравственное значение. Можно воспользоваться здесь удачным выражением В.В. Библихина – «стихия благочестия»⁵, которое он использует при характеристике неоплатонизма и которое можно применить вообще к философствованию как таковому, поскольку здесь и происходит *таинство единения мысли и бытия*, требующее смиренного и благоговейного настроения. В этом смысле философия по определению этическая, а этика философична.

В контексте образовательной проблематики необходимо сказать следующее. Этика как «школьная философия», как академическая дисциплина относится к первому типу философии, то есть к философии научной. Этика как «практическая философия» есть философствование, которое затрагивает нравственно-бытийные основы человека и в таком виде, конечно, не может быть вузовской дисциплиной. В качестве академической дисциплины этика может претендовать на *знание этики*, то есть на знание истории и теории этических учений; в качестве практической философии этика претендует на *знание жизни* во всех ее глубинно-экзистенциальных измерениях, которое не поддается никакой рационализации. Не случайно, как отмечает Жан Бофре, «один из часто высказываемых в адрес Хайдеггера упреков как раз и состоит в том, что его мышление неспособно обосновать этику, то есть привести к твердому различию добра и зла, и ограничивается призывом к «решимости», для которой все возможности равноценны»⁶.

В той ситуации возникают следующие вопросы: можно ли такую этику преподавать, то есть преподавать этику, которую невозможно обосновать? Это равнозначно вопросу: можно ли научить человека жить? Можно ли к тому же в контексте современной «идеологии деидеологизации» заниматься «философским проповедованием»? Дело в том, что

³ Ермичев А.А. Литературный журнал и философский процесс в России // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. № 4. Том 2. – СПб., 2010. – С. 236.

⁴ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т II., – М., 1993. – С. 580.

⁵ Библихин В.В. Язык философии. – СПб., 2007. – С. 267.

⁶ Бофре Ж. Диалог с Хайдеггером. В 4-х книгах. Кн. 2. Новоевропейская философия. – СПб., 2007. – С. 303.

ценностной релятивизм современной жизни настолько укоренен в сознании молодого человека, что он может воспринять живое философствование в образовательном процессе не как необходимое для полноценного формирования его личности развитие критического и самостоятельного мышления, а как вторжение в личное мировоззренческое «private», поскольку студент приходит уже со сформировавшимся мировоззрением и определенной системой ценностей.

Совершенно очевидно, что этика в рамках академической традиции не может выполнить свою миссию философствования, а значит, не окажет реального преобразующего влияния на сознание. Это значит, что будет расти ощущение апатии и разочарования, а общество, образование и культура будут деградировать. Образуется порочный круг: философская этика не может добраться, достучаться до умов и сердец людей, поскольку современное общество этически, эстетически и метафизически не взыскательно и в нем нет потребности в философии. Эту потребность может развить только философия, в которой нет потребности. Отсутствие потребности в философии является в то же время диагнозом общества. Мы живем исключительно в нефилософское время. Такой можно сделать вывод, исходя из анализа педагогического процесса в том числе.

Здесь необходимо также сказать о современных прикладных движениях в этике, которые в принципе не способны улучшить ситуацию. Конечно, можно сказать, что развитие прикладной этики в ситуации нравственной патологии общества, а также отсутствия интереса к философии, является весьма позитивным явлением. Однако, необходимо все же сделать некоторые принципиальные пояснения.

Прикладная этика, так или иначе, имеет дело с профессиональной деятельностью человека, регламентируя определенный регламент поведения, исходя из этоса профессии, прежде всего. Но, можно сказать, что *человек в профессии не весь*; и как бы ни было глубоко отождествление жизни и профессии, все же за бортом профессии остаются многие существенные, если не главные моменты жизни. Еще нужно обосновать тождество жизни и профессии, в котором всегда остро стоит вопрос о совпадении или несовпадении профессии и призвания. Во всяком случае, профессия вторична в бытийном смысле, вот почему для целостности человеческого бытия важность имеет не паллиативная прикладная этика, а философская этика, которая выводит в абсолютный контекст жизненной ситуации безотносительно к профессии. С точки зрения философской этики, профессия и профессиональная этика – это частный случай бытийной и экзистенциальной ситуации человека. Поэтому положения прикладной этики всегда детерминированы более общими метафизическими принципами философской этики, которая помогает человеку осознать свое бытийное, непременно драматическое положение. И в этом что ни на есть практический характер этики – раскрыть драматический характер человеческого бытия как человеческого.

Прикладная этика вообще не рассматривает бытийную драму человека в качестве исходного момента в структурировании правильного поведения, то есть «этического кодекса». Более того, в прикладной этике отсутствует то, что можно назвать глубинной нравственной аналитикой, выводящей на такие феномены как трагизм бытия, нравственный антиномизм, парадоксальность человеческой ситуации и т. д. Человек здесь берется в некоем стандартизированном «этически стерильном» виде, «готовым для употребления» в той или иной профессиональной деятельности. Возникающие нравственные коллизии («этические дилеммы») решаются с помощью регламентирующих положений этического кодекса; в обратном случае следует обращение к психологу. Этический кодекс профессиональной этики имеет «экзистенциальный барьер», за которым следует профнепригодность.

Наличие практики создания этических кодексов, которая является главным атрибутом прикладной этики, говорит о том, что с точки зрения этого вида этики человеческое поведение можно рационализировать, калькулировать, систематизировать, кодифицировать, институализировать. Это значит, что априорная установка прикладной этики такова, что в поле ее зрения вообще не попадает экзистенциальная ситуация человека. В этом случае мы должны либо поставить под сомнение метафизические идеи философии о человеке, либо поставить под сомнение прикладную этику, которая создает неполноценный образ человека и соответственно определенную норму поведения.

Проблема с прикладной этикой не в том, что ее нужно потеснить какими-то абстрактными теоретическими этиками, а в том, что прикладная этика вытесняет философскую, представляя ситуацию таким образом, что философские проблемы личности – это

абстракция и архаика. Задача в этой ситуации заключается в том, чтобы вернуть фундаментальность этической рефлексии в контексте доминирующего этико-прикладного дискурса. Потому что явно фундаментальность элиминирована из прикладной этики. Однако, именно такая задача в современных условиях является утопичной, поскольку люди профессионально занимающиеся прикладной этикой имеют априорную антиметафизическую установку, что делает сообщение между двумя видами этики – фундаментальной и прикладной, неосуществимым.

Можно в качестве мер некоторого совершенствования предложить такое методологическое разграничение: традиционный курс этики делить не на историю и теорию этических учений, а на научную, религиозную и философскую этику. Особенность философской этики в том, что она предполагает хотя бы минимум личного философского участия (философствования) обучающегося. Когда случается чудо философствования, тогда можно с полной уверенностью говорить о человечности философии и философичности человека. В этом случае этика, не теряя своего практически-прикладного характера, обретает характер фундаментального философствования, в котором человек осознает свои сущностные запросы.

Однозначных методических рекомендаций по поводу живого философствования, конечно, не может быть. Философия, как и поэзия, случается, важно искать ту среду, в которой философия может случиться. Это может быть неакадемический семинар, на котором можно создать ситуацию «философского эроса».

В целом стратегической задачей современного образования должно стать *пробуждение интереса к философии*. Это этический императив: философия образования должна заняться философией. Такова парадоксальная ситуация, поскольку нынешняя «философия образования» совершенно не имеет ничего от философии как таковой. Более того, философия образования прилагает все усилия, чтобы выдавить философию окончательно из образования, жизни и культуры. Философия неудобна, она заставляет самостоятельно мыслить, пробуждая критическую рефлексию. Видимо, такие качества не очень приветствуются сегодня, по крайней мере теми, у кого в руках бразды правления государством и образованием.

Здесь не исключен, столь нелюбимый постмодернистами *пафос*. Необходим прорыв к философии, которая сама оказывает преображающее (духовно-нравственное) воздействие в том случае если она принимается человеком в расчет серьезно и ответственно. Философствование становится этически ответственным поступком, поскольку в нем осмысливаются наиболее важные и предельные вопросы человеческого существования. Такова, на наш взгляд особенность этики как не школьной философии. И только в качестве не школьной философии, мы полагаем, этика может оказать реальное положительное влияние на общество и культуру, пробудив нравственные энергии подлинного философского вопрошания.

Список литературы

1. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991.
2. Слотердаик П. Критика циничного разума. М., 2009.
3. Ермичев А.А. Литературный журнал и философский процесс в России // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. № 4. Том 2. СПб., 2010.
4. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т II., М., 1993.
5. Бибихин В.В. Язык философии. СПб., 2007.
6. Бофре Ж. Диалог с Хайдеггером. В 4 кн. Кн. 2. Новоевропейская философия. СПб., 2007.

ETHICS AS A NO SCHOOL PHILOSOPHY

The article discusses the possibility of ethics to have a positive impact on modern society, education and culture. One must understand the identity of philosophy and ethics, and determine the status of the existential philosophy, which in the context of contemporary culture is losing its fundamental character. Ethics as practical philosophy associated with the existential philosophizing as a living instrument, rather than with philosophy as a system of historical and philosophical knowledge with epistemological rather than moral significance. In this context problematizes the status of applied ethics, which loses its connection with the root of philosophy and, especially, to philosophizing.

Key words: ethics, philosophy, philosophizing, applied ethics, education, philosophy of education, culture, being.

V. VARAVA

Voronezh State University

e-mail:
vladimir_varava@list.ru

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 316.74

ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Г.А. ЕЛЬНИКОВА*Белгородский университет
кооперации, экономики
и права**e-mail:
elnikova.galina@gmail.com*

В статье дается характеристика современной российской социокультурной реальности и анализируется гендерная система российского общества. Рассматривается проявление гендерной асимметрии во основных сферах общества.

Ключевые слова: гендерная система, гендерная асимметрия, социокультурная реальность, гендерные стереотипы, гендерная композиция.

Современная российская социокультурная реальность характеризуется рядом специфических черт, имеющих существенные отличия от социокультурной ситуации начала 2000-х годов. Её краткое описание включает в себя: значительное укрепление президентской вертикали власти; возрождение идей патернализма; ограничение деятельности некоторых институтов демократии, появившихся в 90-е годы; повышение материального благосостояния народа; усиление социального расслоения общества; перманентное реформирование практически всех сфер жизнедеятельности общества (от образования, пенсионной системы и милиции/полиции до определения праздничных дней).

Трансформация социокультурной реальности значительным образом влияет и на гендерную систему общества, рассматриваемую как определенного типа социокультурную целостность, структуратором которой выступает гендер и которая включает в себя социальные институты, социальное разделение труда, социальное поведение, социальные взаимодействия, социальную регуляцию сексуального поведения. В гендерной системе, являющейся составной частью всей системы общества, непременно отражаются все изменения, происходящие в социуме в целом, или какой-либо его части. Неизменным остается только сам принцип структурирования гендерной системы – принцип иерархии. Этот принцип порождает такое явление, присущее всем современным обществам, как гендерная асимметрия, под которой понимается непропорциональная представленность социальных и культурных ролей обоих полов (а также представлений о них) в различных сферах жизни¹. Гендерная асимметрия, представляя собой в каждый отдельный момент определенную конфигурацию, трансформируется под воздействием конкретно исторической социокультурной реальности.

Для исследования гендерной асимметрии в российской социокультурной реальности нами проведен анализ положения двух мегагрупп социума (женщин и мужчин) по

¹ Словарь гендерных терминов // <http://www.owl.ru/gender/o16.htm>

критериям, которые служат главными основаниями стратификации общества: отношение к власти, материальное положение и образование.

Но прежде, на наш взгляд, следует рассмотреть изменения, которые произошли в самом отношении официальной власти к решению вопроса о смягчении гендерной асимметрии и о преодолении гендерного неравенства; вопроса, достаточно популярного в середине 1990-х – начале 2000-х годов.

С 90-х годов XX в. Россия является участницей международных договоров, направленных на ликвидацию различных форм дискриминации, в том числе и по признаку пола. К таким договорам, прежде всего, относятся Конвенции Международной Организации Труда о равном вознаграждении мужчин и женщин за равный труд (1951 г.) и о равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин; трудящихся с семейными обязанностями (1981 г.); Конвенции ООН «О политических правах женщин» (1952 г.) и «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» (1979 г.); ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования (1960); Международные пакты «Об экономических, социальных и культурных правах» (1966 г.), «О гражданских и политических правах» (1966 г.). Россия придерживается также решений Всемирных женских конференций в Мехико (1974 г.), Копенгагене (1980 г.), Найроби (1985 г.), Декларации об искоренении насилия в отношении женщин (1993 г.) и Пекинской Декларации и Платформы действий (1995 г.).

Гендерная политика государства была определена в Конституции Российской Федерации 1993 года и создавалась с учетом вышеназванных международных договоров. В Конституции 1993 года провозглашается принцип строгого равенства между мужчинами и женщинами как в обладании гражданскими правами и свободами, так и в их реализации. В статье 19, пункт 3 Конституции РФ записано: «Мужчины и женщины имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации». Статья 37, часть 3 гарантирует мужчинам и женщинам право на равное вознаграждение за равный труд. Эти статьи дополняет статья 7, где объявляется о необходимости «государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства», а также статья 38, в которой говорится, что «забота о детях и их воспитании – равное право и обязанность родителей». Конституция Российской Федерации, таким образом, не содержит дискриминационных положений и нацелена на реализацию идею гендерной симметрии².

По рекомендации IV Всемирной конференции по положению женщин в Пекине 1995 года постановлением Правительства Российской Федерации от 8 января 1996 г. была утверждена Концепция улучшения положения женщин в стране. В дополнение к ней по инициативе Комитета по делам женщин, семьи и молодежи Государственной Думы была разработана специальная Концепция законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин. Она предполагала активизацию деятельности органов государственной власти, в компетенции которых находятся вопросы равных прав и равных возможностей мужчин и женщин. В ней также определялись различные механизмы формирования и распределения ресурсов, способствующих соблюдению равных прав мужчин и женщин; деятельность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации; судебный и административный механизм защиты прав граждан в случаях нарушений их по признаку пола. В 1996 году был принят «Национальный план действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 г.», в котором перечислялись мероприятия, по мнению разработчиков призванные улучшить положение женщин и повысить их статус в обществе, и ответственные за их выполнение. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июня 2001 г. № 855-р был утвержден новый «Национальный план действий по улучшению положения женщин в Российской Федерации и повышению их роли в обществе на 2001-2005 годы». Он включал в себя: методическое и информационное обеспечение реализации мер, направленных на улучшение положения женщин; улучшение положения женщин на рынке труда, его условий и оплаты; охрана здоровья женщин; развитие системы социального обслуживания женщин и оказание помощи женщинам, пострадав-

² Завадская Л.Н. Гендерная экспертиза Конституции России и практики ее применения (1917-2000) // Гендерная реконструкция политических систем /Ред.-сост. Н.М. Степанова и Е.В. Кочкина. СПб., 2004. – С. 444.

шим от насилия; укрепление семейных отношений. Несмотря на важность цели, провозглашенной в Национальном плане действий, он также как и предыдущий, носил общий характер, имел абстрактные формулировки, и на его реализацию по-прежнему не было выделено необходимых средств.

Для исполнения Национального плана действий на местах принимались свои комплексные программы. В Белгородской области постановлением губернатора в декабре 2003 года также была утверждена Областная комплексная целевая программа «Женщины Белгородчины» на 2004-2006 годы. Целевые программы, принятые на местах, повторяли как положительные, так, к сожалению, и негативные стороны Национального плана: абстрактность формулировок, малочисленность средств, выделяемых на их реализацию, неясное представление о понятии «гендерного равенства» и акцент на традиционные гендерные стереотипы. К сожалению, по окончании действия Национального плана и региональных программ какого-либо объективного обсуждения их выполнения не было.

В январе 2003 года Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций подготовил законопроект «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в РФ», внесенный депутатом Е. Лаховой на рассмотрение Государственной Думы. В законопроекте предлагалось в государственную политику по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин включить следующие основные направления: формирование правовой базы обеспечения равноправия полов, совершенствование и развитие законодательства в этой сфере; проведение гендерной экспертизы нормативных правовых актов, принимаемых органами государственной власти; принятие и реализация специальных программ, целью которых является устранение дискриминации по мотивам пола; включение в общегосударственные программы, направленные на реализацию конституционных прав и свобод граждан, а также в программы по развитию социальной сферы мер, обеспечивающих равноправие полов; воспитание и пропаганда культуры равноправия мужчин и женщин; защита общества от информации, направленной на дискриминацию граждан по мотивам пола, а также насаждающей насилие, жестокость, порнографию, наркоманию, алкоголизм и т.п.; выполнение общепризнанных принципов и норм международного права, а также международных обязательств Российской Федерации. Но законопроект прошел только первое чтение в Государственной Думе третьего созыва и был «благополучно» забыт Государственными Думами следующих созывов.

В 1990-2000-е годы регулярно представлялись периодические доклады о выполнении в Российской Федерации Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Последние шестой и седьмой доклады были представлены одновременно в 2010 году (после пятого доклада, представленного в 2002 году) на 46-й сессии ООН. В Заключительных замечаниях Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин было, в первую очередь, отмечено, что радикальных позитивных изменений в положении российских женщин не наблюдается, но в то же время внимание государства к этим проблемам заметно ослабло³.

С начала 2000-х годов с усилением президентской власти в России возрождаются идеи патернализма. Во многом это связано с маскулинизацией политической власти при президентстве В.В. Путина. Как справедливо отмечает Т.Б. Рябова, в оценке политиков и политической власти применяются гендерные стереотипы. В проведенных ею исследованиях, большинство респондентов, отмечая необходимые для политика качества, определяли их как качества мужские. «Андроцентризм политического дискурса проявляется в том, что маскулинное оценивается более позитивно, чем фемининное. Это обуславливает определение власти как мужского; обоснование притязаний на власть предполагает демонстрацию собственной маскулинности»⁴. В этой ситуации оценка В.В. Путина как «настоящего мужчину» позволяла и позволяет ему олицетворять «сильную власть». Как отмечают некоторые российские политологи, В.В. Путин пытается донести

³ Заключительные замечания Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин <http://gender.ru/pages/resources/publications/common/2010/101112>

⁴ Рябова Т.Б. Гендерные стереотипы в политической сфере российского современного общества: социологический анализ. Автореферат на соискание учен. степени докт. социол. наук. Нижний Новгород, 2009. – С. 33.

до сограждан: он был и есть самый важный, самый главный человек в стране. Он глава государства, он обо всех заботится и за всех отвечает⁵. Маскулинность сильной власти, в свою очередь, приводит к созданию имиджа «отца народа», что и наблюдается в последнее время. Имидж «отца народа» и идеи патернализма, подтвержденные вмешательством государства во все сферы жизнедеятельности общества существенным образом меняют социокультурную реальность. Это сказывается и на снижении функциональности общественных организаций, в нашем случае, на женских организациях, которые в своем большинстве теряют свою активность и самостоятельность. В целом в современной российской социокультурной реальности женское движение и его представители уже не рассматриваются как самостоятельная политическая сила.

Вслед за этим процессом эксплицитным становится и процесс игнорирования проблем гендерного неравенства и гендерной асимметрии, что находит свое подтверждение в официальных решениях. В 2002 году прекратила свое существование Комиссия по делам женщин, семьи и демографии при Президенте РФ; в 2004 году указом президента РФ «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» прекратили свою деятельность Комиссия по делам женщин при Председателе Правительства РФ, Центр гендерной экспертизы при Совете Федерации; ответственный секретарь Комиссии по делам женщин, семьи и молодежи при Председателе Совета Федерации лишился официального статуса. Вместе с реорганизацией Министерства труда и социального развития в 2004 году был расформирован Департамент по делам женщин, семьи и детей. Во вновь образованном Министерстве здравоохранения и социального развития был создан Департамент медико-социальных проблем семьи, материнства и детства, у которого были уже другие функции. На сегодняшний день из организаций, в определенной степени занимающихся проблемами положения женщин в обществе, существует Комитет по вопросам семьи, женщин и детей в Государственной Думе РФ и сформированная в 2005 году Межведомственная комиссия по вопросам обеспечения равенства мужчин и женщин в РФ. Последнюю возглавляет Министр здравоохранения и социального развития, а не вице-премьер, как было ранее. Статус комиссии стал совещательным, а её решения носят рекомендательный характер. Решением этой Комиссии в 2006 году утверждена «Национальная стратегия обеспечения равенства мужчин и женщин в РФ», однако официально Правительством РФ данный документ принят не был.

В сложившейся социокультурной реальности акцент перенесен с борьбы за установления равных прав и равных возможностей для женщин и мужчин, к поддержке женщин как матерей, что, собственно, было характерно и для послевоенного периода советской эпохи, когда демографическая проблема была (как и сегодня) чрезвычайно актуальна. Однако в сложившейся современной реальности гендерный контракт женщины как работницы-матери диктует учет интересов женщин и в публичной сфере.

Игнорирование проблем гендерной асимметрии со стороны властных структур привело к тому, что Россия «стабильно» занимает 43-45 места по глобальному индексу гендерного неравенства, рассчитываемого с 2005 года Всемирным экономическим форумом в Давосе (WEF).

Одним из наиболее ярких проявлений гендерной асимметрии является степень представленности (непредставленности) женщин в высших эшелонах политической власти. Согласно данным Межпарламентского Союза на 31 декабря 2010 года по показателю представленности женщин в национальных парламентах Россия занимает 82 место среди 188 стран мира, имеющих органы законодательной власти, располагаясь между Гвинеей-Бисау и Камеруном. Вряд ли этот показатель изменится и после выборов в Государственную Думу шестого созыва, прошедших 4 декабря 2011 года. Анализ результатов этих выборов дает следующую картину. В состав Государственной Думы было избрано 447 депутатов, из них 58 женщин, что составляет 13% (для сравнения в Государственной Думе пятого созыва женщины составляли 14%; международные документы рекомендуют 30-40%). В руководство Государственной Думы вошли 9 человек: Председатель, два Первых заместителя Председателя и 6 Заместителей Председателя ГД, из них лишь 1 женщина, ставшая Заместителем Председателя ГД. Женщины возглавили 3 из 29 Комитетов Госдумы: Комитеты по делам, семьи, женщин и детей, по финансовому рынку и по жи-

⁵ Известия, 6 февраля 2012 года.

личной политике и жилищно-коммунальному хозяйству. Показателен факт, что в Комитет по вопросам семьи, женщин и детей вошло 13 депутатов, из них только один мужчина; в то же время женщины совсем не представлены в 7 из 29 Комитетов Думы: по вопросам собственности; по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству; по земельным отношениям и строительству; по конституционному о законодательству и государственному строительству; по науке и наукоемким технологиям; по транспорту; по энергетике.

Такая ситуация экстраполируется и на региональный уровень. Так, в Белгородской областной думе пятого созыва (избрана в октябре 2010 года) из 33 депутатов 5 женщин (15%); в руководстве областной думы из 4 человек 1 женщина – заместитель Председателя; из 7 комитетов Облдумы 1 возглавляется женщиной.

Очевидно, что политика и сегодня продолжает зачастую восприниматься как наиболее важная и сложная сфера деятельности человека, которой должен заниматься только профессионально и интеллектуально подготовленный к ней человек, и таким человеком в общественном сознании представляется прежде всего мужчина. Осознание того, что политика есть сфера не только господства одной группы людей над другой, но и поле озвучивания и защиты интересов, еще не произошло.

Для характеристики современной гендерной системы важно также не только количественное соотношение женщин и мужчин в парламенте, но и их политическая состоятельность. Анализ кратких биографий женщин-депутатов Государственной Думы шестого созыва показывает, что только треть из них имеет продолжительный опыт политической деятельности; две трети таким опытом не обладают, среди них известные спортсменки, актрисы, дочери или сестры известных политиков. Имена более половины из женщин-депутатов практически неизвестны российскому электорату, они не имеют своего политического лица, попав в Государственную Думу по партийным спискам. Исходя из этого, можно предположить, что деятельность большинства женщин-депутатов Государственной Думы будет мало способствовать установлению гендерного паритета, как в обществе в целом, так и в политической сфере в частности.

Таким образом, на фоне экономического роста и определенной стабилизации власть уже определила круг тех политических сил, которые составляют его опору. Женщины как самостоятельная сила в этот круг не входят. Все высказывания первых лиц государства и некоторые шаги по поддержке женщин, действующих в политической сфере, так и не внесли ничего нового и вполне укладываются в схему традиционной гендерной системы. И хотя рефреном отдельных выступлений Президента, а затем Премьер-министра В.В. Путина и Президента Д.А. Медведева звучало утверждение о необходимости увеличения количества женщин в высших эшелонах власти и были сделаны казались определенные шаги в этом направлении – сегодня в России впервые женщина, В.И. Матвиенко, является Председателем Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации; Н.В. Комарова – губернатором Ханты-Мансийского автономного округа, а в кабинете министров три министерских портфеля достались женщинам – ситуация коренным образом не изменилась и гендерная асимметрия в высших эшелонах власти очевидна. По критерию отношения к власти женщины явно уступают мужчинам.

Рассмотрим критерий материального благосостояния. Несмотря на видимое улучшение материального положения населения в целом, до сих пор сохраняются многие параметры, эксплицирующие гендерное неравенство в экономической сфере. Так, разрыв в оплате труда женщин и мужчин составляет 35–40%; женщины по-прежнему больше работают и меньше имеют свободного времени (в современном обществе время становится одним из самых важных ресурсов для человека). На ведение домашнего хозяйства женщины традиционно тратят почти в два раза больше времени при гораздо меньшем разрыве в затратах рабочего времени (в 1,3 раза мужчины работают больше). А свободное время женщин в 2010 году в среднем было на 46 минут в день меньше, чем у мужчин⁶.

Одной из существенных черт современной российской экономики является растущее социальное расслоение. Средний уровень доходов богатых (10% наибольших доходов) по сравнению с бедных (10% наименьших доходов) за последние три года вырос с 14

⁶ Итоги пилотного выборочного обследования использования (бюджета) времени населением. М., 2010. – С. 10.

до 16,8 раз⁷. Среди самых богатых, имеющих наибольшие доходы, женщин, как правило, нет. Так, в рейтинге российских миллиардеров 2011 года только одна женщина – жена бывшего мэра Москвы Е. Батурина. Но если провести анализ владельцев состояний, не принадлежащих к олигархам, а имеющих стабильно и быстро развивающийся бизнес (т.е. компаний, в международной терминологии называемых «газели»), то также будет очевидна гендерная асимметрия. Так, среди владельцев 124 российских компаний-газелей 22 женщины (17,7%), из них только 3 являются единственными владельцами компаний; остальные – совладельцы, причем для 5 из них – это семейный бизнес⁸.

В то же время женщины в большей степени, чем мужчины относятся к категории населения, которая находится под угрозой бедности. В многочисленных исследованиях бедности, проводимых в России, эксплицируется феминизация бедности. «Женское лицо бедности» связано прежде всего с проблемами матерей-одиночек и с большей сложностью для женщин при поиске работы. Причем женщины чаще мужчин соглашаются на низкооплачиваемую работу. Все это подтверждается многими исследованиями и в частности онлайн исследованием российского рынка труда, проведенного холдингом ROMIR в 2008 году. В ходе исследования выяснилось, что найти новую работу в финансовой сфере (одной из самых престижных в современном российском обществе) в период кризиса мужчина может в два раза проще, чем женщина. Эксперты объясняют это тем, что во время кризиса работодатели стали мыслить старыми стереотипами, один из которых гласит, что мужчины более выносливы, способны и изобретательны, лучше адаптированы к работе в условиях постоянного стресса. По мнению одного из респондентов, HR-директор компании «Техносила», стремление работодателей брать на работу мужчин продиктовано желанием иметь в команде совершенные «боевые машины», которые можно загрузить работой, задержать в офисе, отправить в срочную командировку. Более того, представительницу слабого пола психологически уволить легче, поскольку у работодателей есть уверенность, «что ее всегда муж прокормит»⁹.

В экономической составляющей современной гендерной системы российского общества эксплицируются и гендерные стереотипы, согласно которым женщина позиционируется как менее ценный работник, чем мужчина. Следствием этого является: ограниченная вертикальная и горизонтальная трудовая мобильность женщин («стеклянный потолок» и «стеклянные стены»).

«Вертикальная сегрегация» или «стеклянный потолок» – это ограничение доступа женщин к управлению, некоторый уровень в карьерной иерархии, выше которого женщины практически не имеют возможности подняться. Хотя формальных ограничений для занятия позиций выше «стеклянного потолка» нет, тем не менее фактически женщины не могут продвинуться дальше этого барьера¹⁰. По данным Росстата среди всех занятых женщин руководителями являются 5,7%, а среди мужчин 9,0%¹¹. В среднем вероятность иметь статус руководителя у мужчин в 1,5 раза больше, чем у женщин¹².

«Стеклянный потолок» – явление, присущее всем индустриальным обществам. Однако оно не означает, что никому из представительниц женского пола не удастся достичь самых высоких ступенек в карьерной лестнице. Но даже в случае, если это ей удастся, то согласно исследованиям, в половине всех мировых компаний, где женщины представлены в совете директоров, речь идет лишь о единственной женщине-директоре, остальные топ-менеджеры в них все равно – мужчины¹³.

Однако, следует отметить, что уровень «стеклянного потолка» варьируется в различных организациях и в современных условиях очевидна тенденция к его повышению. Последнее значительным образом связано с существенным изменением трудового поведения молодых женщин. Так, авторы пилотного исследования Л.Н. Попкова и И.Н. Тар-

⁷ http://www.gks.ru/bgd/regl/Bo8_44/IssWWW.exe/Stg/html1/01-01.htm

⁸ Эксперт. 2011. № 20 (754). – С. 19-43.

⁹ Рынок труда в условиях кризиса. Агентство ROMIR. 17.12.2008.

¹⁰ Мальцева И.О., Рощин С.Ю. Гендерная сегрегация и мобильность на российском рынке труда. 2-е изд. М., 2007. – С. 87.

¹¹ Женщины и мужчины России. 2008, – С. 119.

¹² Там же. – С. 107.

¹³ Эксперт. 2009. № 439. – С. 47.

таковская «Профессиональные стратегии менеджеров среднего звена (гендерный аспект)» отмечают: «Никакой заметной разницы в уровне амбиций и установке на успех между мужчинами и женщинами-менеджерами нам не удалось обнаружить. И те, и другие очень активно и сознательно планируют свою карьеру, готовы менять работу в случае выгодных предложений, ориентированы на материальный и социальный успех»¹⁴. Молодые амбициозные женщины добиваются таких карьерных позиций, на которые еще 10-15 лет назад женщины претендовать не могли.

Все это привело к тому, что в начале XXI века в России произошел поистине прорыв женщин к управлению. Но в целом этот процесс еще не изменил общей картины гендерной асимметрии в экономической сфере общества.

Наиболее радикальные изменения в гендерном измерении произошли в начале XXI века в сфере образования и науки. В наибольшей степени ими оказалась затронута система высшего образования, что связано, во-первых, с изменением его статуса, которое становится все более массовым, теряя при этом имевшийся ранее престиж; во-вторых, с градацией вузов по качеству образования и возможности трудоустройства после их окончания; в-третьих, с сокращением количества выпускников средних школ, которых в 2011 году было меньше, чем студенческих мест в вузах; в-четвертых, со снижением уровня оплаты преподавательского труда. Главным итогом реформирования высшего образования на сегодняшний день является, с одной стороны, максимальный уровень доступности высшего образования, а с другой стороны, выбор 90% выпускников средних общеобразовательных школ дальнейшей учебы в высших учебных заведениях. В современной российской социокультурной реальности образование становится равнодоступным как для мужчин, так и для женщин. Гендерный анализ состава студентов коррелируется со значительным набором разноплановых факторов: престижностью вуза, демографической ситуацией, материальным положением родителей, местом проживания и т.п., что выходит за рамки нашей работы, так как требует серьезного самостоятельного исследования.

Особый интерес для гендерного анализа системы высшего образования представляют гендерные различия в выборе будущих специальностей, что в наибольшей степени репрезентирует гендерный порядок общества. Проведенный нами анализ статистических данных на 2009/2010 учебный год показал, что женщины преобладают среди студентов вузов по направлениям социальных наук (81%), здравоохранения (74%), образования и педагогики (74%); мужчины – геологии, разведки и разработки полезных ископаемых (83%), информационной безопасности (81%), физико-математических наук (63%)¹⁵. Выбор будущих профессий оказывается в достаточной степени ожидаемым. Срабатывают гендерные стереотипы, основанные на социально-психологическом феномене, который американский психолог Сандра Бем назвала гендерными линзами: а) линзы андроцентризма, через которые мужской опыт и поведение воспринимаются в качестве универсальной и нейтральной нормы, по отношению к которой женщина выступает как некое отклонение или вариация; б) линзы гендерной поляризации, которые репрезентируют все мужское и женское как универсально разные полярные начала; в) линзы биологического эссенциализма, которые обосновывают остальные линзы, представляя их естественными и неустранимыми последствиями полового диморфизма¹⁶. Исходя из гендерных стереотипов, женщины выбирают специальности, традиционно относящиеся к женским, а мужчины соответственно – к мужским. При этом игнорируется поливариантность выбора как сущностная составляющая социального поведения человека.

В образовательном процессе в высших учебных заведениях, как известно, есть две стороны: студенты и преподаватели. И если при рассмотрении студенчества как социальной группы гендерные различия проявляются прежде всего при выборе специальности, то для преподавательского состава они характеризуют различия в траектории жизненного пути.

Приведенные ниже статистические данные дают представление о гендерной составляющей профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений.

¹⁴ Попкова Л.Н., Тартаковская И.Н. Профессиональные стратегии менеджеров среднего звена (гендерный аспект) // Социологические исследования. 2011. №7. – С. 54.

¹⁵ Женщины и мужчины России. 2010: Стат. сб./Росстат. М., 2010. – С. 90.

¹⁶ Бем С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на неравенство полов. М., 2004.

Таблица

Анализ профессорско-преподавательского персонала высших учебных заведений*

	Распределение по полу в%							
	2002		2004		2006		2010	
	женщи- ны	муж- чины	женщи- ны	мужчи- ны	женщи- ны	мужчи- ны	женщи- ны	мужчи- ны
Всего	50	50	52	48	54	46	55	45
Ректоры	6	94	7	93	8	92	9	91
Проректоры	20	80	23	77	26	74	29	71
Деканы	28	72	31	69	36	64	37	63
Зав.кафедрами	28	72	31	69	35	65	37	63
Профессора	21	79	22	78	26	74	28	72
Доценты	44	56	47	53	52	48	54	46
Ст. преподаватели	66	34	68	32	70	30	71	29
Преподаватели, ассистенты	68	32	68	32	69	31	68	32

*Данные Росстата

Как видно из вышеприведенной таблицы в начале XXI века наметилась тенденция превалирования женщин в составе профессорско-преподавательского персонала высших учебных заведений.; за неполных десять лет паритетность полов изменилась в пользу женщин на 5%. Данную тенденцию нельзя оцениваться позитивно, так как в дальнейшем она может привести к ряду неблагоприятных последствий: во-первых, во всем образовательном и воспитательном процессе, направленном на подрастающее поколение, начиная с детского сада и начальной школы и заканчивая высшей школой, будут доминировать женщины, и воспитание будет носить односторонний сугубо женский характер; во-вторых, феминизация отдельных видов деятельности, как показывает практика, ведет к снижению в них уровня заработной платы; в-третьих, указанные выше последствия приведут к падению престижа высшего образования как сферы деятельности; в-четвертых, это будет способствовать оттоку из сферы высшего образования способных молодых людей, стремящихся к престижной и высокооплачиваемой работе, что, в свою очередь, может привести к резкому падению уровня и качества высшего образования.

Иными словами, происходящая в современных условиях трансформация гендерной составляющей высшего образования представляет собой определенный риск для перспектив развития всего российского общества.

Традиционно повышение качества высшего образования в определенной степени коррелируется с научной деятельностью преподавателей, что чаще всего выражается в их стремлении к достижению той или иной ученой степени. Гендерный анализ лиц, работающих над кандидатскими и докторскими диссертациями, дает следующие результаты: среди аспирантов и докторантов женщины составляли в 2009 году 46,5%, что по сравнению с 2001 годом дает увеличение на 3,6%¹⁷.

Гендерная асимметрия проявляется в возрастном составе аспирантов: мужчины-аспиранты превалируют в возрастном промежутке до 26 лет включительно (59% от всех аспирантов); женщины во всех остальных возрастах¹⁸. Возраст до 26 лет – возраст создания семьи и рождения детей. Женщины в этом возрасте больше заняты семейными проблемами и воспитанием детей. Социологи Башкортостана в 2007 году провели социологическое исследование «Профессиональная мобильность научных сотрудников», в задачи которого входило в числе прочих и выяснение причин, по которым преподаватели вузов и научные сотрудники отраслевых институтов не планировали работу над диссертацией. Респондентами назывались причины, имевшие ярко выраженную гендерную окраску. «Защита диссертации не даст существенной прибавки к зарплате» – эту причину указали 20,8% мужчин и 8,7% женщин; недостаток времени мешает защите диссертации 31,3% мужчин и 19,6% женщин; другие причины, среди которых подразумевались семейные обязанности, необходимость воспитания детей, выполнение работы по дому, указали 10,4% мужчин и 17,4% женщин¹⁹.

¹⁷ Женщины и мужчины России. 2010. – С. 86.

¹⁸ Там же. – С. 95.

¹⁹ Сарбаева А.Г. Гендерные особенности планов профессиональной мобильности научных сотрудников // Актуальные проблемы современной гендерологии. Выпуск 4.– М.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. – С. 146.

Данные статистики и социологических исследований эксплицируют более низкую эффективность научной деятельности женщин по сравнению с мужчинами, что также в определенной степени объясняется гендерной асимметрией – большей загруженностью женщин домашним хозяйством и воспитанием детей. Очевидно, что это при общем росте числа женщин-ученых отрицательно сказывается на всей научной работе вузов и научных учреждений.

Таким образом, изменившаяся с начала 2000-х годов социокультурная реальность внесла определенные коррективы в гендерную композицию российского общества. Однако проведенной в данной статье анализ положения двух мегагрупп (мужчин и женщин) на основе главных стратификационных критериев (отношение к власти, материальное положение и образование) показал, что за этот период гендерная асимметрия не только не уменьшилась, но в определенной степени возросла. Это прежде всего касается политической сферы общества, где представленность женщин в высших эшелонах власти крайне низка. В то же время наблюдаемая феминизация высшего образования может означать негативную тенденцию, ведущую к еще большему падению престижа высшего образования.

Уменьшение гендерной асимметрии возможно при создании национального механизма по улучшению положения женщин и ликвидации дискриминационных практик, а также создание эффективных и систематических мер для изменения и ликвидации устаревших гендерных стереотипов.

Список литературы

1. Словарь гендерных терминов // <http://www.owl.ru/gender/016.htm>
2. Завадская Л.Н. Гендерная экспертиза Конституции России и практики ее применения (1917-2000) // Гендерная реконструкция политических систем /Ред.-сост. Н.М. Степанова и Е.В. Кочкина. СПб., 2004.
3. Заключительные замечания Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин. <http://gender.ru/pages/resources/publications/common/2010/101112>
4. Рябова Т.Б. Гендерные стереотипы в политической сфере российского современного общества: социологический анализ. Автореферат на соискание учен. степени докт. социол. наук. Нижний Новгород, 2009.
5. Известия, 6 февраля 2012 год
6. Итоги пилотного выборочного обследования использования (бюджета) времени населением. М., 2010.
7. http://www.gks.ru/bgd/regl/Bo8_44/IssWWW.exe/Stg/html1/01-01.htm
8. Эксперт. 2011. № 20 (754).
9. Рынок труда в условиях кризиса. Агентство ROMIR. 17.12.2008.
10. Мальцева И.О., Рошин С.Ю. Гендерная сегрегация и мобильность на российском рынке труда. 2-е изд. М., 2007.
11. Женщины и мужчины России. 2008. Стат.сб./Росстат. М., 2008.
12. Эксперт. 2009. № 439.
13. Попкова Л.Н., Тартаковская И.Н. Профессиональные стратегии менеджеров среднего звена (гендерный аспект) //Социологические исследования. 2011. №7.
14. Женщины и мужчины России. 2010: Стат. сб./Росстат. М., 2010.
15. Бем С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на неравенство полов. М., 2004.
16. Сарбаева А.Г. Гендерные особенности планов профессиональной мобильности научных сотрудников //Актуальные проблемы современной гендерологии. Выпуск 4.– М.; Ставрополь, 2009.

GENDER ASYMMETRY IN MODERN SOCIAL AND CULTURAL REALITY

G.A. ELNIKOVA

Belgorod university of cooperation, economics and law

*e-mail:
elnikova.galina@gmail.com*

The article describes the modern Russian social and cultural reality, and analyzes the gender system of Russian society. The manifestation of gender asymmetry has been considered in the main sectors of society.

Key words: gender system, gender asymmetry, socio-cultural reality, gender stereotypes, gender composition.

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 316.344.8

СПЕЦИФИКА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ СРЕДНЕГО КЛАССА ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

А.А. АЛЕНСЕЁНОК

*Российская академия
народного хозяйства
и государственной
службы
(Орловский филиал)*

*e-mail:
alexconst@rambler.ru*

Статья посвящена исследованию актуализировавшейся темы российского среднего класса и основана на данных авторского эмпирического исследования регионов Центрального федерального округа. В статье изложена методология, методика и техника реализации субъективного подхода к выделению особенностей среднего класса на региональном уровне. Указывается важность самоидентификационных критериев для определения степени сформированности самосознания среднего класса; характеризуется зависимость классовой самоидентификации от социально-демографических и социально-профессиональных характеристик. Представлены количественные и качественные характеристики среднего класса в нестоличных регионах центра России.

Ключевые слова: средний класс, субъективный подход, самоидентификация.

Средний класс определяется не только экономическими или социальными показателями, но и политическими. В конце 2011 г. тема среднего класса актуализировалась именно в связи с внутривнутриполитическими общероссийскими событиями, а не по причине событий иной природы. Однако при самоидентификации под средним классом люди понимают, как правило, экономико-социальные показатели (экономические показатели на первом месте). Средний класс выполняет стабилизирующую функцию в обществе, являясь носителем наиболее распространенных в обществе ценностных установок. Средний класс выступает не только экономической опорой общества и власти, но и центральным политическим субъектом. В декабре 2011 г. активизировался средний класс как центральный субъект гражданского общества, ценностная установка которого выразилась в требовании к власти уважать граждан. Данное требование властью было услышано, что, несомненно, приведет к тектоническим сдвигам в политической, экономической и социальной сферах общества.

Самое общее определение среднего класса довольно абстрактно – совокупность социальных слоев между высшими и низшими слоями. Определение среднего класса зависит от подхода к его измерению. При монетарном подходе средний класс – это среднедоходные социальные слои. При классическом социологическом подходе (веберовском) средний класс характеризуется определенным социально-профессиональным статусом индивидов, позволяющим обеспечивать высокий денежный доход, а также социальную

мобильность. При самоидентификационном подходе средний класс – это совокупность людей, позиционирующих себя таковыми на основе самоощущения, сформированного субъективным набором признаков. Кроме исследовательского подхода на определение среднего класса влияет общее состояние общества: для относительно стабильных западных обществ подходят классические определения среднего класса, но для российского – требуются уточнения этого определения. Средний класс в России – это совокупность разрозненных социальных групп, соответствующим тем или иным его классическим критериям: социально-профессиональным, материальным, субъективным или досутовым.

Само понятие среднего класса вариативно в зависимости от различных факторов, прежде всего, от общества, по отношению к которому оно применяется. Так, российский средний класс не совпадает с западноевропейским, который также отличается от североамериканского не только по параметрам, но и по критериям выделения. В рамках данной статьи рассматривается такой критерий среднего класса как самоидентификация. Критерий самоидентификации является интегральным, а средний класс, выделенный по данному критерию, российские исследователи называют субъективным средним классом.

Социологическая наука различает два подхода при изучении среднего класса: объективный и субъективный. Объективный подход основан на применении критериев, независимых от мнения индивида. При этом эмпирическую базу могут составлять не только результаты опросов, но и данные статистики. В стратификационных моделях западных обществ преимущественно используются два таких критерия: характер деятельности (труда) и величина доходов. Также используются и критерии образования (уровень и вид), квалификации (формальная/неформальная, основная/дополнительная), должностной уровень, качество жизни и стандарты потребления¹. Не только западные, но и российские маркетологи активно используют потребительский статус и структуру потребления в качестве объективного критерия стратификации покупателей. Субъективный подход основан на самоидентификации, предоставляющий право выбора респонденту самостоятельно отнести себя к тому или иному классу общества, основываясь на комплексе субъективных представлений о характеристиках этих классов. В стабильных обществах субъективные оценки и объективные измерения параметров среднего класса совпадают (например, в западноевропейских и североамериканских обществах), но в обществах с неформализованной и динамичной структурой существенно расходятся (например, российское общество).

Целью данной статьи является рассмотрение специфики субъективного среднего класса в нестоличных регионах центральной России. При этом под субъективным средним классом понимается совокупность социальных групп и слоев, представители которых сами себя относят к среднему классу. Несмотря на недостаточность применения какого-либо одного критерия среднего класса, именно самоидентификация позволяет оценить зрелость среднего класса в российском обществе вне столичных мегаполисов.

Анализ публикаций показывает, что удельный вес среднего класса в современном российском обществе исследователи определяют диапазоне от 5 до 50 %. Такой диапазон слишком широк для практических целей политиков (при разработке программ, социальной политики, предвыборных акций) и предпринимателей (при оценке объемов рынка, разработке рекламных кампаний). В связи с этим требуются методологические пояснения к каждому измерению среднего класса. Удельный вес среднего класса в общем количестве домохозяйств, рассчитанный на основе критерия самоидентификации, больше удельных весов, рассчитываемых на основе иных критериев, и достигает 50 %. Расчеты на основе иных отдельных критериев (материально-имущественное положение, социально-профессиональный статус) дают более скромные оценки (19-26 %). Наконец, при сочетании критериев среднего класса его удельный вес составляет 5-12 % от всех российских домохозяйств². Повышенный в два раза удельный вес среднего класса по критерию само-

¹ Bergman M., Joye D. Comparing Social Stratification Schemas: CAMSIS, CSP-CH, Goldthorpe, ISCO-88, Treiman, and Wright. Cambridge: Cambridge Studies in Social Research, 2001.

² Шаститко А.Е., Авдашева С.Б., Овчинников М.А., Малева Т.М., Овчарова Л.Н. Российские средние классы накануне и на пике экономического роста. – М.: Экон-Информ, 2008. – С. 72.

идентификации в сравнении с другими критериями объясняется конформным нежеланием респондентов не выделяться из общей массы, неуверенностью в обосновании отнесения себя не к среднему классу; кроме того, при ответах на вопросы, подразумевающие порядковую шкалу, респонденты склонны избегать крайних значений (например, «самый высший» или «самый низший»).

Большинство публикаций результатов прикладных социологических исследований среднего класса опираются на общероссийскую эмпирическую базу или эмпирическую базу, составленную на основе опросов в столичных мегаполисах. Такие публикации не позволяют распространить полученные выводы на нестоличные города центральной России.

В целях определения актуальных параметров среднего класса в региональных столицах центральной России под руководством автора было проведено социологическое исследование «Средний класс и уровень социальной напряженности в современном российском обществе». В выборку были включены административные центры Белгородской, Брянской, Курской, Липецкой, Орловской областей, а также малые города и сельские населенные пункты. В данной статье применена выборка по областным центрам, поскольку именно там сосредоточен средний класс³. Указанные области включены в выборку, поскольку в совокупности являются типичными для Центрального федерального округа по социально-экономическим показателям, исключая г. Москву и Московскую область как особый регион. Выборка репрезентативна по половозрастной структуре населения ЦФО (исключая г. Москву и Московскую область) в возрасте 18-55 лет для женщин и 18-60 лет для мужчин, репрезентативна также по структуре занятости по отраслям экономики (исключая студентов и пенсионеров).

Стабилизирующая функция среднего класса зависит от его удельного веса в общей вертикальной структуре общества. Для замера субъективных оценок социального статуса использовалась порядковая вертикальная 7-балльная шкала, на которой респондентам предлагалось указать свое положение: 1) самый высший; 2) значительно выше среднего; 3) несколько выше среднего; 4) средний; 5) несколько ниже среднего; 6) значительно ниже среднего; 7) самый низший. При анализе эмпирической базы было выполнено перекодирование переменной с целью обратить шкалу: 1) самый низший, а 7) самый высший.

На рисунке представлена классовая самоидентификация населения региональных столиц центральной России.

Усреднив данные, представленные на рисунке 1, получим удельный вес среднего класса в центральной России (исключая г. Москву и Московскую область), определенный по критерию самоидентификации, в 48,1 %. При этом не учтены 4,0 % респондентов (от общего количества ответивших результативно), которые затруднились идентифицироваться по предложенной шкале.

Фактор пола в классовой самоидентификации играет некоторую роль: среди относящих себя к социальным классам выше среднего несколько больше мужчин, средний класс и более низкие классы представлены чаще женщинами, что соответствует статистическим демографическим данным. Фактор возраста также оказывает небольшое влияние на самоидентификацию трудоспособного населения старше 18 лет (исключая студентов): теснота связи между переменными возраста и классовой самоидентификации определена параметрическим коэффициентом Пирсона 0,177 (при двухсторонней значимости на уровне 0,01), что характеризует связь как слабую (чем старше респондент, тем ниже социальный класс по самоидентификации).

Уровень образования оказывает большее влияние на классовую самоидентификацию, чем пол или возраст. Так, 45,5 % относящих себя к среднему классу имеют высшее профессиональное образование. Вместе с тем, имеющие более низкие уровни образования также склонны относить себя к среднему классу (таблица 1).

³ Городской средний класс в современной России. – М.: ИС РАН, 2006. – С. 5.

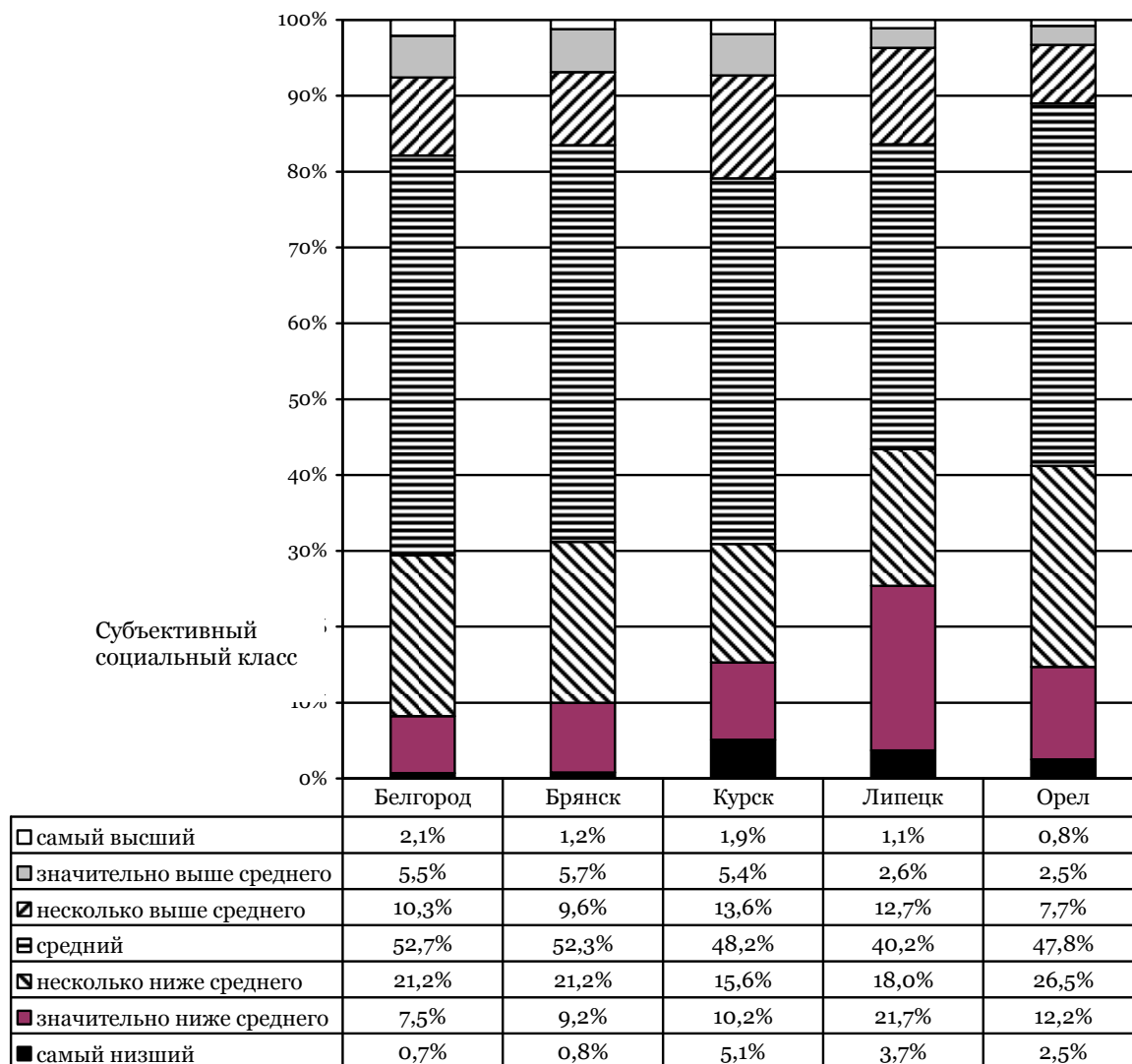

Рис. Социальная структура региональных столиц центральной России, сформированная на основе классовой самоидентификации

Таблица 1

Влияние уровня образования на классовую самоидентификацию

Образование	Субъективный социальный класс, % по уровню образования							Среднее значение по 7-балльной шкале (1 – самый низший, 7 – самый высший) / дисперсия
	самый низший	значительно ниже среднего	несколько ниже среднего	средний	несколько выше среднего	значительно выше среднего	самый высший	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
неполное общее (8 или 9 классов школы)	6,8	11,9	32,2	37,3	5,1	5,1	1,6	2,44 / 1,527
полное общее (10 или 11 классов школы)	3,6	10,9	19,9	51,6	10,9	1,8	1,3	2,66 / 1,152
начальное профессиональное (училище)	6,0	11,9	22,0	55,9	3,4	0,8	0,0	2,42 / 0,963

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
среднее профессиональное (техникум, колледж)	3,3	11,6	27,9	46,0	6,3	4,2	0,7	2,56 / 1,141
неоконченное высшее профессиональное	2,4	10,7	20,6	53,1	9,8	2,4	1,0	2,69 / 1,043
высшее профессиональное	1,2	10,7	20,7	48,0	12,6	5,1	1,7	2,82 / 1,189
Примечание: за 100,0 % взята сумма удельных весов субъективных средних классов по каждому уровню образования (сумма по строке).								

Как видно из данных, представленных в табл. 1, среднее значение показателя классовой самоидентификации изменяется нелинейно при повышении уровня образования и не имеет устойчивой тенденции. Однако корреляционный анализ показывает некоторое повышение субъективно определяемого социального класса при повышении уровня образования: непараметрический коэффициент Спирмена при парной корреляции составляет 0,103 (при двухсторонней значимости на уровне 0,01). Вместе с тем, наибольший удельный вес субъективного среднего класса наблюдается вовсе не среди респондентов с высшим профессиональным образованием, но с начальным.

Анализ средних значений показателя субъективной классовой идентификации свидетельствует об их широком разбросе практически независимо от уровня образования. Наибольшая дисперсия наблюдается среди респондентов с неполным общим образованием. Несмотря на то, что свыше трети из них относят себя к среднему классу, большинство идентифицируются ниже среднего. Имеет место и асимметрия разброса индивидуальных показателей самоидентификации относительно срединного значения в 3,5 балла. Показатель асимметрии для респондентов с самым низким уровнем образования носит парадоксальный характер, свидетельствуя о некотором смещении в сторону выше среднего класса (0,283). Тем самым подтверждается наличие психологического компенсаторного механизма в классовой самоидентификации, но, главное, подтверждается субъективность выделения среднего класса по критерию самоидентификации. Наибольшая асимметрия (-0,863) при наименьшей дисперсии показателей классовой самоидентификации выявлена в оценках респондентов с начальным профессиональным образованием, что свидетельствует о концентрации самооценок вокруг среднего значения и об относительном единстве этих самооценок. Само среднее значение их самооценок является минимальным, и это притом, что удельный вес субъективного среднего класса среди них является максимальным.

Классовая самоидентификация достаточно тесно связана с самооценкой престижности социально-профессионального статуса (табл. 2).

Представленные в табл. 2 средние значения по шкале субъективной классовой идентификации показывают, что с ростом уровня классовой самоидентификации растет и уровень профессиональной престижности. Однако дисперсия показывает несопоставимые разбросы самооценок классовой идентификации на различных уровнях шкалы профессиональной престижности, что свидетельствует о неустойчивости соответствия уровней шкал (при условии их стандартизации, естественно). Кроме того, тест нормальности распределения Колмогорова-Смирнова показывает повышенное стандартное отклонение для переменной профессиональной престижности, а графическое отображение распределения этой переменной показывает существенное отклонение от нормального. Это следует иметь в виду при интерпретации коэффициента корреляции, применение которого не вполне корректно, раз анализируемые переменные подчиняются разным законам распределения. Тем не менее, положительная связь средней тесноты между переменными очевидна. Во многих случаях уровень самооценки социального статуса совпадает с уровнем самооценки престижности профессии и должности, о чем свидетельствует непараметрический коэффициент корреляции Спирмена, равный 0,391 (двухсторонняя значимость на уровне 0,01), т.е. чем выше престиж профессиональной деятельности, тем выше самооценка социального статуса.

Анализ влияния самооценки профессионального престижа на классовую самоидентификацию выявляет ту же тенденцию, что и анализ влияния уровня образования – срединные социальные слои по шкалам уровня образования (начальное профессиональное) и самооценки профессиональной престижности (3 уровень) больше остальных склонны завышать самооценку классовой идентификации. Люди с крайне низкими и крайне высокими показателями уровня образования и самооценки профессиональной престижности гораздо более адекватно идентифицируют себя в вертикальной иерархии современного российского общества.

Таблица 2

Влияние самооценки профессионального престижа на классовую самоидентификацию

Шкала профессиональной престижности	Субъективный социальный класс, % по уровню шкалы профессиональной престижности							Среднее значение по 7-балльной шкале (1 – самый низший, 7 – самый высший) / дисперсия
	самый низший	значительно ниже среднего	несколько ниже среднего	средний	несколько выше среднего	значительно выше среднего	самый высший	
1 – низший уровень престижности	4,0	22,0	26,9	40,6	4,3	2,2	0,0	2,26 / 1,092
2	2,3	16,2	32,0	44,0	5,3	0,0	0,4	2,35 / 0,841
3 – средний уровень престижности	0,4	7,9	26,9	55,0	7,4	2,2	0,2	2,69 / 0,706
4	0,3	4,6	13,1	54,6	18,3	6,9	2,3	3,16 / 0,985
5 – высший уровень престижности	1,5	3,5	8,0	43,8	19,4	19,4	4,5	3,52 / 1,461

Примечание: за 100,0 % взята сумма удельных весов субъективных средних классов по каждому уровню шкалы профессиональной престижности (сумма по строке).

В качестве комментария к табл. 2 следует указать, что удельный вес представителей субъективного среднего класса со средней самооценкой профессиональной престижности составляет 16,2 %, а с самооценкой профессиональной престижности на среднем и более высоких уровнях – 32,6 %.

Наибольшее влияние на классовую самоидентификацию оказывает род деятельности (табл. 3).

Таблица 3

Влияние рода деятельности на классовую самоидентификацию

Род деятельности	Субъективный социальный класс, % по роду деятельности							Среднее значение по 7-балльной шкале (1 – самый низший, 7 – самый высший) / дисперсия
	самый низший	значительно ниже среднего	несколько ниже среднего	средний	несколько выше среднего	значительно выше среднего	самый высший	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
занятые в правоохранительных органах, военнослужащие по контракту	0,0	7,8	13,4	63,3	11,1	3,3	1,1	2,92 / 0,792
домохозяйки и находящиеся в отпуске по уходу за ребенком	4,0	10,0	20,0	56,0	8,0	2,0	0,0	2,60 / 0,980
занятые в сфере транспорта и связи	1,9	11,7	24,7	53,0	5,6	2,5	0,6	2,59 / 0,927

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9
работники финансово кредитных учреждений, организаций по работе с недвижимостью	0,0	7,6	13,9	51,9	19,0	6,3	1,3	3,06 / 1,009
государственные гражданские и муниципальные служащие	0,6	8,5	23,2	49,7	11,3	5,6	1,1	2,84 / 1,043
занятые в сфере культуры, образования, науки, здравоохранения	1,8	13,4	21,0	49,6	8,7	4,2	1,3	2,68 / 1,182
безработные	1,9	11,1	22,4	48,9	10,4	4,1	1,2	2,53 / 1,226
занятые в сфере торговли и оказания различных услуг	2,5	11,0	27,0	45,7	9,2	3,2	1,4	2,63 / 1,151
занятые в промышленности, строительстве, добыче полезных ископаемых	1,9	10,5	23,8	45,5	11,9	4,7	1,7	2,76 / 1,235
занятые в сельском хозяйстве	7,3	10,9	12,7	43,6	16,4	9,1	0,0	2,78 / 1,729
Примечания. 1. За 100,0 % взята сумма удельных весов субъективных средних классов по каждому роду деятельности (сумма по строке). 2. Роды деятельности перечислены сверху вниз в порядке убывания удельного веса субъективного среднего класса.								

Как видно из данных, представленных в табл. 3, к среднему классу себя относят преимущественно военнослужащие-контрактники и сотрудники правоохранительных органов (полиция, прокуратура, следственные комитеты). В этой категории занятых наблюдается также единство в самоидентификации – показатель дисперсии минимален, а асимметрия распределения (+0,155) свидетельствует о некоторой склонности к самоидентификации выше среднего класса. Работники транспорта, связи, финансово-кредитных учреждений и занимающиеся недвижимостью (риэлторы, оценщики и т.д.) также в большинстве своем относят себя к среднему классу. Несмотря на большой удельный вес субъективного среднего класса, категория домохозяек и «декретниц» не является показателем для его характеристики по следующим причинам: во-первых, эта категория является иждивенческой; во-вторых, является малочисленной; в-третьих, показатель асимметрии распределения является максимальным (-0,684), что свидетельствует о смещении значительной части ответов в сторону ниже среднего класса. Кроме того, следует предположить некоторую депривацию их потребностей вследствие утраты связи с рынком труда, что может вызывать завышенную самооценку, отчасти вызванную необходимостью психологической компенсации непрестижности своего социального статуса. Что же касается средних величин, то по этому показателю наиболее близки к субъективному среднему классу работники финансово-кредитных учреждений и организаций по работе с недвижимостью. Несмотря на преобладание субъективного среднего класса среди представителей всех родов деятельности, ни по одной из них среднее значение не достигает срединной величины в 3,5 балла, что свидетельствует об относительно низкой самооценке общественного положения населения провинций центральной России⁴.

Как показало исследование, российский средний класс в регионах Центрального федерального округа еще не сформировал свое самосознание, поскольку его удельный вес, определяемый по самоидентификационному критерию, значительно превышает удельный вес, определяемый по другим критериям, считающимся не субъективными, но объективными. Вместе с тем следует признать, что наряду с иными критериями, применяемыми отдельно, самоидентификационный критерий также не вполне адекватно отражает удельный вес среднего класса в общей численности населения или его трудоспособной части, поскольку является интегрирующим и содержит психологическую составляющую «чем я хуже других», что завышает его удельный вес. Действие компенсаторного

⁴ Дискуссия о среднем классе. Материалы конференции «Средний класс: проблемы формирования и перспективы роста». М.: ИНСОП. 24 апреля 2008 года. 38 с. – С. 10.

механизма в классовой самоидентификации обуславливает субъективность выделения среднего класса по критерию самоидентификации. В наибольшей степени склонны завышать самооценку при классовой идентификации люди с начальным и неоконченным высшим образованием, а также со средней самооценкой профессиональной престижности. Однако этот критерий применим для выявления факторов формирования структуры среднего класса. Как бы то ни было удельный вес субъективного среднего класса в общей численности трудоспособного населения старше 18 лет (исключая студентов) нестоличных регионов центральной России выявлен на уровне 48,1 %. При этом, удельный вес представителей субъективного среднего класса, одновременно оценивающих престиж своего профессионального занятия также на среднем уровне, составляет 16,2 %.

Пол и возраст оказывают некоторое влияние на классовую самоидентификацию, уровень образования нелинейно влияет на классовую самоидентификацию, однако наибольшее влияние оказывает род деятельности.

Анализ влияния уровня образования на классовую самоидентификацию показал, что этот фактор более значим, чем пол или возраст, но также неоднозначен. Почти половина людей с высшим образованием относят себя к среднему классу, однако наибольший удельный вес субъективного среднего класса выявлен среди респондентов с начальным профессиональным образованием.

Род деятельности оказывает на классовую самоидентификацию гораздо большее влияние, чем демографические признаки или уровень образования. Наибольший удельный вес субъективного среднего класса выявлен в следующих сферах профессиональной деятельности: 1) правоохранительная и военная, 2) транспорт и связь, 3) финансово-кредитная и операции с недвижимостью. Большинство домохозяйек и находящихся в отпуске по уходу за ребенком также отнесли себя к среднему классу.

На основе проведенного исследования и анализа его результатов следует предположить относительность классовой самоидентификации, т.е. при ответе на вопрос о том, к какому классу общества относит себя респондент, он имеет в виду не общество, а более узкую, «свою» социальную группу. В качестве «своей» социальной группы могут выступать, например, люди с таким же уровнем образования или занятые схожей деятельностью. Выявление интегральных характеристик таких «своих» социальных групп для относительной классовой самоидентификации является предметом дальнейших исследований.

Список литературы

1. Bergman M., Joye D. Comparing Social Stratification Schemas: CAMSIS, CSP-CH, Goldthorpe, ISCO-88, Treiman, and Wright. Cambridge: Cambridge Studies in Social Research, 2001.
2. Шаститко А.Е., Авдашева С.Б., Овчинников М.А., Малева Т.М., Овчарова Л.Н. Российские средние классы накануне и на пике экономического роста. М.: Экон-Информ, 2008. 200 с.
3. Городской средний класс в современной России. М.: ИС РАН, 2006. 163 с. С. 5.
4. Дискуссия о среднем классе. Материалы конференции «Средний класс: проблемы формирования и перспективы роста». М.: ИНСОП. 24 апреля 2008 года. 38 с.
5. Григорьев Л., Салмина А., Кузина О. Российский средний класс: анализ структуры и финансового поведения. М.: Экон-Информ, 2009. 148 с.

SPECIFICITY OF MIDDLE CLASS' SELF-IDENTIFICATION IN THE CENTRAL RUSSIA

A.A. ALEKSEENOK

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (the Oryol branch)

e-mail:
alexaconst@rambler.ru

The article is devoted to study of the actual topic of the Russian middle class and is based on the data of author's empirical research in the central part of the country. The methodology and technique of the subjective approach using to allocation the middle classes features at regional level are claimed in the article. Importance of self-identification criteria for maturity degree's definition of middle class consciousness is underlined; dependence of class self-identification on socially-demographic and socially-professional characteristics is presented. Quantitative and qualitative characteristics of middle class in provinces of the center of Russia are exhibited.

Key words: middle class, subjective approach, self-identification.

УДК 316.74

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОНИТОРИНГОВЫХ ИЗМЕРЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Р.И. МЕЛЬНИКОВА
Е.А. ЗАХАРОВА

*Воронежский институт
экономики и социального
управления*

В статье рассматриваются возможности и значение социологических исследований в выявлении проблем практической реализации основ местного самоуправления.

Ключевые слова: местное сообщество, муниципальное управление, реформа местного самоуправления, местная власть, кадры органов местного самоуправления, имидж муниципальной службы, мониторинговые исследования.

Ни для кого не секрет, что состояние муниципального управления решающим образом влияет на социально-экономическое и культурное развитие страны. В проектах демократических преобразований общества местное самоуправление выступает своеобразным имплантатом, иницирующим «изнутри» перестройку и развитие всего общественного организма. Говоря о значении изучения становления института местного самоуправления, эффективного функционирования системы муниципального управления, следует отметить важность степени динамичности этих процессов. Это обуславливается тем, что являясь необходимым условием демократической перестройки в стране, местное самоуправление одновременно несет в себе и все издержки данного процесса.

Современное российское государство окончательно сформировало свое отношение к местному самоуправлению через его реформирование, начало которому было положено принятием нового федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

При этом следует отметить, что это одна из реформ последнего десятилетия, которая осуществлялась не декларативно, а реально. Подтверждением этому являются и новая система территориальной организации местного самоуправления, и новые подходы к формированию органов местного самоуправления, расширению их полномочий, и создание новой правовой базы, и т.д. Конечно же, процесс идет сложно, с определенными трудностями и проблемами.

Одна из таких проблем связана с привлечением и использованием научно-теоретических исследований в практике муниципального управления. Нельзя не заметить, что в последнее десятилетие значительно расширилась предметная область научных социологических исследований в сфере местного самоуправления. Однако они имеют смысл только при условии, если предстают в человеческом измерении и востребованы практикой.

Поэтому представляется необходимым обратить внимание на такой аспект как взаимодействие социологической науки и практики, в частности, на использование результатов мониторинговых исследований, являющихся способом «познавательной и предметно-практической деятельности, обеспечивающей в сочетании с другими методами исследования комплексную, оперативную и адекватную оценку социальных ситуаций, позволяющих осуществлять эффективное прогнозирование и выработку оптимальных управленческих решений¹.

В соответствии с Конституцией РФ, становление современной системы местного самоуправления в субъектах Российской Федерации ведется с учетом исторических и иных местных традиций и поэтому в каждом из них оно имеет свои вариативные особенности, обусловленные и различиями в численном составе населения субъектов, и степени готовности органов местной власти к выполнению всего объема полномочий, преду-

¹ Милехин А.В. Социологический мониторинг – средство информационного обеспечения управления в общественных системах: дисс... д-ра социол. наук. М., 1999. – С.43-61.

смотренных ФЗ № 131, и сложившейся практикой наделения их отдельными государственными полномочиями.

Как уже было отмечено, этот процесс идет сложно, медленно, а порой и с нарушением законов.

И это не удивительно, поскольку нормативная база местного самоуправления по-прежнему носит неустойчивый и незавершенный характер. Практика взаимодействия с работниками органов местного самоуправления области по самым различным вопросам, относящимся к реализации основных принципов и направлений реформы, результаты проведенных социологических исследований показали, что постоянные поправки и изменения в законодательстве, по мнению 70% глав сельских поселений, отрицательно сказываются на ходе муниципальной реформы, организации качественной управленческой деятельности на местах в соответствии с законодательством. Многие статьи законов приняты на перспективу и не могут быть исполнены по вполне объективным причинам, например, как отмечают те же главы сельских поселений, из-за отсутствия необходимых средств².

Нельзя не отметить еще одну из важных стратегических проблем становления современной системы местного самоуправления – низкий уровень самостоятельности и активности населения муниципальных образований, отсутствие традиций самоуправленческих начал на всех уровнях – сельском, районном, городском. Иждивенчество, равнодушные, отсутствие понимания собственной роли в решении местных вопросов характерны для большинства жителей муниципальных образований, которые недостаточно информированы даже о работе органов местного самоуправления. В этом мы убедились, проводя исследование мнения населения г. Воронежа в период избирательной кампании мэра в 2008 году, в ходе которого более 56% жителей отметили, что ничего не знают о федеральном законе и законодательстве субъекта Федерации о местном самоуправлении, только 8% знакомы с Уставом города. А на вопрос «Несет ли население ответственность за результаты деятельности местного самоуправления?» – более 40% ответили отрицательно; кроме этого, около 20% затруднились ответить³.

Такое положение, естественно, свидетельствует о необходимости популяризации среди населения знаний о сущности местного самоуправления, его правовых основах, формах и способах участия граждан в реализации принципов народовластия на территории своего муниципального образования. И инициатива в этой работе должна исходить от самих органов местного самоуправления, их работников, которые, в то же время, являются жителями муниципального образования. И здесь важно, как было отмечено В.В. Путиным, активизировать взаимодействие муниципальной власти с гражданами, развивать саморегулирование их отношений на основе партнерства, развития не только «пассивного», но и «активного» права каждого реагировать на те, или иные решения, проекты власти⁴.

На наш взгляд, решать данную проблему следует уже с раннего возраста. Например, через организацию преподавания в школах такой дисциплины как «Основы местного самоуправления». Кое-где такой опыт уже имеется, но это пока редкость. К сожалению, мы находим возможность вводить и курсы по религиоведению, и по сексологии, и многие другие (безусловно, нужные), а организация муниципального управления не изучается.

В нашем регионе областная и городская администрации в решении этого вопроса нашли, на наш взгляд, интересную форму работы с учащейся молодежью – проведение конкурса «Взгляд молодых на проблемы местного самоуправления», который ежегодно организуется на базе Воронежского института экономики и социального управления, как муниципального вуза, и теперь уже стал традиционным. Ежегодно в нем принимают уча-

² Данные итогов социологических исследований среди 380 глав сельских поселений Воронежской области, проведенных Центром методического сопровождения реформы местного самоуправления и подготовки кадров муниципальных служащих при МОУ ВПО «Воронежский институт экономики и социального управления» в 2006–2007 гг.

³ Социологические исследования среди жителей г. Воронежа в период предвыборной кампании мэра (февраль – март 2008 г.) проведены Центром социологических исследований Воронежского института экономики и социального управления (всего опрошено более 2500 человек).

⁴ Путин В.В. Демократия и качество государства / Официальный сайт В.В. Путина. – www.putin2012.ru

стие до двухсот школьников и учащихся техникумов, ПТУ, десятки преподавателей, оказывающих помощь в изучении истории местного самоуправления, самоуправленческих традиций своего муниципального образования. Это привлекает внимание молодежи к проблемам местного самоуправления и определению своего места и роли в решении вопросов местного значения. Студенты нашего вуза, благодаря этому конкурсу, создали музей истории местного самоуправления г. Воронежа, который является стартовой площадкой в подготовке к будущей профессии.

К сожалению, следует отметить, что идеология формирования местного самоуправления еще малодоступна населению. В общественном сознании пока не преодолено отношение к нему как к власти, которая ничем не отличается от государственной, а в некоторых случаях распространяются утверждения, что от местной власти ничего не зависит в решении жизнеобеспечения местного сообщества. Это свидетельствует и о недостаточно оптимальном состоянии имиджа органов местного самоуправления.

Данный вывод подтверждается как всероссийскими исследованиями, так и исследованиями, проведенными на региональном уровне среди сотрудников органов местного самоуправления. На вопрос «Какой уровень власти является главным в успешном решении местных проблем?» – указали на органы местного самоуправления только 16,8% ⁵. Среди причин невысокой эффективности хода реформы местного самоуправления респондентами отмечались:

Таблица 1

Распределение респондентов о причинах недостаточной эффективности реформы местного самоуправления

Варианты ответов	%
- финансовая несостоятельность муниципалитетов	74,8%
- слабая материальная база	62,4%
- перегрузка полномочиями органов местного самоуправления без соответствующей экономической поддержки	59,8%
- безынициативность и безучастность населения в решении вопросов местного значения	50,1%
- недостаточная подготовленность кадров муниципального управления для работы в новых условиях	47,6%
- невысокая оптимизация деятельности органов муниципального управления и низкий уровень ответственности за результаты труда	41,3%
- слабая связь органов МСУ с населением, стремление вовлечения его в решение вопросов местного значения	34,1%

Как видим, в качестве наиболее значимых оказались причины финансово-экономического характера. Но среди причин значима и кадровая составляющая обеспечения успешного хода реформирования системы местного самоуправления. Именно человеческий фактор в любом деле играет решающую роль, а в управленческой деятельности – особенно.

Перспектива развития местного самоуправления во многом зависит от уровня профессионализма работников и специалистов в муниципальном управлении. Именно он является тем оселком, на котором балансируются интересы народа и власти на местах. Это аксиома, которая не требует доказательств.

Но пока приходится констатировать недостаточный уровень квалификации муниципальных служащих, неготовность многих из них работать в сложных условиях. Острый дефицит квалифицированных управленцев препятствует рациональному использованию ресурсов, снижает качество предоставляемых населению услуг, общую эффективность местного уровня власти – в то время как по его состоянию население судит о государстве

⁵ Исследования проведены среди более 1500 работников органов МСУ различных категорий в 2008/2009 гг. Центром социологических исследований Воронежского института экономики и социального управления.

в целом, поскольку оценка власти в значительной степени идет от удовлетворенности общением с местными чиновниками. Однако, согласно социологическим исследованиям, проведенным в Саратовской области ⁶, только 10% населения отметили доброжелательное и внимательное отношение местных органов к их заявлениям и просьбам, а 66% респондентов недовольны работой муниципальных служащих. Аналогичные данные получены и учеными РАГС в ходе социологических исследований в 18 субъектах ⁷ федеральных округов РФ⁷.

Наиболее отрицательное влияние на уровень доверия населения местной власти, как показывает проведенное нами исследование, оказывают факторы, связанные с бюрократическими издержками.

Таблица 2

Мнение респондентов о факторах влияния на уровень доверия населения местной власти

	Варианты ответов	%
1	Низкий профессиональный уровень муниципальных служащих	23,0%
2	Недостаток необходимых нравственных качеств муниципальных служащих	25,2%
3	Незнание работниками законов и других нормативных актов	14,9%
4	Низкая исполнительская дисциплина муниципальных служащих	27,0%
5	Коррупционированность, взяточничество среди муниципальных служащих	39,2%
6	Бюрократизм работников органов местного самоуправления	37,0%
7	Оторванность от интересов граждан	36,5%
8	Низкий авторитет всех органов власти в обществе	23,2%

В целом оценили положительно произошедшие за последние 10 лет изменения в деятельности органов местной власти только 6,2%, а 31,1% отметили, что все осталось без изменений, еще 17,7% придерживаются мнения об ухудшении работы органов местной власти. Доверие к органам власти различных уровней и общественным институтам в оценках населения, по социологическим исследованиям, проведенным в ЦЧР, показывает, что 62,1% доверяют Президенту РФ, 53,5% – церкви и только 17% – органам местного самоуправления⁸.

Необходимо отметить, что достижение результатов и эффективность муниципальной службы «зависит в современных условиях не только, а может даже не столько от объема финансовых ресурсов (что очень часто называется в качестве основной причины), сколько от способности к управлению кадрами муниципального образования, умения эффективно использовать наличные ресурсы. Именно поэтому кадровый состав органов местного самоуправления становится критическим фактором развития муниципальных образований, оптимизатором их деятельности, как в количественном, так и в функциональном направлении»⁹.

Мониторинг исследования качественного кадрового состава органов местного самоуправления, по информации Минрегионразвития РФ, показывают, что по всем муниципальным образованиям Российской Федерации к категории муниципальных служащих относится более 300 тыс. чел. При этом только 39,8 тыс. (12,1%) от общего числа прошли повышение квалификации¹⁰.

⁶ Муталимов А.М. Самоуправление как одна из предпосылок демократии // Власть, 2004. № 5. – С. 51.

⁷ Магомедов О.К., Турчинов А.И. Работа органов местного самоуправления в оценках населения и самооценка муниципальных служащих / Информационно-аналитический материал по результатам исследований, проведенный кафедрой государственной службы и кадровой политики Российской академии государственной службы при Президенте РФ. – Ульяновск: ОГПУ «Печатный двор», 2007. – С. 165.

⁸ Будущее Центрально-Черноземного региона в контексте общероссийских политических процессов / Под ред. А.В. Глухой. Воронеж, 2008. – С. 176.

⁹ Мельникова Р.И. Реформирование местного самоуправления и становление гражданского общества: социальный опыт России. Воронеж, 2005. – С. 241.

¹⁰ Итоги реализации Федерального Закона от 06.10.2003 г. № 131 «Об общих принципах реализации местного самоуправления в Российской Федерации». М., 2008. – С. 60.

Понимание важности решения проблем кадрового обеспечения и их влияния на имидж органов местного самоуправления и власти в целом сегодня характерно для многих субъектов. Очень важно изучать и пропагандировать положительный опыт регионов в этом отношении различными способами и в различных формах.

Только за последние два года на базе Воронежского института экономики и социального управления прошли повышение квалификации более 2 тыс. человек (32%). В ходе обучения проводились мониторинговые исследования по основным профессиональным затруднениям и потребностям в их практической деятельности. Анализ результатов показал, что среди муниципальных служащих сельских поселений до 50% не имеют высшего образования; из них до 60% пришли в органы местного самоуправления, не имея до этого опыта управленческой деятельности. По собственной оценке, 24% считают подготовленность к работе в сфере муниципального управления недостаточной; 56% оценивают ее как удовлетворительную, но испытывают затруднения в решении экономико-управленческих, психологических и правовых вопросов, и только 10% считают свою профессиональную подготовку высокой. Среди мотивов поступления на муниципальную службу выделяется стремление иметь гарантии постоянной работы, стабильности положения (62%).

Недостаточно высокий качественный состав органов местного самоуправления, особенно сельских, иногда оправдывают, исходя из того, что не из кого выбирать. Да, сложность есть, но, на наш взгляд, мы не всегда используем имеющийся потенциал. Так, в каждом регионе есть вуз, занимающийся подготовкой специалистов государственного и муниципального управления. Проведенный анализ территориально-географического постоянного проживания студентов по каждому муниципальному образованию Воронежской области показал, что из них в институте по данной специальности обучается от 2 до 10 студентов. Это и есть реальный резерв кадров. Но с ним нужно работать, тем более, что сегодня достаточно остро стоит вопрос омоложения кадров. Например, в нашей области 45% муниципальных служащих – люди в возрасте старше 50 лет. Поэтому требуется работа по формированию молодежного резерва кадров и его опережающая подготовка к работе в сфере муниципального управления. Не случайно эта проблема красной нитью проходит в выступлении Президента РФ, принят специальный Указ о кадровом управленческом резерве.

Решая проблему влияния социологических исследований на процесс совершенствования управленческой деятельности в системе местного самоуправления, следует привлекать к этой работе студентов, воспитывая в них, как в будущих управленцах, интерес к ней, понимание ее необходимости в реальной деятельности. Для этого в состав заданий на практику обязательно должна входить работа, предусматривающая проведение социологических опросов, анкетирования по определенной проблематике местного самоуправления непосредственно в муниципальном образовании. К сожалению, такой вид их деятельности зачастую оченьстораживает руководителей муниципальных образований, и результаты таких исследований нередко принимаются, мягко говоря, недружелюбно. Это свидетельствует об отсутствии понимания научных основ организации управления, недостаточном уровне их научно-теоретической подготовки, непонимании важности мониторинговых исследований. Определенную роль в обеспечении понимания необходимости такого вида деятельности, на наш взгляд, способны сыграть научно-практические семинары и конференции с привлечением ученых экономистов, социологов, юристов, политологов.

Ежегодная практика научного осмысления проблем местного самоуправления стала традицией в Воронежской области. Она строится, исходя из анализа и результатов социологических мониторинговых исследований по различным направлениям хода реформирования местного самоуправления с выработкой практических рекомендаций по оптимизации процесса развития муниципального управления в области, повышению имиджа органов местного самоуправления.

Данные социологических исследований все активнее используются в практической деятельности, формируются целевые заказы на их проведение и со стороны руководства области, и со стороны некоторых органов местного самоуправления (хотя пока еще значительно реже). В настоящее время в муниципальных образованиях на территории

Воронежской области реализуется социологический проект по определению уровня удовлетворенности населения деятельностью органов местного самоуправления и их имиджа, в проведение которого включены ученые Воронежского государственного университета, Воронежского института экономики и социального управления, студенты и аспиранты вузов.

На данном этапе реформы очень важно иметь не только концепцию развития местного самоуправления в каждом регионе, но и принять программу координации соответствующих научных исследований, в которых, безусловно, свое место должна занять и социология. Прикладные социологические измерения могут и должны стать ориентиром в выработке эффективной политики реализации самоуправленческих начал, активизации самого населения в решении вопросов местного значения, повышении имиджа органов местного самоуправления.

Список литературы

1. Милехин А.В. Социологический мониторинг – средство информационного обеспечения управления в общественных системах: дисс... д-ра социол. наук. М., 1999.
2. Данные итогов социологических исследований среди 380 глав сельских поселений Воронежской области, проведенных Центром методического сопровождения реформы местного самоуправления и подготовки кадров муниципальных служащих при МОУ ВПО «Воронежский институт экономики и социального управления» в 2006-2007 гг.
3. Социологические исследования среди жителей г. Воронежа в период предвыборной кампании мэра (февраль – март 2008 г.) проведены Центром социологических исследований Воронежского института экономики и социального управления (всего опрошено более 2500 человек).
4. Путин В.В. Демократия и качество государства / Официальный сайт В.В. Путина. – www.putin2012.ru
5. Исследования проведены среди более 1500 работников органов МСУ различных категорий в 2008/2009 гг. Центром социологических исследований Воронежского института экономики и социального управления.
6. Мугалимов А.М. Самоуправление как одна из предпосылок демократии // Власть, 2004. № 5.
7. Магомедов О.К., Турчинов А.И. Работа органов местного самоуправления в оценках населения и самооценка муниципальных служащих / Информационно-аналитический материал по результатам исследований, проведенный кафедрой государственной службы и кадровой политики Российской академии государственной службы при Президенте РФ. Ульяновск, 2007.
8. Будущее Центрально-Черноземного региона в контексте общероссийских политических процессов / Под ред. А.В. Глуховой. Воронеж, 2008
9. Мельникова Р.И. Реформирование местного самоуправления и становление гражданского общества: социальный опыт России. Воронеж, 2005.
10. Итоги реализации Федерального Закона от 06.10.2003 г. № 131 «Об общих принципах реализации местного самоуправления в Российской Федерации». М., 2008.

USE OF MONITORING DIMENSION IN THE OPERATION OF MUNICIPAL GOVERNMENT

The opportunities and significance of social research studies targeted at revealing the implementation of Local Management principles as well as the efficiency of Local Management are treated in the publication.

R.I. MELNIKOVA
E.A. ZAKHAROVA

*Voronezh Institute economic
and social management*

Key words: Local Community, municipal administration, Local Management, reform of Local Management, Local Authority, human resources of Local Management, image of the municipal service, research monitoring

УДК 378.014.54:005.591.6:005.334.2

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ КОНФЛИКТОВ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В ВУЗЕ КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА¹

В.Б. ТАРАБАЕВА

*Белгородский государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: tarabaeva@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются особенности проведения в вузе мониторинга конфликтов инновационного развития. Проанализированы условия, необходимые для успешного проведения такого мониторинга, определены основные этапы его проведения. Приводятся результаты проведённого экспертного опроса о причинах инновационных конфликтов в вузе.

Ключевые слова: социологический мониторинг, конфликт инновационного развития, внутривузовская среда, управление, качество образовательного процесса.

Введение

Существование и развитие любой организации связано с возникновением противоречий, борьбой сторон, возникновением различного рода конфликтов и их разрешением. Избежать этого нельзя. Особенно, если организация интенсивно развивается, в ней происходят бурные инновационные преобразования. Не являются исключением и вузы, ставшие на путь инновационного развития. Конфликты в таких вузах – довольно частое явление. С одной стороны, конфликт может стать стимулом для дальнейшего развития вуза, но с другой стороны, может дестабилизировать положение в вузе, ухудшить качество образовательного процесса, если им не управлять. Управление инновационными конфликтами должно строиться на основе прогнозирования, одним из начальных этапов которого является мониторинг. На основе данных мониторинга квалифицированными специалистами должна осуществляться разработка технологий предупреждения и разрешения конфликтов инновационного развития.

Теоретический анализ

Можно ли вообще выделить конфликты, возникающие в ходе инновационного развития вуза в отдельную категорию конфликтов инновационного развития?

Этот вопрос в ходе проведения социологического исследования был задан экспертам. Было опрошено 50 экспертов – деканов факультетов, проректоров, руководителей различных подразделений вуза, ведущих учёных в области теории управления. 29,17% ответили на этот вопрос утвердительно, 18,75% посчитали, что такой необходимости не существует; 6,25% заметили, что не все конфликты, происходящие в ходе инновационных изменений можно отнести к категории «конфликтов инновационного развития». Остальные затруднились ответить на данный вопрос. Тем не менее, всё же большинство экспертов считают, что подобного рода конфликты должны быть выделены в отдельную категорию.

Экспертам было предложено дать определение понятию «конфликт инновационного развития». Данное предложение вызвало затруднение у 62,5% экспертов. Остальные, не давая полного определения, остановились на отдельных, наиболее существенных на их взгляд характеристиках. Так, 2,08% экспертов отметили, что конфликт инновационного развития – явление закономерное. 18,72% считают, что это – взаимодействие людей в организации, вставшей на путь инновационного развития, направленное у одних на отстаивание нововведений, а у других – на борьбу за старые, устоявшиеся формы работы.

8,38% полагают, что подобного рода конфликты – это борьба инновационных и традиционалистских ценностей, норм, мнений. По мнению 2,08% экспертов конфликт инновационного развития – борьба установок: у одних на необходимость вносить изменение

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания высшим учебным заведениям на 2012 год, № 6.2744.2011 «Социологический мониторинг внутриуниверситетской среды как условие обеспечения качества образовательного процесса»

в жизнь вуза, у других – на жизнь по старинке, на отсутствие изменений; 2,08% отметили, что это конфликт, способ разрешения которого способствует развитию; 2,08% рассматривают конфликт инновационного развития как конфликт между креативностью ученых и формализмом системы управления наукой и образованием; 2,08% полагают, что конфликт инновационного развития связан с недостаточностью знаний и возможностей в интересующей области у одних оппонентов и прогрессивностью взглядов – у других.

Таким образом, основываясь на анализе конфликтологических исследований и на мнениях экспертов, мы можем дать рабочее определение конфликту инновационного развития – это форма взаимодействия индивидов в учреждении или организации, вставшей на путь инновационного развития. В ситуации подобного взаимодействия акторы инновационного процесса² действуют в соответствии с противоположными по своему содержанию нормами, ценностями, установками, что выражается в направленности действий у одних участников на быстрее внедрение инноваций в деятельности учреждения или организации, а у других – на сопротивление этим изменениям.

Конфликт инновационного развития в вузе представляет собой взаимодействия участников инновационного процесса, при котором они руководствуются противоположными ценностями, имеют взаимоисключающие представления о содержании, форме и целях инновационного развития и противодействуют друг другу в ходе разработки и внедрения новшеств в учебный, научный и воспитательный процесс.

Таким образом, можно выделить основные аспекты конфликта инновационного развития:

– противоположные ценности участников конфликта. Как уже отмечалось выше, по отношению к инновациям преподаватели и сотрудники вуза нередко занимают несопадающие, часто противоположные позиции. Это противопоставление проявляется в том числе на уровне ценностей и смыслов. Для вузовских работников типичны три модели отношения к инновациям. В соответствии с первой, любое нововведение, особенно если оно предложено руководством, приветствуется. Данную позицию можно определить как модернистскую. Во втором случае инновации подвергаются селекции, из них отбираются и используются лишь некоторые. При этом работниками используются различные критерии выбора перспективных инноваций. Чаще всего, это соответствие новой идеи традициям образования, личному опыту человека. В других случаях критерий отбора связан с прогнозом вероятных последствий применения новшества. Подобную позицию мы определяем как традиционалистскую. Наконец, существует сравнительно небольшая группа работников, которые принципиально отвергают нововведения, по меньшей мере, в их современной форме. Эту позицию мы характеризуем как консервативную. В основе ее обычно лежат страх понижения собственного статуса, ощущение неспособности к освоению новых технологий, непонимание их сути;

– противоположное восприятие содержания инноваций и способов их реализации. Восприятие инновации, разумеется, во многом зависит от ценностно-целевых установок участников. Но на его оказывают влияние и такие факторы как уровень информированности, способность субъекта оценить последствия новшества, представление о характере проблем, возникающих при его освоении, индивидуально – психологические особенности участников инновационного процесса, наличие негативной установки на нововведение;

– противоположные действия участников конфликта. Одни внедряют инновации, другие – им противодействуют. Как правило, сторонники нововведений пытаются воздействовать на оппонентов с помощью убеждения, обращаются за поддержкой окружающих, апеллируют к положительному опыту внедрения инноваций, больше информируют окружающих о нововведении. Их оппоненты, напротив, критикуют нововведения, создают искусственные препятствия на пути внедрения нововведений, например – увеличивают служебную нагрузку, если являются начальником новатора, угрожают появлением негативных последствий в результате внедрения нововведения.

Итак, конфликт инновационного развития представляет собой особый вид конфликтов, возникающих в процессе разработки и внедрения новшеств.

² Под актором в данном случае понимается субъект, принимающий активное участие в конфликте.

Социологический мониторинг конфликтов инновационного развития в вузе рассматривается как регулярное исследование конфликтологической ситуации, осуществляемое по одной и той же методике. Мониторингу присущи следующие характеристики: не разовые замеры объектов, явлений и процессов, а периодические, по которым можно судить об их динамике; систематическое выяснение состояния явлений, объектов и процессов с использованием этой информации по каналам обратной связи для принятия оптимальных управленческих решений; выработка и реализация преобразовательных управляющих воздействий на объекты, явления и процессы, которые попадают в зону мониторинга, т.е. он не сводится лишь к измерительно-оценочной деятельности³.

Такое исследование даёт возможность понять не только их состояние, но и динамику. При этом в рамках мониторинга экспертная оценка увязывается с другими исследовательскими технологиями.

Основные этапы проведения мониторинга.

Этап 1. Определение “организаторов” мониторинга. Основным “организатором” системы мониторинга может выступать руководство инновационного вуза, так же различные исследовательские центры, имеющиеся в вузе, такие как, например, центр социальных технологий. В мониторинге могут принимать участие и временные творческие коллективы, которые смогут осуществлять сбор и обработку данных, а так же внешние эксперты.

Этап 2. Постановка целей системы. Нужно четко определить, что следует достичь с помощью системы мониторинга, ответив на следующие вопросы:

– Зачем в вузе нужна система мониторинга конфликтов инновационного развития? Возможны следующие ответы на этот вопрос: мониторинг необходим для улучшения системы управления вузом; для профилактики или успешного разрешения возможных конфликтов; для определения проблем, которые требуют первоочередного решения; для контроля и оценки эффективности управления вузом.

– Должна ли система мониторинга быть всесторонней (т.е. охватывать все сферы жизни вуза), или лучше сосредоточиться на образовательной и научной сферах? По нашему мнению, второй вариант предпочтительнее, так как он позволяет получить наиболее важную информацию при минимуме затраченных ресурсов.

Этап 3. Идентификация “ключевых показателей – индикаторов”. За постановкой цели и задач мониторинга следует определение индикаторов для измерения степени достижения поставленных целей. Индикаторы служат для измерения отдельных составляющих логической схемы мониторинга. Выбор показателей и индикаторов зависит от того, какие показатели можно реально отследить при имеющихся ресурсах и возможностях, а так же от типов данных, имеющихся в распоряжении организаторов мониторинга. Процесс выбора должен начинаться с анализа того, какие данные могут быть доступны и какие имеются возможности по сбору дополнительной информации о конфликте инновационного развития в вузе.

Если отдельные показатели пока недоступны для оценки, их нужно включать в систему мониторинга только в том случае, если есть реальная возможность разработать механизмы по сбору и анализу данных, применяемых для построения таких индикаторов. Учитывая сказанное выше, выбор показателей необходимо осуществлять в соответствии со следующими принципами:

- выбирая показатели, не следует создавать необоснованных затруднений для тех, кто отвечает за сбор информации;
- показатели должны, по возможности, строиться с учетом существующих источников данных;
- при возникновении проблемы с источниками данных, отсутствии необходимой информации или неточности существующих данных, должны предприниматься меры для повышения надёжности существующих ресурсов или создания новых источников адекватной информации;

³ Сурмин Ю.П., Туленков Н.В. Теория социальных технологий. – Киев, 2004. – С.575.

• индикаторы, характеризующие показатели конфликта инновационного развития, должны быть количественными и допускать измерение, повторяющееся с течением времени; в крайнем случае, индикаторы должны отражать два взаимоисключающих варианта ответа на поставленный вопрос.

При разработке системы мониторинга необходимо выбрать показатели, удовлетворяющие указанным выше свойствам. Не следует выбирать такие показатели, которые необоснованно сложно измерить, построить, которые не связаны с исследуемыми в рамках программы мониторинга проблемами.

В качестве важных показателей, характеризующих инновационный процесс в вузе и возможность возникновения инновационных конфликтов, мы выделили: отношение работников вуза к инновациям и инновационным ценностям; восприимчивость к нововведениям; уровень инновационной активности работников вуза; готовность к освоению новшеств. Количественные характеристики этих показателей позволяют определить социологические индикаторы инновационного процесса в вузе и причины возникновения конфликтов инновационного развития в нём.

Этап 4. Определение источников данных. Основными источниками данных для мониторинга конфликтов инновационного развития являются результаты социологического опроса и опроса экспертов.

Этап 5. Оценка доступных ресурсов. При организации мониторинга необходимо рассмотреть ресурсы, которые уже имеются, либо те, которые необходимо получить. Они могут включать:

- сотрудников, достаточно квалифицированных для того, чтобы собирать статистические данные и извлекать из них необходимую информацию.

- оборудование и подручные материалы (бланки, диски, компьютер).

Необходимо рассмотреть условия, в которых будет происходить мониторинг конфликтов инновационного развития, особенно на первых этапах, т.е. во время опроса преподавателей и сотрудников, глубинных интервью. Важно, чтобы окружающая обстановка и люди, проводящие анкетное интервью, располагали к сообщению информации. Достаточно ли комфортным для интервьюируемого является то место, где происходит беседа?

Этап 6. Информирование и привлечение участников мониторинга. Следующим шагом является информирование и привлечение преподавателей и сотрудников всех вузов, которые были определены как возможные участники системы мониторинга. Необходимо убедить участников в том, что мониторинг будет для них полезен, и обеспечить их участие в нем. В конечном счете, привлечение людей, заинтересованных в результатах мониторинга, к разработке и использованию системы мониторинга будет весьма полезно. Они почувствуют себя полноправными участниками завершенной процедуры мониторинга, и это сделает ее более устойчивой.

Этап 7. Определение инструментов сбора данных. Какой объем данных, и какого типа данные необходимо будет собрать, зависит от приоритетов, а также имеющихся в наличии ресурсов. Определение инструментов сбора данных во многом зависит от целевой группы, в которую могут входить как представители вузов, так и внешние эксперты. Следующим шагом после определения целевой группы будет планирование выборки. После построения дизайна выборки следует выбрать соответствующие цели методы сбора информации. Это могут быть различные социологические методы: проведение интервью, фокус-групп, анкетных опросов, анализа документов, прямого наблюдения и т.д. Для каждого выбранного метода необходимо подготовить рабочий материал – инструкции интервьюерам, опросные листы, бланки анкет и т.д. Необходимо отметить, что выбор метода сбора данных и применяемых инструментов зависит от имеющихся в наличии ресурсов, временных рамок и требований к получаемой информации. Также важно определить, какие показатели отчетности вузов могут использоваться для дальнейших исследований.

Опыт показал, что наиболее эффективным методом сбора социологической информации являются анкетирование преподавателей и сотрудников вуза и экспертный опрос.

Этап 8. Сбор данных. При сборе данных необходимо иметь в виду, что важность данных должна соотноситься со стоимостью их получения. Следует определить, кто будет собирать данные, и где это будет происходить. Для сбора данных целесообразно исполь-

зовать подготовленных анкетеров, имеющих опыт проведения социологических исследований.

Этап 9. Обработка данных. Системы обработки данных могут быть не только электронными. Каким бы ни был метод обработки данных, важно, чтобы при хранении данных и процедуре обработки сохранялся принцип конфиденциальности личной информации, предоставленной респондентом. Следует всегда помнить, что респонденты – важные участники системы, их вклад должен признаваться и уважаться.

Этап 10. Разработка и отсылка отчетов. Следующим шагом является составление основных отчетов системы мониторинга, для которых устанавливается определенная частота написания и рассылки. Эти основные отчеты являются средством передачи результатов мониторинга всем заинтересованным лицам. При принятии решения о разработке отчетов и частоте их написания должны учитываться потребности всех участников мониторинга.

Если используются электронные средства обработки данных, написание базовых отчетов должно быть автоматическим и быстрым. Если все участники имеют доступ к компьютерам и выход в Интернет (или во внутреннюю локальную сеть), то имеется возможность отсылать и получать самую свежую информацию.

Этап 11. Подготовка персонала и активизация системы. В предыдущих шагах активное участие принимали все участники мониторинга. Чтобы укрепить желание людей участвовать в системе, необходимо планировать и осуществлять их подготовку по работе с системой и использованию данных, принимая во внимание долю их участия. Подготовка должна осуществляться на трех уровнях, все участники должны пройти первый уровень, некоторые – второй и лишь отдельные – третий уровень.

Система мониторинга может стать частью обучающих занятий. Как только люди освоятся с процедурой заполнения бланков и обработки данных, эта работа может стать частью их повседневных обязанностей. Документы, определяющие системные процедуры и материалы для подготовки, должны быть всегда доступны для ознакомления и подготовки новичков.

Этап 12. Оценка системы мониторинга конфликтов инновационного развития. С начала своей работы система мониторинга нуждается в постоянном контроле и периодической оценке, которые нужны для быстрого выявления и устранения проблем. Необходимо ежедневно контролировать систему и разрешать возникающие проблемы, связанные с неверным или небрежным заполнением части бланков, невозвращением бланков, нежеланием отдельных респондентов отвечать на вопросы.

Ниже представлена логическая схема всех процессов мониторинга конфликтов инновационного развития. Эффективное построение логической схемы процесса мониторинга предполагает: применение методики мониторинга и ее оценки; определение основных факторов, определяющих успешность (не успешность) реализуемых мероприятий; определение таких показателей, которые могут быть достаточно точно определены и измерены через индикаторы; наличие потенциальных возможностей изменения применяемой методики.

Как упоминалось выше, при проведении мониторинга важно отслеживать как промежуточные так и конечные индикаторы, характеризующие состояние каждого показателя. Лишь отклонение показателей результатов от ожидаемых «включает» всю систему непрерывного улучшения качества мониторинга. Возникшая проблема анализируется, и выбирается наиболее эффективный способ ее решения.

В перспективе в ходе мониторинга конфликтов инновационного развития могут применяться альтернативные подходы, включающие в себя глубинные интервью, интервью с основными информаторами, обсуждения в фокус-группах и различные типы наблюдений, могут дополнить широкомасштабные структурированные исследования. Такой подход способствует более углубленному анализу результативности проводимых мероприятий. Хотя эти альтернативные подходы необязательно входят в регулярную систему исследований, они могут играть важную роль при разработке политики и планировании системы мониторинга и оценки.

Специфические причины инновационных конфликтов в вузе можно объединить в пять групп. Причины конфликта – это совокупность обстоятельств и факторов, действие которых приводит к возникновению конфликта⁴.

Объективные причины заключаются в естественном столкновении новаторов и консерваторов. Сторонники и противники нововведений всегда были, есть и будут независимо от каких-либо других факторов. «Дух новаторства и дух консерватизма изначально присущ человеку, социальной группе, человечеству в целом»⁵. Кроме того, масштабные реформы, происходящие в обществе, отрасли, организации, объективно порождают множество межличностных инновационных конфликтов, являющихся следствием этих реформ.

Наличие обеих категорий: так называемых «новаторов» и «консерваторов» в вузах выявил проведенный нами опрос экспертов: так, 14,58 % экспертов считают, что инновации в высшем образовании приносят скорее вред, чем пользу. Их мы относим к категории «консерваторов». 37,5 % утверждают, что инновации – это эффективный путь развития высшего образования и сами являются активными участниками инновационного процесса. Этим участникам опроса к категории «новаторов». Разумеется, позиция экспертов может отличаться от позиции непосредственных участников инновационного процесса, но в любом случае столь заметное размежевание первых указывает на факт противостояния вторых.

Однако наше исследование показало, как уже отмечалось выше, несмотря на традиционный консерватизм вузовской системы, он сам по себе не является главной причиной конфликтов инновационного развития. В этой связи требует уточнение понятия консерватизма в учреждениях высшего профессионального образования. Консерватизм в восприятии преподавателей в настоящее время представляет собой не столько отрицание необходимости нововведений, но утверждение, что эти нововведения должны быть рационально обоснованы и согласованы с культурно-исторической традицией.

Поэтому, мы считаем более точным говорить не о противостоянии консерваторов и новаторов, но о противостоянии «традиционалистов» и «модернистов». Традиционализмом в вузе можно назвать следование старым традициям, нежелание что-то менять в системе научной работы, обучения и воспитания студентов. Модернизмом же может быть названо желание внести изменения, согласующиеся с модными веяниями западных образцов в учебный, научный и воспитательный процесс в вузе. Например, внедрение в некоторых вузах (в частности в Московской высшей школе социальных и экономических наук⁶) концепции предпринимательского университета Б. Кларка⁷.

Организационно-управленческие причины связаны с недостаточной отлаженностью управленческих механизмов оценки, внедрения и распространения новшеств. При наличии эффективных организационных процедур своевременного выявления новшеств, их объективной оценки, продуманных процессов внедрения, многие нововведения находят применение без конфликтов. Восприимчивость руководителей к новому, их участие в инновационных процессах также способствует уменьшению количества конфликтов.

Так, по данным опроса экспертов низкий уровень управления инновациями отметили 14,58%. Отсутствие эффективных технологий внедрения инноваций – 25%; отсутствие у руководителей вузов и их подразделений восприимчивости к новому – 31,25% экспертов; слабую инновационную мотивацию подчеркнули 54,17% опрошенных экспертов; неудовлетворительный уровень информированности об инновациях работников системы высшего образования отметили 12,5% опрошенных экспертов.

Таким образом, можно отметить, что на практике именно управление инновационным процессом является наиболее слабым звеном в инновационном развитии вуза.

⁴ Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. 2-е издание, Питер, 2006, – 342 с.

⁵ Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. – М.: ЮНИТИ, 1999. – 364с.

⁶ Яблонскене Н.Л. Корпоративная культура современного университета./ Н.А. Яблонскене // Университетское управление: практика и анализ. -2006. – №2(42). – С.7-30.

⁷ Clark B.R. Creating entrepreneurial universities` organizational pathways of transformation// Issues in Higher Education. Paris, 1998. – 198p.

Внутриинновационные причины, связанные с характеристиками самого нововведения. Различные новшества порождают различные по количеству и остроте конфликты.

В частности, по данным проведенного нами социологического исследования, наиболее положительно воспринимаются такие нововведения, как: использование современных компьютерных и телекоммуникационных технологий в образовании – 80,58%; создание в вузе учебно-научно-инновационных комплексов, технопарков – 65,53%; внедрение системы непрерывного образования – 16,65%. Напротив, вступление в Болонский процесс и введение кредитно-модульной системы отрицательно оценили 44,66% респондентов; утверждение рыночных механизмов – 33,98%. Чужеродность инноваций в данном случае означает их неадаптированность с социокультурной традицией.

Это еще раз наглядно подтверждает, что большинством участников инновационного процесса в вузе негативно воспринимается не сама идея новшеств, но ее вестернизированная западная интерпретация. Это типично для системы образования в целом. Так, Н.Н. Сегедина, говоря о внедрении новаторского педагогического опыта в школах, отмечала, что целенаправленное внедрение «чужих» инноваций, зачастую встречает сопротивление педагогических коллективов школ⁸.

Личностные причины заключаются в индивидуально-психологических особенностях участников инновационного процесса. Типичной личностной причиной инновационных конфликтов является наличие у многих работников выраженной негативной установки на изменения вообще и на нововведение в конкретной деятельности в частности. Исследование установок, проведенное Ю.И. Мягковым⁹, позволило установить существование отрицательной установки на любые изменения, связанные с внедрением нового, примерно у 50% испытуемых.

Негативная установка на нововведения формируется под влиянием того, что скывается общая усталость людей от продолжавшихся более десяти лет масштабных, радикальных и быстрых перемен.

По данным проведенного нами экспертного опроса 39,58 % ведущих ученых и руководителей различных подразделений вуза отметили, что инновационные конфликты значительно снизятся, если уменьшить многочисленность изменений, которая порождает эффект «инновационного переутомления».

Наконец, последняя группа причин – ситуативные причины, которые связаны с конкретными особенностями единичной инновационной ситуации. Каждое нововведение осуществляется в условиях конкретных социально-экономических, социальных, материально-технических и других обстоятельств. Эти обстоятельства могут способствовать возникновению инновационных конфликтов. Конфликт инновационного развития должен рассматриваться как продукт комплекса условий и обстоятельств, к числу которых относятся не только внешние, но и внутренние. В том числе: несовпадение позиции вуза и других социальных институтов в инновационной сфере, ведущее к тому, что либо внешняя среда не приемлет инновации, предлагаемые вузом, либо вуз ещё не готов достойно ответить на требования инновационной среды; нежелание руководства вуза учитывать тенденции внутреннего развития вуза и внешней среды; лично – профессиональные особенности участников инновационного процесса, их мотивы и педагогический потенциал, особенности коллективов кафедр и других подразделений.

На необходимость учета социальных условий, в которых протекает, конфликт указывал В.Н. Мясичев¹⁰. В целом в отечественной науке социальная среда как комплекс условий понимается достаточно широко. В нее включается не только ближайшее окружение личности, но и социальные группы, представителем которых является данный индивид. Учет этого окружения на уровне микросреды и макросреды позволяет понять содержательную сторону целей, мотивов сторон, а также их зависимость от этой среды. Однако, по данным проведенного нами опроса экспертов, лично-профессиональные особенности

⁸ Сегедина Н.Н. Управление инновационными процессами в региональной системе образования, Дисс.канд. социол.н. 22.00.08-Социология управления. Белгород, 2006. – С.86.

⁹ Мягков Ю.И. Межличностные инновационные конфликты во взаимоотношениях офицеров и психологические условия их конструктивного разрешения. Дис.канд.психол.наук, 1994. – 227с.

¹⁰ Мясичев В.Н. Личность и неврозы. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1960. – 230с.

субъектов инновационных процессов готовы учитывать 60,42% из них; мотивы субъектов инноваций – 47,92%; педагогический потенциал – 58,33%; особенности первичных коллективов – 41,67%; тенденции внутреннего и внешнего развития – 50%; комплексную оценку состояния проблемы – 66,67% опрошенных. Таким образом, полученное распределение мнений компетентных специалистов дает основание утверждать: многие компоненты инновационной среды не принимаются в расчет в процессе управления учреждениями высшего профессионального образования. Прежде всего, к ним относится специфика первичных коллективов и тенденции внутреннего и внешнего развития вуза.

Заключение

Таким образом, эффективность разрешения конфликтов инновационного развития зависит от понимания условий, в которых происходят инновационные изменения членами коллектива: считают ли вовлеченные в проект участники его «своим» или навязанным извне; воспринимают ли как способ уменьшения, а не увеличения проблем; гармонизирован ли проект с ценностями и идеалами организации; предлагает ли инновационная программа какой-то новый, по настоящему интересный для людей опыт; уверены ли те, кто вовлечен в инновацию в своей независимости и безопасности; сформулировано ли единое мнение в вузе по поводу приоритетов; ощущают ли люди одобрение, поддержку, доверие и уверенность; открыт ли инновационный проект для ревизии и пересмотра в случаях необходимости. Эффективным инструментом в выявлении этих условий служит социологический мониторинг конфликтов инновационного развития в вузе.

Список литературы

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. – М.: ЮНИТИ, 1999. – 364с.
2. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. 2-е издание, Питер, 2006, – 342 с.
3. Мягков Ю.И. Межличностные инновационные конфликты во взаимоотношениях офицеров и психологические условия их конструктивного разрешения. Дис.канд.психол.наук, 1994. – 227с.
4. Мясищев В.Н. Личность и неврозы. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1960. – 230с.
5. Сегедина Н.Н. Управление инновационными процессами в региональной системе образования, Дисс.канд. социол.н. 22.00.08-Социология управления. Белгород, 2006 – С.86.
6. Сурмин Ю.П., Туленков Н.В. Теория социальных технологий. – Киев, 2004. – с.575.
7. Яблонскене Н.Л. Корпоративная культура современного университета./ Н.А. Яблонскене // Университетское управление: практика и анализ. -2006. – №2(42). –С.7-30.
8. Clark B.R. Creating entrepreneurial universities` organizational pathways of transformation// Issues in Higher Education. Paris, 1998. – 198p.

SOCIOLOGICAL MONITORING OF THE CONFLICTS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT IN HIGH SCHOOL AS A CONDITION OF MAINTENANCE OF EDUCATIONAL PROCESS QUALITY

V.B. TARABAEVA

*Belgorod State Scientific
Research University*

e-mail: tarabaeva@bsu.edu.ru

The problems of carrying out the monitoring of conflicts of the high schools` innovative development are described. The conditions of the monitoring successful carrying out are analysed in the article. The basic stages of its carrying out are certain. The results of experts` interrogation are given here.

Key words: sociological monitoring, conflicts of innovative development, high school environment, management of the quality of educational process.

УДК 342.1

ФИЛОСОФИЯ И ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ И ЭКОНОМИКЕ ЗНАНИЙ

В.В. ТРОШИХИН*Белгородский
университет
кооперации
экономики и права*

В статье исследуется круг вопросов раскрывающих предельные основания теории управления не только как комплекса дисциплин ее составляющих и истолковывающих, а как целостный философско-методологический подход, вписанный в современное мировидение. Наряду с этим раскрывается такая функция управления как принятие решения в условиях риска и обосновывается необходимость разработки национальной модели управления.

Ключевые слова: философия управления, теория управления, стиль управления, общество риска, принятие решения, общество и экономика знания.

Наука, порождая высокие технологии, становится основным фактором производительного роста в обществе и экономике знаний. С появлением экономики знаний в области научной деятельности доминирующее положение занимает рынок, предъявляя новые требования действующим игрокам общества знания, независимо от того, к научным, экономическим или политическим сферам они относятся, потому что именно им предстоит обеспечить бурное и долгосрочное развитие социальной системы на стыке науки, экономики и политики.

Обращаясь к истолкованию понятий общества и экономики знаний, как к контексту философского и научного осмысления теории управления, заметим, что эти понятия не просто означают усиление или повышение роли науки в обществе, они фиксируют глубочайшие изменения в самом обществе, для которого научные знания и технологии становятся его сутью. В этом контексте становится особенно актуальным обращение к управленческой мысли, основной тенденцией которой является стремление превратить управление в науку. Для большинства академических дисциплин существует круг вопросов, которые характеризуют их предельные основания, именуемые философией соответствующей науки. Управление в этом смысле не является исключением, так как достигло такой стадии зрелости, которая требует философского осмысления собственных оснований. Термин «философия управления» очерчивает круг обобщающих суждений философского характера о предмете и методах управления, месте управления среди других наук и в системе научного знания в целом, его познавательной и социальной роли в современном обществе. Иначе говоря, философия управления рассматривает аксиологические, гносеологические и методологические основания человеческой деятельности в процессе управления.

Следует подчеркнуть, что управление как вид человеческой практики существует с момента появления необходимости в совместной, координированной деятельности людей. Такую управленческую деятельность в самом первом и общем подходе можно определить как действия людей соединяющих усилия для реализации общих задач и достижения единой цели.

Каждый этап исторической эволюции общества предлагал свои правила взаимоотношений субъектов управления, а также методы организации управленческого процесса, осмысление которого началось со времени появления самых первых социальных теорий, но только в последние сто лет управление становится самостоятельной научной дисциплиной, в которой ряд вопросов и проблем не имеет окончательного и общепринятого истолкования. Нам представляется, что теорию управления можно определить как логически упорядоченное знание, в котором интегрированы принципы, методы и технологии управления, утвердившиеся на основе использования теоретических результатов конкретных наук и информации, полученной опытным путем.

Специфическая черта управления заключается в его междисциплинарном характере, а также в тесном переплетении теоретических концепций и неизменной ориентации

на разрешение практических задач, что позволяет исследователям делить управленческое знание на два уровня: первый – теории социального управления, как часть общих политико-экономических и социально-философских концепций и второй – прикладная дисциплина, синтезирующая в себе фрагменты научных теорий таких дисциплин как математика, логика, психология, а также практические знания и навыки управления различными объектами.

Несмотря на обилие дефиниций понятия «управление», общезначимым в нем признается наличие таких компонентов, как объект, субъект, цели, средства, результаты и условия, а управление определяется в качестве преобразующей и направляющей деятельности, обеспечивающей достижение обозначенной цели. В соответствии с таким определением, управление может истолковываться как процесс воздействия субъекта на объект, направленный на упорядочение и сохранение или на разрушение и изменение системы объекта в соответствии с заданной целью. Очень часто русский термин «управление» заменяется синонимом «менеджмент» (management) и хотя по объему русский вариант гораздо шире, в научных публикациях эти термины используются как эквивалентные.

Проблемы управления в современном обществе приобретают актуальность для философии вообще и для социальной философии особенно в силу того, что они изучают особую роль в жизни как общества так и отдельного человека. Современное общество не может развиваться без системы управления, а эффективный менеджмент в стране становится доминирующим фактором.

Философия управления, как исследование фундаментальных оснований управленческой мысли, принципиально отличается от философии точных наук. Если, к примеру, управление техническими системами исходит из *неизменных законов* физики, химии, механики, биологии и т.п., то в социально-экономических системах управления присутствует человек, поведение которого зависит от его ценностей, потребностей, мировоззрения, воли, *не поддающихся точному описанию и измерению*. К этому следует добавить, что *в социальном мире нет неизменных законов*, а предмет изучения постоянно подвергается трансформации. При этом, возникающие противоречия между принципом научности, рациональности и реальным поведением людей ставят серьезные методологические проблемы, стимулируя тем самым развитие теории управления. В процессе разрешения возникающих методологических проблем управления, гуманитарные и естественно-научные дисциплины вынуждены сотрудничать.

Современная теория управления в качестве собственного источника познания имеет практику, которая дополняется, оформляется и обосновывается знаниями из других дисциплин. Значительное воздействие на формирование теории управления оказывает научная методология, что особенно явно прослеживается в подходах истолкования и обоснования управления. Одним из таких методологических подходов является рассмотрение управления с позиции принятия управленческого решения, поскольку именно этот процесс играет главную роль в структуре управленческой деятельности. Все функции управления: планирование, организация, мотивация и контроля в своей реализации связаны с принятием решения. Именно принятие решения определяет результаты, процессы, содержание и структуру управленческой деятельности.

Думается, что проблема принятия решения характеризует не только управленческую сферу, что осознавалось издавна и нашло отражение в таких классических философских проблемах как свобода воли человека, смысл жизни, противостояние добра и зла и т.п.

Принятие решения как продукт человеческой жизнедеятельности интегрирует знание, интересы и мировоззрение человека, являясь связующим звеном между познанием и поведением человека. Индивид при этом выступает как существо, отличительной особенностью которого является способность принимать решение. Принятие решения, как мыслительный процесс предполагает предварительное осознание цели и способов действия, а также носит волевой характер, что закладывает основу самоидентификации человека, так как любой тип и характер раскрывает себя через осмысленное поведение и деятельность. В свою очередь любую человеческую деятельность можно анализировать как цепь принятия решений, раскрывающих понимание природы человека.

Сегодня понятие «решение» в самых различных его истолкованиях становится центральным в системе ценностно-нормативного фундаментально-теоретического и прикладного знания.

Принимая решение, человек как субъект этого процесса стремится выбрать оптимальный вариант, который специфичен для конкретной ситуации и области жизнедеятельности. Вместе с тем, несмотря на профессиональные различия, процедура принятия решения имеет одни и те же основания, которые можно выстроить в соответствии с общим методологическим алгоритмом, повышающим ее эффективность. Концепция процедурной рациональности в принятии решения является аналогичной концепции, укоренившейся в науке и производстве, суть которой в том, что *качество продукта определяется качеством его производства*. Постановка и рассмотрение проблем с использованием понятия «решение», в рамках философии управления, расширяет границы узкодисциплинарных способов понимания и осмысления изучаемых явлений, что позволяет реализовывать интегрирующую функцию философии, объединяя подходы различных дисциплин, формируя общий концептуальный базис, способствующий трансформации методов и моделей из одной дисциплины в другую.

Исследуя управленческую проблематику, философия делает акцент на характеристиках современного общества именуемого очень часто «обществом риска», в котором риск и неопределенность становятся постоянными спутниками человеческой жизнедеятельности. Сегодня риск становится обязательным состоянием повседневности, а не только характеристикой авантюристов или венчурных предпринимателей. Риск может истолковываться как состояние неопределенности, что предполагает возможность вероятностных событий, последствия которых могут быть спрогнозированы и количественно оценены, при принятии управленческих решений. Именно это обстоятельство отличает риск от неопределенности, исключающей количественные оценки последствий.

Проблема риска напрямую связана с вопросами безопасности, которую нередко рассматривают как антипод риска, выступающий важнейшей ценностью современного общества, позволяющей обосновывать политико-экономические, военные, административные и другие решения. Именно это объясняет повышенный интерес ученых различных направлений к проблемам и понятию риска, обосновывающих и истолковывающих эти решения. Не случайно некоторые исследователи рассматривают проблематику риска как базу теории общества¹.

Однако анализ современных исследований по проблемам риска свидетельствует о том, что на теоретико-методологическом уровне не сложилось общепринятых представлений о его определении и механизме воздействия на управленческие решения². Эффективное управление в условиях риска предполагает учитывать его важнейшие характеристики и прежде всего то, что риск является интегральным показателем, в котором содержится оценка вероятностей реализации управленческого решения и количественные параметры его последствий. Ситуация риска, как разновидности неопределенности, позволяет учитывать влияние природной среды, поведения партнеров, противников, состояние экономики и т.п. Концептуальное осмысление рискованной ситуации для своего истолкования обращается к таким категориям как субъект, вероятность, решение и потери. Такое описание позволяет раскрыть и показать логику и методологию развертывания механизма риска. Риск, являясь следствием решения, всегда связан с субъектом, который не только осуществляет выбор, но и оценивает вероятности событий и потерь с ними связанных.

Интеграцию всех оценок риска осуществляет субъект на основе собственной системы предпочтений, исключающей какой-то общий алгоритм или модель. Поэтому вполне можно допустить ситуацию, когда два субъекта принимают одинаковые решения, но риск, связанный с их реализацией оценивают по-разному. В условиях риска субъект выбирает альтернативу, которая является результатом принятого им решения. При этом возможные последствия ему неизвестны, а управленческая задача заключается в том,

¹ Бехман Г. Современное общество как общество риска // Вопросы философии. 2007. № 1. – С. 26-27.

² Диев В.С. Философия управления // Личность. Культура. Общество. 2005. Т. 7. Вып. 1.

чтобы максимизировать обстоятельства, подвластные его контролю и минимизировать те, которые ему не удастся контролировать. Определяющим фактором в такой ситуации становится вопрос об измерении риска, так как нельзя выбрать рациональную линию поведения и деятельности, пока риск не оценен. Управление в условиях риска должно быть максимально рационализировано, так как отказ от рациональности порождает непродуктивную деятельность и хаотическое поведение. Проблемы управления имеют не только фундаментально теоретический, но и сугубо прикладной, практический характер и не только локального значения. Глобализация, с одной стороны, выводит отечественные компании на мировое рыночное пространство, а с другой, все большее число иностранных компаний и корпораций вписываются в хозяйственно-экономическую жизнь нашей страны.

Эта ситуация ставит проблему гармоничного сочетания и взаимодействия универсальных методов управления и тех, которые действуют только в специфических условиях конкретных стран и экономик. Другая теоретико-методологическая проблема связана с концептуальной разработкой национального стиля управления и организационной культурой конкретных организаций, компаний и фирм. При этом под организационной культурой большинством исследователей понимается система методологических подходов к разрешению многообразных проблем внутренней регуляции и адаптации к внешним условиям, выработанным и укорененным в данной организации, которые доказали свою продуктивность и должны передаваться новым сотрудникам для формирования у них норм поведения и ценностей, характерных для данной организации.

На основе целей, ценностей, образцов деятельности и норм поведения, принятых в организации, формируется социальный опыт и стереотипы мировосприятия, которые организационная и культура управления транслируют членам организации, оказывая существенное воздействие на функционирование организаций в бизнесе и в государственном управлении.

Источковывая и обосновывая теорию управления, необходимо отметить, что на ее современное состояние существенное влияние оказали и оказывают науки о поведении человека: психология, социология, социальная психология и антропология, так как эти науки не могут рассматривать деятельность и поведение людей вне философии и культурного контекста. Философия способствует глубокому проникновению в понимание феномена управления, которое укореняется в культуре, обновляющей унаследованные из прошлого ценности и нормы, передавая их новым поколениям.

Научное и рациональное осмысление, а также практика принятия управленческих решений не могут осуществляться без учета социокультурных факторов. В этой связи важнейшей задачей в области управления является выявление тех национальных традиций культуры, которые могут и должны быть использованы в теоретико-методологическом осмыслении и практическом применении в управлении. Именно игнорирование особенностей российской истории и менталитета оборачиваются трудностями становления рыночной экономики, социальными трагедиями, техническими и технологическими катастрофами. И только модели управления, выстроенные с учетом национальной специфики, могут стать эффективными и преодолевающими возникающие трудности.

Обращаясь к управленческой проблематике, философия управления в качестве важнейшей задачи видит разработку концептуальных оснований формирования российской модели управления, так как эта задача не укладывается в рамки одной или нескольких дисциплин и требует не только междисциплинарных подходов, но и целостной философской рефлексии. Представляется, что рационально и научно сформулированная национальная модель управления может стать не только условием эффективной практики управления, но и долговременным фактором объединения страны.

Такая модель должна стать ключевым звеном в системе макроуправления и пронизывать ее содержание, определяя правила игры во всех сферах управления.

Наука и практика показывают, что эффективность деятельности любого управленца определяют три важнейших компонента: практический опыт, теоретические знания и искусство руководителя. При чем, если опыт и искусство являются индивидуальными характеристиками каждой личности, то теории управления можно и нужно обу-

чать, так как специальная подготовка позволит сделать деятельность человека более рациональной и эффективной. Представляется, что сегодня знание основ теории и методологии принятия решений необходимы не только тем, кто профессионально связан с управленческой деятельностью, но и каждому человеку перед которым ежедневно стоит проблема выбора.

Важно сделать акцент на том, что управление – это целенаправленная рациональная деятельность, а в современной науке и философии понятие рациональности подверглось очень серьезной трансформации с учетом стохастического характера природных и общественных процессов, разнообразия типов бытия, наличия различных связей и тенденций самоорганизации. Философия и теория управления XXI века отрицают абсолютную определенность и механицизм, признавая изменчивость предпосылок и норм рациональности, что заставляет использовать такие основания как многозначность и неопределенность при оценке ситуации и принятии управленческих решений.

В современной жизни организационные взаимодействия регулируются такими мировоззренческими категориями как представление о взаимоотношении человека и природы, идеями справедливости, добра и зла, культуры и традиции, а это значит, что основанием современного управления является не только комплекс специализированных дисциплин, имеющих прикладное значение, но и целостный философско-методологический подход, вписанный в современное мировидение.

Список литературы

1. Бехман Г. Современное общество как общество риска // Вопросы философии, 2007. № 1.
2. Диев В.С. Философия управления // Личность. Культура. Общество. 2005. Т. VII. Вып. 1.

PHILOSOPHY AND THEORY OF MANAGEMENT IN THE KNOWLEDGE ECONOMY AND SOCIETY

V.V. TROSHIKHIN

*Belgorod University
of Cooperation,
Economics and Law*

The article investigates the range of issues revealing the limits of control theory foundation, not only as a set of disciplines and its components shall be construed as a coherent philosophical and methodological approach, inscribed in the modern world view. In addition, the disclosed function, such as management decision making under risk and justified by the need to develop a national model of management.

Key words: philosophy of management, management theory, management style, risk society, decision making, society and knowledge economy.

КОНЦЕПЦИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА ВНУТРИВУЗОВСКОЙ СРЕДЫ¹

И.С. ШАПОВАЛОВА¹⁾
В.А. САПРЫКА²⁾
Л.Н. ШМИГИРИЛОВА³⁾

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

¹⁾ e-mail: shapovalova@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail: sapryka@bsu.edu.ru

³⁾ e-mail:
shmigirilova@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются теоретические и методологические основы мониторинга вузовской среды. На основе разработанной модели внутривузовской среды определяются направления, выделяются концептуальные парадигмы социологического мониторинга, а также обосновывается возможность выбора концепции мониторинга, соответствующей цели его субъектов и видению тех результатов, которые необходимо получить на рекомендательном этапе.

Ключевые слова: внутренняя среда вуза, социологический мониторинг, модель, направления, показатели.

В связи с необходимостью адекватной оценки качества вузовского образования становится актуальной задача создания системы получения объективной информации об эффективности функционирования системы образовательных услуг в соответствии с образовательными стандартами, с потребностями рынка труда, а также повышении конкурентоспособности вуза, совершенствования управления учреждениями ВПО.

Изучение состояния проблемы управления качеством образования в вузе в теории и практике выявило ряд существенных противоречий, среди которых наиболее актуальными являются следующие:

– между традиционным подходом к оценке качества образовательного процесса в вузе и динамично меняющейся в соответствии с требованиями рынка труда сферой образовательных услуг, где значительно возросла конкуренция вузов;

– между потребностью в создании системы управления качеством образования в вузе и недостаточной разработанностью теоретических основ организационно-исполнительных механизмов этого процесса;

– между потребностью в постоянном информационном обеспечении субъектов управления образовательным процессом в вузе всех уровней о состоянии его качества и отсутствием компактных аналитико-диагностических технологий осуществления обратной связи;

– между необходимостью рационализации взаимодействия всех субъектов управления качеством образования в вузе и имеющимся дублированием их функций на различных организационных уровнях.

В качестве одного из способов измерения того, насколько эффективно функционируют различные системы внутриуниверситетской среды, может быть использован мониторинг – целенаправленное, специально организованное, непрерывное слежение за функционированием и развитием образовательного процесса и его отдельных элементов в целях своевременного принятия адекватных управленческих решений на основе анализа собранной информации.

В системе высшего образования социологический мониторинг следует рассматривать как «ядро» активно формирующейся политики качества образования в России. Исследования, связанные с разработкой теоретических и методологических основ мониторинга вузовской среды, представляются весьма актуальными и своевременными.

Проблемы мониторинга в научной литературе освещаются достаточно полно и разносторонне. Большое значение в этой области имеют труды В.Э. Бойкова, Е. Гуртовой,

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания высшим учебным заведениям на 2012 год, № 6.2744.2011 «Социологический мониторинг внутриуниверситетской среды как условие обеспечения качества образовательного процесса».

Ю. Левады, А.В. Решетникова, А.Ю. Шевякова, которые раскрывают особенности применения мониторинга в различных сферах деятельности².

Методологические и теоретические проблемы мониторинга рассматриваются в работах И.В. Бестужева-Лады, И.П. Герасимова, Т.И. Заславской, Ю.А. Левады, А.Н. Майорова, Н.П. Пишулина, А.Я. Савельева, Н.А. Селезневой, Л.Г. Семушиной, А.И. Субетто, С.Е. Шишова³. Мониторинг все шире используется в образовательных системах. В теории и практике образования обозначились различные подходы к мониторингу. Одни ученые и практики (П.Ф. Анисимов, В.М. Зуев, А.Н. Майоров, Л.В. Шибаева⁴) определяют мониторинг как средство совершенствования системы информационного обеспечения управления образованием, другие (А.И. Галаган, А.Я. Савельев, Л.Г. Семушина⁵) – повышения эффективности стратегического планирования развития среднего и высшего профессионального образования. Так, А.А. Орлов рассматривает мониторинг в контексте повышения качества управленческих решений и при осуществлении педагогических инноваций⁶.

Н.Н. Михайлова, Н.А. Селезнева, С.М. Юсфин используют мониторинг как средство оценки качества образования⁷.

И.Н. Елисеев, А.Г. Сапронов рассматривают мониторинг в качестве информационной основы в системе оценивания и управления качеством образования на региональном уровне, а И.В. Вавилова, Л.Е. Виноградова, С.А. Горбатков, Н. Лисицкая, В.С. Лукманов, Т.Д. Макарова, Н. Мухартова, Н.Ш. Никитин, Г.Б. Скок – на уровне образовательного учреждения, педагога, студента, ученика⁸.

Обращение к мониторингу качества образования становится все более актуальным и востребованным. Однако на сегодняшний день данная дефиниция претерпевает

² Бойков В.Э. Социологический мониторинг в социальном управлении // Социология власти. 2006. № 4; Гуртовой Е., Казакова Н. Комплексный мониторинг в регионе // Высшее образование в России. 2005. № 8; Левада Ю. Мониторинг общественного мнения в регионе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1998. № 4; Решетников А.В. Технология социологического исследования как методическая основа медико-социологического мониторинга // Социология медицины. 2010. № 1; Шадрин Л.Ю. Социологический мониторинг как средство информационного сопровождения оценки эффективности социальных технологий // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 126; Методы и модели социально-экономического мониторинга / Ред.-кол.: Шевяков А.Ю. (отв. ред.) и др.; РАН, Центр, экон.-мат. ин-т. М., 1992.

³ Цит. по: Мартыненко М.В. Внутривузовский мониторинг как средство управления качеством образования: дис. ... канд. пед. наук. Ставрополь, 2003.

⁴ Анисимов П.Ф. Формирование региональных систем среднего профессионального образования. Казань: ИСПО РАО, 1999; Зуев В.М., Кузубов В.Н. О мониторинге Федеральной программы развития образования // Проблемы информатизации высшей школы. 1997. № 1-2 (7-8); Майоров А.Н. Мониторинг как научно-практический феномен // Школьные технологии. 1998. № 5; Шибаева Л.В., Кузнецова Н.М., Гранкина Т.Г. Система отслеживания успешности и продуктивности основных направлений образовательной деятельности школы // Стандарты и мониторинг в образовании. 2000. № 1.

⁵ Галаган А.И. Проблемы присоединения к Генеральному соглашению по торговле услугами (ГАТС) в сфере образования: анализ мировых тенденций // Социально-гуманитарные знания: научно-образовательное издание. 2004. № 2; Савельев А.Я., Зуев М.В. Прогнозирование развития и мониторинг состояния высшего и среднего профессионального образования. М., 1999; Семушина Л.Г. Содержание и технологии обучения в средних специальных учебных заведениях: учебное пособие / Л.Г. Семушина, Н.Г. Ярошенко. М., 2001.

⁶ Орлов А.А. Мониторинг инновационных процессов в образовании // Педагогика. 1996. № 3.

⁷ Михайлова Н.Н., Юсфин С.М. Педагогика поддержки: учебно-методическое пособие. М.: МИ-РОС, 2001; Селезнева Н.А. Качество высшего образования как объект системного исследования. Лекция-доклад. Изд. 3-е. М., 2003.

⁸ См. об этом подробнее: Гулявина Н.Л. Научно-методические основы мониторинга реализации государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования: на примере педагогических специальностей: дис. ... канд. пед. наук. М., 2000; Сапронов А.Г., Елисеев И.Н. Об организации регионального мониторинга качества образования. // Проблемы качества образования: Материалы VIII Всероссийской научно-методической конференции. Москва; Уфа, 1998; Макарова Т.Д. Тестирование в системе мониторинга качества образования // Стандарты и мониторинг в образовании. 1998. № 1; Мухартова Н., Мониторинг качества образовательной среды / Н. Мухартова, Н. Лисицкая // Директор школы. 2007. № 4; Скок Г.Б., Никитина Н.Ш. О мониторинге качества учебного процесса и педагогической деятельности // Проблемы качества образования: Материалы VIII всероссийской научно-методической конференции. Уфа; Москва, 1998.

различные толкования, что связано, прежде всего, с его востребованностью в различных сферах деятельности.

В социологии мониторинг рассматривается как целостная система отслеживания происходящих в обществе перемен. На основе исследования и анализа массовых представлений о них с целью научно-информационной помощи местным структурам России разрабатывается социальная политика экономических преобразований, соответствующая социально-культурным характеристикам нашей страны и особенностям массового сознания ее граждан.

Сравнительный анализ различных определений в научной литературе показывает, что понятие «мониторинг» рассматривается через различные родовые признаки: как «система организации сбора, хранения, обработки и распространения информации» (Д.Ш. Матрос, Д.М. Полев, Н.Н. Мельникова⁹), «процесс слежения» (А.С. Белкин, А.А. Орлов¹⁰), «наблюдение» (А. Талых, В.М. Полонский¹¹), «диагностика» (В.И. Андреев¹²), «функция управления» (С.Е. Шишов, В.А. Кальней¹³). Рассмотрим лишь некоторые определения мониторинга.

Наиболее общая характеристика мониторинга в социологии – это определение круга показателей, отражающих состояние, тенденции и проблемы социальных явлений или процессов. В мониторинговых исследованиях методом повторных замеров накапливается и анализируется информация по выделенным показателям в динамике, при этом используется сравнение с базовыми или нормативными характеристиками, позволяющее выявить тенденции происходящих социальных изменений.

Согласно данному представлению о социологическом мониторинге он предполагает единство четырех последовательных и взаимосвязанных **процедур**:

1. Сбор социологической информации.
2. Обобщение и анализ информации.
3. Распространение информации.
4. Использование информации.

Можно сказать, что **функциями** мониторинга в рамках такого подхода является:

1. Диагностическая – в рамках мониторинга возможно осуществление диагноза состояния, концепций, форм, методов развития системы образования, ее компонентов и подсистем.

2. Аналитическая (аналитико-прогностическая) – дискретный процесс сравнения получаемой в ходе мониторинга информации с контрольными точками и предполагаемым конечным результатом развития внутривузовской среды.

3. Информационная – мониторинг развития внутривузовской среды является способом регулярного получения информации.

4. Управленческая – уточнение принятых решений на различных уровнях управления и контроль за состоянием полученных результатов.

Помимо процессного подхода к определению функций мониторинга можно выделить также системный и социальный подходы, которые отражены в работах ряда авторов (Т.И. Боровкова, И.А. Морев и др.¹⁴). В рамках этих подходов могут быть определены следующие функции:

⁹ Матрос Д.Ш., Полев Д.М., Мельникова Н.Н. Управление качеством образования на основе новых информационных технологий и образовательного мониторинга. М., 1999.

¹⁰ Белкин А.С. и др. Основы педагогических технологий (Краткий толковый словарь) / А.С. Белкин и др. Екатеринбург, 1995; Орлов А.А. Мониторинг инновационных процессов в образовании // Педагогика. 1996. № 3.

¹¹ Талых А. Предмет мониторинга – качество образования // Директор школы. 1999. № 3; Полонский В.М. Научно-педагогическая информация: Словарь-справочник. М., 1995.

¹² Андреев В.И. Проблемы педагогического мониторинга качества образования // Известия Российской Академии образования. 2001. № 1.

¹³ Шишов С.Е., Кальней В.А. Мониторинг качества образования в школе. М., 1998.

¹⁴ Боровкова Т.И., Морев И.А. Мониторинг развития системы образования. Часть 1. Теоретические аспекты: учебное пособие. Владивосток, 2004.

интегративная функция – мониторинг развития системы образования является одним из ее системообразующих факторов, обеспечивает комплексную характеристику процессов, происходящих в этой системе;

компаративистская функция – функция, создающая условия для оценки состояний системы образования в целом или различных ее элементов как во времени – состояние системы в разные периоды времени, так и пространстве – возможность сравнения с системами образования или элементами этих систем в других регионах и странах;

просветительская функция – предполагает пропаганду социологических знаний среди населения и руководителей различного ранга, привитие навыков работы с социальной информацией;

познавательная функция – диагноз ситуации (диагностический мониторинг) – проводится в тех случаях, когда мы точно не знаем, какие изменения происходят в системе;

функция поддержки действий – сбор аргументов для того, чтобы определиться в необходимости изменений.

Социальная значимость мониторинга внутривузовской среды, его роль в процессе управления обуславливают необходимость уточнения принципов его проведения и разработке общих требований к процессу реализации данного вида социологического исследования. Основные **принципы** мониторинга: принцип научности, принцип системности элементов мониторинга, принцип полноты и достоверности социальной информации, принцип оперативности получения сведений и их систематическая актуализация, принцип сопоставимости получаемых данных путем использования единой методологии сбора и анализа информации, принцип доступности и прозрачности процедур и результатов мониторинга, принцип интеграции результатов мониторинга в процесс управления внутриуниверситетской средой.

Данные принципы обуславливают следующие **требования** к подготовке и проведению мониторинга:

- 1) концептуальное обоснование системы и процесса мониторинга;
- 2) разработка системы показателей, соответствующих структурной модели мониторинга;
- 3) соблюдение требований проведения социологического исследования (выборка, процедурные элементы, работа интервьюеров);
- 4) определение валидных индикаторов для каждого показателя, зафиксированного в структурной модели мониторинга;
- 5) рассмотрение варианта плановых и ситуативных мониторинговых замеров;
- 6) разработка методики анализа и прогноза на основе иерархии и динамики показателей мониторинга;
- 7) введение декларативных элементов в процесс мониторинга, установление обратной связи с процессом и субъектами управления на каждом из его этапов;
- 8) использование результатов мониторинга в процессе управления вузом.

Реализация принципов мониторинга и требований к его внедрению обуславливают построение необходимых теоретических моделей. По нашему мнению, процесс разработки системы мониторинга определяет следующий необходимый **модельный ряд**:

- 1) *Структурная модель внутривузовской среды* – показывает элементы внутренней среды вуза, их иерархию и связи между собой.
- 2) *Функциональная модель мониторинга* – рассматривает связь функций мониторинга с другими организационными и концептуальными элементами: этапами, процедурами, результатами, целями и т.д.
- 3) *Концептуальная модель мониторинга* – отражает концептуальную сущность, фундамент причинно-следственных связей процесса и результата, определяет системообразующие элементы для других моделей исследования.
- 4) *Структурная модель мониторинга* – устанавливает перечень и связи между элементами мониторинга, является основой организации и содержания исследования.
- 5) *Системная модель мониторинга* – позволяет рассмотреть связь структуры, функций, организации и использования результатов социологического исследования.
- 6) *Ресурсная модель мониторинга* – отражает необходимые требования к ресурсному сопровождению этапов и процедур мониторинга.

7) *Диагностическая модель мониторинга* – устанавливает связь между процедурами, объектами, предметами, показателями и результатами диагностики внутривузовской среды.

8) *Аналитическая модель мониторинга* – определяет последовательность, акценты и результаты анализа и прогноза на основе данных социологического мониторинга.

9) *Организационная модель мониторинга* – устанавливает процессуальные отношения между организационными формами, ответственными лицами, этапами и процедурами мониторинга.

10) *Модель управления результатами мониторинга* – рассматривает виды аналитической информации, полученной в процессе реализации этапов и процедур мониторинга, направления ее декларации, субъектов запроса информации и результаты ее использования.

11) *Прогностическая модель мониторинга* – отражает динамику показателей социологического мониторинга и устанавливает их связь с объективными социально-экономическими критериями эффективности деятельности высшего учебного заведения.

12) *Проектная модель социологического мониторинга* – показывает этапы подготовки и реализации проекта внедрения социологического мониторинга, его ресурсное обеспечение и связь с элементами проектного управления мониторингом.

Определение участников мониторинга, с помощью которых может быть осуществлена оценка деятельности вуза, представляет собой важный концептуальный шаг, позволяющий выделить значимые каналы для получения информации, ограничить или расширить поле социологического анализа и расставить акценты значимости, обусловленные ориентацией стратегии развития вуза. **Объектами** системного мониторинга, целью которого является получение максимально обширной информации о функционировании внутривузовской среды, являются: студенты; преподаватели; администрация вуза; персонал/сотрудники вуза; внешние потребители: абитуриенты, родители, работодатели.

Выделение данных объектов и ориентация на принцип системности и достоверности результатов мониторинга, ориентируют исследователя на установление особых требований к выборке, которая могла бы в количественном и качественном срезе обеспечить представительство всех вариантов типов информационных агентов. Данное требование может быть обеспечено при условии установления всех актуальных характеристик объекта и перечислении вариативности типов. Так, например, студенты могут быть объединены в когорты по следующим характеристикам: факультет, курс, форма обучения. В зависимости от целей мониторинга, в частности, при реализации его ситуативных форм, характеристики могут представлять собой более детальный список: факультет, курс, форма обучения, специальность, пол, национальность, конфессия и т.д.

Предметом мониторинга является: отношение; мнение; оценка/самооценка; мотивация; потенциал; готовность; ресурсы. Исследование предметов мониторинга может быть осуществлено как в контексте каждого направления, так и в отношении каждого из объектов мониторинга. Предметы исследования мониторинга отражаются в качественных показателях и индикаторах, формируя систему качественной оценки уровня развития внутриуниверситетской среды.

Целью социологического мониторинга является получение новой, актуальной и систематизированной социологической информации, систематически, через небольшие периоды времени.

Основные **задачи** социологического мониторинга можно определить как:

- непрерывное наблюдение за социально-экономическими условиями системы и получение оперативной информации о ней;
- своевременное выявление изменений социально-экономических условий, происходящих в системе и факторов, вызывающих их;
- определение причин нарушений и поиск разумных решений изменения ситуации;
- предупреждение негативных тенденций в системе;
- осуществление краткосрочного прогнозирования развития важнейших процессов;
- оценка эффективности и полноты реализации законов и других нормативных правовых актов регулирующих деятельность системы;

– накопление материалов, необходимых для дальнейшей деятельности в выбранном направлении.

Определение направлений мониторинга осуществляется на основе рассмотрения модели внутривузовской среды (рисунок).

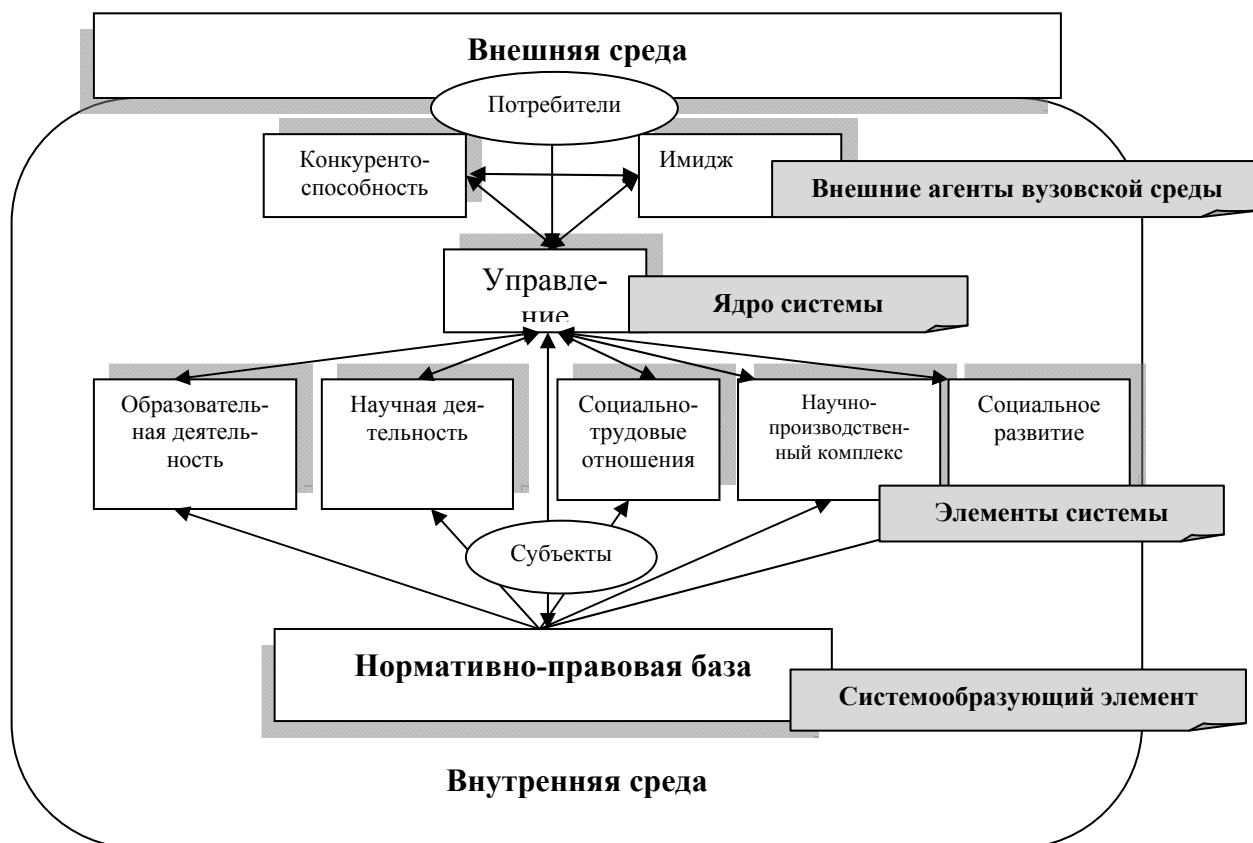

Рис. Модель внутривузовской среды

Системообразующим элементом внутривузовской среды выступает нормативно-правовая база вуза, включающая в себя федеральные, региональные, муниципальные и локальные регламенты и документы. Центральным элементом, ядром системы, осуществляющим консолидацию и интеграцию всех направлений деятельности вуза, выступает система управления. Связь элементов внутривузовской среды осуществляется посредством центрального образования и на основе нормативно-правовой базы. Элементы внутривузовской среды могут быть распределены относительно каналов сообщения с внешней средой, в этом смысле наиболее близко стоящими становятся «конкурентоспособность» и «имиджевая деятельность», но по большому счету данные элементы являются «проводниками результата», «внешними агентами» внутривузовской среды, основная функция которых – декларация информации о результатах, достигнутых по всем остальным направлениям.

Структурная модель внутривузовской среды позволяет определить **направления социологического мониторинга**: образовательные процессы; научная деятельность; социально-трудовые отношения; социальное развитие; конкурентоспособность; система управления; имиджевая деятельность; научно-производственный комплекс.

Реализация мониторинга внутривузовской среды в контексте исследовательской работы в вузе представляет собой совокупность социальных технологий, последовательность выполнения которых, определяет этапность процедур мониторинга. В организации и проведении процесса мониторинга могут быть выделены следующие **этапы**:

- *Подготовительный этап*: данный этап предполагает проведение следующих мероприятий:

- разработка/актуализация концепции мониторинга;
- определение/коррекция показателей мониторинга;
- установление/проверка индикаторов мониторинга;
- разработка/проверка инструментария мониторинга;
- определение/уточнение выборки социологического мониторинга;
- определение путей и форм декларирования результатов мониторинга;
- обучение анкетеров и интервьюеров;
- планирование процедур реализации мониторинга.
- *Практический этап:* реализуется посредством следующих мероприятий:
 - организация выборочных масс для проведения процедур мониторинга;
 - проведение запланированных видов социологического опроса;
 - сбор и сортировка исследовательского материала;
 - обработка данных и построение статистических и корреляционных таблиц.
- *Аналитический этап:* включает следующие мероприятия:
 - общий анализ полученной социологической информации, определение тенденций, проблемных зон в целом;
 - анализ полученной информации по выделенным направлениям, объектам и когортам, определение тенденций и проблемных зон;
 - сравнительный анализ полученных показателей с нормативными и эталонными значениями;
 - анализ существующей динамики показателей социологического мониторинга внутривузовской среды;
 - аналитический прогноз развития социальной ситуации с использованием методов экстраполяции, математического моделирования и каузальных моделей показателей внутривузовской среды;
 - анализ эффективности проведения социологического мониторинга, определение зон ресурсного дефицита и направлений оптимизации.
 - *Рекомендательный этап:* заключается в подготовке следующих отчетов:
 - общие рекомендации по оптимизации внутривузовской среды;
 - рекомендации по коррекции проблемных зон и оптимизации деятельности по направлениям (элементам) внутривузовской среды, реорганизации каналов социального взаимодействия с объектами мониторинга;
 - рекомендации по выбору стратегической ориентации для направлений, с целью получения положительной динамики развития;
 - рекомендации по использованию адекватного и успешного опыта развития внутривузовской среды в Российском и международном сообществе;
 - рекомендации по составлению социальных сценариев развития направлений, позволяющих установить и достигнуть оптимальных прогнозных показателей качества деятельности;
 - рекомендации по оптимизации общего процесса и процедур мониторинга внутривузовской среды;
 - проектная деятельность по результатам мониторинга.

Реализация первого принципа и соответствующего требования к разработке и организации социологического мониторинга внутривузовской среды предполагает разработку возможных концептуальных парадигм и выбор концепции мониторинга, соответствующей цели его субъектов и видению тех результатов, которые необходимо получить на рекомендательном этапе. На наш взгляд, выделение концепций социологического мониторинга осуществляется исходя из установления его ядерных компонентов и акцентов социологического анализа. Исходя из этого, возможны следующие **концепции** мониторинга.

1. Концепция внутреннего и внешнего потребителя – рассмотрение всех объектов мониторинга через призму внутреннего и внешнего потребления продукта деятельности вуза: данная концептуальная парадигма предполагает ориентацию на оценку удовлетворенности объектов мониторинга и может быть осуществлена посредством реализации следующей последовательности действий:

– *простая последовательность реализации концепции*: определение направлений мониторинга – определение результатов деятельности по направлению – оценка удовлетворенности внешних и внутренних потребителей – анализ уровня удовлетворенности внешних и внутренних потребителей – разработка рекомендаций по результатам мониторинга;

– *сложная последовательность реализации концепции*: определение направлений мониторинга – определение результатов деятельности по направлению – выявление запроса и требований к результату деятельности по направлению мониторинга от внешних и внутренних потребителей – оценка удовлетворенности внешних и внутренних потребителей – анализ уровня удовлетворенности внешних и внутренних потребителей – анализ соответствия запроса и реализации требований потребителей в результатах деятельности по направлениям – разработка рекомендаций по результатам мониторинга.

2. Концепция сочетания элементов мониторинга с элементами внутреннего аудита.

Требования к реализации концепции:

- наличие качественных и количественных показателей по направлению,
- введение дополнительных методов исследования (анализ документов, статистика);
- проведения сравнительного анализа соответствия показателей вуза нормативным требованиям и аналогичным показателям конкурирующих (эталонных) вузов.

Последовательность реализации концепции: определение направлений мониторинга – выделение количественных (аудиторских) показателей мониторинга – выделение качественных показателей мониторинга – получение количественных данных исследования – получение качественных данных исследования – анализ данных – сравнительный анализ с нормативной и эталонной статистикой – рекомендации.

3. Концепция единообразия показателей: одним из обязательных условий реализации концепции является то, что каждое направление может быть рассмотрено с позиции оценки одинаковых показателей, локализованных в разных сферах внутривузовской среды. С одной стороны данная концепция позволяет реализовать системные свойства подсистем внутривузовской среды (реализация единых требований к функционированию и результату), с другой стороны – единообразия показателей лишает направления мониторинга уникальности и специфичности.

Последовательность реализации концепции: определение направлений мониторинга – определение единых показателей, позволяющих охарактеризовать любое направление мониторинга – определение индикаторов для каждого показателя по каждому направлению – проведение мониторинга – анализ и рекомендации.

4. Аксиологическая концепция: предполагает разработку ценностных моделей для каждого направления, анализ нормативного соответствия, реализацию ценностей по каждому направлению. Особенность парадигмы: дополнительное исследование на этапе моделирования, с целью верификации аксиологических моделей секторов внутривузовской среды. Специфика: должны быть представлены открытые вопросы в инструментарии (что дает сложность обработки информации); возможны дополнительные методы исследования – интервью, наблюдение, анализ документов.

Последовательность реализации концепции: определение направлений мониторинга – разработка миссий направлений – определение ценностного набора для реализации миссии каждого направления – в качестве показателей необходимо определение норм, позволяющих реализовать выделенные ценности – определение индикаторов реализации норм – проведение мониторинга – анализ на реализацию заложенных ценностей по направлениям – рекомендации.

5. Концепция малых систем внутривузовской среды: данная парадигма предполагает восприятие каждого сектора внутривузовской среды как микросистемы, с присущими ей индивидуальными элементами и связями. Данная концепция может объединять разные подходы к исследованию по разным направлениям, многообразие методов и форм. Плюс – глубина изучения направлений, минус – отсутствие унификации и сложность.

Последовательность реализации концепции: определение направлений мониторинга – разработка концепции исследования каждого направления – определение показате-

телей по каждому направлению – определение индикаторов по каждому направлению – разработка инструментария для каждого направления – проведение мониторинга – анализ и рекомендации.

6. Концепция первичности показателей качества: рассмотрение мониторинга через призму качества образовательного процесса предполагает выделение в каждом направлении социологического исследования показателей и соответствующих индикаторов, позволяющих получить представление о единой системе качества.

Последовательность реализации концепции: концепция качества образовательного процесса – определение направлений мониторинга – определение показателей качества по каждому направлению – определение индикаторов качества по каждому показателю направления – разработка инструментария для каждого направления – проведение мониторинга – анализ и рекомендации.

7. Концепция первичности объекта мониторинга: рассмотрение показателей и индикаторов по каждому направлению мониторинга с позиции информационного участия объектов мониторинга: их отношения к направлению, степени участия в деятельности направления и заинтересованности в результате.

Последовательность реализации концепции: определение направлений мониторинга – определение показателей, которые можно оценить по каждому направлению с точки зрения выделенных объектов – определение индикаторов по каждому показателю направления для каждого объекта – разработка инструментария для каждого объекта по каждому направлению – проведение мониторинга – анализ и рекомендации.

При наличии соответствующей организационной формы мониторинга (а именно централизованной формы организации его процесса) и долгосрочной ориентации в плане его проведения (включение его как элемента в одно из направлений внутривузовской среды) выбор концептуальной парадигмы не является принципиальным вопросом, так как ресурсное обеспечение может позволить в экспериментальном варианте реализовать все концепции или отразить их в той или иной мере, показывая динамику показателей различных сторон деятельности направлений. Наличие достаточного организационного и кадрового ресурсов может способствовать созданию обширной системы показателей, подлежащих мониторингу, запускаемых при определенных социальных ситуациях и реализующих вышеперечисленные концептуальные стороны процесса социологического исследования.

Ниже представлен сравнительный анализ концепций социологического мониторинга внутривузовской среды (табл.бwf).

Таблица

Сравнительный анализ концепций социологического мониторинга внутривузовской среды

Концепция мониторинга	Положительный момент	Отрицательный момент
1. Концепция внутреннего и внешнего потребителя	- информация мониторинга удовлетворенности объектов дает возможность влиять на формирования лояльности внутреннего и внешнего потребителя; - ориентация развития внутривузовской среды на потребности потребителя повышает уровень конкурентоспособности вуза; - использование при принятии управленческих решений результатов мониторинга позволяет формировать клиентоориентированную политику в развитии вуза	- субъективная оценка удовлетворенности результатом объектами мониторинга

2. Концепция сочетания элементов мониторинга с элементами внутреннего аудита	<ul style="list-style-type: none"> - использование комплексных показателей позволяет произвести системную оценку соответствия нормативным требованиям и социальным ориентирам развития; - объективность оценки за счет наличия количественных показателей; - при использовании информации мониторинга существует возможность планирования конкретных показателей по каждому направлению 	<ul style="list-style-type: none"> - дублирование функций аудиторского процесса в вузе; - расширение аналитического и рекомендательного спектра (разносторонность анализа и рекомендаций по результатам мониторинга)
3. Концепция единообразия показателей	<ul style="list-style-type: none"> - соблюдение принципа системности; - унификация анализа; - возможность формирования единых программ развития; - унификация регламентов; - возможность сравнительного анализа; - возможность реализации конкурентной борьбы и введения соревновательного аспекта в деятельность направлений (стимулирование развития) 	<ul style="list-style-type: none"> - исключение уникальности показателей направлений; - исключение акцентирования в анализе показателей по направлениям
4. Аксиологическая концепция	<ul style="list-style-type: none"> - фундаментальность подхода к определению показателей мониторинга; - превалирование качественных стратегических ориентиров; - рассмотрение долгосрочных перспектив развития; - построение моделей ценностно-нормативной ориентации для направлений мониторинга 	<ul style="list-style-type: none"> - ориентация на качественные показатели; - необходимость создание регламентов нормативной регуляции по каждому направлению; - пересмотр концепции качества образовательного процесса
5. Концепция малых систем внутривузовской среды	<ul style="list-style-type: none"> - создание моделей для каждого направления мониторинга; - соблюдение принципа системности для каждого элемента мониторинга; - интровертированный подход и акценты для каждого направления мониторинга; - возможности углубленного анализа и прогноза развития по каждому направлению 	<ul style="list-style-type: none"> - нарушение целостности системы мониторинга; - невозможность унифицировать процедуры мониторинга; - нарушение системной иерархии показателей; - трудность единого анализа и построение системных и математических моделей мониторинга

<p>6. Концепция первичности показателей качества</p>	<p>- использование в качестве системообразующего элемента системы мониторинга ведущую характеристику образовательной деятельности; - наличие большого количества нормативных показателей для реализации нормативно-прогностической и управленческой функции мониторинга; - ориентация на международные стандарты при принятии управленческих решений</p>	<p>- односторонность восприятия процессов внутривузовской среды; - превалирование анализа количественных показателей по направлениям мониторинга; - формальное восприятие внутривузовских процессов</p>
<p>7. Концепция первичности объект мониторинга</p>	<p>- учет уникальности организации каждого направления мониторинга; - учет интересов каждого из объектов (участников) деятельности направления; - возможность формировать конкретные рекомендации для каждой объектной группы по каждому направлению</p>	<p>- отсутствие унификации показателей; - возможность исключения некоторых объектов из оценки деятельности по ряду направлений или перераспределение референтности объектов</p>

Анализируя концептуальные направления социологического мониторинга вузовской среды можно утверждать, что любая представленная концепция имеет свою значимость, как в теоретическом, так и в практическом отношении. При этом важно понимать, что, во-первых, ограниченность ресурсов и рамки других организационных форм предполагают ситуацию выбора одной из концептуальных парадигм. В этом случае необходим дополнительный анализ концепций социологического мониторинга с позиции целей, результатов, положительных и отрицательных компонент. Во-вторых, на основе изучения имеющегося опыта по организации мониторинга качества образования, весьма продуктивной и перспективной представляется основная идея проведения мониторинга – оценивать качество не для констатации результата, а для его систематического повышения через изменения в образовательном процессе.

Список литературы

1. Бойков, В.Э. Социологический мониторинг в социальном управлении / В.Э. Бойков // Социология власти. – 2006. – № 4. – С. 5-16.
2. Гуртовой, Е. Комплексный мониторинг в регионе / Е. Гуртовой, Н. Казакова // Высшее образование в России. – 2005. – № 8. – С. 145-148.
3. Левада, Ю. Мониторинг общественного мнения в регионе / Ю. Левада // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 1998. – № 4. – С. 49-54.
4. Решетников, А.В. Технология социологического исследования как методическая основа медико-социологического мониторинга / А.В. Решетников // Социология медицины. – 2010. – № 1. – С. 3-12.
5. Шадрина, Л.Ю. Социологический мониторинг как средство информационного сопровождения оценки эффективности социальных технологий / Л.Ю. Шадрина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2010. – № 126. – С. 319-325.
6. Методы и модели социально-экономического мониторинга / Ред.-кол.: Шевяков А.Ю. (отв. ред.) и др.; РАН, Центр, экон.-мат. ин-т. – М.: Би., 1992. – 183 с.
7. Мартыненко, М.В. Внутривузовский мониторинг как средство управления качеством образования: дис. ... канд. пед. наук / М.В. Мартыненко. – Ставрополь, 2003. – 173 с.
8. Анисимов, П.Ф. Формирование региональных систем среднего профессионального образования / П.Ф. Анисимов. – Казань: ИСПО РАО, 1999. – 126 с.
9. Зуев, В.М. О мониторинге Федеральной программы развития образования / В.М. Зуев, В.Н. Кузубов. // Проблемы информатизации высшей школы. – 1997. – № 1-2 (7-8). – С. 12-16.
10. Майоров, А.Н. Мониторинг как научно-практический феномен / А.Н. Майоров // Школьные технологии. – 1998. – № 5. – С. 25-48.

11. Шибаева, Л.В. Система отслеживания успешности и продуктивности основных направлений образовательной деятельности школы / Л.В. Шибаева, Н.М. Кузнецова, Т.Г. Гранкина // Стандарты и мониторинг в образовании. – 2000. – № 1. – С. 31-35.
12. Галаган, А.И. Проблемы присоединения к Генеральному соглашению ВТО по торговле услугами (ГАТС) в сфере образования: анализ мировых тенденций / А.И. Галаган // Социально-гуманитарные знания : Научно-образовательное издание. – 2004. -№ 2. – С. 235-260 .
13. Савельев, А.Я., Зуев М.В. Прогнозирование развития и мониторинг состояния высшего и среднего профессионального образования / А.Я. Савельев, М.В. Зуев. – М.: Б.и., 1999. – 192 с.
14. Семушина, Л.Г. Содержание и технологии обучения в средних специальных учебных заведениях: учебное пособие / Л.Г. Семушина, Н.Г. Ярошенко. – М.: Мастерство, 2001. – 272 с.
15. Орлов, А.А. Мониторинг инновационных процессов в образовании / А.А. Орлова // Педагогика. – 1996. – № 3. – С. 9-15.
16. Михайлова, Н.Н. Педагогика поддержки: учебно-методическое пособие / Н.Н. Михайлова, С.М. Юсфин. – М.: МИРОС, 2001. – 208 с.
17. Селезнева, Н.А. Качество высшего образования как объект системного исследования. Лекция-доклад / Н.А. Селезнева. – Изд. 3-е. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2003. – 95 с.
18. Гулявина, Н.Л. Научно-методические основы мониторинга реализации государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования: на примере педагогических специальностей: дис. ... канд. пед. наук / Н.Л. Гулявина. – М., 2000. – 237 с.
19. Сапронов, А.Г. Об организации регионального мониторинга качества образования / А.Г. Сапронов, И.Н. Елисеев // Проблемы качества образования: Материалы VIII Всероссийской научно-методической конференции. – Москва; Уфа, 1998. – С. 87-91.
20. Макарова, Т.Д. Тестирование в системе мониторинга качества образования / Т.Д. Макарова // Стандарты и мониторинг в образовании. – 1998. – № 1. – С. 60-61.
21. Мухартова, Н. Мониторинг качества образовательной среды / Н. Мухартова, Н. Лисицкая // Директор школы. – 2007. – № 4. – С. 37-40.
22. Скок, Г.Б. О мониторинге качества учебного процесса и педагогической деятельности / Г.Б. Скок, Н.Ш. Никитина // Проблемы качества образования: Материалы VIII всероссийской научно-методической конференции. – Уфа; Москва, 1998. – С. 77-78.
23. Матрос, Д.Ш. Управление качеством образования на основе новых информационных технологий и образовательного мониторинга / Д.Ш. Матрос, Д.М. Полев, Н.Н. Мельникова. – М.: Педагогическое общество России, 1999. – 96 с.
24. Белкин, А.С. Основы педагогических технологий (Краткий толковый словарь) / А.С. Белкин и др. – Екатеринбург: УрГППУ, 1995. – 22 с.
25. Орлов, А.А. Мониторинг инновационных процессов в образовании/ А.А. Орлова // Педагогика. – 1996. – № 3. – С. 9-15.
26. Талых, А. Предмет мониторинга – качество образования /А. Талых // Директор школы. – 1999. – № 3. – С. 13-20.
27. Полонский, В.М. Научно-педагогическая информация: Словарь-справочник / В.М. Полонский. – М.: Новая школа, 1995. – 256 с.
28. Андреев, В.И. Проблемы педагогического мониторинга качества образования / В.И. Андреев // Известия Российской Академии образования. – 2001. – № 1. – С. 35-37.
29. Шишов, С.Е. Мониторинг качества образования в школе/ С.Е. Шишов, В.А. Кальней. – М.: Российское педагогическое агентство, 1998. – 354 с.
30. Боровкова, Т.И. Мониторинг развития системы образования. Часть 1. Теоретические аспекты: учебное пособие / Т.И. Боровкова, И.А. Морев. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2004. – 150 с.

CONCEPTS OF SOCIOLOGICAL MONITORING OF THE HIGH SCHOOL INTRA-ENVIRONMENT

I.S. SHAPOVALOVA¹⁾

V.A. SAPRYKA²⁾

L.N. SHMIGIRILOVA³⁾

¹⁾ *Belgorod National Research University*

e-mail: shapovalova@bsu.edu.ru

²⁾ *e-mail: sapryka@bsu.edu.ru*

³⁾ *e-mail: shmigirilova@bsu.edu.ru*

In this article theoretical and methodological bases of monitoring of the high school environment are considered. On the basis of the developed model of the internal environment of high school directions are defined, conceptual paradigms of sociological monitoring are allocated, and also possibility of a choice of the concept of the monitoring answering the purpose of its subjects and vision of those results which are necessary for receiving at a recommendatory stage is proved.

Key words: internal environment of high school, sociological monitoring, model, directions, indicators.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 210

РЕВИТАЛИЗАЦИЯ РЕЛИГИИ (ПРАВОСЛАВИЯ) В СЕРБИИ: ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ИЛИ МИФ?

М. БЛАГОЕВИЧ*Институт философии
и общественной теории,
Белград (Сербия)**e-mail:
Ved2_Sociology@bsu.edu.ru*

Данная работа состоит из двух частей. В первой части автор рассматривает два теоретических подхода к интерпретации возвращения и ревитализации религии в Сербии. Первый подход касается религии как общественного института и подразумевает логику взаимного поддержания религиозных и нерелигиозных факторов, второй подход предполагает логику самостоятельного, внутреннего религиозного возрождения, вытекающего из самой сути религии и церкви как Божьего института и индивидуальной духовной потребности верующих в набожности (терминальная вера). Во второй части автор излагает две различные интерпретации эмпирических данных, относящихся к последним тридцати годам и касающихся связанности людей с религией и церковью в Сербии.

Ключевые слова: ревитализация религии и церкви, конвенциональная религиозность, сербское православие, традиционная религиозность, актуальная религиозность.

Анализируя современную религиозную ситуацию в Европе, Грейс Дейви (Grace Davie), британский социолог религии с мировым именем, высказывает констатацию относительной индифферентности граждан Европы в отношении *серьезного принятия* религии, выделяя жителей Балкан как исключение из указанного правила¹. На территории Балкан в результате переплетения вопросов коллективной идентичности с множеством других социальных и территориальных факторов религия «проснулась» или же вновь «вернулась», чтобы вершить дела, во многом выходящие за строгие рамки религиозной компетенции, которую, в конечном счете, можно определить как спасение верующих. Несмотря на то, что церкви на этом пространстве в последние двадцать лет несомненно занимались своей основной задачей, когда мы сегодня констатируем определенные религиозные изменения по сравнению с периодом двадцатилетней или тридцатилетней давности, складывается впечатление, что указанные изменения гораздо больше связаны с отдельными социальными и политическими факторами, чем с эсхатологическими. В этом смысле рамки окружающей общественной среды никак нельзя оставить без внимания при анализе религиозных изменений, которые произошли после краха

¹ Дейви Г. „Европа: изузетак који доказује правило?“ / у Питер Л. Бергер (приредио) Десекуларизација света – препород религије и светска политика, Meditteran Publishing – Нови Сад, 2008. – С.100.

коммунизма и распада югославского социалистического государства. Эта общественная обстановка сначала падением Берлинской стены и распадом Советского Союза предвещала религиозные изменения в направлении все большего проявления свободы вероисповедания и создания религиозного плюрализма, а вскоре привела на территории бывшей социалистической Югославии к исключительно кризисной и в итоге – военной ситуации. Последняя сильно повлияла на быструю ревитализацию общественной роли традиционных религий и церквей, в первую очередь, в качестве инструмента конфессиональной гомогенизации, мобилизации и протекции национальных и религиозных объединений на указанном пространстве. Если вплоть до конца восьмидесятых годов прошлого века религиозное пространство православия в своей атеизированности и секуляризованности представляло собой исключение по сравнению с другими конфессиональными пространствами социалистической Югославии, то в конце восьмидесятых годов по своей общественной значимости оно было абсолютно равноправно с другими конфессиональными пространствами, в первую очередь с исламским и католическим. Все эти религиозные проявления и их институционализованные религиозные организации, неожиданно и первоначально не своими заслугами, были настолько утверждены и ангажированы в общественном смысле, что казалось, что они в короткий срок компенсируют свою общественную обиденность и стигматизацию, длившиеся десятилетиями.

В научных и в широких общественных кругах начали совершенно открыто говорить о процессе *десекуляризованности* сербского постюгославского общества и сообщать статистические и эмпирические данные, которые с меньшим или большим успехом этот тезис подкрепляли²³. После окончания войн на территории бывшей югославской Федерации, в середине, а также в конце девяностых годов прошлого века, эмпирические социологические исследования в Сербии показали, что восстановленная традиционная религиозность не исчезла, как можно было ожидать с учетом источников ее возрождения, а наоборот, религиозная ситуация определенным образом стабилизировалась⁴. Эта стабилизация подразумевала высокую конфессиональную и религиозную самоидентификацию населения, т.е. респондентов, высокий процент веры в основную догму христианства – в Бога, выраженное активное участие в отдельных традиционных религиозных обрядах православия (отпевание, празднование церковных праздников, крещение, венчание), большое доверие к СПЦ и очевидные религиозные изменения в объеме и интенсивности некоторых актуальных религиозных поступков (таких как посещение церкви, посещение литургии, молитва и пост), если данные, касающиеся этих обрядов, сравнить с данными начала восьмидесятых годов прошлого века. Ко всему этому следует добавить и все большую общественную роль и связи с государством, которые православие и СПЦ имели, особенно после 2000 года, в социально-политическом пространстве сербского общества, так что в середине нынешнего десятилетия начали даже говорить о присутствии отчетливых элементов клерикализации сербского общества⁵, а отдельные авторы без дилеммы определили транзитное сербское общество как «горизонтально» клерикализованное⁶⁷.

Два подхода к ревитализации религии и религиозности

Существуют два теоретических подхода к толкованию возвращения и ревитализации религии в Сербии. Первый подход касается религии как общественного учреждения и подразумевает логику взаимного подкрепления религиозных и нерелиги-

² Благојевић М. Приближавање православљу, ЈУНИР, Градина, Ниш. 1995.

³ Кубурић З. Религија, породица, млади, Теолошки институт, Београд. 1996.

⁴ Радисављевић-Типаризовић Д. „Религија и свакодневни живот: везаност људи за религију и цркву у Србији крајем деведесетих“ у (колектив аутора) Србија на крају миленијума, Институт за социолошка истраживања Филозофског факултета у Београду, Београд. 2002.

⁵ Vukomanović M. „Zajedno na oltaru i na tronu“, inervju Omera Karabega sa univerzitetskim profesorima i sociolozima religije Srđanom Vrcanom iz Splita i Milanom Vukomanovićem iz Beograda na radiju „Slobodna Evropa“, Zarez, broj 139., Zagreb. 2004.

⁶ Ђорђевић М. „Искушења клерикализације“, Република, Београд. 2005. – бр. 352–353.

⁷ Ђорђевић М. „Секуларизам и клерикализам“, Република, Београд. 2005. – бр. 370–371.

озных факторов, а второй подход подразумевает логику самостоятельного, внутреннего религиозного возрождения, вытекающего из самой сути религии и церкви как Божьего института и индивидуальной духовной потребности верующих в набожности, что можно назвать терминальной верой⁸. Среди специалистов достигнут консенсус, что первый подход настолько ясен широкой общественности, что его точность не вызывает сомнений. Речь идет о таком подходе к толкованию ревитализации, которым она выявляется и аргументируется на основании факта о религиях и церквях как общественных учреждениях и посредством определенных общественных функций, которые религии и церкви выполняют в последние двадцать лет в жизни людей и в обществе в целом. Этот подход хорошо описал Иван Цвиткович, социолог религии из БиГ, называя его *возвращением религий* (в общественную, политическую и образовательную сферы на территории бывшей Югославии, в Хорватии, Сербии и БиГ). Указанный процесс, по его словам, был значительно сильнее, чем процесс *возвращения* (людей) *к религиям*, и таким образом повлиял на, возможно, преждевременно сформулированную в социологии теорию о возвращении к религиям. Даже если возвращение религии является реальностью в этих обществах, вопрос мотивов, которыми люди руководствовались при этом, выходит на первый план: имели ли эти мотивы в первую очередь религиозный характер, или же это было только желание «продвинуться» в социальном смысле через религию и церковь, ставшие сейчас положительно желаемыми культурными образцами⁹. К сожалению, систематических и репрезентативных эмпирических исследований на эту тему в отечественной науке не было, но подобное исследование должно исходить из предпосылки, что мотивы населения в возвращении к религиям и церквям не были ни одинаковыми, ни неизменными. Следует также исходить из предпосылки, что массовая религиозность несомненно связана в первую очередь с так наз. *культурной религиозностью*¹⁰, которая подразумевает конфессиональность и религиозную самодекларативность, и что в этом контексте церковная религиозность и набожность все-таки характерны для меньшинства в этих обществах. Когда мы говорим о ревитализации религии и религиозности в Сербии с конца восьмидесятых годов прошлого века до сегодняшнего дня, то видим характер этой религии и этой религиозности и на территории Балкан в целом в первую очередь в категории коллективной религиозности внутри веками существующих исторических вероисповеданий, а не в категории дезинституционализации и индивидуальной религиозности, в центре которых находится индивид и его внутренние религиозные потребности, которые могут быть удовлетворены личным выбором и решением на свободном и богатом рынке религиозных идей и практик. Поэтому правы те авторы, которые основу процесса ревитализации религии в девяностых годах прошлого века на территории бывшей Югославии рассматривали в атрибутах ретрадиционализации, ретотализации, реколлективизации и своеобразного нового духовного укоренения¹¹. На основании контекста главных характеристик описанного процесса отдельные авторы считают, что такое возрождение должно называться не обращением к вере и эсхатологическим изменением образа мыслей, а просто всеприемлемой религиозностью, которая присутствует и в обществе, и в политике^{12 13}.

Разрешение указанной дилеммы возвращения религии или возвращения к религии, безусловно, важно для точного выявления происходящих у нас религиозных изменений. Тем не менее, эти дилеммы не являются препятствием для вывода о том, что

⁸ Лебедев С. „Религиозность: в поисках 'рубикона'“, Социологический журнал, 2005. № 4. – С. 153–168.

⁹ Cvitković I. „Has the 'Return' or Religions Occurred or 'Return' to the Religion?“, in Danijela Gavrilović (edited) *Revitalization of Religion (Theoretical and Comparativ Approaches, YSSS Anuual – YearXVI, Nis. 2009.* – С. 15–23

¹⁰ Филатов С.Б., Лункин Р.Н. „Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность“, Социологические исследования, 2005. № 4. – С. 35–45

¹¹ Vrcan S. „Novi izazovi za suvremenu sociologiju religije (politizacija religije i religizacija politike u postkomunizmu)“, *Revija za sociologiju, Sociološko društvo Hrvatske, Zagreb. 1999 – br. 1–2.*

¹² Jeleč P. „Ničija zemlja“, u *DANI*, 19. 12. 2008., Sarajevo. 2008

¹³ Велмар – Јанковић С. „Вера ме води и даје ми снагу за рад и живот“ *Православље*, 42 (1006): 8–9, Београд. 2009.

ревитализация религии в различном объеме и интенсивности происходила и в одном и в другом планах ее «возрождения»: то, что общественно-политическая окраска в этом процессе является доминантной, не означает, что собственно религиозного возрождения вообще не было. Оно, конечно же, происходило и происходит, но не является массовым явлением¹⁴.

Две различные интерпретации эмпирических данных

Недавно мы сделали вывод, что в российском сообществе социологов религии в течение последних лет результаты многочисленных исследований, посвященных религии и религиозности, толковались диаметрально противоположным образом¹⁵. Если иметь в виду, что при этом использовались одни и те же эмпирические данные, то при объяснении таких расхождений, кроме различных теоретических предпосылок авторов, не следует забывать и о личных взглядах и ценностях исследователей, касающихся предмета изучения. Короче говоря, первая группа упомянутых исследователей делает вывод, что в России нет никакого возрождения религиозности (православия), а на деле присутствует формальная религиозность, характеризующаяся идейной аморфностью, эклектичным сознанием, которое или не является строго определенным в конфессиональном смысле, как в начале девяностых, или, как сегодня, имея конфессиональную направленность, тем не менее является недогматическим, открытым, неструктурированным, как определенный вид духовной энтропии. В пользу этого авторы из этой группы исследователей приводят и тот факт, что по конвенциональному религиозному поведению в виде регулярного посещения церкви Россия занимает одно из самых последних мест в Европе¹⁶¹⁷¹⁸¹⁹. Вторая группа исследователей использует те же или аналогичные научные данные, но на их основании проходит к совершенно иным выводам. В России с девяностых годов прошлого века идет ревитализация православия и аффирмация его общественной роли в целом, и это процесс, который в общем не вызывает сомнений. Эта ревитализация наблюдается не только в самоидентификации российского населения с православием и РПЦ, но несомненна и когда речь идет о догматических верованиях, а также церковно-обрядовой практике и религиозной солидарности, имеющих только различную степень и интенсивность. Русский народ пошел по пути православного воцерковления, а то, что этот путь извилистый, длинный и часто неизвестный, это совсем другой вопрос²⁰²¹²²²³²⁴).

И в сербской социологии с определенным опозданием по сравнению с указанным примером появляются не столь противоположные, как в России, но отчасти несовпадающие толкования тех же научных эмпирических данных о связанности людей с религией и

¹⁴ Лебедев С. „Религиозный ренессанс“ как социальная реальность: к демифологизации понятия“, Социологический журнал, 2007. № 2. – С. 24–36

¹⁵ Благојевић М. „О социолошким критеријумима религиозности. Колико има православних верника данас?“, Филозофија и друштво, број 1., Институт за филозофију и друштвену теорију, Београд, 2009.

¹⁶ Фурман Д.Е., Каарийнен К. Религиозность в России в 90-е годы XX – начале XXI века, Москва РАН, Институт Европы, Издательство ОГНИ ТД, 2006.

¹⁷ Филатов С.Б., Лункин Р.Н. „Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность“, Социологические исследования, 2005. № 4. – С. 35–45.

¹⁸ Воронцов Б. «Возрождение религиозности или дехристианизация», Новая Газета, № 27 от 17 апреля, 2008.

¹⁹ Митрохин Н. «Социология 'бескорыстных мечтателей', или Как все-таки считать количество православных», Неприкосновенный запас, 2007 № 1. (51).

²⁰ Чеснокова В.Ф. «Тесным путем. Процесс воцерковления населения России в конце XX века», Москва: Академический проект, 2005.

²¹ Синелина Ю.Ю. «О критериях определения религиозности населения», Социологические исследования, 2001 № 7. – С. 89–96.

²² Синелина Ю.Ю. «Процесс воцерковления населения России в конце XX в», Православное информационное агентство, Русская линия, Радонеж, 2005.

²³ Пейкова З. И. «Апостасия как фактор дестабилизации общества», Социологические исследования, 2001. № 4.

²⁴ Налетова И.Н. «Новые православные» в России: тип или стереотип религиозности, Социологические исследования, 1999. № 5. – С. 130–136.

церковью в Сербии. Анализ этих результатов, в конечном счете, приводит к различным общим выводам о масштабах и самом процессе ревитализации или ренессанса религии и религиозности. При этом следует уточнить, что эти сведения относятся к стандартным индикаторам в исследовании религиозности людей приблизительно за последние тридцать лет. Одно из толкований этих результатов недавно представил Драгољуб Б. Джорджевич, социолог религии из Ниша, пионер социологического эмпирического изучения православной религиозности в восьмидесятые годы прошлого века²⁵. До того, как Джорджевич высказал свое мнение, несколько иначе их интерпретировал автор данной статьи^{26,27}.

Джорджевич объясняет религиозность сербов, опираясь на релевантные эмпирические данные отечественной социологии религии с начала восьмидесятых годов прошлого века до сегодняшнего дня, которые могут быть сведены к нескольким основным пунктам.

1. За минувшие двадцать пять лет не произошло коренных изменений в религиозном самодекларировании и признании конфессиональной принадлежности. Речь идет о *континуитете*, а проценты респондентов, которые изъявляются, используя те или иные конфессиональные термины, и считают себя религиозными (слабый индикатор религиозности), *стабилизировались* и, по его мнению, можно предположить, что в будущем они будут колебаться от 60 до 80%, когда речь идет о личной религиозной идентификации и от 80 до 90% – в случае изъяснения о конфессии. За этими данными скрывается тот факт, что по сравнению с восьмидесятыми и девяностыми годами прошлого века у нас, а также по сравнению с остатком в Европе существенно снизилась доля атеистов среди населения (по некоторым сведениям их насчитывается не более 3%);

2. Вера в Бога, как наиболее общее выражение чьей-либо религиозности и наиболее часто используемый индикатор религиозности населения, *распространена* среди сербов и многократно *возросла* по сравнению с периодом двадцатипятилетней давности, но если принять во внимание и другие показатели религиозного сознания населения, как например вера в загробную жизнь, рай и ад или Иисуса Христа как Сына Божьего, то ситуация является амбивалентной. Поэтому Джорджевич считает, что у сербов, по существу, происходит *«разрушение религиозного сознания: они не верят в главные составные части учения православного христианства, прибегают только к конфессиональной идентификации, религиозны декларативно и верят в Бога вообще. У сербов еще не произошло 'эсхатологического изменения образа мыслей' и неизвестно произойдет ли оно и когда именно!?»*;

3. Однако, если православные сербы слабы в религиозных знаниях и последовательном вероисповедании, являются ли они «сильными» или ревностными в исполнении религиозных обязанностей? Если они не верят консеквентно в главные догмы своей религии, принадлежат ли они к своей церкви? Анализируя эмпирические данные, автор приходит к весьма печальному выводу с точки зрения регулярного выполнения церковных обрядов: сербы не принадлежат собственной церкви, они далеки от активной религиозной практики. Следовательно, невелик слой воцерковленных верующих, и нельзя говорить, что православные верующие соблюдают требования веры и своего религиозного руководства о правильном религиозном поведении, которые налагают регулярность в выполнении обрядов.

«Сербы переживают, по существу, кризис религиозного поведения и объединения: они не часто переступают порог храмов, не участвуют регулярно в

²⁵ Djordjević D.B. „Religiousness of Serbs at the Beginning of the 21st Century: What is it About?“, in Danijela Gavrilović (edited) Revitalization of Religion (Theoretical and Comparativ Approaches, YSSS Annual – Year XVI, Nis. 2009. – С. 57–64

²⁶ Благојевић М. „Религиозна Европа, Русија и Србија: јуче и данас (аргументи емпиријске евиденције: случај Србије)“, Филозофија и друштво, број 3., Институт за филозофију и друштвену теорију, Београд. 2008.

²⁷ Blagojević M „Empirical (Re)evolution of revitalization of Orthodox Christianity“, in Danijela Gavrilović (edited) Revitalization of Religion (Theoretical and Comparativ Approaches, YSSS Annual – Year XVI, Nis. 2009a. – С.65-70.

литургии, не соблюдают пост и не молятся. У сербов еще не произошло 'ритуального изменения образа жизни' и неизвестно произойдет ли оно и когда именно!? »;

4. После всех этих заключений автор спрашивает, о какой же тогда религиозности здесь идет речь и о каком преобладающем типе верующих; идет ли речь о действительном обращении к вере и не является ли возвращение к традиционным обычаям и обрядам в православии только первым шагом к возвращению посвященности вере, о котором пишет Светлана Велмар-Янкович? Приводя эмпирические данные об исключительно распространенных традиционных обрядах православия (крещение детей, празднование религиозных праздников, религиозный обряд погребения покойников), автор выявляет ту совокупность показателей, которая лучше всего описывает тип религиозности и тип верующего в отечественном конфессиональном пространстве, где православие является доминантным. По Джорджевичу, сербы всегда были сильны в обрядовой религиозности и традиционной связанности с религией и церковью. «Поэтому, оспаривая утверждения отдельных сербских социологов религии о том, что религиозность сербов чрезмерно возросла, я еще раз подчеркиваю свой тезис о возрождении их традиционной религиозности – 'сербское' православие по сути своей традиционалистическое – и преобладании традиционных верующих. Речь идет о *традиционном, ритуальном типе, который крещен (и крестит своих потомков), венчался в церкви, празднует «Славу»* (возможно Рождество и Пасху, в деревне обязательно и крестный ход) *и будет похоронен с отпеванием.* Такого верующего я называю 'верующим с четырьмя обрядами', и считаю его самым распространенным среди сербов, а выражение Г. Дейви 'believing without belonging' превращаю в формулировку 'традиционная принадлежность без веры'. *Религиозность сербов в начале XXI века характеризуется традиционной принадлежностью без веры».*

Наше объяснение ревитализации религии и религиозности граждан Сербии отчасти совпадает с толкованием Джорджевича, а отчасти отличается от него. В нем в первую очередь выделяется амбивалентность данного процесса, и его также возможно свести к нескольким пунктам.

1. Консенсус относительно значения религии и Бога для жизни людей в современном сербском обществе не так низок, как четверть века назад. Можно свободно сказать, что приблизительно столько же людей, сколько некогда были религиозными (около 10%), сегодня считает, что религия и Бог вообще не важны для жизни людей в современном сербском обществе. Мнение большинства более, чем ясно: 55% – 60% респондентов в Сербии считают, что Бог и религия важны для жизни людей, что при социализме было немыслимо;

2. Что же касается индикаторов так называемой *культурной религиозности* в Сербии в последние тридцать лет, то ситуация неоднозначна. Континуитет существует при конфессиональной идентификации с православием, но не в случае религиозного самодекларирования. Конфессиональная идентификация ранее, также как и сегодня, была исключительно распространенным явлением в сербском обществе и, судя по актуальным показателям, можно сказать, что здесь нет каких-либо существенных сдвигов. Если принимать во внимание идентификацию населения в терминах всех конфессий на территории Сербии, то следует говорить о 95% населения, как показывает Перепись населения 2002 года. По этой переписи 85% населения заявило о своей принадлежности к православному вероисповеданию²⁸. Что же касается религиозной идентификации верующих, то в отличие от этого статистического показателя, можно констатировать заметную *ревитализацию* в смысле декларативного изъяснения респондентов в пользу личной религиозности, т.е. самодекларирования в пользу позиции верующего;

3. Что же касается элементов *религиозного сознания* населения, ситуация амбивалентна: существует общий консенсус относительно веры в Бога, а количественные размеры ревитализации этой стержневой установки христианства приблизительно такие же, как и для религиозного самодекларирования. Тем не менее, другие верования из

²⁸ Попис становништва, домаћинства и станова у 2002. Становништво, вероисповест, матерњи језик и национална или етничка припадност према старости и полу. Подаци по општинама, Републички завод за статистику, мај 2003., Београд. – С. 12.

корпуса догм христианства, хотя и пережили ревитализацию, не возросли так сильно, как личная религиозная идентификация респондентов и вера в Бога. Здесь результаты ревитализации более скромные, но *несомненные*, что доказывает нашу более раннюю констатацию²⁹ о религиозных изменениях во всех измеренных плоскостях связанности с религией и церковью, с тем, что эти изменения имеют различную силу и интенсивность;

4. Ревитализацию *ритуальной практики* православия в Сербии необходимо рассматривать *дифференцировано*. Прежде всего из-за того, что отдельные виды традиционной религиозной практики упорно сопротивлялись светскому, социалистическому общественному окружению и преобладавшей в нем духовной атмосферы. Таким образом, не только выбор православной конфессии, но и акт празднования «Славы» и церковных праздников, крещения детей, венчания в церкви и отпевание были весьма далеки от эродированности в отличие от некоторых других ритуальных действий, регулярность которых сводилась к инцидентным случаям. Конечно же, речь шла о так называемой актуальной религиозной практике, которая касается посещения церкви, особенно литургии, молитвы в церкви и вне ее, соблюдения поста, причащения и других аналогичных обрядовых действий. Следовательно, вывод, который мы сделаем, может показаться на первый взгляд парадоксальным, но только если вещи не рассматриваются с учетом эволюции. Если мы рассматриваем религиозную ситуацию как духовный и общественный процесс, который начался свыше пятидесяти лет назад, то ясно, что ревитализация обрядов традиционного характера сегодня скромнее, чем ревитализация некоторых обрядовых действий, от которых в обществе уже ранее отказались, относящихся к так наз. обязанностям верующих и выражению набожности, таких как посещение церкви, посещение литургии, соблюдение поста и т.д. Можно сказать, что сегодня в Сербии процент людей, которые ходят в церковь (все уровни интенсивности) в три раза больше по сравнению с периодом двадцатипятилетней давности, а так же обстоят дела и с другими обрядами актуального характера, как пример с молитвой, как во время обряда в церкви, так и вне храма. При объяснении такой ревитализации актуальной религиозной практики следует, конечно, иметь в виду и так называемых скрытых верующих, которые при социализме из-за страха чаще всего не осмеливались публично высказывать и документировать свою позицию верующего, которую они сейчас свободно выражают не только вербально, но и религиозным поведением. Хотя объективно трудно установить число таких новообращенных, поскольку в исследованиях мы можем опираться только на субъективные ответы респондентов, такие верующие существуют, но они наверняка не являются большинством среди неофитов.

В соответствии с этим, наше толкование отличается от толкования Джорджевича в том, что при выявлении процесса ревитализации религиозности мы направляем внимание на наиболее слабое звено в составных частях конвенциональной религиозности и на связанность людей с религией и церковью. Там мы находим изменения, которые несомненно далеки от ожидаемого церковью неproblemатичного и последовательного религиозного поведения, но свидетельствуют о несомненном укреплении и «оздоровлении» этого звена. Здесь речь идет о проблеме, которая аналогична проблемам, возникающим при определении религии как феномена, когда произвольно выбираются некоторые аспекты религиозного в качестве ключевых для определения сути или функции религии³⁰. Джорджевич выбирает индикаторы традиционного отношения к религии и церкви, которые показывают, что религиозность такого типа самая распространенная, что в то же время и существо современной православной религиозности. Мы выносим на первый план актуальное *религиозное поведение*, так как именно через него мы и доказываем действительные, но ограниченные и медленные изменения в конвенциональной религиозности населения, поскольку актуальное религиозное поведение и ставилось под сомнение, особенно ранее, благодаря эмпирическим данным о его существенном и заметном разрушении.

²⁹ Благојевић М. Религија и црква у трансформацијама друштва, Институт за филозофију и друштвену теорију, ИП Филип Вишњић, Београд. 2005.

³⁰ Вукмановић М. Homo viator – религија и ново доба, Чигоја штампа, Београд. 2008.

Если иметь в виду этот способ характеристики ревитализации, или возрождения, религии и религиозности, то наш общий вывод не должен вызывать удивления. Новые религиозные изменения в сербском православии до сегодняшнего дня эмпирически учитывались во всех сегментах связанности с православием и СПЦ. Следовательно, в сегменте религиозной идентификации, доктринальной веры и религиозно-обрядового поведения и объединения, хотя объем и интенсивность этих изменений различны в указанных составных элементах так называемой конвенциональной, институционализованной религиозности. В таблице, которая следует ниже, даны сведения, которые относятся к двум периодам и свидетельствуют об общественно-исторической ситуации, касающейся религии и религиозности в сербском обществе. Эти данные позволяют выделить количественные показатели, указывающие на связанность людей с религией и церковью.

Таблица

**Связанность с религией и церковью в Сербии в 2008 году
по сравнению с началом 80-х (округленные проценты)**

Индикаторы/ год исследования	2008 г.	1982 г.	Соотношение 2008–1982 гг.
Православная конфессиональная идентификация	87	87	0
Самодекларированная религиозность	80	24	+56 или в 3,3 раза
Вера в Бога	80	18	+62 или в 4,4 раза
Вера в загробную жизнь	26	5	+21 или в 5,2 раза
Крещение детей	82	59	+23 или в 1,3 раза
Посещение церкви по крайней мере один раз в неделю	7	0,5	+6,5 или в 14 раз
Молитва, каждый или почти каждый день	28	6	+22 или в 4,6 раза

Источники: За 1982 год – исследование религиозности в регионе Ниша, где преобладает православие, проведенное Джорджевичем (Д. Ђорђевић, 1984); за 2008 год *European Values Study, Serbia*

В конце концов, здесь идет речь о том, насколько строгими должны быть критерии при оценке конвенциональной религиозности, а от ответа на этот вопрос зависит и характеристика процесса ревитализации, которая обсуждается. Поскольку Сербия безусловно не является единственным случаем в Европе, то следует обратиться и к религиозной ситуации в соседних странах и в других государствах и посмотреть, насколько ревностно жители тех стран выполняют свои религиозные обязанности и акты набожности. Поскольку мы сделали это в одной из других работ³¹, то здесь мы удовлетворимся только выводом, что религиозность в Сербии, без сомнения, не является больше примером массового бегства людей от религии и церкви. Многочисленные эмпирические исследования в мире показали, что декларированная религиозность самое распространенное явление в католическом религиозно-духовном круге по сравнению со смешанной, протестантской и православной средой. Что же касается Сербии, то эта разница в последние годы существенно уменьшилось, так что религиозная декларация и вера в Бога в Сербии приближаются к ситуации в католических странах (Италия и Португалия) и намного больше не только по сравнению с протестантскими (Дания и Швеция) и в конфессиональном смысле смешанными странами (как например, Великобритания и Голландия), но и по сравнению с православной Россией. Однако, когда речь идет о неизбежном элементе любой институционализованной религиозности, регулярном церковном обрядовом поведении респондентов, т.е. верующих, то различия между католическими странами, смешанными в конфессиональном смысле, протестантскими и православными и сегодня отчетливо видны. В католических странах свыше половины респондентов посещает церковь хотя бы один раз в месяц, в смешанных в конфессиональном смысле государствах – не более одной четверти респондентов, в протестантских странах очень малое число респондентов соблюдает эту религиозную обя-

³¹ Благојевић М. „Религиозна Европа, Русија и Србија: јуче и данас (аргументи емпиријске евиденције: случај Европе)“, Филозофија и друштво, број 1., Институт за филозофију и друштвену теорију, Београд. 2008.

занность, а аналогичной является и ситуация в современной православной России. Ситуация в Сербии лучше по сравнению с приведенными примерами и приближается к ситуации в смешанных в конфессиональном смысле государствах. Структура верующих, сложившаяся в течение девяностых годов прошлого века в Сербии, сохранилась, в области религиозного сознания укрепилась, а в обрядовой области черепашным шагом продвинулась вперед.

В заключение попытаемся ясно и точно ответить на вопрос, заданный в названии этого текста: является ли ревитализация религии и религиозности в Сербии в последние двадцать лет действительностью или мифом? Самым аргументированным был бы ответ: *является и действительностью, и мифом*. Действительность ревитализации заключается, по существу, в ревитализации общественной роли религии и церкви в постсоциалистическом сербском обществе, прежде всего православия и СПЦ. Как мы уже сказали, ситуационный фактор в начале девяностых годов решающим образом повлиял на то, что отдельные функции религии и церкви всплыли на поверхность общественной жизни: в Сербии в начале девяностых годов присутствует прежде всего защитно-объединяющая, гомогенизирующая, этномобилизирующая функция религии, а потом и компенсирующая функция и функция мировоззрения. Не следует забывать и об идеологической функции религии как своеобразного возмещения утраченной идентичности и общепринятых ценностей, тесно связанной с функцией узаконивания новой системы, которую можно назвать и социально-политической функцией православия. Мы говорим о действительности, когда отмечаем, что заметные, но медленные изменения происходят и в самой религиозной сфере, в сфере возросшей церковности по сравнению с периодом тридцатилетней давности. Мифом было бы считать, что описанная ревитализация в то же время сделала людей более духовными в их посвященности Богоисканию, а их ежедневные взаимоотношения обогатила каким-либо новым качеством. Послевоенная общественная реальность на многих территориях бывшей Югославии, массовые социально девиантные явления коррупции, самых разных видов преступности, подросткового насилия в школах и насилия в семье, наркотиков и другие болезни зависимости рисуют картину, которая совершенно противоположна ожидаемому поведению верующих, что относится ко всем трем доминантным на указанном пространстве конфессиям. Поэтому религиозное, поистине духовное преобразование всегда связано с индивидуальными усилиями и, следовательно, иллюзорно ожидать, что оно произойдет в релевантном для общества, массовом порядке.

Список литературы

1. Благојевић М. *Приближавање православљу*, ЈУНИР, Градина, Ниш. 1995.
2. Благојевић М. *Религија и црква у трансформацијама друштва*, Институт за филозофију и друштвену теорију, ИП Филип Вишњић, Београд. 2005.
3. Благојевић М. „Религиозна Европа, Русија и Србија: јуче и данас (аргументи емпиријске евиденције: случај Србије)“, *Филозофија и друштво*, број 3., Институт за филозофију и друштвену теорију, Београд. 2008.
4. Благојевић М. „Религиозна Европа, Русија и Србија: јуче и данас (аргументи емпиријске евиденције: случај Европе)“, *Филозофија и друштво*, број 1., Институт за филозофију и друштвену теорију, Београд. 2008.
5. Благојевић М. „О социолошким критеријумима религиозности. Колико има православних верника данас?“, *Филозофија и друштво*, број 1., Институт за филозофију и друштвену теорију, Београд. 2009.
6. Blagojević M. „Empirical (Re)evolution of revitalization of Orthodox Christianity“, in Danijela Gavrilović (edited) *Revitalization of Religion (Theoretical and Comparativ Approaches*, YSSS Annual – Year XVI, Nis. 2009a.
7. Велмар – Јанковић С. „Вера ме води и даје ми снагу за рад и живот“ *Православље*, 42 (1006):8–9., Београд. 2009.
8. Воронцов Б. «Возрождение религиозности или дехристианизация», *Новая Газета*, № 27 от 17. апреля, 2008.
9. Vrcan S. „Novi izazovi za suvremenu sociologiju religije (politizacija religije i religizacija politike u postkomunizmu)“, *Revija za sociologiju*, Sociološko društvo Hrvatske, Zagreb. 1999.
10. Vukomanović M. „Zajedno na oltaru i na tronu“, inervju Omera Karabega sa univerzitetskim profesorima i sociolozima religije Srđanom Vrcanom iz Splita i Milanom Vukomanovićem iz Beograda na radiju „Slobodna Evropa“, *Zarez*, broj 139., Zagreb. 2004.

11. Вукомановић М. *Ното виатор – религија и ново доба*, Чигоја штампа, Београд. 2008.
12. Дејви Г. „Евопа: изузетак који доказује правило?“, у Питер Л. Бергер (приредио) *Десекуларизација света – препород религије и светска политика*, Meditteran Publishing, Нови Сад, 2008.
13. Ђорђевић, Драгољуб Б. (1984) *Бег од цркве*, Нота, Књажевац.
14. Djordjević D.B. „Religiousness of Serbs at the Beginning of the 21st Century: What is it About?“, in Danijela Gavrilović (edited) *Revitalization of Religion (Theoretical and Comparativ Approaches*, YSSS Annual–Year XVI, Nis. 2009.
15. Ђорђевић М. „Искушења клерикализације“, *Република*, Београд. 2005.
16. Ђорђевић М. „Секуларизам и клерикализам“, *Република*, Београд. 2005.
17. *European Values Study, Serbia 2008*, база података Института за филозофију и друштвену теорију, Београд., тоже и (www.europeanvalues.nl/).
18. Jeleč P. „Ničija zemlja“, у *DANI*, 19. 12. 2008., Sarajevo. 2008.
19. Кубурић З. *Религија, породица, млади*, Теолошки институт, Београд. 1996.
20. Лебедев С. „Религиозност: в поисках 'рубикона'“, *Социологический журнал*, 2005. № 4.
21. Лебедев С. „Религиозный ренессанс“ как социальная реальность: к демифологизации понятия“, *Социологический журнал*, 2007. № 2.
22. Митрохин Н. «Социология 'бескорыстных мечтателей', или Как все-таки считать количество православных», *Неприкосновенный запас*, 2007 № 1. (51).
23. Налетова И.Н. «Новые православные» в России: тип или стереотип религиозности, *Социологические исследования*, 1999. № 5.
24. Пейкова З. И. «Апостасия как фактор дестабилизации общества», *Социологические исследования*, 2001. № 4.
25. *Попис становништва, домаћинства и станова у 2002*. Становништво, вероисповест, матерњи језик и национална или етничка припадност према старости и полу. Подаци по општинама, Републички завод за статистику, мај 2003. Београд.
26. Радисављевић-Ђипаризовић Д. „Религија и свакодневни живот: везаност људи за религију и цркву у Србији крајем деведесетих“ у (колектив аутора) *Србија на крају миленијума*, Институт за социолошка истраживања Филозофског факултета у Београду, Београд. 2002
27. Синелина Ю.Ю. «О критериях определения религиозности населения», *Социологические исследования*, 2001. № 7.
28. Синелина Ю.Ю. «Процесс воцерковления населения России в конце XX в», *Православное информационное агенство, Русская линия*, Радонеж. 2005
29. Филатов С.Б., Лункин Р.Н. „Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность“, *Социологические исследования*, Москва. 2005. № 4.
30. Фурман Д.Е., Каарияйнен К. *Религиозность в России в 90-е годы XX – начале XXI века*, Москва РАН, Институт Европы, Издательство ОГНИ ТД. 2006.
31. Cvitković I. „Has the 'Return' of Religions Occurred or 'Return' to the Religion?“, in Danijela Gavrilović (edited) *Revitalization of Religion (Theoretical and Comparativ Approaches*, YSSS Annual – YearXVI, Nis. 2009.
32. Чеснокова В.Ф. «Тесным путем. Процесс воцерковления населения России в конце XX века», Москва: Академический проект, 2005.

REVITALIZATION OF RELIGION (ORTHODOX) IN SERBIA: REALITY OR A MYTH?

MIRKO BLAGOJEVIC

*Institute of Philosophy
and social Theory, Belgrad
(Serbia)*

*e-mail:
Ved2_Sociology@bsu.edu.ru*

This article has two parts: in the first part the authors discuss two theoretical ways of interpreting revival and revitalization of religion in Serbia. The first way takes religion as a public institution and implies mutual support of religious and non-religious factors, while the other way describes independent, internal religious revival emerging from the very core of religion and church as a divine institution and individual spiritual needs of believers for religiousness (terminal faith). In the second part, the author points to two different interpretations of empirical data on attachment to religion and church in Serbia accumulated in the last thirty years.

Key words: revitalization of religion and church, conventional religiousness, Serbian Orthodoxy, traditional religiousness, current religiousness.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

УДК 340.11.330

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ: ИНТЕГРАТИВНЫЙ ТИП В СИСТЕМЕ НАУЧНОЙ ТРАКТОВКИ СОЦИАЛЬНОЙ И ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Г.А. БОРИСОВ
В.А. НОСКОВ

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: borisov@bsu.edu.ru

Статья посвящена развитию идеи о синтезирующей философии права и интегративном типе правопонимания в отечественной теории права. Уточняются представления о ключевом значении базовых естественно-правовом и юридико-позитивистском типах правопознания, рассматриваются их метаморфозы как в связи с формированием ряда надпозитивных подходов к познанию сущности права, так и ориентированных на познание внутренних закономерностей развития права с помощью эмпирических методов.

Ключевые слова: тип правопознания, юснатурализм, юридический позитивизм, универсализм в понимании права, интегративное понимание права, гражданское общество, правовое государство, социологическая трактовка права, формально-догматическая методология правопознания, технологическая трактовка права, юридическая техника.

Современное развитие права обуславливается процессами секуляризации, гуманизации, демократизации жизни общества, стимулированием многообразных форм, механизмов и способов социального самовыражения человека, раскрепощения его творческих сил и способностей. В то же время в этих судьбоносных процессах право играет не только роль «объекта», т.е. производного фактора, но и роль «субъекта» – их активной стороны. Это выражается в стремлении ключевых участников (акторов) формирования, развития и структурирования государственно-правовой жизни опираться на право как фундаментальный ориентир и регулятор, придающий движению социальной реальности устойчивый, последовательный и предсказуемый характер. Иными словами, социальные процессы неизбежно нуждаются в адекватном юридическом оформлении с актуализацией не просто факта обозначения, фиксации их бытия, но факта их *легитимного бытия*, т.е. их правовой оценки, во многом определяющейся тем, какие типы правопонимания закладывались в теоретико-методологические основания трактовки права.

Если принять отмеченное обстоятельство как данность, то приходится констатировать, что формирование и развитие права есть «история противоборства различных типов правопонимания, т.е. различных подходов к пониманию того, что есть сущность права как специфического явления социальной жизни»¹. В условиях и в ходе отмеченного противопоставления отчетливо просматривалась господствующая тенденция опоры каждого из этих

¹ См.: Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. В.М. Сырых. – М.: Эксмо, 2008. – С. 41.

типов правовопонимания на идею *универсализма*, т.е. обобщенное понимание права. Она может здесь выступать либо в качестве ключевой детерминанты иных его трактовок, либо в виде притягивающей, аккумулирующей их силы, либо как фактор, аннигилирующий, упраздняющий все то, что содержат оппонирующие по отношению к нему (данному подходу) интерпретации права.

Универсализм в правовопонимании тяготеет при этом к преобладанию, даже абсолютизации какого-либо одного из его типов, в основе которого лежит определенная правовая реальность. Она трактуется как некая «однородность» в том смысле, что ее можно подогнать под единую объяснительную схему (норму) только данного правового типа, поскольку иные подходы к объяснению права в свете обозначенной установки становятся излишними и не востребованными. Подобная универсалистская ограниченность приводит к тому, что одна из интерпретаций права объявляется «легитимной», а другие – нет, что автоматически ведет к принижению, а зачастую, к игнорированию их эвристического потенциала, в конечном счете, к обеднению представлений о самой правовой жизни общества. Выход видится в *интегративном* понимании права – вполне очевидной альтернативе универсалистским интенциям в герменевтике права.

Интегративное понимание права исходит из признания разнородности правовой реальности, соответственно использования различных типов правовопонимания как отражения этой разнородности с тем принципиальным допущением, что свою эвристическую ценность каждый из подходов к правовопознанию может проявить, лишь соотносясь с другими его типами. Поскольку сама разнородность этой реальности не безусловна, то есть носит относительный характер, то очевидность интегративной интерпретации права никто не оспаривает, хотя признание этой идеи не трансформируется в ее надлежащее обоснование, поскольку все это осуществляется в основном на уровне абстракций – общих рассуждений, а не в русле конкретности – их предметного «заземления». О.В. Мартышин, например, отмечает: «Не лучше ли... не искать универсальное понятие, а сочетать разные понятия и определения, имея в виду, что каждое из них в отдельности неполно и относительно, и лишь их совокупность дает разностороннее представление о праве?»².

Обоснованность высказанного соображения очевидна, хотя при этом нельзя не видеть ее декларативности, то есть того, что она сформулирована в общих чертах и, соответственно, не подкрепляется анализом конкретных социальных проблем, событий или фактов. Можно предположить, что интегративная интерпретация природы права выступает в качестве противостоящего фактора по отношению к *поэлементно-структурной его герменевтике*. Это подразумевает трактовку правовой жизни общества как разнородной реальности, но с акцентом на то, что ее составляющие в известной степени самодостаточны и, следовательно, нуждаются лишь в «своем» типе правовопознания, позволяющем более или менее точно отразить, понять их природу. Проблема, таким образом, заключается в избегании крайностей, с одной стороны, универсалистских, с другой – сепаратистских предпочтений в трактовке права. Апелляция к праву при этом – это одно, а его трактовки – другое, поскольку соответствующие истолкования сами детерминированы как «высокими» теориями, так и «приземленными». В первом случае задается ориентация на понимание *абстрактной сущности права*, а во втором – его *конкретной сущности*. С точки зрения предельного абстрагирования сущность права видится в первооснове, которая «накладывается» на социальную реальность, изначально олицетворяющую собой принципиально однородное социальное бытие.

Смысл такой однородности в том, что все его фрагменты (элементы) подвержены правовому управляющему воздействию, осуществляемому по единым, универсальным и однозначным трактуемым «правилам игры», которые задаются соответствующим типом правовопонимания, становящимся в этих условиях самодостаточной регулятивной силой и, следовательно, не нуждающейся в использовании потенциала других правовых регуляторов (типов права). Парадигма абстрактной сущности права представляется убедительной, но с одной принципиальной оговоркой – она «работает» в рамках теории «вообще», но отнюдь не тогда, когда эта теория опредмечивается, экстраполируется, преломляется, т.е. используется как инструмент объяснения и понимания феноменологических (проявляющихся) форм право-

² См.: Мартышин О.В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право, 2003, № 6, – С. 17.

вой жизни. Ведь именно в ходе подобного анализа обнаруживается гетерогенный характер этой жизни, ее очевидная неоднородность, разнокачественность и многоликость. А это самый весомый довод в пользу понимания *конкретной сущности права*, ориентированной как раз на учет данных обстоятельств. Следовательно, в реальном (актуальном) познании обнаружение, собирание, обобщение, приращение знания относительно социальной и правовой реальности заключено не на путях противопоставления, а на основе сопряжения, или, если угодно, интеграции эвристического потенциала различных типов правопонимания, поскольку то, что убедительно трактуется в рамках одной интерпретации права, представляется неубедительным в рамках другого его истолкования.

Правопонимание, таким образом, – это герменевтика (трактовка) права с точки зрения двух взаимосвязанных познавательных стратегий, одна из которых апеллирует к праву как таковому, другая – к социальной реальности, которую оно (право) призвано отразить и объяснить. Образующаяся в этой связи дилемма свидетельствует о том, что, социальная реальность должна подгоняться под существующий тип правопонимания, либо, наоборот, эта реальность (или какой-либо ее фрагмент) в решающей степени определяет уместность использования того или иного типа правопонимания. Думается, что второй путь более плодотворен, так как в его основе лежит принципиальное допущение – признание *гетерогенного характера* этой реальности, ее неоднородности, что предполагает сосуществование различных качеств в рамках ее бытия. Качество, как известно, есть тождественная с бытием определенность (Г. Ф. Гегель). Разнородность правовой реальности проявляется в специфике уровней жизнедеятельности общества, его сфер, состояний, механизмов развития, «проблемных полей» и т.д.

Вместе с тем, подобное допущение неизбежно предполагает корреляцию – соотносимость с познавательным процессом, в котором смысловым ядром являются концепции правопонимания. Каждая из них в своем прикладном назначении отвечает за «конкретное качество», а не за «качество вообще», поскольку не претендует на универсализм в объяснении социальной реальности, а реализует свои эвристические возможности *партикулярно*, «отвечая» за тот или иной модус ее бытия.

Из каких правовых позиций, например, можно исходить, если анализировать проблему взаимосвязи гражданского общества и правового государства? По сути дела речь здесь идет о возможности и необходимости решения проблемы *порядка*, которая с точки зрения Т. Гоббса считается важнейшей, если не главной проблемой общества. Порядок – это не столько «фатальный», сколько «условный» факт, ибо он являет собой диалектическое единство устойчивости и неустойчивости, постоянства и изменчивости, преемственности и разрыва применительно к историческому развитию. Выражаясь метафорически, социальный порядок – это не «подарок», а «приз», за который нужно бороться, используя весь арсенал средств. Но в этой связи возникает вопрос о том, кто уполномочен использовать данные средства. Приходится здесь констатировать двойственность самих основ порядка, ибо он должен в идеале поддерживаться, с одной стороны, *правовым государством*, а, с другой – *гражданским обществом*. Порядок, таким образом, существует, воспроизводится, трансформируется благодаря наличию двух «проблемных полей» (полюсов) – *свободы* как коррелята гражданского общества и *справедливости* – коррелята правового государства. Свобода в своем эмпирическом «приземлении» есть атрибут конкретных индивидов – носителей *персональной ответственности* по отношению к социальному миру, тогда как *тотальная ответственность* с не меньшей очевидностью атрибутируется государством, отвечающим за порядок в масштабах всего общества. Если редуцировать (упростить) приведенные характеристики такого соотношения, то можно сделать вывод о том, что на индивидуальном уровне свобода «поглощает» справедливость, а на уровне государства – наоборот, справедливость первична, а свобода вторична.

Уже это допущение рождает сомнение относительно правомерности использования одного типа правопонимания применительно к интеракции правового государства и гражданского общества, ибо здесь приходится соединять, стыковать противоположные миры, воплощающие, с одной стороны, «горизонтальные» (в лице гражданского общества), а с, другой – «вертикальные» (в лице правового государства) процессы, связи и отношения. Получается, что исследование проблематики взаимодействия гражданского общества и правового государства

обусловлено императивностью *правового дуализма*, ибо и то, и другое олицетворяют предполагающие друг друга, но не тождественные основы социальной и правовой реальности.

Выше обозначенные методологические акцентировки можно развернуть и конкретизировать следующим образом. Если исходить из исторически сложившегося деления права на «натуральный» и «искусственный» блоки, то гражданское общество востребует в качестве своей правовой характеристики «естественное право», тогда как суть правового государства наиболее адекватно отражается в юридической версии «позитивного права». Неоспоримым становится тот факт, что гражданское общество состоит из свободных людей, осознающих свои права и обязанности, способных защищать их от чрезмерной опеки со стороны государства на основе четкой артикуляции своих интересов, практической реализации корпоративной (ассоциативной) солидарности, позиционирования себя в качестве равноправного партнера государства. Однако подобные социальные качества и свойства атрибутивно предполагают естественно-правовую оболочку, так как они осознаются как *правовые нормы, взращенные «снизу», рожденные самой природой человека*, а не дарованные «сверху», по желанию и воле государства. Только в данном контексте эти нормы становятся легитимной саморегулирующей силой общества. Иная трактовка, в частности, с позиции другого типа правопонимания становится не убедительной, «зависает в воздухе», теряет свою релевантность.

А с позиций какого типа правопонимания уместна трактовка проблемы правового государства? Здесь сам ход исторического процесса подсказывает, что «природные права» человека могут проявляться как в позитивном, так и в негативном аспекте. Например, оборотной стороной свободы является не только ответственность, но и *эгоизм* – абсолютизация «собственного» индивидуального и корпоративного самовыражения одних лиц при одновременном игнорировании прав, запросов и интересов других лиц. Причем подобная интенция может быть оправдана ссылкой именно на естественно-правовую природу человека. Можно, конечно, возразить, что выше означенный негативный тип личности воспроизводится *социальными условиями*, провоцирующими подобные устремления, расширяющими масштабы эгоистического самовыражения человека.

Актуализируется при этом проблема не условий, а *предисловий* – наличия четко артикулированных норм юридического позитивного права. Их формальным источником становится государство, отвечающее за порядок в обществе с точки зрения *справедливости*, то есть обеспечения первичности социального по отношению к индивидуальному, интересов и запросов общества по отношению к намерениям и желаниям отдельных индивидов и т.д. Позитивное право в аспекте подчеркивания приоритета ценности порядка вкупе с гарантией обеспечения и реализации ценности свободы личности есть правовое государство. В «сухом остатке» получается, что гражданское общество и правовое государство как ключевые акторы социальной жизни являются носителями, соответственно, естественного и позитивного начал в праве и, таким образом, продуцируют, рождают, задают соответствующие типы правопонимания – *естественно-правовой и юридико-позитивистский*. Последние становятся базовыми среди всех других научных подходов к правопознанию.

Характеристика реальных взаимоотношений гражданского общества и правового государства приводит к метаморфозам названных *ключевых* (базовых) типов правопонимания. Это получает свое воплощение, с одной стороны, в условиях формирования ряда надпозитивных подходов к познанию сущности права, порожденного самой природой человека в его взаимодействии с теми факторами, которые трансцендентны по отношению к праву (мировоззренческие, психологические, аксиологические, теологические, нравственные, антропологические и др.).

С другой стороны, в направлении отвлечения от «внешнефакторного» воздействия на право и акцентировки внимания на познании собственной нормативной природы права с использованием познающими субъектами специфических приемов, способов и средств научного поиска, формируется множественность исследовательских направлений, нацеленных на собирание, описание, обобщение, возведение в принцип реально существующих правовых явлений. Объектом научного анализа здесь становится исключительно позитивное право с точки зрения того, как оно устроено и образовано независимо от его содержания, т.е. в облике действующего законодательства. Как объективное, так и субъективное право здесь познается как данность, представлено в накопленном обширном законодательном материале и в равноценной совокупности знаний о внутренних его закономерностях, в соответствии с ко-

торами оно существует, развивается, приобретая в этом процессе новые качества. С помощью эмпирических методов законодательные предписания могут лишь уточняться, но не формулироваться изначально, как это имеет место в естественно-правовой концепции правопознания.

Юридический позитивизм, как уже отмечалось, рассматривается как явление собирательное. Оно охватывает ряд других концепций правопознания, определяющие саму сущность права, исходя из того, что исследовательской базой для его определения являются действующие юридические решения (законы, правовые акты судебной власти), а также другие реальные правовые явления – правовой порядок, правовые отношения, правосознание и др. Модуль классического (догматического) позитивизма, например, с учетом названных особенностей эмпирической основы оценивается здесь как исходный. В нём право рассматривается не только как объективированные юридические решения, но и преобразованное законодательство в таком качестве, при котором выявленное содержание реальных законоположений в максимальной степени эффективно могло быть применено к каждому конкретному случаю. В научных исследованиях данный тип правопознания именуют юридической техникой и формально-догматическим методом. Последний не является чем-то извне занесенным в право. Напротив, он становится единственным способом верного практического владения им³.

Названные разновидности юридического позитивизма не исключают формирования других его направлений, которые, в частности, ассоциируют право с целями и интересами субъектов правовых отношений (юриспруденция интересов), с фактическим правопорядком, с «правом в действии», которое противопоставлялось «праву в книгах», с фактическими юридически значимыми действиями субъектов (прагматический позитивизм). Востребованность названных моделей юридического позитивизма обусловлена тем обстоятельством, что сформулированные государством нормы должны воплотиться на практике, равно как и естественные права человека необходимо наполнить содержанием через конкретные процедуры и механизмы их артикуляции, реализации и защиты. Связующим звеном здесь являются *решения правового характера*, принимаемые государственными органами либо с опорой на существующие законы, либо путем правотворчества в форме прецедентов, но замыкающиеся, в конечном счете, на правах и законных интересах конкретных граждан. В этом отношении большое значение приобретает *социологическая трактовка права, (прагматический) позитивизм*, который становится одной из ведущих, задающих выходы и на проблему *легизма* – правового государства с точки зрения эффективности принятых правовых решений, и на проблему *юснатурализма* – гражданского общества с точки зрения защиты естественных прав человека.

Прагматической составляющей процесса социализации (развертывания) легизма и юснатурализма, в частности, является *формально-догматическая методология правопознания*. Здесь нужно, с одной стороны, принимать во внимание то, насколько продуктивно и целеустремленно структуры власти и уполномоченные лица (в лице чиновничества) овладевают буквой и духом закона с вытекающими из этого алгоритмами их действий и процедур. С другой стороны, в какой степени граждане государства владеют знаниями данных ипостасей (форм) правовой реальности с целью адекватного реагирования на изменяющиеся условия и обстоятельства реализации и защиты своих прав и законных интересов. В рамках догматического контекста взаимодействия гражданского общества и правового государства на первый план выходит *технологическая трактовка права*, тогда как мировоззренческие, аксиологические, нравственные, психологические и иные надпозитивные подходы становятся герменевтической калькой второго порядка.

На технологический контекст формально-догматической методологии в последнее время все чаще обращается внимание. Эта сторона формально-догматической методологии именуется в юридической литературе как юридическая техника. Она определяется как «система профессиональных юридических правил и средств, используемых при составлении правовых актов и осуществлении иной юридической деятельности в сферах правотворчества,

³ См.: Усков О.Ю. Юридическая техника как формально-догматическая методология. Учебное пособие. Белгород. 2007. – С. 10-12

правоинтерпретации, властной и невластной реализации права, обеспечивающих совершенство его формы и содержания»⁴.

В результате получается, что правовая оценка гражданского общества – это одно, правового государства – это другое, реального взаимодействия гражданского общества и правового государства – это третье, догм (канонов) этого взаимодействия – это четвертое и т.д. В каждом из этих случаев один тип правопонимания играет ведущую роль, а остальные – вспомогательную роль.

При всей, на первый взгляд, несовместимости, проанализированные типы правопонимания представляют собой некое диалектическое (противоречивое) единство, особенно в прикладном аспекте, т.е. в их использовании в качестве познавательного инструментария применительно к конкретным явлениям, событиям и процессам социальной жизни. Этот парадигмальный симбиоз неизбежно востребует *интегративное понимание права*, выступающего в этой связи как *система*, где каждый ее элемент (тип правопонимания) одновременно играет роль причины (детерминанты) по отношению к другим элементам и роль следствия (дериивата). Какой тип правопонимания становится «причиной», а какой тип «следствием» определяется познавательным контекстом – целью и задачами, объектом и предметом исследования, мировоззренческо-методологической ангажированностью познающего субъекта и т.д. Ясно в связи с этим то, что интегративная методология правопонимания востребуется тогда, когда она формируется и обозначается не как «в себе бытие», но как «для себя бытие». Это равнозначно реальному применению, использованию данной методологии в анализе социальной реальности в аспекте подчеркивания ее многообразия, многоликости, разнородности, диалектического характера развития, не сводимого к тому, что кажется «очевидным», ибо ипостась «очевидного» может быть также тем, что уводит в сторону познающую мысль, затушевывает существо возникающих проблем, связанных с познанием социальной реальности.

Список литературы

1. Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. В.М. Сырых. М., 2008.
2. Мартышин О.В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. 2003. № 6.
3. Усков О.Ю. Юридическая техника как формально-догматическая методология. Учебное пособие. Белгород, 2007.
4. Давыдова М.Л. Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники. Автореф. дисс. ... доктора юридических наук. Волгоград, 2010.

PROBLEMS OF THE MODERN INTERPRETATION OF LAW: INTEGRATIVE TYPE IN THE SYSTEM OF SCIENTIFIC INTERPRETATION OF SOCIAL AND LEGAL REALITY

G.A. BORISOV
V.A. NOSKOV

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: borisov@bsu.edu.ru

The paper concentrates on the idea of synthesizing the philosophy of law and integrative type of law in domestic legal theory. Refined understanding of the key importance of basic legal and natural-legal-positivist of type low knowledge are considered to metamorphosis in connection with the formation of a number of approaches to knowledge over positive essence of law, and focused on the knowledge of the internal laws of development rights by means of empirical methods, Deepen understanding of the sociological interpretation of the law, the formal-dogmatic interpretation of the new methodology and type of low knowledge.

Key words: type of low knowledge, yusnaturalism, legal positivism, universalism in the sense of law, an integrative understanding of law, civil society.

⁴ Давыдова М.Л. Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники. Автореф. дисс. ... доктора юридических наук. – Волгоград, 2010. – С. 8

УДК 340.11:330.341.1

К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ ОСНОВАХ РАЗВИТИЯ НАНОТЕХНОЛОГИЙ В РОССИИ¹**В.Ю. ТУРАНИН
Д.А. СЕРГЕЕВА***Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail: turanin@mail.ru*

Статья посвящена анализу правовых основ развития нанотехнологий в России. Авторы отмечают, что в настоящее время нет целостного научного представления о природе правоотношений, складывающихся в сфере разработки и применения продукции наноиндустрии. Кроме того, существуют значительные практические проблемы правового регулирования нанотехнологий, которые связаны с отсутствием надлежащей правовой основы, комплексно и всесторонне охватывающей отношения в данной области.

Ключевые слова: нанотехнологии, право, правовые основы, правовое регулирование.

В современной России под влиянием происходящего научно-технического прогресса происходит формирование новых общественных отношений, связанных с нанотехнологиями. При этом становится все более очевидным, что для позиционирования нашего государства на мировом уровне как страны, производящей высокотехнологичную продукцию, необходимо не только создавать и развивать наноиндустрию, но и обеспечить надлежащее правовое регулирование нанотехнологий.

В Программе развития наноиндустрии в Российской Федерации до 2015 года закреплено, что нанотехнологии – это технологии, направленные на создание и эффективное практическое использование нанообъектов и наносистем с заданными свойствами и характеристиками. В свою очередь, нанообъект представляет собой объект, линейный размер которого хотя бы в одном направлении составляет порядка 1 – 100 нм, а наносистема – это система, содержащая структурные элементы размером порядка 1 – 100 нм, определяющие ее основные свойства и характеристики в целом.² В электронном словаре нанотехнологических и связанных с нанотехнологиями терминов, опубликованном на сайте ОАО «Роснано», нанотехнологии понимаются как «совокупность технологических методов и приемов, используемых при изучении, проектировании и производстве материалов, устройств и систем, включающих целенаправленный контроль и управление строением, химическим составом и взаимодействием составляющих их отдельных наномасштабных элементов (с размерами порядка 100 нм и меньше как минимум по одному из измерений), которые приводят к улучшению, либо появлению дополнительных эксплуатационных и/или потребительских характеристик и свойств получаемых продуктов».³

В юридической науке правовое положение нанотехнологий до сих пор практически не исследовалось, внимание уделялось лишь отдельным аспектам правового регулирования отношений в данной сфере.⁴ В настоящее время отсутствует целостное теоретическое представление о природе правоотношений, складывающихся в сфере разработки и применения нанотехнологий, их элементах. Поэтому, прежде всего, важно обратить внимание на особенности предмета правового регулирования нанотехнологий, которые отражены в его структуре. Здесь можно выделить следующие блоки обособленных, но

¹ Настоящее исследование выполнено при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (государственный контракт № 16.740.11.0106 от 02.09.2010 г.).

² Программа развития наноиндустрии в Российской Федерации до 2015 года, одобрена Правительством РФ 17.01.2008 г. // Документ опубликован не был, при поиске использовалась СПС «Консультант Плюс».

³ Словарь нанотехнологических и связанных с нанотехнологиями терминов // URL: <http://thesaurus.rusnano.com/wiki/article1377> (дата обращения: 22.01.2012 г.)

⁴ См., напр.: Зульфурзаде Т.Э., Хатаева М.А. Основы правового регулирования нанотехнологий в Российской Федерации // Адвокат, 2009, № 9. – С.17-24.

взаимосвязанных общественных отношений, составляющих саму цепочку инновационного процесса в сфере нанотехнологий:

- отношения, складывающиеся в сфере интеллектуальной собственности;
- отношения, складывающиеся в сфере научно-технической деятельности;
- отношения, складывающиеся в сфере инновационной предпринимательской деятельности;
- отношения, складывающиеся в сфере технического регулирования;
- отношения в области формирования государственной инновационной политики.

Характер и вид общественных отношений, составляющих предмет правового регулирования, обуславливают выбор типа и режима правового регулирования. В теории права выделяют дозвольтельный тип правового регулирования как результат действия принципа «дозволено все, что не запрещено в законе». Он складывается, в основном, в области частного права, и выглядит как результат использования диспозитивного метода регулирования социальных связей между субъектами правоотношений. Есть еще и разрешительный тип правового регулирования, основанный на принципе «разрешено только то, что закреплено в законе». Он складывается, в основном, в области публичного права, и выглядит как результат использования императивного метода правового регулирования, при котором адресатом соответствующих норм являются, прежде всего, субъекты, обладающие властными полномочиями.⁵

Полагаем, что в предмет правового регулирования нанотехнологий входят как отношения, где действует дозвольтельный тип правового регулирования, так и отношения, где действует разрешительный тип правового регулирования и субъекты взаимодействия и взаимодействия по вертикальному принципу (например, в отношениях где, одной из сторон выступает ОАО «Роснано»).

Необходимо учитывать и разнообразие правоотношений, складывающихся по поводу нанотехнологий. Например, безопасность использования нанотехнологий, риски венчурных капиталов, связанных с технологически новаторскими предприятиями, интеллектуальная собственность, ноу-хау, разработка государственных стандартов нанотехнологий.

Не менее важно установить правовой режим нанотехнологий. Само понятие «правовой режим» определяется как «порядок регулирования, который выражен в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозвольтений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования».⁶ Правовой режим направлен на обеспечение оптимальности в достижении целей регулирования социальных связей, он связан и с устранением излишнего регулирования. В то же время, основная цель правового режима – не дать субъектам правоотношений лишней свободы в определении своего поведения, избежав тем самым негативных последствий. Определяя целесообразность применения того или иного правового режима, С.С.Алексеев использует понятие «энергетическое поле», которое, по его мнению, может быть со знаком «минус» (поле сдерживания), когда вся сумма интересов и потребностей субъектов противостоит осуществляемой задаче, не согласуется с ней или, во всяком случае, не создает благоприятных предпосылок для ее реализации, и со знаком «плюс» (положительное поле, поле активности), когда решаемая задача соответствует определенным интересам и последние создают благоприятные условия для ее реализации, способствуют достижению поставленной задаче. Причем он указывает, что действие систем юридического регулирования, их эффективность, надежность и оправданность в значительной мере зависят от того, каково в данном случае «энергетическое поле» – отрицательное или положительное, поле сдерживания или поле активности.⁷ Считаем, что понятие «энергетическое поле» можно использовать и при оценке становления наноиндустрии в России. По нашему мнению, на сегодняшний момент «энергетическое поле» наноиндустрии находится на стадии формирования и отличается двоякостью. С одной стороны, прогрессивные слои населения, специалисты, занятые в сфере нанотехнологий,

⁵ Борисов Г.А. Теория государства и права. Белгород, 2007. – С.233.

⁶ Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. – С.244.

⁷ Там же. – С.245.

первые лица государства, осознают актуальность и необходимость построения инфраструктуры наноиндустрии, предпринимают практические шаги по наращиванию и развитию этой отрасли. С другой стороны, в российском обществе широко распространен скептический взгляд на нанотехнологии, а также на перспективы построения инновационной экономики в России. Отметим, что такие общественные настроения впоследствии могут негативно сказаться на эффективности системы правового регулирования, в частности, отрицательно повлиять на регулятивную силу принятых нормативных правовых актов и актов, которые еще необходимо принять.

В настоящее время можно констатировать, что процесс формирования российского законодательства, регулирующего наноиндустрию и нанотехнологии, лишь набирает обороты. Поэтому пока отсутствует такая правовая основа, которая бы комплексно и всеохватно охватывала и регулировала возникающие отношения в сфере нанотехнологий. Основные законы, действующие в данной области, – Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»,⁸ Федеральный закон от 19 июля 2007 г. № 139-ФЗ «О Российской корпорации нанотехнологий»,⁹ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 211-ФЗ «О реорганизации Российской корпорации нанотехнологий»¹⁰ не содержат норм, прямо регулирующих особенности развития нанотехнологий, не устанавливают фундаментальные направления развития наноиндустрии в России. Функция нормативно-правового регулирования нанотехнологий реализуется, в основном, через совокупность правовых актов Правительства России, которые принимаются по инициативе ОАО «Роснано», а также через внутренние локальные акты данного общества. При этом правовое регулирование нанотехнологий в России должно исходить из основной цели: создание необходимых правовых условий для создания в России конкурентоспособной на российском и мировом рынке нанопродукции, развития индустрии за счет укрепления научной, технической и производственной базы в области нанотехнологий и наноматериалов.

Кроме обозначенной проблемы можно выделить и другие недостатки в правовом регулировании нанотехнологий в России:

- отсутствие правовых критериев определения нанотехнологичных производств и отнесения продукции к разряду «нано»;
- правовое несовершенство существующих систем стандартизации и сертификации нанопродукции;
- проблемы применения специального режима правового регулирования для хозяйствующих субъектов, которые осуществляют разработки, либо производят продукцию с применением нанотехнологий;
- отсутствие специального налогового режима в отношении таких субъектов и организаций, которые производят продукцию с применением нанотехнологий.

Для устранения данных проблем, с нашей точки зрения, необходимо формирование приоритетных направлений правового регулирования нанотехнологий в России. Полагаем, что это должны быть следующие направления:

1. Разработка и принятие специального Федерального закона «О нанотехнологиях в Российской Федерации», который нужен для поддержки передовых технологических разработок и высокотехнологичных секторов в промышленности, наиболее перспективными среди которых как раз являются исследования в области нанотехнологий. В нем, в частности, должны быть закреплены следующие положения:

- критерии определения нанотехнологичных производств и отнесения продукции к разряду «нано»;
- механизмы стандартизации и сертификации нанопродукции;

⁸ Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 35. Ст. 4137.

⁹ Федеральный закон от 19 июля 2007 г. № 139-ФЗ «О Российской корпорации нанотехнологий» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 30. Ст. 3753.

¹⁰ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 211-ФЗ «О реорганизации Российской корпорации нанотехнологий» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4180.

– специальные режимы правового регулирования для хозяйствующих субъектов, которые осуществляют разработки, либо производят продукцию с применением нанотехнологий;

– система предоставления государственных гарантий при реализации инновационных программ и проектов;

– механизмы предоставления субсидий на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам, привлекаемым на реализацию проектов в сфере наноиндустрии;

– основы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров для осуществления инновационной деятельности в сфере нанотехнологий и др.

Для эффективной реализации положений данного закона важно разработать и необходимые подзаконные акты, а также сформировать правоприменительный механизм.

2. Совершенствование и систематизация имеющегося законодательства в сфере науки и научно-технической деятельности.

3. Необходимые изменения в налоговом законодательстве с целью создания благоприятных условий для финансирования инновационной деятельности, производства нанотехнологической продукции, а также для создания налоговых преференций научным учреждениям, занимающимся разработкой и внедрением нанотехнологий.

4. Расширение полномочий комиссии при Президенте России по модернизации и технологическому развитию российской экономики и правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям для участия экспертного сообщества в подготовке проектов нормативных правовых актов в сфере регулирования нанотехнологий в России.

Список литературы

1. Программа развития наноиндустрии в Российской Федерации до 2015 года, одобрена Правительством РФ 17.01.2008 г. // Документ опубликован не был, при поиске использовалась СПС «Консультант Плюс».

2. Словарь нанотехнологических и связанных с нанотехнологиями терминов // URL: <http://thesaurus.rusnano.com>

3. Зульфурзаде Т.Э., Хатаева М.А. Основы правового регулирования нанотехнологий в Российской Федерации // Адвокат, 2009, № 9. С.17-24.

4. Борисов Г.А. Теория государства и права. Белгород, 2007.

5. Алексеев С.С. Теория права. М., 1995.

6. Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 35. Ст. 4137.

7. Федеральный закон от 19 июля 2007 г. № 139-ФЗ «О Российской корпорации нанотехнологий» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 30. Ст. 3753.

8. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 211-ФЗ «О реорганизации Российской корпорации нанотехнологий» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4180.

ON THE LEGAL BASICS OF NANOTECHNOLOGIES DEVELOPMENT IN RUSSIA

V.Y. TURANIN
D.A. SERGEEVA

*Belgorod State National Research
University*

e-mail: turanin@mail.ru

This article is devoted to the analysis of legal bases of development of nanotechnologies in Russia. The authors notice that now there is no complete scientific representation about the nature of the legal relationship developing in sphere of working out and applications of production nanoindustry. Besides, there are considerable practical problems of legal regulation of nanotechnologies which are connected with absence of an appropriate legal basis, in a complex and comprehensively covering relations in the field.

Key words: nanotechnologies, law, legal bases, legal regulation.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА

УДК 342

ЗОЛОТОЙ ВЕК ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ: ПРАВОВЫЕ ИДЕАЛЫ РУССКИХ ЮРИСТОВ

С.Б. ГЛУШАЧЕНКО*Российский государственный
педагогический
университет им. А. И. Герцена**e-mail: glushachenko@list.ru*

В статье актуализируются взгляды русских ученых-юристов в контексте прав и свобод личности.

Ключевые слова: права и свободы личности, демократия, правовое государство, полицейская государственность, правосознание.

Русские правоведы в конце XIX — начале XX в. создали в своих трудах проекты социального, а правового будущего. По мысли П. И. Новгородцева, надо стремиться к трудному и отдаленному идеалу «нравственного объединения всех». «Союз всемирного гражданства на почве всеобщего права — так определяет И. Кант основные черты этого правового идеала»¹. Способ построения правового идеала видится в братстве народов, во всемирно-гражданском союзе, и, наконец, в необходимости всеобщего права. «Только такое состояние общества можно признать истинно-правомерным, которое покоится на всеобщем признании права»². Это идеал не только демократический, но и вселенский — «идеал общечеловеческого объединения и всемирного равенства и гражданства».

В отличие от П. И. Новгородцева, который подходил к исследованию правового идеала с точки зрения истории политических теорий, Н. Н. Алексеев подходит к исследованию с точки зрения внутреннего строения существующих понятий и идей. Думать, что пропитанное правом общество и государство является образцом социального совершенства — «земным раем», может только тот, кто мало уясняет, что такое общество, государство и право. Общественное совершенство, возможно, воспринимать лишь как «чудо всеобщего преображения». Поэтому даже самое совершенное состояние нрава не может вести к безусловному совершенству общества, к установлению «Земного рая». Понятия государственного и правового идеала неотделимы друг от друга и вполне совпадают, при этом «в государстве помимо правовых, живут еще и нравственные силы, и что политиче-

¹ Новгородцев П. И. Два правовых идеала // Научное слово. — 1904. — Кн. 10. — С. 120.

² Там же. — С. 121.

ский идеал есть не только правовой, но и нравственной»³. Идеал нравственного объединения всех, предлагает и П. И. Новгородцев, называя это «высшей санкцией» нравственного объединения всех. «Это санкция есть вера в общечеловеческую истину и вселенскую правду... Мы верим в единство человечества, в единство общечеловеческой истины»⁴.

Русские юристы проблеме естественного права неразрывно связывали с проблемой естественного идеала. Естественное право и теория правового государства, развиваясь в конце XIX — начале XX в., сконцентрировали свои силы на преобразовании человеческой жизни, и, следовательно, на создании новых социальных идеалов «путем усовершенствования отдельного человека, как проблемы первоначальной и самостоятельной»⁵. Доктрина естественного права покоилась на безграничной вере «в способность человеческого разума устроить общественные отношения по началам абсолютной справедливости». Право, по мысли П. А. Покровского, и тем более нормы права являются средством для достижения социальных целей «на пути стремления к тому или иному социальному идеалу. Право есть явление, обладающее двойкой природой. С одной стороны, мы имеем в нем факт действительности, некоторую силу, которая определяет собой известные стороны человеческой жизни, регулирует общественные отношения. С другой стороны, нормы права являются средством для достижения таких или иных социальных целей на пути стремления к достижению идеала»⁶. То есть, истина, подчеркивает И. А. Покровский, может быть найдена в общих критериях». А они, в свою очередь, могут быть найдены в общих представлениях о должном (общие воззрения на мир, человека, общество). Сердцевину, зерно социального идеала И. А. Покровский видит в общеобязательных началах, или в вере в существование известных абсолютных начал права: «Вот почему в указанные критические эпохи философствование делается общим настроением юриспруденции, и всякие практические реформы стремятся опереть себя на такие или иные этически общеобязательные начала»⁷.

Л. И. Петражицкий, в свою очередь, понимал под естественным правом идеальный и безусловный критерий, и подчеркивал, что не бывает и не должно быть естественного права с изменяющимся содержанием, это еще более противоречивое понятие, чем метр с изменяющейся длиной или килограмм с изменяющимся весом»⁸. Естественное право, в соответствии с доктриной естественного права, таким образом, представляет собой тот идеальный критерий, который является масштабом для оценки прогресса в праве.

Естественно-правовые взгляды всегда активизировались при переходе от полицейского государства к государству правовому. «Полицейское государство превратило живое дело религии в безразличный, с нравственной точки зрения, обряд; именно оно убивало всякое нравственное основание веры. Полицейское государство атеистично, постольку, поскольку оно отрицает нравственную личность. А отрицает оно потому, что в ней для своих государственных целей отнюдь не нуждается»⁹. Совершенно иная точка зрения была у Е. Н. Трубецкого: естественное право не включало никаких раз и навсегда данных, неизменных юридических норм, а представляло собой «совокупность нравственных и вместе правовых требований, различных для каждой нации к эпохи»¹⁰. Совсем по иному рассматривал естественное право И. А. Ильин. Обоснование естественного права, по мысли И. А. Ильина» заключается в ценности, которая есть «достойная, внутренне — самостоятельная и внешне — свободная жизнь всего множества индивидуальных духов, со-

³ Алексеев Н. Н. Основы философии права. — Пр.: Пламя, 1924. — С. 275.

⁴ Новгородцев П. И. Два правовых идеала // Научное слово. — 1904. — Кн. 10. — С. 126.

⁵ Алексеев Н. Н. Идея государства. Очерки по истории политической мысли. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. — С. 407.

⁶ Покровский И. А. Естественно-правовое течение в истории гражданского права. — СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1909. — С. 34.

⁷ Там же. С. 40.

⁸ Петражицкий Л. И. К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права // Юридический вестник. — 1913. — Кн. 2. — С. 15, 17.

⁹ Реснер М. А. Нравственная личность в правовом государстве // Вестник права. — 1903. — Кн. 5–6. С. 43–44.

¹⁰ Трубецкой Е. Н. Учение Чичерина о сущности и смысле права // Вопросы философии и психологии. — 1905. — Кн. 80. — С. 366.

ставляющих человечество»¹¹. Естественное право есть вечное (сохраняет свое значение для всех времен и народов), есть неотчужденное (потому что всякое умаление и поправление его извращает духовную жизнь и унижает достоинство человека), естественное право принадлежит каждому человеку, как бы ни были его недостатки и изъяны, и, наконец, признание естественного права есть условие для свободного личного духа человека.

В. Н. Гессен считал, что правовые идеалы человека, его правовое убеждение является «результатом переплетающихся взаимодействий внутренней, психологической и внешней социальной среды»¹². Отсюда выдвигались принципы естественного права: принцип политической свободы, политического равенства, неотъемлемых прав человека и гражданина. Содержание естественного права определяется социальной, и, прежде всего, экономической жизнью, то есть такими правами как право на существование» право на труд, право на короткий рабочий день. Данные умозаключения находили отклик и в работах других ученых. Наиболее точно и ясно определял идеал политической свободы С. Н. Булгаков. «Идеал политической свободы заключается, но в уничтожении государства (какова теория анархизма), а преобразовании его в соответствии с требованиями нравственного сознания»¹³. Политическая свобода — свобода гражданина, которой он пользуется благодаря разделению власти, основанное на конституции. В. В. Леонтович проводит различие между свободой политической и свободой гражданской. Правда, отмечает он, политическая свобода является продолжением или продлением свободы гражданской. Однако между этими двумя видами существует принципиальное различие¹⁴.

Так или иначе идея свободы становилась основой формирования правовых идеалов русской философии права. Так, С. Л. Франк под свободой личности понимал общественную обязанность, «обусловленная и оправданная началом служения»¹⁵. Свобода личности неразрывно связана с понятием права личной собственности. Государство, по С. Л. Франку, имеет право и обязанность его регулировать, «объективное право нормирует его и может ставить известные пределы и налагать на собственника определенные обязанности»¹⁶. Право личной собственности входит в состав системы общественного единства и в принципе подчинено последнему. Границы этого подчинения определены непререкаемым значением начала личной свободы и несценности личной инициативы. Идея свободы в теории Б. В. Вышеславцева не есть свобода от идей. «Идея свободы отрицает только тиранию идей, насаждение идей насильем и террором»¹⁷. Для Г. П. Федотова главное и самое ценное в содержании свободы — свобода убеждений, религиозного, морального, научного, политического и его публичного выражения: в слове, в печати, в организованной общественной деятельности¹⁸. С другой стороны, целая группа свобод защищает личность от произвола государства независимо от вопросов совести и мысли: свобода от произвольного ареста наказания, от оскорбления, грабежа и насилия со стороны органов власти определяет содержание конституционных гарантий, за которые велась вековая борьба с монархией¹⁹.

Идеи об общественном устройстве, о создании иного социального и правового идеалов в либеральной теории имеет еще одну существенную сторону. Она заключается в том, что никакой идеал не осуществим в своем абсолюте, полноте и чистоте, потому что содержит «внутреннее противоречие». В истории русской правовой мысли, общественный идеал первоначально развивался как чистая идея в замысле «спасти» мир, то есть «истребить в нем зло и неправду и утвердить безраздельное господство добра с помощью

¹¹ Ильин И. А. О сущности правосознания // Собр. соч.: в 10 т. — Т. 4. — М.: Русская книга, 1994. — С. 53.

¹² Гессен В. М. Возрождение естественного права. — СПб. 1902. — С. 18, 24-25.

¹³ Булгаков С. Н. О социальном идеале // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. — Л. 1990. — С. 261.

¹⁴ Леонтович В. В. История либерализма в России. 1862-1914 гг. — М. 1995. — С. 307-308.

¹⁵ Русское зарубежье. Из истории социальной и правовой мысли. — Л.: Лениздат, 1991. — С. 427.

¹⁶ Там же. — С. 428.

¹⁷ Там же. — С. 252.

¹⁸ Федотов Г. П. Россия и свобода. — Нью-Йорк. 1981. — С. 251-252.

¹⁹ Там же. — С. 252.

реформы порядка и устройства жизни»²⁰. Порядок подразумевался как совокупность отношений между людьми, обеспеченных законом. Государство должно служить утверждению «целостной правды», внутреннему, духовному развитию общества. Пределы государства состоят в том, что «в силу всеединства духовно общественного бытия — всякая — организация есть именно организация свободы, планомерное оформление свободного, спонтанного сотрудничества»²¹. Общественным идеалом истории в русской политико-правовой мысли выступало единое правотворящее гражданское общество. Ответ на то, как можно его достичь, является основным для морально-философских построений и заключается в принципе личности. «Что полнее и глубже удовлетворяет нравственное сознание личности: образ небольшого самодовлеющего союза или идеал вселенского гражданского равенства и братства»²². Мыслители склонялись к последнему — к гражданскому обществу как единому правотворящему идеалу. Под гражданским обществом понималось общественное единство, спонтанно слагающееся из вольного сотрудничества, из свободного соглашения отдельных членов общества. В качестве юридической формы выступает договор или соглашение. Государственная власть в свою очередь, «ограничена наличием самого гражданского общества и его неустрашимостью; деятельность ее никогда не должна переходить пределы, в которых она совместима с самим гражданским обществом»²³.

Таким образом, гражданское общество есть свободное взаимодействие индивидов на основе общественного единства. Так, В. М. Гессен также склонялся к мысли о необходимости создания нового гражданского правопорядка, «создание нового гражданского правопорядка является конечной целью современных западноевропейских правовых течений»²⁴. Государство рассматривалось им как государство права, выполняющая двоякого рода функции. С одной стороны государства законодательствует: государственная власть является творцом положительного права. С другой стороны, то же государство управляет оно действует, осуществляя свои интересы, в пределах им же самим создаваемого права²⁵. Государство определяется правом. Это значит, что «право» а не сила, нормирует структуру государственной власти, компетенцию ее органов, права граждан. Это значит, что реальная сила для того, чтобы стать государственной властью, должна преломиться в правовой атмосфере, окружающей государство. В. М. Гессен дает четкое и ясное понятие правового государства. Для мыслителя это и есть тот правовой идеал, который реально может быть достижим в процессе политического развития. Правовым государством, пишет он, «мы называем государство, которое в своей деятельности, в осуществлении правительственной и судебной функции ограничено и связано положительным правом, стоит под, правом, а не вне, и над ним. Необходимым предположением правового государства является начало обособления властей. Осуществление этого начала, возможно, не иначе, как на условиях представительной формы правления»²⁶. Для достижения правового государства необходимо и достаточно обеспечение следующих условий. Улучшение возможного правопорядка сводилось в основном к двум ступеням достижения правового идеала. Во-первых, опыт усовершенствования права должен начинаться с усовершенствования субъекта права. Настоящий, не фиктивный субъект права способен чувствовать, желать и мыслить предметную цель права и государства, и поэтому он переносит эти духовные напряжения свои на само право, и на само государство, и на государственную власть как на верные и достаточные, пути к этой цели. Быть не фиктивным субъектом права, значит быть духовно зрелой личностью»²⁷. Поэтому степенью достижения правового идеала, по Н. Н. Алексееву, является воспитание истинного, не «фиктивного» субъекта права. «Достижение ступени этой обеспечивает выработку нормального, здорового пра-

²⁰ Франк С. Л. По ту сторону правого и левого. — Париж: YMCA-Press, 1972. — С. 91.

²¹ Русское зарубежье. Из истории социальной и правовой мысли. — Л.: Лениздат, 1991. — С. 419.

²² Новгородцев П. Н. Два правовых идеала // Научное слово. — 1904. — Кн. 10. — С. 124.

²³ Русское зарубежье. Из истории социальной и правовой мысли. — Л.: Лениздат, 1991. — С. 426.

²⁴ Гессен В. М. Возрождение естественного права. — СПб. 1902. — С. 27.

²⁵ Там же.

²⁶ Гессен В. М. Основы конституционного права. — СПб. 1917. — С. 66-67.

²⁷ Алексеев Н. Н. Основы философии права. — Пр.: Пламя, 1924. — С. 276.

восознания, что, следовательно, приведет к нормальным и здоровым учреждениям и институтам положительного права»²⁸. Второй ступенью правовой структуры является «предполагаемые и защищаемые каждым правопорядком ценности. Познание путем подобного воплощения ценностей или одухотворения правовой жизни и есть задача правовой тактики»²⁹.

Содержанием правового идеала является достижение справедливого права, которое обуславливает здоровое правосознание и лежащее в его основе «правильное сознание ценностей».³⁰ Особое значение здесь приобретают факторы политического, экономического, духовно-нравственного, организационного, социально-психологического и иного порядка, которые обуславливают процесс реализации прав и во многом определяют его эффективность и результат. Немало из указанных факторов, насколько это позволяют их природа и содержание, учтены в законодательстве, регулируются им. Однако невозможно юридически оформить все многообразие явлений общественной жизни, влияющих на продуктивность реализации субъективных прав, ее закономерный итог. К примеру, даже очень хорошие законы сами по себе не в состоянии удовлетворить запросы граждан относительно материальных благ, лежащих в основе экономических прав (жилище, собственность, заработная плата, пенсия и пр.), остановить рост преступности, предотвратить вооруженные конфликты, посягающие на первейшее право на жизнь. Нельзя также лишь нормативными директивами обеспечить высокую ответственность и профессионализм должностных лиц, от которых зависит реализация прав личности. В данных случаях ее процесс детерминирован развитием экономики, политической стабильностью, благосостоянием населения, эффективностью работы правоохранительных структур, уровнем правовой культуры соответствующих субъектов, т.е. комплексом различных по характеру и значимости факторов, что позволяет представить процесс реализации прав в виде своеобразного механизма.

Полнота и эффективность использования прав и свобод предопределяет удовлетворение личностью своих важнейших потребностей и интересов. А это в цивилизованном обществе способствует всестороннему развитию людей, их социальной активности и уверенности в силе и справедливости закона, прогрессу во всех областях жизни, стабильности принципов и институтов демократии, росту общего благосостояния. Особое значение имеет определение наиболее благоприятных условий и необходимых средств, способствующих реализации конкретных прав личности, выявление конструктивных взаимосвязей таких условий и средств. Исследование, однако, не должно концентрироваться только на анализе влияния социальной среды, соответствующих функций государства и его органов, хотя это, без сомнения, само по себе важно. Для повышения эффективности и ответственности реализации субъективных прав не менее актуальна научная разработка ее типичных стадий, что, в свою очередь, позволяет осмысливать оптимальные пути ее юридического обеспечения.

Несмотря на ряд проблем и противоречий современного этапа развития российского государства, сам факт официального признания им неотъемлемых прав личности есть решительный шаг в сторону идеалов свободы и гражданского общества. На переднем плане стоит вопрос надлежащего гарантирования прав, что согласно Конституции РФ является первейшей обязанностью самого государства. Здесь исключительно важное значение имеет эффективная деятельность правоохранительных органов и среди них органов внутренних дел. Функции последних в механизме реализации прав личности многогранны и сложны: от создания безопасных условий их реализации в общественных местах до защиты преступно нарушенных, причем в различных формах, разнообразными методами, путями, средствами, включая применение самых жестких по закону принудительных мер. Вместе с тем любое направление деятельности органов внутренних дел, хотя бы формально и претендующее на статус гарантирующего права личности, может быть фактически таковым лишь в строгих рамках законности. Однако законности не в виде-

²⁸ Алексеев Н. Н. Основы философии права. — Пр.: Пламя, 1924. — С. 278.

²⁹ Там же. — С. 289.

³⁰ Бредли Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. — 1994. — № 5. — С. 89.

нии идеологов и практиков тоталитаризма, а той, которая присуща правовому государству, основана на воплощенных в законе общепризнанных ценностях демократии. Научные исследования в области обеспечения и охраны прав личности различными государственными органами всегда развиваются теоретически продуктивнее и с повышенной практической отдачей при наличии адекватного, удачно разработанного понятийного аппарата и методологического инструментария. Возможность последнего определяется тем, насколько мы опираемся на историческое наследие в области политико-правовых учений, и на подходы, выработанные отечественными правоведами.

В современное время в связи с проблемой создания правового государства в России все социальные программы не могут не учитывать накопленные либерально-демократические ценности конца XIX в. и, особенно, начала XX в. Вполне объясним интерес к исследуемым социальным идеалам, которые разрабатывали юристы и философы, чтобы на основании их строить прочный теоретический фундамент современного социального правового государства. Остается главным вопросом дальнейшего развития их концепций в современных условиях российского политико-правового пространства. Государство должно возложить на себя «благородную миссию общественного служения», тем, обеспечивая переход общества к социальной справедливости.

Список литературы

1. Алексеев Н. Н. Идея государства. Очерки по истории политической мысли. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955.
2. Алексеев Н. Н. Основы философии права. — Пр.: Пламя, 1924.
3. Бредли Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // *Общественные науки и современность*. — 1994. — № 5.
4. Булгаков С. Н. О социальном идеале // *Власть и право. Из истории русской правовой мысли*. — Л. 1990.
5. Гессен В. М. Возрождение естественного права. — СПб. 1902.
6. Гессен В. М. Основы конституционного права. — СПб. 1917.
7. Ильин И. А. О сущности правосознания // *Собр. соч.: в 10 т.* — Т. 4. — М.: Русская книга, 1994.
8. Леонтович В. В. История либерализма в России. 1862-1914 гг. — М. 1995.
9. Новгородцев П. Н. Два правовых идеала // *Научное слово*. — 1904. — Кн. 10.
10. Петражицкий Л. И. К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права // *Юридический вестник*. — 1913. — Кн. 2.
11. Покровский И. А. Естественное-правовое течение в истории гражданского права. — СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1909.
12. Реснер М. А. Нравственная личность в правовом государстве // *Вестник права*. — 1903. — Кн. 5-6.
13. Трубецкой Е. Н. Учение Чичерина о сущности и смысле права // *Вопросы философии и психологии*. — 1905. — Кн. 80.
14. Русское зарубежье. Из истории социальной и правовой мысли. — Л.: Лениздат, 1991.
15. Федотов Г. П. Россия и свобода. — Нью-Йорк. 1981.
16. Франк С. Л. По ту сторону правого и левого. — Париж: YMCA-Press, 1972.

GOLDEN AGE OF RUSSIAN LAW: LEGAL IDEALS OF RUSSIAN LAWYERS

S.B. GLUSHACHENKO

*Herzen State Pedagogical
University of Russia*

e-mail: glushachenko@list.ru

The article describes the concept of freedom within the context of personal rights and liberties as viewed by Russian legal scholars.

Key words: personal rights and liberties, democracy, law-abiding state, police statehood, legal consciousness.

РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ ОБРАЗОВАНИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

А.А. ГУСЕВА

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: lav2.ved@bsu.edu.ru

В статье рассмотрен генезис норм отечественного законодательства об образовании в различные периоды, начиная с конца 18 в. и до современного этапа, проанализированы основные тенденции, соответствующие каждому периоду, определены проблемы развития современного российского законодательства об образовании и намечены перспективы их преодоления.

Ключевые слова: законодательство об образовании, тенденции развития образовательного законодательства.

Образование является важной социальной сферой, имеющей первостепенное значение на современном этапе развития общества и государства, что подтверждается включением его в число национальных приоритетов Российской Федерации¹. Состояние, тенденции и перспективы развития образования в любом государстве определяются образовательным законодательством. За период, прошедший с момента принятия действующей Конституции Российской Федерации², система российского образования претерпела значительные изменения в русле общих процессов демократизации жизни общества, формирования рыночной экономики, интеграции образовательного пространства, что требует надлежащего законодательного оформления.

Развернутая модернизация образования³, объявленная в последние годы, также невозможна без должного законодательного обеспечения, объективно соответствующего ожиданиям и потребностям общества в условиях современных вызовов. Динамичное развитие общественных отношений в сфере образования обусловило внесение многочисленных изменений и дополнений в Закон Российской Федерации от 10.07.1992 N 3266-1 «Об образовании»⁴ и Федеральный закон от 22.08.1996 N 125-ФЗ «О высшем и послевузовском образовании»⁵ бурный рост подзаконного правотворчества, что привело к снижению авторитета правового регулирования в данной сфере. В этой связи особую актуальность приобретает систематизация образовательного законодательства, чему объективно должны предшествовать целенаправленные исследования различных аспектов правового регулирования образовательных отношений и элементов механизма этого регулирования.

Необходимость гармонизации действующего законодательства об образовании, его устойчивого развития в соответствии с современными вызовами неоднократно отмечалась Президентом Российской Федерации, который, характеризуя развитие образовательного законодательства, подчеркнул: «мы должны сформировать прочную современную нормативную базу, которая не должна подвергаться конъюнктурным изменениям»⁶.

¹ Протокол решения президиума Совета при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов «Направления, основные мероприятия и параметры приоритетного национального проекта «Образование» от 21 декабря 2005 г. № 2 // www.rost.ru/mail/news.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2009. N 4. Ст. 445.

³ Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2001 N 1756-р «О Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» // Собрание законодательства РФ. 2002. N 1 (ч. II). Ст. 119.

⁴ Закон РФ от 10.07.1992 N 3266-1 (ред. от 18.07.2011) «Об образовании» // Собрание законодательства РФ. 1996. N 3. Ст. 150.

⁵ Федеральный закон от 22.08.1996 N 125-ФЗ (ред. от 18.07.2011) «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» // Собрание законодательства РФ. 1996. N 35. Ст. 4135.

⁶ Медведев Д.А. Выступление на IX съезде Российского союза ректоров. 20 марта 2009 г. // <http://news.kremlin.ru/transcripts/3494>

Принятое 19 сентября 2003 г. решение о включении России в объединение европейских государств по созданию единого образовательного пространства и присоединение к Декларации о Европейском пространстве для высшего образования⁷ обусловили необходимость приведения российского законодательства об образовании в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного образовательного права.

При исследовании развития законодательства об образовании хотелось бы отметить два обстоятельства, имеющих решающее значение. Во-первых, особенности законодательной регламентации и перспективы развития отечественного законодательства об образовании обусловлены спецификой правовых отношений, возникающих, развивающихся и прекращающихся в сфере образования. Во-вторых, именно глубокий историко-правовой анализ развития нормативного правового регулирования образования открывает путь к его модернизации в духе современных тенденций развития общества и государства и позволяет одновременно не растерять положительный опыт, накопленный в данной сфере.

С этих позиций, хотелось бы отметить, что специфика образовательных отношений привлекает внимание научной общественности на протяжении длительного периода, тем более, что действующее законодательство не содержит дефиниции понятия «образовательные отношения».

Так, например, имеет глубокие исторические корни научная дискуссия, связанная с отраслевой принадлежностью образовательного права. На сегодняшний момент юридической наукой не выработано единого подхода к решению вопроса о том, является ли образовательное право отраслью российской правовой системы. Ряд исследователей, например, В.М. Сырых⁸, Е.А. Киримова⁹, М.Ю. Федорова¹⁰ и др. настаивают на том, что образовательное право можно признать отдельной отраслью права, другие, напротив, отрицают такую возможность. Весьма многочисленны мнения ученых и практиков о сохранении образовательного права в качестве подотрасли административного права¹¹. На сегодняшний момент наиболее взвешенным представляется подход, согласно которому образовательное право, являясь комплексной отраслью законодательства, не является самостоятельной отраслью права¹².

Специфика образовательных правоотношений и метода их регулирования стала предметом научных дискуссий еще в советский период развития российской государственности и характеризовалась наличием нескольких конкурирующих подходов. Наибольшее распространение получил подход, согласно которому отношения в сфере образования рассматривались преимущественно как объект административно-правового регулирования¹³. В этих условиях тезис о зарождении комплексной отрасли законодательства не стал определяющим для дальнейших исследований «отношений по народному образованию»¹⁴. Вместе с тем, работы ряда советских ученых, таких как Г.А. Дорохова¹⁵, С.С. Алексеев¹⁶ и др. заложили основу научной традиции изучения правоотношений, условно называемых «отношениями по обучению и воспитанию», как отдельного вида правоотношений, урегулированных правом, а также форм и способов их законодательной регламентации.

⁷ Декларация о создании общеевропейского пространства высшего образования > (Болонская декларация) (Принята в г. Болонье 19.06.1999) Россия подписала Декларацию 19.09.2003 // БД «Консультант Плюс».

⁸ Сырых В.М. Введение в теорию образовательного права. – М., 2002. – С. 271.

⁹ Киримова Е.А. Об образовательном праве // Право и образование. 2005. № 4.

¹⁰ Федорова М.Ю. Образовательное право. – М.: Владос, 2003. – С.15.

¹¹ См., например: Новоселов В.И. Правовое положение граждан в отраслях государственного управления. Саратов, Изд-во Саратовского университета, 1977. – С. 58; Козлов Ю.М. Административные правоотношения. М.: Юридическая литература, 1976. – С. 113.

¹² См.: Шкатулла В.И. Правовые аспекты современной системы образования в России // Журнал российского права. 2007. № 4.

¹³ См., например: Петров Г.И. Советские административно-правовые отношения // Ученые записки Ленинградского юридического института. Л.: Изд-во Ленинградского Университета. 1954. –С. 41-68; Петров Г.И. Советские административно-правовые отношения. Л.: Изд-во Ленинградского Университета, 1972. – С. 18-19. С. 23, 26.

¹⁴ Сапаргалиев Г.С. Отношения по воспитанию и обучению – предмет правового регулирования // Советское государство и право. 1977. № 8. – С. 123-125.

¹⁵ Дорохова Г.А. Правовое положение личности в области народного образования (теоретические аспекты) // Советское государство и право. 1978. №11. – С. 33; Дорохова Г.А. Теоретические проблемы совершенствования законодательства о народном образовании. Автореферат дис.... доктора юридических наук. М., 1982. – С. 14.

¹⁶ Алексеев С.С. Структура советского права. – М.: Юридическая литература, 1975. – С. 224.

Отсутствие единого доктринального подхода к определению правовой природы образовательных услуг негативно сказывается на их законодательном урегулировании. Так, специфика образовательных отношений обуславливает проблему определения правовой природы образовательных услуг, имеющую важное значение при определении правовой природы договора оказания образовательных услуг, его разграничения с договором подряда. С этих позиций представляется целесообразным подход, согласно которому договор оказания образовательных услуг является смешанным договором, в котором гражданско-правовое содержание усложняется административно-правовым, а также собственно образовательным или педагогическим элементом¹⁷.

Определенная специфика присуща, во-первых, субъектам образовательных правоотношений. Так, предметом острых научных дискуссий является правовая природа образовательной дееспособности. В.В. Спасской¹⁸ предложен подход, в рамках которого образовательная дееспособность обучающихся до момента получения основного общего образования признается неполной (частичной) и требует восполнения законными действиями родителей (иных законных представителей) обучающихся. Данный подход представляется достаточно обоснованным и подтверждается позицией законодателя. В.М. Сырых, напротив, полагает, что дееспособность детей как участников образовательных правоотношений, является полной на основании того, что они сами, своими действиями осваивают образовательные программы, а родители не принимают участия в образовательном процессе, и, следовательно, никак не восполняют дееспособность школьников¹⁹. В данном контексте хотелось бы отметить, что обязанность по обеспечению получения детьми основного общего образования Конституцией Российской Федерации возлагается именно на родителей или иных законных представителей ребенка (ч. 4 ст. 43 Конституции Российской Федерации), которые самостоятельно выбирают образовательное учреждение и форму обучения.

Таким образом, следует отметить, что на современном этапе потребности общественного развития привели к увеличению объема образовательных отношений, повышению их значимости, что повлекло за собой углубление правового регулирования. Пока накопленный нормативный массив не позволяет говорить о том, что полностью сформирована новая отрасль права, однако количество нормативных правовых актов и системных связей между ними достаточно велико, что обуславливает в процессе институционализации правового регулирования формирование комплексной отрасли законодательства – образовательного права, представляющей собой массив правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере образования и обладающих системными связями, обусловленными присутствием ему задачами, функциями, структурой и особенностями развития.

Что касается историко-правового анализа развития законодательства об образовании, то его периодизацию логично проводить в контексте развития российской государственности, и с этих позиций выделить следующие этапы:

- досоветский период развития российского законодательства, охватывающий период с конца XVIII по начало XX вв., в рамках которого были созданы предпосылки для проведенных реформ, в результате которых в стране была создана национальная система образования; положено начало созданию системы нормативных актов, в которой отражались правовые основы просвещения населения;
- советский период, охватывающий временной промежуток с 1917 г по 1991 г., характеризующийся построением новой системы управления образованием и ее законодательным закреплением на самом высшем – конституционном уровне;
- постсоветский (современный) период с 1992 г. по настоящее время, для которого характерно формирование комплексной отрасли образовательного законодательства в условиях модернизации образования.

¹⁷ См., например: Дорохова Г.А. Законодательство о народном образовании (теоретические проблемы совершенствования) / Отв. ред. И.Л. Бачило. М.: Наука, 1985. – С. 47; Кванина В.В. Гражданско-правовое регулирование в сфере высшего профессионального образования в Российской Федерации. Автореферат дис.... доктора юридических наук. М., 2006. – С. 19.

¹⁸ Спасская В.В. Законодательство Российской Федерации в сфере образования: становление и перспективы развития. М., 2006. – С. 24.

¹⁹ Сырых В.М. Введение в теорию образовательного права. М., 2002. – С 37.

Для первого – досоветского – периода характерна тенденция формирования образовательной национальной системы и ее нормативного регулирования в условиях отсутствия законодательного закрепления основ образования, развитие так называемого «циркулярного права». Кроме того, тенденциями развития законодательства об образовании в данный период являлись: законодательное закрепление основ образовательной политики; увеличение числа правовых норм, посвященных непосредственно педагогической деятельности; включение в нормативные правовые акты норм декларативного характера, регламентирующих государственные требования к идеальному портрету будущего гражданина страны; законодательное признание и закрепление автономии учебных заведений; увеличение объема образовательного законодательства за счет утверждения университетских уставов.

В силу полного обновления законодательного массива после 1917 г., для досоветского законодательства об образовании характерна тенденция отсутствия преемственности.

Основной тенденцией развития законодательства об образовании в советский период является его гуманизация: законодательными нормами регламентированы отделение школы от государства, отмена платы за обучение, реформа правописания, конституционно-правовое закрепление права на образование, дополнительные гарантии его реализации для отдельных слоев и групп населения. Данный период характеризуется также такими тенденциями, как законодательное закрепление централизованного управления образованием, преемственность законодательства, увеличение объема образовательного законодательства за счет подзаконного правотворчества.

После распада Союза ССР и формирования на его основе ряда независимых государств, в том числе Российской Федерации, актуальной тенденцией развития законодательства об образовании стала тенденция гармонизации – приведения не утративших силу нормативных актов бывшего СССР в соответствие с издаваемыми законодательными актами Российской Федерации. С учетом федеративного строения нашего государства, данная тенденция со временем дополнена еще одним аспектом: приведение нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и актов, принятых органами местного самоуправления в соответствие с федеральными нормативно-правовыми актами.

Кардинальное изменение общественных отношений в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. обусловило третий – постсоветский – период развития отечественного законодательства об образовании, для которого характерно активное правотворчество с целью упорядочивания правового регулирования в условиях динамичной модернизации. Ряд нормативных правовых актов советского периода был законодательно признан недействующим, Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании, не смотря на обновление редакций, не отвечали реалиям, поспешность в принятии новых нормативно-правовых актов приводила к пробелам и коллизиям правового регулирования. В таких условиях назрела очевидная необходимость обобщения основ правового регулирования в едином нормативном правовом акте, обладающем авторитетом закона. Между тем, разработка рамочного закона требовала времени, и выходом из данной ситуации явилось принятие Временных положений, регламентирующих деятельность учреждений (организаций) системы образования и подготовки кадров в РСФСР. В результате была нарушена общепринятая последовательность подготовки нормативных правовых актов. В дальнейшем в целях соответствия уровню развития общественных отношений и ввиду необходимости заполнения пробелов в правовом регулировании объем подзаконных нормативных актов увеличивался.

Обобщающим актом для всего массива законодательства, регулирующего образовательные отношения, стал принятый 10.07.1992 г. Закон Российской Федерации «Об образовании», регламентирующий вопросы, как общие для всех элементов и уровней системы образования в Российской Федерации, так и непосредственно касающиеся высшего и послевузовского и дополнительного образования. Указанным нормативным правовым актом было дано определение образования, установлены система образования в Российской Федерации, принципы образовательной политики государства, гарантии реализации права граждан на образование.

Следуя закрепленной советскими конституциями традиции, принятая в 1993 г. Конституция Российской Федерации закрепляет право на образование и содержит систему его гарантий, при этом оставляя за Российской Федерацией полномочия устанавливать федеральные государственные образовательные стандарты, поддерживать различные формы образования и самообразования.

Через четыре года после принятия базового закона «Об образовании» принят еще один нормативный правовой акт, действующий в сфере урегулирования образовательных отношений – Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», установивший, что государственная политика в области высшего и послевузовского профессионального образования основывается на принципах, определенных Законом Российской Федерации «Об образовании», а также на принципах непрерывности и преемственности процесса образования; интеграции системы высшего и послевузовского профессионального образования Российской Федерации при сохранении и развитии достижений и традиций российской высшей школы в мировую систему высшего образования; конкурентности и гласности при определении приоритетных направлений развития науки, техники, технологий, а также подготовки специалистов, переподготовки и повышения квалификации работников; государственной поддержки подготовки специалистов, приоритетных направлений научных исследований в области высшего и послевузовского профессионального образования.

Между тем, следует отметить, что развитие системы законодательства Российской Федерации об образовании на современном этапе невозможно рассмотреть в отрыве от мировых тенденций глобализации, так как Россия принимает активное участие в создании единого международного образовательного пространства.

Вышеуказанные тенденции, связанные с изменением государственного строя, основ жизнедеятельности государства и общества, влиянием глобализационных процессов привели к тому, что начиная с 90-х годов XX в. в Российской Федерации осуществляется широкая модернизация российской системы образования, направленная на ее демократизацию и развитие «как открытой государственно-общественной системы». При этом особое внимание законодателем уделялось соответствию новой системы образования нормам основополагающих международных документов – Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Среди международно-правовых актов, оказавших существенное влияние на модернизацию образования в общеевропейском пространстве, а также на основные направления деятельности государства в сфере образования, следует выделить также Конвенцию о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе (ETS N 165) от 11 апреля 1997 г. (г. Лиссабон) и Совместную декларацию европейских министров образования (Болонская конвенция/декларация) от 19 июня 1999 г. (г. Болонья).

Следовательно, современный период развития законодательства Российской Федерации об образовании характеризуется существенным влиянием норм и принципов международного права, часть которых имплементирована отечественными нормативными правовыми актами.

Система же «внутренних» российских актов представлена нормативными правовыми актами, принятыми на федеральном уровне и включающими федеральные законы и подзаконные нормативные акты. Кроме того, стратегия развития образования определена государством вплоть до 2025 г. в нескольких концепциях и программах: Национальной доктрине образования в Российской Федерации (утверждена Постановлением Правительства РФ от 4 октября 2000 г. N 751)²⁰; Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г. (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2001 г. N 1756-р); Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2015 годы²¹ (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. N 163-р) и самой Федеральной целевой программе развития образования на 2011–2015 годы, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. N 61²²; Концепции национальной образовательной политики Российской

²⁰ Постановление Правительства РФ от 04.10.2000 N 751 «О национальной доктрине образования в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2000. N 41. Ст. 4089.

²¹ Распоряжение Правительства РФ от 07.02.2011 N 163-р «О Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2011 – 2015 годы» // Собрание законодательства РФ. 2011. N 9. Ст. 1255.

²² Постановление Правительства РФ от 07.02.2011 N 61 «О Федеральной целевой программе развития образования на 2011 – 2015 годы» // Собрание законодательства РФ. 2011. N 10. Ст. 1377.

Федерации, одобренной Приказом Министерства образования и науки РФ от 3 августа 2006 г. N 201²³.

Анализ современного состояния отечественного законодательства об образовании и динамики его развития позволяет выявить как позитивные, так и негативные тенденции его развития. Представляется, что обстоятельствами, препятствующими гармоничному развитию отечественного законодательства об образовании, являются следующие:

а) отсутствие на доктринальном уровне единообразного подхода к определению роли и места образовательного права в правовой системе Российской Федерации, правовой природы образовательных правоотношений и их составных элементов;

б) невыработанность отраслевых принципов правового регулирования, которые должны определить направленность и характер правотворческой и правоприменительной деятельности в сфере образования, системное единство развития данной отрасли законодательства;

в) отсутствие сложившегося понятийного аппарата, обеспечивающего взаимосвязь норм различных отраслей права (конституционного, гражданского, административного, трудового);

г) неполное соответствие отечественного законодательства в области образования международно-правовым обязательствам Российской Федерации; коллизионность нормативных правовых актов в сфере образовательного права федерального уровня, уровня субъектов федерации и местного (муниципального) уровня;

д) несистемное нарастание массива подзаконных актов при одновременном снижении авторитета федерального закона в силу не соответствия его норм современным потребностям общества и государства;

е) сочетание «пробельности» действующего законодательства об образовании в части регулирования ряда важных базовых вопросов, с одновременной избыточной правовой регламентацией обеспечения образовательной деятельности.

Дальнейшие перспективы развития законодательства Российской Федерации об образовании связаны, в первую очередь, с преодолением указанных негативных тенденций. А поскольку правовое регулирование образования в Российской Федерации в настоящее время носит комплексный характер и осуществляется нормами конституционного, административного, гражданского, трудового, финансового права, в условиях отсутствия объединяющего отраслевого нормативного акта представляется целесообразным принятие нового нормативного правового акта, который имел бы силу федерального закона, носил общий характер, регулировал основы образовательной деятельности в Российской Федерации и устанавливал принципы последующего правового урегулирования специфических особенностей образовательных правоотношений на разных уровнях системы законодательства.

Признавая целесообразность указанного подхода, законодатель во исполнение Комплекса мероприятий по реализации приоритетных направлений развития образовательной системы Российской Федерации на период до 2010 года, одобренных на заседании Правительства Российской Федерации 9 декабря 2004 г. в настоящий момент развернул законопроектную работу по принятию нового федерального закона «Об образовании». Многие положения указанного законопроекта являются новеллами российского законодательства об образовании.

Принятие указанного нормативного правового акта позволит: создать правовые условия для обновления и развития российской системы образования в соответствии с современными запросами общества и государства, потребностями развития инновационной экономики, международными обязательствами Российской Федерации в сфере образования; провести комплексную модернизацию законодательства об образовании, установление системного и функционально более полного правового регулирования общественных отношений, возникающих в сфере образования; повышение эффективности механизма правового регулирования; обеспечить стабильность и преемственность в развитии системы образования Российской Федерации и ее законодательных основ.

²³ Приказ Минобрнауки РФ от 03.08.2006 N 201 «О Концепции национальной образовательной политики Российской Федерации» // Бюллетень Минобрнауки РФ. 2006. N 11.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. .2009. N 4. Ст. 445.
2. Федеральный закон от 22.08.1996 N 125-ФЗ (ред. от 18.07.2011) «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» // Собрание законодательства РФ. 1996. N 35. Ст. 4135.
3. Закон РФ от 10.07.1992 N 3266-1 (ред. от 18.07.2011) «Об образовании» // Собрание законодательства РФ. 1996. N 3. С. 150.
4. Постановление Правительства РФ от 04.10.2000 N 751 «О национальной доктрине образования в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. .2000. N 41. Ст. 4089.
5. Постановление Правительства РФ от 07.02.2011 N 61 «О Федеральной целевой программе развития образования на 2011 – 2015 годы» // Собрание законодательства РФ. 2011. N 10. Ст. 1377.
6. Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2001 N 1756-р «О Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, N 1 (ч. II), ст. 119.
7. Распоряжение Правительства РФ от 07.02.2011 N 163-р «О Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2011 – 2015 годы» // Собрание законодательства РФ. 2011. N 9. Ст. 1255.
8. Приказ Минобрнауки РФ от 03.08.2006 N 201 «О Концепции национальной образовательной политики Российской Федерации» // Бюллетень Минобрнауки РФ. 2006. N 11.
9. Декларация о создании общеевропейского пространства высшего образования (Болонская декларация) (Принята в г. Болонье 19.06.1999) Россия подписала Декларацию 19.09.2003 // БД «Консультант Плюс».
10. Протокол решения президиума Совета при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов «Направления, основные мероприятия и параметры приоритетного национального проекта «Образование» от 21 декабря 2005 г. № 2 // www.gost.ru/mail/news.
11. Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975.
12. Дорохова Г.А. Законодательство о народном образовании (теоретические проблемы совершенствования) / Отв. ред. И.Л. Бачило. М.: Наука, 1985.
13. Дорохова Г.А. Правовое положение личности в области народного образования (теоретические аспекты) // Советское государство и право, М.: Наука, 1978.
14. Дорохова Г.А. Теоретические проблемы совершенствования законодательства о народном образовании. Автореф. дис.... доктора юридических наук. М., 1982.
15. Кванина В.В. гражданско-правовое регулирование в сфере высшего профессионального образования в Российской Федерации. Автореферат дис.... доктора юридических наук. М., 2006.
16. Киримова Е.А. Об образовательном праве // Право и образование. 2005. N 4.
17. Козлов Ю.М. Административные правоотношения. – М.: Юрид. лит., 1976.
18. Медведев Д.А. Выступление на IX съезде Российского союза ректоров. 20 марта 2009 г. // <http://news.kremlin.ru/transcripts/3494>.
19. Новоселов В.И. Правовое положение граждан в отраслях государственного управления. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1977.
20. Петров Г.И. Советские административно-правовые отношения // Ученые записки Ленинградского юридического института. – Л.: Изд-во Ленинградского Университета, 1954.
21. Сапаргалиев Г.С. Отношения по воспитанию и обучению – предмет правового регулирования // Советское государство и право. 1977. № 8.
22. Спасская В.В. Законодательство Российской Федерации в сфере образования: становление и перспективы развития. М., 2006.
23. Сырых В.М. Введение в теорию образовательного права. – М., 2002.
24. Федорова М.Ю. Образовательное право. – М.: Владос, 2003.
25. Шкатулла В.И. Правовые аспекты современной системы образования в России // Журнал российского права. 2007. N 4.

RUSSIAN LEGAL SYSTEM FOR EDUCATION: KEY TENDENCIES AND PERSPECTIVES

A.A. GUSEVA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: lav2.ved@bsu.edu.ru

The genesis of norms of the domestic legislation on education during the various periods, since the end of the 18th century and to the present stage, the basic tendencies corresponding to each period are analysed in the article, problems of development of the modern Russian legislation on education are defined and prospects of their overcoming are planned by the author.

Key words: legislation on education; tendencies of development of the educational legislation.

УДК 342.553.03

СПЕЦИФИКА КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ РОССИИ

В.Г. ЕРМАКОВ¹
В.В. АВИЛОВ¹

*¹Елецкий государственный
университет имени И.А. Бунина*

e-mail: Konst@elsu.ru

²Институт права и экономики

e-mail: vladimir-avilov@yandex.ru

В статье с учетом многообразия подходов к исследованию феномена «местное самоуправление» в его соотношении с конституционно-правовой ответственностью выявлена специфика последней. В контексте заявленной проблематики из общеправовых черт местного самоуправления были выявлены его базовые параметры, закрепленные в Конституции Российской Федерации и получившие свое продолжение в федеральном законодательстве. В статье представлены доводы в пользу актуальности решения на теоретико-концептуальном и нормотворческом уровне отдельных проблем конституционно-правовой ответственности в системе местного самоуправления современной России.

Ключевые слова: местное самоуправление, Конституция, муниципальные органы, юридическая ответственность, Конституционный Суд Российской Федерации.

В настоящее время публичная власть в России представляет собой систему из трех равноценных и равнозначимых уровней власти: государственной власти Российской Федерации (федеральная власть), государственной власти субъектов Российской Федерации (региональная власть) и местного самоуправления (муниципальная власть), причем последнюю, наряду с населением муниципального образования, осуществляют органы и должностные лица местного самоуправления, не входящие в систему органов государственной власти.

В Европейской хартии местного самоуправления, ратифицированной в России, под местным самоуправлением понимается «право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения»¹.

Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года не даёт легальной дефиниции местного самоуправления, однако содержит ряд основных положений, определяющих статус местного самоуправления в Российской Федерации.

1. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления (ст. 3).

2. В Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти (ст. 12).

3. Местное самоуправление обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью. Местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления (ст. 130).

4. Местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях с учетом исторических и иных местных традиций. Структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно (ст. 131).

5. Органы местного самоуправления могут наделяться законом отдельными государственными полномочиями (ст. 132).

¹ См.: ст. 3 Европейской хартии местного самоуправления (ETS № 122). Страсбург 15 ноября 1985 г. // Бюллетень международных договоров. – 1998. – № 11.

6. Установление общих принципов организации системы органов местного самоуправления находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (ст. 72).

7. Решения и действия (или бездействие) органов местного самоуправления могут быть обжалованы в суд (ст. 46)².

Представляется, что термин «структура органов местного самоуправления» применительно к совокупности органов местного самоуправления муниципального образования не вполне удачен, поэтому стоит согласиться с позицией о предпочтительности использования в данном контексте понятия «система» органов и должностных лиц местного самоуправления³.

В соответствии с ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 6 октября 2003 года №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее по тексту – Закон о местном самоуправлении 2003 года), местное самоуправление в Российской Федерации – форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, – законами субъектов Российской Федерации, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций⁴.

«Вопросы местного значения – вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, решение которых в соответствии с Конституцией Российской Федерации и настоящим Федеральным законом осуществляется населением и (или) органами местного самоуправления самостоятельно»⁵.

Несмотря на приведенные нормы, главенствующая роль в решении вопросов местного значения отводится все же не населению соответствующего муниципального образования непосредственно, а органам и должностным лицам местного самоуправления.

В соответствии с ч. 1 ст. 2 Закона о местном самоуправлении 2003 года, органы местного самоуправления – избираемые непосредственно населением и (или) образуемые представительным органом муниципального образования органы, наделенные собственными полномочиями по решению вопросов местного значения. Должностное лицо местного самоуправления – выборное либо заключившее контракт (трудовой договор) лицо, наделенное исполнительно-распорядительными полномочиями по решению вопросов местного значения и (или) по организации деятельности органа местного самоуправления⁶.

Кстати, схожие определения органов местного самоуправления и должностного лица местного самоуправления содержались в ранее действовавшем Федеральном законе от 28 августа 1995 года №154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее по тексту – Закон о местном самоуправлении 1995 года)⁷.

Как уже отмечалось, в соответствии со ст. 131 Конституции Российской Федерации, структура органов местного самоуправления определяется населением муниципального образования самостоятельно. Закон о местном самоуправлении 2003 года более жестко определяет систему власти муниципального образования, указывая на необходимость

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.

³ Муниципальное право / под ред. С.Е. Чаннова. М., – 2006. – С. 112.

⁴ См.: Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с посл. изм. от 25 июля 2011 г.) // СЗ РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822; www.consultant.ru

⁵ Там же, ч.1. ст. 2.

⁶ Там же.

⁷ См.: ч. 1 ст. 1 Федерального закона Российской Федерации от 28 августа 1995 г. №154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1995. – № 35. – Ст. 3506; www.garant.ru

наличия представительного органа, главы муниципального образования и местной администрации (исполнительно-распорядительного органа муниципального образования), за исключением случаев, прямо предусмотренных данным законом⁸.

А вот ранее действовавшее законодательство в большей мере соответствовало Конституции, указывая на необходимость существования только выборных органов местного самоуправления⁹.

Для определения места органов местного самоуправления в системе публичной власти необходимо определиться с их конституционно-правовым статусом. «Конституционно-правовой статус органов местного самоуправления – это сложная юридическая категория, включающая закрепленную Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами совокупность компетенции и ответственности органов местного самоуправления», – указывает М.М. Мокеев¹⁰.

«Компетенция представляет собой структуру, состоящую из предметов ведения, прав и обязанностей (полномочий)... Предметом ведения органов и должностных лиц местного самоуправления являются вопросы местного значения. Свои функции и задачи органы местного самоуправления реализуют путем осуществления принадлежащих им прав и несения определенных обязанностей, т.е., путем осуществления своих полномочий»¹¹.

Исследование всех аспектов статуса органов и должностных лиц местного самоуправления выходит за рамки настоящей работы, однако основные моменты, имеющие непосредственное отношение к проблематике исследования, необходимо указать.

Представительный орган поселения состоит из депутатов, избираемых на муниципальных выборах. Представительный орган муниципального района может состоять из глав поселений, входящих в состав муниципального района, и из депутатов представительных органов указанных поселений, избираемых представительными органами поселений из своего состава, либо может избираться на муниципальных выборах на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

В исключительной компетенции представительного органа муниципального образования находятся следующие основополагающие полномочия: 1) принятие устава муниципального образования и внесение в него изменений и дополнений; 2) утверждение местного бюджета и отчета о его исполнении; 3) принятие решения об удалении главы муниципального образования в отставку.

Представительный орган заслушивает ежегодные отчеты главы муниципального образования, главы местной администрации о результатах их деятельности, деятельности местной администрации и иных подведомственных главе муниципального образования органов местного самоуправления, в том числе о решении вопросов, поставленных представительным органом муниципального образования. Организацию деятельности представительного органа муниципального образования осуществляет глава муниципального образования, а в случае, если указанное должностное лицо является главой местной администрации, – председатель представительного органа муниципального образования, избираемый этим органом из своего состава. Досрочное прекращение полномочий представительного органа муниципального образования влечет досрочное прекращение полномочий его депутатов.

Глава муниципального образования является высшим должностным лицом муниципального образования и собственными полномочиями по решению вопросов местного значения. Он избирается на муниципальных выборах либо представительным органом муниципального образования из своего состава. В случае избрания на муниципаль-

⁸ См.: ч. 2 ст. 34 Федерального закона Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с посл. изм. от 25 июля 2011 г.) // СЗ РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822; www.consultant.ru

⁹ См.: ч. 2 ст. 14 Федерального закона Российской Федерации от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1995. – № 35. – Ст. 3506; www.garant.ru

¹⁰ Мокеев М.М. Конституционно-правовая ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления: Дисс. ... к.ю.н. – Саратов, 2003. – С. 23.

¹¹ Муниципальное право / под ред. С.Е. Чаннова. – М., 2006. – С. 79-80.

ных выборах он либо входит в состав представительного органа муниципального образования с правом решающего голоса и исполняет полномочия его председателя, либо возглавляет местную администрацию; в случае избрания представительным органом муниципального образования исполняет полномочия его председателя.

Глава муниципального образования в пределах полномочий: 1) подписывает и обнародует нормативные правовые акты, принятые представительным органом муниципального образования; 2) издает в пределах своих полномочий правовые акты; 3) обеспечивает осуществление органами местного самоуправления полномочий по решению вопросов местного значения и отдельных переданных государственных полномочий. Руководитель муниципального образования подконтролен и подотчетен населению и представительному органу муниципального образования. Он представляет представительному органу муниципального образования ежегодные отчеты о результатах своей деятельности, а в случае, если глава муниципального образования возглавляет местную администрацию, о результатах деятельности местной администрации и иных подведомственных ему органов местного самоуправления, в том числе о решении вопросов, поставленных представительным органом муниципального образования.

Срок полномочий депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления устанавливается уставом муниципального образования и не может быть менее двух и более пяти лет¹².

Конституция Российской Федерации в ст. 10 предусматривает разделение государственной власти на три ветви: законодательную, исполнительную, судебную. Применительно к органам местного самоуправления такой нормы в Конституции нет, соответственно, возникает вопрос о применимости данного принципа на местном уровне. Представляется, что императивное правило ст. 34 Закона о местном самоуправлении 2003 года об обязательном наличии в системе органов местного самоуправления представительного органа муниципального образования, главы муниципального образования, местной администрации (исполнительно-распорядительного органа муниципального образования) не свидетельствует о жестком делении власти на местном уровне на две самостоятельные ветви: представительную и исполнительную, хотя цель наличия такой нормы аналогична цели разделения государственной власти – предотвращение узурпации властных полномочий в руках одного лица либо группы лиц.

С одной стороны, органы местного самоуправления (а также и должностные лица) не входят в систему органов государственной власти, с другой – обладают схожими властными полномочиями (вправе издавать нормативные акты, обязательные для исполнения на территории данного муниципального образования, распоряжаться имуществом муниципальных образований и т. д.). Это порождает вопрос о характере властных полномочий, которыми обладают органы и должностные лица местного самоуправления.

Двойственность положения органов и должностных лиц местного самоуправления объясняется тем, что они осуществляют особую разновидность публичной власти – муниципальную власть, которая характеризуется следующими признаками, присущими публичной власти:

- а) наличие публично-властных обязанностей по решению вопросов местного значения;
- б) возможность принудительного обеспечения предписаний органов власти местного самоуправления;
- в) обособление органов местного самоуправления в качестве особых органов с властными полномочиями¹³.

В то же время муниципальная власть обладает признаками, отграничивающими ее от государственной власти:

¹² См.: Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с посл. изм. от 25 июля 2011 г.) // СЗ РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822; www.consultant.ru

¹³ Мазаев В.Д., Васильева С.В., В.А. Виноградов. Конституционное право Российской Федерации. – М., 2006., – С. 224-225.

- а) ее действие распространяется только на территории определенного муниципального образования;
- б) законодательным ограничением прав местной власти со стороны государства;
- г) более широким спектром форм непосредственного участия населения в решении вопросов местного значения;
- д) подконтрольностью государству реализации передаваемых местной власти государственных полномочий.

Тот факт, что муниципальная власть является разновидностью публичной власти, признан и Конституционным Судом Российской Федерации¹⁴.

С одной стороны, местное самоуправление самостоятельно решает вопросы местного значения, с другой, государство распространяет свою власть на всю свою территорию. Таким образом, происходит взаимодействие двух видов публичной власти: государственной и муниципальной. Это взаимодействие происходит на основе сочетания двух основных конституционных принципов: самостоятельности местного самоуправления и единства публичной власти.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующий вывод: органы местного самоуправления и должностные лица являются звеном системы публичной власти, в силу этого, обладают муниципально-властными полномочиями по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, а также, в установленных случаях, наделяются полномочиями по осуществлению отдельных государственных полномочий.

Обладание публично-властными полномочиями диктует необходимость создания адекватного механизма ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления. Наряду с традиционными видами юридической ответственности (гражданско-правовой, уголовно-правовой, дисциплинарной и т.д.) органы и должностные лица местного самоуправления могут быть субъектами конституционно-правовой ответственности, которая представляет собой наступление неблагоприятных последствий, предусмотренных санкцией конституционной нормы права, в случае совершения правонарушения.

Основополагающим актом, устанавливающим основания и порядок привлечения к данному виду ответственности, является Федеральный Закон от 6 октября 2003 года №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В соответствии со ст. 70, «Органы местного самоуправления и должностные лица местного самоуправления несут ответственность перед населением муниципального образования, государством, физическими и юридическими лицами в соответствии с федеральными законами»¹⁵. Но ст. 74.1 Закона предусмотрена такая мера конституционно-правовой ответственности, как удаление главы муниципального образования в отставку представительным органом соответствующего муниципального образования¹⁶. Таким образом, исходя из логического толкования главы 10 «Ответственность органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления, контроль и надзор за их деятельностью», включающей все перечисленные нормы, следует, что конституционно-правовую ответственность органы и должностные лица местного самоуправления могут нести:

- а) перед населением муниципального образования – отзыв депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления (ч.2 ст.71);
- б) перед муниципальным образованием – удаление главы муниципального образования в отставку представительным органом (ст.74.1);

¹⁴ См.: п. 2 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 1998 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года «Об органах исполнительной власти в Республике Коми» // Российская газета. – 1998, 31 января; п. 4, 7 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 1997 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» // Российская газета. – 1997, 6 февраля.

¹⁵ Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с посл. изм. от 25 июля 2011 г.) // СЗ РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822; www.consultant.ru;

¹⁶ Там же.

в) перед государством – роспуск представительного органа муниципального образования, отрешение от должности главы муниципального образования (главы местной администрации), временное осуществление их полномочий органами государственной власти, в частности, временная финансовая администрация, (ст.72, 73, 74, 75).

Законодательное закрепление населения муниципального образования в качестве одной из инстанций ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления способствовало появлению мнения о существовании особой разновидности ответственности местных органов власти – муниципально-правовой. Так, Е.С. Шугрина указывает, что конституционно-правовая ответственность органов местного самоуправления наступает перед государством, а муниципально-правовая – перед населением муниципального образования. Именно по этому признаку производится разграничение муниципально-правовой и конституционно-правовой ответственности. «Муниципально-правовая ответственность – ответственность за ненадлежащее осуществление муниципальной власти»¹⁷.

Д.А. Лисовицкий под муниципально-правовой ответственностью понимает «установленную нормами муниципального права ответственность выборных лиц местного самоуправления и выборных муниципальных органов перед населением»¹⁸.

Е.Г. Кольцова полагает, что существование муниципально-правовой ответственности обусловлено особым предметом муниципального права, который составляют регулируемые нормами муниципального права общественные отношения, возникающие в процессе организации и осуществления местного самоуправления в муниципальных образованиях. Исключительно предметом муниципального права не является группа общественных отношений, связанных с определением места местного самоуправления в системе управления государством, установлением основных принципов организации местного самоуправления, закреплением субъективного права на местное самоуправление. Эти отношения составляют предмет регулирования конституционного права. С учетом этого может быть осуществлено разделение ответственности конституционно-правовой и муниципально-правовой. Муниципально-правовая ответственность наступает за совершение муниципального правонарушения, а инстанцией ответственности может являться не только население муниципального образования, но и иные субъекты (органы территориального общественного самоуправления, иные органы местного самоуправления и т.д.)¹⁹ М.С. Долгополова пишет: «Муниципально-правовая ответственность является отраслевым видом юридической ответственности и представляет собой обусловленную нормами муниципально-правовых актов правовую связь между органами, должностными лицами местного самоуправления, обязанными в силу своего статуса эффективно исполнять функции, задачи и должностные обязанности, и населением муниципального образования, уполномоченным на осуществление контроля за их деятельностью, а в случае нарушения требований муниципально-правовых норм – на применение мер муниципально-правового принуждения»²⁰. Н.В. Витрук также выделяет муниципальную ответственность, однако ее определения не дает²¹.

Однако эта точка зрения разделяется далеко не всеми специалистами. Так, С.Е. Чаннов полагает, что ответственность органов местного самоуправления и должностных лиц перед населением является конституционной²². Аналогичное мнение и у С.С. Мялковского²³. С.Д. Князев является противником выделения муниципально-правовой ответственности в отдельный вид ответственности по следующим причинам:

¹⁷ Шугрина Е.С. Муниципальное право. – М., 2004. – С. 293, 294, 296.

¹⁸ Лисовицкий Д.А. Правовое регулирование ответственности выборных лиц местного самоуправления и выборных муниципальных органов перед населением: Дисс. ... к.ю.н. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 182.

¹⁹ Кольцова Е.Г. Юридическая ответственность коллегиальных органов местного самоуправления: Вопросы теории и практики: Дисс. ... к.ю.н. – Казань, 2006. – С. 125, 126.

²⁰ Долгополова М.С. Муниципально-правовая ответственность: проблемы правового регулирования и реализации: Дисс. ... к.ю.н. – Тюмень, 2005. – С. 10, 11.

²¹ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – М., РАП, 2008. – С. 102.

²² Муниципальное право / под ред. С.Е. Чаннова. – М., 2006. – С. 247.

²³ Мялковский С.С. Юридическая ответственность и местное самоуправление в Российской Федерации: Дисс. ... к.ю.н. – Екатеринбург, 2004. – С. 44.

1) отсутствие упоминания о муниципально-правовой ответственности в законодательстве; 2) основания и процедура ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления принципиально не отличаются от таковых на региональном уровне; 3) санкции муниципально-правовой ответственности (отзыв депутата, роспуск представительного органа и т.д.) применяются и на региональном уровне; 4) такие меры ответственности, как расформирование избирательной комиссии муниципального образования и досрочное прекращение полномочий ее членов с правом решающего голоса, закреплены в законодательстве о выборах и имеют универсальный характер для всей системы избирательных комиссий. «Отмеченные обстоятельства убедительно свидетельствуют об искусственности выделения муниципально-правовой ответственности»²⁴.

По нашему мнению, стоит согласиться с точкой зрения противников выделения муниципально-правовой ответственности в качестве отдельного вида юридической ответственности, так как и перед государством, и перед населением органы местного самоуправления и должностные лица несут ответственность за ненадлежащее осуществление своих полномочий, то есть, принципиальная разница между муниципально-правовой и конституционно-правовой ответственностью не усматривается. Вид юридической ответственности должен обладать комплексом признаков, чтобы позволить выделить его среди других видов. А, например, Е.С. Шугрина разграничивает конституционно-правовую и муниципально-правовую ответственность, по сути, только по одному признаку – инстанции ответственности, что представляется ошибочным. С таким же успехом можно разделить гражданско-правовую ответственность на ответственность перед физическими лицами, ответственность перед юридическими лицами и т.д. Но сама сущность ответственности от этого не изменится.

Конституционное право имеет множество источников, в том числе Федеральный закон от 6 октября 2003 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», следовательно, меры ответственности, устанавливаемые им, с полным основанием можно отнести к мерам конституционно-правовой ответственности. Исходя из этого, нам представляется, что муниципально-правовая ответственность может рассматриваться как частный случай конституционно-правовой, поэтому нет особой необходимости выделять муниципально-правовую ответственность в отдельный вид ответственности. Соответственно, можно полностью согласиться с мнением А.А. Дабалаева, указывающим следующее: «Между тем, в последнее время стало модным выделять новые виды ответственности, такие, например, как партийная, федеративная, избирательно-правовая, муниципально-правовая». Выделение указанных выше видов юридической ответственности (пусть даже в рамках конституционной) искусственно ввиду отсутствия объективных предпосылок. Их следует рассматривать в качестве проявлений мер конституционной ответственности в различных областях общественной практики... На наш взгляд, объективных причин для выделения муниципально-правовой ответственности в качестве самостоятельной нет»²⁵.

Свое определение муниципально-правовой ответственности предлагает Н.Н. Черногор, который под ней подразумевает «отраслевой вид ответственности муниципально-права, который представляет собой правоотношение, в котором на субъекта (орган или должностное лицо) возлагается правовая обязанность выполнять условия деятельности по достижению определенных результатов, а в случае нарушения этих условий претерпевать определенные правовые последствия негативного характера. При этом позитивная муниципальная ответственность представляет собой общее, а негативная – конкретное правоотношение. Данный вид ответственности охватывает отношения ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления перед населением, государством, физическими и юридическими лицами»²⁶.

²⁴ Князев С.Д. Конституционная ответственность в муниципальном праве: вопросы теории и практики // Журнал российского права. – 2005. – № 6.

²⁵ Дабалаев А.А. Конституционная ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления в Российской Федерации. Дисс. ... к.ю.н. – М., 2006. – С. 26–28, 44.

²⁶ Черногор Н.Н. Юридическая ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления (вопросы теории). Дисс. ... к.ю.н. – М., 1999. – С. 8.

Определение, данное Н.Н. Черногором, является собирательным понятием, характеризующим всю ответственность, которую могут нести должностные лица и органы местного самоуправления. В данном контексте оно имеет право на существование, однако с таким же основанием можно использовать понятие «ответственность должностных лиц и органов местного самоуправления», так как ничего нового указанный выше термин не привносит.

Таким образом, все перечисленные ранее меры ответственности перед населением, муниципальным образованием и государством являются санкциями конституционно-правовой ответственности.

С учетом вышеизложенного представляется возможным предложить авторскую трактовку определения конституционно-правовой ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления. Она представляет собой основанную на конституционно-правовых нормах систему мер принуждения, применяемую к органам и должностным лицам местного самоуправления населением муниципального образования, самим муниципальным образованием, государством.

Список литературы

1. Европейская хартия местного самоуправления (ETS № 122). Страсбург 15 ноября 1985 г. // Бюллетень международных договоров. – 1998. – № 11.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.
3. Муниципальное право / под ред. С.Е. Чаннова. – М., – 2006. – С. 112.
4. Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с посл. изм. от 25 июля 2011 г.) // СЗ РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822; www.consultant.ru
5. Федеральный закон Российской Федерации от 28 августа 1995 г. №154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1995. – № 35. – Ст. 3506; www.garant.ru
6. Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с посл. изм. от 25 июля 2011 г.) // СЗ РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822; www.consultant.ru
7. Федеральный закон Российской Федерации от 28 августа 1995 г. №154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1995. – № 35. – Ст. 3506; www.garant.ru
8. Мокеев М.М. Конституционно-правовая ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления: Дисс. ... к.ю.н. – Саратов, 2003. – С. 23.
9. Муниципальное право / под ред. С.Е. Чаннова. – М., 2006. – С. 79-80.
10. Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с посл. изм. от 25 июля 2011 г.) // СЗ РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822; www.consultant.ru
11. Мазаев В.Д., Васильева С.В., В.А. Виноградов. Конституционное право Российской Федерации. – М., 2006. – С. 224-225.
12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 1998 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года «Об органах исполнительной власти в Республике Коми» // Российская газета. – 1998, 31 января.
13. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 1997 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» // Российская газета. – 1997, 6 февраля.
14. Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с посл. изм. от 25 июля 2011 г.) // СЗ РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822; www.consultant.ru;
15. Шугрина Е.С. Муниципальное право. – М., 2004. – С. 293, 294, 296.
16. Лисовицкий Д.А. Правовое регулирование ответственности выборных лиц местного самоуправления и выборных муниципальных органов перед населением: Дисс. ... к.ю.н. – Санкт-Петербург. 2004. – С. 182.

17. Кольцова Е.Г. Юридическая ответственность коллегиальных органов местного самоуправления: Вопросы теории и практики: Дисс. ... к.ю.н. – Казань, 2006. – С. 125, 126.
18. Долгополова М.С. Муниципально-правовая ответственность: проблемы правового регулирования и реализации: Дисс. ... к.ю.н. – Тюмень, 2005. – С. 10, 11.
19. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – М., РАП, 2008. – С. 102.
20. Муниципальное право / под ред. С.Е. Чаннова. – М., 2006. – С. 247.
21. Мялковский С.С. Юридическая ответственность и местное самоуправление в Российской Федерации: Дисс. ... к.ю.н. – Екатеринбург, 2004. – С. 44.
22. Князев С.Д. Конституционная ответственность в муниципальном праве: вопросы теории и практики // Журнал российского права. – 2005. – № 6.
23. Дабалаев А.А. Конституционная ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления в Российской Федерации. Дисс. ... к.ю.н. – М., 2006. – С. 26–28, 44.
24. Черногор Н.Н. Юридическая ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления (вопросы теории). Дисс. ... к.ю.н. – М., 1999. – С. 8.

SPECIFICITY OF THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL RESPONSIBILITIES IN THE SYSTEM OF RUSSIAN LOCAL SELF-GOVERNMENT

V.G. ERMAKOV¹⁾
V.V. AVILOV²⁾

¹⁾Yelets State University of IA Bunin

e-mail: Konst@elsu.ru

²⁾Institute of Law and Economics

e-mail: vladimir-avilov@yandex.ru

This article takes into account the variety of approaches to the study of the phenomenon of "local government" in its relation to the constitutional and legal responsibility. The paper presents arguments for relevance of the decision-theoretic conceptual and normative level of individual problems of the Constitutional and legal liability in the system of local government in modern Russia.

Key words: local government, Constitution, municipalities, law of responsibility, Constitutional Court of the Russian Federation.

УДК 321.1; 342.2

ПРИНЦИПЫ ФЕДЕРАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В.П. КАСАТКИН
О.Н. ПОЛУХИН

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: Kasatkin@bsu.edu.ru

В статье проанализированы принципы федерализма в России, раскрыто понятие принципа. Данный термин рассматривается в нескольких аспектах: философском, этическом, юридическом и т.д. На конкретных примерах показано, что в качестве основных идей построения и функционирования федерализма в России принципы имеют основополагающее значение.

Ключевые слова: государство, добровольность, законодательство, конституция, нация, принцип, полномочия, равноправие, Россия, субъект, суверенитет, федерализм, федерация.

Статья первая Конституции Российской Федерации¹ определяет Россию как демократическое федеративное правовое государство. Данное положение нуждается в детальном анализе принципов, на которых строится вышеуказанная (то есть федеративная) форма государственного устройства.

Приступая к анализу принципов федерализма в России, необходимо дать понятие принципа. Данный термин раскрывается в ряде аспектов: философском, этическом, юридическом и т.д.² Наиболее общее и фундаментальное значение это понятие приобретает в философском смысле. Принцип есть начало, основа, первопричина некоторой совокупности фактов или знаний, исходный пункт руководства к действиям. Он позволяет понять и исследовать окружающую реальность, обуславливает закон становления явлений. Обладает объективным содержанием и выражает присущие той или иной категории качественные свойства, выступает как руководящая идея, пронизывающая содержание явления, предмета, категории или процесса.

В этическом значении принцип определяет внутреннее убеждение, является максимой, задающей общую установку по отношению к действительности, нормам поведения и деятельности³.

В теории права принципы права – это основные идеи, исходные положения или ведущие начала права, процесса его формирования, развития и функционирования⁴. Они пронизывают всю структуру права – правосознание, нормы, правоотношения, а также правоприменительную практику⁵. Принципы представляются в виде исходных определяющих идей, положений, установок, которые составляют нравственную и организационную основу возникновения развития и функционирования права⁶.

В юридическом смысле под принципом понимается, прежде всего, системообразующее начало, основные установки, на основании которых возможно построение любой

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.

² См., напр.: Новейший философский словарь / Сост А. А. Грицанов. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 544; Словарь по этике / Под ред. И.С. Кона. Изд. 3-е. М.: Политиздат, 1975. – С. 248; Теория государства и права: Учебник для вузов / Под ред. проф. В.М. Корельского и проф. В.Д. Перевалова. 2-е изд. М.: Издательство НОРМА, 2002. – С. 104, 243.

³ См.: Новейший философский словарь / Сост А. А. Грицанов. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998. – С. 544.

⁴ См.: Общая теория государства и права: Академический курс. В 2-х т. / Под ред. Н.М. Марченко. М., 1998. Т. 2. – С. 22.

⁵ См.: Малейн Н.С. Правовые принципы, нормы и судебная практика // Государство и право. 1996. № 6. – С 12-13.

⁶ См.: Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2001. – С. 151.

системы, в том числе и федеративного государства. Принцип является центральным понятием системы, пронизывает ее, выявляя содержание, представляет обобщение и распространение некоторого положения на все явления области, из которой данный принцип абстрагирован (в данном случае эта система является правовой).

В виду того, что принципы имеют «характерные черты, которые придают им статус особых идей»⁷, можно выделить признаки принципов федерализма. Во-первых, им может служить далеко не всякая идея о федеративных отношениях. Она должна иметь фундаментальный, ключевой характер, лежать в основе существования и функционирования федерации. Во-вторых, принципы федерализма являются наиболее устойчивыми и стабильными идеями, которые остаются таковыми длительное время. Например, это можно увидеть в преемственности принципов федерализма Советского Союза и современных принципов Российской Федерации. Наконец, в отличие от иных (например, научных) идей о федеративных отношениях принципы получают закрепление в правовых нормах. В некоторых случаях с помощью общей нормы («нормы-принципа»), содержащейся в нормативно-правовом акте, в других – без четкой формулировки, когда принципы как бы «скрыты, спрятаны, разлиты» по многим правовым нормам.

Представляется возможным определить понятие принципов федерализма как совокупности основных, взаимосвязанных между собой закономерностей, абстрагированных из определенной политико-правовой системы, характеризующейся как федерация, определяющих динамику существования, развития и взаимодействия структурных элементов этой системы.

В качестве основных идей построения и функционирования федерализма в России принципы имеют основополагающее значение. Прежде всего, их значение можно проследить в нормотворческой деятельности правового государства. При выработке подходов к правовому регулированию тех или иных общественных отношений основные принципы соответствующей отрасли права проходят определенную проверку. И лишь идеи, постоянно переходящие от одного нормативного акта к другому, постепенно становятся определенным критерием, на базе и в соответствии с которым принимаются последующие акты. Большинство существующих в России принципов федерализма нашло свое выражение в Конституции России. Но, кроме того, принципы федерализма явно прослеживаются в законах и договорах, регулирующих федеративные отношения.

В качестве примера, можно привести Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»⁸, Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 119-ФЗ «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации»⁹. Названия указанных документов содержат упоминание о принципах, то есть основных идеях федеративного устройства. В дальнейшем положения этих двух законов были объединены в рамках нового нормативно-правового акта – Федерального закона от 4 июля 2003 г. № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»¹⁰.

Однако принципы федерализма имеют значение не только для правотворческой деятельности, но и, безусловно, для правоприменительной практики. Здесь можно выявить две стороны. Первая заключается в том, что принцип (если он нормативно закреплён) является сам по себе правовой нормой и подлежит реализации. Вторая сторона возникает тогда, когда норма права, призванная регулировать федеративное отношение, отсутствует. В этом случае, принцип как бы временно заменяет норму, не позволяя оставить отношение без соответствующего урегулирования.

⁷ См.: Лаврусь С.Ю. О проблеме определения понятия принципов права // Актуальные проблемы правоведения. 2005. №1. – С. 15.

⁸ СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

⁹ СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3176.

¹⁰ СЗ РФ. 2003. № 27. Ст. 2709.

Прежде чем переходить к выявлению перечня и анализу каждого из принципов федеративного устройства России необходимо обратить внимание на следующее. Понятие федерализма разнопланово, его можно рассматривать с различных сторон (это и принципы, определяющие территориальное строение государства, и основа, на которой осуществляется функционирование государственных органов и «постоянный процесс улаживания отношений и объединения людей и их образований на государственном уровне»¹¹). Федерализм является системой принципов федеративного государственного устройства и функционирования государства. Из данного определения, а также места федерализма в жизни государства видно, что, включая в себя определенные основные идеи и закономерности, он сам выступает как один всеобъемлющий принцип, на котором строится российская государственность.

Принцип федерализма, занимая особое место в системе, является основополагающим, и именно действующая Конституция заложила идеи федерализма в России. Он пронизывает всю правовую систему Российской Федерации. Безусловно, что федерализм как принцип выступает исходным началом, из которого проистекают все остальные принципы, определяющие территориальное устройство России. Это, если можно так сказать, «принцип принципов». Данная основополагающая идея раскрывается в требованиях более частного порядка: государственный суверенитет Российской Федерации, единство ее системы государственной власти и т.д.

Система принципов может быть составлена следующим образом. Федеративные отношения основаны на принципе федерализма, который в свою очередь включает в себя более частные принципы, соответствующие составным элементам (институтам) федерализма, например, принцип единства системы государственной власти, принцип разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Федерации и т.д.

Вышеуказанные частные принципы также соответственно подразделяются на несколько еще более частных, но, тем не менее, основополагающих идей федеративных отношений. Например, принцип недопустимости ущемления интересов субъектов федерации, принцип обеспеченности соответствующих органов государственной власти финансовыми, материально-техническими и иными ресурсами, необходимыми для осуществления органами своих полномочий при разграничении предметов ведения и полномочий.

Большинство исследователей принципов федерализма в России основное внимание уделяют так называемым конституционным принципам федерализма¹². Однако следует иметь в виду, что перечень принципов федерализма не ограничивается только теми, которые закреплены в Конституции. Кроме того, имеются и другие классификации данного явления.

Если брать за отдельные критерии, то все принципы федерализма можно разделить на несколько групп. В зависимости от формы существования: закрепленные текстуально, то есть четко выраженные в конкретных правовых предписаниях, и не закрепленные, но выделяемые из общего смысла права, как бы растворенные в праве, разлитые в нем, пронизывающие собой почти все правовые нормы¹³. Первая группа принципов в свою очередь подразделяется на два вида основных идей в зависимости от характера нормативного источника, в котором закреплены конкретные принципы. Их можно разделить на принципы, закрепленные Конституцией Российской Федерации (конституционные принципы федерализма) и принципы, находящие свое закрепление и отражение в других нормативных источниках: международные договоры, договоры о разграничении полномочий между федерацией и субъектами федерации, уставы, конституции субъектов федерации и т.п. (неконституционные принципы федерализма). В зависимости от сферы действия принципы федерализма можно разделить на две большие группы: принципы организации федерального устройства и принципы, определяющие порядок взаимодей-

¹¹ См.: Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М.: Дело, 1998. – С. 13

¹² См., напр.: Абдулатипов Р.Г. Федералогия. СПб: Питер, 2004. – С. 160-165; Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М.: Дело, 1998. – С. 101-116.

¹³ См.: Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т.1. Свердловск, 1972. – С. 102-103.

ствия и функционирования субъектов федерации. Приведенные виды классификаций, разумеется, не являются полными и исчерпывающими, могут быть произвольно изменены и дополнены, но при этом они позволяют в значительной мере облегчить процесс формирования определенной системы принципов в зависимости от отдельного основания классификации.

Современные основные принципы федерализма сложились в конце XIX в. Они развивались и в советском праве, поэтому современные фундаментальные идеи федерализма в России испытывают на себе влияние принципов федерализма в СССР.

В период существования СССР имели место различные точки зрения на перечень принципов государственно-территориального устройства.

Некоторые авторы обозначали ограниченное количество таких принципов: равноправие наций, добровольность объединения союзных республик в Союз ССР; принцип национально-государственного устройства (включающий право наций на самоопределение, свободное государственное устройство, мирное сотрудничество, пролетарский интернационализм и государственное единство социалистических наций), принцип суверенитета (самостоятельность и независимость наций), принцип демократического централизма (самостоятельность субъектов федерации под руководством центральных органов)¹⁴.

Другие ученые выделяли несколько больше принципов. Так, Б.Л. Манелис считал, что существует шесть основополагающих положений федеративного устройства: национальный характер субъектов федерации, добровольность объединения и пребывания субъектов в составе федерации, полное равноправие, социалистический интернационализм, демократический централизм, единство суверенитета республик и суверенитета СССР¹⁵. Также шесть принципов выделял В.В. Паркосадзе. Некоторые из них совпадали с принципами, предложенными Б.Л. Манелисом, но имелись и отличия. Так, автор считал, что федеративное устройство СССР строится на: 1) основе диктатуры пролетариата; 2) национальной основе и интернациональном содержании; 3) добровольности объединения субъектов федерации; 4) равноправии субъектов; 5) единстве суверенитета республик и суверенитета СССР; 6) на принципе демократического централизма¹⁶.

По пять принципов федеративного устройства выделяли Д.Л. Златопольский и А.И. Лепешкин. В большинстве перечень принципов, предлагаемых этими учеными, совпадал. Так, Д.Л. Златопольский говорил о следующих основных идеях: построение федерации на базе Советов; построение федерации по национальному признаку; объединение субъектов на добровольных началах; равноправие субъектов федерации; демократический централизм¹⁷. А.И. Лепешкин считал, что в основе советской федерации лежат следующие принципы: добровольность объединения в федерацию ее субъектов; равноправие субъектов; национально-территориальный характер советской федерации; единство интернационального и национального в федерации; демократический централизм¹⁸.

Обобщая вышеуказанные мнения советских правоведов, можно констатировать, что они считали важнейшими принципами следующие: национально-территориальный характер Федерации; добровольность государственного объединения субъектов РФ, как проявление самоопределения наций; их равноправие; демократический централизм.

Кроме того, в основе федерализма в СССР лежал принцип права наций на самоопределение вплоть до отделения¹⁹.

Проанализировав перечень принципов, который предлагался исследователями во время существования Советского Союза, можно прийти к выводу, что именно тогда были сформулированы принципы федерализма, которые в дальнейшем были восприняты при формировании уже Российской Федерации. Естественно, некоторые из идей советской

¹⁴ См.: Равин С.М. Исторический опыт советского федерализма // Советское государство и право. 1957. № 11. – С. 77-78

¹⁵ См.: Манелис Б.Л. В.И. Ленин – организатор Союза ССР // Советское государство и право. 1962. № 12. – С. 24.

¹⁶ См.: Паркосадзе В.В. Марксизм – ленинизм о федерации. Тбилиси, 1967. – С.75

¹⁷ См.: Златопольский Д.Л. Основные проблемы советской федерации: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1963. С.12-14; Златопольский Д.Л. СССР – федеративное государство. М., 1967. – С.42.

¹⁸ См.: Лепешкин А.И. Советский федерализм (теория и практика). М., 1977. – С. 161.

¹⁹ См.: Левин И.Д. Суверенитет. М., 1948. – С. 261.

федерации несли на себе идеологический отпечаток (например, принцип диктатуры пролетариата, принцип социалистического интернационализма). Но такие принципы, как добровольность объединения субъектов федерации, равноправие данных субъектов и другие, сохранили свое значение и во время формирования Российской Федерации, и в настоящее время, хотя перечень основополагающих идей федерализма претерпел некоторые изменения.

Большой интерес представляет изучение конституционных принципов федерализма, так как именно в действующей Конституции были отражены основополагающие идеи федеративного устройства России. Однако многие ученые, обращавшие свое внимание на проблему принципов федерализма, не выделяли отдельно конституционные принципы, анализируя в общем все фундаментальные идеи государственного устройства, независимо от того, были ли они закреплены в основном законе или нет.

И.П. Ильинский таковыми принципами считает приоритет прав человека, смешанный характер субъектов федерации (наличие в составе России национально-территориальных и территориальных субъектов), добровольное разграничение предметов ведения и полномочий между федерацией и ее субъектами, конституционно-договорную природу Российской Федерации²⁰.

Думается, что данная точка зрения нуждается в некоторой корректировке. Из всех обозначенных принципов федерализма основной идеей можно назвать добровольное разграничение предметов ведения и полномочий между федерацией и ее субъектами. Остальные явления, названные ученым принципами, при близком рассмотрении, таковыми не являются, так как характеризуют вид и форму федерации в России, но не выражают ее внутренней сущности.

Подобные недостатки можно выявить и в системе принципов, предлагаемых Л.М. Карапетяном. Автор определяет основы федеративного устройства России следующим образом: добровольность объединения государств и подобных образований в единое государство; принятие федеральной конституции и конституций субъектов федерации; однопорядковый (симметричный) конституционный статус субъектов федерации и их равноправие; конституционно-правовые основы разграничения суверенитета федерации и суверенности ее субъектов; конституционное разграничение компетенции между федерацией и ее субъектами; общие территория и гражданство; недопустимость изменения границ субъектов федерации без ее согласия; единая денежная и таможенная системы, федеральная армия и другие институты государства, обеспечивающие его эффективное функционирование²¹.

Правда, мы можем увидеть то, что исследователь не говорит прямо о принципах, но перечисленные им основы, на наш взгляд, можно приравнивать к указанному понятию, потому как принципы это и есть основополагающие начала.

А.Н. Аринин и Г.В. Марченко обозначают такие принципы федерализма как принцип отсутствия суверенитета у составных частей федерации, принцип верховенства федерального права над правом субъектов федерации, принцип единства экономической и социальной системы федеративного государства, принцип единства системы государственных органов власти на всей территории федерации, принцип равноправия субъектов федерации, принцип территориального подхода к строительству федерации, принцип законодательного способа разграничения предметов ведения между федерацией и ее субъектами²².

В данном случае отнесение к принципам названных понятий не вызывает нареканий. И с выделением некоторых из представленных принципов следует согласиться. В частности, в науке спорным является вопрос наличия у субъектов федерации собственного суверенитета. Думается, что выделение принципа отсутствия суверенитета у составных частей федерации является оправданным.

²⁰ См.: Проблемы суверенитета в Российской Федерации. М., 1994. – С. 101-104.

²¹ См.: Карапетян Л.М. Федерализм и права народов: Курс лекций. М., 1999. – С. 4-5.

²² См.: Аринин А.Н., Марченко Г.В. Уроки и проблемы становления российского федерализма. М., 1999. – С. 21-51.

В то же время нельзя согласиться с А.Н. Ариным и Г.В. Марченко в вопросе выделения в качестве принципа федерализма в России территориального подхода к строительству федерации. Данная идея не может быть одним из ведущих принципов построения федеративного государства в России. Как мы уже обозначали, из анализа Конституции, Федеративного Договора, да и вообще исходя из перечня видов субъектов федерации, в России можно выделить национальные начала в построении государства (к примеру, республики, автономная область и автономные округа уже в своем наименовании содержат указание на образование по национальному признаку).

Р.Г. Абдулатипов и Л.Ф. Болтенкова, анализируя содержание принципа федерализма как основополагающего в построении Российской Федерации, говорят, что данный принцип включает в себя следующие элементы: определение государственности как федеративной, осуществление государственной власти на основе договорного или договорно-конституционного распределения полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов федерации, самостоятельность субъектов федеративных отношений в осуществлении принадлежащих им полномочий, формальное равноправие субъектов федерации по отношению к федеральным органам государственной власти, право участников федеративных отношений на двустороннее регулирование государственно-властных полномочий²³.

Н.М. Мириханов к принципам федерализма в России относит суверенитет Российской Федерации, государственную целостность страны, единство системы государственной власти, подчиненность деятельности институтов публичной власти требованиям обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина, федеративное устройство и гарантии местного самоуправления, наличие собственных предметов ведения и полномочий у каждого из уровней публичной власти, высшую юридическую силу, прямое действие и применение на всей территории страны Конституции Российской Федерации, верховенство на всей территории страны федеральной Конституции и федеральных законов по предметам исключительного ведения Российской Федерации и полномочий совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, разграничение предметов ведения и полномочий между федеральной властью и субъектами Российской Федерации, равноправие и самоопределение народов в Российской Федерации, юридическое равноправие субъектов федерации, самостоятельность уровней публичной власти в определении своих организационных структур и единство экономического пространства, признание и защита равным образом частной, государственной и муниципальной собственности²⁴.

По данной точке зрения можно высказать два вида замечаний. Во-первых, ряд из названных Н.М. Мирихановым принципов федерализма, по своей правовой природе вполне может быть присущ любому другому, и не федерального типа, государству. Каждое государство, к примеру, должно функционировать на основе принципов суверенитета, государственной целостности страны, единства системы государственной власти, подчиненности деятельности институтов публичной власти требованиям обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина и т.п.

Во-вторых, некоторые из перечисленных понятий не имеют признаков принципа. Например, федеративное устройство и гарантии местного самоуправления. М.В. Баглай говорит об основах конституционного строя в области государственного устройства, не называя их принципами. Перечень данных основ следующий: равноправие субъектов Российской Федерации; разнохарактерность их учредительных актов; государственная целостность России; единство системы государственной власти; разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти федерации и ее субъектов; равноправие и самоопределение народов, равноправие субъектов Российской Федерации между собой и во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти²⁵.

Из предложенных автором основ конституционного строя сомнение вызывает лишь возведенная в ранг конституционных принципов разнохарактерность учредитель-

²³ См.: Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф. Опыты федерализма. М., 1994. – С. 20-26.

²⁴ См.: Мириханов Н.М. Федерализм, этничность, государственность: новый курс российской власти. М., 2002. – С. 138-139.

²⁵ См.: Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1999. – С. 112-115.

ных актов субъектов Российской Федерации. Указанная «разнохарактерность» проявляется лишь в наименовании указанных актов, но не в их сущности и возможности регулирования общественных отношений.

Рассматривая проблему принципов федерализма в России, Р.В. Знаменщиков не только перечисляет принципы (равноправие и самоопределение народов в Российской Федерации, добровольное объединение Российской Федерации на конституционной основе, организация федерализма на основе территориального и национально-территориального признаков, признание государственного суверенитета Российской Федерации, равноправие субъектов Российской Федерации, единство системы государственной власти в Российской Федерации, единство правового и экономического пространства, разграничение предметов ведения между Российской Федерации и ее субъектами), но и классифицирует их на две группы: принципы формирования федеративных отношений и принципы действия федеративного устройства. В частности, он говорит, что такая классификация позволит увидеть особенности становления федеративного государства (на чем основан российский федерализм) и особенности его функционирования (как реализуется федерализм в России)²⁶.

Как видно из перечисленных взглядов на рассматриваемую проблему, в юридической литературе не было и нет единой точки зрения по поводу перечня принципов федерализма, как в прошлом, так и в настоящем.

Вышеприведенные принципы составляют некую целостную систему. Термин «система» является философской категорией и определяется как объект, организованный в качестве целостности, где энергия связей между элементами превышает энергию их связей с элементами других систем²⁷. И. Кант писал: «Под системой я разумею единство многообразных знаний, объединенных одной идеей»²⁸.

Из приведенных положений можно сделать несколько выводов, относящихся непосредственно к принципам федерализма. Во-первых, в обозначенной системе принципов наличествует общая идея, то есть – федерализм. Во-вторых, части системы закономерно расположены (закономерность расположения принципов была поставлена нами в зависимости от того, присущи ли основополагающие начала государству вообще или федеративному государству в частности). В-третьих, принципы федерализма находятся во взаимной связи и влияют друг на друга. Данная взаимосвязь может носить как позитивный, так и негативный характер. Позитивность, как нам кажется, выражается в том, что они дополняют друг друга, а элементы одного принципа могут повторяться в содержании другого, являясь при этом взаимными гарантами. Например, принцип разграничения предметов ведения и полномочий между федерацией и ее субъектами находится в тесной взаимосвязи (является основой) с принципом, закрепляющим право субъектов федерации осуществлять собственное правовое регулирование вне пределов ведения Российской Федерации. Другим примером может стать сопоставление принципа государственного суверенитета Российской Федерации и принципа отсутствия суверенитета ее субъектов. Указанные принципы как бы являются двумя сторонами одной медали, отражая правовой статус федерации и ее субъектов.

Из анализа принципов федерализма в России вытекают такие выводы. Во-первых, некоторые из принципов современного федерализма в России проистекают из принципов, существовавших еще во времена Советского союза. Однако отдельные из существовавших ранее основных идей либо утратили свое значение и не могут выделяться в качестве таковых, либо их сущностное наполнение претерпело значительные изменения. Большинство основных принципов федерализма в Российской Федерации нашли свое текстуальное закрепление в действующей Конституции и других нормативно-правовых актах. Во-вторых, система принципов федерализма многослойна и пред-

²⁶ См.: Знаменщиков Р.В. Принципы федерализма в России и Германии (сравнительное конституционно-правовое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2003. – С. 58.

²⁷ См.: Новейший философский словарь / Сост А. А. Грицанов. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998. – С. 619.

²⁸ Цит. по: Новейший философский словарь / Сост А. А. Грицанов. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998. – С. 619.

ставлена несколькими уровнями основополагающих идей. Центральным принципом территориального устройства выступает сам федерализм как принцип, который является, если можно так сказать, принципом принципов и состоит из ряда более частных начал. Представляется, что классификация принципов федерализма может быть проведена в зависимости от того, присущи ли они государству вообще или характерны исключительно для федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.
2. Новейший философский словарь / Сост А. А. Грицанов. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 544.
3. Словарь по этике / Под ред. И.С. Кона. Изд. 3-е. М.: Политиздат, 1975. С. 248.
4. Теория государства и права: Учебник для вузов / Под ред. проф. В.М. Корельского и проф. В.Д. Перевалова. 2-е изд. М.: Издательство НОРМА, 2002. С. 104, 243.
5. Новейший философский словарь / Сост А. А. Грицанов. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 544
6. Общая теория государства и права: Академический курс. В 2-х т. / Под ред. Н.М. Марченко. М., 1998. Т. 2. С. 22.
7. Малейн Н.С. Правовые принципы, нормы и судебная практика // Государство и право. 1996. № 6. С. 12-13.
8. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2001. С. 151.
9. Лаврусь С.Ю. О проблеме определения понятия принципов права // Актуальные проблемы правоведения. 2005. №1. С. 15.
10. Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005; www.garant.ru
11. Федеральный закон Российской Федерации от 24 июня 1999 г. № 119-ФЗ «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3176; www.garant.ru
12. Федеральный закон Российской Федерации от 4 июля 2003 г. № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 27. Ст. 2709; www.garant.ru
13. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М.: Дело, 1998. С. 13
14. Абдулатипов Р.Г. Федералогия. СПб: Питер, 2004. С. 160-165; Умнова И.А Конституционные основы современного российского федерализма. М.: Дело, 1998. С. 101-116.
15. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т.1. Свердловск, 1972. С. 102-103.
16. Равин С.М. Исторический опыт советского федерализма // Советское государство и право. 1957. № 11. С. 77-78
17. Манелис Б.Л. В.И. Ленин – организатор Союза ССР // Советское государство и право. 1962. № 12. С. 24.
18. Паркосадзе В.В. Марксизм – ленинизм о федерации. Тбилиси, 1967. С. 75
19. Златопольский Д.Л. Основные проблемы советской федерации: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1963. С. 12-14.
20. Златопольский Д.Л. СССР – федеративное государство. М, 1967. С.42.
21. Лепешкин А.И. Советский федерализм (теория и практика). М., 1977. С. 161.
22. Левин И.Д. Суверенитет. М., 1948. С. 261.
23. Проблемы суверенитета в Российской Федерации. М., 1994. С. 101-104.
24. Карапетян Л.М. Федерализм и права народов: Курс лекций. М., 1999. С. 4-5.
25. Аринин А.Н., Марченко Г.В. Уроки и проблемы становления российского федерализма. М., 1999. С. 21-51.
26. Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф. Опыты федерализма. М., 1994. С. 20-26.
27. Мириханов Н.М. Федерализм, этничность, государственность: новый курс российской власти. М., 2002. С. 138-139.

28. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1999. С. 112-115.
29. Знаменщиков Р.В. Принципы федерализма в России и Германии (сравнительное конституционно-правовое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2003. С. 58.
30. Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 619.

PRINCIPLES OF FEDERALISM IN A NEW RUSSIAN STATEHOOD

V.P. KASATKIN
O.N. POLUKHIN

*Belgorod National Research
University*

e-mail: Kasatkin@bsu.edu.ru

The article analyzes the principles of the federalism in Russia, and the content of this principle. This term is viewed by different angles: philosophical, ethical, juridical etc. On the concrete samples it is claimed that the principles are of the core importance as the ideas for the construction and development of federalism in Russia.

Key words: state, voluntary, legislation, constitution, nation, principle, authority, equality, Russia, subject of the sovereignty, federalism, federation.

УДК –342.7

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЗАЩИТЫ И ПОКРОВИТЕЛЬСТВА РОССИЕЙ ГРАЖДАН, НАХОДЯЩИХСЯ ЗА РУБЕЖОМ¹

М.В. МАРКГЕЙМ¹
В.А. НОСКОВ²
А.В. ВОЛЧЕНКО³

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

¹*e-mail: markheim@bsu.edu.ru*

²*e-mail: noskov@bsu.edu.ru*

³*e-mail: espy929@mail.ru*

В статье представлено авторское обоснование конституционно-правового содержания защиты и покровительства граждан России, находящихся за рубежом. Обращено внимание на категории населения подпадающие под граждан России, находящихся за границей.

Ключевые слова: защита, покровительство, граждане России, находящиеся за границей, помощь, обязанность, институт, субъективное право.

По мнению большинства ученых-конституционалистов ч. 2 ст. 61 Базового закона России закрепила *принцип* защиты и покровительства российских граждан за пределами государства². Этот принцип имеет особое значение в связи с остро стоящей проблемой правового положения российских граждан, проживающих за границей.

В поддержку мнения об интерпретации ч. 2 ст. 61 Конституции Российской Федерации³ отметим, что принципы, будучи универсальной научной категорией, составляют основу различных видов юридической деятельности.

Понятие «принцип» (лат. *principium* – начало) в философии имеет широкое и недостаточно строго очерченное значение. Так, О.М. Сичивица считает, что принцип, во-первых, есть непосредственное обобщение опыта и фактов, результатом которых может быть какая-то основная мысль, идея, служащая для построения теории и, во-вторых, есть закон науки, поскольку в нем выражаются существенные и необходимые отношения действительности⁴.

С.Е. Зак под принципами понимает «основополагающие понятия, позволяющие объединить законы и категории той или иной научной дисциплины в единую систему знаний»⁵.

Существуют и представления о принципе как об основном начале, на котором построена какая-либо научная теория; как об определенной методологической или нормативной установке, правиле и постулате⁶, как о центральном понятии, основании системы, обобщающем положении, распространяемом на все явления той области, из которой данный принцип абстрагирован⁷.

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания; регистрационный номер 6.2962.2011.

² Бархатова Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). – М.: Проспект, 2010; Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий (постатейный) / под ред. Ю.А. Дмитриева. – М.: Юстицинформ, 2007; Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. – М.: Юристъ, 2004; Царенкова Е.Г., Батяев А.А. Комментарий к Федеральному закону от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс, 2006 и др.

³ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.

⁴ См.: Сичивица О.М. Методы и формы научного познания. – М., 1972. – С. 77.

⁵ Зак С.Е. Принципы и основные законы материалистической диалектики. – М., 1974. – С. 21.

⁶ См.: Голованов В.Н. Законы в системе научного познания. – М., 1970. – С. 81-82.

⁷ См.: Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – М., 1987. – С. 382.

А.В. Стремоухов определяет принцип как теоретическое обобщение наиболее типичного, что выражает самую суть явления⁸.

В науке конституционного права Н.А. Богданова предлагает под принципами понимать «идеи, имеющие фундаментальное или важное значение для развертывания конституционно-правового знания, в основу которых кладется та или иная мировоззренческая позиция, закономерность, выявленная практикой, или сформулированное умозрительно положение, являющееся плодом научной мысли»⁹.

Таким образом, с учетом приведенных положений логичен, на наш взгляд, вывод о том, что формулировка ч. 2 ст. 61 Конституции России, действительно соответствует доктринальным требованиям принципа. Таковым мы и предлагаем его считать применительно к институту защиты и покровительства Российской Федерацией своих граждан, находящихся за ее пределами.

Постановка вопроса об институционализации данной сферы правоотношений представляется возможной, виду того, что институт права – это сравнительно небольшая, устойчивая группа правовых норм, регулирующих определенную разновидность общественных отношений¹⁰. Правовые институты призваны регламентировать отдельные участки, фрагменты, стороны общественной жизни. Они обладают относительной автономией, так как касаются в известной мере самостоятельных вопросов.

Далее, исходя из анализа ч. 2 ст. 7 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации», видно закрепление в качестве обязанности для представительств и консульств России обеспечивать своим гражданам, находящимся за рубежом, покровительство и защиту¹¹. То есть фактически, согласно приведенному мнению, отдельным государственным органам вменяется в обязанность защита и покровительство граждан России, находящихся за границей.

Таким образом, положение ч. 2 ст. 61 Конституции Российской Федерации мы также можем интерпретировать и как обязанность. В данной связи отметим, что в любом демократическом современном государстве особая роль в защите прав граждан отводится государству. Не является исключением в данной связи и Конституция Российской Федерации 1993 г., которая в ст. 2 закрепила признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина в качестве основной обязанности государства.

Уточним, что категория «обязанность» означает все «то, что входит в круг действий, поступков, обязательных для выполнения» в соответствии с законом или внутренним убеждением¹². Юридическая обязанность – это вид и мера должного поведения участника правоотношения, которое он обязан осуществить для того, чтобы субъективное право другого участника было реализовано¹³. Оно обеспечивается возможностью государственного принуждения¹⁴.

В теории права под юридической обязанностью понимаются установленные законом вид и мера должного, рационального, целесообразного, общественно необходимого, объективно обусловленного поведения, призванного вносить порядок и «умиротворение» в жизнь¹⁵.

В контексте данного исследования мы солидарны с позицией О.А. Снежко, который под конституционной обязанностью государства понимает закрепленное в Конституции Российской Федерации должное, особо социально значимое, объективно обусловленное поведение государства (его органов и должностных лиц), направленное на обес-

⁸ Стремоухов А.В. Правовая защита человека: теоретические проблемы. – СПб, 2001. – С. 90.

⁹ Богданова Н.А. Система науки конституционного права. – М.: Юристъ, 2001. – С. 166.

¹⁰ Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юристъ, 1997. – С. 351.

¹¹ Леонова Н.В., Пелишенко А.А. Комментарий к Федеральному закону от 31.05.2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (постатейный) // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2008.

¹² См.: Большой толковый словарь русского языка. – СПб, 1999. – С. 695.

¹³ См.: Юридическая энциклопедия. – М., 1998. – С. 503.

¹⁴ См.: Российская юридическая энциклопедия. – М., 1999. – С. 1067.

¹⁵ См.: Матузов Н.И. Право и личность // Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 1997. – С. 270.

печение общего блага всех и каждого. Конституционная обязанность государства – это своего рода высший долг государства перед обществом и гражданами¹⁶.

Также можно согласиться с мнением В.А. Патюлина, что в самом общем виде содержание обязанностей государства сводится к обеспечению реализации и защиты прав¹⁷.

Рассматриваемая конституционная обязанность государства трансформируется в конкретные обязанности государственных органов и должностных лиц. Особенностью статуса должностных лиц, реализующих правозащитную деятельность государства, является то, что его носитель подчинен правовым нормам так же, как и граждане, по отношению к которым они обладают властными полномочиями.

Однако властное полномочие становится не столько правом должностного лица, сколько его правовой обязанностью, неисполнение или ненадлежащее исполнение которой может повлечь должную ответственность¹⁸.

На наш взгляд, необходимо обратить внимание на то, что характер и содержание обязанности российского государства защищать права и свободы человека и гражданина различны и предопределяются характером и содержанием соответствующих прав.¹⁹

Правозащитная обязанность государства выступает в качестве объективно-правового веления, обращенного к государству, которое конкретизируется в федеральных конституционных законах и федеральных законах. Предполагается формулирование материально-правовых и процедурных средств и способов защиты прав и свобод человека и гражданина уполномоченными на то органами публичной власти и их должностными лицами²⁰.

Мы солидарны с мнением М.А. Беспаловой также в той части, что фактическое приобретение качества демократического правового государства Российской Федерацией будет возможно только тогда, когда каждый почувствует на себе, что государство полностью или частично выполняет свою правозащитную обязанность²¹.

В настоящее время за рубежом постоянно проживает или временно пребывает значительное число российских граждан. Само нахождение за границей не может рассматриваться как основание для ограничения их конституционного положения. Они остаются равноправными гражданами Российской Федерации.

Помимо категорий российских граждан, которые находятся за пределами России с целью обучения, командировки, осуществления трудовой функции, отдыха и туризма, необходимо также обращение к установлению иных групп граждан, которые рассматриваются в данной конституционной плоскости.

Итак, в соответствии с Федеральным законом РФ от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»²² соотечественниками за рубежом являются *граждане* Российской Федерации, постоянно проживающие за пределами территории Российской Федерации.

Уточним, что в настоящем исследовании только данная формулировка отвечает его целям. Иные виды соотечественников, которые перечислены в ст. 1 указанного право-

¹⁶ Снежко О.А. Защита прав граждан – основная обязанность Российского государства // Право и политика. – 2005. – № 10.

¹⁷ См.: Патюлин В.А. Государство и личность в СССР (правовые аспекты взаимоотношений). – М., 1974. – С. 114.

¹⁸ См.: Бочарова С.Н. Конституционная обязанность Российского государства охранять права и свободы граждан: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999. – С. 3.

¹⁹ См., например: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 марта 2001 г. № 46-0 «По жалобе гражданина Быховского Семена Яковлевича на нарушение его конституционных прав положением пункта «а» статьи 1 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» // ВКС РФ. – 2001. – № 4.

²⁰ Беспалова М.А. Становление правозащитной функции российского государства в условиях современного конституционного строительства: Дис. ... канд. юрид. наук. – Белгород, 2010. – С. 95.

²¹ Указ. соч. – С. 96.

²² Федеральный закон РФ от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (ред. от 23.07.2010 г.) // Российская газета. – 1999, 1 июня; 2010, 27 июля.

вого акта не подпадают под заявленную нами категорию граждан. Поэтому, формулировку «соотечественники за рубежом» мы толкуем ограниченно, только применительно к гражданам Российской Федерации.

В теории мы согласны с мнением главы Росзарубежцентра Э. Митрофановой, «соотечественником является гражданин России, проживающий за рубежом. Все остальные категории – это диаспора»²³.

Подчеркнем, что мы не отрицаем более широкой трактовки термина «соотечественник», однако в данном исследовании нами применима только формулировка ч. 2 ст. 1 Федерального закона 1999 г. поэтому в данном случае гражданин может рассчитывать на помощь и поддержку государства в вопросах, касающихся защиты прав и интересов, независимо от места своего проживания. Граждане России, постоянно проживающие за рубежом, имеющие «вид на жительство» либо двойное гражданство, находятся под юрисдикцией Российской Федерации и имеют гарантию правовой защиты со стороны России. Следует заметить, что в середине 90-х гг. наибольшее неприятие вызывали предложения Российской Федерации о введении двойного гражданства в странах СНГ. В тот период удалось заключить подобные соглашения только с Туркменией²⁴ и Таджикистаном²⁵. И хотя эти соглашения были во многом несовершенны, они позволили на тот период времени причислить к соотечественникам значительную часть граждан, считающих себя таковыми. Учитывая, что после выхода России в 2000 г. из Бишкекского соглашения и заключения ряда двухсторонних договоров со странами СНГ, вопрос о двойном гражданстве со стороны Туркмении не рассматривался. Соглашение с Таджикистаном имеет юридическую силу, но фактически не действует. Таким образом, значительная часть соотечественников потеряла возможность причислить себя к таковым по признаку принадлежности к гражданству Российской Федерации. В число соотечественников, которым должны быть выданы документы установленного образца, включены граждане Российской Федерации, у которых в силу Закона имеется документ, удостоверяющий личность (паспорт), и их правовое положение регулируется Федеральным законом «О гражданстве Российской Федерации» (ст. 5)²⁶.

Возлагая на своих граждан определенные права, свободы и обязанности, государство в свою очередь обеспечивает им покровительство не только на территории Российской Федерации, но и за ее пределами. Осуществляется защита и покровительство в рамках существующих двухсторонних связей в данном правоотношении. В противном случае институт гражданства утратил бы смысл. Защита прав российских граждан осуществляется только при участии государства. Государство обязано защищать права и охраняемые законом интересы, а при необходимости принимать меры для восстановления нарушенных прав граждан Российской Федерации.

Граждане Российской Федерации, проживающие за рубежом, пользуются правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, проживающими на территории Российской Федерации, за исключением случаев, установленных международными договорами Российской Федерации и законодательством Российской Федерации при соблюдении законодательства государства проживания.

В контексте заявленного исследования, уточним, что термины «поддержка» и «защита» являются близкими по своему значению, но не тождественными. В первом

²³ В Прибалтике русским уютнее, чем в СНГ. Интервью Э. Митрофановой // Приложение к «Независимой газете» «НГ-Дипкурьер». – 2005, 24 октября.

²⁴ Федеральный закон РФ от 25 ноября 1994 г. № 41-ФЗ «О ратификации Соглашения между Российской Федерацией и Туркменистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства» // Бюллетень международных договоров. – 1995. – № 3. – С. 64; Протокол о прекращении действия Соглашения между Российской Федерацией и Туркменистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства (Подписан в г. Москве 10.04.2003 г.) // Документ опубликован не был; www.garant.ru

²⁵ Федеральный закон РФ от 15 декабря 1996 г. № 152-ФЗ «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан об урегулировании вопросов двойного гражданства» // Российская газета. – 1996, 18 декабря.

²⁶ Царенкова Е.Г., Батяев А.А. Комментарий к Федеральному закону от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс, 2006.

случае речь идет о том, чтобы «служить опорой, укрепой, подпирать, не дать рушиться, держать в прежнем виде». Во втором – «оберегать, охранять, оборонять, отстаивать, заступаться, не давать в обиду»²⁷. Защита предполагает осуществление более активных действий. В конституции России (ч. 2 ст. 61), а также в Федеральном законе от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» используется также термин «покровительство». В последнем применяется и формулировка помощи. Таковая представляет собой оказание содействия в чрезвычайных, экстраординарных ситуациях, когда произошло существенное снижение имевшихся ранее гарантий реализации прав и свобод или есть реальная угроза этому, например, при гуманитарной катастрофе. «Покровительство – как бы общий принцип заботы нашего государства о гражданах»²⁸.

Покровительство в словаре Д.Н. Ушакова раскрывается как заступничество, защита, оказываемая влиятельным или сильным слабым, протекция; особые благоприятные условия, создаваемые для чего-нибудь (чаще в экономической или промышленной деятельности).

Таким образом, исходя из первого значения защита и покровительство – явления тождественные и тогда в Конституции России при формулировании ч. 2 ст. 61 нарушены правила юридической техники. Но мы считаем, что более правильным будет определение покровительства как особых благоприятных условий, создаваемые для чего-нибудь.

Институт покровительства вряд ли применим ко всем соотечественникам за рубежом, поскольку он строится на началах зависимости, подчиненности (буквально кровного родства). Лица, к которым предполагается его применять – граждане государств, признаваемых суверенными субъектами международного права.

Относительно защиты прав человека в отечественной юридической науке нарабатан достаточно объемный научный материал, полученный в результате исследования тех или иных его аспектов²⁹.

Состояние защищенности прав человека как основная цель правозащитной функции государства в первую очередь достигается через признание или установление за каждой личностью юридического права на правовую защиту. И такой акт находит свое выражение в соответствующих международных юридических документах. «Все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона»³⁰ – провозглашено в ст. 7 Всеобщей декларации прав человека. А в ст. 2 Конституции Российской Федерации установлено: «Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»³¹.

Следовательно, признание или установление права человека на правовую защиту запускает сложный и разноаспектный механизм формирования регулятивных и организаци-

²⁷ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. – М., 1999. – С. 668.

²⁸ Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс. Т. 1. – М., 2006. – С. 531.

²⁹ См., например: Радько Т.Н. Основные функции социалистического права. – Волгоград, 1970; Витрук Н.В. Процессуальные формы реализации и охраны прав и обязанностей граждан // Юридическая процессуальная форма: теория и практика / Под общ. ред. П.Е. Недбайло и В.М. Горшенева. – М., 1976; Рудинский Ф.М. Личные права и свободы граждан СССР. – М., 1980; Гулиев В.Е., Рудинский Ф.М. Социалистическая демократия и личные права. – М., 1984; Ростовщиков И.В. Обеспечение прав и свобод личности в СССР: вопросы теории. – Саратов, 1988; Шайкенов Н.А. Правовое обеспечение интересов личности. Свердловск, 1990; Ледях И.А., Воробьев О.В., Колесова Н.С. Механизм защиты прав и свобод граждан // Права человека: проблемы и перспективы. – М., 1990; Толкачев К.Б., Хабибулин А.Г. Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод граждан. – Уфа, 1991; Колосов В. Человек должен иметь право защитить себя // Российская Федерация. – 1994. – № 18; Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / Под ред. Н.И. Матузова. – Саратов, 1996; Федоров В.П. Человек и правоохранительная деятельность (философско-правовой аспект): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб, 1996; Стремоухов А.В. Правовая защита человека: теоретические проблемы. – СПб, 2001 и др.

³⁰ Всеобщая декларация прав человека. Принята и провозглашена Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 г. // Международные акты о правах человека: Сб. документов. – М., 2000.

³¹ Конституция РФ: Комментарий Конституционного Суда РФ, официальный текст, принятие и вступление в силу поправок к Конституции РФ. – М., 2000.

онных правовых средств его реализации. Защита прав и свобод человека основывается на праве каждого человека на правовую защиту – субъективном праве, которое дает возможность человеку самостоятельно, а также с помощью государственных, общественных и международных организаций гарантировать исполнимость и реальность своих прав и свобод (человек как объект и основной субъект правозащитной деятельности)³².

Таким образом, указанное положение дает нам основание рассматривать положение ч. 2 ст. 61 Конституции Российской Федерации в качестве субъективного конституционного права граждан России.

Отметим, что права гражданина обусловлены неотъемлемым «первичным» правом человека на гражданство.

Обычно гражданство определяют как устойчивую правовую связь человека с государством, выражающуюся в совокупности их взаимных прав, обязанностей, ответственности и основанную на признании и уважении достоинства, общепризнанных прав и свобод человека³³.

В аспекте прав гражданина гражданство – это особый юридический статус лица. Юридическое признание получает государственная принадлежность лица внутри страны и за рубежом, и лицо наделяется в полном объеме правами и обязанностями, предусмотренными в законодательстве данного государства. Институт гражданства предполагает активное содействие государства в реализации индивидом своих прав. На человека распространяется суверенитет государства, он пользуется его защитой и может принимать участие в управлении делами государства.

Отметим, что вопрос о субъективном характере конституционных прав граждан активно обсуждается в научной среде до сих пор. Как указывает Н.В. Витрук, ряд ученых относят все конституционные права граждан к субъективным правам (С.С. Алексеев, Л.Д. Воеводин, Н.И. Матузов, В.А. Патюлин, И.Е. Фарбер и др.), другие же считают, что не каждое право можно признать субъективным. Субъективное право – это наличное право, которым гражданин обладает реально (Ю.К. Толстой, Р.О. Халфина, Д.М. Чечот и др.)³⁴. При этом автор не занимает кардинальной позиции в данном вопросе и соотносит субъективные характеристики конституционных прав граждан с правовым положением личности как часть и общее.

В свою очередь Л.Д. Воеводин под конституционными правами и свободами понимает «закрепленные в Конституции и гарантированные государством возможности, позволяющие каждому человеку и гражданину свободно и самостоятельно... пользоваться предоставленными ему социальными благами как в личных, так и в общественных интересах»³⁵. В данном определении четко прослеживаются два основных критерия отнесения прав и свобод к конституционным: формально-юридический (по источнику закрепления) и содержательный (базовые, основополагающие права и свободы). Следовательно, конституционные права и свободы можно рассматривать с двух позиций: как часть прав человека вообще и совокупность конституционно-правовых норм.

Данный подход позволяет исследовать категорию «конституционные права и свободы человека и гражданина» и как часть субъективного права, и как часть объективного права. Но, в то же время, и как единство того и другого³⁶. На этом в своих исследованиях также делал акцент Л.Д. Воеводин³⁷.

Помимо указанного, в Конституции Российской Федерации (ст.ст. 17, 18, 46) закреплены признаки, характеризующие основные права и свободы как субъективные. То есть, помимо объективной формы существования, им присущ субъективный характер, выраженный в непосредственной и объективной реализации таких прав, направленной на удовлетворение одной из высших социальных ценностей или потребностей,

³² Земскова А.И. К вопросу о сущности правозащитной функции государства // Общество и право. – 2009. – № 3. – С. 21-27.

³³ См.: Саидов А.Х. Общепризнанные права человека / Под ред. И.И. Лукашука. – М., 2004. – С. 110.

³⁴ См.: Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М: Норма, 2008. – С. 18.

³⁵ Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. – М., 1997. – С. 135.

³⁶ См.: Федорова Л.Н. Механизм юридических гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дис. ... к.ю.н. – Москва, 2007. – С. 14.

³⁷ См.: Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. – М., 1997. – С.152-153.

исходящих из природы человека, либо сформировавшихся в процессе общественного развития³⁸.

При этом конституционные права и свободы имеют прямое действие, а Основной закон адресует их и к общности людей, и к каждому конкретному субъекту. Данный факт подтверждает, что конституционные права носят личный, т.е. субъективный, характер. В данном качестве права человека определяются как «субъективные права, выражающие не потенциальные, а реальные возможности индивида, закрепленные в конституциях и законах»³⁹.

Одной из основных задач объективного (позитивного) права является установление субъектов (обладателей) права. В частности, Конституция Российской Федерации гласит, что каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией (ч. 2 ст. 6). Субъектом почти всех провозглашенных в гл. 2 Основного закона прав и свобод является каждый гражданин. При этом субъектами прав и свобод могут являться также иностранцы, лица без гражданства, т.е. отдельные частные лица (физические лица)⁴⁰.

Солидаризируясь с вышеуказанным, уточним свою позицию, в соответствии с которой категория субъективного права «отделена» от категории объективного (общего) права и означает принадлежность определенному праву (правомочию) нормативно установленному субъекту (человеку, гражданину), в связи с чем конституционно закрепленные права человека и гражданина можно определять через понятие субъективных прав.

Отметим, что включение комплекса прав во вторую главу Конституции Российской Федерации определяет их как основные, базовые права человека и гражданина⁴¹. Следовательно, положения о субъективности конституционных прав относимо к формулировке ч. 2 ст. 61 Основного закона российского государства.

Таким образом, соразмерность прав и обязанностей – один из важнейших признаков права, правовой справедливости. Антиправовой, этатистско-силовой характер носит превращение прав в обязанности. В результате обязанностям одной стороны соответствуют обязанности же другой стороны, а правами по отношению к ним наделяется государство⁴².

Далее в рамках данной части работы обратим внимание на ч. 2 ст. 1 Закона РФ от 19 февраля 1993 г. № 4530-1 «О вынужденных переселенцах». Вынужденным переселенцем может быть признан, как правило, гражданин Российской Федерации, покинувший место своего постоянного жительства на территории Российской Федерации либо, что встречается гораздо реже, на территории другого государства. Таким образом, с оговорками, предусмотренными законодательно, данную категорию граждан мы также будем включать как подпадающих по государственные гарантии защиты и покровительства.

Таким образом, исследование доктринальных и конституционно-отраслевых подходов позволило уточнить содержание защиты и покровительства Российской Федерации, своих граждан, находящихся за пределами ее территории. Таковое является:

- конституционно значимым принципом, организующим и упорядочивающим правоотношения заявленной сферы;
- обязанностью государства по отношению к гражданам;
- субъективным конституционным правом гражданина Российской Федерации пользоваться защитой и покровительством своего государства за границей;
- правом Российской Федерации по отношению к другим государствам осуществлять защиту и покровительство.

³⁸ Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. – Саратов, 1996. – С. 28.

³⁹ Цит. по: Федорова Л.Н. Механизм юридических гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дис. ... к.ю.н. – Москва, 2007. – С. 18.

⁴⁰ См.: Федорова Л.Н. Механизм юридических гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дис. ... к.ю.н. – Москва, 2007. – С. 19.

⁴¹ Чалых И.С. Конституционно-правовые гарантии субъективных экологических прав: Дис. ... канд. юрид. наук. – Белгород, 2010.

⁴² Луковская Д.И. Права человека и права гражданина. Правовой статус человека и гражданина // История государства и права. – 2007. – № 13.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.
2. Федеральный закон РФ от 15 декабря 1996 г. № 152-ФЗ «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан об урегулировании вопросов двойного гражданства» // Российская газета. – 1996, 18 декабря.
3. Федеральный закон РФ от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (ред. от 23.07.2010 г.) // Российская газета. – 1999, 1 июня; 2010, 27 июля.
4. Федеральный закон РФ от 25 ноября 1994 г. № 41-ФЗ «О ратификации Соглашения между Российской Федерацией и Туркменистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства» // Бюллетень международных договоров. – 1995. – № 3. – Ст. 64.
5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 марта 2001 г. № 46-о «По жалобе гражданина Быховского Семена Яковлевича на нарушение его конституционных прав положением пункта «а» статьи 1 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» // ВКС РФ. – 2001. – № 4.
6. Всеобщая декларация прав человека. Принята и провозглашена Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 г. // Международные акты о правах человека: Сб. документов. – М., 2000.
7. Протокол о прекращении действия Соглашения между Российской Федерацией и Туркменистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства (Подписан в г. Москве 10.04.2003 г.) // Документ опубликован не был; www.garant.ru
8. Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс. Т. 1. – М., 2006.
9. Бархатова Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). – М.: Проспект, 2010.
10. Беспалова М.А. Становление правозащитной функции российского государства в условиях современного конституционного строительства: Дис. ... канд. юрид. наук. – Белгород, 2010.
11. Богданова Н.А. Система науки конституционного права. – М.: Юрист, 2001.
12. Большой толковый словарь русского языка. – СПб, 1999.
13. Бочарова С.Н. Конституционная обязанность Российского государства охранять права и свободы граждан: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999.
14. В Прибалтике русским уютнее, чем в СНГ. Интервью Э. Митрофановой // Приложение к «Независимой газете» «НГ-Дипкурьер». – 2005, 24 октября.
15. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М: Норма, 2008.
16. Витрук Н.В. Процессуальные формы реализации и охраны прав и обязанностей граждан // Юридическая процессуальная форма: теория и практика / Под общ. ред. П.Е. Недбайло и В.М. Горшенева. – М., 1976.
17. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. – М., 1997.
18. Голованов В.Н. Законы в системе научного познания. – М., 1970.
19. Гулиев В.Е., Рудинский Ф.М. Социалистическая демократия и личные права. – М., 1984.
20. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. – М., 1999.
21. Зак С.Е. Принципы и основные законы материалистической диалектики. – М., 1974.
22. Земскова А.И. К вопросу о сущности правозащитной функции государства // Общество и право. – 2009. – № 3.
23. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. – М.: Юрист, 2004.
24. Колосов В. Человек должен иметь право защитить себя // Российская Федерация. – 1994. – № 18.
25. Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий (постатейный) / под ред. Ю.А. Дмитриева. – М.: Юстицинформ, 2007.
26. Конституция РФ: Комментарий Конституционного Суда РФ, официальный текст, принятие и вступление в силу поправок к Конституции РФ. – М., 2000.
27. Ледах И.А., Воробьев О.В., Колесова Н.С. Механизм защиты прав и свобод граждан // Права человека: проблемы и перспективы. – М., 1990; Толкачев К.Б., Хабибулин А.Г. Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод граждан. – Уфа, 1991.
28. Леонова Н.В., Пелишенко А.А. Комментарий к Федеральному закону от 31.05.2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (постатейный) // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2008.

29. Луковская Д.И. Права человека и права гражданина. Правовой статус человека и гражданина // История государства и права. – 2007. – № 13.
30. Матузов Н.И. Право и личность // Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 1997.
31. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / Под ред. Н.И. Матузова. – Саратов, 1996.
32. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. – Саратов, 1996.
33. Патюлин В.А. Государство и личность в СССР (правовые аспекты взаимоотношений). – М., 1974. –
34. Радько Т.Н. Основные функции социалистического права. – Волгоград, 1970.
35. Российская юридическая энциклопедия. – М., 1999.
36. Ростовщиков И.В. Обеспечение прав и свобод личности в СССР: вопросы теории. – Саратов, 1988.
37. Рудинский Ф.М. Личные права и свободы граждан СССР. – М., 1980.
38. Саидов А.Х. Общепризнанные права человека / Под ред. И.И. Лукашука. – М., 2004.
39. Сичивица О.М. Методы и формы научного познания. – М., 1972.
40. Снежко О.А. Защита прав граждан – основная обязанность Российского государства // Право и политика. – 2005. – № 10.
41. Стремоухов А.В. Правовая защита человека: теоретические проблемы. – СПб, 2001.
42. Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юристъ, 1997.
43. Федоров В.П. Человек и правоохранительная деятельность (философско-правовой аспект): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб, 1996.
44. Федорова Л.Н. Механизм юридических гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дис. ... к.ю.н. – Москва, 2007.
45. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – М., 1987.
46. Царенкова Е.Г., Батяев А.А. Комментарий к Федеральному закону от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс, 2006.
47. Чалых И.С. Конституционно-правовые гарантии субъективных экологических прав: Дис. ... канд. юрид. наук. – Белгород, 2010.
48. Шайкенов Н.А. Правовое обеспечение интересов личности. – Свердловск, 1990.
49. Юридическая энциклопедия. – М., 1998.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL PROTECTION AND PATRONAGE OF RUSSIAN CITIZENS LIVING ABROAD

M. MARKHEIM¹⁾
V. NOSKOV²⁾
A. VOLCHENKO³⁾

*Belgorod National
Research University*

¹⁾*e-mail: markheim@bsu.edu.ru*

²⁾*e-mail: noskov@bsu.edu.ru*

³⁾*e-mail: espy929@mail.ru*

This paper presents the author's view for the content of the constitutional and legal protection and protection of Russian citizens residing abroad. The attention is paid to population groups within the Russian citizens living abroad.

Key words: protection, protection of citizens of Russia, these who are abroad, help, responsibility, institution, subjective right.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПЕНСИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Н.Н. ОЛЕЙНИК¹⁾
В.К. ЛЕТУНОВСКИЙ²⁾

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

¹⁾*e-mail: Oleinik@bsu.edu.ru*

²⁾*e-mail: valentin.letunovsky31@yandex.ru*

В статье анализируются проблемы пенсионного обеспечения, которое составляет элемент прав и свобод человека и гражданина. Что актуально, ведь российское законодательство в этой сфере относится к наиболее проблемному с точки зрения правоприменительной практики.

Ключевые слова: право социального обеспечения, пенсионное обеспечение, пенсионная реформа, пенсионное законодательство.

Формирование России как демократического правового социального государства непосредственно связано с утверждением человека, его прав и свобод в качестве высшей ценности. Политика Российской Федерации как социального государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

На фоне российского конституционализма развитие социальной государственности проявляется в реформировании всех сфер жизни общества. И право на пенсионное обеспечение, которое составляет элемент прав и свобод человека и гражданина, одно из основных направлений развития любого демократического, правового государства¹.

Правовая основа социальной государственности должна определять гарантии ее реализации, которые закреплены в ст. 39 Конституции Российской Федерации² и развивают положения о социальной сущности государства: каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей; законом устанавливаются государственные пенсии и социальные пособия. Она должна следовать цели равномерного накопления и распределения всех благ граждан пропорционально их экономическому потенциалу, одновременно выступая условием социальной стабильности и прочности конституционного строя³.

В этом ключе следует отметить то, что наряду с другими социальными, политическими и экономическими правами право социального обеспечения занимает центральное место в системе прав человека. Но только когда общество станет по настоящему демократическим и социально зрелым можно создавать условия для реализации пенсионного обеспечения.

Пенсионное обеспечение – это «вид социальной защиты и социального обеспечения, особенностями которого, является регулярное предоставление со стороны общества и государства материальных средств из пенсионных фондов, в целях обеспечения жизнедеятельности граждан, ставших инвалидами или длительное время занимавшихся определенной профессиональной деятельностью, граждан, достигших пенсионного возраста, а так же нетрудоспособных граждан, потерявших кормильца»⁴.

Российское законодательство в этой сфере относится к наиболее проблемному с точки зрения правоприменительной практики. Это особенно стало заметно с момента реализации пенсионной реформы, осуществляемой на основании целого пакета федеральных законов и подзаконных актов, когда граждане стали в массовом порядке обра-

¹Кирилловых А.А. Развитие пенсионной реформы и проблемы ее правового обеспечения // Социальное и пенсионное право. 2011. № 1. – С. 21 – 26.

² Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. // Российская газета. 2009. 21 января.

³ См.: Калашников С.В. Становление социального государства в России. М., 2003. – С. 120.

⁴ Якушев Л.П. Современные проблемы развития системы социальной защиты и пенсионного обеспечения в России. – М., 2001. – С.54.

щаться в суды. Причем такие обращения имели место, как в суды общей юрисдикции, в Конституционный Суд РФ, а так же европейский суд по правам человека.

Несовершенство действующего пенсионного законодательства не может не вызывать тревогу, поскольку создает неопределенность правового положения огромного количества граждан, не позволяет сформировать единообразной правоприменительной практике, создает препятствия в реализации пенсионных прав граждан.

Председателем Конституционного Суда РФ Зорькиным В.Д. отмечается, что жалобы по социальным вопросам занимают по количеству одно из первых мест среди всех обращений граждан в Конституционный суд. Это свидетельствует об имеющихся концептуальных недостатках действующего пенсионного законодательства, в связи с этим перед конституционным судом ставится задача особого рода не только защищать основные социальные права граждан, но и способствовать выработке направления развития такого законодательства⁵.

Право граждан на пенсионное обеспечение должно выполнить свое предназначение обеспечить пенсионерам со стороны государства уровень жизни, признаваемый достойным. Это вытекает из международных актов, которые к числу элементарных прав и свобод относят такое неотъемлемое право каждого, как право на жизнь. Все же, это право должно гарантироваться соответствующим уровнем жизни. Особенно это относится к незащищенным категориям граждан: пенсионерам, инвалидам и детям для которых возможность заработать себе на жизнь порой сопряжена с непреодолимыми препятствиями. Несмотря на то, что все права человека взаимосвязаны, тем не менее между правом на жизнь, правом социального обеспечения и правом на достойный уровень жизни существует особая связь и взаимодействие⁶.

Для того чтобы граждане могли беспрепятственно реализовывать свои права, в государстве должна быть закреплена четкая система гарантий. Под гарантиями реализации прав человека следует понимать механизм обеспечения прав человека, специально созданный государством для более эффективного осуществления прав либо для устранения препятствий, возникающих при их реализации. Структурный состав социальной сферы показывает, что она призвана способствовать улучшению здоровья, повышению квалификации, совершенствованию способностей и тем самым улучшению своего положения в сфере производства и обществе в целом. Именно через социальную сферу можно обеспечить целенаправленное воздействие на процесс физического и духовного развития человека, а также гарантировать гражданам свои права на пенсию.

Пенсионные системы большинства государств с рыночной экономикой содержат ряд ключевых элементов, удельный вес которых предопределяет их экономическую и социальную направленность.

Международный опыт свидетельствует, что чем больше страна развита в экономическом отношении, тем активнее она занимается совершенствованием своей пенсионной системы.

Практически все развитые государства начиная с 1980 г. стали более активно предпринимать меры по приспособлению национальных пенсионных систем к различным моделям, включающим в себя разнообразные институты социальной защиты (государственное социальное обеспечение, обязательное социальное страхование, личное пенсионное страхование и т.д.). Как правило, они строятся по "накопительной" или "распределительной" схемам⁷.

Изучение нынешнего обширного зарубежного опыта свидетельствует, что накопительные системы пенсионного обеспечения населения получают все большее распространение и являются эффективным инструментом, способствующим экономическому росту стран. Финансовые институты, построенные по накопительной схеме, гармонично сосуществуют с введенными ранее государственными распределительными пенсионными программами. Благодаря пенсионным реформам граждане уже многих стран сегодня

⁵ Гвоздева О.М. К вопросу о конституционно-правовом механизме обеспечения социально-экономических прав человека во внутригосударственной сфере // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 6. – С. 25 – 27.

⁶ Наймушина Л.П. Политико-правовые гарантии реализации прав человека в социальной сфере // Социальное и пенсионное право. 2009. № 3. – С. 14.

⁷ Сухорукова Е.В. Пенсионное обеспечение: российский и зарубежный инновационный опыт: Монография М.: ИТК «Дашков и К», 2011. – С.32-53.

получили возможность участия в формировании своих будущих пенсионных накоплений путем инвестирования их в различные финансовые институты.

Все больше сторонников приобретает концепции, в соответствии с которыми государственная поддержка должна осуществляться только в отношении базовых пенсий, выплачиваемых исходя из социальных прав граждан. Одновременно должны быть расширены масштабы частных пенсионных фондов и индивидуальных пенсионных планов.

Несмотря на общие проблемы, каждое государство на первый план ставит задачу выработки современной конституционной концепции социальной справедливости. Это требует переосмысления существующих подходов к оценке значимости социальных прав граждан, усиления позиции государства как основного субъекта, обязанного обеспечить каждому человеку право на достойную жизнь. Кроме того, даже с учетом организационного разнообразия, можно утверждать, что основой пенсионного обеспечения является его законодательно закрепленный характер.

Со слов заместителя министра здравоохранения и социального развития РФ «Принятие социально значимых решений должно происходить с учетом мнения наших граждан»⁸.

Действительно любое государство никогда не сможет снять с себя роль гаранта социальных прав своих граждан. Это происходит либо через поддержку пенсионной системы, или через социальные выплаты малообеспеченным пенсионерам. Социальные расходы государству приходится нести в любом случае.

Несмотря на это Пенсионный фонд России все больше превращается в бюджетную «черную дыру», а его собственный дефицит непрерывно растет. Если в 2011 году он составляет 875,9 млрд. руб., то в будущем году может удвоиться до 1,75 трлн., а в 2013 году перевалит и за этот показатель. При этом в бюджете -2012 заложено две индексации пенсий: с 1 февраля на 7%, и с 1 апреля на 2,4%. Чтобы аккумулировать необходимые средства, властям придется искать дополнительные источники. Простейший путь повысить налоги и закачать собранные деньги в пенсионную «кубышку». Но власти, похоже, пока опасаются переходить некую критическую черту, за которой наша экономика нашей страны уже попросту станет неэффективной, особенно учитывая возникшую перспективу «второй волны» глобального экономического кризиса. Таким образом, взять деньги, чтобы закрыть разрастающуюся пенсионную брешь, попросту будет негде⁹.

Другой вариант повышение пенсионного возраста. Но пока против этого выступает трудящиеся, профсоюзы и высшее руководство страны, поэтому приходится делать обходные маневры. Так, Министерство здравоохранения и социального развития РФ предлагает гражданам сначала как следует поработать, а потом получить достойную пенсию. Трудовой стаж предполагается увеличить до 20 лет для женщин и 25 лет для мужчин. А тем, кто не сможет осилить такой срок, давать только более чем скромную социальную пенсию. Кроме того, изменяется система выплаты страховых взносов по линии пенсионного и социального обеспечения. Обладатели больших годовых зарплат свыше 512 тыс. руб. станут платить 10% страхового взноса дополнительно. Но, как признал замминистра здравоохранения и социального развития РФ, это всего 160 млрд. руб., которые «не компенсируют выпадающих доходов, бюджет будет задействован в любом случае»¹⁰.

По мнению российских и зарубежных экспертов, самый печальный вариант придания пенсионной системе «самодостаточности» будет состоять в том, что будут реализованы все обсуждаемые варианты. То есть и налоги поднимутся, и пенсионный возраст повысится, и стаж увеличится, и страховые взносы снижены не будут. Вероятность того, что это будет сделано одновременно, мала, но как цепь последовательных событий такой сценарий возможен.

Новая пенсионная система весьма успешно приспособилась к современным экономическим реалиям и доказала свою эффективность. Сейчас граждане начинают заботиться о своей пенсии с самого начала трудовой деятельности.

Сегодняшняя пенсионная реформа, в отличие от советской распределительной пенсионной системы, которая полностью изжила себя, создала все условия для эффективного способа инвестирования. "Нет, мы не вернемся к советской пенсионной системе

⁸ www.minzdravsoc.ru/pensions/razvitie/0118

⁹ www.newizv.ru/economics/2011-11-22/154976-deficit-samodostatochnosti.html

¹⁰ www.newizv.ru/economics/2011-11-22/154976-deficit-samodostatochnosti.html

полномасштабно, утверждает председатель Союза пенсионеров России, член Совета Федерации Валерий Рязанский. – Мы за то, чтобы исключить все-таки по максимуму досрочные пенсии. Этого не должно быть в условиях рыночной экономики. Хотя то, что было положительного в советской пенсионной системе – это устойчивость, надежность, гарантированность, естественно, надо использовать, и в этом ничего плохого нет. Сегодня в Российской Федерации существует уверенность в том, что государство никогда не бросит пожилых граждан на произвол судьбы. Все эти вещи сейчас уже стабильны и ни у кого не вызывают сомнения"¹¹.

Пенсионное обеспечение важнейший национальный проект современной России. Его основной целью является обеспечение достойной пенсии у работающих ныне граждан, а также установление прямой зависимости между размером будущей пенсии и стажем, зарплатой работника, а также добровольными взносами в пользу его будущей пенсии, иначе говоря, его личным вкладом в пенсионную систему¹².

По нашему мнению, нужно самостоятельно формировать свою будущую пенсию за счет участия в программах государственного софинансирования пенсии, а также в программах дополнительного пенсионного обеспечения. Только эффективное использование всех имеющихся возможностей по формированию будущего пенсионного капитала позволит рассчитывать на достойное материальное благополучие при выходе на пенсию.

В завершении сказанного, необходимо отметить что безболезненных пенсионных реформ не бывает. Практически все страны, начинавшие процесс преобразования, сталкивались с недовольством населения, протестами профсоюзов и сложным переходным периодом от старой системы к новой. Но в итоге государства, которые провели удачные реформы, уже повышают пенсии своим гражданам. А те, кто не решился на радикальные шаги сейчас, будут вынуждены делать их позже, но с большими потерями.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Российская газета. 2009. 21 января.
2. Выговская И.Г. Пенсионное обеспечение как основа социальной политики в Российской Федерации // Социальное и пенсионное право.- 2009.- №1.
3. Гвоздева О.М. К вопросу о конституционно-правовом механизме обеспечения социально-экономических прав человека во внутригосударственной сфере // Конституционное и муниципальное право. 2011. N 6.
4. Кирилловых А.А. Развитие пенсионной реформы и проблемы ее правового обеспечения // Социальное и пенсионное право. 2011. N 1.
5. Калашников С.В. Становление социального государства в России. М., 2003.
6. Наймушина Л.П. Политико-правовые гарантии реализации прав человека в социальной сфере // Социальное и пенсионное право. 2009. N 3.
7. Сухорукова Е.В. Пенсионное обеспечение: российский и зарубежный инновационный опыт: Монография – М.: ИТК «Дашков и К», 2011.
8. Якушев Л.П. Современные проблемы развития системы социальной защиты и пенсионного обеспечения в России: Учебное пособие. – М., 2001.
9. www.minzdravsoc.ru/pensions/razvitie/o118
10. www.newizv.ru/economics/2011-11-22/154976-deficit-samodostatochnosti.html
11. www.inpf.com/media/reforms/798/

REALIZATION OF PENSIONARY RIGHTS OF CITIZENS IN TERMS OF SOCIAL STATE DEVELOPMENT

N.N. OLEINIK¹

V.K. LETUNOVSKY²

Belgorod National Research University

¹*e-mail: Oleinik@bsu.edu.ru*

²*e-mail: valentin.letunovsky31@yandex.ru*

This article analyzes the problem of pension provision, which is an element of the rights and freedoms of human and citizen. It is important, because the Russian legislation in this sphere is one of the most important problems from the perspective of law enforcement.

Key words: right to social security, pension, pension reform, pension legislation.

¹¹ www.inpf.com/media/reforms/798/

¹² Выговская И.Г. Пенсионное обеспечение как основа социальной политики в Российской Федерации // Социальное и пенсионное право", 2009. N 1.

УДК 342.5

СУД И ПРОКУРАТОРА КАК ВЕДУЩИЕ СУБЪЕКТЫ ПРАВООЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ¹

Е.Д. ПРОЦЕНКО¹
И.С. ЧАЛЫХ²

¹ *Московский университет МВД
Российской Федерации*

e-mail: Info@mosu-mvd.ru

² *Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: Chalyh@bsu.edu.ru

В статье рассмотрена специфика субъектного состава правозащитной деятельности, аргументировано выделение основных ее субъектов в сфере обеспечения экологических прав человека и гражданина, представлена содержательная характеристика результатов такой деятельности в современной России.

Ключевые слова: правозащитная деятельность, субъект, суд, прокуратура, экологические права личности, обеспечение, защита.

В отечественной юридической науке вопросы правозащиты до сих пор не потеряли своей актуальности. Подтверждает данный тезис наличие доктринальных разработок в данной сфере применительно к различным отраслям права, где одно из центральных мест занимает конституционное право. Учеными уделяется внимание разноаспектным категориям правозащиты, однако, как представляется, наибольшей устойчивостью и перспективностью в исследовании отличается правозащитная деятельность.

Так, раскрывая данное понятие, М.В. Мархгейм отмечает, что «под деятельностью обычно подразумевается работа, систематическое приложение своих сил в какой-либо области. Систематическая работа различных субъектов правозащитной структуры России (публичных (государственных и муниципальных органов) и непубличных (институтов гражданского общества)), направленная на защиту прав и свобод человека и гражданина, представляет собой правозащитную деятельность»². Солидаризируемся с автором, что такая деятельность должна ориентироваться на положительный правозащитный результат, осуществляться определенными средствами, характерными для ее конкретных субъектов, а в целом – предполагать сам процесс правозащиты. В данной связи содержание правозащитной деятельности предстает как «целесообразное положительное изменение ситуации с нарушениями прав человека и преобразование ее в интересах человека, общества и государства»³.

Учитывая вышеизложенное, логично предположить, что правозащитную деятельность следует рассматривать в непосредственной связи с субъектами ее осуществления, представленными двумя основными группами – публичными органами и собственно гражданами, права которых подвергнуты негативному воздействию. Особое место в данном ключе занимает правозащитная функция, в общем трактуемая как специальное направление деятельности того или иного публичного субъекта, имеющее правозащитный характер. Вышеизложенное составляет концептуальные основы настоящего в контексте обеспечения такой группы прав человека и гражданина, как субъективные экологические права (экологические права личности).

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 45 Конституции Российской Федерации⁴ государство гарантирует защиту прав и свобод человека и гражданина. Это подтверждает, что в рас-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания; регистрационный номер 6.2962.2011

² Мархгейм М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дисс. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2006. – С. 84.

³ См.: там же.

⁴ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации)

сма­три­вае­мом ас­пек­те ве­ду­щая роль при­над­ле­жит го­су­дар­ству, ко­то­рое, с од­ной сто­ро­ны, вы­сту­пает как субъ­ект, не­су­щий за­кре­плен­ные в Кон­сти­ту­ции обя­зан­но­сти, а с дру­гой – в рам­ках со­от­вет­ст­вую­щих пра­во­от­но­ше­ний «яв­ля­ет­ся управомоченной сто­ро­ной, имею­щей пра­во тре­бо­вать от всех ос­та­ль­ных субъ­ек­тов ис­пол­не­ния ими со­от­вет­ст­вую­щих обя­зан­но­стей»⁵. Сле­до­ва­тель­но, все го­су­дар­ст­вен­ные ор­га­ны в рам­ках сво­ей ком­пе­тен­ции обя­заны при­ни­мать ме­ры по обе­спечению со­блю­де­ния и осу­ществ­ле­ния прав и сво­бод⁶, в том чис­ле, эко­ло­гиче­ских. В дан­ной свя­зи в ка­че­стве ос­нов­ных субъ­ек­тов, га­ран­ти­рую­щих субъ­ек­тив­ные эко­ло­гиче­ские пра­ва, вы­сту­па­ют: Пре­зи­дент Рос­сий­ской Фе­де­ра­ции, Фе­де­раль­ное со­бра­ние Рос­сий­ской Фе­де­ра­ции, Пра­ви­тель­ство Рос­сий­ской Фе­де­ра­ции, су­деб­ные ор­га­ны, про­ку­ра­тура Рос­сий­ской Фе­де­ра­ции, Упол­но­мочен­ный по пра­вам че­ло­ве­ка, а так­же ор­га­ны го­су­дар­ст­вен­ной вла­сти субъ­ек­тов Рос­сий­ской Фе­де­ра­ции и мес­тно­го са­мо­уп­рав­ле­ния. При этом чет­ко обо­зна­чен­ная пра­во­за­щит­ная функ­ция прису­ща, как пред­став­ля­ет­ся, имен­но су­деб­ным ор­га­нам и ор­га­нам про­ку­ра­туры, что под­твер­жда­ет­ся ха­рак­те­ром их ос­нов­ной дея­тель­но­сти. как, а так­же спе­ци­а­ли­зи­ро­ван­ные об­щес­т­вен­ные ор­га­ни­за­ции. С ука­зан­ных по­зи­ций рас­смот­ре­ние пра­во­за­щит­ной дея­тель­но­сти в сфе­ре обе­спечения субъ­ек­тив­ных эко­ло­гиче­ских прав бу­дет осу­ществ­ля­ет­ся при­мени­тель­но к дан­ным ин­сти­ту­там.

Раз­ви­вая заяв­лен­ный под­ход, обратимся к рас­смот­ре­нию тако­го ви­да субъ­ек­тов пра­во­за­щит­ной дея­тель­но­сти, как су­деб­ные ор­га­ны. По на­ше­му мнени­ю, дей­ст­вую­щая в Рос­сий­ской Фе­де­ра­ции су­деб­ная система в це­лом от­ве­чает кон­сти­ту­ци­он­но за­кре­плен­ным тре­бо­ва­ни­ям. Так, ч. 1 ст. 46 Кон­сти­ту­ции Рос­сий­ской Фе­де­ра­ции гласит: «Каждому га­ран­ти­ру­ет­ся су­деб­ная за­щита его прав и сво­бод». Ука­зан­ная га­ран­тия усилена по­ло­же­нием о воз­мож­ности об­жа­ло­вания в су­деб­ном по­ря­дке ре­ше­ний и дей­ст­вий (без­дей­ствия) ор­га­нов го­су­дар­ст­вен­ной вла­сти, ор­га­нов мес­тно­го са­мо­уп­рав­ле­ния, об­щес­т­вен­ных объ­еди­не­ний и долж­ност­ных (ч. 2 ст. 46 Кон­сти­ту­ции Рос­сии). Сле­до­ва­тель­но, дея­тель­ность су­деб­ных ор­га­нов не огра­ни­чена вос­ста­нов­ле­нием не­по­сред­ст­вен­но на­ру­шен­ного субъ­ек­тив­ного эко­ло­гиче­ского пра­ва и носит раз­но­ст­орон­ний ха­рак­тер. При этом ос­нов­ной их функ­цией оста­ет­ся за­щита субъ­ек­тив­ных прав, в парал­лели с ко­то­рой осу­ществ­ля­ет­ся пре­вен­тив­ная функ­ция су­деб­ных ор­га­нов, функ­ция вос­ста­нов­ле­ния на­ру­шен­ных субъ­ек­тив­ных эко­ло­гиче­ских прав, вклю­чая воз­ме­ще­ние при­чи­нен­ного эко­ло­гиче­ским пра­во­на­ру­ше­нием вре­да (ущерба), функ­ция на­зна­чения на­ка­за­ния за со­вер­шен­ные эко­ло­гиче­ские пра­во­на­ру­ше­ния и т.д.

Как сви­де­тель­ствует ряд ав­то­ров, су­деб­ная прак­тика по де­лам об эко­ло­гиче­ских пра­во­на­ру­ше­ниях весь­ма об­ши­рна и де­мон­ст­ра­тив­на⁷. Одна­ко это не есть по­ка­за­тель ка­че­ст­вен­ного дей­ствия су­деб­ных га­ран­тий ука­зан­ных прав: и здесь име­ют место не­со­вер­шен­ства и про­бле­мные ас­пек­ты. Так, боль­шин­ство де­л об эко­ло­гиче­ских пра­во­на­ру­ше­ниях, рас­сма­три­ва­емых в су­дах об­щей юрис­дик­ции, воз­буж­дено по инициативе пра­во­о­хранительных ор­га­нов, ли­бо об­щес­т­вен­ных ор­га­ни­за­ций спе­ци­аль­но-эко­ло­гиче­ской ком­пе­тен­ции. Де­ла ука­зан­ной ка­те­го­рии, ини­ци­и­ро­ван­ные гра­жданами (физическими ли­цами) о на­ру­ше­нии субъ­ек­тив­ных эко­ло­гиче­ских прав, на­ходят­ся в зна­чи­тель­ном мень­шин­стве⁸. От­ме­чен­ный факт сви­де­тель­ствует, с од­ной сто­ро­ны, о том, что не­по­сред­ст­вен­ное ука­за­ние на на­ру­ше­ние субъ­ек­тив­ных эко­ло­гиче­ских прав, за­кре­плен­ных в ст. 42 Кон­сти­ту­ции Рос­сий­ской Фе­де­ра­ции, не все­гда рас­сма­три­ва­ет­ся пра­во­о­хранительными ор­га­нами (в­клю­чая су­деб­ные) как ос­но­ва­ние для воз­буж­дения де­ла, а с дру­гой сто­ро­ны – са­ми носители субъ­ек­тив­ных эко­ло­гиче­ских прав не вос­при­нима­ют их как ре­аль­но дей­-

Фе­де­ра­ции от 30 де­ка­бря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 де­ка­бря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Рос­сий­ская га­зе­та. – 1993, 25 де­ка­бря; 2009, 21 ян­ва­ря.

⁵ Назарова И.С. Эко­ло­гиче­ские пра­ва лич­но­сти: кон­сти­ту­ци­он­но-пра­вовое прелом­ле­ние // Кон­сти­ту­ци­он­ное и му­ни­ци­паль­ное пра­во. – 2007. – № 9.

⁶ См.: Югов А.А. Механизм ре­а­ли­за­ции кон­сти­ту­ци­он­ных (ос­нов­ных) прав, сво­бод и обя­зан­но­стей – клю­че­вой ком­по­нент под­лин­ного на­ро­до­вла­стия // Кон­сти­ту­ци­он­ное и му­ни­ци­паль­ное пра­во. – 2008. – № 7.

⁷ См., напр.: Ани­симо­в А.П. Пра­во че­ло­ве­ка и гра­жданина на благо­при­ят­ную ок­ру­жа­ю­щую сре­ду // Гра­жданин и пра­во. – 2009. – № 2.

⁸ См.: Ястребов А.Е. Актуальные про­бле­мы су­деб­ной за­щиты кон­сти­ту­ци­он­ных эко­ло­гиче­ских прав гра­ждан // Кон­сти­ту­ци­он­ное и му­ни­ци­паль­ное пра­во. – 2007. – № 12.

ствующие и не инициируют правозащитный процесс. В данной связи пути решения сложившейся ситуации могут развиваться по ряду направлений: повышение уровня экологического правосознания и культуры правообладателей; качественное изменение экологической квалификации должностных лиц, привлекающих к ответственности за совершение экологических правонарушений, а также непосредственно осуществляющих судебные функции; другие.

Иным проблемным аспектом в рамках судебной правозащитной деятельности выступает неоднозначность толкования соответствующими органами положений российской Конституции, экологического и иного законодательства, что приводит к противоречиям в судебных решениях⁹. Здесь следует особо отметить Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 14 «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения»¹⁰, в котором отражены базовые положения, влияющие на исследуемый вопрос. Однако, по нашему мнению, указанного документа недостаточно для качественного судебного гарантирования субъективных экологических прав и эффективной правозащитной деятельности в данной сфере.

Учитывая вышеизложенное, представляется возможным поддержать позицию ряда ученых и практиков, согласно которой позитивную роль в улучшении правозащитной практики в экологической сфере могли бы сыграть самостоятельные и дополнительные руководящие разъяснения высших судебных органов – Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации – относительно «применения ряда норм экологического, гражданского, уголовного и процессуального законодательства, изданные с целью адаптации существующих общих требований к доказыванию факта причинения или угрозы причинения вреда окружающей природной среде»¹¹. Помимо этого, имеет место мнение о необходимости совершенствования судебной защиты субъективных прав посредством обобщения Верховным Судом Российской Федерации судебной практики по отдельным категориям дел в сфере экологии и вынесения данных вопросов на обсуждение Пленума Верховного Суда Российской Федерации¹². Такой подход, как представляется, позволит в определенной степени снизить остроту правозащитных проблем в экологической сфере.

Заметим, что особое место в системе судебных гарантий субъективных экологических прав занимает Конституционный Суд Российской Федерации. В частности, согласно ч. 4 ст. 125 Конституции России, данная инстанция проверяет по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле, в порядке, установленном федеральным законом. Следовательно, решения Конституционного Суда характеризуются особым влиянием на применение федерального законодательства. При этом, как отмечает ряд авторов, Конституционный Суд России «вправе принимать решения не по собственной инициативе, а по обращениям определенных органов и лиц при соблюдении ряда условий. Поэтому мониторинг законодательства Конституционным Судом обусловлен инициативой правомочных субъектов обращения и ограничен предметом рассмотренных им дел»¹³.

В аспекте приведения действующего законодательства, в том числе, экологического, в соответствие с положениями основного закона государства Конституционный Суд наделен полномочием по формулированию в своих решениях общеобязательных право-

⁹ См., напр.: Емельянов В.Ю. Конституционные правовые гарантии права граждан на возмещение ущерба, причиненного вследствие радиационных аварий и катастроф // Экологическое право. – 2008. – № 2.

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 14 «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения» (с посл. изм. от 6 февраля 2007 г.) // Российская газета. – 1998, 24 ноября; www.garant.ru

¹¹ См.: Васильева М.И. Концептуальные вопросы совершенствования экологической политики и законодательства об охране окружающей среды // Экологическое право. – 2007. – № 2.

¹² См.: Емельянов В.Ю. Конституционные правовые гарантии права граждан на возмещение ущерба, причиненного вследствие радиационных аварий и катастроф // Экологическое право. – 2008. – № 2.

¹³ Там же.

вых позиций¹⁴. Дополним, что общеобязательны на территории российского государства как решения, так и включенные в них правовые позиции Конституционного Суда. В частности, законодатель не может принять закон без учета таких позиций. К примеру, Конституционный Суд в своих решениях нередко обязывал законодателя к принятию соответствующего закона, о чем в должной форме уведомляется Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Однако, как показывает практика, данное правило не всегда соблюдается в реальности. Уточним, что Конституционный Суд России обладает полномочием формирования правовой позиции относительно любого вопроса, им рассматриваемого. При этом, основываясь на принципе разделения властей, в его решениях не раз подчеркивалось о недопустимости подмены Конституционным Судом законодателя, либо иных судебных органов¹⁵. В частности, при возникновении коллизий правовых норм в процессе правового регулирования и защиты конституционных прав человека и гражданина бремя по их устранению ложится на законодательные и исполнительные органы власти.

Следует отметить, что практика реализации решений Конституционного Суда весьма противоречива. Как правило, большинство таких решений своевременно исполняются. Однако имеют место и противоположные факты. В качестве примера обратим внимание на проблему обеспечения права на возмещение вреда (здоровью) лицам, пострадавшим вследствие аварии на Чернобыльской АЭС и иных техногенных катастроф. Как отмечает А.Е. Ястребов, по данным независимых экспертов в настоящее время на территориях, подвергшейся радиационному загрязнению, проживает около 20 млн человек¹⁶. При этом, как указано в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 1 декабря 1997 г. № 18-П, в результате аварии на Чернобыльской АЭС основные конституционные права и интересы граждан (в том числе, экологические) были ущемлены столь значительно, что причиненный вред оказался реально невозполнимым. При этом обязанность по его возмещению была возложена непосредственно на государство¹⁷. Однако длительный период государство не выполняло взятых на себя обязательств, предусмотренных Законом Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»¹⁸, что повлекло предъявление ряда судебных исков к соответствующим органам исполнительной власти и местного самоуправления. Дополним, что в настоящее время государственная задолженность перед лицами, пострадавшими в результате аварии на Чернобыльской АЭС, до сих пор не погашена, о чем свидетельствуют периодические выступления и акции протеста со стороны пострадавших.

В целом следует отметить значимость и тенденционную позитивность судебной защиты субъективных экологических прав: действующая в Российской Федерации судебная система в большей степени отвечает предъявляемым (как на государственном, так и на международном уровне) требованиям. При этом, как представляется, имеет место необходимость совершенствования механизма гарантирования, особенно – субъективных экологических прав, и усиления правозащитной функции применительно к проблемным аспектам организации и деятельности судебной ветви власти в современной России.

¹⁴ См., напр.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 1996 г. по делу о проверке конституционности статей 1 и 21 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобами граждан В.М. Гурджиянца, В.Н. Синцова, В.Н. Бугрова и А.К. Никитина // СЗ РФ. – 1996. – № 15. – Ст. 1768.

¹⁵ См.: Основные направления деятельности Конституционного Суда Российской Федерации по обеспечению реализации прав и свобод человека и гражданина в 2007 году // Журнал конституционного правосудия. – 2008. – № 2.

¹⁶ См.: Ястребов А.Е. Актуальные проблемы судебной защиты конституционных экологических прав граждан // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 12.

¹⁷ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 декабря 1997 г. № 18-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 1 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» // СЗ РФ. – 1997. – № 50. – Ст. 5711.

¹⁸ Закон Российской Федерации от 15 мая 1991 г. № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (с посл. изм. от 30 ноября 2011 г.) // ВСНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 21. – Ст. 699; www.garant.ru

Согласно вышеизложенной позиции, значимое место в правозащитной сфере занимают органы прокуратуры. Как отмечает П.А. Калиниченко, само признание субъективных экологических прав требует от государства не только разработки механизма их гарантирования, но и создания правового инструментария реализации, к которому следует относить и особые правовые институты¹⁹. В качестве таковых следует рассматривать и органы прокуратуры. Поясним, что одной из основных функций прокуратуры нами признается правозащитная функция, весьма неоднозначно рассматриваемая в научной среде. Так, ряд авторов в качестве указанного направления деятельности рассматривают аспекты совершенствования механизма природоохранной деятельности, включая превенцию экологических правонарушений, организации взаимодействия с иными государственными органами и общественными организациями²⁰ и т.д. Другие соглашаются с такой позицией частично и настаивают на большей самостоятельности органов прокуратуры в контексте принципа разделения властей и их баланса в государстве, невмешательства в компетенцию иных государственных органов, смещения акцента с организации взаимодействия между ними на его координацию, в частности, взаимодействия не со всеми государственными органами, а именно с правоохранительными, усиления не превентивных направлений деятельности, а надзорных²¹ и пр.

Усиливает эколого-правозащитную направленность в деятельности органов прокуратуры выделение в их структуре таких специализированных органов, как природоохранные прокуратуры. Следует отметить, что включение в наименование данных органов категории «природоохранная», по нашему мнению, отнюдь не указывает на исключительно охранительное направление их деятельности. Ими осуществляются полномочия по надзору за исполнением экологического законодательства, предупреждению, выявлению и пресечению экологических правонарушений, привлечению виновных лиц к ответственности, что более характерно для функции защиты. Так, В.Н. Бутылин, рассматривая надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, исполнением законов как одну из основных функций прокуратуры, раскрывает его содержание через процедуры рассмотрения и проверки жалоб о нарушении указанных прав и свобод, принятие мер по пресечению и предупреждению экологических правонарушений, привлечение к ответственности за их совершение, возмещение причиненного такими правонарушениями ущерба²².

Отмеченные позиции, как представляется, подтверждают точку зрения о реализации органами прокуратуры, в том числе, специализированными, правозащитной функции. Следовательно, в рамках заявленной проблемы деятельность прокуратуры можно рассматривать как правозащитную, направленную, в том числе, на обеспечение субъективных экологических прав.

Список литературы

1. Мархгейм М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дисс. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2006.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.
3. Назарова И.С. Экологические права личности: конституционно-правовое преломление // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 9.

¹⁹ См.: Калиниченко П.А. Защита экологических прав в законодательстве Европейского сообщества // Экологическое право. – 2003. – № 2. – С. 55.

²⁰ См.: Винокуров Ю.Е., Сугробов А.С. Деятельность прокуратуры в сфере охраны окружающей среды. – М.: Знание, 1992. – С. 7.

²¹ См., напр.: Осипов Г.И. Деятельность органов прокуратуры по реализации экологического права // Правовые проблемы охраны окружающей среды / Под ред. Э.Н. Жевлакова. – М.: Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1998. – С. 174; Воробьев С.Д. Охрана природных ресурсов как принцип конституционного строя России // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 2.

²² См.: Бутылин В.Н. Институт государственно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан // Право и власть. – 2002. – № 2.

4. Югов А.А. Механизм реализации конституционных (основных) прав, свобод и обязанностей – ключевой компонент подлинного народовластия // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 7.
5. Анисимов А.П. Право человека и гражданина на благоприятную окружающую среду // Гражданин и право. – 2009. – № 2.
6. Ястребов А.Е. Актуальные проблемы судебной защиты конституционных экологических прав граждан // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 12.
7. Емельянов В.Ю. Конституционные правовые гарантии права граждан на возмещение ущерба, причиненного вследствие радиационных аварий и катастроф // Экологическое право. – 2008. – № 2.
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 14 «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения» (с посл. изм. от 6 февраля 2007 г.) // Российская газета. – 1998, 24 ноября; www.garant.ru
9. Васильева М.И. Концептуальные вопросы совершенствования экологической политики и законодательства об охране окружающей среды // Экологическое право. – 2007. – № 2.
10. Емельянов В.Ю. Конституционные правовые гарантии права граждан на возмещение ущерба, причиненного вследствие радиационных аварий и катастроф // Экологическое право. – 2008. – № 2.
11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 1996 г. по делу о проверке конституционности статей 1 и 21 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобами граждан В.М. Гурджиянца, В.Н. Синцова, В.Н. Бутрова и А.К. Никитина // СЗ РФ. – 1996. – № 15. – Ст. 1768.
12. Основные направления деятельности Конституционного Суда Российской Федерации по обеспечению реализации прав и свобод человека и гражданина в 2007 году // Журнал конституционного правосудия. – 2008. – № 2.
13. Ястребов А.Е. Актуальные проблемы судебной защиты конституционных экологических прав граждан // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 12.
14. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 декабря 1997 г. № 18-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 1 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» // СЗ РФ. – 1997. – № 50. – Ст. 5711.
15. Закон Российской Федерации от 15 мая 1991 г. № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (с посл. изм. от 30 ноября 2011 г.) // ВСНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 21. – Ст. 699; www.garant.ru
16. Калинин П.А. Защита экологических прав в законодательстве Европейского сообщества // Экологическое право. – 2003. – № 2.
17. Винокуров Ю.Е., Сугробов А.С. Деятельность прокуратуры в сфере охраны окружающей среды. – М.: Знание, 1992.
18. Осипов Г.И. Деятельность органов прокуратуры по реализации экологического права // Правовые проблемы охраны окружающей среды / Под ред. Э.Н. Жевлакова. – М.: Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1998. – С. 174; Воробьев С.Д. Охрана природных ресурсов как принцип конституционного строя России // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 2.
19. Бутылин В.Н. Институт государственно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан // Право и власть. – 2002. – № 2.

THE COURT AND THE PROCURATOR AS THE LEADING ACTORS OF HUMAN RIGHTS ACTIVITIES IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL RIGHTS OF THE INDIVIDUAL

E.D. PROTSENKO¹⁾
I.S. CHALYKH²⁾

¹⁾ *Moscow University Russian Federation
Ministry of Internal Affairs*

e-mail: Info@mosu-mvd.ru

²⁾ *Belgorod National Research University*

e-mail: Chalykh@bsu.edu.ru

The article deals with the specifics of subject-ended human rights activities, argued the selection of its main actors in the field of environmental human rights and citizen, will be visible substantial characteristic of the results of such activities in Russia.

Key words: advocacy, subject of the court, prosecution, environmental law, personal STI, provision and protection.

УДК 342

РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЗАЩИТЕ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПО НАЛОГООБЛОЖЕНИЮ ЗЕМЛИ

В.Н. САМСОНОВ¹
А.А. АЛЕКСЕЕВА²

*¹Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: V.Samsonov@bsu.edu.ru

*²Комитет имущественных
и земельных отношений
Администрации города Белгорода*

e-mail: beladmizio@mail.ru

В статье раскрывается роль Конституционного Суда Российской Федерации, выраженная в его правовых позициях, в обеспечении правотворческих и правоприменительных полномочий органов местного самоуправления в сфере налогообложения земли.

Ключевые слова: Конституционный Суд, решение, правовая позиция, местное самоуправление, полномочие, налогообложение земли.

Современный этап муниципального строительства в России убедительно демонстрирует возрастание влияния на него наряду с нормативно-правовым регулированием и соответствующей судебной практики. В этой связи не являются исключением и полномочия местных органов в сфере налогообложения земли, что выступает прямым следствием реализации конституционно значимых гарантий в отношении местного самоуправления в целом.

Согласно ст. 133 Конституции России местное самоуправление в Российской Федерации гарантируется правом на судебную защиту. В свою очередь ст. 11 Европейской хартии местного самоуправления предусматривает, что органы местного самоуправления должны иметь право на судебную защиту для обеспечения свободного осуществления ими своих полномочий и соблюдения закрепленных конституцией или внутренним законодательством страны принципов местного самоуправления.

Анализируя указанные нормы, следует отметить, что они различаются по объему и содержанию: в конституционном положении отсутствует указание на субъект судебной защиты, речь идет о местном самоуправлении в целом; в Хартии называются только органы местного самоуправления. Кроме того, второй документ устанавливает, что объектом судебной защиты прав органов местного самоуправления являются полномочия органов местного самоуправления и принципы местного самоуправления, установленные конституцией и законодательством¹.

Уточним, что объект судебного гарантирования – местное самоуправление – рассматривается в конституционных нормах в широком смысле, что предполагает обеспечение функционирования всех составляющих данного института. При этом «универсальный характер приведенной нормы свидетельствует и о том, что она не вводит каких-либо особенностей защиты нарушенного права. Ее реализация обеспечивается авторитетом судебной власти, всей совокупностью судов и обеспечивающих их деятельность учреждений»². Между тем, указанный подход позволяет сделать вывод, что конкретные полномочия органов местного самоуправления (в частности, в сфере налогообложения земли), в числе прочего, являются объектом гарантирования со стороны судебной власти.

Как отмечает В.М. Жуйков, российское законодательство предусматривает раз-

¹ См.: Дементьев А.Н. Аналитическая записка «О некоторых проблемах законодательного регулирования судебной защиты прав местного самоуправления» // Материалы парламентских слушаний «Проблемы законодательного регулирования судебной защиты прав местного самоуправления». – М., 2006.

² Шугрина Е.С. Судебная защита местного самоуправления. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – С. 9.

личные способы судебной защиты, из которых наиболее значимыми и эффективными в сфере местного самоуправления являются:

– оспаривание гражданами решений и действий различных органов государственной власти и должностных лиц, нарушающих их право на осуществление местного самоуправления;

– оспаривание органами местного самоуправления решений и действий органов законодательной (представительной) и исполнительной государственной власти субъектов Российской Федерации и федеральных органов государственной власти;

– разрешение споров о компетенции органов местного самоуправления между собой, а также между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов Российской Федерации³.

Уточним, что в аспекте рассмотрения полномочий органов местного самоуправления в сфере налогообложения земли наиболее перспективными видятся второе и третье направления судебного гарантирования, однако и первое имеет определенное значение в контексте данной проблемы – как форма обеспечения надлежащего исполнения указанных полномочий. С заявленных позиций обеспечение права на осуществление местного самоуправления в судебном порядке приобретает двоякое значение: с одной стороны, это конституционное право граждан, с другой, – гарантия местного самоуправления, так как именно она превращает правовые возможности в реальные социальные блага⁴.

При этом, как отмечает Е.С. Шугрина, в первую очередь следует учитывать решения Конституционного Суда Российской Федерации, в которых указывается, что право на судебную защиту выступает как гарантия в отношении всех других конституционных прав и свобод, а закрепляющая данное право ст. 46 Конституции России находится в неразрывном системном единстве с ее ст. 21, согласно которой государство обязано охранять достоинство личности во всех сферах, чем утверждается приоритет личности и ее прав (ч. 2 ст. 17 и ст. 18 Конституции Российской Федерации)⁵. То есть, вне зависимости от субъекта и объекта судебного гарантирования в конкретных правоотношениях, всегда сохраняется приоритет личности. Следовательно, обеспечение полномочий органов местного самоуправления по налогообложению земли в судебном порядке имеет как общее (в отношении местного самоуправления, его органов, муниципального образования и т.д.), так и персонифицированное (применительно к конкретному члену местного сообщества) значение, вне зависимости от предмета разбирательства.

Подчеркнем, что в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131 – ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» отсутствует самостоятельная статья, посвященная судебному обеспечению полномочий органов местного самоуправления. Однако анализ положений данного акта позволяет говорить о значимости судебной власти для целей организации и осуществления местного самоуправления: ряд законодательно установленных процедур в данной сфере может быть реализован только при наличии судебного решения, а в отдельных случаях – при обращении в суд.

При этом помимо общих норм о судебной защите, «федеральным законодательством предусматриваются судебные гарантии отдельных процедур, при осуществлении которых имеется наибольшая вероятность нарушения конституционного права на осуществление местного самоуправления»⁶. В данной связи учеными выделяются различные группы указанных процедур⁷. По нашему мнению, наиболее применимыми к области налогообложения земли выступают следующие:

³ См.: Защита прав местного самоуправления судами общей юрисдикции / Под ред. В.М. Жуйкова. Т. 2. – М., 2003. – С. 5-6.

⁴ См.: Усманова Р.М. Население как субъект местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 5. – С. 30-35.

⁵ См.: Шугрина Е.С. Судебная защита местного самоуправления. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – С. 10.

⁶ Муниципальное право России / Отв. ред. Г.Н. Чеботарев. – М., 2006. – С. 188.

⁷ См., напр.: Забарчук Е.Л. Информационно-аналитические материалы Министерства юстиции Российской Федерации к парламентским слушаниям на тему «Проблемы законодательного регулирования судебной защиты прав местного самоуправления». – М., 2006; Муниципальное право / Под ред. Н.М. Кониной. – М., 2006. – С. 235, 236.

– признание несоответствий федеральных и региональных нормативных правовых актов по вопросам организации местного самоуправления и (или) установления прав, обязанностей и ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам, федеральным законам, договорам о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъекта Российской Федерации (ст. 7);

– признание несоответствий федеральных и региональных нормативных правовых актов, предусматривающих наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, требованиям, предусмотренным указанным законом (ст. 19), что является основанием для отказа от исполнения указанных полномочий (ст. 20); оспаривание письменных предписаний государственных органов по устранению нарушений законов при исполнении отдельных государственных полномочий (ст. 21);

– обжалование решений и иных нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации, принятых в отношении органов и должностных лиц муниципального образования (ст. 21, 72-74);

– признание оснований для отмены или приостановления муниципальных правовых актов, регулирующих полномочия органов местного самоуправления (кроме государственных полномочий) (ст. 48);

– обжалование решений, принятых путем прямого волеизъявления граждан, решений и действий (бездействия) органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления (ст. 78).

Уточним, что судебная защита права на местное самоуправление может осуществляться, согласно ст.ст. 118, 125-127 Конституции Российской Федерации, органами конституционного правосудия (Конституционным Судом Российской Федерации, конституционными (уставными) судами субъектов Российской Федерации), судами общей юрисдикции (Верховным Судом Российской Федерации и другими судами, входящими в систему общих судов) и арбитражными судами (Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации и другими арбитражными судами). Практика показывает, что вопросы, связанные с осуществлением полномочий органов местного самоуправления в сфере налогообложения земли, выступают предметом рассмотрения со стороны всех указанных судебных органов. Следовательно, анализ результатов обеспечения указанных полномочий со стороны судебной власти может быть произведен только с учетом рассмотрения категорий дел, компетенционно относимых к различным видам судов.

Исходя из того, что институт конституционного правосудия занимает особое место в системе гарантий осуществления местного самоуправления, остановимся на нем более подробно.

Решения, принимаемые судебными органами конституционного контроля, как правило, имеют правовую природу, соотносимую со статусом нормативного акта. В частности, решения Конституционного Суда Российской Федерации, в результате принятия которых неконституционные нормативные акты утрачивают юридическую силу, имеют такую же сферу действия во времени, в пространстве и по кругу лиц, как и нормативные акты, что не присуще правоприменительным по своей природе актам судов общей юрисдикции и арбитражных судов⁸.

Обращаясь к исследуемой проблеме, отметим, что фактически именно Конституционным Судом Российской Федерации определено должное понимание местного самоуправления, объема его прав и гарантий в конституционном смысле⁹. При этом значение решений данного судебного органа таково, что каждое из них может повлечь абсолютно конкретные, прикладные последствия как для местного самоуправления в целом, так и применительно к отдельным группам полномочий муниципальных органов, в частности¹⁰.

⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» // Российская газета. – 1998, 30 июня.

⁹ См.: Шугрина Е.С. Судебная защита местного самоуправления. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – С. 40-41.

¹⁰ См.: Сивицкий В.А. Проблема защиты Конституционным Судом РФ самостоятельности местного самоуправления при осуществлении полномочий: новая правовая позиция // Вестник Центра правовой поддержки местного самоуправления. – М., 2006. – С. 170-176.

В качестве общего примера рассмотрим позицию Конституционного Суда Российской Федерации об установлении содержания полномочий органов местного самоуправления по вопросам местных налогов и сборов (в том числе, земельного налога как одного из основных в указанной группе). Так, по мнению указанного судебного органа, применительно к органам местного самоуправления понятие «установление налогов и сборов» имеет иной юридический смысл¹¹. При этом определение смысла понятия «установление налогов и сборов» возможно только с учетом основных прав человека и гражданина, закрепленных в ст.ст. 34 и 35 Конституции России, а также конституционного принципа единства экономического пространства, что распространяется и на полномочия органов местного самоуправления по установлению налогов и сборов. Следовательно, органы местного самоуправления не вправе устанавливать дополнительные налоги и сборы, не предусмотренные федеральным законодательством. Иное понимание смысла содержащегося в ч. 1 ст. 132 Конституции Российской Федерации понятия «установление местных налогов и сборов» противоречило бы ее действительному содержанию. То есть, представительные органы муниципальных образований вправе самостоятельно решать лишь вопрос о введении или не введении тех местных налогов, которые прямо закреплены в Налоговом кодексе Российской Федерации¹². Данной позиции Конституционного Суда России полностью соответствуют вывод об ограничительном подходе федерального законодателя к установлению конкретного содержания соответствующих полномочий органов местного самоуправления.

В свою очередь более конкретным по содержанию и последствиям применения в рассматриваемой сфере выступает Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 мая 2004 г. № 209-О¹³. Согласно п. 3 данного документа дифференциацию ставок земельного налога в городе в зависимости от местоположения земельных участков и зон различной градостроительной ценности, как и определение границ этих зон, орган местного самоуправления обязан осуществлять не произвольно, а в соответствии с экономической оценкой территории и генеральным планом города – основываясь на анализе и оценке экономических, природных и иных факторов, влияющих, в том числе, на уровень доходности земельного участка в конкретной зоне, без чего сам смысл дифференциации средней ставки земельного налога по местоположению и зонам территории города искажается. Судебные органы при рассмотрении споров по поводу сумм земельного налога, подлежащих уплате пользователями земельных участков в городе, не ограничиваясь установлением лишь факта принятия органом местного самоуправления нормативного акта, которым установлены коэффициенты дифференциации ставки налога по местоположению и зонам различной градостроительной ценности территории, и проверкой правильности расчета сумм налога в соответствии с этим актом, должны, не вмешиваясь в сферу нормотворческих полномочий муниципальных образований, выявлять, проводились ли при его принятии помимо оценки местоположения и градостроительной ценности тех или иных участков земли анализ и оценка экономических факторов, влияющих на уровень их доходности. Фактически здесь необходимо установить, осуществлялось ли экономическое обоснование дифференциации ставки земельного налога на основе многофакторного анализа оценочных характеристик земельных участков.

Эти и некоторые другие примеры позволяют уяснить особую юридическую силу итоговых решений Конституционного Суда Российской Федерации и его роль в судебной системе России.

¹¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 марта 1997 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 2 статьи 18 и статьи 20 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» // Российская газета. – 1997, 1 апреля.

¹² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 1998 г. № 22-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запросов Ленинского районного суда города Оренбурга и Центрального районного суда города Кемерово о проверке конституционности статьи 21 Закона Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1998. – № 3.

¹³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 мая 2004 г. № 209-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Вита Холдинг» на нарушение конституционных прав и свобод частями первой и второй статьи 8 Закона Российской Федерации «О плате за землю» // <http://www.legis.ru>

В этой связи полагаем, что в целях недопущения компетенционных злоупотреблений и возможных противоречий действующему законодательству со стороны высших судебных органов необходимо сформировать действенную правовую позицию, юридически обладающую общеобязательным характером, в рамках которой будут четко установлены пределы компетенции в сфере налогообложения земли со стороны арбитражных судов и судов общей юрисдикции, а также возможности субсидиарного правового регулирования данной области правоотношений со стороны высших судебных инстанций.

При этом подчеркнем, что в отечественной правовой системе единственным органом, уполномоченным сформировать подобную правовую позицию, является Конституционный Суд Российской Федерации.

Список литературы

1. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 мая 2004 г. № 209-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Вита Холдинг» на нарушение конституционных прав и свобод частями первой и второй статьи 8 Закона Российской Федерации «О плате за землю» // <http://www.legis.ru>
2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 1998 г. № 22-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запросов Ленинского районного суда города Оренбурга и Центрального районного суда города Кемерово о проверке конституционности статьи 21 Закона Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1998. – № 3.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» // Российская газета. – 1998, 30 июня.
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 марта 1997 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 2 статьи 18 и статьи 20 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» // Российская газета. – 1997, 1 апреля.
5. Дементьев А.Н. Аналитическая записка «О некоторых проблемах законодательного регулирования судебной защиты прав местного самоуправления» // Материалы парламентских слушаний «Проблемы законодательного регулирования судебной защиты прав местного самоуправления». – М., 2006.
6. Забарчук Е.Л. Информационно-аналитические материалы Министерства юстиции Российской Федерации к парламентским слушаниям на тему «Проблемы законодательного регулирования судебной защиты прав местного самоуправления». – М., 2006.
7. Защита прав местного самоуправления судами общей юрисдикции / Под ред. В.М. Жуйкова. Т. 2. – М., 2003.
8. Муниципальное право России / Отв. ред. Г.Н. Чеботарев. – М., 2006.
9. Муниципальное право / Под ред. Н.М. Кониная. – М., 2006.
10. Сивицкий В.А. Проблема защиты Конституционным Судом РФ самостоятельности местного самоуправления при осуществлении полномочий: новая правовая позиция // Вестник Центра правовой поддержки местного самоуправления. – М., 2006.
11. Усманова Р.М. Население как субъект местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 5.
12. Шугрина Е.С. Судебная защита местного самоуправления. – М.: Норма: Инфра-М, 2010.

ROLE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN PROTECTION OF POWERS OF LOCAL GOVERNMENTS ON THE EARTH TAXATION

V. SAMSONOV¹⁾
A. ALEKSEVA²⁾

¹⁾*Belgorod National Research University*
e-mail: V.Samsonov@bsu.edu.ru

²⁾*Committee of the property and ground relations of the City administration of Belgorod*
e-mail: beladmkizo@mail.ru

The article observes the role of the Constitutional Court of the Russian Federation, expressed in its legal positions, in ensuring right creative and law-enforcement powers of local governments in the sphere of the taxation of the earth reveals.

Key words: Constitutional Court, decision, legal position, local government, power, earth taxation.

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ НОРМ¹

Е.Е. ТОНКОВ
В.И. КОВАЛЕНКО
Л.А. ПОЖАРОВА

*Белгородский государственный
национальный исследовательский университет*

e-mail:
etonkov@bsu.edu.ru

По мнению авторов статьи, правоприменение традиционно занимающее самостоятельное место в ряду юридических форм государственной деятельности, целесообразно рассматривать как универсальный способ реализации права. Правоприменительную деятельность непосредственно осуществляют органы власти, которые в пределах своей компетенции обеспечивают властную реализацию юридических норм.

Ключевые слова правоприменение, юридические формы, власть, государство, реализация, норма права.

В теории права и государства, как и в отраслевых юридических науках, на всех этапах развития отечественного правоведения проблеме правоприменения уделяется постоянное внимание. При этом в литературе неизменно возникает вопрос о том, к какой из юридических форм государственной деятельности относится правоприменение, или же оно является самостоятельной юридической формой.

Общепризнано, что система законодательства является внешним выражением системы права, в связи с чем указанные категории не совпадают и не могут совпадать полностью. Достигнуто и понимание того, что нормы права (управомочивающие, обязывающие и запрещающие) имеют специфические формы реализации – использование, исполнение и соблюдение. Однако применение правовых норм не связывается с реализацией какого-то одного вида норм и не совпадает с ними. Применение права имеет специфическое содержание и адресовано тем субъектам права, которые используют свои права или исполняют обязанности.

На наш взгляд, правоприменение, традиционно занимающее самостоятельное место в ряду юридических форм государственной деятельности, целесообразно рассматривать как универсальный способ применения права в рамках юридических форм государственной деятельности. Правоприменительную деятельность непосредственно осуществляют органы власти, которые в пределах своей компетенции обеспечивают властную реализацию норм права.

Некоторыми учеными теория правоприменения представляется как определенная фаза в общих циклах правового развития. Действие закона и других правовых актов обеспечивается с помощью средств разных отраслей права, отражающих грани их соотношения с неправовыми регуляторами, благодаря деятельности государственных органов и бизнес-структур, судебным процедурам, поиску корреляций между иерархически связанными нормами².

Поэтому правоприменение рассматривается как фактор осуществления правовых норм, претворения в жизнь требований диспозиции или санкции правовой нормы (регулятивной или охранительной нормы).

Н.Н. Вопленко в качестве основных способов правоприменительной деятельности выделяет юрисдикционный, исполнительно-распорядительный (исполнительно-разрешительный), контрольно-надзорный и поощрительный³.

¹ Настоящее исследование выполнено при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (государственный контракт № 16.740.11.0106 от 02.09.2010 г.).

² См.: Правоприменение: теория и практика. – М., 2008.

³ См.: Вопленко Н.Н. Реализация права. – Волгоград, 2001. – С. 28-29.

Так, юрисдикционный способ правоприменения включает производства по рассмотрению и разрешению уголовных, гражданских и административных дел, а существование контрольно-надзорного способа применения права обусловлено наличием многочисленных органов, обеспечивающих контроль и надзор за правильностью, эффективностью и законностью в деятельности организаций и поведении граждан.

Правоприменительные акты, наряду с функциями организационного обеспечения и государственного контроля за правильностью реализации правовых норм, выполняют функцию индивидуального регулирования общественных отношений. Применительно к нормам права это означает конкретизацию их содержания, оснований, порядка и пределов их реализации, индивидуализацию других юридических фактов, с которыми связано их дальнейшее осуществление. После вынесения правоприменительного акта реализация нормы права продолжается в форме исполнения, соблюдения правоприменительного акта, вынесенного компетентным органом или должностным лицом⁴.

Как отмечал В.М. Горшенев, существование комплекса процедурных и функциональных правоприменительных производств является отражением объективной потребности специализации юридической деятельности и необходимости совершенствования профессиональной юридической работы⁵.

Поэтому распределенный между юридическими формами государственной деятельности характер способов правоприменения позволяет проанализировать работу органов государства, приемы и средства осуществления ими своих функций, что является необходимым условием совершенствования механизма правового регулирования в условиях кризиса.

О.В. Белянская в зависимости от содержательных, материальных критериев различает две формы реализации права – непосредственную и правоприменительную⁶.

Она выделяет следующие особенности правоприменения:

- разрешение ситуаций с участием профессионального вмешательства специальных субъектов, которых определяет государство;
- наличие субъекта, наделенного властными полномочиями, которые он обязан использовать для удовлетворения интересов других участников отношений;
- вынесение индивидуального правового акта, исходящего от компетентного органа или должностного лица, в котором индивидуализируются права или обязанности субъектов права;
- процессуальный характер правоприменения, предусматривающий его осуществление в особых, установленных законом, формах⁷.

Таким образом, правоприменительные отношения, возникая на основе материальных норм права, имеют по своему содержанию и функциональной направленности процедурно-процессуальный характер, который зависит от индивидуализации юридических фактов.

Правоприменительные акты являются юридическими фактами, с которыми государство связывает реализацию правовых норм. Как и другие юридические факты, они создают основу для осуществления правовых норм, претворения их в жизнь, то есть обеспечивают перевод абстрактной социальной возможности в действительность.

По мнению В.М. Горшенева, юридические факты отличаются рядом признаков:

- имеют сложный юридический состав;
- охватывают или включают в себя соответствующие материально-правовые отношения;
- выглядят в виде действия или события;
- могут проявляться в виде юридических состояний;
- их особой формой могут быть процессуальные акты – документы⁸.

⁴ См.: Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М., 2008. – С. 344-345.

⁵ См.: Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. – М., 1972. – С. 196-200.

⁶ См.: Белянская О.В. Сущность и основные формы реализации права // Правовая политика и правовая жизнь. – 2008. – № 3. – С. 116-122.

⁷ См.: Белянская О.В. Сущность и основные формы реализации права // Правовая политика и правовая жизнь. – 2008. – № 3. – С. 119.

Особую значимость данная проблема приобретает в связи с тем, что находится в сфере, с одной стороны, прав и свобод человека, а с другой – вынужденных юридических ограничений и даже применения юрисдикционных средств.

В.М. Горшенев, анализируя комплекс процедурных и функциональных правоприменительных производств, отмечал, что он «является отражением объективной потребности специализации юридической деятельности и необходимости совершенствования профессиональной юридической работы»⁹.

В зависимости от компетенции субъектов и особенностей конкретного юридического дела правоприменение может носить как ведомственный характер, так и перерастать в юрисдикционное или исполнительное производство. Субъекты правоприменения (дознаватели, следователи, судьи и др.) используют присущие им способы решения поставленных задач в рамках той или иной юридической формы. Процессуальные действия регулируются при этом нормами процессуального права и осуществляются на основе юридических фактов в рамках процессуальных правоотношений.

Казалось бы, в условиях модернизации должна активизироваться и правовая сторона процесса противодействия негативным явлениям в экономике страны. Однако, по мнению Ю.А. Тихомирова, «слабая реализация норм экологических, градостроительных и иных законов пока подтверждает неумение «включать» правовой ресурс в решение социально-экономических задач»¹⁰.

Соблюдение процессуальной формы гарантирует объективность правоприменения, что предполагает правомерность, обоснованность и справедливость выносимых решений. В свою очередь, ошибочный выбор формы правоприменительного акта, недостаточный учет юридических приоритетов и коллизий снижает общий эффект применения норм права.

Н.Н. Вопленко считает, что «правоприменительное производство в качестве основного элемента внутреннего содержания способа применения права представляет собой обусловленную единством цели качественно однородную группу процессуально-процедурных действий по властной реализации каких-либо качественно своеобразных материальных правовых норм»¹¹.

От той или иной юридической формы государственной деятельности зависит способ правоприменения, вид юридического процесса и процессуального урегулирования властной деятельности субъектов. Юридическая форма определяет состав субъектов и иных участников правоприменительной деятельности.

На наш взгляд, трудно согласиться с В.Н. Карташовым, который называет правоприменение формой реализации права, разновидностями которой выступают оперативно-исполнительная и правоохранительная деятельность компетентных органов¹².

В данном случае автор не учитывает различия между философскими категориями «форма» и «вид», что и влечет за собой последующую неясность в установлении им роли и функций юридической деятельности.

Исследователи в сфере гражданского права отмечают настоятельную необходимость совершенствования правовых форм хозяйственной деятельности¹³. То же самое можно сказать об исследованиях проблем налогов, бюджета, финансовой системы России в целом, переживающей в последнее время период перманентного кризиса.

Таким образом, феномен правоприменения представляет непреходящий интерес по двум направлениям исследования. Первое направление показывает способ связи пра-

⁸ См.: Теория юридического процесса / под ред. В.М. Горшенева. – Харьков, 1985. – С. 108.

⁹ Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. – М., 1972 – С. 196.

¹⁰ Тихомиров Ю.А. Эффективность закона: от цели к результату // Журнал российского права. – 2009. – № 4. – С. 8.

¹¹ Вопленко Н.Н. Понятие и основные способы правоприменения // Правовая политика и правовая жизнь. – 2008. – № 3. – С. 40.

¹² См.: Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. – Саратов, 1989. – С. 28.

¹³ См.: Пугинский Б.И. Понимание права с позиций современной цивилистики // Правоведение. – 2007. – № 6. – С. 8.

ва и неправовых явлений, нуждающихся в правовой регламентации. Второе же касается роли формы правоприменения. Эта роль достаточно велика, так как юридическая форма может быть использована в качестве внешней оболочки основополагающих правовых явлений (правовая норма, правоотношение, правовая процедура, юридический факт и др.), а также как способ трансформации из одной составляющей системы права в другую.

Мы солидарны с Б.И. Пугинским в том, что «процесс реализации права ни в малейшей степени не раскрывается и не объясняется примитивной схемой «норма права – юридический факт (или также правоприменительный акт) – правоотношение»¹⁴.

Данная абстрактная схема характеризует лишь нормативное выражение права и имеет лишь косвенное отношение к государственной деятельности как реальному правовому регулированию, которое обладает несколько иным, более сложным качеством содержания, чем простое применение правовых норм.

В период политико-правовой модернизации общества в России объем, значимость и содержание правоприменения существенно изменяются. По сравнению с преобладающей ранее оперативной-распорядительной работой ведущее место все более занимает реализация контрольных, разрешительных, регистрационных и юрисдикционных полномочий органов государственной власти.

Правоприменение охватывает особую сферу государства, в которой устанавливаются основы фактического и правового равенства всех социальных групп и слоев населения, каждого отдельного гражданина перед судом и законом. В силу этого правосудие приобретает самостоятельный характер во всей деятельности государства, чем обусловлено его закрепление в Конституции в качестве отдельного целостного блока.

Как подчеркивает В.В. Ярков, «правосудие создает баланс между государством и гражданином в правовой системе, между всеми ее элементами, позволяет обеспечить законную и справедливую реализацию прав и законных интересов граждан...способствует повышению роли права в государстве, тому процессу, который мы наблюдаем последние десятилетия и который способствует преобразованию России в правовое государство»¹⁵.

Специфика судебной власти в данном случае состоит в том, что она осуществляет такую особую форму государственной деятельности, которая организационно оформляется в качестве системы правосудия, значение которой для каждого человека, общества и для государства в целом трудно переоценить.

Реализация данной формы имеет четкую направленность на осуществление судебной политики в государстве, что свидетельствует об особом воздействии на общество в определенной сфере жизни с целью приведения его к желаемым структурным и функциональным параметрам. Имеющийся массив научной информации, к сожалению, не дает достаточного понимания общественных процессов и явлений, находящихся в сфере правосудной деятельности. На наш взгляд, правоприменение включает реализацию в том числе и правозащитной функции государства¹⁶.

Данное воздействие обеспечивает определенную направленность правоприменительной деятельности для охраны прав личности в современных условиях. Конституционные права и свободы обладают приоритетом по отношению к любой норме права, закрепленной в федеральных законах либо подзаконных нормативно-правовых актах органов государственной власти.

Прямое действие Конституции, провозглашенное ч. 1 ст. 15, не только позволяет гражданину требовать у государства, при необходимости – в судебном порядке, обеспечения ему возможности воспользоваться нормой, включенной в текст Основного закона, но и обязывает государство выполнить требование, предначертанное, по сути дела, еще императором Александром II в высочайшем указе от 20 ноября 1864 г. об утверждении но-

¹⁴ Пугинский Б.И. Понимание права с позиций современной цивилистики // Правоведение. – 2007. – № 6. – С. 8.

¹⁵ Ярков В.В. Конституция Российской Федерации и правосудие // Журнал российского права. – 2009. – № 4. – С. 10.

¹⁶ См.: Тонков Е.Е., Беспалова М.А. Правозащитная функция государства: вопросы теории: монография. – Ростов-на-Дону: Ростгиздат, 2012. – С. 98-100.

вых уставов судопроизводства: «водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных».

Правоприменение очерчивает правовые границы, определяющие пределы допустимого поведения, которые основываются на степени опасности и характере отклонения действий от приемлемых для данного общества социальных стандартов. Эффективность норм, в совокупности составляющих систему правового регулирования, определяется правильностью выбора специальных требований, установленных законодателем, уточнении и детализации перечня правовых ограничений.

Следует отметить, что серьезной проблемой, затрудняющей эффективность правоприменения, является правовой нигилизм чиновников, массовое пренебрежение правом со стороны должностных лиц. Нередко государственные служащие видят в предписаниях законов формальную дань времени, не обязательную к неукоснительному соблюдению. Среди депутатов получил широкое распространение так называемый законопроектный «зуд», нарушающий стабильность правосудной деятельности, и сопровождаемый ссылками на несовершенство нормативно-правовой базы при ее поверхностном знании.

Политическую стабильность в демократическом государстве следует рассматривать как меру устойчивости национальной развития за счет гражданской активности, генерируемой внутренними силами общества.

Модернизация правоприменительной деятельности и определение наиболее эффективного способа ее осуществления – важнейший вопрос формирования гражданского общества.

Нередко право рассматривается в форме правосознания, в форме правовых норм и в форме общественных отношений, порождающих правовые нормы и, в свою очередь, испытывающих воздействие этих норм. В условиях политико-правовой модернизации право является мощным средством закрепления, регулирования и охраны общественных отношений, складывающихся в результате жизнедеятельности людей. Реализуясь через создаваемые на его основе правовые отношения, право воздействует на поведение граждан, коллективов, общественных организаций, государственных органов и должностных лиц, обеспечивает решение глобальных и повседневных задач по формированию позитивных процессов развития государства, определяет базис и динамику жизнедеятельности общества.

Сегодня является общепризнанным, что право и политика весьма важны для основных направлений деятельности современного либерального государства (политических процессов и процедур, социального контроля и режима легитимации).

По мнению Н.И. Полищука, «политико-правовая сущность взаимосвязи нормы права, правового отношения и юридического факта заключается в том, что она отражает последовательную, стратегически ориентированную политику, направленную на гармонизацию общественных отношений и стабилизацию социальных процессов в обществе, восстановление доверия населения к органам государственной власти, преодоление коррупции, установление приоритета социальной справедливости, включающей в себя неукоснительное соблюдение прав человека, укрепление законности, безопасности и правопорядка»¹⁷.

Государство и общество всемерно должны гарантировать, поддерживать и обеспечивать охрану правомерного поведения, которое является общепринятой нормой в сообществе людей, и одновременно вести решительную борьбу с патологией правового поведения – неправомерным поведением.

Как отмечает А.В. Хованская, «дихотомия «режим – граждане» может быть устойчивой только за счет принципа паритетности: безопасность и гарантии личностной реализации сопровождаются добровольными уступками граждан (личной свободы) ради сохранения данного режима»¹⁸.

За годы, прошедшие с принятия действующей Конституции Российской Федерации, произошли значительные преобразования в подходах к правоприменительной деятельности.

¹⁷ Полищук Н.И. Эволюция и состояние теоретической модели взаимосвязи нормы права, правоотношения и юридического факта: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2009. – С. 23.

¹⁸ Хованская А.В. Суды в динамической правовой системе // Правоведение. – 2004. – № 1. – С. 176.

В условиях становления правового государства существует острая потребность в возможно оптимальном ограничении активного государственного вмешательства в процесс реализации прав и свобод граждан. Государство – единственный субъект правоприменительной деятельности. Оно не может существовать без определенного порядка в системе общественных отношений, и, следовательно, выступает основным инициатором правоохраны.

Правоприменительная деятельность отличается своим принудительным характером, так как только государство имеет исключительное право, монополию на принуждение. Настоящее положение подчеркивает, с одной стороны, исключительный характер правоприменительной деятельности, а с другой – обуславливает содержание правоохранительной системы. В связи с этим, достаточно важным нам представляется определить точки соприкосновения правоприменения и правоохранительной деятельности.

По мнению И.С. Самощенко, правоохранительная деятельность по своему характеру представляет собой активно-властную деятельность по принуждению к исполнению требований норм права. Одновременно он включает в содержание правоохранительной деятельности «охрану права от нарушения», т.е. предупреждение правонарушений, ликвидацию их последствий и др.¹⁹.

Т.М Шамба рассматривает правоохранительную деятельность в узком и широком смысле. В узком значении он понимает ее как непосредственную охрану установленного законом порядка общественных отношений, то есть борьбу с правонарушителями путем привлечения виновных к юридической ответственности.

В широком смысле – это не только непосредственная охрана сложившихся общественных отношений, но и поддержание, укрепление правопорядка, создание благоприятных условий для беспрепятственного осуществления всеми субъектами своих прав и обязанностей²⁰.

А.Б. Сахаров включал правоприменительную деятельность в состав правоохранительной наряду с правообеспечивающей. При этом правоприменительную деятельность он характеризует как деятельность по поводу конкретных правонарушений (выявление, регистрация и документирование совершенных правонарушений, их расследование, судебное рассмотрение уголовных дел, исполнение наказаний), а правообеспечивающую – как разнообразную деятельность по выявлению обстоятельств, способствующих совершению правонарушений (общий надзор прокуратуры, обеспечение паспортного режима), непосредственную охрану общественного порядка и общественной безопасности, имущества и иных ценностей, индивидуальную и общую профилактику, правовую пропаганду²¹.

В.М. Горшенев и И.Б. Шахов подразделяют правоохранительную деятельность на правообеспечительную, юрисдикционную и правоисполнительную, выделяя в качестве особой охранительной, контрольно-надзорную деятельность²².

В свое время Н.В. Витрук (совместно с И.В. Ростовщиковым) высказывал мысль, что правоохранительная деятельность связана только с устранением возникших преград и препятствий в процессе реализации прав и свобод граждан, а профилактику правонарушений относят к самостоятельному виду деятельности, не входящему в правоохранительную²³.

Впоследствии он пояснил, что профилактика имеет непосредственный объект воздействия – преступление и другие правонарушения, что обеспечивает неразрывную связь профилактики с прочими направлениями правоохранительной деятельности, а «выделение профилактики из правоохранительной деятельности диктовалось стремлением подчеркнуть значение этого вида деятельности, обратить на него большее внимание»²⁴.

¹⁹ См.: Самощенко И.С. Охрана режима законности Советским государством. – М., 1960. – С. 88-89.

²⁰ См.: Шамба Т. М. Демократия советского правопорядка (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1985. – С. 34-35.

²¹ См.: Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. – М., 1961. – С. – 12-15.

²² См.: Горшенев В.М., Шахов И.Б. Контроль как правовая форма деятельности. – М., 1987. – С. 20-21.

²³ См.: Витрук Н.В., Ростовщиков И.В. Профилактика в системе обеспечения прав и свобод граждан // Правовые проблемы профилактики правонарушений. – М., 1985. – С. 32.

²⁴ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – М., 2008. – С. 90.

К.Ю. Тихонова наоборот сужает правоохранительную деятельность до профилактической и определяет ее как «совокупность различных взаимосвязанных между собой мер, осуществляемых как государственными, так и общественными структурами, направленных на предупреждение правонарушений, устранение причин их порождающих и способствующих, таким образом, нормальному процессу реализации гражданами своих прав и обязанностей»²⁵.

Существует точка зрения, связывающая правоохрану с созданием необходимых условий для эффективной реализации правовых норм всеми субъектами права²⁶.

М.И. Байтин считает, что правоохранительная деятельность – это форма осуществления функций государства посредством властной оперативной деятельности органов государства по охране норм права от нарушений, защите предоставленных гражданам субъективных прав и обеспечению выполнения возложенных на них юридических обязанностей²⁷.

В содержание правоохранительной деятельности он включает «меры по предупреждению правонарушений, расследование всех обстоятельств дела и выяснение истины в каждом случае правонарушения, разрешение в установленном порядке конкретных дел о нарушении правовых норм, а также возможных правовых коллизий и споров, применение правовых санкций в отношении правонарушителей и обеспечение реализации их юридической ответственности»²⁸.

Следуя позиции М.И. Байтина и рассматривая правоохранительную деятельность как правовую форму реализации функций государства, Ю.В. Марченко, характеризует ее как охрану конституционного строя РФ, прав и свобод человека и гражданина, всех форм собственности и общественного порядка от преступных посягательств и иных правонарушений, а также предупреждение (профилактику) преступлений и правонарушений присущими государственным органам способами, формами и методами, адекватными целям и задачам правоохранительной деятельности с использованием соответствующих юридических мер воздействия в отношении нарушителей в строгом соответствии с законом и предусмотренными им процедурами²⁹.

Анализ представленных точек зрения свидетельствует о том, что, несмотря на мощную теоретическую базу, заложенную предшественниками, современные ученые-правоведы не располагают единым убедительным подходом к пониманию важнейших аспектов взаимоотношений правоприменительного и правоохранительного видов деятельности государства.

По нашему мнению, необходимо отличать правоохранительную деятельность от правоприменительной деятельности, которая представляет собой систему разнородных действий основного и вспомогательного характера и «состоит в разработке и фактическом осуществлении организационных мер, направленных на то, чтобы обеспечить претворение предписаний правовых норм в жизнь»³⁰.

Мы согласны с Н.В. Витруком, что правоохранительная деятельность государства, его органов сориентирована прежде всего на противодействие различного рода противоправным явлениям, однако содержание предмета правоохранительной деятельности не исчерпывается правонарушениями и их последствиями. Неотъемлемой частью предмета правоохранительной деятельности являются причины правонарушений и способствующие им условия.

Он справедливо рассматривает праввосстановительную деятельность как разновидность правоохранительной деятельности, которая «представляет собой одну из опосредство-

²⁵ Тихонова К.Ю. Субъективные права советских граждан, их охрана и защита: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1972. – С 10.

²⁶ См.: Баженов В.А., Киричук И.Б., Лазарев В.М. Правовая реформа и совершенствование правоохранительной деятельности органов внутренних дел. – М., 1990. – С. 11-12.

²⁷ См.: Байтин М.И. Сущность и основные функции социалистического государства. – Саратов, 1978. – С. 230.

²⁸ Там же.

²⁹ См.: Марченко Ю.В. Правовые формы осуществления государственных функций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2008. – С. 21.

³⁰ Алексеев С. С. Философия права: История и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. – М.: Норма, 1999. – С.318.

ванных форм активно-властного отношения государства к противоправным деяниям, в том числе преступлениям»³¹.

В отличие от правоприменения, правоохранительную форму в зависимости от субъектов, осуществляющих ее реализацию, можно разделить на два вида: государственную и правоохранительную деятельность негосударственного характера. Универсальность правоохранительной формы прослеживается и в её содержании, она не может ограничиваться лишь действиями только в отношении конкретных правонарушений. Цель этой деятельности состоит как в охране правового порядка и его защите, выраженной в борьбе с уже совершенными правонарушениями, так и в создании необходимых условий для беспрепятственной реализации правовых норм.

Нами рассматривается деятельность государственных органов, осуществляемая с целью обеспечения законности, охраны правопорядка, защиты прав и законных интересов граждан, то есть правоохранительная форма государственной деятельности. Теория права определяет ее как форму осуществления функций государства посредством властной оперативной работы государственных органов по охране норм права от нарушений, защите предоставленных участникам правоотношений субъективных прав и обеспечению выполнения возложенных на них юридических обязанностей.

Вместе с тем, оценивая ограничительный характер правоприменительной системы, мы разделяем мнение А.В. Малько, что теория правовых ограничений, характерных для правоохранительной деятельности, «должна базироваться на информационно-психологическом и инструментальном подходах, имеющих более широкий выход на различные аспекты действия права»³².

Под правовым ограничением он понимает «правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрсубъекта и общественных интересов в охране и защите... установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в деятельности лиц»³³.

Как считал И.А. Ильин, «ограничивая свободу каждого известными пределами, закон обеспечивает ему зато беспрепятственное и спокойное пользование своими правами, т.е. гарантирует ему свободу внутри этих пределов. Свобода каждого человека простирается лишь до той границы, от которой начинается свобода других людей. Стремясь установить эти границы, закон содействует тому, чтобы в совместной жизни людей воцарился порядок, основанный на свободе»³⁴.

Правоприменительная деятельность подразумевает непрерывный, согласованный по целям, способам и методам процесс функционирования государственных органов и общественных объединений, который рассматривается в двух аспектах:

- создание максимально благоприятных условий для беспрепятственной реализации правовых норм, субъективных прав и свобод;
- профилактика и выявление правонарушений, борьба с совершаемыми или совершенными правонарушениями с целью их предупреждения или пресечения, восстановления нарушенного права, возмещения причиненного ущерба, наказания виновных.

Правоприменительная деятельность не может существовать сама по себе лишь как способ выражения совокупности действий. Имеются субъекты, занятые в сфере правоприменения, объекты, на которые направлена эта деятельность, принципы, в соответствии с которыми она реализуется.

Стадии применения права соответствуют стадиям любой управленческой деятельности:

- сбор и оценка информации;
- принятие решения;
- обеспечение его реализации.

³¹ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – М., 2008. – С. 92.

³² Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. – М.: Юрист, 2003. – С.89.

³³ Там же, с.91.

³⁴ Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве (фрагменты) // Правоведение. – 1992. – № 3. – С. 96.

Как и всякая управленческая деятельность, применение права должно основываться на полной и достоверной информации, обеспечивающей предвидение последствий правоприменительной деятельности. Вышестоящие правоохранительные органы осуществляют реализацию властных полномочий по управлению правоприменительной деятельностью подчиненных.

В основе взаимоотношений государственных органов находится принцип сочетания централизации и децентрализации. Вышестоящие органы контролируют деятельность нижестоящих, предоставляя тем не менее им широкие права в решении оперативных, текущих вопросов. Правоприменительная система достаточно динамична, она постоянно развивается и совершенствуется, формирует новые структурные элементы и ликвидирует устаревшие, утратившие функциональное значение. Как показывает исторический процесс, люди не могут жить, не участвуя в деятельности тех или иных организаций. Организации подразделяются между собой в зависимости от специфики их деятельности и характера выполняемых функций. Внешние требования общества по отношению к организации во многом определяют и характер внутренних отношений в самих организациях.

Н.И. Матузов, рассуждая о коллизиях в праве, обращает внимание, что в последние годы законодательство России существенно изменилось, сориентировано на рыночные отношения, но все же отстает от быстротекущих общественных процессов и остается крайне пробельным и несовершенным. В общем законодательном массиве одновременно действуют акты разного уровня и значения, юридической силы, социальной направленности³⁵.

Противоречивые тенденции в различных сферах жизни российского общества не могли не найти своего отражения в праве, которое является универсальной системой нормативного регулирования социальных процессов, вследствие чего противоречия пронизывают сегодня все уровни системы отечественного законодательства.

По мнению Р.О. Халфиной, «противоречие между государством и правом разрешается в процессе совершенствования правового регулирования и организации системы управления»³⁶.

Указанный процесс включает следующие направления:

- оптимальное правовое регулирование отношений, связанных с принятием решений в сфере государственного управления;
- постоянное повышение научного уровня правотворчества и правоприменения;
- динамичное развитие и совершенствование организации управления во всех сферах жизни общества;
- неуклонное соблюдение законности, укрепление правопорядка.

Использование средств правового регулирования во всех отраслях управления проявляется как закономерность взаимосвязи государства и права. При этом право представляет собой форму общественных отношений, которая неразрывно связана со своим содержанием и общественными отношениями, опосредуемыми ею.

Осмысление характера этих отношений обуславливается выделением основного и частных противоречий, которые являются следствием смены приоритетов, произошедшей в социальной теории и практике, что стимулирует поиск новых перспективных подходов и технологий. В системе государственной деятельности своевременное обновление используемых ценностей обеспечивается не всегда, что приводит к формированию стереотипных действий, укоренению элементов консерватизма.

С одной стороны, в современных исследованиях отмечается необходимость разработки современных основ организации государственной деятельности, накоплен определенный фонд методологических, теоретических, экспериментальных и технологических данных, который позволяет осуществить успешное решение отдельных аспектов данной проблемы. С другой стороны, до настоящего времени недостаточно разработана эффективная концепция управления данным процессом, представляющая собой единство методологических, теоретических и технологических основ.

³⁵ См.: Матузов Н.И. Право и политика в их взаимодействии // Российская правовая политика. – М., 2003. – С.203-204.

³⁶ Халфина Р.О. Право как средство социального управления. – М.: Наука, 1988. – С. 61.

Современные политико-правовые факторы, определяющие развитие общества, не подвергаются детальному научному анализу, а передовой опыт государственного управления, имеющийся в отдельных регионах, должным образом не изучается, не обобщается, не систематизируется с целью масштабного внедрения.

У государственных служащих формируется упрощенное впечатление о целях, содержании, формах и методах деятельности государственного аппарата, в результате чего возникает противоречие между реальной потребностью в профессиональных знаниях и умениях, и недостаточным уровнем подготовленности сотрудников для компетентного и квалифицированного участия в процессе государственного управления. Рассматриваемые в большинстве источников подходы к построению организационной структуры в государственных органах предполагают четкость и ясность в иерархических уровнях, устойчивые формальные отношения, обосновывая необходимость жесткого вертикального управляющего воздействия.

Место и роль органов, включенных в процесс правоприменения, в системе государственных институтов принято рассматривать в двух аспектах: во-первых, в системе исполнительно-распорядительных органов, а во-вторых, в системе правоохранительных органов. Их принадлежность к исполнительной власти означает, что они осуществляют свои полномочия (обязанности и права) путем реализации права.

Государство выступает в роли субъекта правоприменительной деятельности в лице своих органов. Этот вид деятельности, при широком подходе к его содержанию, в той или иной мере осуществляют органы, принадлежащие ко всем ветвям государственной власти.

Рассматривая различные государственные органы, следует учитывать, что, являясь независимыми друг от друга, они образуют, тем не менее, единую систему, системообразующим фактором которой служит приоритетная задача эффективного противодействия преступности, обеспечения законности и правопорядка в стране, защита прав и законных интересов граждан.

Бюрократическая инертность, присущая системе органов государственной власти, приводит к тому, что она слишком медленно меняет свой внутренний уклад в ответ на поступающие от общества запросы и требования. Эта инертность является тяжелым следствием установившихся и устоявшихся традиций и обычаев, соображений престижа и материальных стимулов.

Общество характеризуется значительно большей интенсивностью процессов развития, тогда как правоприменительная система более консервативна и менее динамична, что приводит к определенным противоречиям. Система, обладающая неадекватным содержанием, с трудом воспринимает внешние технологические инновации, оказывая сопротивление их внедрению даже непроизвольно. Это происходит в тех случаях и в те периоды развития общества, когда отношения правоприменения нечетко фиксируют изменения общественно-политической жизни или социально-экономических условий и не реагируют на них. С сожалением приходится констатировать (вслед за В. Познером), что в России сейчас такие времена.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Философия права: История и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. – М.: Норма, 1999.
2. Баженов В.А., Киричук И.Б., Лазарев В.М. Правовая реформа и совершенствование правоохранительной деятельности органов внутренних дел. – М., 1990.
3. Байтин М.И. Сущность и основные функции социалистического государства. – Саратов, 1978.
4. Белянская О.В. Сущность и основные формы реализации права // Правовая политика и правовая жизнь. – 2008. – № 3.
5. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М., 2008.
6. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – М., 2008.
7. Витрук Н.В., Ростовщиков И.В. Профилактика в системе обеспечения прав и свобод граждан // Правовые проблемы профилактики правонарушений. – М., 1985.
8. Вопленко Н.Н. Понятие и основные способы правоприменения // Правовая политика и правовая жизнь. – 2008. – № 3.

9. Вопленко Н.Н. Реализация права. – Волгоград, 2001.
10. Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. – М., 1972.
11. Горшенев В.М., Шахов И.Б. Контроль как правовая форма деятельности. – М., 1987.
12. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве (фрагменты) // Правоведение. – 1992. – № 3.
13. Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. – Саратов, 1989.
14. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. – М.: Юристъ, 2003.
15. Марченко Ю.В. Правовые формы осуществления государственных функций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2008.
16. Матузов Н.И. Право и политика в их взаимодействии // Российская правовая политика. – М., 2003.
17. Полищук Н.И. Эволюция и состояние теоретической модели взаимосвязи нормы права, правоотношения и юридического факта: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2009.
18. Правоприменение: теория и практика. – М., 2008.
19. Пугинский Б.И. Понимание права с позиций современной цивилистики // Правоведение. – 2007. – № 6.
20. Самощенко И.С. Охрана режима законности Советским государством. – М., 1960.
21. Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. – М., 1961.
22. Теория юридического процесса / под ред. В.М. Горшенева. – Харьков, 1985.
23. Тихомиров Ю.А. Эффективность закона: от цели к результату // Журнал российского права. – 2009. – № 4.
24. Тихонова К.Ю. Субъективные права советских граждан, их охрана и защита: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1972.
25. Тонков Е.Е., Беспалова М.А. Правозащитная функция государства: вопросы теории: монография. – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2012.
26. Халфина Р.О. Право как средство социального управления. – М.: Наука, 1988.
27. Хованская А.В. Суды в динамической правовой системе // Правоведение. – 2004. – № 1.
28. Шамба Т. М. Демократия советского правового порядка (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1985.
29. Ярков В.В. Конституция Российской Федерации и правосудие // Журнал российского права. – 2009. – № 4.

LAW ENFORCEMENT AS A MEANS OF REALIZATION OF JURIDICAL NORMS

E.E. TONKOV
V.I. KOVALENKO
L.F. POZHAROVA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: etonkov@bsu.edu.ru

The authors indicate that law enforcement, taking an independent place among legal forms of state activity, is better regarded as universal method of law realization. Law enforcement activity is carried out by government bodies, which provide powerful realization of legal regulations within their competence.

Key words: law enforcement, legal forms, power, state, realization, rule of law.

УДК – 342.7

РОЛЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ (ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ) В ЗАЩИТЕ ПРАВ ОТЦОВ¹

С.В. ТЫЧИНИН¹
П.А. ДЕРЕВЯНКО²

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

¹*e-mail: Tychinin@bsu.edu.ru*

²*e-mail: apa06@mail.ru*

В статье представлена характеристика законодательных и исполнительных органов государственной власти с позиции их участия в защите прав отцов. Автором указаны направления совершенствования законодательства в рассматриваемой сфере правоотношений.

Ключевые слова: права отцов, Государственная Дума, Совет Федерации, Правительство Российской Федерации, Комитет по вопросам семьи, женщин и детей, Комитет по социальной политике и здравоохранению.

Процесс развития современной российской государственности, появление все новых проблем, связанных с обеспечением субъективных прав, требуют совершенствования старых и создания новых правовых способов обеспечения прав человека. Не является исключением в данной связи и определенный нами институт отцовства ввиду очевидного комплекса нерешенных вопросов в этой сфере.

В качестве базового субъекта признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина Конституция России указывает само государство. Это обусловлено тем, что личность и государственная власть – органически взаимосвязанные явления. Государственная власть непосредственным образом влияет на положение личности, состояние ее прав и свобод, а личность участвует в формировании государственной власти. Поэтому ошибочно противопоставлять права и свободы идее государственности и, тем более, допускать нарушение баланса между ними. Полагаем, сказанное в полной мере адресуется и отношениям формата «государство – обеспечение отцовства».

В рамках данной работы исследовательское внимание будет сосредоточено на участии законодательной и исполнительной власти (федерального уровня) в защите прав отцов.

Уточним, что именно законодательная деятельность в механизме защиты прав и свобод человека выступает в качестве исходного и главного звена. Об этом свидетельствует и норма ст. 18 Конституция Российской Федерации, которая гласит, что права и свободы человека и гражданина ... определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной ... власти².

Конституция Российской Федерации прямо не оговаривает полномочия палат Федерального Собрания в отношении прав и свобод человека в целом и отцовства в частности. Однако при анализе их полномочий намечается определенный правообеспечительный потенциал в заявленной сфере.

Так, конституционная prerogative Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации назначать на должность и освобождать от должности Уполномоченного по правам человека (п. «д» ч.1 ст. 103) непосредственно связана с институциональным обеспечением соблюдения и защиты прав и свобод человека в Российской Федерации.

Согласно п. «ж» ч.1 ст. 102 Конституции Российской Федерации, в ведении Совета Федерации находится назначение на должность судей Конституционного, Верховного, Высшего Арбитражного судов. Учитывая ранг судебной защиты в системе обеспечения прав и свобод человека нельзя не признать серьезную ответственность, лежащую на Совете Федера-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания; регистрационный номер 6.2962.2011

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.

ции при решении таких кадровых вопросов. В данной связи присоединяемся к позиции М.В. Мархгейм и считаем, что от взвешенности выбора депутатов зависит, кто в течение шести лет будет обеспечивать гарантии государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами³.

Обращение к исследованию структуры Совета Федерации, дает основание выделить в качестве подразделения, обладающего потенциалом в обеспечения института отцовства – Комитет по социальной политике и здравоохранению. К его ведению относятся, помимо прочего, вопросы законодательного обеспечения государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства.

Анализ структуры Государственной Думы Российской Федерации показал, что в ней также можно указать Комитет по вопросам семьи, женщин и детей. Вывод о том, что данное подразделение имеет отношение к обеспечению отцовства можно сделать исходя из его внутреннего строения. В качестве звеньев, имеющих отношение к исследуемой проблеме, можно назвать Экспертный совет по семейному и социальному праву, а также Экспертный совет по вопросам гендерного равенства⁴.

Комитет ведет активную законодательную работу, а также рассматривает обращения граждан. Так, в 2010 г. в Комитет по вопросам семьи, женщин и детей поступило 1 408 обращений граждан и организаций, по которым подготовлено 1 375 ответов.

В течение всего периода систематизировался материал, в котором отражаются вопросы оказания практической помощи лицам, обратившимся в Комитет.

В целом работа с письмами и заявлениями граждан ориентирована также и на анализ поступающей корреспонденции для использования содержащихся в ней предложений и замечаний по совершенствованию законодательства по вопросам правовой защиты семьи, женщин и детей, по улучшению демографической ситуации в стране.

В 2010 г. на рассмотрении в Комитете находилось 43 законопроекта, по которым Комитет был назначен Советом Государственной Думы ответственным, и 84 – соисполнителем. Общее число законопроектов в Комитете – 127.

По 18 законопроектам, по которым Комитет был назначен ответственным, работа завершена.

Информация о работе Комитета размещена на его официальной интернет-странице по адресу – http://www.familycommittee.ru/o_komitete.html. В качестве положительных моментов организации работы сайта заметим, что он представлен следующими рубриками: «О Комитете» (состав и структура, контактная информация), «Председатель Комитета» (выступления, интервью, законодательные инициативы, работа в избирательном округе, общественная деятельность, фотогалерея, обращения, Постоянная комиссия по вопросам материнства, детства и защиты прав женщин ОС ЦФО), «Новости», «Пресс-релизы», «Статистика», «Работа комитета», в которой изложены проблемы материнского (семейного) капитала, программа законопроектной деятельности, повестки заседаний, вопросы, рассмотренные на заседаниях, «Парламентские слушания, круглые столы и иные мероприятия» (расписание мероприятий, выработанные рекомендации, публикации), «Законодательная деятельность» (программа законопроектной деятельности, законопроекты, разрабатываемые в комитете, соисполнительство, заключения), «Информационные материалы» и «Горячая линия»: жестокое обращение с детьми». Таким образом, подробно изложены мероприятия, осуществляемые Комитетом. Информация о них находится в прямом доступе и по ее результатам можно оценить вклад Комитета в обеспечение отцовства и дальнейшие перспективы в этой сфере. Можно также разработать пути совершенствования отдельных направлений его деятельности в отношении семьи, материнства, отцовства и детства.

Считаем, что в плане публичности и доступа к информации о работе, Комитет по вопросам семьи, женщин и детей Государственной думы Российской Федерации имеет преимущества по сравнению с Комитетом по социальной политике и здравоохранению

³ Мархгейм М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2005. – С. 236.

⁴ <http://www.komitet2-6.km.duma.gov.ru/site.xp/055055.html>

Совета Федерации Российской Федерации. Полагаем, что последнему необходимо обратиться к опыту Комитета по вопросам семьи, женщин и детей, в том числе, по вопросу организации собственного сайта, так как граждане при определении способов защиты своих прав не могут определить без соответствующей информации возможности той или иной структуры.

Далее анализируя деятельность Государственной думы на предмет ее вклада в обеспечение отцовства, следует обратиться к такому документу как Постановление ГД ФС РФ от 20 ноября 1997 г. 1929-II ГД «О Концепции законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин»⁵. Из введения данного документа следует, что он направлен на обеспечение прав женщин: «проводимая в стране социально-экономическая реформа, переход к рыночным отношениям сформировали следующие негативные тенденции: возрастающая невостребованность женщин при принятии государственных решений; усиление дискриминации прав женщин в социально-трудовой сфере, снижение уровня охраны их здоровья, личной безопасности и т.д.». Однако дальнейший анализ положений Концепции дает основания утверждать, что отдельные ее положения направлены на устранение неравенства между материнством и отцовством. Подтверждением тому служат следующие нормы:

- 3.6. Права трудящихся с семейными обязанностями.

Для полноценной реализации каждым гражданином своих социально-трудовых прав необходимо формировать новые подходы, ориентированные на то, что основная масса работников (*мужчин* и *женщин*) – это трудящиеся с семейными обязанностями, имеющие ответственность друг перед другом и перед обществом за семью и детей.

Первым шагом к решению этой проблемы должно стать изменение подхода к определению круга лиц, нуждающихся в социальных гарантиях в связи с осуществлением ими семейных обязанностей. Исходя из одинаковой ответственности родителей за воспитание детей необходимо перейти от предоставления льгот женщинам к предоставлению льгот родителям или работникам с семейными обязанностями, внося соответствующие изменения трудовое законодательство. Основой для такого решения должна стать ратификация и реализация Конвенции Международной Организации Труда № 156 «О равном обращении и равных возможностях мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями».

- 3.6.1. Социальные гарантии работникам в связи с рождением ребенка.

Законодательством Российской Федерации установлен комплекс мер, направленных на защиту материнства и отцовства. Например, установлены пособия по уходу за больным ребенком. Указанным пособием может пользоваться любой член семьи.

Эволюция законодательства Российской Федерации в части предоставления социальных гарантий работникам, имеющим детей, нацелена на установление действительного равноправия женщин и мужчин, обеспечение равных возможностей, постепенную отмену специальных мер для женщин. Так, если до 1990 г. отпуск по уходу за ребенком (до достижения им возраста одного года) имела только мать, то в настоящее время этим правом может пользоваться любой член семьи, причем указанный отпуск продлен до достижения ребенком возраста трех лет.

Однако женщины, фактически использовавшие отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, более уязвимы в своих трудовых правах. После выхода из отпуска они в наибольшей степени подвержены риску быть уволенными, так как объективно потеряли профессиональные навыки, их знания устарели. Косвенно этот вывод подтверждается и тем, что доля женщин, воспитывающих несовершеннолетних детей, среди безработных почти в два раза выше, чем среди безработных мужчин. Видимо, более равномерное распределение обязанностей в семье и домашнем хозяйстве между женщинами и мужчинами должно лечь в основу таких программ, которые могли бы повысить интерес мужчин к уходу в «родительский» отпуск. Законодательством должны быть установлены определенные гарантии для семей, в которых «родительским» отпуском пользуется и мужчина. Такая практика полностью оправдала себя в Скандинавских странах.

⁵ Ведомости ФС РФ. – 1997. – 1997. – № 35. – Ст. 1582.

Предоставление отпуска по уходу за ребенком для обоих родителей должно подкрепляться политикой выплаты соответствующих социальных пособий. Компенсация расходов в связи с перерывом в работе может осуществляться через механизм, позволяющий сохранить квалификацию на прежнем уровне или повысить ее в целях возвращения на прежнее рабочее место.

- 5. Охрана репродуктивного здоровья, материнства и отцовства.

Несмотря на предпринимаемые усилия, решение проблем охраны репродуктивного здоровья и планирования семьи в России находится лишь на начальной стадии. Решение данных проблем, наряду с более полной реализацией и дальнейшим развитием соответствующих федеральных целевых программ, требует разработки законодательства об охране репродуктивного здоровья мужчин и женщин.

Законодательство об охране репродуктивного здоровья мужчин и женщин должно предусматривать решение проблем не только в медицинском, но и в более широком социальном аспекте, в общем контексте прав человека. Законодательно должны быть признаны права граждан на свободный репродуктивный выбор, то есть на свободное принятие решений о количестве детей, о времени и периодичности их рождения; на информацию и получение услуг по планированию семьи и охране репродуктивного здоровья; на безопасное материнство, то есть на медико-социальную помощь женщине, сводящую к минимуму риск для ее здоровья и здоровья плода в период беременности, родов и в послеродовой период; на использование вспомогательных репродуктивных технологий; на предупреждение и искусственное прерывание нежелательной беременности и другие. Следует также установить гарантии осуществления этих прав.

В Концепции отражен и государственный механизм обеспечения равных прав и равных возможностей мужчин и женщин. В заключении данного документа приводится комплекс мер законодательного характера, а также принимаемых органами исполнительной власти, по реализации законодательных актов. Однако с момента принятия рассматриваемой Концепции в нее ни разу не были внесены изменения. А с 1997 г. были существенно изменены многие отрасли российского законодательства. Тот перечень законодательных мер, который отражен в Концепции, касался изменения старого законодательства (например, КЗоТ). В связи с этим невозможно оценить реализованы ли те направления законодательного совершенствования, которые отражены в Концепции. Помимо прочего, в Концепции направления совершенствования представлены не обосновательно, а с учетом характеристики комплекса проблем обозначенной сферы. Однако и проблемные вопросы не являются статичными. Например, как нами обосновано, вопросы отцовства и его обеспечения являются актуальными на современном этапе. В связи с этим, предлагаем в указанную Концепцию вносить изменения в части перечисления и характеристики существующих проблем и возможных путей их законодательного и иного решения.

Первостепенное значение в обеспечении субъективных прав имеют и органы исполнительной власти. Уточним, что многие вопросы охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина разрабатываются и решаются именно на уровне Правительства Российской Федерации. Так, в ст. 114 Конституции России подчеркивается, что Правительство Российской Федерации осуществляет меры по обеспечению законности и прав и свобод граждан. В продолжение этой нормы в ст. 19 Федерального конституционного закона от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»⁶ правозащитный потенциал проявляется в защите прав и свобод граждан за пределами страны.

Анализ конституционных норм и действующего законодательства показал, что Правительство Российской Федерации имеет широкие возможности в области охраны и защиты отдельных прав и свобод личности. Так, оно вправе принимать постановления и распоряжения. Исследование последних позволяет утверждать о попытках изменения существующей ситуации в сфере обеспечения института отцовства в позитивном направлении. В качестве примера можно назвать принятие постановления от 18 мая 2009 г. № 423 «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовер-

⁶ Федеральный конституционный закон РФ от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (с изм. от 30 декабря 2008 г.) // СЗ РФ. – 1997. – № 51. – Ст. 5712; www.garant.ru

шеннолетних граждан»⁷. В остальном же ситуация с постановлениями Правительства Российской Федерации в сфере обеспечения института отцовства аналогична указам Президента, т.е. они касаются либо обеспечения прав человека и гражданина вообще⁸, либо семьи, материнства и детства⁹.

Отметим, что отдельно среди органов исполнительной власти России вопросами социальной защиты населения, в том числе социальной защиты семьи, женщин и детей занимается Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации (далее – Минздравсоцразвития России). Для реализации данного направления деятельности в структуре Министерства организованы департаменты по решению отдельных узконаправленных задач (например, Департамент организации социальной защиты населения, Департамент анализа и прогноза развития здравоохранения и социально-трудовой сферы, Департамент охраны здоровья и санитарно-эпидемиологического благополучия человека, Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения и социального развития, Федеральная служба по труду и занятости и др.).

Работа выполнена в рамках государственного задания; регистрационный номер 6.2962.2011.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.
2. Федеральный конституционный закон РФ от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (с изм. от 30 декабря 2008 г.) // СЗ РФ. – 1997. – № 51. – Ст. 5712; www.garant.ru
3. Постановление Правительства РФ от 11 декабря 1992 г. № 958 «О мерах по обеспечению социальной защиты граждан из подразделений особого риска» (ред. от 24.12.2008 г.) // СЗ РФ. – 1999. – № 22. – Ст. 2756; www.garant.ru;
4. Постановление Правительства РФ от 27 июля 1996 г. № 901 «О предоставлении льгот инвалидам и семьям, имеющим детей-инвалидов, по обеспечению их жилыми помещениями, оплате жилья и коммунальных услуг» // Российская газета. – 1996, 10 августа и др.
5. Постановление Правительства РФ от 22 января 1997 г. № 58 «О мерах социальной защиты лиц, привлекаемых к выполнению специальных задач, связанных с проведением мероприятий по борьбе с терроризмом» (ред. от 21.02.2008 г.) // Российская газета. – 2007, 14 марта; www.garant.ru;
6. Постановление ГД ФС РФ от 20 ноября 1997 г. 1929-II ГД «О Концепции законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин» // Ведомости ФС РФ. – 1997. – 1997. – № 35. – Ст. 1582.
7. Постановление Правительства РФ от 27 октября 2001 г. № 748 «О присоединении Российской Федерации к Частичному соглашению 1990 г., учреждающему Европейскую комиссию за демократию через право» // <http://www.government.ru/government> и др.
8. Постановление Правительства РФ от 12 декабря 2007 г. N 862 «О Правилах направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий» // Российская газета. – 2007, 19 декабря.

⁷ Российская газета. – 2009, 27 мая.

⁸ См., например, постановления Правительства РФ от 11 декабря 1992 г. № 958 «О мерах по обеспечению социальной защиты граждан из подразделений особого риска» (ред. от 24.12.2008 г.) // СЗ РФ. – 1999. – № 22. – Ст. 2756; www.garant.ru; от 22 января 1997 г. № 58 «О мерах социальной защиты лиц, привлекаемых к выполнению специальных задач, связанных с проведением мероприятий по борьбе с терроризмом» (ред. от 21.02.2008 г.) // Российская газета. – 2007, 14 марта; www.garant.ru; от 27 октября 2001 г. № 748 «О присоединении Российской Федерации к Частичному соглашению 1990 г., учреждающему Европейскую комиссию за демократию через право» // <http://www.government.ru/government> и др.

⁹ См., например: Постановление Правительства РФ от 12 декабря 2007 г. N 862 «О Правилах направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий» // Российская газета. – 2007, 19 декабря; от 27 июля 1996 г. № 901 «О предоставлении льгот инвалидам и семьям, имеющим детей-инвалидов, по обеспечению их жилыми помещениями, оплате жилья и коммунальных услуг» // Российская газета. – 1996, 10 августа и др.

9. Постановление Правительства от 18 мая 2009 г. № 423 «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан» // Российская газета. – 2009, 27 мая.
10. Мархгейм М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2005. – С. 236.
11. <http://www.komitet2-6.km.duma.gov.ru/site.xp/055055.html>

THE ROLE OF THE LEGISLATIVE AND EXECUTIVE AUTHORITIES (FEDERAL LEVEL) TO PROTECT THE RIGHTS OF FATHERS

S. TYCHININ¹⁾
P. DEREVIANKO²⁾

*Belgorod National
Research University*

¹⁾*e-mail: Tychinin@bsu.edu.ru*

²⁾*e-mail: apa06@mail.ru*

The article presents a description of legislative and executive bodies of state power from the perspective of their involvement in protecting the rights of fathers. The author indicates areas for improvement of legislation in this area of relationships.

Key words: fathers' rights, the State Duma, Federation Council, the Government of the Russian Federation, Committee for Family, Women and Children, the Committee on Social Policy and Health.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК – 21.009:172.3

СВОБОДА СОВЕСТИ И ОПАСНОСТЬ ПРЕЦЕДЕНТА ДЕЛА «ЛАУТСИ ПРОТИВ ИТАЛИИ»

М.А. АВИЛОВ*Тульский государственный
педагогический
университет
им. Л.Н. Толстого***e-mail:****Ved2_Sociology@bsu.edu.ru**

Проблема соотношения теоретического и практического представления о свободе совести в контексте взаимодействия международных правовых норм и национального законодательства и проблема публичного статуса религии, нуждается в разностороннем осмыслении, в том числе, философском анализе ситуации. Наглядным примером этого соотношения является практика Европейского Суда по правам человека, в частности в статье приведены прецедентные решения по статье 9 Европейской Конвенции. Последнее такое решение – дело «Лаутси против Италии», вызвавшее большой резонанс в обществе. Автор анализирует реакцию на этот прецедент светских учёных и представителей религии.

Ключевые слова: свобода совести, религиозная свобода, государственно церковные отношения, публичный статус религии, Лаутси против Италии.

Философское осмысление и практическое обоснование свободы совести как фундаментального принципа любого общества, которое признаёт ценность человеческой свободы, имеют особенное значение в актуальных сегодня вопросах национальной самоидентификации и публичного статуса религии. Европейское сообщество является воплощением такого многонационального объединения. Именно поэтому, на фоне интеграции культур оно (общество) сталкивается с проблемой грамотного сочетания национальных законодательств с международными правовыми нормами.

Понятие «свобода совести», пожалуй, самое необходимое для правосознания и в той же мере спорное в своем практическом воплощении. В нем заключено представление о естественной свободе человека в контексте общественной системы. Определение термина «свобода совести» на сегодняшний день звучит следующим образом: свобода совести – это естественное и основополагающее право каждого на самостоятельный выбор своих убеждений и возможность их проявления в действиях и поступках не в ущерб другим людям и обществу в целом¹. Это понятие является универсальным и наиболее емким определением всего многообразия мировоззренческого выбора человека, и не ставит акцент только на нравственном аспекте прав и свобод. Свобода совести ограничивается лишь рамками собственного нравственного сознания индивидов и ни чем (ни кем) более. Таким образом, свобода совести – это, прежде всего, свобода мировоззрения (любого).

¹«Свобода совести в Российской Федерации», Специализированный доклад за 2009 год. Часть I. Институт свободы совести, Москва, 2010, <http://portal-credo.ru/site/?act=lib&id=2650>;

В совокупности индивидуальных свобод термин «свобода совести» определяется уже не только как естественное право, но и как обязанность каждого соблюдать свободу другого. Это суждение строится на основании наличия в человеке некоего естественного регулятора поведения. И в этом смысле, свобода совести, безусловно, зависит от нравственного выбора индивида. Такая этическая категория нравственной философии как «совесть» несет в себе функцию самостоятельного регулятора человеческого поведения, способность человека к самоконтролю. При этом личность самостоятельно формулирует и реализует собственные нравственные обязательства, соответствующие своему ценностному выбору. Согласно этому, совесть является выражением нравственного самосознания личности. Это самосознание и осуществляет контроль человеческого поведения и служит регулятором межличностных отношений, при котором происходит осознание собственной свободы граничащей со свободой других личностей. Естественно, это затрагивает весь спектр человеческих прав и свобод: мысли, слова, религии и др.. В современной правовой культуре свобода совести является ключевым определением – системообразующим правом, квинтэссенцией правосознания.

Право на свободу совести на сегодняшний день официально закреплено в международных документах, таких как: Всеобщая декларация прав человека (принятая резолюцией 217А (III) Генеральной Ассамблеей от 10 декабря 1948 года, статья 18)²; Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1953г.)³; Международный пакт о гражданских и политических правах⁴ (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года; вступил в силу 23 марта 1976 года); Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (25 ноября 1981 г.)⁵. Помимо международных документов, этот принцип также закреплен в законах и конституциях отдельных государств (России⁶, Германии⁷, Швейцарии⁸ и др.). Все эти документы провозглашают права на свободу мысли, совести и вероисповедания, и требуют соблюдения прав человека и основных свобод для всех, без различия расы пола, языка и религии.

В этом списке правовых международных документов необходимо отдельно выделить Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод (1950г.). Этот документ был разработан Советом Европы. Конвенция была открыта для подписания в Риме 4 ноября 1950 года и вступила в силу в сентябре 1953 года. Опираясь на положения Всеобщей декларации прав человека 1948 года, авторы Конвенции стремились достичь целей Совета Европы путем защиты и развития прав человека и основных свобод. Конвенция стала первым шагом на пути коллективного осуществления прав, закрепленных во Всеобщей декларации.

Конвенция не только провозгласила некоторые гражданские и политические права и свободы, но также создала механизм обеспечения соблюдения обязательств, принятых на себя государствами-участниками. Контроль за соблюдением обязательств был возложен на три органа: Европейскую комиссию по правам человека (учреждена в 1954 году), Европейский суд по правам человека (учрежден в 1959 году) и Комитет министров Совета Европы, состоящий из министров иностранных дел государств-участников или их представителей.

Европейский суд по правам человека – международный судебный орган, юрисдикция которого распространяется на все государства-члены Совета Европы, ратифици-

²Статья 18: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии»;

³Статья 9: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии»;

⁴Статья 18 Пункт 1: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии»;

⁵Статья 1 Пункт 1: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии»;

⁶Конституция РФ Глава 2. Права и свободы человека и гражданина Статья 28: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.»;

⁷Конституция Федеративной республики Германии Статья 4.а. Свобода вероисповедания, совести и свобода провозглашения религиозных и мировоззренческих взглядов ненарушимы;

⁸Конституция Швейцарской конфедерации Статья 49 Пункт 1. Свобода совести и вероисповедания ненарушимы.

ровавшие Европейскую конвенцию о защите прав человека (ЕКПЧ) и основных свобод, и включает все вопросы, относящиеся к толкованию и применению Конвенции, включая межгосударственные дела и жалобы отдельных лиц. В нашей стране его юрисдикция распространяется с 30 марта 1998 года. Этот орган был создан в первую очередь, как (сказано в статье первой Устава) «...для защиты прав человека, укрепления парламентской демократии и обеспечения верховенства закона...». Европейский суд все чаще рассматривает дела связанные с нарушением статьи 9 «Свобода мысли, совести и религии». Стоит отметить, что за первые 23 года существования данной статьи о ее нарушении не было вынесено ни одного решения!

Первое вынесенное решение, включающее в себя религиозный аспект – это дело «Коккинакис (Kokkinakis) против Греции» от 25 мая 1993 г.. 2 марта 1986 г. в доме супругов Кириаки, исповедующих православие, полиция арестовала Свидетелей Иеговы г-на и г-жу Коккинаки. Согласно фактам, которые впоследствии были установлены судами, супружеская пара Коккинаки вступила в дискуссии с г-жой Кириаки. Г-н Коккинаки предположительно попытался обратить ее в свою веру. Тогда супруг г-жи Кириаки вызвал полицию. Затем супруги Коккинаки были обвинены в прозелитизме – правонарушении, подпадающем под Раздел 4 Закона N.1363/1938. 20 марта 1986 г. уголовный суд г. Лазити вынес обвинительный приговор и назначил наказание в виде лишения свободы сроком на 4 месяца для каждого из обвиняемых. Мера наказания могла быть заменена денежным штрафом. 17 марта 1987 г. апелляционный суд г. Креты оправдал г-жу Коккинаки, но приговор ее мужу оставил без изменений. Кассационный суд отклонил его жалобу по мотивам нарушения норм процессуального права. Главный вопрос, который должен был решить Суд по Правам Человека, заключался в том, является ли приговор г-ну Коккинаки нарушением его права на свободу мысли, совести и религии, которая гарантируется статьей 9 ЕКПЧ. В обстоятельствах данного дела Суд счел, что приговор, постановленный национальными судами, представляет собой вмешательство в осуществление г-ном Коккинаки права на свободу исповедовать свою религию или убеждения (Ст. 9-1 ЕКПЧ). Так, Суд признал нарушение статьи 9 Конвенции.

В деле «Мануссакис (Manoussakis) и другие против Греции» от 26 сентября 1996 г. заявители (г-н Титос Мануссакис, г-н Константинос Макридакис, г-н Кириакос Баксеванис и г-н Вассилиос Хадджакис), являясь членами религиозной общины «Свидетели Иеговы», арендовали большое помещение. Договор об аренде предусматривал, что оно будет использоваться для всевозможных собраний, свадеб и т. д. их религиозной общины. 28 июня 1983 г. заявители обратились к министру национального образования и культов за разрешением использовать это помещение для религиозных служб и молитв. Однако вслед за этим ортодоксальная церковь того же района обратилась к полицейским властям города с жалобой на незаконное, без соответствующего разрешения, функционирование молитвенного дома «Свидетелей Иеговы». В декабре 1984 г. министр уведомил заявителей, что у него нет всех необходимых материалов для рассмотрения их обращения. 3 марта 1986 г. прокуратура Гераклиона возбудила уголовное дело против заявителей на основании положений статьи 1 Закона N.1363/1938, с учетом поправок, внесенных Законом N.1672/1939, обвинив их, в частности, в создании без разрешения церковных властей, государственной религии и министра национального образования и культов, молитвенного дома и использовании его для религиозных собраний и церемоний для своих адептов. 6 октября 1987 г. Уголовный суд оправдал заявителей, указав, что «...при отсутствии каких-либо актов прозелитизма, сторонники любой веры имеют право встречаться даже в таких местах, где на проведение религиозных собраний не имеется разрешения.» Тем не менее 8 октября 1987 г. прокуратура Гераклиона обжаловала это решение и 15 февраля 1990 г. добилась в Апелляционном суде осуждения заявителей. Каждый из них был приговорен к трехмесячному тюремному сроку (который мог быть заменен оплатой в 400 драхм за каждый день) и штрафу в 20 000 драхм. Заявители подали кассационную жалобу по вопросам права, утверждая, в частности, что положения статьи 1 вышеупомянутого Закона и требование получить разрешение на открытие места проведения религиозных собраний противоречат статье 13 Конституции Греции и статье 9 Европейской Конвенции по правам человека, которые гарантируют право на свободу религии и вероисповедания. Кассационный суд отклонил жалобу в марте 1991 г. В своем докладе от 25 мая 1995 г. Ко-

миссия установила обстоятельства дела и выразила единогласно мнение, что статья 9 была нарушена.

В деле «Александридис (Alexandridis) против Греции» от 21 февраля 2008 г. заявитель, допущенный к адвокатской практике в суде первой инстанции, был обязан принести присягу. Согласно действующему законодательству это предусматривало религиозную церемонию. Чтобы заменить ее торжественным заявлением, г-н Александридис был обязан заявить, что является атеистом, или что его религия не допускает присяги. Заявитель утверждает, что в соответствии с обычной практикой секретариат суда выдал ему формуляр, содержащий стандартный текст. На публичном слушании он передал надлежащим образом заполненный формуляр председателю суда. Когда последняя предложила ему положить правую руку на Библию для принесения присяги, он заявил, что не является православным, и потому желает сделать торжественное заявление, на что и получил разрешение. Греческое государство-ответчик в то же время утверждает, что вместо обращения в секретариат суда заявитель обратился непосредственно к председателю суда за разрешением сделать торжественное заявление. Председатель дала разрешение. После этого заявитель обратился в секретариат суда. Там имелись два формуляра: один – для религиозной присяги, другой – для торжественного заявления; заявитель не просил нужный формуляр и заполнил тот, что предназначался для религиозной присяги. В своих возражениях на доводы заявителя государство-ответчик отмечало, что заявитель действительно имел при себе формуляр для религиозной присяги при обращении к председателю суда, но после этого просил разрешения на торжественное заявление. Он не делал попыток исправить документ. Постановление Суда гласило, что по делу допущено нарушение требований статьи 9 Конвенции (принято единогласно).

Эти примеры наглядно показывают отсутствие однозначности законодательной нормы в принятии практических решений о допустимой реализации права на свободу совести. В реальной жизни мы наблюдаем дисбаланс между законодательно закрепленным и практически осуществляемым представлением о свободе совести. Многообразие культурно-исторического наследия отдельных государств и, вместе с тем, требование самоидентификации и цельности гражданского общества, духовного развития – это современная основа реализации правосознания. И в этом, безусловно, большая сложность поддержания необходимого равновесия личной свободы и общественных интересов. Нельзя прийти к универсальному выводу о безусловности реализации права на свободу совести. Оно всегда реализуется в общественной системе конкретного государства при определенных обстоятельствах. Однако, само это право, конечно же, должно быть априорным и неоспоримым никакими условностями. Подобные судебные дела как раз и являются поисками сотрудничества частного и общественного, практическим осуществлением права на свободу совести в конкретной общественной системе. От этих прецедентов во многом зависит судьба всех субъектов государственно-церковных отношений, и, в частности, позиция тех церквей, которые имеют статус государственных, исторически значимых и т.д..

В связи со всем выше изложенным, рассмотрим еще один интересный и значительный пример, актуальный непосредственно для российской действительности – дело «Лаутси против Италии».

В 2002 году гражданка Италии финского происхождения Соиле Лаутси обратилась в администрацию школы Абано Терме. Она просила убрать символы распятия Христа из классов, в которых занимались ее дети, поскольку это противоречит принципу независимости государства от церкви. В подкрепление своей позиции итальянка ссылалась на решение Кассационного суда от 2000 года, постановившего убрать символы распятия из помещений избирательных участков, чтобы не нарушать принципов светского государства. В мае 2002 года школьная администрация отказала Лаутси в ее просьбе. Более того, министерство образования Италии в том же месяце распространило по всем школам страны директиву, предписывающую не убирать распятия из классов по просьбе недовольных родителей. Однако настойчивая итальянка не отказалась от намерения защитить своих детей от влияния католической церкви и подала жалобу в региональный административный суд региона. Ответчиком выступило само министерство образования, доказывавшее, что в размещении символов распятия в школах нет ничего противоправ-

ного. Административный суд санкционировал передачу дела в Конституционный суд, которому предстояло окончательно решить, нарушают ли распятия в классах конституцию Итальянской республики.

В Конституционном суде представитель правительства заявил, что присутствие распятия в школах для Италии совершенно естественно, поскольку оно является не только **религиозным(!) атрибутом, но и символом(!) единственной упомянутой в конституции церкви**. В марте 2005 года суд отказался удовлетворить иск Соиле Лаутси, обосновав свое решение тем, что **распятие является неотъемлемой частью итальянского культурно-исторического наследия**, а, следовательно, итальянского культурного самосознания, **символизируя равенство, терпимость и взаимную независимость церкви и государства**.

Все это привело к тому, что в 2006 году итальянка подала жалобу в Европейский суд по правам человека. Решение по делу было вынесено 3 года спустя а ноябре 2009, Страсбургский суд с доводами итальянской юстиции не согласился и на основании того, что присутствие в школьных классах символов распятия нарушает права детей, исповедующих другие религии или являющихся атеистами, удовлетворил иск Лаутси, обязав Рим выплатить ей компенсацию.

Решение суда было воспринято негативно как Ватиканом, так и светским итальянским правительством. Члены итальянского кабинета министров заявили, что христианское распятие является, прежде всего, культурным символом и тесно связано с историческим прошлым страны. Официальный представитель Ватикана Федерико Ломбарди назвал запрет на христианские символы «близоруким» и обвинил Европейский суд во вмешательстве во внутреннюю жизнь Италии.⁹

Итальянское правительство решило протестовать решение Европейского суда и в январе 2010 года подало апелляцию с требованием пересмотреть дело в высшей инстанции Суда – Большой палате. Повторное слушание по делу «Лаутси против Италии» состоялось в Страсбурге 30 июня 2010 года. Особенность рассмотрения дела в Большой палате Европейского суда по правам человека состояла в том, что к нему были допущены в качестве третьей стороны следующие участники, действующие коллективно: 33 члена Европейского Парламента, целый ряд неправительственных организаций – международных и также национальных из Греции, Италии, Германии и Франции, и наконец, правительства государств – членов Совета Европы: Армении, Болгарии, России, Греции, Литвы, Мальты, Монако и Сан-Марино (эти правительства не только представили свое мнение в письменном виде, но и коллективно участвовали в самом слушании через своего представителя).

Новое решение отменило предыдущее, принятое в ноябре 2009 года, когда был удовлетворен иск Соиле Лаутси. 18 марта 2011 года Большая Палата Европейского Суда по правам человека объявила решение по делу Лаутси против Италии (известное еще как «дело о крестах в школах Италии»). Спустя восемь месяцев от заседания, посвященного пересмотру решения, судьи Большой Палаты пришли к выводу, что правительство Италии не нарушило права заявителей на образование. По мнению судей, в этом случае также нет оснований отдельно рассматривать вопрос о нарушении права на свободу совести или дискриминации по религиозному признаку и то, что **вопросы о религиозных символах в школах входят в пределы усмотрения государства**. Было отмечено, что среди государств Европы нет консенсуса по этому вопросу, а потому **каждое правительство может действовать по собственному усмотрению, если решения в этой сфере не обретают форм навязчивого обучения религии (катехизации)**. По мнению Суда, тот факт, что наличие крестов или распятий в классах государственных школ Италии отражает в школьной среде доминирующие в государстве религиозные предпочтения, сам по себе не достаточен для того, чтобы свидетельствовать о политике катехизации детей. Кроме того, наличие распятий не было связано с обязательным учением о Христианстве. Большая Палата Суда также установила отсутствие оснований предполагать, что власти Италии

⁹«Ватикан осудил запрет католических символов в итальянских школах» 04.11.2009, Лента.ру, <http://www.lenta.ru/news/2011/03/18/crucify/> ;

были нетерпимы к тем ученикам, которые исповедовали другие религии, были неверующим или имели нерелигиозные убеждения. Подытоживая, Суд заявил об отсутствии доказательств того, что демонстрация крестов или распятий в классных комнатах могла засвидетельствовать пренебрежение или препятствие со стороны государства в реализации права родителей обучать и наставлять своих детей на жизненный путь в соответствии со своими собственными религиозными или мировоззренческими убеждениями. Согласно Европейской Конвенции решение Большой Палаты Европейского Суда по правам человека по данному делу является окончательным и пересмотру не подлежит.

Дело Лаутси вызвало огромный резонанс в европейском обществе. Показательно, что в апреле-мае 2010 года главы ряда христианских Церквей Украины направили письменные обращения на имя президента Европейского Суда Жана-Поля Косты, в которых просили приобщить к материалам дела Лаутси общую позицию украинских Церквей в защиту права каждой нации сохранять собственные религиозные традиции и символы.

Применительно к данному делу, удивительна оправдательная формулировка наличия распятий в школах (в качестве исторически-культурного символа, апеллирующего к равенству, терпимости и взаимной независимости церкви и государства) в государстве, где значительную часть времени нераздельно правила именно католическая церковь. Кроме того, если религиозная символика в классах, по утверждению Суда, не оказывает никакого влияния на учеников, необходимость ее размещения становится еще более сомнительной. Не логичнее ли было бы обратиться к символике самого государства, которая уж точно, без всяких споров, символизирует гарантированные ее конституцией равенство, терпимость и взаимную независимость церкви и государства? Школа, в данном случае, как государственное светское учреждение выступает со стороны государства, открыто говоря о поддержке государством «исторической» религии, тем самым, отстаивая самоидентификацию итальянского народа. И в этом смысле, Итальянское государство получает оправдание своей предвзятости. Но может ли такое оправдание быть прецедентом в спорах о защите права на свободу совести отдельного гражданина? И чем в данном конкретном случае государственная школа отличается от помещений избирательных участков? Открытое противоречие между определением светского государства и культурно-историческими «религиозными атрибутами», явно доминирующими «конституционно привилегированными» церквями, сегодня далеко не редкость. И печальная составляющая в этом вопросе не их доминанта, а подчас агрессивная по отношению к другим религиям попытка восстановить утраченные позиции. Сегодня мы сталкиваемся с этим в России.

Наша страна на этом процессе выступала в качестве третьей стороны. Отклик не заставил себя ждать: глава синодального Отдела по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин призвал православных быть смелее в проявлении своей веры. В своей статье, опубликованной в апрельском номере православной газеты «Русь державная» священник призвал «...без всякого стеснения творить знамение креста там, где желаем это делать, помещать изображение креста там, где живем и работаем, он подчеркнул, что «...не нужно бояться быть христианами». Вот еще одна его цитата: «Не надо бояться говорить о том, что нашему обществу нужно нравственное обновление, если хотите, нравственная революция. И осуществить ее возможно не своими силами, а крестной силой и силой Божьей благодати. И мы должны это сделать, если нам дорого будущее нашего народа». В своем призыве он опирался на недавние споры в Европейском суде по правам человека по делу «Лаутси против Италии», которое по его выражению «...фактически поставило вопрос: быть или не быть изображению креста Господня в государственных школах стран-членов Совета Европы». Священник указал на то, что сегодня международное право подчас понимается не как нормы, принятые правительствами разных стран и ратифицированные их парламентами, а как судебные прецеденты, свойственные для англо-американской правовой системы. Именно поэтому решения Страсбургского суда пытаются подавать «...как незыблемый закон, обязательный для исполнения во всех странах-членах Совета Европы». «Понимая это, многие христиане Запада при поддержке православных из целого ряда стран, включая Россию, начали оспаривать решение ЕСПЧ, фактически запрещавшее размещение распятий в школах Италии. Сегодня это решение пересмотрено в окончательном суждении. Аналогичная победа одержана в Перу, где Конституционный суд признал возможным присутствие распятия в залах су-

дебных заседаний», – сказано в статье. Таким образом, делает вывод автор, сторонники **«тотального изгнания религии из жизни общества»** теряют аргументы – как правовые, так и общеправовые, **но «борьба не прекращается ни на миг и никогда не прекратится»**.¹⁰

Представитель Русской Православной Церкви при Совете Европы Игумен Филарет (Булеков) был более сдержан, но не менее конкретен в выражении своей позиции: «Наконец, следует сказать еще об одном аспекте рассматриваемого решения Европейского суда. В нем косвенно утверждается очень важная норма: правовое регулирование религиозного присутствия в общественной жизни конкретных стран есть дело самих этих стран, то есть их национального законодательства и их правительств. Иначе говоря, ныне действующие международные правовые нормы не могут быть основанием для вмешательства в те традиционно сложившиеся религиозно-общественные уклады, которые характерны для определенных стран и культурных регионов. Универсальные права и свободы человека – это только один правовой полюс; другим полюсом всегда является национальное законодательство, потому что только оно может и должно учитывать процессы, которые происходят в реальной жизни людей».¹¹

Инициатива председателя синодального отдела по взаимодействию Церкви и общества Всеволода Чаплина, как и многие другие предложенные им корректировки поведения и внешнего вида для православных, тут же натолкнулась на критику. Правозащитники встретили в «штучки» инициативу Русской православной церкви размещать кресты не только дома, но и на работе. «Проблема нашего общества не в том, что крестов висит мало, а в безнравственности. Пусть занимаются проповедью, а не формальным насаждением каких-то атрибутов православия», – заявил «Интерфаксу» лидер движения «За права человека» Лев Пономарев. Он напомнил, что Россия – светское государство, в котором церковь отделена от государства. «Я считаю, что атрибутов не должно быть в государственных учреждениях, школах и институтах. К примеру, в школах повесят кресты, окажется, что несколько человек – мусульмане. Они захотят, чтобы висели полумесяцы. И зачем все это нужно? Все это будет только разделять общество», – сказал Пономарев, и добавил, что если в кабинете работают несколько человек, которые считают себя православными, помещать им разместить кресты никто не имеет права.¹²

Подобная позиция общественного представителя РПЦ, к сожалению, не является частным мнением отдельного священника. Его реплики и подобные им, указывающие на «изгнание религии из жизни общества» и «непрекращающуюся борьбу» с «засильем бесбожничества» разве имеют под собой правовые или общеправовые аргументы? Разделение церкви и государства и с точки зрения права, и с точки зрения философии – есть прогрессивный путь утверждения человеческой свободы, имеющей, к слову, в христианстве основное условие богопознания. Неясно также, каким образом, утверждение религиозного многообразия и терпимости в правовом государстве лишает общество религиозной составляющей. Очевидна несостоятельность и противоречивость подобных высказываний. Но очевиден также и их агрессивный характер, и степень влияния, которое они способны оказывать на верующих. Нетрудно представить себе с каким ликованием и размахом такие религиозные деятели могут взять «на вооружение» решение Европейского Суда по делу Лаутси.

Опасность несдержанности в выражении своих позиций христианских церквей на основании исторической доминанты, конечно же есть. В России, как и в некоторых европейских государствах, эта проблема укореняется в законодательную основу. Это закон «О свободе совести и религиозных объединениях», в преамбуле которого отмечается особая роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры.¹³

¹⁰ «Крест на работе» 07.04.2011, ReligioPolis, <http://www.religiopolis.org/publications/2352-krest-na-rabote.html>;

¹¹ «Дело о распятиях в школе»: победа здравого смысла 21.03.2011 Игумен Филарет (Булеков), представитель Русской Православной Церкви при Совете Европы <http://www.patriarchia.ru/db/text/1433483.html>;

¹² «Протоиерей Всеволод Чаплин призвал не бояться публично демонстрировать свою религиозную принадлежность» 05.04.2011, Сова Центр, <http://www.sova-center.ru/religion/discussions/society/2011/04/d21331>;

¹³ Закон о свободе совести и религиозных объединениях от 26 сентября 1997 года N 125-ФЗ.

Проблема соотношения теоретического и практического представления о свободе совести – это сложный многоплановый процесс взаимодействия международных правовых норм и национального законодательства. На сегодняшний день нет идеальной схемы их взаимодействия, и не верно было бы пытаться вывести что-то одно на первый план. Сегодня в мире остро стоит вопрос народной самоидентификации, и поэтому, решающий голос, видимо, будет иметь национальное законодательство. В этой связи, будут громкими и выступления религиозных деятелей, подобно протоиерею Всеволоду Чаплину. Сомнительно, что агрессивная религиозность сможет провести «нравственную революцию», и уж тем более достичь «нравственного обновления». Все-таки и христианство говорит о том, что нужно двигаться к идеалу, а не подстраивать идеал под себя. Национальное законодательство должно стать грамотным инструментом воплощения международных правовых норм.

Список литературы

1. «Свобода совести в Российской Федерации», Специализированный доклад за 2009 год. <http://portal-credo.ru/site/?act=lib&id=2650>;
2. Конституция РФ
3. «Ватикан осудил запрет католических символов в итальянских школах» <http://www.lenta.ru/news/2011/03/18/crucify/>
4. «Крест на работе» <http://www.religiopolis.org/publications/2352-krest-na-rabote.html>;
5. «Дело о распятиях в школе»: победа здравого смысла Игумен Филарет (Булеков), <http://www.patriarchia.ru/db/text/1433483.html>;
6. «Протоиерей Всеволод Чаплин призвал не бояться публично демонстрировать свою религиозную принадлежность» <http://www.sova-center.ru/religion/discussions/society/2011/04/d21331>;
7. Закон о свободе совести и религиозных объединениях от 26 сентября 1997 года N 125-ФЗ

FREEDOM OF CONSCIENCE AND THE THREAT OF A PRECEDENT CASE "LAUTSI V. ITALY"

M.A. AVILOV

*Tula Tolstoy State
Pedagogical University*

*e-mail:
Ved2_Sociology@bsu.edu.ru*

The problem of correlation of theoretical and practical understanding of freedom of conscience in the context of the interaction between international law and national legislation and issue a public status of religion, needs to be multifaceted understanding, including the philosophical analysis of the situation. A good example of this relationship is the practice of the European Court of Human Rights, in particular in the article the precedent decision on Article 9 of the European Convention. The last such decision – the case "Lautsi v. Italy," which caused a great resonance in the society. The author analyzes the reaction to the case of secular scientists and religious representatives.

Key words: Freedom of conscience, religious freedom, state-church relations, public status of religion, Lautsi versus Italy.

УДК 316.7

УСЛОВИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КЛАСТЕРА В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Н.О. АНДРОСОВА*Академия переподготовки
работников искусства,
культуры и туризма**e-mail:
Androsova@belkult.ru*

Аргументирована целесообразность создания социокультурного кластера отдельно взятого региона как системы, в которой реализуются наиболее оптимальные механизмы взаимодействия учреждений культуры и различных организаций, расположенных на территории муниципальных образований. Социокультурный кластер рассматривается как ключевой элемент социальной инфраструктуры, особенно в сельской местности. Охарактеризованы основные предпосылки и условия реализации кластерного подхода в социокультурной сфере. Данная совокупность условий и предпосылок разделена автором на три основные группы: историко-географические, социально-экономические и организационно-правовые.

Ключевые слова: культурная среда, кластер, социокультурная деятельность, народные дома

Современная сфера социокультурной жизни общества обеспечивается, прежде всего, деятельностью учреждений культуры. Задача сохранения и развития культурного пространства каждого региона, формирования культурной среды в каждом населённом пункте, создания необходимых условий для культурно-творческой деятельности населения, является одним из базовых элементов, обеспечивающих существование России как единого государства.

Современное понимание роли и значения культуры подчеркивает особую актуальность сети муниципальных учреждений культуры в процессе формирования качественно новых отношений между людьми. Одним из основных факторов общественного прогресса становится доверие между людьми, причем на всех уровнях: государство-общество, власть-народ, человек-человек. Учреждение культуры может обеспечить широкий диапазон и универсальность содержания процессов реализации этого доверия, создать оптимальные условия для развития личности, коллективных форм организации, обуславливающих взаимодействие различных социальных, профессиональных, культурных, возрастных групп населения.

Общепризнанно, что стратегия страны – это выбор направления развития определенного объекта (страны в целом, отрасли, территориального образования), т.е. определение движения объекта во времени (траектории развития).

Исходным пунктом разработки стратегии развития является попытка соединения желаемых целей и ограниченных возможностей.

Стратегическая задача культурной политики каждого региона, на наш взгляд, состоит в том, чтобы в сфере культуры была осуществлена программа комплексной модернизации отрасли. Под ней понимается не вульгарная замена бесплатных форм культурной деятельности платными услугами, не переход от государственного финансирования учреждений культуры к их самофинансированию и тому подобные решения, но целенаправленная, кропотливая и системная работа по дифференцированному использованию культурного потенциала как творческого ресурса развития инновационной экономики государства.

Вышеуказанная задача может найти свое решение на основе кластерного подхода применительно к социокультурной деятельности. Согласно определению, приведенному в словаре В. К. Мюллера термин «cluster» означает «скопление, концентрацию»¹.

¹ Мюллер В. К. Англо-русский и русско-английский словарь : 150 000 слов и выражений. М., 2009. – С. 114.

Основоположник кластерного подхода М. Портер указывает, что кластеры помогают не только зарабатывать деньги, но и служат лучшей средой для инноваций, самореализации людей и налаживания отношений в сообществе². На наш взгляд, это высказывание имеет самое непосредственное отношение к развитию культурной среды любой территории. Социокультурный кластер сконцентрирует материальные, организационные, инфраструктурные, кадровые ресурсы муниципального образования и создаст принципиально новую, привлекательную для населения культурную среду.

Кластер, по мнению аналитика Издательского дома «Ом-Медиа» А. Личутина, реабилитирует понятие «культурной услуги», которое до сих пор вызывает отторжение у профессионалов сферы культуры. Формулируя «Тезисы о культурных кластерах», А. Личутин делает заключение, что в случае «культурной услуги» мы действительно переживаем некоторый опыт, который может дать данная территория, данное сообщество, данная традиция. Целостность, многогранность этого опыта способен обеспечить только кластер³.

Под **социокультурным кластером** будем понимать многоуровневую, внутренне дифференцированную открытую динамичную систему, интегрирующую учреждения и организации независимо от организационно-правовых форм собственности, с целью формирования благоприятной социально-культурной среды и предоставления населению качественных услуг.

Мы полагаем, что в настоящее время в Белгородской области сложились необходимые условия и предпосылки для создания социокультурного кластера (рис. 1).

Рис. 1. Основные условия и предпосылки создания социокультурного кластера в Белгородской области

² Портер М. Конкуренция. М., 2002. – С. 129.

³ Личутин А. Тезисы о культурных кластерах// Экология культуры. 2008. № 2. – С. 16-17.

Анализ историко-географических предпосылок создания социокультурных кластеров, с позиции сущностных характеристик кластерного подхода, позволил установить преемственную связь между понятиями «социокультурный кластер» и «народный дом».

Первым народным домом в России принято считать Лиговский народный дом в Санкт-Петербурге, открытый в 1903 году на средства графини Паниной. Идея его нашла последователей. Появились народные дома Харьковской и Киевского обществ грамотности, народные дома в Воронежской, Курской, Симбирской, Ярославской губерниях⁴. Народные дома, являясь центрами общественной жизни, обслуживали разнообразные потребности местного населения: просветительские, культурные и экономические. Объединяя в себе всю деятельность земства в области внешкольного образования, народные дома сплачивали имеющиеся культурные силы местного населения и устанавливали тесную связь между ними и земством на почве просветительной деятельности.

Можно отметить, что государственные органы власти выступали гарантами становления народных домов: либо им принадлежала инициатива постройки дома и поиск партнёров и меценатов для этого (например, Псковский народный дом был устроен городским управлением), либо они морально и материально поддерживали уже проявленную инициативу (так, Нижегородская городская дума постановила 19 октября 1905 года «принять содержание народного дома в Нижнем Новгороде на счёт города»), либо они выступали посредником в поисках возможных содержателей домов. К примеру, Томская городская дума передала в аренду местному союзу русского народа народный дом, построенный на частные средства, Харьковский народный дом был открыт усилиями общества грамотности и попечительства о народных чайных при материальной поддержке в 80 тыс. рублей Министерства финансов.

В структуру народного дома входили отделы, выполняющие рекреационную, просветительскую функции и функцию социального обеспечения (отдел здоровых развлечений, внешкольного образования, благотворительности), деятельность которых носила некоммерческий характер; библиотека-читальня, дешёвая столовая или чайная. Иногда при библиотечках открывались пункты продажи книг и книжный склад.

Управление народными домами осуществлялось на основе местного самоуправления. Учредительным органом выступали общественные организации, сельские общества, кооперативы. Законодательным являлось общее собрание членов общества. Управление осуществлял коллегиальный орган (комитет) из представителей земства и общественных организаций. Впоследствии, народные дома переродились в рабочие клубы, затем во дворцы (дома) культуры. Создание сети модельных домов культуры в Белгородской области позволяет возродить традиции народных домов с учетом нынешних реалий, проектируя социокультурный кластер каждой территории муниципального образования (рис. 2).

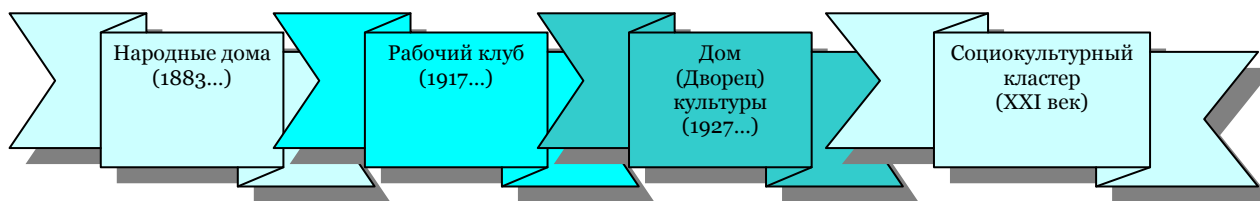

Рис. 2. Эволюция учреждений культуры

⁴ Волкова Т. И. Роль ярославского земства в формировании системы сельских культурных учреждений // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 3-8 ; Доница О. И. Народные дома как центры Симбирского губернского внешкольного образования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 1. С. 70-72 ; Жегульская Т. Ю. История внешкольного образования Воронежской губернии во второй половине XIX-начале XX вв. : автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Тамбов, 2008 ; Запорожченко Г. М. Образовательная деятельность городской и рабочей потребительской кооперации в начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 81-84 ; Кононова С. А. Становление внешкольного образования в России в 60-е годы XIX в. – начале XX в. (на материале Курской губернии) : дисс. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук. Курск, 2007 ; Лаптева Г. Народные дома. Из истории вопроса // Экология культуры. 2007. № 2. – С. 171-186.

Реформы в России ведут к сокращению централизованных дотаций в сфере культуры, что заставляет искать нетрадиционные источники финансирования и нетрадиционные ресурсы. С точки зрения опыта народных домов это может быть: расширение в рекреационной сфере тех видов культурно-досуговой деятельности, которые могли бы быть популярны у населения и приносить доход;

- создание в сфере инфраструктуры производств, способствующих достижениям целей культуры, обеспечивающих учреждения культуры необходимыми техническими средствами, и дающих дополнительные финансовые средства за счет аренды их другими организациями или частными лицами;

- вступление в деловые отношения с индивидуальными предпринимателями, предприятиями, общественными организациями с целью расширения границ деятельности;

- предоставление аренды помещений им для проведения мероприятий;

- создание смежных услуг.

Говоря о социально-экономических условиях, следует отметить, что Белгородская область, образованная в 1954 году – одна из самых молодых в России. Она расположена на юго-западе Российской Федерации, входит в состав Центрального федерального округа (ЦФО) Российской Федерации. Площадь области – 27 тысяч квадратных километров (0,2% от территории России). На юге и западе она граничит с Луганской, Харьковской и Сумской областями Украины, на севере и северо-западе – с Курской, на востоке – с Воронежской областями. Общая протяженность границ – около 1150 км, в том числе с Украиной – 540 км.

В состав области входят 19 муниципальных районов, 3 городских округа, 25 городских и 260 сельских поселений. Численность населения на 1 января 2008 года составила 1 миллион 519 тысяч человек (1,1% от населения России), средний возраст которого – около 40 лет. Административный центр – город Белгород с населением 353 тысячи человек, расположен в 695 километрах к югу от Москвы.

В целях дальнейшей диверсификации экономики области, обеспечения ее перехода на инновационный путь развития в рамках закона Белгородской области от 1 октября 2009 года № 296 «Об инновационной деятельности и инновационной политике на территории Белгородской области» проводится формирование региональной инновационной системы за счет развития инфраструктуры для обеспечения совместной деятельности ведущих научных и образовательных учреждений, промышленных парков, бизнес-инкубаторов, центров коллективного пользования и других элементов, создания условий для обеспечения равного доступа участников инновационных проектов к ресурсам, стимулирования спроса на инновационную продукцию, подготовки специалистов в сфере инновационного менеджмента.

Благоприятный экономический и социальный климат, высокий ресурсно-сырьевой, технологический и интеллектуальный потенциал, низкий уровень рисков делают Белгородскую область инвестиционно привлекательным регионом. По итогам рейтинга инвестиционной привлекательности российских регионов 2009-2010 годов, проведенном экспертным агентством «Эксперт РА», Белгородская область заняла 11 место, за минимальный экономический риск инвестирования – 2 место. В целях развития дорожной сети, обеспечения качественного транспортного обслуживания и дальнейшего повышения качества жизни населения, в области реализуются областные долгосрочные целевые программы «Совершенствование и развитие транспортной инфраструктуры Белгородской области на 2011-2017 годы» и «Совершенствование и развитие дорожной сети в Белгородской области на 2011-2013 годы». Только в 2011 году на выполнение этих программ из областного бюджета планируется направить средства в размере 9,7 млрд. рублей.

Говоря о наличии ключевых предприятий и организаций, которые потенциально заинтересованы в сотрудничестве в рамках кластера, выделим образовательные учреждения и организации потребительской кооперации. Сегодня село находится в сложном социально-экономическом положении. Сельское население более всего нуждается в заботе со стороны государства. Эту государственную функцию в ряде населенных пунктов

добровольно приняла на себя потребительская кооперация, которая активно взялась за создание на селе социальной инфраструктуры и решение многих социальных вопросов⁵.

В регионе сложились благоприятные организационно-правовые условия создания и развития социокультурного кластера. Одна из целей Стратегии социально-экономического развития Белгородской области до 2025 года – это создание и функционирование многокомпонентного социального кластера, который воплощается в повышение качества жизни населения через реализацию миссии «от благоустройства – к благополучию»⁶.

В Белгородской области давно поняли, что без повышения уровня культуры каждого человека невозможно эффективное социально-экономическое развитие региона в целом. Приоритетные направления региональной культурной политики в сфере культуры Белгородской области нашли своё отражение в ряде законодательных и нормативных актов, в которых определена государственная позиция формирования культурной среды в каждом населённом пункте, создания необходимых условий для культурно-творческой деятельности населения. Развитие отрасли «Культура» в Белгородской области осуществляется в рамках реализации областных целевых программ. Главными из них являются следующие областные целевые программы, утвержденные постановлениями правительства Белгородской области⁷:

- Областная целевая программа «Развитие и сохранение культуры и искусства Белгородской области на 2009-2013 годы»;
- Областная целевая программа «Развитие сельской культуры в Белгородской области на 2009-2014 годы»;
- Областная целевая программа «Информатизация учреждений культуры Белгородской области на 2008-2012 годы»;
- Долгосрочная целевая программа капитального ремонта сельских учреждений культуры в населенных пунктах области на 2011 – 2013 годы;
- Областная программа «Сохранение и развитие народных художественных промыслов и ремесел, поддержка производства сувенирной продукции на территории Белгородской области на 2010-2014 годы»;
- Долгосрочная целевая программа «Государственная охрана и сохранение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Белгородской области на 2012-2016 годы».

Остановимся на наиболее важных, с нашей точки зрения, программах. Так, областные целевые программы «Развитие и сохранение культуры и искусства Белгородской области на 2009-2013 годы», «Развитие сельской культуры в Белгородской области на 2009-2014 годы», «Капитальный ремонт сельских учреждений культуры в населенных пунктах области» нацелены на выработку новых моделей культурной политики с учетом местной социально-экономической и культурной специфики, на содействие созданию особой уникальной культурной среды каждого поселения, определение его культурно-исторической миссии, возрождение забытых и формирование новых, современных культурных традиций.

Современная культурная политика Белгородской области стала частью областной политики развития сельских территорий. Подтверждением этому служит принятая в 2007 году правительством области Концепция социального обустройства сельских территорий Белгородской области. Губернатор Белгородской области Е.С. Савченко определяет концепцию социального обустройства сельских территорий как, базирующуюся на комплексном, кластерном подходе. Это означает, что должны учитываться все парамет-

⁵Концепция развития потребительской кооперации до 2015 года // Деловой вестник потребительской кооперации. 2008. № 4 ; Лукьянов В. Роль потребительской кооперации в повышении уровня жизни сельского населения страны // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2008. № 2. – С. 74-76.

⁶ О Стратегии социально-экономического развития Белгородской области на период до 2025 года, включающей Программу социально-экономического развития Белгородской области на 2008-2012 годы : пост. Правительства Белгородской обл. от 27.10.2008 № 269-пп.

⁷ С текстами данных программ можно ознакомиться на сайте www.belkult.ru.

ры, характеризующие качество жизни человека: хорошо оплачиваемая работа, благоустроенное жилье со всей инженерной инфраструктурой. Необходимый и достаточный набор социальных услуг – детский сад и школа, клубное заведение с библиотекой, кинозалом и помещениями для спортивных занятий, это баня с прачечной. Магазин, кафе, пункт бытового обслуживания, хорошо оборудованный офис врача общей практики, помещение участкового уполномоченного милиции, православный храм. К каждому сельскому подворью подведена дорога, газ, электроэнергия, вода.

Результат – повышение престижности проживания в сельской местности и создание основ для улучшения демографической ситуации на селе.

Концепция целевой программы «Развитие сельской культуры в Белгородской области на 2009-2014 годы», принятая в 2007 году на заседании правительства области, определяет основные принципы государственной политики Белгородской области в сфере культуры на селе.

Первая программа по развитию сельской культуры была принята в 2003 году. Благодаря её эффективности, на основе Концепции в 2008 году была принята новая областная целевая программа «Развитие сельской культуры в Белгородской области на 2009-2014 годы». В отличие от первой программы в действующей программе заложена реальная основа финансирования муниципальных сельских учреждений из областного бюджета в размере более 300 млн. рублей.

С 2006 года в области действует целевая программа «Капитальный ремонт сельских учреждений культуры в населённых пунктах области». За период с 2008-го по 2013 год предусмотрено реконструировать и отремонтировать 498 объектов с общим объёмом финансирования около 3 млрд. рублей из областного и местных бюджетов области.

За 2009-2010 гг., после проведения капитального ремонта введены в эксплуатацию 111 зданий сельских учреждений культуры области. С 2003 по 2010 годы построено 25 объектов культуры на селе, в том числе 9 детских музыкальных школ и детских школ искусств. Очень важно, что отремонтированные и отреставрированные учреждения доукомплектовываются мебелью, музыкальными инструментами и оборудованием, необходимыми для организации культурно-досуговой деятельности.

В Белгородской области создана целая система организаций культуры, призванных осуществлять целенаправленную работу по сохранению, поддержке и популяризации культурного наследия.

Среди них – 750 учреждений культурно-досугового типа, 39 музеев, 258 киноустановок, 3 театра, 4 концертных организации, государственный институт культуры и искусств, государственный музыкальный колледж, 71 учреждение дополнительного образования, 6 парков культуры и отдыха, 2 зоопарка.

В настоящее время в Белгородской области функционирует 650 публичных (общедоступных) библиотек Минкультуры России, из них 528 библиотек находятся в сельской местности, 4 библиотеки уровня субъекта Федерации (имеют статус государственных).

В течение 9 лет в области создано 180 модельных библиотек. Таким образом, сегодня каждая четвёртая библиотека области имеет статус модельной. Оснащение модельных библиотек оборудованием производится за счет средств местных бюджетов. Несмотря на сложное финансовое положение на местах, сложившееся в последние два года, руководители органов местного самоуправления рассматривают создание модельных библиотек как приоритетное.

С 2005 года в Белгородской области создаются сельские модельные дома культуры. Если идея создания модельной библиотеки впервые была инициирована в 2002 году Министерством культуры России в рамках реализации федерального проекта «Создание модельных публичных библиотек», то разработчиком стандарта деятельности модельного Дома культуры выступило управление культуры Белгородской области, идею которого поддержал губернатор области Е.С.Савченко.

В рамках областной программы «Развитие сельской культуры в Белгородской области ...» до 2014 года за счет средств областного бюджета предусмотрено открытие **105** модельных ДК. Для оснащения оборудованием вновь создаваемым модельным домам культуры ежегодно выделяются средства в размере 1 млн. 200 тысяч рублей. Если в 2006 году модельных домов культуры в области было всего 6, то сегодня их насчитывается 81.

Динамика создания модельных Домов культуры наглядно представлена на рис. 3.

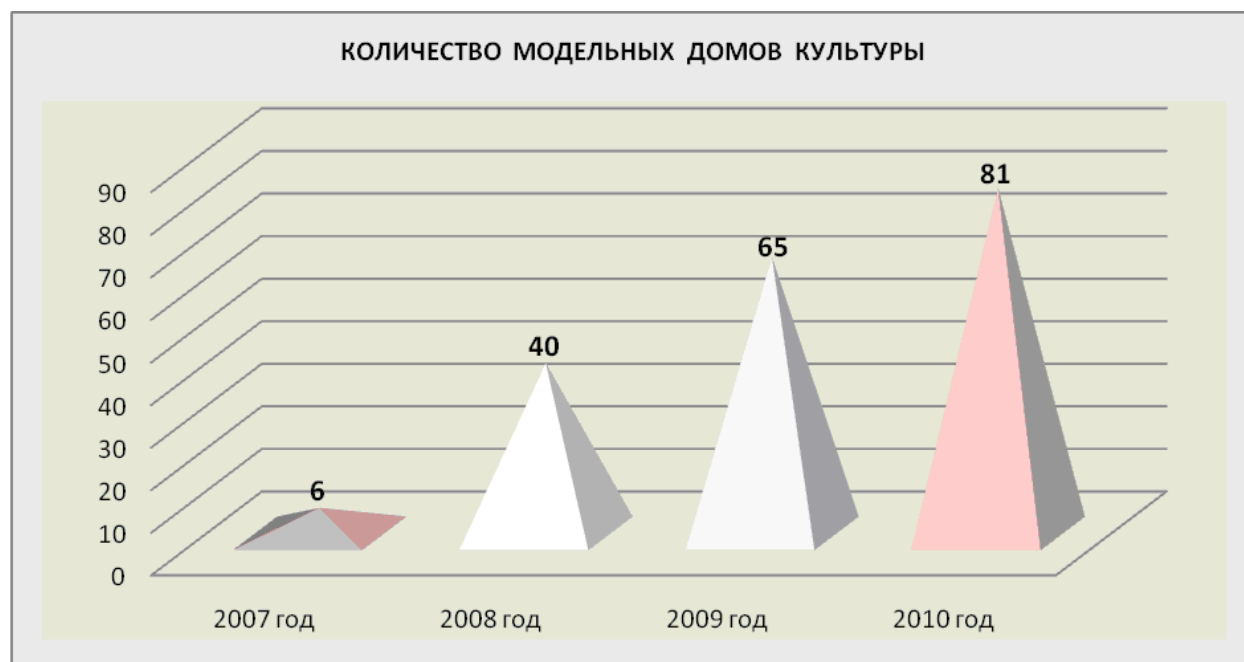

Рис. 3. Динамика создания модельных Домов культуры в Белгородской области

Необходимость создания новой, перспективной модели клуба и библиотеки, как своего рода социокультурного комплекса, достаточно близка к идее, заложенной в Федеральной программе «Социальное развитие села». Его главная ценность – работа в консолидации с местными органами власти, школой, трудовыми коллективами, общественными организациями.

Для достижения обеспечения многообразия и высокого качества культурных услуг населению, повышение их социальной значимости, усиление влияния учреждений культуры и искусства на уровень образованности, информированности, духовно-нравственной культуры личности, стимулирования творческого потенциала специалистов, с 2006 года в области проводится ежегодный областной конкурс органов местного самоуправления муниципальных районов на соискание грантов губернатора, направленных на развитие сельской культуры.

Необходимым условием управляемости социокультурного кластера Белгородской области является наличие единых критериев оценки деятельности, закрепленных в стандартах и регламентах.

Так, в соответствии с постановлением правительства Белгородской области от 19.01.2009 года № 11-пш утверждены административные регламенты исполнения государственных функций управления культуры области:

- Выявление объектов, обладающих признаками объектов культурного наследия; подготовка материалов для принятия объектов культурного наследия на государственную охрану; заключение охранных документов на объекты культурного наследия и согласование информационных надписей и обозначений, устанавливаемых на объекты культурного наследия регионального значения;

- Создание и поддержка государственных музеев (за исключением федеральных государственных музеев, перечень которых утверждается Правительством Российской Федерации) и контроль за состоянием государственной части Музейного фонда Российской Федерации, находящейся на территории области;

- Организация и поддержка учреждений культуры и искусства (за исключением федеральных государственных учреждений культуры и искусства, перечень которых утверждается Правительством Российской Федерации);

– Организация библиотечного обслуживания населения областными библиотеками, комплектование и обеспечение сохранности их библиотечных фондов.

В соответствии с постановлением правительства Белгородской области от 18.04.2011 года № 145-пп утверждены административные регламенты исполнения государственных функций управления культуры области:

- Организация предоставления библиотечной услуги;
- Организация предоставления культурно-досуговой услуги;
- Организация предоставления театрально-зрелищных услуг;
- Организация предоставления музейных услуг;
- Организация образовательной и творческой поддержки народных художественных промыслов и ремесел.

В числе отраслевых региональных стандартов можно выделить стандарт «Качество услуг в области культуры и искусства», утвержденный постановлением правительства Белгородской области от 9.06.2006 года № 135-пп, «Стандарт модельного учреждения культуры клубного типа», утвержденный постановлением губернатора Белгородской области от 29 декабря 2006 г. № 178, «Модельный стандарт деятельности муниципальной общедоступной библиотеки Белгородской области», утвержденный Приказом начальника Управления культуры области от 15.03.2010 г. № 76.

Следует отметить, что в настоящее время на федеральном уровне нормативно не определены стандарты на предоставление услуг в электронном виде. В этой связи для услуг, предоставляемых государственными и муниципальными учреждениями, Управлением культуры Белгородской области был разработан и утвержден коллегией управления культуры порядок предоставления следующих услуг:

- Предоставление информации об объектах культурного наследия регионального или местного значения, находящихся на территории субъекта Российской Федерации и включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации;
- Предоставление информации о времени и месте театральных представлений, филармонических и эстрадных концертов и гастрольных мероприятий театров и филармоний, киносеансов, анонсы данных мероприятий;
- Предоставление доступа к оцифрованным изданиям, хранящимся в библиотеках и учреждениях культуры, в том числе к фонду редких книг, с учетом соблюдения требований законодательства Российской Федерации об авторских и смежных правах;
- Предоставление доступа к справочно-поисковому аппарату библиотек, базам данных.

Всего в Белгородской области в отрасли культуры работает 9514 специалистов, в том числе в муниципальных учреждениях культуры 7617 (данные на 1 января 2011 года). Анализ статистических показателей кадровой обеспеченности, характеризующих количественный и качественный состав работников культуры муниципальных учреждений, позволил выделить следующие основные факторы, характеризующие динамику развития процессов формирования кадрового потенциала отрасли.

Во-первых, в последние десять лет завершено формирование отраслевой многоуровневой системы подготовки кадров, включающей детский музыкально-эстетический центр – колледж – институт – региональный центр повышения квалификации. Ведущее место в системе занимает Белгородский государственный институт культуры и искусств (далее – БГИКИ). Институт располагает хорошей базой с комплексом аудиторий, кабинетов, оснащенных современными техническими средствами обучения, библиотекой, театральными и спортивными залами, учебным клубом и студией звукозаписи, этнографическим музеем. Обучение в институте ведётся по 13 образовательным программам высшего профессионального образования и 9 образовательным программам среднего профессионального образования, программам послевузовского и дополнительного профессионального образования. Новым в образовательной деятельности института стало открытие направлений подготовки (специальностей) 031600.62 «Искусства и гуманитарные науки» с присвоением квалификации «Бакалавр искусств», 070101.65 «Инструментальное исполнительство». Четвёртый год БГИКИ осуществляет обучение студентов по

целевой контрактной подготовке на бюджетной основе. Подготовку преподавателей средней квалификации для детских музыкальных школ и школ искусств, руководителей профессиональных коллективов осуществляют Белгородский и Губкинский музыкальные колледжи.

Во-вторых, следует подчеркнуть, что наиболее результативными формами повышения квалификации, дающими при незначительных финансовых затратах ощутимый эффект, являются проблемные семинары, а также краткосрочное обучение специалистов с выездом преподавателей в районы. Такие формы мобильной подготовки выступают элементом апробации тех или иных новых идей, инновационных начинаний, а также средством их внедрения в практику. Завершение каждого цикла данной формы обучения происходит в виде защиты творческих проектов, разработанных слушателями.

Важным стимулом для эффективной поддержки профессиональных кадров явилось принятие правительством области решений об учреждении звания «Народный мастер Белгородской области» (2008 г.) и ежегодное вручение премии Губернатора области «Призвание» лучшим библиотекарям, работающим с детьми, начиная с 2009 года. Непременным условием присвоения звания «Народный мастер Белгородской области» является наличие учеников.

На территории Белгородской области традиционно присутствуют элементы как русской, так и украинской народной культуры, поэтому при формировании социокультурного кластера и реализации культурной политики следует непременно учитывать значимость данного фактора. Еврорегион «Слобожанщина» создан 7 ноября 2003 года как форма международного диалога в рамках приграничного сотрудничества между Харьковской областью Украины и Белгородской областью Российской Федерации с целью развития смежных территорий – развития экономики, инфраструктуры, социальной поддержки, создания методологической базы для разных видов деятельности. По мнению губернатора Белгородской области Е. Савченко, создание Еврорегиона способствует гармонизации взаимодействия сторон для реализации основных социально-культурных функций пограничья... Наши государства разделили границы, но они не смогли разделить людей с едиными корнями и единой верой, как нельзя разъять нашу общую славянскую душу – народную культуру, основанную на православных ценностях⁸. Мы полностью поддерживаем это положение.

Таким образом, органы власти области заинтересованы в кластерном варианте развития экономики региона, развития кооперации и сотрудничества. В свою очередь, экономическое развитие региона зависит от его культурного потенциала. В Белгородской области сложилась система необходимых условий и предпосылок для создания социокультурного кластера. Следует подчеркнуть, что основополагающей при создании данного кластера может служить концепция областной целевой программы «Развитие сельской культуры» (с 2007 года), которая определяет в качестве главной цели региональной культурной политики – создание культурной среды как важного ресурса социально-экономического развития сельской территории, обеспечения социальной стабильности и духовного здоровья населения Белгородской области.

Список литературы

1. Мюллер В. К. Англо-русский и русско-английский словарь : 150 000 слов и выражений / В. К. Мюллер. – М. : Эксмо, 2009. – 1200 с.
2. Портер М. Конкуренция / М. Портер. – М. : Вильямс, 2002. – 496 с.
3. Личутин А. Тезисы о культурных кластерах / А. Личутин // Экология культуры. – 2008. – № 2. – С. 16-20.
4. Волкова Т. И. Роль ярославского земства в формировании системы сельских культурных учреждений / Т. И. Волкова // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – № 2. – С. 3-8.
5. Донина О. И. Народные дома как центры Симбирского губернского внешкольного образования / О. И. Донина, Ю. А. Мезенцева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – Т. 55. – № 1. – С. 70-72.

⁸ Савченко Е. С. Россия и Украина – приграничное сотрудничество // Вестник Совета Федерации. 2011. № 3. – С. 76-79.

6. Жегульская Т. Ю. История внешкольного образования Воронежской губернии во второй половине XIX-начале XX вв. : автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук / Т. Ю. Жегульская ; [Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина]. – Тамбов, 2008. – 24 с.
7. Запорожченко Г. М. Образовательная деятельность городской и рабочей потребительской кооперации в начале XX в. / Г. М. Запорожченко // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 349. – С. 81-84.
8. Кононова С. А. Становление внешкольного образования в России в 60-е годы XIX в. – начале XX в. (на материале Курской губернии) : дисс. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук / С. А. Кононова. – Курск, 2007. – 196 с.
9. Лаптева Г. Народные дома. Из истории вопроса / Г. Лаптева // Экология культуры. – 2007. – № 2. – С. 171-186.
10. Концепция развития потребительской кооперации до 2015 года // Деловой вестник потребительской кооперации. – 2008. – № 4.
11. Лукьянов В. Роль потребительской кооперации в повышении уровня жизни сельского населения страны / В. Лукьянов // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2008. – № 2. – С. 74-76.
12. О Стратегии социально-экономического развития Белгородской области на период до 2025 года, включающей Программу социально-экономического развития Белгородской области на 2008-2012 годы : пост. Правительства Белгородской обл. от 27.10.2008 № 269-пн.
13. Савченко Е.С. Россия и Украина – приграничное сотрудничество / Е.С. Савченко // Вестник Совета Федерации. – 2011. – № 3. – С. 76-79.

TERMS AND CONDITIONS OF A SOCIO-CULTURAL CLUSTER IN BELGOROD REGION

N.O. ANDROSOVA

*Academy for Retraining in
Arts, Culture and Tourism*

*e-mail:
Androsova@belkult.ru*

This article deals with the expediency to establish socio-cultural cluster of a given region as a system that implements the optimal mechanisms of interaction between cultural institutions and other organizations located within the municipality. Socio-cultural cluster is considered as a key element of social infrastructure, especially in rural areas. Describes the main preconditions and conditions for implementing the cluster approach in socio-cultural sphere. This set of conditions and assumptions is divided by the author into three main groups: historico-geographical, socio-economic, organizational and legal.

Key words: cultural environment, cluster, socio-cultural activities, people's Houses

УДК 316.33

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ НА РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ

О.В. АСЕЕВА*Белгородская государственная сельскохозяйственная академия
им. В.Я. Горина**e-mail: as_ola@mail.ru*

В статье рассматривается взаимосвязь социальной активности молодежи и сетевых сообществ Интернет. На основе проведенного социологического исследования автор выделяет особенности формирования, ценности, взгляды и убеждения, влияющие на развитие социальной активности молодежи в сетевых сообществах Интернет.

Ключевые слова: молодежь; социальная активность; Интернет; социальная сеть; сетевые сообщества Интернет.

В течение последних десятилетий развитие отечественной и зарубежной социологии акцентирует внимание на исследованиях молодежи. В центре изучения оказались наиболее актуальные ее проблемы, поскольку молодежь стала одним из важнейших субъектов потребления. От ее политических, культурных, экономических выборов во многом зависит благополучие всего общества. Новые, не вписывающиеся в традиционный уклад практики, проявления иной индивидуальной и групповой идентичности молодежи воспринимаются как угроза стабильности существованию социума в целом. Поэтому ее изучением сегодня занимаются различные исследовательские центры в России и за рубежом. Проводимые исследования анализируют молодежные культурные практики и социальную активность, на их основе делается разработка прогнозов поведения различных групп, разрабатываются нормативные акты, учитывающие эти тенденции. Основной задачей научных изысканий является поиск причин и факторов, определяющих экстремистскую направленность активности молодежи.

Появление новых молодежных практик связаны, прежде всего, с изменением культурного пространства, с развитием информационных полей (медиа, реклама, видео, Интернет), с возникновением нового качества социальной коммуникации, стремительным образом трансформирующего институты современного общества, что обуславливает новые темы в исследованиях молодежи. Развитие сети Интернет привело к созданию виртуального пространства, обозначившего зарождение новых культурных идентичностей. Для молодежи, оно стало территорией, где апробируются новые культурные практики, новые типы общения, новые типы сообществ. В фокус исследовательского анализа из них, как правило, попадают наиболее агрессивные, девиантные виды и проявления. В то же время, значения новых практик, вызванных появлением Интернет, мало изучены и представления о жизненном укладе молодежи оказываются урезанными, что делает актуальным тему исследования социальной активности молодежи в социальной сети Интернет.

Социальная активность реализуется в мировоззрении и деятельности субъекта, т.е. эти категории соотносятся как целое к части. Подобный подход характерен для исследований С.А. Потаповой, которая определяет социальную активность как «социально-психологическую, ценностную, профессиональную установку субъекта, реализуемую в его деятельности»¹.

Социологический словарь трактует социальную активность как меру социальной преобразующей деятельности молодежи, основанной на осознании внутренней необходимости действий, цели которых определяются общественными потребностями².

Следует отметить, что движущим фактором социальной активности являются не все потребности, а лишь те из них, удовлетворение которых имеет социальное значение,

¹ Потапова С.А. Социальная активность студенческой молодежи современного молодого города (на материалах г. Нижнекамска). – СПб.: Изд-во «Инфо-да». 2005.

² Джери Д., Джери Д. Большой толковый социологический словарь: основные термины и понятия по социологии. В 2 тт. Т. 2: П-Я (пер. с англ. Марчук Н.Н.). Изд-во: Вече. АСТ. – 2001. – С. 67.

затрагивает общественные интересы. Отсюда, социальная активность – сознательная, самостоятельная деятельность, направленная на удовлетворение собственных потребностей личности и решение общественно значимых задач.

Социальная активность молодежи специфическим образом мотивирована. В структуре мотивов социальной активности выделяются три подструктуры: подструктура потребностей, подструктура внутреннего контроля, подструктура целей. Эти подструктуры состоят из различных мотивационных компонентов, обуславливающих социальную активность молодежи.

С.В. Тетерский рассматривает социально активную личность через качества, направленные на себя (целеустремленность, настойчивость, активность, любознательность, самостоятельность и др.), направленные на общество (лидерство, динамичность, мобильность, оригинальность, общительность, коллективизм и взаимопомощь, восприимчивость к новому и креативность), а также качества, направленные на государство (ответственность, включенность в политическую практику и публичное поле и др.)³. Интегральным качеством личности при этом выступает инициативность.

Европейская традиция связывает социальную активность молодежи, прежде всего, с мобильностью и участием молодых граждан в общественной жизни на местном и региональном уровне. Сфера проявления социальной активности может быть совершенно разная, главное – чтобы молодые люди имели право высказать свое мнение в процессе принятия решений, затрагивающих их интересы. Это может касаться социальной сферы, образования, спорта, культуры, трудоустройства, жилья, развития транспорта, вопросов здоровья, гендерного равенства, уважения личности, вопросов межкультурного взаимодействия, защиты прав молодежи и др.

Структура и виды социальной активности молодежи будут различными для каждого вида деятельности субъекта, т.е. социальная активность молодежи может рассматриваться только совместно с определенным видом деятельности. В своей работе мы поддерживаем точку зрения А.Н. Серегина⁴, который в качестве видов социальной активности молодежи выделил трудовую, общественно-политическую и познавательную.

На основе проведенного нами исследования (г.Белгород, анкетный опрос, отбор респондентов произведен по квотной выборке, N=880) стало возможным провести социологический анализ социальной активности молодежи и попытаться понять, в какой степени социальные сети Интернет могут стать ресурсом формирования социальной активности, и что необходимо сделать, чтобы обеспечить безопасное развитие молодежи в глобализирующемся мире.

Результаты исследования показали, что молодежь социально активна. 64% опрошенных хотели бы принимать участие в общественно-политической жизни: 11% – участвовали бы в политических акциях, демонстрациях; 38,2% – спортивных, культурно-массовых мероприятиях; 15% – в волонтерских, благотворительных мероприятиях.

На сегодняшний день глобальная сеть Интернет занимает значительное место в жизни современной белгородской молодежи. Об этом свидетельствуют данные, полученные в ходе исследования. Так, в своем большинстве (72,9%) респонденты отметили, что находятся в Интернете достаточно часто, т.е. большую часть своего свободного времени; 13,5% опрошенных указали, что они находятся в режиме «он-лайн» практически всегда; 6,5% отметили, что заходят в сеть Интернет довольно редко, лишь тогда, когда есть необходимость; и всего 7% – практически не пользуются Интернетом.

Гендерный аспект среди пользователей Интернета проявляется не в склонности проводить свой досуг в Интернете, а в предпочтениях использования сети. Так, девушки больше ориентированы на использования Интернет для учебы (27,2% против 20,8% у юношей) и общения (28,4% против 21,9% у юношей), а молодые люди – для развлечения (29,1% против 19,6% у девушек) и получения справок (22,7% против 20,8% у девушек).

³ Тетерский С.В. Воспитание социальной инициативности детей и молодежи: автореф. дисс. ... д. пед. наук. Тамбов, 2004. – С. 16 – 17.

⁴ Серегин А.Н. Методика исследования социальной активности студенческой молодежи // Тез. докл. и выступлений на III Всерос. социол. конгрессе "Социология и общество: пути взаимодействия" / Ин-т социологии РАН, Рос. об-во социологов. М., 2008. – URL: http://www.isras.ru/publications_bank/1227106570.pdf

Общие результаты опроса показали, что среди молодежи Белгорода мотивами использования Интернет является: «развлечение» – 42,6%; «образование» – 41,7%; «поиск справочных материалов, новостей» – 35,9%. Перечисленные виды мотивации проявляются в различных видах направленности деятельности пользователя Интернет: помощь другим пользователям, интеллектуальная и творческая самореализация, поиск референтной группы, аффилиативные тенденции, социальное самовыражение. В этой связи, всех респондентов можно разделить на две группы в зависимости от типа ведущей мотивации. Так, одну группу составляют респонденты с выраженной коммуникативной мотивацией (17,4%). Эти пользователи, по сути, увлечены Интернетом настолько, что предпочитают обычному общению работу в Интернете. Их интересы в значительной степени связаны с неформальным общением посредством Интернета, поиском общения с интересными людьми. Другую группу (64%) составляют пользователи, мотивация которых связана с различными вариантами личностного самоутверждения (социальное самовыражение, достижения статуса и авторитета, компетентная помощь). Этим пользователей характеризует более деловой подход к Интернету, они осознают его ограничения как формы общения. Включение в сеть, по сути, является для них не столько желанием реализовать первичные потребности, а скорее средством самоутверждения и достижения профессиональных, деловых целей. Причем самоутверждение в таком случае происходит в различных сферах – личностной, познавательной, социальной, профессиональной.

В настоящее время социальные сети Интернет активно осваиваются молодежью. Самыми популярными по публикации в печати являются ресурсы «Одноклассники», «В контакте» и др. Наши исследования выявили, что самыми популярными социальными сетями среди молодежи г. Белгорода являются – социальная сеть «В контакте», ее знают все опрошенные и 73% в ней зарегистрированы. По популярности регистрации далее были выделены «Одноклассники» – 51%, «Мой мир» – 17%. Следует особо выделить те социальные сети Интернет, которые активно использует молодежь без регистрации в них. К ним относятся: «You Tube» – 78% опрошенных знают о существовании этой социальной сети и 18% респондентов в ней зарегистрированы. 26% респондентов знают о наличии такой социальной сети, как «Фотострана», и 14% из них там зарегистрированы. Так же респонденты указывали о существовании таких сетей как «Мой круг» (16% знают и 4% зарегистрированы), «Facebook» (76% знают и 11% зарегистрированы) и сеть «Twitter» (7% и 2% зарегистрированы). Интересным является, то, что только 2,6% от общего числа опрошенных не знают ни одной социальной сети и 12% нигде не зарегистрированы.

В результате анализа было установлено, что основной целью посещения социальных сетей молодежью является в первую очередь, просмотр видео, скачивание музыки и т.д. – 68%, на втором месте – общение с друзьями на интересующие темы – 54%, и на третьем месте – поиск друзей, однокурсников, одноклассников и общение с ними – 46%. Кроме этого, целью посещения социальных сетей является – получение информации по учебе – 47%, общение в группах по интересам и знакомство с противоположным полом – 10% респондентов. Малая часть респондентов указали, что социальные сети являются для них средством самовыражения, помогают заявить о себе и опубликовать свое творчество для широкой публики – 5%, 3% опрошенным респондентам социальные сети помогают в поиске работы и услуг, и 2% – основной своей целью посещения социальных сетей указывают ведение дневников, блогов и создание заметок.

Возможности социальных сетей Интернет большинством пользователей в настоящее время применяются преимущественно в развлекательных целях, что потенциально может способствовать размытию индивидуальной и коллективной идентичности. 61% опрошенных респондентов заявляют, что используют социальные сети лишь как развлекательный ресурс, и только 39% опрошенных полагают, что Интернет помогает им в решении социальных проблем.

Исследования предпочтений белгородской молодежи в выборе темы обсуждения в социальных сетях, позволили выявить зависимость обсуждаемой темы от возраста респондента. С одной стороны, большинство респондентов всех возрастных категорий указывают, что в социальных сетях они ничего серьезного не обсуждают, а просто общаются с друзьями и знакомыми (в среднем 63,2%). С другой, для возрастной группы от 14 до 25 лет проблемы учебы находятся на втором месте по обсуждаемости проблем (в среднем

54%), а для возрастной группы от 26 до 30 лет важным являются отношения между людьми (27%). Такие результаты свидетельствуют о том, что у каждой возрастной категории молодежи есть свои интересы, и, следовательно, свои темы для обсуждения с друзьями и близкими.

Полученные нами результаты, позволяют предположить, что все положительные моменты общения посредством социальных сетей Интернет могут иметь и негативные последствия. Ведь такое «неживое» общение отрывает людей от реального общения, так необходимого для развития человека как полноценной личности. Кроме того, общение в сетях, на наш взгляд, способствует не формированию активной позиции молодых людей в решении социальных проблем, а напротив, избеганию этих проблем. Безусловно, в этой связи, существует опасность возникновения такого явления как социальный аутизм. Такие люди противятся социализации, они воспринимают мир в статике и трактуют его: предмет – это предмет и ничего более. Аутичный человек стремится быть «рядом» с другими, а не «вместе» с другими.

Другое направление социальной активности молодежи связано с формированием ее жизненной позиции. Так, в результате исследования было выявлено, что 53,3% опрошенных считает, что информация, полученная из социальных сетей, оказывает незначительное влияние на формирование их жизненной позиции, 25,5% вообще не воспринимают всерьез полученную из социальных сетей информацию. Однако, для 18,2% опрошенных полученная информация оказывает влияние на их жизненную позицию, а 3% и вовсе считают, что информация оказывает значительное влияние и полностью формирует их жизненные установки.

Таким образом, проведенные исследования позволяют прийти к следующим выводам. Сетевые сообщества Интернет лишь часть от общей массы ресурсов, позволяющих молодежи организовывать и проявлять свою социальную активность. Интернет становится полноценным досуговым пространством, а, в отдельных случаях, превалируя над другими видами досуговых практик. Общение в социальных сетях Интернет, на наш взгляд, способствует формированию активной жизненной позиции, но без приобретения настоящего социального опыта ее реализации. Происходит идеализация социальной активности молодежи и разрыв с практикой решения социальных проблем, что, в конечном счете, приводит к отказу от участия в социальной деятельности. Сетевые сообщества Интернет сегодня являются интенсивно развивающимся социальным феноменом, требующим дальнейшего осмысления и эмпирического изучения.

Список литературы

1. Потапова С.А. Социальная активность студенческой молодежи современного молодого города (на материалах г. Нижнекамска). – СПб.: Изд-во «Инфо-да». 2005.
2. Джери Д., Джери Д. Большой толковый социологический словарь: основные термины и понятия по социологии. В 2 тт: Т. 2: П-Я (пер. с англ. Марчук Н.Н.). Изд-во: Вече. АСТ, 2001. 528 с..
3. Тетерский С.В. Воспитание социальной инициативности детей и молодежи: автореф. дисс. ... д. пед. наук. Тамбов, 2004. 24 с..
4. Серегин А.Н. Методика исследования социальной активности студенческой молодежи // Тез. докл. и выступлений на III Всерос. социол. конгрессе "Социология и общество: пути взаимодействия" / Ин-т социологии РАН, Рос. об-во социологов. М., 2008. http://www.isras.ru/publications_bank/1227106570.pdf

INFLUENCE OF INTERNET SOCIAL NETWORKS ON DEVELOPMENT OF SOCIAL ACTIVITY OF YOUTH

O.V. ASEEVA

Belgorod state agricultural academy n. V.Y. Gorina

e-mail: as_ola@mail.ru.

In the article the interrelation of social activity of youth and network communities in the Internet is considered. On the basis of the conducted sociological research the author allocates features of formation, value, sights and the belief influencing development of social activity of youth in network communities the Internet.

Key words: young people; social activity; Internet; social network; social network; network communities the Internet.

УДК 316.346.32-053.6

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В.В. БАХАРЕВ¹⁾
Г.А. ФОМЧЕНКОВА²⁾

*¹⁾ Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: bacharev@bsu.edu.ru

*²⁾ Смоленский государственный
университет*

В статье речь идет о личностных детерминантах молодежи: индивидуализация, социализация, гендер, которые необходимо учитывать при формировании духовной безопасности современной молодежи. Авторы представляют сравнительный анализ результатов социологического исследования (мнения молодежи нескольких школ и высших учебных заведений) с позиции детерминант социализации и гендера.

Ключевые слова: безопасность, детерминанта, индивидуализация, социализация, гендер, молодежь, духовная безопасность.

При анализе современного научного знания духовной деятельности отводится определяющая роль не только в социально-экономическом развитии общества, но и в формировании новой гуманитарной парадигмы XXI века, ориентированной на жизнеобеспечение и безопасность России. По мнению В. Н. Кузнецова, категория «безопасность» может быть определена как сетевая устойчивая совокупность необходимых и достаточных факторов, надежно обеспечивающих достойную жизнь каждого человека; защищенность всех структур жизнеспособности семьи, общества и государства; цели, идеалы, ценности и интересы, культура и образ жизни, традиции от неприемлемых рисков, от внутренних и внешних вызовов и угроз; способность эффективно предотвращать формирующиеся опасности на основе культуры компромисса по поводу благополучия и справедливости для всех»¹.

Безопасность относится к базисным потребностям индивидов, образуемых ими групп и создаваемых ими институтов, а ее обеспечение – извечная проблема человеческого бытия, всегда актуальная для человека и любых его сообществ, особенно для подрастающего поколения современного российского общества. Это связано, прежде всего с тем, что молодежь развивается в противоречивых ценностях, ориентациях, нормах.

Научное исследование в любой области предполагает выявление основных детерминант, т. е. причинно-следственных связей, движущих сил рассматриваемых процессов, определяющих их характер или отдельные черты. С точки зрения авторов статьи такими причинно-следственными связями духовной безопасности молодежи будут являться личностные детерминанты, включающие в себя социализацию, индивидуализацию и гендер.

Человек, обретает свою родовую сущность (по Г.Гегелю, свое «неорганическое тело») благодаря систематическому участию в организованных социальных группах с момента рождения. Это участие называется социализацией «процесс усвоения и активного воспроизводства индивидом социального опыта, осуществляемый в общении и деятельности»². В социологическом анализе процесса социализации личности выделяют три подхода: субъект-объектный, субъект-субъектный и интегральный. Авторы статьи предлагают свое видение процесса социализации, выделяя два подхода:

а) объектный подход, в рамках которого социализируемая личность рассматривается как объект влияния, главным субъектом которого является семья. Это определенная социальная подсистема, отношения между элементами которой (членами семьи) так или иначе, структурированы, это первая и весьма специфическая социальная среда, в которой

¹ Кузнецов В. Н. Социология безопасности: Учеб. пособие / В. Н. Кузнецов. М., КДУ, 2009. – С. 16

² Розум С. И. Психология и социализации и социальной адаптации человека. СПб., Речь, 2006. – С. 15.

оказывается ребенок сразу после рождения. Выполняя функцию первичной социализации, семья создает для общества «некую личность», которая обладает определенными интеллектуальными, нравственными и физическими качествами.

В современном обществе на фоне системного кризиса происходят качественные изменения макросреды, сопровождающиеся деформацией социальных объектов, в частности семьи. С одной стороны, при таких условиях «выживания», семья не может полноценно выполнить важнейших функций: формирование у молодого поколения чувства защищенности, уверенности в завтрашнем дне, веры в высшие ценности (мораль, нравственность, совесть, справедливость). Именно эти качества и являются составляющими духовности человека, обеспечивающие его безопасность. С другой стороны, молодежь, наблюдая материальное расслоение общества, маргинальность социальных и правовых норм, терпимость общества к аморальному и противоправному поведению, религиозным сектам, усваивает общепринятые общественные образцы поведения, нормы, ценности, идеалы, которые являются в дальнейшем средствами регуляции индивидуального поведения, связанного с выполнением общественно значимых функций.

Проведенное авторами статьи исследование подтверждает высказанную позицию. В частности, на вопрос «Как часто Вы встречаете людей, которые соблюдают правила и нормы поведения; соблюдают культуру речи; верят в высшие ценности (мораль, нравственность, патриотизм); заботятся о слабых членах общества (не только о родителях или близких); верят в духовные (религиозные) ценности?» опрашиваемая молодежь ответила следующим образом (табл. 1)³:

Таблица 1

**Мнение респондентов на вопрос:
«Как часто Вы встречаете людей, которые:» (%)**

	<i>Очень часто</i>	<i>Часто</i>	<i>Трудно сказать</i>	<i>Редко</i>	<i>Совсем не встречаю</i>
а) соблюдают правила и нормы поведения	69	171	262	391	107
б) соблюдают культуру речи	40	121	261	520	58
в) верят в высшие ценности (мораль, нравственность, патриотизм)	44	172	295	383	106
г) заботятся о слабых членах общества	37	160	293	411	99
д) верят в духовные (религиозные) ценности	101	155	240	366	138

Из таблицы видно, что 1/2 респондентов не встречают тех людей, которые соблюдают правила и нормы поведения, культуру речи, верят в высшие ценности (мораль, нравственность, патриотизм), заботятся о слабых членах общества (не только о родителях или близких), верят в духовные (религиозные) ценности. Около 1/5 встречают таких людей, ответ «трудно сказать» выбрали 30 % молодых людей.

Тем самым можно сказать, что и общество и семья формируя исполнителей социального действия, усвоивших социальные формы сознания и поведения посредством «интернализации» социальных норм являются активными субъектами социального влияния на молодежь его духовную безопасность;

б) субъектный подход, где личность выступает как активная сторона. Для развития и становления молодого человека, как личности, немаловажную роль играет его социальное окружение (группы друзей), которое является мощным катализатором индивидуального поведения каждого члена группы, т.к. они, как правило, возникают самопроизвольно и спонтанно. Направленность группы во многом зависит от личных качеств ее лидера. Являясь активным субъектом, он изменяет социальную среду группы через «психологическое заражение и подражание» и через эмоциональное притяжение. Согласно исследованию авторов, 1/3 респондентов (27,9 %) отметили, что в их поведении имеет ме-

³ Фрагмент социологического исследования (общий объем выборки составил 1000 человек), в котором приняли участие респонденты (обоих полов: 53 % юношей и 47 % девушек, возрастные границы от 14 до 25 лет) средних и высших учебных заведений г. Смоленска и г. Ярцево Смоленской области.

сто факт «слепого» подражания лидеру. В отличие от коллективов и иных социальных общностей такие группы мало поддаются социальному контролю и подвержены восприимчивости деформированных черт сознания и поведения. Объясняется это тем, что группа зачастую не имеет общественно полезных целей, положительного организующего начала, единых и прочных принципов деятельности⁴.

Справедливости ради отметим, что далеко не все стихийные группы и компании имеют антиобщественную направленность. Однако наряду с просоциальными (социально положительными) существуют и асоциальные (стоящие в стороне от основных общественных проблем), а также антисоциальные (социально отрицательные) стихийные неформальные группы.

В рамках индивидуализации предметом анализа становятся социальные, социально-психологические и духовные изменения, которые оказываются условием и средством «вхождения» молодого человека в общество. Они определяют существование самого общества, а, следовательно и поведение каждого его члена. Именно в этом проявляются «родовая человеческая сущность» (в философском анализе), общественная ситуация, в которой осуществляется процесс социализации. С этими детерминантами связано превращение управляемого биологическими импульсами и побуждениями существа в существо, наделенное сознанием и способное к самоконтролю, т.е. в личность.

Индивидуализация тесно связана с проблемой *свободы воли и трансцендентности человеческой сущности, а также с проблемой творческого начала в процессе социализации. Здесь наблюдается коренное противоречие, порождаемое самой сущностью процесса социализации как «...последовательного нормирования всех аспектов жизнедеятельности человека, являющегося необходимым условием эффективной деятельности общественной группы как единого субъекта»⁵. Разрешение этого противоречия заключается в следующем: человек становится более свободным и в большей степени может проявить свою индивидуальность, если им будут усвоены, интериоризированы нормативные требования общества.*

Только через взаимодействие социальной детерминированности и индивидуальной свободы можно понимать социализацию как способ социального бытия человека, «проявляющийся в динамике личностного начала, самореализации сущностных сил индивида в процессе свободного преобразования окружающей действительности, в результате которого генерируется индивидуальность»⁶.

Если индивидуализация происходит неуспешно, то это может привести к деформации человека, особенно молодого, т. к. у молодежи еще недостаточно сформированы жизненные позиции. В обществе должен доминировать приоритет общечеловеческих ценностей перед всеми остальными (групповыми, сословными, классовыми, этническими и т. д.), приоритет безопасности личности перед безопасностью государственных институтов и общественных образований. Тем самым личность, ее индивидуальность признаются в качестве базисной основы человеческого бытия, безопасности.

Таким образом, молодежь как социальная группа переходного характера, чьей главной функцией выступает воспроизводство теоретического и прикладного знания, обладает структурной двойственностью, что сказывается на формировании ее духовной безопасности. Эта двойственность обусловлена следующим. С одной стороны, воспроизводство теоретического потенциала осуществляется вдоль вертикали культурно-исторической идентификации общества, образовательной проекцией которой является усвоение общеобразовательных дисциплин, основой которых является духовно-гуманитарное знание. С другой стороны, воспроизводство знания осуществляется вширь по горизонтали социально-практической специализации, в процессе которой молодежь получает профессиональное образование, ибо оно послужит ему в дальнейшем в деле адаптации и социализации⁷.

⁴ Вебсайт: <http://www.study.online.ksua.spargalka/files7/n> (дата обращения: 05.03.11)

⁵ Розум С. И. Психология и социализации и социальной адаптации человека. СПб., Речь, 2006. – С.16.

⁶ Партина Л.В. социализация человека как проблема. Автореферат дисс. ...канд. филос. наук. Алматы, 1994. – С. 15

⁷ Вебсайт: <http://www.5ka.ru/72/17444> (дата обращения: 05.03.11)

Следующей детерминантой формирования духовной безопасности молодежи является гендер, под которым понимается совокупность социокультурных и поведенческих характеристик и ролей, связанных с социальным и правовым статусом мужчин и женщин в обществе. Наряду с биологическими характеристиками пола существуют и оказывают огромное влияние на личность социальные характеристики – социальные нормы, роли и статусы, стереотипы, установки, правила поведения, психологические особенности.

Гендер, являясь продуктом культуры, постоянно воспроизводится при взаимодействии людей – в речи, невербальных, телесных проявлениях, одежде и т. д. Культура общества, его «менталитет» оказывает мощное воздействие на подвергающихся его влиянию индивидов. Согласно теории М. Брейбика мужчины придерживаются таких ценностей как, независимость и рационализм, а женщины – милосердие, сострадание, заботливость, внимательность, любовь, привязанность, эмоциональная поддержка, что наблюдается в табл. 2⁸.

Таблица 2

**Мнение респондентов на вопрос:
«Что Вы понимаете под термином «культурное общество»?» (%)**

№ п/п	Вариант ответа	Юноши	Девушки
1	Соблюдение правил и норм поведения	26,3	24,5
2	Соблюдение культуры речи	3,7	4,1
3	Вера в высшие ценности (мораль, нравственность, патриотизм)	13,3	15,5
4	Забота о слабых членах общества (не только о родителях или близких)	1,3	4,3
5	Вера в духовные (религиозные) ценности	4,8	1,6
6	Уважение одного человека к другому	0,6	–

Из таблицы видно, что 1/6 девушек (15,5 %) и под «культурным обществом» понимает такое общество, где сформирована вера в высшие ценности: мораль, нравственность, патриотизм (эту позицию заняли 13,3 % юношей заняли эту позицию). 1/3 девушек (29,6 %) считают культурным обществом то, которое живет по нормам и правилам, как поведения, так и речи. Для сравнения: 1/3 юношей (30 %) заняли такую же позицию.

Как отмечалось выше, на моральное и духовное развитие молодежи влияют факторы социализации личности, следовательно, можно предположить, что в процессе социализации только около 1/3 девушек и юношей взаимодействует с «культурными» людьми (агентами социализации), которые и прививают им эти ценности. На вопрос «Как часто Вы встречаете людей, которые...»: ответы распределились следующим образом (табл. 3):

Таблица 3

Мнение респондентов на вопрос: «Как часто Вы встречаете людей, которые:» (%)

Позиция	Очень часто		Часто		Трудно сказать		Редко		Совсем не встречаю	
	1		2		3		4		5	
	Ю	Д	Ю	Д	Ю	Д	Ю	Д	Ю	Д
а) соблюдают правила и нормы поведения	19,3	12,9	24,8	19,2	1,6	2,8	1,0	2,7	5,8	4,3
б) соблюдают культуру речи	9,8	7,3	4,6	9,5	10,1	7,1	8,5	7,5	8,1	7,4
в) верят в высшие ценности (мораль, нравственность, патриотизм)	13,3	19,8	13,5	12,6	14,2	15,3	15,6	13,7	12,4	11,6
г) заботятся о слабых членах общества	2,5	4,4	4,4	5,6	19,1	19,2	20,5	20,6	18,0	18,6
д) верят в духовные (религиозные) ценности	5,1	5,6	2,7	3,1	5,0	5,6	4,4	5,5	5,7	8,1

⁸ Bbrabeck. M. Who cares? Theory, research and educational implications of the ethic of care. New York: Praeger. 1989. (дата обращения: 05.02.11)

В современном плюралистическом обществе, где доминирует идеология и социальные изменения, влияющие на мужчин и женщин, как участников общественных отношений, различия между мужскими и женскими функциями (за исключением деторождения) становятся более неопределенными, категории ценностей «мужских» и «женских» также становятся более размытыми. Данная мысль подтверждается результатами социологического исследования автора (табл. 4).

Таблица 4

**Мнение респондентов на вопрос:
«Каково Ваше отношение к следующим видам поведения у молодежи» (%)**

Позиция	Положительно		Все равно		Отрицательно	
	1		2		3	
	Ю	Д	Ю	Д	Ю	Д
а) сексуальная свобода	14,7	11,3	16,6	14,7	18,7	24,0
б) употребление наркотиков	4,0	7,0	6,7	5,8	39,3	37,2
в) употребление алкоголя	6,0	8,1	16,9	15,8	27,1	26,1
г) употребление никотина	6,4	9,1	15,4	15,7	28,2	25,2
д) употребление токсических веществ	7,8	9,8	5,5	7,2	36,7	33,0
е) социальная апатия	0,9	0,8	17,8	11,2	31,3	32,4
ж) нецензурная брань	3,3	7,2	19,4	14,5	27,3	28,3
з) безнравственное поведение	2,5	3,2	15,1	16,8	32,4	35,6

Опираясь на данные, представленные в таблице, наблюдаем следующее: процентные соотношения респондентов, указавших на тот или иной вид асоциального поведения практически одинаковы, с точки зрения фактора пола. Особенно, следует обратить внимание на ответы девушек с «положительных позиций» на все виды асоциального поведения (кроме позиции «социальная апатия»). К сожалению, около 10 % девушек относятся положительно к этим видам безнравственного, аморального, бездуховного поведения (для сравнения, процентный показатель у юношей ниже, кроме первого – «сексуальная свобода»), а это будущие мамы, то есть, те агенты социализации, которые будут воспитывать, и прививать ценности будущему поколению... Хотя отметим, что процентные показатели «отрицательного» отношения к девиантным видам поведения намного выше.

Итак, каким же образом, с позиции гендерного фактора, респонденты ответили на вопрос: «Можно ли современное общество считать «духовным обществом»?»: «да» – юноши – 4,3 %; девушки – 6,2 %; «нет» – юноши – 32 %; девушки – 29,8 %; «иное» (затрудняюсь с ответом, частично, духовность развивается, но безнравственность не исчезает) – юноши – 13,7 %; девушки – 14,0 %.

Безусловно, человеческие ценности (человеческая жизнь, индивидуальное сознание, совесть) не только целиком относятся к отдельным индивидам, но и к обществу в целом. Однако, как было отмечено выше, существуют гендерные различия в понимании ценностей. Кроме того, у каждой культуры совокупности высших ценностей, также различаются. И личности, достигшие высших стадий морального развития, – те, которые руководствуются именно этими ценностями. Все ценности приемлемы до тех пор, пока не вступают в противоречие с ценностями других людей, придерживающихся иных ценностей.

Проанализировав представленную информацию, сделаем следующие выводы. Факторы социализации влияют на моральное развитие молодежи, а впоследствии и на духовную составляющую всего общества. Ценности, которые присущи русской культуре (общее счастье, ненасилие, целомудрие, нравственная чистота, почитание родителей и старших, коллективная ответственность) закладываются в семье, через дошкольные, школьные, профессиональные учебные заведения, средства массовой информации и другие социальные институты общества посредством научения, прививается воспитанием и образованием. Нормируются не только потребности, но и структура потребностей, не говоря уже о ценностях, которые по определению являются продуктами человеческой культуры.

В зависимости от макро- и микро условий и своих личных особенностей молодежь ограничена избирательными возможностями, но чаще всего она использует из них одну

или несколько, останавливаясь на той, что понятнее и ближе всего ее образу жизни. Существует взаимосвязь макро- и микросреды в формировании духовной составляющей личности молодого человека. Выявление доминирующих детерминант позволяет выявить динамику духовной безопасности молодежи с помощью ценностно-нормативных ориентаций и определить стратегию ее формирования через социально-профилактическую работу.

Список литературы

1. Кузнецов В. Н. Социология безопасности: Учеб. пособие / В. Н. Кузнецов. М., КДУ, 2009. С. 16.
2. Розум С. И. Психология и социализации и социальной адаптации человека. СПб., Речь, 2006. С. 15, С.16.
3. Фрагмент социологического исследования (автор Фомченкова Г.А., дата проведения 2009-2010 гг).
4. Вебсайт: <http://www.study.online.ksua.spargalka/files7/n>
6. Партина Л.В. социализация человека как проблема. Автореферат дисс. ...канд. филос. наук. Алматы, 1994. С. 15
7. Вебсайт: <http://www.5ka.ru/72/17444>
8. Bbrabeck. M. Who cares? Theory, research and educational implications of the ethic of care. New York: Praeger. 1989.

PERSONAL DETERMINANTS OF THE YOUTH'S SPIRITUAL SECURITY FORMATION IN SOCIOLOGICAL ASPECTS

V.V. BAKHAREV¹⁾
G. FOMCHENKOVA²⁾

¹⁾*Belgorod State National
Research University*
e-mail:

²⁾*Smolensk State University*

The article deals with the youth's personal determinants: individualization, socialization and gender, which should be taken into account when forming spiritual security of the modern youth. The author gives a comparative analyzes of the results of a sociological research (opinion polls of the youth from several schools and higher education establishments) from the point of such determinants as gender and socialization.

Key words: security, determinant, individualization, socialization, gender, youth, spiritual security.

ЧЕЛОВЕК, ЕГО СПОСОБНОСТИ И ПОТРЕБНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОМ ИЗМЕРЕНИИ

И.А. БЕЛЯЕВ

*Оренбургский
государственный
университет*

e-mail: igorbelyaev@list.ru

Статья посвящена рассмотрению целостного человеческого существа и присущих ему способностей и потребностей в социально-личностном измерении. Автор излагает свои представления о личности как той ипостаси, в которой человек реализуется в обществе, об общем характере претерпеваемых им социальных влияний, о связи особенностей его целостности с присущими ему способностями и потребностями.

Ключевые слова: человек, целостность, способности, потребности, общество, личность, социальная мимикрия, социально-личностное измерение.

Начну с изложения ранее опубликованных положений¹, являющихся точкой отсчёта применительно к содержанию настоящей статьи.

Во-первых, человек есть существо целостное, в каждый момент своего индивидуального существования обнаруживающее себя как нечто относительно завершённое. Возникающая с возникновением его самого, целостность человека находится в состоянии непрерывного становления и никогда не бывает ставшей. Свою целостность человек обретает в процессе осуществления себя в целостном Мире, самоутверждения в нём в природной, социальной и духовной сферах своего осуществления за счёт применения собственных сущностных сил.

Во-вторых, сущностные силы человека формируются и реализуются в ходе его взаимодействия с доступными фрагментами Мира. Будучи системно организованными, находящимися в отношениях дополненности и взаимопредставленности, обладая очевидной самостоятельностью и столь же несомненными качественными различиями, природные, социальные и духовные сущностные силы человека интегрируются в его способностях и потребностях.

В-третьих, способности и потребности есть системные свойства целостного человеческого существа. Если способности обеспечивают утверждение человека в Мире путём реализации его природных, социальных и духовных сил, то потребности, являющиеся субъективным выражением всего объективно необходимого человеческому существу, представляют собой внешние и внутренние детерминанты его активности.

Далее считаю нужным обратить внимание на то, что человек, его способности и потребности могут эвристически ценно рассматриваться в трёх измерениях: природно-органическом, социально-личностном и духовно-душевном. Социально-личностное измерение, попытка воплотить в жизнь исследовательский потенциал которого предпринимается в данном случае, применимо в связи с включённостью всякого полноценного человека в систему взаимосвязей с подобными ему существами; с его деятельностью, обеспечивающей в основном энергетический обмен с окружающей средой; с его ролевым взаимодействием с социальным окружением; адаптацией к социальным реалиям путём выбора наиболее выгодных форм мироотношения.

Перейду к актуализации потенциала данного измерения к постижению специфики целостного человеческого существа и того комплекса способностей и потребностей, которыми он обладает.

¹ См.: Беляев И.А. Ограничение и компенсация способностей и потребностей целостного человеческого существа // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2009. — № 2 (96), февраль. — С. 24-30.; Беляев И.А. Способности и потребности как континуум системных свойств человеческой целостности / И.А. Беляев // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2009. — № 1 (95), январь. — С. 9-13.; Беляев И.А. Становление способностей в контексте человеческой целостности // Вестник Оренбургского государственного университета. — 1999. — № 3. — С. 24-28.

Прежде всего следует заметить, что природное существо, с биологической точки зрения квалифицируемое как *H. s. Sapiens*, не может стать человеком и быть им, то есть последовательно осуществлять себя как специфическую целостность, а свои способности как подлинно человеческие, если с рождения не приобщается к исходно социальному, объединяющему людей процессу взаимоудовлетворения потребностей. Наряду с этим нельзя не указать и на тот факт, что человеческое существо вполне способно удовлетворять свои потребности без учёта интересов своего социального окружения и даже в ущерб ему. Да и может ли быть иначе, если антиномичность представляет собой атрибут существования человека, а сохранение целостности человеческого естества в онтогенезе неизбежно сочетается с развёртыванием отношения взаимопроникновения индивида с различными и разнообразными жизненными реалиями?

«Обладать – это значит почти неизбежно быть обладаемым» – пишет Г. Марсель². С этим нельзя не согласиться. Однако есть смысл придать более общий характер высказанному французским философом суждению и заявить, что, скорее всего любому социально обозначенному проявлению определённого отношения человека непременно сопутствует проявление встречного отношения элементов его внешнего окружения. Наличие совокупности такого рода отношений является непременным условием человеческого существования. Специфика содержания этих отношений и мера согласованности между ними выступают важными индикаторами общего жизненного благополучия человека и его конкретно-ситуативной состоятельности. Так, индивид, склонный «казаться» кем-либо, обретает искомое и ощущает себя наиболее комфортно в рамках социально-ролевой игры, доминирующие участники которой будут похожими на него по характеру мотивационно-смыслового содержания индивидуального мироотношения. Если человек сумеет проявить склонность действительно «быть» кем-то более совершенным в сравнении с тем, кем он являлся прежде, если он окажется способным трансцендировать за пределы наличного существования, то ему раскроются ранее недоступные горизонты бытия, возникнет его сопричастность новым жизненным реалиям, что станет предпосылкой и условием его утверждения в изменённом онтическом статусе. Что же касается склонности к обладанию, то есть к тому, чтобы каким-либо образом получать и «иметь» нечто притягательное, то проявляющему её индивиду нередко свойственны общая или частичная незрелость и даже утрата некоторых надприродных – социально-личностных и/или духовно-душевных – составляющих комплекса его способностей и потребностей.

В социальной сфере, обобщающей собой всю совокупность многообразных отношений, складывающихся между людьми, индивид выступает как личность, являющаяся ни чем иным, как комплексом, более или менее слаженным «ансамблем» тех социальных ролей, которые он, в соответствии с законами, присущими обществу, осваивает и с той или иной мерой успешности разыгрывает на протяжении всей своей жизни.

Многие специалисты-обществоведы, прежде всего отечественные, не всегда, быть может, в должной мере осознающие сомнительность собственных идейно-теоретических позиций, в своих трудах весьма активно обсуждают бесспорно имеющие место позитивные стороны существования человека как личности, вполне определённо обходя молчанием негативные стороны этого процесса, фактически навязывая читателю мнение о включённости индивида в становящуюся систему межчеловеческих связей как о едва ли не идиллии. Полагаю, что данное обстоятельство позволяет заявить о тенденции к почти безграничной идеализации, а то и сакрализации реалий социального существования индивида, издавна складывающейся в обществоведческом знании. Лишь некоторые авторы теоретических и литературно-художественных произведений активно противостоят этой тенденции, проявляя в противовес ей свою склонность к взвешенной позиции, более соответствующей реальному положению вещей. Так, великий знаток социальных реалий М.Е. Салтыков-Щедрин утверждает следующее: «Во всяком благоустроенном обществе по штатам полагаются: воры, неисправные арендаторы, доносчики, издатели «Помой», прелюбодеи, кровосмесители, лицемеры, клеветники, грабители. А прочее всё – уто-

² Марсель Г. Метафизический дневник (1928-1933) // Быть и иметь. – Новочеркасск : Агентство САГУНА, 1994. – С. 9-131.

пия»³. Ну, а если вовлечённость индивида во взаимодействие с носителями подобных социальных ролей выступает как непереносимое условие его социального существования, то вряд ли стоит умалчивать о том, что хотя бы некоторые из воспринимаемых им воздействий непременно будут нести зло, иметь объективно разрушительный характер.

Впрочем, не стоит обольщаться, полагая, что зло вокруг себя распространяют только те индивиды, личностные характеристики которых не соответствуют социально сакрализованному канону показной благопристойности. Всякий акт социального осуществления индивида чреват множеством разнообразных и разномасштабных проявлений зла. Личность, «очищенная» от организма и души, есть «человек-предмет», лишённое самости существо, во всякий момент своей жизни полностью тождественное с совокупностью исполняемых социальных ролей.

Глубокое знание специфики человекоразмерной действительности дало К. Обуховскому основание для заявления о том, что «нормальные люди, рассудительные и мудрые в частной жизни, действуя в рамках спроектированных для них социальных ролей, отказываются от собственных взглядов. Их совесть чиста, поскольку они рассыпают свою ответственность на всех, действуя “во имя”, не чувствуют ответственности перед самими собой за последствия своих решений. Кроме того, их решения выполняют другие “люди-предметы”, лишённые чувства вины, поскольку выполняют “то, что необходимо” независимо от своих взглядов. Они убивают, даже когда не хотят убивать, поскольку являются солдатами, обманывают, хотя любят правду, потому что являются политиками. По этому же принципу они отравляют землю, заслоняют солнце и уничтожают жизнь. Их чувства, даже “частные” взгляды на последствия их действий ничего для них не значат. Они действуют, выполняя предписания своей общественной роли, как машина, выполняющая то, для чего она спроектирована. Чувствуя, что они “в игре”, люди-предметы концентрируются на возможно более точном выполнении роли “здесь и сейчас”, а не на критическом анализе целей и последствий своих действий»⁴.

Э.В. Ильенков полагает, что «действительная личность обнаруживает себя тогда и там, когда и где индивид в своих действиях и продукте своих действий вдруг производит результат, всех других индивидов волнующий, всех других касающийся, всем другим близкий и понятный, короче, – всеобщий результат, всеобщий эффект»⁵. Но может ли неангажированный исследователь не признать некоего индивида личностью на том основании, что его действия и поступки социально малозначимы?

«Масштаб личности человека, – пишет этот автор далее, – измеряется только масштабом тех реальных задач, в ходе решения которых она и возникает, и оформляется в своей определённости, и разворачивается в делах, волнующих и интересующих не только собственную персону, а и многих других людей. Чем шире круг этих людей, тем значительнее личность, а чем значительнее личность, тем больше у неё друзей и врагов, тем меньше равнодушных, для которых само её существование безразлично, для которых она попросту не существует. <...> Неповторимость подлинной личности состоит именно в том, что она по-своему открывает нечто новое для всех, лучше других и полнее других выражая “суть” всех других людей, своими делами раздвигая рамки наличных возможностей, открывая для всех то, чего они ещё не знают, не умеют, не понимают. Её неповторимость не в том, чтобы во что бы то ни стало выпячивать свою индивидуальную особенность, свою “непохожесть” на других, свою “дурную индивидуальность”, а в том, и только в том, что, впервые создавая (открывая) новое всеобщее, она выступает как индивидуально выраженное всеобщее»⁶.

В социальном мире, вне зависимости от мнения кого бы то ни было, существуют не только великомасштабные (согласно Ильенкову – подлинные) личности. Подавляю-

³ Салтыков-Щедрин М.Е. Современная идиллия // Собрание сочинений: в 10 т. – М. : Изд-во «Правда», 1988. – Т. VIII. – С. 270.

⁴ Обуховский К. Галактика потребностей. Психология влечений человека / – СПб. : Изд-во «Речь», 2003. – С. 85-86.

⁵ Ильенков Э.В. Что же такое личность? // Философия и культура. – М. : Политиздат, 1991. – С. 412. С. 387-414.

⁶ Там же. – С. 412-413.

щее большинство личностей обнаруживает себя в этом мире посредством совершения действий и поступков, которые выражают то индивидуально преломлённое всеобщее, которое отнюдь не является объективно новым. Тем не менее, использование понятия о масштабе личности при обсуждении социально-антропологических проблем представляется вполне оправданным и даже необходимым по причине того, что собственно социальные различия между человеческими индивидами являются прежде всего количественными, а потому наиболее явно выражаются в несовпадении именно масштабов их личностей.

«Общество, – как осмелился заявить О. Уайльд, – считает своим правом обрушивать на личность страшные кары, но оно страдает страшнейшим пороком верхоглядства и не ведает, что творит»⁷. Соглашаясь с известным писателем, считаю необходимым отметить, что присущие обществу возможности такого рода не безграничны. Дело в том, что общество обнаруживает личность тогда и только тогда, когда в её актуализируемом социально-ролевом содержании появляются анти- и внеинституциональные элементы, то есть в таких обстоятельствах, когда социальные проявления человеческого индивида перестают отвечать системе норм, организующих жизнь той конкретной этносоциальной общности, к которой этот индивид принадлежит. При этом общество бездумно, механически-безжалостно табуирует всё то, что находится вне системы писаных и неписаных социальных норм и, соответственно, оперативно и скрупулёзно реализует меры воздействия на личность, предусмотренные практически для всех случаев её обнаружения.

Впрочем, сколь далеко бы ни продвинулось общество в своём аутическом по сути совершенствовании, ему всегда присущ конкретно-исторический предел технологизации процесса унификации индивидов, дегуманизации жизненных реалий большинства людей.

Нет сомнения в том, что человеческая личность являет собой функцию общества. Причём характер их соотношения не зависит от того, насколько конкретное общество ориентировано на выявление и реализацию способностей и потребностей своих членов. Конечно же, становление личности в условиях подлинной демократии, при наличии гражданского общества и правового государства вовсе не тождественно становлению личности в условиях, далеких от демократии, когда политическая самоорганизация общества практически отсутствует, а оно само не контролирует государство и вовсе не стремится к равноправию индивидов и их групп, к справедливому и полноценному удовлетворению их интересов. Тем не менее, при любом стечении жизненных обстоятельств социально-личностная сторона процесса обретения человеком своей целостности есть его приобщение к общественным отношениям, спонтанное, обычно нерелексированное усвоение их глубинной сути и конкретно-исторической специфики, а также частичное воспроизводство усвоенного в собственном мироотношении и реальном взаимодействии с доступными фрагментами Мира.

«Вся социальная жизнь, – по утверждению Э. Гидденса, весьма точно отражающему реальное положение вещей, – сущностным образом рутинизирована: мы обладаем определённым представлением о тех регулярных способах деятельности, которые мы повторяем изо дня в день и которые формируют наши индивидуальные жизни, равно как и воспроизводят более крупные институты, в которые вносит свой вклад и наше собственное поведение»⁸.

Человек-предмет, интенциональность мироотношения которого сфокусировано на социальных ценностях, едва ли не всецело зависит от общества, от ближнего социального окружения, от социальных процессов, в развёртывание которых он вовлечён, от их непосредственных и опосредованных результатов, причём зависимость эта сродни зависимости раба от хозяина. Индивидуальная система ценностей (как, впрочем, и производные от них ценностные ориентации личности) такого вот раба крайне дисгармонична. Ценности, имеющие наибольший удельный вес в рамках их конкретной системы, могут весьма заметно различаться и по своему характеру, и по масштабу. Более того, в содержании системы ценностей человека-предмета всегда есть некие однозначно доминирующие составляющие, которые настолько важны для индивида в сравнении со всеми иными

⁷ Уайльд О. Тюремная исповедь // Избранное. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – С. 379.

⁸ Гидденс Э. Трансформация интимности. – СПб. : Питер, 2004. – 208 с.

разделяемыми им ценностями, что конституируемые ими специфические образы действительности прочно заслоняют от него львиную долю жизненных реалий. «Раба природы, – пишет Л. Фейербах, – ослепляет блеск солнца ... между тем раб политический ослепляется блеском царского звания до такой степени, что падает перед ним ниц, как перед божественной силой, от которой зависят жизнь и смерть»⁹.

В рамках социальной действительности человеческая целостность номинально распадается на свои экзистенциальные составляющие и одно из них – личность – становится фундаментом началом для двух оставшихся. Соответственно человеческий организм априори воспринимается людьми-предметами как овеществленное социальное качество индивида, душа же, редуцированная до «психики», оказывается для них естественной «мишенью» и необходимым продуктом социальных воздействий. Люди, целостное естество которых деформировано таким образом, влачат откровенно частичное, квантифицированное существование. Индивидуальные способности и потребности неизбежно подстраиваются под явные и неявные требования того социального целого, частью которого оказывается человеческое существо. Социальное становление есть развёртывающаяся во времени Пиррова победа индивида над своим естеством, торжество человеческой частичности над его целостностью.

Типичный социальный феномен – это социальная мимикрия (термин мой. – *И. Б.*), то есть откровенное подражание другим (реальным и/или воображаемым) людям, демонстративное, подчас карикатурное воспроизведение действительно присущих или приписываемых им социально одобряемых внешнего облика и поведения. Причём нет никакого сомнения в том, что некоторая часть человеческих существ в любой социальной обстановке непременно добьется искомого повышения своего исходного статуса именно за счёт социального мимикрирования. Отмечу, что понимание этого не является прерогативой современных мыслителей-человековедов; соответствующие сведения обнаруживаются во множестве теоретических и литературно-художественных произведений, созданных в разные эпохи. Так, Ж. Лабрюйер, описывающий реалии французского общества XVII века, сообщает, в частности, следующее: «При дворе (то есть там, где социально-ролевая сторона жизни людей реализуется наиболее изоцирено. – *И. Б.*) всегда довольно людей, у которых светскость, учтивость или богатство играют роль ума или способностей. Они умеют войти и выйти, поддержать разговор, не участвуя в нём; понравиться, не сказав ни слова, придать себе важность, храня упорное молчание или время от времени издавая односложные возгласы. Они берут выражением лица, тоном, жестом, улыбкой и похожи на тонкий слой чернозема; копните его на два дюйма вглубь – и вы наткнетесь на бесплодный камень»¹⁰. Да и, в самом деле, что, кроме заведомых смысловых фикций, могут породить человеческие индивиды, социально-личностное начало которых оказывается безусловно доминирующим над всеми иными составляющими их целостного существа?

Впрочем, социальная мимикрия по своей сути не может быть ограничена сугубо утилитарной, практически-действенной, но механически-отвлечённой имитацией соответствия себя актуальному социальному идеалу. С одной стороны, имитационная активность индивида предназначена для создания у окружающих впечатления того, что в его поведении естественным образом выражается подлинное содержание присущего ему мироотношения. С другой стороны, все внешние проявления индивида должны вполне определённо свидетельствовать о его лояльности по отношению к реалиям социокультурной действительности. Поэтому человеку, сосредоточившемуся на достижении социального успеха, свойственна обречённость на постоянное недвусмысленное выражение не своих, а чужих взглядов, не всегда, правда, объективно чуждых ему, но практически во всех случаях заимствованных из сравнительно узкого круга чьих-то получивших известность и социально-ситуативно сакрализованных представлений о многореальном Мире.

Человеческое существо, формирующееся и живущее в условиях непререкаемой власти безличных стандартов, утраты подлинно индивидуальных целей становится, по

⁹ Фейербах Л. Сущность религии (1845) // Избранные философские произведения: в 2 т. – М. : Госполитиздат, 1955. – Т. 2. – С. 458.

¹⁰ Лабрюйер Ж. Характеры, или Нравы нынешнего века // Парадоксы души. – Симферополь : «Реноме», 1998. – С. 191.

крайней мере, внешне, более или менее исправной частью, деталью сложившегося социально-технологического механизма. Каждая из этих деталей – людей-предметов – в рамках ассимилировавшего её механизма с автоматизированным прилежанием играет определённые, внешне заданные, стандартизованные социальные роли. Исполняемые индивидами роли, вне зависимости от меры своей банальности, непременно должны быть усвоены, интернализированы ими. Здесь надо, вслед за И. С. Коном, уточнить, что интернализованная роль являет собой «внутреннее определение индивидом своего социального положения и его отношение к этому положению и вытекающим из него обязанностям»¹¹.

Содержательное наполнение конкретных социальных ролей и характер их восприятия, переживания, оценивания и реализации отдельными людьми могут различаться весьма существенным образом. Однако, при любом варианте развития событий сосредоточившиеся на исполнении социальных ролей человеческие существа всем своим поведением невольно демонстрируют глубину деформированности собственного мироотношения, возникшей под влиянием совокупности нарушений самоотождествления. В одних случаях при значительной деформации мироотношения возникает синдром «винтика», то есть безоглядный конформизм, в других – синдром «центра Мира», то есть мессианские иллюзии, деятельно реализуемые человеком в любой сколько-нибудь пригодной для этого жизненной ситуации. Иногда как тот, так и другой синдром находят централизованное выражение в совершении индивидом действий и поступков, которые всецело соответствуют ранее избранной линии поведения, но в связи со своей запредельной, нечеловеческой механистичностью не могут быть сколько-нибудь позитивно восприняты окружающими людьми, чьё мировидение является не только соматическим или спиритическим, но и даже персоналистическим.

Исчерпывающим образом социализированный индивид трагически неадекватен процессам, происходящим за пределами его статусно-ролевых контактов с доступными фрагментами социального мира, и он более или менее явно чувствует это, в связи с чем его обычным состоянием становится фрустрация. Далее, как непереносимое следствие, появляется агрессивность, обычно скрытая, практически не ощущаемая даже самим человеком, изредка – явная для посторонних людей.

Движущей силой процесса социально-личностного становления человека выступает противоречие между присущими ему потребностями к единению с другими людьми и к обособлению от них. Осуществляя себя за счёт адаптации к жизненным реалиям, собственно социальным и социально опосредованным, индивид, несмотря ни на что, не может преодолеть своего человеческого, антиномичного естества.

Думается, что прав был Э. Фромм, ещё в начале второй половины XX века заявивший о тотальной отчужденности своих современников, представителей западной цивилизации от самих себя, от близких людей, от природы. Если с тех пор и произошли какие-то позитивные изменения в жизни человеческих существ, то они не коснулись их хронически отчужденного состояния. Более того, количество социализированных индивидов, страдающих от своей отчужденности, явно не уменьшилось, да и, судя по всему, не могло уменьшиться. Отношения между людьми, как и прежде, являют собой отношения «отчужденных автоматов, каждый из которых основывает свою безопасность на том, чтобы держаться поближе к стаду и не отличаться от других в мысли, чувстве или действии. Хотя каждый старается быть как можно ближе к остальным, каждый остаётся крайне одиноким, проникнутым глубоким чувством небезопасности, тревоги и вины, которые всегда появляются там, где человеческое одиночество не может быть преодолено»¹².

В социальной сфере своего существования человек действует так, и только так, как его собственное естество может позволить ему действовать в рамках складывающихся обстоятельств. Люди не в силах перестать быть самими собой, а потому они обречены на реализацию взаимоисключающих тенденций своего существования, то есть на непрерывное воспроизводство обсуждаемого противоречия. Это противоречие, тем не менее, вполне реально перестаёт оказывать значительное влияние на жизнь человеческого су-

¹¹ Кон И.С. Социология личности // Социологическая психология. – М. : Московский психолого-социальный институт; Воронеж : Издательство НПО «МОДЕК», 1999. – С. 73.

¹² Фромм Э. Искусство любви. – Минск : ТПЦ «Полифакт», 1991. – С. 51-52.

щества при обретении и сохранении им гармонической целостности. Но если целостность человека не находится в состоянии устойчивой гармонии (а такое состояние крайне маловероятно), то острота рассматриваемого противоречия иллюзорно-компенсаторно снимается в любви, которую он разделяет с другим человеком и, возможно, только в ней.

Конечно же, далеко не всякому индивиду доступно воистину чудесное исчерпывающее сплочение, слияние с единственно пригодным, предназначенным для этого человеческим существом. Тем не менее, человек, при прочих равных условиях, обычно нацелен на обретение любви вне зависимости от того, осознает ли он это и признает ли своей целью её саму и явные и неявные последствия её возникновения и развития.

«Пропасть между индивидом и его недостижимой целью выражается, – согласно А. Адлеру, – в виде комплекса неполноценности»¹³. Этот комплекс проявляется как «чувство собственной неполноценности, которое вызывает стресс, психологические обходные маневры и компенсаторный импульс, направленный к обретению иллюзорного чувства собственного превосходства»¹⁴. Признавая, что мучительного чувства такого рода вряд ли дано избежать кому бы то ни было, и что магистральный путь «ухода» от него является иллюзорно-компенсаторным, рискну, однако, заявить, что некоторые, редко, правда, встречающиеся индивиды вовсе не склонны искать успокоения в иллюзиях. Тем не менее, подавляющее большинство представителей человечества обычно внутренне вполне готовы исполнить именно ту социальную роль, которая наиболее выигрышна в данный момент их социально-личностного существования. Чем основательнее будет социальная детерминированность человеческого существа, тем его, вероятно, серьёзнее станут беспокоить свои слабости, подлинные или мнимые. И чем это преодолевающее его неприятное чувство окажется острее, тем в большей мере стремление индивида добиться реального превосходства над своим окружением сольется с его стремлением как можно явственней продемонстрировать, что вождеделенное превосходство имеется в наличии.

Вне зависимости от специфики протекания процесса становления человека как природно-социально-духовной целостности, развитию каких-либо составляющих его способностей с той или иной мерой легитимности и эффективности препятствуют многообразные социальные реалии. При этом какие-то другие составляющие его способностей, стимулируемые теми же самыми и иными социальными реалиями, усиленно развиваются. Дело в том, что всякое общество склонно формировать и поддерживать стремление индивида удовлетворять свои разнообразные потребности так, чтобы ни в коем случае не вызывать негативной реакции у окружающих. Человек же, практически неизбежно будучи социализированным существом, почти всегда оказывается склонным к конформизму; он как должное (или почти как должное) воспринимает воздействия своего социального окружения, позитивно и/или негативно регламентирующие развитие его способностей и удовлетворение потребностей. Так, едва ли не все члены любого общества подстраивают собственные жизненные проявления под бытующие социальные нормы, непрерывно и скрупулёзно сверяя уровень сформированности своих и чужих способностей и потребностей с тем уровнем, который задан им как «нормальный». Очевидно, что реальные уровни развития способностей и потребностей индивида и он сам, и окружающие его люди могут оценить как более или менее высокие или низкие в сравнении с теми, которые всецело соответствовали бы писаным и неписаным нормам, действующим в пределах родной для них этносоциальной общности. Причем данная оценка обычно становится оценкой самого целостного человеческого существа с вытекающими отсюда социальными последствиями. Надо полагать, что именно данное обстоятельство играет решающую роль в том, что человеческая жизнь в подавляющем большинстве случаев оказывается отягощенной комплексами неполноценности.

Завершая данную статью, хочу особо подчеркнуть наличие четкой одно-однозначной связи между человеком как становящимся целостным существом и присутствующими ему способностями и потребностями. Совокупность многообразных институированных и неинституированных, персонифицированных и анонимных влияний общества на человека интегрируется в векторе его социального становления, в специфике его фор-

¹³ Адлер А. Понять природу человека. – СПб. : «Академический проект», 1997. – С. 192.

¹⁴ Там же. – С. 248.

мирующей личности. Именно эти влияния, прежде всего, определяют и корректируют общую направленность личности и содержание её ценностных ориентаций. Полагаю, что осуществление человека как личности относится к онтогенетически главенствующим факторам развития его способностей и потребностей. Соответствие содержания комплекса способностей и потребностей человека социальным реалиям достигается регулированием процессов их формирования и трансформации посредством установления приоритетности одних и табуирования реализации других их составляющих. Специфика социально-личностных способностей и потребностей, в свою очередь, играет весьма важную роль в становлении целостности человека. Именно способности и потребности, определяющие и отражающие своеобразие процесса осуществления человека в его личностной ипостаси, зачастую оказываются субъективно наиболее важными, ценными для него самого, для людей, входящих в его непосредственное окружение и для общества в целом. Формируясь и развиваясь, они существенно влияют на те сопряженные с ними способности и потребности, которые по своей сути являются природно-органическими и духовно-душевыми.

Список литературы

1. Адлер А. Понять природу человека / А. Адлер. – СПб. : «Академический проект», 1997. – 256 с.
2. Беляев И.А. Ограничение и компенсация способностей и потребностей целостного человеческого существа / И.А. Беляев // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2009. – № 2 (96), февраль. – С. 24-30.
3. Беляев И.А. Способности и потребности как континуум системных свойств человеческой целостности / И.А. Беляев // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2009. – № 1 (95), январь. – С. 9-13.
4. Беляев И.А. Становление способностей в контексте человеческой целостности / И.А. Беляев // Вестник Оренбургского государственного университета. – 1999. – № 3. – С. 24-28.
5. Гидденс Э. Трансформация интимности / Э. Гидденс. – СПб. : Питер, 2004. – 208 с.
6. Ильенков Э.В. Что же такое личность? // Философия и культура / Э.В. Ильенков. – М. : Политиздат, 1991. – С. 387-414.
7. Кон И.С. Социология личности // Социологическая психология / И.С. Кон. – М. : Московский психолого-социальный институт; Воронеж : Издательство НПО «МОДЕК», 1999. – С. 58-189.
8. Лабрюйер Ж. Характеры, или Нравы нынешнего века / Ж. Лабрюйер // Парадоксы души. – Симферополь : «Реноме», 1998. – С. 45-395.
9. Марсель Г. Метафизический дневник (1928-1933) // Быть и иметь / Г. Марсель. – Новочеркасск : Агентство САГУНА, 1994. – С. 9-131.
10. Обуховский К. Галактика потребностей. Психология влечений человека / К. Обуховский. – СПб. : Изд-во «Речь», 2003. – 296 с.
11. Салтыков-Щедрин М.Е. Современная идиллия // Собрание сочинений: в 10 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М. : Изд-во «Правда», 1988. – Т. VIII. – С. 3-314.
12. Уайльд О. Тюремная исповедь // Избранное / О. Уайльд. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – С. 327-426.
13. Фейербах Л. Сущность религии (1845) // Избранные философские произведения: в 2 т. / Л. Фейербах. – М. : Госполитиздат, 1955. – Т. 2. – С. 421-489.
14. Фромм Э. Искусство любви / Э. Фромм. – Минск : ТПЦ «Полифакт», 1991. – 80 с.

A MAN, HIS ABILITIES AND NEEDS IN SOCIAL AND PERSONAL DIMENSION

I.A. BELYAEV

Orenburg State University

e-mail: igorbelyaev@list.ru

The article is dedicated to consideration of an integrity human being and its inherent abilities and needs in social and personal dimension. The author presents his view of personality as of that hypostasis, in which a person is realized in the society, of the general nature of social influences experienced by him, the connection between the peculiarities of its integrity with inherent abilities and needs.

Key words: man, integrity, abilities, needs, society, personality, social mimicry, social and personal dimension.

УДК 130.2

ФЕНОМЕН НАСИЛИЯ: КОНТЕКСТ ЦЕЛОСТНОСТИ И ЧАСТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА*

С.Н. БОРИСОВ
С.А. ШЕМРАЕВ

*Белгородский государствен-
ный
институт искусств и
культуры*

e-mail: SBorisov@bsu.edu.ru

В статье рассматривается проблема определения насилия как деформирующего действия в соотношении с волей. Феномена свободы и принуждения, раскрывающегося в контексте целостности и частичности человека.

Ключевые слова: человек, насилие, принуждение, свобода, целостность, частичность.

Проблема целостности человека является одной из фундаментальных в философии и социально-гуманитарном знании. Дискурс целостности стягивает целый ряд смыслов: образования, изучения, веры – и все они раскрывают грани феномена человека. Целостность как цель или объект пронизывает, проходит сквозь множество других тем. Например, задачу «воспитания» целостного и гармоничного человека мы находим не только в религиозных и религиозно-философских системах, но и в трудах многих светских мыслителей и ученых, стремившихся в своих проектах опереться на «целостное знание» о человеке. Социология, философская антропология, психология и ряд других наук можно рассматривать как проекты, преследующие своей целью получение целостного знания о человеке и подразумевающие своеобразное «собрание» человека посредством знания. Причем все множество таких попыток можно разделить по принципу внешнего и внутреннего или трансцендентного и имманентного. Это две парадигмы, основанные на принципиально различных базовых установках: религиозной, исходящей из идеи о человеке как «образе и подобии Божьем», и научной, предполагающей социоприродное основание человека.

Целостность как цель знания, уровень рефлексии и дискурса всегда мотивирован личностно-экзистенциально, укоренен в метафизической потребности человека. Это цель, предмет желания которым человек не обладает, но стремится к нему, преобразуя себя сам или претерпевая некое преобразование из вне. Целостность может выступать в своей негативной ипостаси не только как желаемое, но и как должное, навязываемое или предписываемое. В этом аспекте особенно виден интересующий нас аспект связи насилия и целостности, поскольку если понимать насилие как принуждение, действие против воли, желания субъекта, именно последние практики обретения целостности можно называть насильственными.

Но если предположить что, насилие есть не просто принуждение, действие вопреки воли человека или людей, но де-формация как нарушение существующей формы сопряженное с той или символизацией этого действия, тогда любое изначальное состояние человека есть точка отсчета, отхождение от которой, фиксируемое в символе, есть насилие. Потому человек воспринимает как насилие не только столкновение с другим человеком, но и объектом природы. Сложнее с другим измерением де-формации, не внешним, но внутренним, когда это осознается как потребность или предписывается.

В работах Платона мы находим констатацию недостаточности человека, которая преодолевается в совместном существовании, социальности. Части – люди объединяются целое – государство под угрозой необходимости. Последнее раскрывается, как неспособность человека обеспечить свои собственные потребности, в отличие от животного или божества. *Человек не самодостаточен и потому не целостен как Бог или животное и потому испытывает нужду и вынужден «достраивать» себя социально и технически*

* Статья подготовлена при поддержке внутривузовского конкурса грантов БГИИК (проект ВКГ-1202-б)

(что есть линия разворачивания противоречия человек – природа), а также рационально и духовно (линия разворачивания противоречия человек – Бог).

Обе линии противоречий отталкиваются от необходимости преодоления *bios*, биологического существования в существовании сверх физическом, мета-физическом (Б. Хюбнер) с помощью ряда практик, направленных на обретение единства и смысла существования. Но также это можно считать попыткой дистанцирования от давления, угрозы природного как внешнего насилия-агрессии. Стремление номинировать себя как человека в противовес миру животному и сами попытки выявления сугубо человеческого в античной философии есть продолжение этого стремления, символическая демаркация пространства вне агрессии, где агрессия заменяется насилием локализованным силой разума.

Несамодостаточный, частичный человек, как это показывает М. Фуко в своей работе «Герменевтика субъекта», обретает целостность посредством принципа *epimeleia heautou*, «заботы о себе», *что можно трактовать как не совсем явный перенос или своеобразную компенсацию насилия-агрессии как внешней де-формации в практики обретения целостности как де-формацию внутреннюю*. Так, по мысли Фуко эти практики сосредоточены в сферах эротики, педагогики и политики. Поскольку деятельность именно в этих сферах, по его мнению, составляет основу *epimeleia heautou* в эпоху античности, позднее видоизменяясь¹. Опираясь в своем анализе, прежде всего на Платона, М. Фуко указывает на более ранее происхождение этих практик: «Мысль о необходимости определенной технологии обращения со своим «Я» для постижения истины была известна грекам еще до Платона. 1) практика духовной концентрации; 2) практика отшельничества – анахорезис: видимое отсутствие; 3) практика терпеливости: надо уметь переносить страдания»². Сократ и позднее Платон сделали их более явными, актуализировали с учетом насущных потребностей, а также центрировали их на достижение истины, как основной цели каждого человека.

Особо стоит указать, что под человеком понималась, прежде всего, душа, а сами практики носили духовный характер³. Именно душа являлась своеобразным «гарантом» единства и источником «целостности» человека, пусть пока еще потенциальной. Поэтому лозунг Сократа «познай самого себя», по мысли Фуко, стоит трактовать, как призыв рассмотреть частицу божественного в себе. Вычленение самости человека посредством ряда действий будет сводиться к обретению целостности, прежде всего с помощью узнавания себя, получения знания о самом себе: «Понимание заботы о себе в платоновской и неоплатонической традиции характеризуется, во-первых, тем, что «забота о себе» обретает свою форму и свое завершение в самопознании, которое является если и не единственной, то, по крайней мере, абсолютно суверенной формой по отношению к ней; во-вторых, тем, что самопознание как высшее и независимое выражение своего «Я» обеспечивает доступ к истине, и именно к ней; наконец, постижение истины позволяет в то же время признать существование божественного начала в самом себе. Познать самого себя, познать божественное начало, узнать его в самом себе — это, я полагаю, является основополагающим в платоновской и неоплатонической форме «заботы о себе». Одним из условий доступа к истине в учении Платона является отношение к себе и к божественному; отношение к себе выступает как проявление божественного начала и отношение к божественному для своего «Я»»⁴. То есть у Платона целостность, ее достижение носит не только инструментальный, обусловленный исполнением практик характер, но прежде всего духовный, предполагающий обращение к сакральному, трансцендентному, когда возможной оппозицией претерпеванию внешнего принуждения (агрессии) становится сакральное, также радикально трансформирующее и де-формирующее человека, у Платона при активном участии педагогики.

Вместе с тем, именно педагогика делает явной еще одно измерение де-формации как целостности, а именно – социальность. Образовательная деятельность нуждается в фигуре Учителя: «...забота о себе – это что-то такое, что, как вы сами в том убедитесь,

¹ Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб., 2007. – С.93.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. – С. 105.

обязательно должно быть опосредовано кем-то другим, учителем. Невозможно заботиться о себе без посредства учителя, без учителя нет заботы о себе. Но от чего зависит позиция учителя, и о чем он заботится прежде всего... В отличие от врача или главы семьи он не заботится о теле, не заботится об имуществе. В отличие от учителя в школе он не заботится о том, чтобы развить умения и способности обучаемого... Учитель – это тот, кто заботится о том, как заботится о себе его ученик... Своей бескорыстной любовью к юноше он являет ему образец того, как сам юноша должен заботиться о себе в качестве субъекта»⁵. Эта значимая фигура Другого, персонифицированная Учителем, рождает еще одну вариацию оппозиций частичного и целостного, заключающейся в противостоянии частичного себя, некое *первичное Я*, (*Я* до включения в образовательные практики) и *Я с Другим*, целостное Я, дополненное коллективным, инкорпорированное в него. Как видно в этом аспекте, необходимости Учителя, раскрывается де-формирующий характер взаимодействия человека и социума, который не распознается как насилие, поскольку преобладает аспект формирования, пусть и лишенного произвольности.

Еще один смысл, вектор направления деятельности человека по достижению целостности, политический. Он имеет непосредственную связь с педагогикой, поскольку управление другими подразумевает знание о самом себе и по своей сути является принуждением. Принуждение здесь номинируется как власть, а не насилие по той очевидной причине, что оно легитимно, то есть осуществляется в соответствии с волей субъектов. План неявного и противоречивого проявления насилия здесь в том, что быть человеком в античности, то есть целостным существом, подразумевало занятие политикой, иначе говоря, усвоение и принятие «правил игры» в господство/подчинение.

Собственно цель Алкивиада политическая и можно сказать, что сама педагогика есть промежуточное звено на этом пути: «Сократ – это тот, кто стремится преобразовать статус Алкивиада, его исходное верховенство в политическое действие, в действительное руководство другими людьми. Необходимость попечения, заботы о себе связана с осуществлением власти. Она есть следствие статусного положения власти и, следовательно, существует переход от статуса к власти. Попечение о себе подразумевается и вытекает из стремления осуществлять политическую власть над другими людьми. Невозможно руководить другими, невозможно превратить свои привилегии в политическое воздействие на других, в рациональное действие, не проявляя заботы о самом себе. Забота о себе занимает промежуточное положение между политической привилегией и политическим действием; именно здесь возникает понятие *epimeleia*»⁶. Фукианская стратегическая связка власть – знание позволяет понять тот факт, что целостность человека обусловлена, в том числе, политически, а значит насильственно. Практики реализации власти подразумевают не атомарного и расщепленного шизофренического (в терминологии Ж. Делеза) субъекта, а territorialized и определенного, иначе целостного человека, включенного в практики принуждения.

Процесс становления целостности в ее политическом аспекте может быть определен как дискурсивный. Так Аристотель главной характеристикой человека признает речь, поскольку именно она отличает его от животного. Речь или общение как средство сугубо человеческой коммуникации есть не что иное как стремление к благу. Именно такое общение Аристотель и называет политикой, а человек в силу этого, становится политическим животным⁷. Таким образом, генерация целостности человека и в сфере педагогики и политики достигается дискурсивно. Де-формация в политических практиках носит характер сверх-физического принуждения, поскольку символическое насилие превосходит принуждение непосредственное (в акте физического насилия).

Вместе с тем, указание на необходимость речи позволяет выявить еще один аспект противостояния целостности – частичности человека. Речь указывает на частичность человека, но в то же самое время является средством ее компенсации: «...тот, кто не способен вступить в общение или, считая себя существом самодовлеющим, не чувствует потребности ни в чем, уже не составляет элемента государства, становясь либо животным,

⁵ Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб., 2007. – С.75.

⁶ Там же.

⁷ Аристотель. Сочинения. В 4т. Т.4 – С.376.

либо божеством»⁸. И в этом моменте раскрывается суть не только политики, но существования человека как политического животного. Мир языка в котором он существует, четко очерчивает сферу насилия как де-формации сопряженной с символизацией. До нее расположен мир животного, после мир божественного, равно не соприкасающийся с насилием.

И возвращаясь к социальности, самодостаточность божества и животного есть указание на недостаточность человека, восполняемую общением. Таким образом, общение есть инструмент созидания целостности, в том числе государства как одной из ее форм. Вот собственно механизм реализации такой целостности у Аристотеля: «...общение, естественным путем возникшее для удовлетворения повседневных надобностей, есть семья... Общение, состоящее из нескольких семей и имеющее целью обслуживание не кратковременных только потребностей, – селение... Общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне совершенное государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни. Отсюда следует, что всякое государство – продукт естественного возникновения, как и первичные община: оно является завершением их, в завершении же сказывается природа...»⁹.

Важным является понимание сути того, что Аристотель называет «первичным общением». Вскрывая нами дискурсивная природа частичности человека, позволяет выявить новую оппозицию частичности – целостности и де-формации, проходящую по линии частичный человек («атомарная личность» вне социума) – целостный социум/государство как совокупность людей. Или еще более точно, с учетом сакрально-религиозного компонента механизма обретения целостности, можно утверждать, что в античности частичность связана с индивидуально-природным в человеке, частичное Я подлежало исключению и как бы подразумевалось в человеке, присутствовало потенциально как угроза (угроза агрессии); реальным было Я-Мы. Общество-социум «прорастало из-нутри» субъекта через причастность к сакральному, то есть носило имманентный характер. Применительно к насилию это схема: от исключения агрессии собственно животного к их слиянию в необходимости – *dike*, с последующим насилием в своих высоких формах образования, эротики и политики, тесно сопряженных с сакрализацией.

Специфику сакрализации различных практик, деятельности древних греков отметил С. Жижек цитирующий Гегеля, который в работе «Вера и знаки» указал на пассивный характер античной религиозности: «... в Древней Греции религия была, по сути, связана с отдельным народом, его существованием и традициями. Она не требовала отдельного рефлексивного акта веры: она просто принималась»¹⁰. Факт «простого принятия» можно истолковывать здесь как воспроизводство, отсылающее к некоей механизации и процедурности. И разве ранее анализируемый Алкивиад не указывает на то же самое, технологичность целостности и ее сознательное конструирование и постоянное достраивание не только в пайдейе, но и за ее пределами в практиках «заботы о себе». В то же время, делая акцент на «технологичном» характере античной целостности, не стоит понимать саму технологичность в современном ключе¹¹, а скорее в контексте сложного синкретизма рационального и вне-рационального, светского и религиозно-мистического.

Имманентный характер практик обретения целостности и связанной с ней де-формацией в Античности в Средние века претерпевает существенные изменения. Философы того времени представляли человека *промежуточным звеном между животным миром и ангелами*. Он имеет двуединую природу (душу и тело) и, соответственно, *вмещает как высокое, так и низкое*. По словам Ф. Аквинского тленное, конечное тело человека является «*лошадью*» для бессмертной души – «*наездника*». Смысл жизни – в борьбе со злом (земным), в постижении божественного и в стремлении к нему. Средневековая философия в большей степени, в отличие от древней, обратила взор на человека «внут-

⁸ Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т.4. – С.379.

⁹ Там же. – С.379-378.

¹⁰ Жижек С. Кукла и карлик: Христианство между ересью и бунтом. М., 2009. – С.8.

¹¹ См. Бухтина Т.П., Римский В.П. Философская антропология и воспитательно-образовательные парадигмы: от античной Пайдейи к Просвещению. Волгоград., 2004. – С.16.

ренного» и, таким образом, стали складываться принципиально иные практики деформации субъекта.

Вместе с тем, указанные моменты средневековой христианской антропологии отталкиваются от библейского учения о сотворении Богом мира и человека:

«И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему (и) подобию нашему...

И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их...

И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою»

(Быт. 1:26, 27; 2:7).

Следующим значительным фактом, несомненно, является грехопадение человека, которое привело к искажению образа Божия в человеке и утверждению его частичности, обусловленной тяготами телесного существования, смертности и труда. Грехопадение было не только отпадением от «образа» Бога, но отказом от созерцания самого Бога, непосредственного общения с ним. В контексте идеи целостности человека христианская концепция грехопадения устанавливает принципиально иной статус целостности и, следовательно, насилия. Постулируется частичность человека как данность и факт существования насилия как следствие свободы воли человека. Частичность и насилие окончательно и явно связаны, но также радикально трансцендированы. Противостояние природное – социальное, социальное – природное, индивидуальное – социальное отходят на второй план в отношении с главным противоречием, человек – Бог.

Ветхозаветная антропология была дополнена новозаветной с ее учением о Бого-человеке Иисусе, искуплении первородного греха, Воскресении Спасителя и спасении человечества как своеобразном «примирении» и устранении противоречия. В отношении деформации человека утверждается переход от внешнего к внутреннему. Грехопадение как действие, насилие над природой человека отменено Событием также насильственным, смертью Христа, что открывает принципиальную возможность обретения целостности, а значит устранения зла и насилия.

Ключевым является концепция «обожения», как способа восстановления утраченной целостности: ««Обожение», сотериологический и эсхатологический смысл которого был выражен еще в тезисе Афанасия Великого «Слово воочеловечилось, чтобы мы обожились», признавалось высшей целью человека и человечества. При этом реализация аскетико-мистического проекта богоуподобления рассматривалась как драматический и многотрудный процесс освобождения от наслоений «неподобия»; в описаниях данного раз и навсегда «образа Божьего» зачастую преобладали статические характеристики»¹². Само «обожение» можно понимать в терминах процесса или проекта, вот как описывает его Т.П. Бухтина и В.П. Римский: «Связывая тождество человеческой личности не только с функциональным единством ее сознания или самосознания, но и с дорефлективным ипостасным единством, составляющим онтологическую первооснову личности... разнородность сосуществующих души и тела окончательно устраняется в «обожении» человека, которое призвано соединить внутреннее с внешним, божественное с земным и тем самым осуществить идеал всеобщей гармонии»¹³.

Де-формация в данном случае выступает как внутреннее преображение, изменение природы человека и устранение различных дихотомий (земного и божественного, внутреннего и внешнего). Зло, отождествляемое с насилием, также устраняется. Активность «обожения», освобождение от «неподобий» и есть принуждение, но уже не ради имманентной цели совершенствования себя (забота о себе), а с целью приближения к Богу, уподобления ему. Причем способ де- или транс-формации преимущественно мистический, то есть находящийся за пределами дискурсивности.

¹² Бухтина Т.П., Римский В.П. Философская антропология и воспитательно-образовательные парадигмы: от античной Пайдеи к Просвещению. Волгоград., 2004. – С.59. См. также: Гарнцев М.А. Византийская философия// Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения. М., 1991. – С.138-141.

¹³ Бухтина Т.П., Римский В.П. Философская антропология и воспитательно-образовательные парадигмы: от античной Пайдеи к Просвещению. Волгоград., 2004. – С.60.

Следующий этап, возрожденческая философская мысль, отмечала человека как порождение окружающей природы, а не как продукт собственной деятельности. Эти противоречия антропоцентризма Н. Бердяев назвал «ложным гуманизмом», где самодостаточный индивид противопоставит всему остальному миру и где на самом деле это является собой попытку человека выйти из рабской зависимости от природы и своей угнетенности ею. И в то же время человек превозносится над природным миром, благодаря способностям, данным ему Богом, о чем говорит Н. Кузанский: «человек есть второй бог. Как бог – творец реальных сущностей и природных форм, так человек – творец мысленных сущностей и форм искусства, которые суть подобия его интеллекта, как творения бога – подобия божественного интеллекта. Иначе говоря, человек обладает интеллектом, который в своем творчестве есть подобие божественного интеллекта и тем самым творит подобия подобий божественного интеллекта; так, внешние образы искусства – подобия внутренней природной формы»¹⁴. Тем самым можно сказать, что возникает оппозиция божественное – человеческое, преломляющаяся через целостность познания бога и частичность познания человеческого. Несмотря на то, что человек это «второй Бог», как о том говорит Кузанский, познание человека сталкивается с непреодолимым препятствием, заключающемся в разделении возможности и действительности, которые в познании человека не могут достичь тождественности¹⁵.

Вместе с тем, проблематизация частичности, актуализированной познанием, происходит несколько позднее, в эпоху Нового времени. Вторичность человека как «наследника» Бога создавала иллюзию целостности, основывающуюся на постулате божественности человека. Интеллект у Н. Кузанского оказывается неким аттрактором, который выступает в роли организующего принципа, но также инструмента де-формации человека. Сам, будучи единым, интеллект сообщает единство, организует и упорядочивает, преобразует все остальное естество человека. Не менее важным является «источник» организующей силы интеллекта, поскольку подобно неоплатоновскому принципу эманации изучаемое нами свойство проистекает из него. Н. Кузанский дает следующий ответ: «Понимай это не так, что интеллект творит душу или душа – чувство, но так, что луч, принятый первым, интеллектом, от вечной премудрости, есть прообраз и как бы семя души, и, поскольку принимаемый луч всегда ослаблен в силе, душа принимает этот луч не соответственно интеллектуальному бытию, а вегетативная [душа уже совсем] не принимает от чувствующей души луч познания»¹⁶.

Очевидно, что в эпоху Возрождения, несмотря на провозглашаемый антропоцентризм, сохраняется парадигма трансценденции, сформировавшаяся в Средние века. Несмотря на то, что духовные практики «обожения» заменяются интеллектуальными, связанными с работой разума, призванного упорядочить все существо человека благодаря своей универсальности (а они подчас носили явно выраженный принудительный характер), сами они укореняются в сакральном, трансцендентном.

В Новое время природа человека, в философии, сравнивалась с механизмом, который являлся результатом долгой эволюции, где главное его качество – разумность призвано преображать мир (достаточно вспомнить лозунг Ф. Бекона «Знание-сила»). Считалось, что для реализации всех потенциальных качеств и возможностей человека, необходимо обустроить общество в служение ему, сподвигая, таким образом, к революционным изменениям окружающей действительности. То есть сила разума не только способна де-формировать самого человека, но также и все, что человека окружает. И здесь характер этой «преображающей» силы проявился во всей полноте в буржуазных революциях, насилие вновь стало явным, когда обратилось уже не во внутрь, а во вне.

¹⁴ Николай Кузанский. Сочинения в 2-х т. Т.2. М., 1980. – С.99.

¹⁵ «...нам теперь известно, что бог – прежде действительности, которая отличается от возможности, и прежде возможности, которая отличается от действительного бытия, – есть простой (simplex) принцип мира. А все то, что существует после него, существует с различением возможного и действительного бытия. Таким образом, только один бог есть то, чем он может быть, но никоим образом – то или иное творение, поскольку возможное и действительное тождественны только в начале». Николай Кузанский. Сочинения в 2-х т. Т.2. М., 1980. – С.140.

¹⁶ Николай Кузанский. Сочинения в 2-х т. Т.2. М., 1980. – С.110.

В самом общем виде можно говорить о существовании двух тенденций в осмыслении человека, которые можно условно обозначить как «пессимистическое» и «оптимистическое», как осознающее принудительный характер целостности в следствии его сущностной недостаточности¹⁷, и как увлеченное процессом де-формации и считающее его успешным. Так, Паскаль, возмущаясь человеческим самовозвеличиванием и самообоже-ствлением, называл человека «мыслящим тростником», «мельчайшим атомом», «тенью, промелькнувшей на миг». Получалось, что человек существо хоть и разумное, но все же слабое и беззащитное в бесконечном Космосе, Вселенной. Он смертен и он знает об этом. Он могуществен и немощен. В этом есть трагизм принуждения, которое необходимо – обязательно (в силу природы человека) и одновременно воспринимается как принужде-ние, де-формация изначальной природы человека.

Параллельно с ним Гельвеций, Гольбах, Кант, Ламетри, Фихте исследовали чело-века как творца, имеющего духовную сущность. Человеческая деятельность в понимании этих классиков философии творила историю общества, которая мыслилась историей со-зревания свободы рода человеческого, обретения ее через преодоление отчуждения (что, собственно, по их глубокому убеждению и есть гуманизм, – конечный пункт истории). И на этом пути любая де-формация, принуждение, насилие суть позитивное явление, во всеобщем масштабе ведущее к избавлению от насилия и принуждения.

Возвращаясь к проблеме целостности, обратим наше внимание на работу Р. Де-карта «Первоначала философии», в которой речь идет о человеческом познании. Так по Декарту, познание необходимо, прежде всего, для того, чтобы обрести истину. В свою очередь, достижение истины возможно только посредством сомнения, которое культиви-рует человек: «...раз в жизни постараемся усомниться во всех тех вещах, в отношении достоверности которых мы питаем хотя бы малейшее подозрение»¹⁸.

Важным, в данной связи, является статус декартова сомнения, которое позицио-нируется как неустранимое для сознания человека. Подозрительность к собственной спо-собности познания мы склонны рассматривать как указание на частичность человека. Можно утверждать, что возрожденческий принцип «эманации единства» нарушается и все большие структуры и части человека лишаются статуса единства. Сам же интеллект, познавательная способность человека, по-прежнему провозглашаются инструментом достижения целостности¹⁹.

Именно поэтому важным является следующее утверждение Р. Декарта: «...Нам надлежит еще исследовать, кто сотворил нас – нас, носящих в себе идею высших божест-венных совершенств. Ведь естественный свет весьма достоверно свидетельствует, что вещь, коей ведомо нечто более совершенное, чем она сама, произошла не от себя, ибо в этом последнем случае она придала бы себе все совершенства, идеей которых она облада-ет; таким образом, она не может происходить от того, кто не имеет этих совершенств, то есть не является Богом»²⁰. Здесь мы находим двойственную позицию Декарта в отноше-нии разума, поскольку идея Бога все еще выступает гарантом единства разума (познава-тельной способности человека), но в то же время разум стремится к автономности, сама де-формация раздваивается, как внешняя и внутренняя.

Рассматриваемое в этом контексте учение Ф. Бэкона о путях познания ясно свиде-тельствует о переносе проблематики целостности – частичности из сферы онтологиче-ской в гносеологическую: «Два пути существуют и могут существовать для отыскания и открытия истины. Один воспаряет от ощущений и частных к наиболее общим аксио-мам и, идя от этих оснований и их непоколебимой истинности, обсуждает и открывает средние аксиомы. Этим путем и пользуются ныне. Другой же путь выводит аксиомы из

¹⁷ См. о концепции Ж. Лакана Переверзев Е.В., Борисов С.Н. Методологические проекции пони-мания терроризма в треугольнике концепций Ж. Деррида, Ж. Лакана, М. Фуко // Гуманитарные и соци-ально-экономические науки. – 2010. – № 6. – С. 44-50.

¹⁸ Декарт Р. Соч. в 2-х тт., т.1 М. 1989. – С.314.

¹⁹ Подобный взгляд на проблему единства назван В.А. Лекторским «классическим этапом» в рассмотрении Я, а Е.О. Труфановой «эпистемологическим Я». См. Лекторский В.А. Я // Новая филосо-фская энциклопедия: В 4-х т. Т.4. М., 2001. – С.497-502. Труфанова Е.О. Единство и множественность Я. М., 2010. – С.15-52.

²⁰ Декарт Р. Соч. в 2-х тт., т.1 М. 1989. – С.322.

ощущений и частностей, поднимаясь непрерывно и постепенно, пока наконец не приходит к наиболее общим аксиомам. Это путь истинный, но не испытанный»²¹.

В общем виде процесс диалога и противостояния рационализма и эмпиризма показателен в том смысле, что позволяет диагностировать момент осознания расколотости и неполноты человека на уровне его познавательных способностей, которые ранее оставались оплотом его целостности. Дилемма Декарт – Бекон (разум – чувства) симптом начинающейся секуляризации сознания и идеи целостности человека, обеспечивающейся сакральным, начало процесса исчерпания парадигмы трансценденции.

Локусом «дебатов о целостности», подчас неявных, становится сознание человека, о чем с уверенностью можно говорить применительно к Немецкой классической философии. Естественно, сам ход дальнейших изысканий о человеке в значительной мере был задан Декартом, трактовка сознания которого вызвала массу критики. В.А. Лекторский в статье «Я»²² называет проблемы, связанные с картезианским Я. Среди них едва ли не основным будет вопрос о самосознании, само-созерцании и наблюдении Я, создающем некую двойственность. Именно различие мышления и самого Я, которое не делает Декарта, приводит И. Канта к необходимости выделения трансцендентального Я и Я эмпирического²³. Трансцендентальное, непознаваемое по своей сути, носящее вне опытный характер становится фундаментом эмпирического Я и сообщает ему целостность: «Трансцендентальное Я является вещью в себе, оно таинственно и не может быть познано... Я трансцендентальное – это сама наша способность познания, глубинная основа познания и сознания... Я эмпирическое – это то, что приобретается в ходе нашего личного опыта...»²⁴. В результате возникает некое удвоение Я, разделенность, но разделенность строго субординированная. Самосознание и сознание вообще становятся полем приложения силы де-формации, что сохраняется и по сей день.

С этой точки зрения несколько иначе воспринимаются идеи Л. Фейербаха, который рассматривал человека как существо несвободное, задавленное, «зжатое» внешним миром, бесчеловечным обществом, осознающее принудительный, насильственный характер де-формации. И это, несмотря на то, что он (человек) является высочайшим проявлением природной мощи, ее вершиной. Он по-сыновьи любит свою мать-природу, при всей своей от нее беззащитности²⁵.

Л. Фейербах называл человека в философии и др. науках – высшим предметом. Таким образом, в антропологическом материализме Л.Фейербаха воплотилась мысль о развороте социума к человеку и построения общества на основах любви, солидарности, самопожертвования, альтруизма. Несмотря на материалистическое решение проблемы человека, в том числе и его целостности, достигаемой в социуме, Фейербах отталкивается от религии в этом вопросе: «Из чисто физического существа человек становится... чем-то отличным от природы, сосредоточенным на самом себе; так же точно его бог из чисто физического существа становится существом политическим, отличным от природы. Только своим объединением с другими людьми в общине человек приходит к разграничению своей сущности от природы и, следовательно, – к богу, отличному от природы; в этой общине предметом его сознания и чувства зависимости является сила закона, общественного мнения, чести, добродетели, то есть отличные от естественных сил, данные лишь в мысли и представлении политические, моральные, абстрактные силы; в общине физическое бытие человека подчинено его человеческому, гражданскому или моральному существованию; в общине естественная сила, власть над смертью и жизнью низводится до атрибута и орудия политической и моральной власти»²⁶. Религия оказывается необходимым объектом, без которого осмысление человека становится неполным. Сам человек также оказывается неполным без учета фактора религии. Фейербах выявляет целую генеалогию оппозиций целостности – частичности: природное – социальное, челове-

²¹ Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1978. – С.14-15.

²² Лекторский В.А. Я // Новая философская энциклопедия: В 4-х т. Т.4. М., 2001. – С.497-502.

²³ Кант И. Критика чистого разума. М., 1994.

²⁴ Труфанова Е.О. Единство и множественность Я. М., 2010. – С.18.

²⁵ Фейербах Л. Избранные философские произведения в 2 томах. Том 2. М., 1955. – С.27.

²⁶ Там же. – С.38.

ское – природное, божественное – природное. Даже отказывая религии в реальном существовании, Фейербах указывает на ее необходимость в качестве символического, в качестве предмета желаний человека. Сам же процесс объективации субъективных переживаний человека выявляет еще один аспект целостности, заключающийся в противостоянии в плане сознания материального и идеального, а также в возможности обретения целостности с помощью символических средств. Принуждение устраняется в его проецировании в сферу священного.

Важна в осмыслении проблемы целостности и сама постановка проблемы разорванности человека между миром идеального и материального, что в философии было осмыслено сквозь призму принуждения человека как его отчужденности. Пожалуй, именно XIX век, со всей остротой обнаруживая отчуждение во множестве его проявлений, потребовал осмысления этого феномена в рациональных терминах.

В своих ранних работах Маркс (особенно в «Экономическо-философских рукописях 1844 года») пытается рассмотреть проблему преодоления отчуждения и вводит понятие «родовой сущности» человека, которая связана с тем, что «человек относится к самому себе как к существу универсальному и потому свободному»²⁷.

Именно универсальность действий отличает человека от животного, а самоценность личности расшифровывается через универсальность и свободу, реализуемые в родовой сущности человека. Поэтому предназначение человека состоит в том, чтобы реализовать в индивидуальном бытии родовую сущность. Естественно, что не всякое общественное устройство предоставляет человеку такую возможность. Маркс считал, что в обществе, основанном на частной собственности, человек никогда не сможет реализовать себя, а отчуждение никогда не будет преодолено. Согласно Марксу, базисным, фундаментальным для всякого отчуждения человека является именно экономическое отчуждение, или отчужденный труд. Во-первых, в процессе труда работник использует материалы, взятые у природы, и производит некоторые продукты. Ни те, ни другие ему не принадлежат, они чужие для производителя. Природа предстает лишь как средство труда, а то, что он делает, – как средство для поддержания физического существования. Во-вторых, хотя при товарном производстве и нет личной зависимости, сам процесс труда все же оказывается принудительным, поскольку перед рабочим стоит жесткая дилемма: либо продавать рабочую силу, либо умереть от голода. Труд превращается в средство для удовлетворения естественных человеческих потребностей, а работник чувствует себя свободным не в процессе труда, а, напротив, вне его, осуществляя те функции (еда, сон и т.д.), которые мало отличаются от имеющихся у животных. В-третьих, подневольный труд порождает и отчуждение между людьми, так как конкуренция за рабочие места заставляет работников враждебно относиться друг к другу, не говоря уже о глубоком отчуждении между владельцем предприятия и работниками.

В отличие от предшествующих философов, Маркс указывает вполне конкретный и достаточно реальный способ преодоления отчуждения – ликвидация частной собственности как его главной экономической основы. С переходом к собственности общественной появится новый исторический тип социальности: отношения свободных индивидуальностей. Такой тип социальности откроет возможность для гармоничного сочетания личных и общественных интересов, личности и коллектива, а главное устранил насилие, порожденное частной собственностью.

В XX веке не только не был потерян интерес к изучению человека, но эти исследования стали более интенсивными. Существенно «поработали» фрейдизм и неопрейдизм, рационально объяснив многие «белые пятна», касаемые жизни индивидуума и общества, выявив их глубинные мотивы, приоткрыв «завесу» бессознательного. Не останавливаясь подробно на работах основателя психоанализа З. Фрейда, которые служат своеобразным «ментальным фоном» в исследовании данных аспектов, отметим, что целый ряд представителей психоанализа рассматривали проблему целостности в той или иной мере. Так Эрих Фромм предложил оригинальную концепцию свободы личности, которая вскрывает социально-психологические механизмы бегства от свободы и затрагивает проблему на-

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. т. 42, – С. 43-174.

силы²⁸. По его мнению восприятие свободы и насилия меняется в зависимости от степени осознания человеком себя самого как независимого и отдельного существа. Человеческое существование и свобода с самого начала неразделимы. Процесс развития человеческой свободы имеет диалектический характер. С одной стороны это процессы, такие, как развитие человека, овладение им природой, возрастание роли разума, укрепление человеческой солидарности. Но с другой – явное усиление индивидуализации ведет к усилению неуверенности, а, следовательно, становятся все более сомнительными место человека в мире и смысл его жизни. Вместе с этим растет и чувство бессилия и ничтожности отдельного человека. Для того чтобы не потерять связь индивидуализированному человеку с миром существует, возможно, один продуктивный путь, вытекающий из размышлений Э. Фромма: активная солидарность с другими людьми, спонтанная деятельность (любовь и труд), которые снова соединяют человека с миром, но уже не первичными узами – узами биологической связи, а как свободного и независимого индивида²⁹.

В данном случае мы не только находим выявление связи между человеком и социумом, но также механику преодоления имманентной частичности человека, описание путей обретения человеком целостности. Так если экономические, социальные и политические условия, от которых зависит весь процесс индивидуализации человека, не могут стать основой для позитивной реализации целостности личности, но в тоже время люди утрачивают первичные связи, дававшие им ощущение уверенности и единства, то такой разрыв, звучит рефреном у Э. Фромма, превращает свободу в невыносимое бремя. Свобода становится источником сомнений, а жизнь превращается в лишнюю цели и смысла. И тогда возникает неукротимая тенденция избавиться от такой свободы и уйти или в подчинение, или найти какой-то другой способ связи с людьми, со всем миром, чтобы спастись от неуверенности даже ценой свободы.

Безусловно, речь идет о процессе индивидуализации, который Э. Фромм определяет как процесс растущего обособления индивида от первоначальных связей. Узы, существующие до того, как процесс индивидуализации, приводящий к полному обособлению индивида, Э. Фромм называет «первичными узами». Применительно же к проблеме целостности следует выделять два уровня проблематизации целостности, один из которых связан с витальностью и «горизонтом» «первичных уз», являющий собой своеобразный «соблазн», единство как возврат к органической целостности. Механизм индивидуации представляется хрупким балансом на грани целостности – частичности и содержит гораздо большее количество рисков, но и гораздо больший потенциал целостности совершенно иного порядка.

И весь этот механизм состоит в тенденции отказаться от независимости своей личности, слить свое «я» с кем-нибудь или чем-нибудь внешним, чтобы таким образом обрести целостность, недостающую у самого индивида. По иному, индивид ищет новые, «вторичные узы» взамен утраченных первичных. Отчетливые формы этого механизма просматриваются, таким образом, в стремлениях к подчинению и господству, что напоминает мазохистскую и садистскую тенденцию, существующую в той или иной степени и у невротиков, и у здоровых людей.

Философия отношений авторитарного характера к жизни, определяется главным образом эмоциональными стремлениями. Авторитарный характер проектирует условия, которые бы ограничивали свободу человека. Человек при этом с удовольствием подчиняется судьбе. Генеральная черта всего авторитарного мышления вытекает из убеждений, что жизнь определяется силами, лежащими вне человека, вне его интересов и желаний. Полное же счастье состоит в подчинении этим силам. Но садистско-мазохистские стремления следует отличать от разрушительности, хотя здесь трудно исключить и взаимосвязь. Разрушительность, отметим, отличается уже тем, что ее целью становится не активный или пассивный симбиоз, а уничтожение, устранение самого объекта³⁰. Между тем, корни у нее аналогичны: бессилие и изоляция индивида. Человек полагает, чтобы

²⁸ Фромм Э. Душа человека. М., 1992.

²⁹ Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. Пер. с англ. М., 2006.

³⁰ См. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 2006.

избавиться от чувства собственного бессилия по сравнению с окружающим миром, необходимо разрушать этот мир.

Философия психоанализа в целом, осмысленная в контексте нашей работы, представляет собой ярчайший пример обозначенной парадигмы имманенции, поскольку «источник» неполноты человека кроется в нем самом³¹. З. Фрейд и Э. Фромм и другие предприняли попытку диагностировать указанную неполноту и найти пути ее восполнения или компенсации. Причем сама целостность мыслилась в большей степени как достижимая, но чрезвычайно неустойчивая. Далее, у таких последователей З. Фрейда как Ж. Лакан, Ж. Делез и Ф. Гваттари мы находим идею иллюзорности самой целостности как таковой. Иначе говоря, целостность окончательно де-онтологизируется, становится причастным не столько онтологическому сколько онтическому³².

В проекте психоанализа Делеза и Гваттари субъект остается только как «потребитель» идеи целостности. Он по-прежнему испытывает такую потребность, но не может избавиться от сомнения в реальности желаемой операции.

Субъект, схватываемый на уровне онтологии, есть совокупность сингулярностей, но также совокупность органов, тканей, мыслей и иного, непременно фрагментарного. Очевидно, что сознание как «обитель» целостности испытывает подозрение. Источником этого подозрения является желание, которое пронизывает как индивидуальное, так и социальное: «...нет никаких сфер или относительно независимых схем: производство непосредственно является потреблением и регистрацией, регистрация и потребление напрямую определяют производство, но определяют его в лоне самого производства. Так что все является производством... – производством желания, которое стремится к растворению и поглощению...»³³.

Сам человек или субъект не рассматривается как некое единство, поскольку является частью бинарных структур и циркулирующего по ним желания. Оказывается, что вместе с утратой целостности была утрачена автономность субъекта, который будучи «желающей машиной» (термин Ж. Делеза и Ф. Гваттари), подчинен логике избытка – недостатка: «желающие машины – это бинарные машины с бинарным правилом или ассоциированным режимом; одна машина всегда состыкована с другой. Продуктивный синтез, производство производства, имеет коннективную форму: «и», «и еще»... Дело в том, что всегда есть машина, производящая поток, и другая, присоединенная к ней, производящая срез, выборку из потока (грудь – рот). А поскольку первая машина, в свою очередь, подключена к другой, по отношению к которой она действует как срез или выборка, бинарная серия оказывается линейной во всех направлениях. Желание постоянно осуществляет стыковку непрерывных потоков и частичных объектов, по существу своему фрагментарных и фрагментированных»³⁴.

Для нас важен именно момент фрагментарности субъекта, поскольку она есть непрерывная де-формация. От сознания как гаранта целостности мы приходим к овеществлению целостности, «сошедшей» в желание в работах Делеза и Гваттари. Естественно это лишь общее направление развития, которое мы можем проследить с высокой долей абстрактности и спекулятивности. Вместе с тем, само желание на которое можно спроецировать целостность как свойство является также источником неполноты, желание является собой избыточность – недостаточность.

Другой концепцией целостности как иллюзорного, вмещающегося в парадигму имманенции, может быть философия психоанализа Ж. Лакана, который вносит идею частичности в структуру и суть своей теории, разделяя психическое человека на «Реальное», «Воображаемое» и «Символическое». Основной тезис Лакана заключается в том,

³¹ Другая концепция, родственная психоанализу рассматривается нами в анализе концепта события и визуального в статье Борисов С.Н., Борисова О.С. Событие и дискурс: к антропологии русских революций начала XX века // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – 2011. № 8(103). Вып.16 – С. 192-199.

³² Онтическое здесь рассматривается в хайдеггерианском смысле. О взаимоотношении онтологического и онтического См. Сафронов П., Фролов А. Сознание мира и онтологический опыт URL: <http://www.censura.ru/articles/worldexp.htm> (проверено: 20.05.2010)

³³ Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007. – С.17.

³⁴ Там же. – С.18.

что с момента рождения человек не содержит в себе целостности, поскольку у него не сформирована нервная система, самосознание и многие другие структуры. Далее, по мере развития, ребенок компенсирует изначальную фрагментарность символическими средствами: «природа Воображаемого – компенсация изначальной нехватки Реального, проявляющейся в отсутствии «естественных» автономии и адаптационных возможностей младенца. Реальное в первом приближении может быть описано как регистр опыта, в котором отсутствует какое-либо различие или нехватка... Реальное есть абсолютно исходный и как таковой невозможный для субъекта опыт»³⁵.

Таким образом, по Лакану целостность человека или в его терминологии Реальное, опытно недоступно, поскольку само существо человека связано с разрывом, неполнотой и ее непрерывной компенсацией, которая, впрочем, никогда не завершается. Сама реальность, недоступная для человека становится объектом травмы, неустрашимым источником беспокойства и де-формации. Человек не знает Реальное и оно ему недоступно, по той причине, что само возникновение человека связано с утратой Реального и появлением неполноты, недостатка. Если в классической философии самосознание мыслилось как автономное и самодостаточное, то Лакан указал на тот факт, что самосознание это конструирует не возможный без участия Другого. Соответственно целостность человека не гарантируется самосознанием, которое есть лишь указание на сферу символической компенсации фрагментарности (в поле Символического)³⁶.

Такой довольно широкий и разнообразный спектр мнений свидетельствует о том, что проблема целостности человека до сих пор остается открытой, так и не получившей убедительного теоретического решения в современной философской мысли. Вместе с тем, основные оппозиции целостности – частичности в рамках западной философской традиции подразумевают проблему насилия как де-формации в своей антиномичности разрывающейся между полюсами свободы и принуждения. Эти представления начиная с Античности и заканчивая современностью складывались в русле определенной традиции, которую мы обозначили как парадигма имманенции. Для нее характерно рассматривать проблему целостности – частичности как собственно человеческую, присущую субъекту в самих его экзистенциально-бытийственных основаниях. Одновременно с зарождением и развитием такого взгляда на человека, складывался и иной, помещавший данную проблему «во вне», поскольку парадигма имманенции неявно предполагает парадигму трансценденции как выход человека за рамки эмпирического универсума к сакральному.

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения. В 4т. Т.4
2. Борисов С.Н., Борисова О.С. Событие и дискурс: к антропологии русских революций начала XX века // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – 2011. № 8(103). Вып.16 – С. 192-199.
3. Бухтина Т.П., Римский В.П. Философская антропология и воспитательно-образовательные парадигмы: от античной Пайдеи к Просвещению. Волгоград., 2004.
4. Гарнцев М.А. Византийская философия // Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения. М., 1991. – С.138-141.
5. Декарт Р. Соч. в 2-х тт., т.1 М. 1989.
6. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007.
7. Жижек С. Кукла и карлик: Христианство между ересью и бунтом. М., 2009.
8. Кант И. Критика чистого разума. М., 1994.
9. Лекторский В.А. Я // Новая философская энциклопедия: В 4-х т. Т.4. М., 2001. – С.497-502. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1978.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. т. 42.
11. Николай Кузанский. Сочинения в 2-х т. Т.2. М., 1980.
12. Переверзев Е.В., Борисов С.Н. Методологические проекции понимания терроризма в треугольнике концепций Ж. Деррида, Ж. Лакана, М. Фуко // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2010. – № 6. – С. 44-50.
13. Постмодернизм. Энциклопедия. Мн., 2001.

³⁵ Постмодернизм. Энциклопедия. Мн., 2001. – С.405.

³⁶ Постмодернизм. Энциклопедия. Мн., 2001. – С.407.

-
14. Сафронов П., Фролов А. Сознание мира и онтологический опыт URL: <http://www.censura.ru/articles/worldexp.htm> (проверено: 20.05.2010)
 15. Труфанова Е.О. Единство и множественность Я. М., 2010.
 16. Фейербах Л. Избранные философские произведения в 2 томах. Том 2. М., 1955.
 17. Фромм Э. Душа человека. М., 1992.
 18. Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб., 2007.

PHENOMENON OF VIOLENCE: A CONTEXT OF WHOLENESS AND PARTNESS OF THE MAN

S.N. BORISOV
S.A. SHEMAEV

*Belgorod State Institute
of Arts and Culture*

e-mail: SBorisov@bsu.edu.ru

The article deals with the issue of definition of violence as a deforming action in correlation with the will, freedom and submission, which are enacted in the context of wholeness and partness of the man.

Key words: man, violence, submission, freedom, wholeness, partness.

УДК 316.052

ФАКТОРЫ ИНТЕГРАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Р.И. ГАЙДУКОВ*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

В статье на основе данных социологического исследования характеризуются факторы интеграции территориального общественного самоуправления с систему управления муниципальными образованиями. Делается вывод о том, что основными факторами, препятствующим развитию и интеграции выступают низкий уровень информированности жителей о территориальном общественном самоуправлении и пассивность жителей.

Ключевые слова: территориальное общественное самоуправление, факторы интеграции.

Специфика института местного самоуправления в России состоит в том, что оно имеет двойственную, а именно государственно-общественную природу¹. Полноценный и эффективный институт местного самоуправления способен сформироваться только в условиях его поддержки как со стороны государства, так и со стороны местного сообщества, проявляющего активность и ответственность за условия своего жизнеустройства на данной локальной территории. По мнению экономистов-аналитиков, экономические, исторические успехи нации на 80% определяются не природными ресурсами и технологиями, а эффективностью управления². При этом роль государства заключается в создании системного и непротиворечивого законодательства, формировании адекватной финансово-экономической среды и необходимых институциональных предпосылок, содействующих проявлению потенциала самоуправления в местных сообществах как через деятельность органов муниципальной власти, так и посредством самоорганизации жителями.

Важность исследования интеграции ТОС в систему МСУ обусловлена тем, что оно представляет собой механизм приближения власти к жителям локальных территорий. Такое приближение означает, что население, организуясь в ТОС, направляет власть на решение местных, волнующих людей проблем. Кроме того, ТОС дает гражданам возможность осуществлять контроль за состоянием дел на этих локальных территориях, реализовывать мероприятия по улучшению условий собственного проживания.

Территориальное общественное самоуправление представляет собой комплекс формальных и неформальных принципов, норм, правил, обуславливающих и регулирующих деятельность населения по самостоятельному и под свою ответственность осуществлению собственных инициатив по вопросам местного значения. В течение всего периода своего развития и интеграции ТОС находится в состоянии постоянного изменения, объясняющегося как логикой внутреннего развития самого территориального общественного самоуправления, так и влиянием внешних факторов.

Социологический подход к анализу интеграции территориального общественного самоуправления в систему управления муниципальным образованием заключается в следующих взаимосвязанных положениях:

– изучении специфики содержания и форм взаимодействия ТОС и местного самоуправления как системно организованных социальных объектов, представляющих собой элементы более крупной общественной системы (системный подход), с целью сбли-

¹ См.: Ковешников Е. М. Государство и местное самоуправление в России: теоретико-правовые основы взаимодействия. М., 2002. 272 с.; Миронова Н. Архангельская область: опыт самоорганизации и местного развития // Муниципальная власть. 2007. №6. – С. 36-42; Пешин Н.Л. Государственная власть и местное самоуправление в России: проблемы развития конституционно-правовой модели и практики взаимоотношений. М., 2007. 461 с.; Трофимова И.Н. Институциональное развитие местного самоуправления в Российской Федерации. М., 2011. – 40 с.

² Бабинцев В. Стратегия устойчивого развития региона и улучшение качества жизни населения // В. Бабинцев, А. Гармашев, Г. Ушамирская // Стандарты и качество. 2003. № 2. – С. 42-45.

жения их социальных структур и социальных функций до нормализованного оптимума³(структурно-функциональный подход);

– анализе форм, способов и особенностей взаимодействия групп людей при реализации местного самоуправления и территориального общественного самоуправления, а также специфики данного процесса при осуществлении интеграции ТОС в систему муниципального управления.

Дальнейшее изложение проблемного поля деятельности ТОС в систему муниципального управления основано на результатах социологического исследования, задачи которого и состояли в выявлении степени интеграции института ТОС в социальную среду региона⁴.

Одной из главных задач настоящего исследования было выявление уровня общественной поддержки территориального общественного самоуправления и его интеграции в систему местного самоуправления со стороны граждан, а также факторов, влияющих на эти процессы.

Первым шагом на пути выявления уровня поддержки ТОС и его интеграции являлось определение отношения населения к организациям территориального общественного самоуправления, выраженное в ряде показателей, а именно:

- информированность граждан о ТОС;
- участие в деятельности ТОС;
- инициатива и активность граждан;
- ожидания от ТОС (восприятие актуальных социальных проблем и представления о проблемах, которыми должны заниматься ТОСы).

Очевидно, что отношение к любому явлению, событию, процессу основывается, в первую очередь, на осведомленности об этом явлении, событии и т.д. Низкий уровень информированности обычно негативно влияет на отношение (поскольку дополняется мифами, домыслами, слухами), либо влечет за собой отсутствие сложившегося, определенного отношения.

Анализ информированности населения о территориальном общественном самоуправлении, действующем в местах их проживания, подтвердил гипотезу о низкой информированности жителей Белгородской области о ТОС. Согласно результатам опросов, в каждом из семи муниципальных образований – участников исследования только пятая часть респондентов не только слышала, но и знает, чем занимается ТОС (19,8%). Еще около 40% респондентов что-то слышали, но не знают ни функций ТОС, ни направлений его работы. Треть участников опроса никогда не слышали о территориальном общественном самоуправлении.

Причем доля «не осведомленных» значительно варьируется от 3,3% до 38,9% в зависимости от муниципального образования, но с учетом «затруднившихся» с ответом (которых в данном случае следует скорее причислить к «не информированным») уровень осведомленности граждан о ТОС, действующих на их территории, следует признать весьма невысоким.

Заметим, к тому же, что, согласно опыту массовых опросов, реальная информированность граждан, как правило, ниже декларируемой (не все респонденты в ходе интервью готовы признаться, что они чего-то не знают). Данный тезис подтверждается анализом ответов на другой вопрос анкеты: участникам опроса было предложено определить действует ли в их микрорайон территориальное общественное самоуправление. Практически половина опрошенных (46,5%) затруднились с ответом на

³ Под нормализованным оптимумом понимается выбор наиболее подходящей формы, способа или вектора действия из набора возможных в данных условиях. Достижение оптимума в функционировании и развитии социальной системы способствует преодолению дисфункциональности социального управления, повышению ее адаптивности и эффективности. Подробнее об этом см.: Алейников Н.Я. Управленческое партнерство: Новый взгляд на концепты государственной властной вертикали. М., 2003. – С. 292.

⁴ Инициативное исследование проведено в декабре 2010 – январе 2011 года. Объем выборки составил 651 респондента. Выборка носила стратифицированный характер. Опрос проводился в 2 городских округах и 5 муниципальных районах Белгородской области. Выборка репрезентативна по отношению к населению региона по полу и возрасту. Статистическая погрешность – 4,5%.

данный вопрос, а в отдельных муниципалитетах доля затруднившихся ответить составила 80,8%.

Серьезных различий в уровне информированности о ТОС в зависимости от социально-демографических характеристик респондентов не выявлено. Можно отметить лишь, что несколько лучше, чем в целом по выборке, осведомлены пенсионеры, руководители среднего звена и индивидуальные предприниматели. Это объясняется более активной гражданской позицией указанных групп населения. Женщины чаще, чем мужчины, слышали о ТОС или знают функции и направления деятельности (63,2% и 50,2% соответственно).

В целом можно сделать вывод, что ситуация с информированностью граждан Белгородской области о территориальном общественном самоуправлении немного лучше, чем общероссийская. Так, согласно данным, полученным в 2009-2010 гг. в ходе выполнения проектов «Институты самоорганизации и качества жизни населения» и «Партнерство гражданского общества и государства в решении социальных проблем» в рамках фундаментальных исследований Высшей школы экономики, в среднем по России только 16% населения знают или что-то слышали о ТОС⁵.

Важным индикатором участия населения в деятельности ТОС является признание необходимости в ТОС, желания больше узнать о ней. Как показали опросы, нельзя сказать, что жители муниципалитетов, в которых проводилось исследование, проявляют «поголовный» интерес к ТОСам. Готовность стать участником ТОС выразила только четверть опрошенных, однако это, скорее всего, декларируемая готовность, а не активная, целенаправленная заинтересованность. Около половины жителей демонстрируют отсутствие интереса к ТОС своих территорий, а с учетом «затруднившихся ответить» доля «не заинтересованных» составляет 75% населения. Из общего ряда выделяется только Алексеевский район Белгородской области, в котором о своем желании стать участником ТОС заявили 40% опрошенных. Готовность вступить в ряды ТОС немного выше, чем в среднем по выборке, среди женщин, населения старше 40 лет, рабочих, домохозяек и пенсионеров.

Тем не менее, в сравнении с текущей информированностью о ТОС уровень заинтересованности выглядит довольно обнадеживающим, по меньшей мере, определенный потенциал налицо.

Личная готовность к участию в деятельности территориального общественного самоуправления в сознании респондентов связывается в первую очередь с работой по благоустройству территории, добросовестным выполнением поручений при значительной ориентации не на самоорганизацию, а на организацию дел извне, со стороны властей, иных организаторов, активистов и т.п.

Следствием низкого уровня информированности о деятельности ТОС, по нашему мнению, является признание необходимости в территориальном общественном самоуправлении в современных условиях только половиной респондентов Белгородской области (48,4%). При этом жители областного центра и прилегающих территорий реже указывают на потребность в деятельности ТОС (44% и 35% соответственно), чем респонденты отдаленных от центра муниципальных образований: в Алексеевском районе признали необходимость в ТОС 73% респондентов. Объяснение данного феномена лежат, скорее всего, в достаточно высокой развитости самоорганизации на селе, отмечаемой многими исследователями⁶. Основными причинами кооперации и взаимной поддержки сельских жителей выступают: общая территория, близость соседей, экономически неблагоприятные условия, дефицит социальных и экономических благ и ресурсов,

⁵ Мерсиянова И.В. Территориальное общественное самоуправление как форма общественного участия // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. №3. – С. 155.

⁶ См.: Виноградский В.Г. Российский крестьянский двор: социологический преданализ // Социологические исследования. 2006. №7. С. 54-60; Пилиховский А., Столбов В. Неформальная кооперация в сельских общинах (на примере Польши, России, Болгарии) // Социологические исследования. 2000. №1. – С. 34-36; Фадеева О.П. Межсемейная сеть: механизмы взаимоподдержки в российском селе // Неформальная экономика. Россия и мир. М., 1999. – С. 183-218; Шомина Е.С. Самоорганизация жителей на локальном уровне // Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством. М., 2008. – С. 263-289.

историко-культурные особенности. В то же время, необходимость в ТОС может быть связана с тем, что современная практика самоорганизации жителей сельских поселений связана с экономическим благосостоянием домохозяйств, а «нехозяйственные» вопросы (защита гражданских прав, выстраивание взаимоотношений с местной администрацией и т.д.) так и остаются не решенными.

Социальные практики включенности в ТОС выражаются в участии населения в проведении субботников, собраний по месту жительства, в благоустройстве, организации досуга по месту жительства. Чувствуют свою причастность к деятельности территориального общественного самоуправления только 14% респондентов. При этом в субботниках, мероприятиях по благоустройству подъезда, двора, города (поселения) участвовала четверть жителей Белгородской области (23,5%), но только 3,4% опрошенных делают это довольно часто. Это наиболее характерно для респондентов старше 50 лет (27,8%) и от 30 до 39 лет (26%), являющихся служащими (27,6%), руководителями среднего звена (28,9%) или индивидуальными предпринимателями (30,8%). Женщины практически в два раза чаще мужчин облагораживают территорию проживания (28% против 15,3%). Более 20% респондентов никогда не участвовали в перечисленных мероприятиях, но хотели бы в будущем присоединиться. В то же время более 40% жителей области не выразили желание когда-либо заниматься деятельностью по благоустройству территории. Эту позицию чаще, чем в среднем, отмечают опрошенные в возрасте 20-29 лет (46,6%) и 40-49 лет (50%). Показатели участия местного населения в обсуждаемом виде деятельности существенно дифференцированы по муниципальным образованиям Белгородской области и находятся в интервале от 11,5% в г. Старый Оскол до 63,3% участников субботников и других мероприятий по благоустройству в Алексеевском районе.

Каждый пятый житель Белгородской области (20,3%) принимает участие в собраниях жильцов дома или подъезда. Это наиболее характерно для респондентов 50-59 лет (28,3%) и старше (26,1%). Также эту позицию чаще, чем в среднем, отмечают руководители среднего звена (31,3%) и пенсионеры (32,7%). Наиболее активными участниками собраний населения являются жители Алексеевского района (36,7%) и г. Старый Оскол (30,21%). В то же время, 15% опрошенных отметили, что на территории их микрорайона собрания и конференции жителей не проводятся, и столько же респондентов заявили, что данные мероприятия проводятся реже одного раза в год. Собрания и конференции по месту жительства проходят чаще всего в городских округах и поселениях, а сходы на селе. При этом только 16,7% сотрудников органов ТОС заявили, что собрания проводятся ежемесячно, 10% указали, что они не проводятся или проводятся реже одного раза в год. В то же время 80% экспертов и 68% сотрудников органов ТОС считают такую форму участия населения в местном самоуправлении наиболее перспективной. Значительная разница в ответах респондентов связана, по-видимому, с тем, что ТОС ассоциируется населением больше с наличием институциональной структуры, чем с соответствующими социальными практиками в поведении граждан.

Вовлеченность населения в решение местных проблем, повышение его социальной активности и гражданственности продекларированы в качестве одной из основных целей муниципальной реформы. Вопрос о населении как о субъекте социального участия в значительной мере сводится к вопросу о том, насколько оно в целом и его отдельные группы заинтересованы в участии в решении местных дел и готовы его реализовывать на деле.

Диагностика уровня общественной активности производилась по критерию его оценки респондентами применительно к себе, своим соседям, жителям соседних домов, участников ТОС, а также самооценки личного времени, затраченного на общественную деятельность.

Каждый пятый житель Белгородской области (20,9%) затрачивает на общественную деятельность менее 1 часа в неделю, а 43,6% вообще не участвуют в таких мероприятиях. Респондентам было предложено оценить активность участия в деятельности ТОС: собственную, соседей, жителей соседних домов, в целом ТОС. Распределение ответов участников опроса представлено в таблице.

Таблица

Распределение ответов на вопрос: «Оцените в баллах активность участия в ТОС по пятибалльной шкале (1 балл – самая низкая активность, 5 баллов – наиболее высокая активность)»

№ п/п	Варианты ответов	Жители микрорайонов, охваченных ТОС	Члены органов ТОС	Жители территорий, не имеющих ТОС
1	Собственная активность	2,4	4,0	2,6
2	Активность Ваших соседей	2,4	3,0	2,6
3	Активность жителей соседних домов	2,8	2,2	2,4
4	В целом участников ТОС	3,0	2,2	-

Как видно из таблицы, вне зависимости от наличия органов ТОС на определенной территории, показатели фоновой, не стимулированной со стороны активности, практически равны. В обоих случаях отсутствует организационное начало, в некоторой степени условия для реализации потенциала жителей. Формирование ТОС на уровне местного сообщества в современной ситуации определяется не фоновым уровнем гражданской активности, а наличием сплоченной группы активистов, имеющих опыт формирования институтов ТОС. Эффективность ТОС зависит от наличия энтузиастов, их настойчивости и опытности. Если их нет, то создать критическую массу заинтересованных и организованных жителей сложно.

Ожидания населения от ТОС в рамках исследования были рассмотрены через восприятие актуальных для жителей территорий вопросов, решение которых могут взять на себя органы ТОС. Наличие и острота проблем для населения на уровне муниципальных образований является во многом источником и побуждающим фактором их социальной активности в решении местных проблем.

Согласно результатам исследования, актуальными проблемами территории микрорайона являются: состояние окружающей среды и благоустройство территории (15,82%), дефицит финансов для реализации функций ТОС (12,75%) и пассивность жителей (11,21%). Работники органов ТОС в качестве ключевых проблем территории отметили состояние окружающей среды и благоустройство территории (33,3%), пассивность жителей (25,0%) и правонарушения подростков (13,3%).

Корреляционный анализ позволил выявить достаточно существенные различия в проблемах, являющихся наиболее важными для жителей территории. Экология и благоустройство территории, пассивность жителей, а также дефицит финансов для реализации функций ТОС лидируют в ответах респондентов во всех муниципальных образованиях. Одновременно с этим жители городских округов и прилегающих территорий чаще населения муниципальных районов в числе важных отмечают проблемы дефицита спортивных и детских площадок и правонарушения подростков. В свою очередь, жители районов в качестве приоритетных выделяют пьянство, употребление и распространение наркотиков, старение жилого фонда и правонарушения подростков.

При этом степень актуальности проблем, которые чаще всего поднимает и обсуждает муниципальное сообщество, для социально активных граждан выше, чем для социально пассивных. В частности, в числе обозначивших актуальные проблемы в городе, в поселке, на селе – в первую очередь те почти 16% жителей, которые принимали участие в решении местных проблем и участвуют в работе общественных организаций. Пассивные (которые не имеют опыта участия в решении местных проблем либо затруднились с ответом) в меньшей степени озабочены существующими в поселении проблемами.

Количество и качество проблем, существующих на территории микрорайона, характер их восприятия жителями, безусловно, влияет на уровень общественной активности. Однако, как показали данные экспертного опроса, появление проблемы (или осознание ее большинством населения) не является достаточным условием для

возникновения общественной активности и самоорганизации. Реализация потенциала общественной активности, как правило, требует дополнительных условий.

Таким образом, рассмотрев социальные факторы интеграции ТОС в систему муниципального управления, можно сделать вывод о том, что основная масса жителей не готова к активному участию в самоуправлении. Отношение к самоуправлению можно характеризовать рассуждением: в принципе это очень неплохо, но кто бы за нас это сделал, организовал и поучаствовал. Противоречие гражданского самосознания значительной части респондентов проявляется в том, что они признают необходимость территориального общественного самоуправления, но не видят смысла в нем участвовать.

Основными факторами, способствующими интеграции ТОС в систему управления муниципальным образованием, выступают: готовность к участию в ТОС, которую выразил каждый четвертый участник опроса, развитость социальных практик включенности в ТОС, совпадение ожиданий от деятельности ТОС с реальной практикой решения проблем. Одновременно к числу факторов, препятствующих интеграции, можно отнести: низкий уровень информированности жителей о ТОС, пассивность жителей.

Список литературы

1. Алейников, Н.Я. Управленческое партнерство: Новый взгляд на концепты государственной властной вертикали [Текст] / Н.Я. Алейников. – М.: Профиздат, 2003. – 304 с.
2. Бабинцев, В. Стратегия устойчивого развития региона и улучшение качества жизни населения [Текст] / В. Бабинцев, А. Гармашев, Г. Ушамирская // Стандарты и качество. – 2003. – № 2. – С. 42-45.
3. Виноградский, В.Г. Российский крестьянский двор: социологический преданализ [Текст] / В.Г. Виноградский // Социологические исследования. – 2006. – №7. – С. 54-60.
4. Ковешников, Е. М. Государство и местное самоуправление в России: теоретико-правовые основы взаимодействия [Текст] / Е.М. Ковешников. – М.: Норма, 2002. – 272 с.
5. Мерсиянова, И.В. Территориальное общественное самоуправление как форма общественного участия [Текст] / И.В. Мерсиянова // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2010. – №3. – 149-168.
6. Миронова, Н. Архангельская область: опыт самоорганизации и местного развития [Текст] / Н. Миронова // Муниципальная власть. – 2007. – №6. – С. 36-42.
7. Пешин, Н.Л. Государственная власть и местное самоуправление в России: проблемы развития конституционно-правовой модели и практики взаимоотношений [Текст] / Н.Л. Пешин. – М.: Дело, 2007. – 461 с.
8. Пилиховский, А. Неформальная кооперация в сельских общинах (на примере Польши, России, Болгарии) [Текст] / А. Пилиховский, В. Столбов // Социологические исследования. – 2000. – №1. – С. 34-36.
9. Трофимова, И.Н. Институциональное развитие местного самоуправления в Российской Федерации [Текст] / И.Н. Трофимова. – М.: ИС РАН, 2011. – 40 с.
10. Фадеева, О.П. Межсемейная сеть: механизмы взаимоподдержки в российском селе [Текст] / О.П. Фадеева, Под ред. Т. Шанина // Неформальная экономика. Россия и мир. – М.: Логос, 1999. – С. 183-218.
11. Шомина, Е.С. Самоорганизация жителей на локальном уровне [Текст] / Е.С. Шомина // Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством. – М., 2008. – С. 263-289.

FACTORS OF INTEGRATION OF TERRITORIAL SELF-GOVERNMENT

R.I. GAYDUKOV

*Belgorod National
Research University*

In this article, which is based on the survey data, the factors of integration of public territorial self-government with municipality control system are described. The conclusion is that the main factors of hindering the development and integration are a low level of awareness among residents about territorial public self-government as well as the passivity of inhabitants.

Key words: territorial self-government system, factors of integration

УДК 101.1

СУБЪЕКТНОСТЬ В АСПЕКТЕ ИННОВАЦИОННОГО СТИЛЯ ЖИЗНИ

С.З. ГОНЧАРОВ¹⁾
Н.В. ПОПОВА²⁾

¹⁾ *Российский государственный профессионально-педагогический университет*

e-mail: gs22004@mail.ru

²⁾ *Российский государственный профессионально-педагогический университет*

e-mail: nv_porova@mail.ru

Авторы раскрывают субъектность как форму социальной активности, которая характеризует способность личностей и коллективов к самоопределению, самоорганизации, самоуправлению и нормотворчеству, а также их полномочия в реализации общественно значимых потребностей и целей и их власть над природными и социальными силами.

Ключевые слова: субъектность, самоопределение, самодеятельность, нормотворчество, соревнование, духовность, идентичность.

Стратегия инновационного общества, предложенная руководством России, предполагает выявление социокультурных основ *креативной* личности как субъекта инноваций.

Инновация есть нововведение, порождающее *качественное положительное* изменение в технике или технологии. Инновации экономят ресурсы и рабочее время общества, увеличивают возможности самореализации человека, создают новые продукты массового общественного спроса. Инновационные процессы, вступая во взаимный резонанс, порождают цепную реакцию нововведений и в итоге влекут к обновлению не только средств жизни, но и самих субъектов – утверждают соответствующий себе образ жизни, перманентное обновление стиля мышления, эмоционального фонда общества, творческую индивидуальность, для которой престижным предстает не столько обладание вещами, сколько сам творческий процесс самореализации в созидании общеинтересной и полезной новизны, сами возможности *самообновления собственной субъективности* путем обновления способов деятельности, общения, духовного возрастания.

Задача статьи – раскрыть социокультурные основы *креативной* личности как субъекта инноваций, а также выявить факторы инновационного стиля жизни и ускорения социокультурной динамики. К социокультурным основам можно отнести *субъектные* качества, *духовно-ценностный* компонент и *социокультурную идентичность* личности.

Субъектность – высший уровень субъективности человека. На этом уровне социальность представлена как рефлексированная в себя, т. е. обращенная на себя, самонаправленная, самоустраиваемая, как знающая саму себя, как «для-себя-бытие», как самопроектируемая и самоконтролируемая, как саму себя усиливающая.

Субъектность есть такая *форма социальная активности, которая характеризует личности и коллективы:*

- со стороны их способности к самоопределению, самодеятельности и самоорганизации, самоуправлению и нормотворчеству;
- со стороны реальных полномочий в реализации общественно значимых потребностей, интересов и целей;
- в аспекте реальной власти над природными, психическими и социальными силами.

Такое понимание субъектности дает определенные ориентиры для теории образования, для психологии, права, социологии, политологии, менеджмента: какие качества личности следует воспитывать, как распределены полномочия между людьми.

Исходным в структуре субъектности является *самоопределение как всеобщая форма* реализации продуктивно-творческих сил – мышления, воображения, воли, веры и др. Оно становится реальным тогда, когда превращается в самоопределение *воли* – в способность человека определять себя к действию согласно ценностям и знаниям. Самоопределение развивается при определенных условиях в *конкретное основание субъектности* – в способность к *нормотворчеству*, т. е. в умение субъекта порождать новое правило, норму, принцип действия и утверждать это новое как положительную ценность в культуре. Для репродуктивной (исполнительской) деятельности достаточно умения под-

водить частный случай под общее правило. Способность к нормотворчеству возникает тогда, когда субъект признает себя (ибо другие признают его таковым) равноправным представителем коллектива, той или иной социальной общности, возвышается до общественного самосознания и сам дает себе мандат на творчество, полномочие на суверенное утверждение той или иной нормы, того или иного варианта действия, будь то область науки, искусства, политики, предпринимательства и др.

Самоуполномочивание – это самый важный момент новаторства. Оно обязательно возникает тогда, когда субъект проникается общим интересом, рассматривает свой интеллект как равноценную частичку общественного интеллекта, доверяет свой совести и своему разуму как непосредственно-общественным и тем самым осознает себя интуитивно равноправным началом («начальником») всего нового и интересного. Поэтому он берет в свои руки без какого-либо психологического дискомфорта функцию нормотворчества, не спрашивая разрешения выше, у «начальства». Под нормотворчеством здесь понимается не юридический, а социокультурный процесс моделирования такого оптимального образца мышления, деятельности, общения, реального производства, который сразу же подхватывается другими и утверждается в общественном сознании и жизненном процессе как норма и канон в силу его *эффективности*.

Способность к нормотворчеству уходит своими корнями в атмосферу *товарищества* в коллективе и связана, так или иначе, с чувством или осознанием товарищеского равноправия. Это чувство остается в тени, может быть безотчетным, но именно оно подспудно рождает личную сопричастность общему делу, ответственность, воодушевление и смелость в решении проблем. Товарищеское равноправие в общем деле рождает свою *противоположность* – *потребность личности в индивидуализации мастерства, и на этой основе – потребность в общественном признании*.

Самодеятельность как основа развития субъектности. Самоопределение развивается в актах *самодеятельности*. Деятельность направлена на изменение внешнего предмета и может быть несвободной, вынужденной внешними мотивами. В самодеятельности доминирует направленность субъекта на преобразование самих схем, *способов деятельности*, т.е. противоречие между деятельностью опредмеченной и деятельностью актуальной. Поскольку предметом самодеятельности являются способы человеческой же деятельности, то субъект *не теряет себя в предмете, не отчуждается от себя в актах самодеятельности*. За внешним отношением к «другому» (предмету) он усматривает внутреннее отношение к самому себе, *к человеческим продуктивно-творческим силам*, которые запечатлены в предмете. «Человек не теряет самого себя в своем предмете лишь в том случае, если этот предмет становится для него *человеческим* предметом, или опредмеченным человеком. Это возможно лишь тогда, когда этот предмет становится для него *общественным* предметом, сам он становится для себя общественным существом, а общество становится для него сущностью в данном предмете»¹. Поэтому «человек есть *самоустремленное* (selbstisch) существо. Его глаз, его ухо и т. д. *самоустремлены*; каждая из его сущностных сил обладает в нем свойством *самоустремленности*»².

В самодеятельности субъект устремлен на обновление и развитие творческих сил путем *выхождения за границы уже достигнутого*, которые и осознаются им как подлежащие преодолению, а не как «священная грань». Такое выхождение осуществляется путем разрешения противоречия между репродуктивным и продуктивным. Это созидательное противоречие есть «локомотив» творчества, оно импульсирует субъекта к обновлению схем действия, общения и мышления, формирует индивидуальность, неравную себе самой, способную к новым вариантам самореализации. В отличие от деятельности по заранее установленному внешнему масштабу (исполнительства) самодеятельность альтернативна косности и отчуждению; она – адекватная форма самореализации личности в творческом процессе разрешения назревших противоречий. У диалектики и самодея-

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. М., 1974. – С. 121.

² Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. – С. 160.

тельности общий девиз – «выход за пределы исходного пункта» в созидании общеинтересной новизны.

Диалектика соревнования. Выхожение за пределы исходного пункта, при-
сущее самостоятельности, выражается в отношениях между субъектами – в *со-ревновании*. Глубинным мотивом, побуждающим личность к свободной самореализации, является потребность утвердить себя в сознании других *достойным* образом. Ведь без признания статуса личности в общественном сознании, *нет и статуса*. Быть социально – значит быть признанным! Здесь то и возникает сущностное *противоречие*: все спонтанно стремятся быть признанными достойным образом, но не все могут быть признанными первыми! Иначе будет *девальвировано* само первенство. Отсюда и возникает соревнование, в котором сама социальность измеряет саму себя через состязательность индивидов. Соревнование проходит *через толщу тысячелетий* и составляет *атрибут всякой социальности и во все времена*.

Имманентной формой, побуждающей людей *человеческим* образом к интенсивной самореализации, напряжению всех способностей, является соревнование по поводу *развития творческих потенциалов лиц и коллективов*. «Уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии, увеличивающее индивидуальную производительность»³. Соревнование – неистребимый момент общения потому, что люди – существа *общественные*. И мерой для оценки одного человека выступает другой. В соревновании люди практически, на деле сравнивают себя по своим способностям и умениям. Предметом и мерой оценки здесь выступают *человеческие* качества. Это – *имманентная, внутренняя для человека мера*, в отличие от *внешней*, например, стоимостной, когда отношения между людьми выступают как отношения между вещами-товарами, и соревнование носит отчужденную (и часто враждебную) форму *конкуренции*. Соревнование, будучи осознанным, есть стремление к *первенству* в делах общественно значимых. Но первенство доступно лишь малому кругу людей. Поэтому соревнование выступает всегда как *борьба за общественное признание своей социальной значимости*.

Соревнование противоречно. Оно лучшим образом обнажает суть диалектики. В нем каждый идеально полагает себя *равным* с другим по возможностям. Иначе нет смысла вступать в него в виду заранее известной «победы» или поражения. Ведь пафос борьбы возникает лишь в состязании *с равным, себе достойным*. Но в то же время и в том же отношении каждый *практически* полагает себя *неравным* с другим, что выражается в стремлении *опередить себе равного*. *Опережая себе равного, субъект тем самым опережает самого себя*, вступает в состязание с собой; он актуализирует в себе скрытые ресурсы и реализует скрытые возможности. Так противоречие между субъектами превращается в противоречие субъекта с самим собой, импульсируя к саморазвитию. Сила характера проявляется в способности выдерживать такие созидательные противоречия и творчески разрешать.

Соревнование есть такое противоречие, которое *не разрешается окончательно*, а принимает *все новые* формы. Соревнование достаточно гуманно по форме, чтобы не травмировать достоинство личности, но оно достаточно остро по накалу, чтобы побудить каждого к интенсивной самореализации способностей и умений. Престижным в нем являются важнейшие качества – воображение, новаторство, профессиональное мастерство, поэзия борения.

Соревнование пронизывает все виды общения – профессиональные и непрофессиональные, экономические и политические. Наиболее прозрачно логика соревнования представлена в спорте. Почему ликовала страна от «Москвы до самых до окраин» («Россия, вперед!»), когда сборная страны на чемпионате Европы по футболу в 2008 году выиграла матчи со сборными Швеции и Голландии? Тогда как пуск новой электростанции или необычно высокие показатели сбора зерна не вызывают такого буйства эмоций? Вероятно, потому, что людей интересуют только сами люди. Социальная связь для нас является абсолютной, будь то экономика или религия. В спорте же суть соревнования (его «идея», по Платону) представлена в чистом виде: социальность соотносит себя с самой

³ Марке К. Капитал. Т. 1 // Марке К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М., 1962. – С. 337.

через состязательность субъектов. Такой накал борения есть образ «вечной диалектики». Выпускники вуза не ставят, конечно, цели вступать в какое-либо соревнование. Но к нему их побуждают потребители услуг. Вузы в России стремятся быть «конкурентоспособными» по той же причине. Отношения между субъектами хозяйствования, политическими партиями пронизаны соревнованием. То же мы наблюдаем в международной политике. Самоизмерение социальности ныне стало настолько осознанной, что во всех областях жизнедеятельности (спорт, образование, искусство, политика, экономика и др.) как-то само собой утвердилось *рейтинги*.

Если взять общество в целом, то прежние его формы отмирают тогда, когда они становятся оковами для самодеятельности. Идеального общества достичь невозможно в силу отмеченного противоречия: *то, что было достижением как первенство для многих, становится со временем доступным и для большинства, и соревнование начинается по новому кругу, точнее, по спирали*. И этому процессу *нет конца*. К. Маркс по этому поводу пишет: «На самом деле, если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем иным является богатство, ... как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествующего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»⁴. В этих суждениях гениально раскрыта *креативная культурная антропология* К. Маркса, из которой он исходил и в своей критике антисоциального капитализма, и в своих надеждах относительно перспектив общества самодеятельности.

Креативная основа диалектического мышления. «Абсолютное движения становления» осуществляется как *обновление* людей путем обновления форм деятельности, общения и мышления и выражается адекватно в *диалектическом* мышлении. Общество, где саморазвитие людей осуществляется как беспрестанное выхождение за пределы для этого саморазвития, и где единственной предпосылкой самого общества является выход за пределы «исходного пункта», такое общество, подчеркивал Маркс, порождает понимание человеком «его собственной истории как *процесса*», так как «сам процесс развития положен и осознан как предпосылка индивида»⁵. Такое процессуальное понимание выражает философская диалектика.

Если более развитое есть ключ к пониманию менее развитого, то диалектика, как логика исторического саморазвития людей, есть *основа для понимания развития на более низких уровнях эволюции природы*. Если же переносить логику низших уровней на высшие, то результатом будет редукционизм, неинформативный в научном отношении. В советской философии возобладал *онтологический* вариант трактовки диалектики, в рамках которого свободную самодеятельную природу общественного человека согласовывали с логикой элементарных частиц, различных органических систем и вещно понимаемых иных «диалектик». В результате диалектика стала ценностно-нейтральной и уподобилась Молоху-автомату, для которого нет «ничего святого». Такая логика была взята из естествознания, где нет субъектов сознательного действия. Социальным эквивалентом такой логики является пассивный *созерцательный субстанциализм*, за которым скрывается накопленная и застывшая в пространстве человеческая деятельность в виде устоявшихся порядков, норм, образа жизни. К такому субстанциализму применим упрек Маркса, адресованный Л. Фейербаху за то, что тот не достигает понимания чувственного мира как совокупной, живой чувственной *деятельности* составляющих его индивидов. За различными методологиями всегда скрывается исторически определенная социальность и соответствующие ей образы жизни.

Социальным основанием философской диалектики является самодеятельность ассоциированных людей как субъектов собственного жизненного процесса, преодолевших

⁴ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46, ч. 1. М., 1968. – С. 476.

⁵ Там же, 1969. – С. 35.

отчуждение от своих собственных объективаций в экономике, политике и т.д. и вобравших в себя коллективно развитые силы. Маркс, вслед за И. Кантом, понимал самодеятельность как фундаментальный культурно-антропологический атрибут, как тот способ развертывания продуктивно-творческих сил, с которым он связывал перспективу человеческого развития. Он предсказывал историческую ступень человеческого развития, когда «самодеятельность совпадает с материальной жизнью, что соответствует развитию индивидов в целостных индивидов и устранению всякой стихийности»⁶.

Диалектическое мышление *адекватно инновационному* стилю жизни творцов-созидателей и оно вновь возьмет реванш; воскреснут традиции сократовских диалогов, и Гегель вновь напомним о себе. Обнажится и подлинное основание диалектического мышления. Обслуживать перманентное обновление в состоянии только теория творческого мышления, способного разрешать созидательно противоречия обновления.

Что скрывается за инновационными тенденциями? Здесь мы подошли к *метафизике инноваций*. Универсальная сущность человека сфокусирована в «транцендировании» субъектов, в их стремлении выйти за пределы достигнутого к *новым* формам и смыслам жизни. Люди, как субъекты, стремятся не к созиданию какого-то «изма» (капитализма, социализма, монархизма и т.п.). Это – лозунги идеологов или романтиков на пять минут. Люди стремятся осуществить, выполнить себя. Они изменяют обстоятельства в таком направлении, чтобы установился *достойный в их понимании образ жизни*. Однако с его установлением исчезает его *идеализированный, романтический ореол*. Бывший в воображении идеальный строй облекается в *эмпирическую материю*, претерпевает от нее некие деформации и превращается со временем в *обыденную повседневность*, которая становится *скудной*. Новые формы жизни окаменевают, повышается удельный вес *репродуктивного* стиля мышления и поведения. Свободная активность *Я* регламентируется порядком настолько, что возникает его (*Я*) бунт. В лоне традиции зреет *модернизация*, импульсы к *обновлению деятельности, общения и мышления*. Возникают инициаторы, готовые выйти за «красные флажки». Если взять общество в целом, то прежние его формы отмирают тогда, когда они становятся *оковами для самодеятельности и самообновления людей*. Самодеятельность – имманентная форма самообновления. Скука – реакция на лимит творческого компонента.

Существует *общесоциологическая реальная тенденция*, которую можно с полным основанием назвать *законом самообновления людей* – их чувственно-эмоциональной, душевной, духовной, социокультурной областей. Этот закон имеет *биопсихические* и *социокультурные* основы, он не сформулирован в теории, но он пролагает себе дорогу на практике в форме *качественных перемен*, возникающих «вдруг»; такие перемены присутствуют всем сферам и «порам» общества: личной жизни, семье, производственным коллективам, научным школам, политическим партиям и общественным объединениям, товарищеским отношениям, обществу в целом. Царская Россия цвела и богатела в 1913 году. Но уже в 1917 году монархия рухнула. Советский Союз был могуч в военном, хозяйственном, политическом отношениях. Но в 1991 году его «вдруг» не стало. За спиной революций и крутых перемен скрывается общесоциологический по охвату, *социокультурный по содержанию закон самообновления*. Повод всегда найдется.

Этот глубинный креативно-антропологический закон пролагает себе дорогу в истории, как правило, в бессознательной форме, если брать общество в целом. Стратегия инновационного общества, предложенная руководством современной России, продиктована не только технико-экономическими причинами, но и важными социокультурными мотивами – потребностью в новизне.

Тенденция самообновления связана со свободой нашего Я, нашей воли, нашего продуктивного воображения, с игрой духовных и телесных сил. Этот источник самообновления – не экономический, не утилитарно-прагматический, а сугубо *антропогенный, креативный и бескорыстный*. И чем в большей мере он становится руководящим в проектировании человеческой жизни, тем в большей мере социальная связь обретает *адекватную себе форму с бескорыстием истины, добра и красоты, единство которых рождает эффект совершенства*.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. Т. 3. М., 1955. – С. 68.

Модели успешного обновления общества предполагают знание – «какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху»⁷. Мы попытались представить эту природу как *универсальную и процессуальную*, несводимую раз и навсегда к историческим преходящим масштабам. Библейское изгнание из рая можно истолковать не только как расплату за грех гордыни прародителей, но и как мифологическое осознание *беспокойной человеческой природы, ее процессуальной универсальности, всегда жаждущей самообновления*.

Духовно-ценностный аспект креативности. Но субъектные качества личности могут осуществляться не только в добре, но и во зле. Поэтому важен *духовно-ценностный аспект креативности*. Дух есть *любовь к совершенному, объективно лучшему содержанию*; воля к тому, чтобы избрать совершенное, преобразить себя согласно ему, объединяться с другими людьми на основе совершенного и жить им. Совершенство есть такое *содержание, которое гармонично соединяет в себе истинное, доброе и прекрасное*. «Быть духом – значит определять себя любовью к объективно лучшему. Воля к Совершенству есть основная сила духа и основное побуждение всякой истинной религиозности»⁸. Совершенство есть *качественное содержание духа*, а дух есть та форма, в которой совершенство существует адекватно, как знающее себя, как «для-себя-бытие». *Дух есть сознающее себя совершенство, он в самом себе содержит критерии достойного, которые для него самоочевидны*⁹.

Совершенство познается себе подобным, совершенным же чувством – *любовью*. Любовь есть непосредственное переживание совершенного, она учит нас, отмечал И.А. Ильин, увидеть лучшее, избрать его и жить им. Любовь направляет мышление к *объективной истине*, волю к *добру*, созерцание к *красоте*, а веру к *абсолютному, священному и божественному*.

В *психологическом* плане дух есть *целостный акт* – единство главных продуктивно-творческих сил: *любящего сердца; мышления, постигающего объективную истину; воли, творящей добро; воображения и созерцания, ориентированных на красоту; веры, устремленной к совершенным и абсолютным ценностям; совести, оценивающей помыслы и деяния с позиций должного совершенства*. Единение этих сил рождает качественно новое состояние – дух, эффект «поющего сердца». Целостный духовный акт дарует личности *полноту* миропереживания и понимания, свободную от односторонних крайностей.

Кроме качественной стороны (воля к совершенству) духу присуща и количественная характеристика: человек восходит от частных значений (душевная стадия психики) ко *всеобщим* содержаниям науки и нравственности, искусства и религии, права и государства. Сознание прорывает узкий горизонт единичных и частных содержаний и углубляется в их основу: за «моим» и «твоим» оно видит «наше», за многими «я» – «мы», за этнокультурным многообразием – единство человеческого духа, за частным корпоративным интересом – интерес государственный и всенародный, за Отечеством – человечество, за космической пылью – божественное. Душа предстает как индивидуализированный дух народа, как его лик, и человек становится *личностью*. *Автономия личности в самоопределении и волевом самоуправлении на основе совершенных содержаний есть фундамент совести и правосознания, продуктивного творчества и душевного здоровья*.

Без возвышения психики индивида от душевного уровня до духовного невозможно воспитание личности, понимающей и переживающей *универсалии* культуры, патриотизм, нравственность, правосознание, искусство, религию, личную сопричастность общему делу и ответственность перед памятью об ушедших поколениях и перед ныне живущими. Вне духовной стадии индивид сомнителен и как специалист, и как лояльный гражданин государства. Ибо государство есть организация *всеобщей* воли граждан для совместной «благотельной» (Аристотель) жизни. Оно – главный политический институт народа. Членство в этой политической организации предполагает в личности духов-

⁷ Маркс К. Капитал. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. – С. 623.

⁸ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: в 2 т. М., 1993. Т. 1. – С. 56.

⁹ См.: Гончаров С.З. Логика мышления и аксиология сердца. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006 – С. 313–387.

ную стадию сознания, понимание всеобщих значений и всеобщего дела, бремя которого несет на себе народ. Вот почему *целесообразно предварять вручение паспорта процедурой сдачи экзамена на социально-правовую компетентность в общих вопросах государственного устройства страны и общих основ права.*

Совершенство акмеологично, оно ведет к вершинным творческим достижениям. Творчество подвижно вдохновением. Но вдохновение возникает как *благоговение и восторг от переживания совершенства!* Поэтому гений и злодейство не совместимы. Творчество есть объективирование *лучших* содержаний человеческой души. Злой же умысел реализуется как деструкция и разрушение. По мере отпадения от совершенства к ничтожному содержанию возрастает доля деструкции в науке и искусстве, политике и экономике.

Обретение идентичности. Обретение духовного уровня возможно на пути *сознательной социокультурной идентичности.* Идентичность личности означает *усвоение и реализацию тех социокультурных эталонов, которые личность принимает искренне и добровольно.* Идентичность, следовательно, есть отождествление субъектом своей ценностной самости, ценностного «ядра» своего *Я* с должными образцами. От выбора таких эталонов зависит образ жизни, жизненный путь и судьба человека. А из судеб каждого складывается судьба страны, ее историческая траектория.

Проблема идентичности личности, народа является сложной своей многоаспектностью – исторической, национальной, социальной, культурной и религиозной. Россия в XXI веке выбирает свой путь, что предполагает выбор социокультурной идентичности и народом, и каждым из нас. Потеря ценностной стратегии в развитии страны объясняется эрозией национально-культурной идентичности, себестождественности коллективного «Мы».

Кризис идентичности – это «резкая девальвация всех присущих данной культуре общезначимых сверхличностных идеалов, что ведет к массовому психическому дискомфорту, чреватому иррациональными деструктивными срывами»¹⁰. Такой кризис подобен деперсонализации личности. Ибо личность теряет свое «сверх-Я», то самое ценное, во что она верит, чем руководствуется на жизненном пути, с чем соизмеряет свой выбор в важных вопросах жизни, чему готово служить добровольно и свободно, вплоть до самоотверженности. Без «сверх-Я» остается одно эмпирическое *Я*, наполняемое всякий раз «вихрями» повседневности. Теряется главное – критерии самоопределения, выбора, оценки и должного; теряются субъектные качества, самостоятельность.

Вне *духовного уровня* идентичности индивид расколот и несчастен. Он во всем *релятивист.* Вопрос о добре и зле он подменяет вопросом об относительно полезном и относительно ущербном. Его «да» заигрывает с «нет». В его душе, писал А. И. Ильин, много центров. Каждому он клянется в верности. Как только один из центров оказывается слишком требовательным, он тут же съезжает на «другую квартиру» души и устраивается там поудобней. Он ни с чем не связан подлинной верностью, ко всему готовый, ни во что не верующий, ничего не любящий, скорый на предательство, довольный собой¹¹. Он «политкорректен» и «толерантен», не холоден и не горяч.

Студенты особо не задумываются над вопросом идентичности. Она формируется у них, скорее, неосознанно, стихийно. У них велика учебная забота и разнообразны соблазны современного города, включая те «виртуальные кумиры», которые фабрикуются на телеэкране.

В становлении идентичности студентов важны сам «дух» университета, личностное влияние педагогов, образы *выдающихся* людей в истории культуры и профессионального дела. Идентичность личности будущего специалиста – центральный вопрос воспитания. В его решении можно отметить важность следующих содержаний. Это, во-первых, чувство принадлежности к многовековой *истории России, к отечественной культуре, к продолжению деяний подвижников и героев, созидавших Россию, к профессиональному классическому наследию предшественников.* Во-вторых, это образ *должного человека, некий* силуэт эталона, увлекающий своей креативностью, вдохновенным творчеством, духов-

¹⁰ Бородай Ю. М. Эротика – смерть – табу: Трагедия человеческого сознания. М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996. – С. 394.

¹¹ Ильин И. А. Стань цельным! // Собр. соч.: В 10 т. М., 1998. Т. 8. – С. 438.

ным «горением», мастерством своего дела. В-третьих, важнейшим в преподавании является раскрытие внутреннего мира классиков науки, философии и т.д., т.е. метод *персонификации*. Пусть студенты узнают борения, соблазны и победы тех, кто создал Россию – святых, подвижников ученых, философов, педагогов, предпринимателей, воинов, политиков и т.д. Пусть возгорятся их сердца. Пусть, образно выражаясь, Пушкин будет для них притягательней, чем компьютер. В-четвертых, это *нравственный* стержень личности, побуждающий ценить как свое личное достоинство, так и достоинство каждого человека, а значит добросовестно относиться к профессиональному делу вопреки всем искушениям. Нравственность – *первооснова всех аспектов идентичности, пропуск в человеческую общность*, в науку, в профессиональное дело. Вне ее начинается деградация во всех областях жизни. Чего ждать от безответственного индивида, будь то педагог священник, врач, офицер, политик, судья, художник? Вопрос риторический.

Нравственность – абсолютное условие *человеческой общности*, поэтому все народы подкрепляют ее *Абсолютом, Божеством*. В антропогенезе социальная связь возникла как *самоограничение* инстинктов ради сохранения общности¹². И такому самоограничению мы, люди, будем учиться всегда, ибо каждый соединяет в себе природное и социокультурное, динамику рефлексов и духовные ценности.

Именно нравственность пронесла через тысячелетия, кровь и слезы *человеческое достоинство*; она является *идеологией достоинства человека, адекватной* формой социальных отношений. Грех материализма связан, в частности, в сведении нравственности к несущественной форме социальной связи, по схеме «остаточного принципа». *Но то, что нравственно, то всегда и разумно, и экономично, и жизненно благотивно не только для меня, но и для всех*. В нравственных отношениях субъекты признают *равноценность достоинства друг друга*, поэтому свободно доверяют друг другу; так рождаются взаимная *ответственность* и духовная солидарность. С такого признания и начинаются нравственность, становление идентичности личности.

Объективные и субъективные факторы инновационного стиля жизни и ускорения социокультурной динамики. К таким основам следует отнести технологию, экономику и *растущий удельный вес человеческих индикаторов производства*, особенно самодеятельности, соревнования и самообновления людьми своей субъективности.

1. Темпы обновления материальной техники претерпят в XXI веке резкое ускорение. Развитие техники определяется той *технологической функцией, которая ей передается от работника*. Инструменту была передана функция *непосредственного воздействия* на предмет труда. За работником закрепились функции движения и управления инструментом. Инструментальный этап техники был основным в период докапиталистического производства. Это производство имело *субъективное строение*, так как главной фигурой в нем оставался ремесленник или работник мануфактуры (т. е. тот же средневековый ремесленник, ставший односторонним, прикованным к той или иной операции). *Машине* были переданы *функции движения* (двигатель) и *управления инструментом* (рабочий орган машины). Машины стали технологическим базисом капиталистического производства. За работником осталась функция управления машиной. Производство получило *объективное строение*: разделение труда между работниками сменилось разделением технологических функций между машинами. Наконец, *автомату* передается *функция управления машиной*. Работник теперь выключается из производства как *непосредственный технологический агент*. Он становится рядом с ним как его контролер и регулировщик. С середины XX века автоматизированное производство начинает захватывать один сектор производства за другим.

Передача функции управления машиной означает *революции* в развитии техники, ибо ей впервые передается *интеллектуальная функция*. Производство становится, образно выражаясь, на голову. Благодаря электронно-вычислительной технике, компьютеризации эта функция совершенствуется с поразительной скоростью. Человечество входит на порог технологического скачка: как паровой двигатель революционизировал технологический базис общества и привел к машинному производству, к качественному обновлению

¹² См.: Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу. – С. 97–182.

экономической, социальной, политической и духовной сфер общества, так и компьютерная техника уже порождает качественные изменения в этих сферах. Изменяется профессиональная структура общества: происходит сокращение количества работников, занятых в сфере материального производства средств жизни и резко увеличивается количество работников в сферах культурного воспроизводства людей. Изменяются также формы собственности, содержание труда, престижность тех или иных специальностей, социальная структура общества, политические ориентации социальных групп, обновляются и те «объективно-мыслительные формы» (К. Маркс) в духовной сфере, которые непосредственно обслуживают (направляют и регулируют) функционирование всех звеньев общественного жизненного процесса. Рост интеллектуально-емкости в материальной и социальной технике будет *интенсифицировать* и убыстрять процессы в сферах научной, образовательной, производственной и экономической, социальной и политической.

Деление истории на доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный периоды есть признание западными социологами теоретического положения Маркса о роли технико-технологических революций.

2. Благодаря созданию интеллектуально емкой техники наука получила адекватный себе технологический базис для реализации научных разработок и превратилась в ведущий идеальный компонент производства. Теперь техника проектируется не под давлением эмпирических обстоятельств, а планомерно создается на основе закономерностей, которые вообще не даны в обыденном опыте (лазеры, нанотехнологии и др.). Если наука становится производительной силой труда, то *труд превращается в прикладную науку*. Тем самым он становится *равной степени сложности*, и различия в видах труда не влекут уже к резким различиям в его оплате, к различиям в «желудке». Далее, труд, как прикладная наука, *порождает экономику именно научных знаний*, которая предполагает и *работников с научной подготовкой, интеллектуальная емкость которых опережает интеллект, опредмеченный в техносфере*. Не случайно уже в 80-е годы прошлого века авторы отмечали «потребность опережающего развития образовательного потенциала по сравнению с темпами научно – технического прогресса» и *настаивали на опережающем образовании*¹³.

Интеллектуальное обновление техники и технологий обязывает работников, систему высшего образования к *опережающей* интеллектуальной подготовке и ко всеобщему *высшему образованию, к его фундаментализации и универсализации*.

3. Развитие техники имеет свои закономерности. Но *побудительным конечным мотивом к ее развитию является экономическая форма* производства. Капиталистическое же производство содержит стимул *выхода за пределы достигнутого*. Такой стимул заключен в формуле $D - T - D'$. Капитал есть *самовозрастающая стоимость на основе производства и при посредстве обращения*. Прибавочная стоимость может производиться или экстенсивно благодаря увеличению прибавочного продукта или *интенсивно* – когда рынки сбыта поделены – путем *обновления* продукта для создания *новых потребностей* в нем и тем самым создания *новых секторов* рынка, а также и путем *убыстрения обращения*. Убыстряя свой оборот, капитал *повышает скорость социального обмена, процессов коммуникации*.

Обновляя продукт, капитал тем самым *обновляет потребности, чувства, наслаждения*, т. е обновляет психические процессы. Ставка на скорость внедрения научных разработок (инновационный процесс) ради прибыли резко *интенсифицирует интеллектуальные* процессы в науке и в структурах организационного и управленческого сопровождения инноваций, и такая интенсификация неизбежно превращается в общегражданское состояние.

4. Скорость обращения капитала требует адекватного *коммуникативного* обеспечения: экономическое пространство покрывается сетью железнодорожных, авиационных и информационных путей, которые постоянно *оптимизируются* ради быстроты коммуникаций. За секунды в мире переводятся миллиарды денег из одной страны в другую. Не только скорость внедрения новых разработок, но и обновление продукта побуж-

¹³ См.: Личностный потенциал работника: проблемы формирования и развития. Монография. М.: Наука. Сибир. отд.-ление. 1987. – С. 141.

дают к повышению продуктивности мышления – к созданию общеинтересного нового продукта, который бы производился оптимально во времени с должной скоростью операций технических систем при минимальных затратах.

Так капитал в погоне за прибылью на основе обновления техносистем и убыстрения своего обращения резко повышает *плотность социального пространства и времени*: ибо увеличивается количество интеллектуальных, производственных и иных общественно значимых операций на единицу пространства и в единицу времени. В условиях капиталистического производства в большинстве стран экономика в мировом масштабе переходит с необходимостью на интенсивный путь развития в форме перманентных инновационных процессов. Конкуренция обязывает.

5. Для успешного обслуживания инновационных процессов в сфере производства и обмена необходимо обновление *социальных технологий в области управления* людьми и социальными институтами, а такое обновление превращается в необходимый профессиональный компонент всего персонала.

6. Выше мы рассматривали капитал в его опредмеченной форме – как обращение товаров и денег. Однако за вещной оболочкой капитала скрывается его *субъективная субстанция – труд*. Капитал есть накопленный труд и, сам по себе он не имеет иного субстрата. А труд есть реализация *способностей и умений*. Самовозрастание капитала означает в итоге самовозрастание живого труда, увеличение его количества и обновление его качества – способностей и умений, потребностей и чувств. За формулой $D - T - D'$ скрывается схема воспроизводства и обновления субъектов труда – схема расширенного воспроизводства продуктивно-творческих сил человека: *«продуктивно-творческие силы – их воплощения – прирост и обновление этих сил»*.

Следовательно, конкуренция капиталов есть в итоге *соревнование субъектов труда по поводу оптимальной реализации своих способностей и умений, а обновление капитала – обновление этих способностей и умений*. Тенденция капитала – выход за пределы достигнутого – означает и выход субъектов за пределы уже реализованных возможностей и потенций к новым возможностям и смыслам. Так мы выходим на *сугубо антропологический аспект капитала*. Как же осуществляется отмеченный нами креативно-человеческий аспект капитала? Он реализуется как самодеятельность и соревнование между людьми, как потребность в общеинтересной и полезной новизне с иными в отличие от экономикоцентризма мотивами.

Когда возникает мотивация к инновациям? Пределом для капитала является узость его экономической формы, сводящей оценку социальной эффективности к единому параметру – *стоимостному*. Такая редукция вступает в противоречие с социокультурным измерением человека, которое *сам же капитал и развивает*. Элвин Тоффлер, футуролог, на глобальном стратегическом форуме в Москве 12 декабря 2007 года привел шокирующий для экономикоцентризма факт: «Появляется все больше людей, которые производят новые ценности без денег. Лучший пример здесь – программное обеспечение. Есть молодой парень, который сидит у себя в маленьком офисе в Финляндии. Ему не понравилась операционная система Windows у него на компьютере, и он придумал другую, лучше. Он сделал это не потому, что его кто-то попросил или заплатил ему, он сделал это совершенно добровольно. И потом он поместил ее в Интернете и сказал: кто может ее улучшить – пожалуйста, делайте. Она совершенно открыта. И это все было сделано без денег. И это испугало Microsoft, а китайское правительство приняло закон о том, что все государственные учреждения Китая пользуются только этой новой системой. ... Парадокс в том, что экономика денег создает технологии, которые повышают продуктивность работ, которые делаются вне зоны экономики денег. Раньше, чтобы измерить давление, мы ходили к врачу и платили ему за эту услугу. Теперь японцы придумали аппарат для измерения давления, которым человек может пользоваться самостоятельно. Или вот фотография... Экономисты не могут просчитать ценность подобных вещей и поэтому говорят, что они не важны, а мы утверждаем, что это и есть самое важное»¹⁴.

¹⁴ Цит. по: Агеев А. Цунами инноваций // Завтра. 2007. № 52 (736).

В этих высказываниях Э. Тоффлера привлекают внимание три момента: во-первых, особая мотивация к инновациям, не провоцируемая деньгами; во-вторых, рост круга людей, творящих инновации без денег; в-третьих, ограниченность денег в оценке положительных последствий инноваций.

Такая мотивация состоит в том, что профессионал исходит из *самой сути дела*, понимает изъяны рационального компонента в том или ином изделии, *доверяет своему разуму как непосредственно общественному* и поэтому *сам дает себе полномочия* на совершенствование продукта, важного не только для него лично, но и для всех, для иных потребителей. Самоуполномочивание соединяется с емким социальным чувством – с *профессиональной солидарностью*.

Такая «добровольная», по Тоффлеру, инициатива, вырастает из *особого вида труда*: в нем интеллектуальный компонент превалирует над телесными усилиями, творческий фактор – над исполнительским; престижными являются рационализация и изобретательство не только в промышленных, но и в организационно-управленческих технологиях, товарищеская взаимопомощь в проблемных ситуациях и соревновательность в поиске новизны при решении профессиональных задач, публичное обсуждение результатов общего труда, профессиональная честность, требовательность и ответственность; и немаловажное значение имеет то, что жизненные потребности персонала удовлетворены достаточной заработной платой, хорошим питанием, жильем, оздоровительными профилакториями, доступным культурным досугом.

Доктор экономических наук, профессор МГУ Александр Бузгалин размышляет о созидательной мотивации в условиях экономики знаний. *«Но для мира знаний частная собственность устарела»*. Знания, культурные ценности общедоступны. Кто их собственник? Каждый из нас. *«Знания – это такой “пирог”, объем которого становится тем больше, чем больше “едоков” его поглощают*. Вот простейший пример: Александр Сергеевич Пушкин “испек” всем нам хорошо известный ‘пирог’ – поэму “Евгений Онегин”. Петр Ильич Чайковский “съел” этот “пирог”, написав удивительно красивую музыку. В результате человечество имеет два “пирога”: и поэму, и оперу. ... *Главные ценности Человека нигде и никогда* (ни в Древнем Риме, ни в Советском Союзе, ни в США XXI века) *нельзя было купить*. Их можно было только обрести. Своим собственным трудом и вдохновением. ... Можно купить учителей и “корочки”, но знания, творческие способности можно обрести только самому. Через труд». Для мотивации работника в экономике знаний, продолжает А. Бузгалин, характерно «превращение рационального человека, соизмеряющего свои дела и поступки с критерием денежной выгоды, в человека творческого. ... Для него утилитарные блага отходят на второй план. А ценности интересной, креативной деятельности, свободное время, отношения солидарности с товарищами по работе выходят на первый». *«...у человека, занятого творческой деятельностью, особенно социально востребованной, интересной, денежная мотивация не является главной*. Первое место занимает ... сама работа. Плюс отношения солидарности и творческого соперничества (но не рыночной конкуренции) с товарищами по работе. Плюс большой объем свободного времени. Плюс гарантированная занятость». А. Бузгалин заключает: если главной потребностью человека творческого станет сама деятельность, то решится *«проблема отказа от пресыщения»*. Занятому интересной работой «попросту неинтересно гоняться за десятым костюмом или выбирать себе третий автомобиль Простота передвижения, а не шикарный автомобиль. Уютное жилище, а не огромные апартаменты»¹⁵.

Денежный стимул, оценка трудовой эффективности только в стоимостных показателях имеют свой предел, за которыми вступают в действие универсальная сущность человека – его свободная самодеятельность, увлеченность и радость от самого творческого процесса обновления общеинтересного дела, общественное признание, глубинное духовное общение с единомышленниками по обмену опытом творческого искания, некое служение сверхличным идеалам, выводящее за пределы уже достигнутого, «ставшего», «отвердевшего к иным возможностям и смысловым горизонтам. Такое выхождение за пределы достигнутого сообщает личности формат не «цельнокаменной природы», скроенной

¹⁵ Бузгалин А. Поймать ветер истории и стать лидером постиндустриального мира или скатиться в гетто отсталости // Литературная газета. 13 – 19 февраля 2008 г. №6 (6158).

раз и навсегда, а личную *неоконечность, открытость* к новым вариантам понимания, общения и действия. Одним словом, в действие вступает вещно *бескорыстная* мотивация одержимости, увлекательности духовно-культурными побудителями в качестве *самоцели*. Такая мотивация появляется в условиях *среднего и высшего по степени сложности труда*, который нами рассмотрен в отдельной публикации¹⁶.

Превращение стоимости в *самоцель* производства, сведение полноты жизни и труда к стоимостному индикатору есть та *уязвимая* пята капитала, через которую капитал будет подвергаться эрозии, размыванию. На первый план выйдет не абстрактный, а *конкретный* труд. Стоимость сохранится в качестве *учета трудовых затрат*, как показатель для регулирования необходимого рабочего времени, а не как цель производства. А это обстоятельство является важнейшим в преодолении овещнения и социального фетишизма. Производство прибыли как цель, оценка социальной эффективности усилий людей только в деньгах – это социальная *редукция*, враждебная культуре и исторически переходящая форма хозяйствования.

Общественное богатство существует в трех формах – *натуральной, стоимостной и субъективно-личностной*. Труд, создающий реальное богатство (ценности для потребления и продуктивно-творческие силы человека) превратился в *средство* созидания *богатства вообще*, в созидание «сумасшедшей» (К. Маркс) формы богатства (финансовый капитал). Реальное богатство, оцененное рабочим временем, получает количественную – стоимостную оценку. Стоимостная форма богатства утвердилась как *самоцель*! Но стоимостные показатели можно использовать как *инструмент* – измерять эффективность производства людьми собственной жизни *отношением производства к общественным потребностям, к целостному развитию индивидов, к реальным возможностям науки открывать глубинные закономерности «звездного мира»*. При таком критерии эффективности на первый план выйдет *не абстрактный, но конкретный труд*, определяемый конкретными общими целями. Только конкретный труд может утвердиться как *самоцель в силу его креативности по отношению к человеку*. Тем самым изменится вся социальность, она обретет иные, ценностные критерии жизни и мышления. Степень и пределы развития производства определяются «отношением к целостному развитию индивидов»¹⁷. Экономика при таком критерии предстает как *прикладная, практически реализуемая креативная антропология*.

В советском обществе 70–80-х годов XX века, писал А. С. Панарин, незрело острое противоречие не по поводу собственности, а между возросшим образовательным и культурным потенциалом советского человека и «евнухами идеологии, запрещающими публичное употребление разума», между «накопленным интеллектуальным капиталом» и «суженными возможностями его практического профессионального применения». Кто реально производил общественный продукт (рабочий, инженер, ученый и др.), тот все более отстранялся от участия в решениях и испытывал «дефицит профессиональной самостоятельности»¹⁸.

В перспективе одним из главных станет созидательное противоречие между *самодеятельностью* и формой общения (общественных отношений). Данное противоречие не разрешимо *окончательно*, как и всякое содержательное противоречие, связанное с сущностью предмета. Его разрешение на каждый период состоит в приведении к соответствию деятельности и общения. Но это соответствие нарушается всякий раз все новыми «флуктуациями», инициативами, обновленными технологиями и практиками: *более просторные для самодеятельности формы общения, побуждая к инициативной самодеятельности больший круг лиц, сами готовят себе угрозу своего собственного «социального старения», а значит и отрицания*. Сообщать самодеятельности людей свободные формы – таков общий рецепт.

¹⁶ Гончаров С. З. Экономические и культурологические основы перспективных аспектов государственной политики в области образования // Образование и наука. Известия УрО РАН. 2003, № 2 (20). – С. 126–139.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. – С. 123.

¹⁸ Панарин А. С. Народ без элиты. М.: Алгоритм, Эксмо, 2003. – С. 114–116.

Но противоречие между самодеятельностью и формами общения выражает собой противоречие *между субъектами* – различными социальными группами. Ведь кто-то заинтересован в сохранении «окостеневших» форм общения. Ссылки на объективные «факторы» разоблачаются как оправдание группового своекорыстного интереса. Социальная борьба за обновление форм общения становится вполне адресной. Данное противоречие присуще всем сферам и «порам» общества, будь то семья, институты образования, научные сообщества, конфессии, общественные объединения и политические партии, отношения между поколениями и т.д. Это противоречие может носить формы антагонизма, согласованного партнерства, солидарного единодушия в обновлении и др. Именно в противоречиях проходят апробацию на жизнеспособность те или иные содержания. И выдержав противоречия, они *срастаются в конкретное целое*. Поэтому противоречия источник не только деструктивности, разлома и гибели, но и способ возвращения жизнеспособных конкретных форм. Если в мышлении разумно восходить от абстрактного содержания к конкретному содержанию, то не менее разумно это осуществлять и на *практике*, в налаживании, «конструировании» социальных связей с емким человеческим содержанием.

Проблема субъектности заключается в приведении в соответствие экономических форм хозяйствования с креативно-антропологической субстанцией социальности – субъектностью, самодеятельностью, соревнованием и социокультурным самообновлением.

Субъектность, субъектные качества личности станут императивом так же, как ныне прежде чем кем-то быть, надо вначале быть гражданином того или иного государства. *Престижность* закрепится за *субъектными* качествами человека, который, обогащая себя культурно, обогащает тем самым и других.

Субъектность становится важнейшей характеристикой личности именно потому, что ранее выработанные продуктивно-творческие и производительные силы людей уже развились настолько, что частная *монополия* на их присвоение стала очевидным *тормозом* общественного развития. И новые поколения справедливо восстают против монополии на образование и культуру. Наступает с необходимостью период превращения коллективно развитых продуктивно-творческих сил в индивидуальное достояние каждого, в целом – в общественное достояние. Реально это означает свободный доступ каждого к содержанию культуры и образования, о чем обоснованно пишет В. М. Межуев¹⁹.

Как опредмеченный труд произведен от труда *живого*, так и вещный капитал произведен от человеческого капитала. Необходимо подчинить вещный капитал *человеческому капиталу*. Самовозрастание капитала в его вещной форме следует подчинить *самовозрастанию культурного и профессионального потенциала народа*. Необходимы инвестиции, в первую очередь, в человека, в *креативно-антропогенную сферу* – в образование, культуру, социальную инфраструктуру. Первичным станет культурное воспроизводство поколений, а производство средств жизни станет производным от целостного воспроизводства индивидов.

Изложенное выше позволяет сделать следующий вывод. Решение вопроса о креативной личности как субъекта инновационных процессов является лишь одним из аспектов более сложной проблемы – превращения техногенного экономикоцентричного общества в антропогенное общество самодеятельности с иными целевыми ориентирами в области производства, общественных отношений и сознания. В современной обновляющейся России есть все возможности начать новый цикл истории – креативного, антропогенного, национально многоколоритного общества культурной самодеятельности.

Список литературы

1. Агеев А. Цунами инноваций // *Завтра*. 2007. № 52 (736).
2. Бородай Ю. М. Эротика – смерть – табу: Трагедия человеческого сознания. М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996.
3. Бузгалин А. Поймать ветер истории и стать лидером постиндустриального мира или скатиться в гетто отсталости // *Литературная газета*. 13 – 19 февраля 2008 г. №6 (6158).

¹⁹ Межуев В. М. Социализм – пространство культуры // *Социализм* 21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М.: Культурная революция, 2009. – С.113–164.

4. Гончаров С. З. Экономические и культурологические основы перспективных аспектов государственной политики в области образования // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2003, № 2 (20). С. 126–139.
5. Гончаров С.З. Логика мышления и аксиология сердца. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006
6. Ильин И. А Стань цельным! // Собр. соч.: В 10 т. М., 1998. Т. 8.
7. Личностный потенциал работника: проблемы формирования и развития. Монография. М.: Наука. Сибир. отд.–ление. 1987.
8. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М., 1962.
9. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. М., 1974.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3.
11. Межуев В. М. Социализм – пространство культуры // Социализм 21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М.: Культурная революция, 2009.
12. Панарин А. С. Народ без элиты. М.: Алгоритм, Эксмо, 2003.

SUBJECTIVITY IN TERMS OF INNOVATIONAL STYLE OF LIFE

S.Z. GONCHAROV¹⁾

N.V. POPOVA²⁾

*¹⁾ Russian State Professional
Pedagogical University*

e-mail: gsz2004@mail.ru

*²⁾ Russian State Professional
Pedagogical University*

e-mail: nv_popova@mail.ru

The authors claim the subjectivity as a form of social activity which features the ability of individuals and groups for self-identification, self-organization, self-government and normative production, as well as their rights for realization of important needs and goals and their power over natural and social forces.

Key words: subjectivity, self-identification, self-organization, normative production, competition, spirituality, identity.

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ БУРЯТ

Н. Д. ГОНЧИКОВА

*Читинский государственный
университет*

*e-mail:
nimazhab@mail.ru*

В статье говорится об огромном влиянии женских божеств и религиозных постулатов на формирование образа женщины в традиционной культуре бурят. Они помогли обществу переосмотреть отношение к женщине, определить ее статус, роль в окружающем социуме, раскрыться ей как личности, олицетворяющей продолжение жизненной субстанции.

Ключевые слова: образ женщины, женские божества, буддийские постулаты, женский идеал.

Следует отметить, что буддизм проник в Бурятию и развивался в результате заимствования элементов из предшествовавших религий, прежде всего шаманизма¹.

Относительно женской тематики в буддийской культуре необходимо отметить женские божества, среди которых самыми популярными, почитаемыми являются богиня Зеленая Тара, Белая Тара и Лхамо (Бэлхамо).

«Богиня Палден Лхамо – хранительница учения Будды, дакини, богиня времени, проявление Всемилосердной Тары и гневная защитница последователей Будды. Классическое изображение богини представляет собой гневный женский образ иссиня-черного цвета, мчащейся на трехглавом муле»². Богиня Лхамо символизирует не только деторождение, с ней связаны многие события, имеющие жизненно важное значение для человека. Например, у монголо-бурятских народов наступление Нового года (*Сагаалгана*) не представляется без неё. В канун Сагаалгана «в дацанах читают всю ночь молитву богине Лхаме, которая будто бы в эту ночь ревизует вселенную»³. По легенде, в ночь на Сагаалган Лхамо бурхан (*богиня*) спускается на землю и заходит в каждый дом. Встречая богиню, верующие накануне приводят дом в порядок, накрывают перед божницей стол с угощениями (*бурханаа дэлгээнэ*). Раннее утро начинается с воскуривания на улице подношения богине, все домочадцы должны бодрствовать и приветствовать гостью, потому что, по древнему поверью, спящих людей Лхамо бурхан принимает за мертвых. В современную повседневную жизнь транслировался ритуал каждодневного обращения верующего «к ней с молитвой о защите, совершая утреннее подношение чаем (сержем), носит на груди оберег с ее мантрой или хранит на божнице изображения богини с талисманом⁴. Считается, что через ритуал подношения сержем и чтение специальной мантры богини можно достичь сакрального очищения от негативных проявлений.

Авторы статьи «Палден Лхамо – главный страж Бурятии» (2007) констатируют, что калмыки, тибетцы почитают ее богиней плодородия и возрождения жизни, а монголо-буряты имя Палден Лхамо переводят как Охин Тэнгри и воспринимается она как всеобщая прародительница, называемая «единственной матерью». Следовательно, многие народы богиню Лхамо связывают с материнским началом.

По легенде Богиня Тара, которую называют «спасительницей», родилась из слезы бодхисаттвы Авалокитешвары во время оплакивания им страдания мира. Согласно мифологической истории, она является воплощением принцессы Луны Мудрости, обладает сверхспособностями, которые проявляются в момент спасения людей от опасностей и способствовании их перерождению и благополучию. Это женское божество, достигшее совершенства и освобождения, но отказавшееся уйти в нирвану, выступает символом великого сострадания к людям.

¹ Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье. Научное издание. М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2008. – С. 28.

² Цыбиков Г.Ц. Избранные труды. Том 2. Новосибирск: Сибирское отделение. 1991. – С. 164.

³ Донцурунов Ю. Хранители и защитник Белого месяца / Донцурунов Ю. // Сагаалган. Эксклюзивный спецвыпуск к празднику белого месяца: Улан-Удэ. 2007.- С.36.

⁴ Там же.

Существует мнение о мощной божественной силе Тары, что даже простое упоминание ее имени может моментально спасти человека от многих бедствий. Семь ее глаз помогают видеть все происходящее вокруг и оказывают поддержку нуждающимся. Слово «Тара» означает «переносить». Она способна за считанные секунды переноситься через океан сансары. Зелёная Тара за секунду успевает тысячу раз облететь вокруг Земли и помочь каждому, кто её просит или нуждается в ней. Существует легенда, что один человек шёл по мосту и вдруг, находясь на середине моста, увидел демона, он повернулся назад, и сзади тоже стоял демон. Человек не помнил всю мантру до конца и читал то, что помнил. Богиня снизошла и помогла ему. Согласно легенде, сверхспособности Тары может достичь любой человек без каких-либо усилий, а благодаря одному памятованию о ней. Это стало свидетельством культивирования в буддийской культуре ее божественной силы спасения в наивысшей степени. Потому в традиционной культуре бурятские женщины учили своих детей молитве, обращенной к Таре.

Белая Тара выступает символом долголетия, исцеления и удачи. Ее популярность была настолько высока, что появилась практика распространения живых ее воплощений. Так, во времена распространения буддизма тибетский царь Сронцзангамбо объявил своих двух жен живыми воплощениями богини Тары. А когда в 1741 г. императрица Елизавета Петровна своим Указом дала право на существование в Российском государстве буддийской религии и утвердила штат лам, первые хуралы-молебствия «посвящались перерожденнице буддийской богини Сагаан Дара Эхэ, Белой Таре, как в старину называли русскую императрицу Елизавету»⁵. В последующем за официальное утверждение в России института Пандидо Хамбо ламы, главы буддийской церкви Забайкалья, Екатерина II была объявлена бурятами земным воплощением Белой Тары.

В буддийской литературе, в частности в Дхаммападе, признается роль женщины как роженицы и матери, поэтому наставления в ней относятся к замужним женщинам. «Буддийский идеал женщины представляет собой верную жену, хорошую хозяйку, уважающую родителей и духовных лиц, а также заботящуюся о своем духовном совершенствовании»⁶. Как видим, эти представления относительно основных функций женщины не выходят за пределы домохозяйства, семья и брак представлены как одна из главных человеческих ценностей, приводящая человека к духовному росту.

Философия буддийского учения культивирует гармоничные взаимоотношения между родителями и детьми, мужем и женой. При этом в отношении друг друга они имеют определенные обязательства, помогающие прийти к гармонии, сохранить баланс в отношениях. Пока ребенок растет, формируется как личность, главным авторитетом выступают родители, и именно от них дети должны наследовать моральные, духовно-нравственные ориентиры. О неприкосновенности авторитета отца и матери говорится: «эсэгэ хүниие гомодхообол – Сумбэр уула хэмхэрхэ, эхэ хүниие гомодхообол – хүн далай шэргэхэ» (*если обидеть отца – разрушится гора Сумбэр, если обидеть мать – высохнет молочная река*), то есть обидеть мать и отца может человек, преступивший последнюю грань морального падения. Итак, согласно учению Будды, лучшим способом служения Богу считалось служение своим родителям, забота о них, сохранение семейных традиций. Потому на сегодняшний день в современном мире философия буддизма стала особенно актуальна, и через религиозные постулаты, считают многие, люди должны вернуться к ценностям, которые почитались предками тысячелетиями.

В традиционной культуре бурят есть мудрые изречения, которым следуют многие и сегодня: «Хүүгэд бага ябахатаа эхэ эсэгын нэрээр ябахатаа, хариин эхэ эсэгэ хүгшэрхэдөө – үри хүүгэдэй нэрээр ябахатаа» (Дети, пока малы, живут именем своих родителей, а постаревшие родители – именем своих детей – пер. автора) или «Бага хүүгэднээ хэнэйбши гэжэ һурадаг, хүгшэрһэн гэртэхинһээ хүүгэдтэнэй хэн бэ гэжэ һурадаг» (У маленьких детей спрашивают, кто твои родители, а у постаревших родителей – кто ваши дети – пер. автора). Супруги должны проявлять заботу не только к своим родителям, детям, но и ко всем чле-

⁵ Жимбиев Ц.А. Родословная хоринских бурят. Эссе. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство. 2001. – С. 22.

⁶ Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье. Научное издание. М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2008. – С. 28.

нам общества, которые нуждаются в поддержке и помощи. Поэтому брак в буддийской культуре содержит в себе, в первую очередь, общинные, коллективистские интересы, а не индивидуалистический характер, состоящий из счастья двоих.

Интересно мнение тибетского мыслителя Цонкапа, который выделяет семь типов жен и характеризует каждый из них следующими словами:

- Жены-убийцы. Душа у них низкая. Не любят и не уважают своего мужа. Легко изменяют ему или уходят к другому.

- Жены-воры. Мужа не понимают и не стремятся понять. Удовлетворяют свое тщеславие, живут только для себя. Расточают доходы мужа, не думая о завтрашнем дне.

- Жены-властители. Домашние дела не ведут. Ленивы. Заняты только собой. Грубы с окружающими. Мужа не ставят ни во что.

- Жены-матери. Окружают мужа заботой и лаской. В любых обстоятельствах защищают его. Бережно относятся к доходам мужа.

- Жены-сестры. Любят мужа и верно служат ему. Относятся к мужу как к старшему брату. Бережливы и скромны во всем.

- Жены-друзья. Любое общение с мужем для них праздник. Любят соблюдать этикет. Тихие и скромные. Ценят мужа и доверяют ему.

7. Жены-служанки. Верно служат мужу. Стараются исполнить любой его каприз. Не сердятся. Не обижаются. Если муж счастлив, счастливы и они⁷.

Из данных типов женщин последние четыре в буддийских трактатах представляли собой образец идеальной жены, в которой совмещались культивируемые буддизмом ценности как верность, скромность, забота.

Общеизвестно, что ведущая роль в выполнении духовно-нравственных миссий отводится женщине, матери, символизирующей начало всего живого и гуманного. В буддизме подчеркивается ценность человеческого рождения⁸, и особой сакральной защитой пользуется мать, достойная абсолютного почитания и уважения. Материнская любовь считается чистой, самоотверженной, благородной, способной к состраданию, любовь матери к ребенку представляется идеалом всех взаимоотношений между людьми.

Интерес представляет тибетская повесть «История Чойжид-дагани», повествующая похождения мирянки в буддийский ад. Автор произведения (неизвестен) сознательно выбрал главным героем женщину, видя в ней ревностного носителя, хранителя и транслятора многих положений буддийской морали. По его мнению, именно женщине-матери, как никому другому, присуще умение понять, сострадать, простить и эмоционально, выразительно донести до людей наставления, переданные из подземного царства Эрлик ханом. «У женщин более нежная душа, они более милосердны и набожны. Души мужчин грубы, у них много пороков, и им нравится убивать⁹. В конце повести героиня вместе с дочерью сознательно оставляет мирские дела и становится монахиней. Таким образом, идеальный образ женщины в буддизме видели в мирянке, «достигшей после преодоления всевозможных препятствий статуса буддийской монахини»¹⁰.

Анализируя и сопоставляя литературные произведения и сочинения различных буддийских монахов относительно женщин, можно отметить их отличительные черты. Например, в сборнике сочинений тибетского гэгэна Торелигии встречается совершенно иной идеал женщины-буддистки, чем у бурят. Согласно автору сборника, хорошей женщиной считается та, которая прежде всего почитает учение Будды, уважает духовенство, подчиняется мужу, его родителям и хорошо исполняет свои трудовые обязанности. Самым большим недостатком женщины является непочтительное отношение к религии, своеволие и непослушание¹¹.

⁷ Дождь из цветов. (Бурятские буддийские притчи). – Центр русско-азиатских исследований «Агарты» совместно с издательством Л.Г. Мухановой. М., 2005. – С. 275.

⁸ Буддийская культура: история, источниковедение, языковедение и искусство: Вторые Доржиевские чтения. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. – С. 137.

⁹ История Чойджид-дагани. Факсимиле рукописи. Транслитерация текста, пер. с монг., исслед. и коммент. А. Г. Сазыкина. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. – С. 205.

¹⁰ Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье. Научное издание. М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2008. – С. 584.

¹¹ Там же.

В сочинениях монгольского ламы Тарган пандита-гэгэна женщина должна, в первую очередь, «исправно исполнять свои хозяйственные обязанности и заботиться о членах своей семьи»¹². Другими словами, она должна прилежно вести домашнее хозяйство (шить одежду, заниматься обработкой молока и молочных продуктов и т.д.).

Д-Ж. Данжинов, бурятский лама, в своих сборниках («О следовании закону высших», «Правила почитания невесткой свекра, свекрови и мужа», «Об уважении к старшим») приводит перечень наставлений для молодых замужних женщин, заключающихся, самое главное, в почитании родителей, мужа. В будничных делах женщина должна быть скромной, робкой. «Должна крепко держать на привязи свое тело, язык и душу». «Невестка должна рано встать, принести воду, разжечь огонь, вымести золу, сварить чай и сделать прочие домашние дела»¹³.

В сочинении «Зерцало мудрости, разъясняющее принимаемое и отвергаемое по двум законам» дорамбо-ламы Э-Х. Галшиева затрагивается тема взаимоотношений супругов. Много ценных, поучительных изречений и рекомендаций высказаны автором книги о женщинах, о взаимоотношениях членов семьи, о семейных традициях. Даются рекомендации хозяину дома, как ему не быть посмешищем, как обращаться к жене в присутствии гостей, чужих людей. Например, «Когда разговариваешь с другими, не заглядывай в лицо жене. Из этого гость может понять, что ты бессильный, последний муж»¹⁴, «Если тебе необходимо по делу посоветоваться с женой, то спрашивай ее в скрытом месте. Если же ты спросишь в присутствии посторонних, это будет посмешищем» и т.д.¹⁵.

Таким образом, в буддийской литературе тибетского автора образ идеальной женщины-буддистки представляется раскрепощенной женщиной, осознающей свое право на духовное самосовершенствование, а в сочинениях монгольского и бурятского авторов превалирует патриархальное отношение к женщине, ей отводится зависимая, подчиненная роль. При этом монгольские авторы требуют почитания учения Будды, духовенства вообще, затем родителей, мужа. Д-Ж. Данжинов основной обязанностью женщины видит служение семье, мужу. Данные выводы, возможно, говорят о различном социальном положении тибетских, монгольских и бурятских женщин в обществе.

Хотя отношение раннего буддизма к женщинам не было идеальным, но всё же он предоставлял им гораздо больше свободы в действиях, больше возможности для духовного роста, а, в свою очередь, поддержка женщинами буддийского учения способствовала быстрому распространению религии в государствах Востока, среди монголоязычных народов, в частности в кругу женщин. И на современном этапе развития бурятского общества женщины, посвятившие себя служению Богу, продолжают решать не только религиозные вопросы на локальном уровне, но и духовно-нравственные проблемы мирового характера. Если раньше женский образ традиционно связывали с домом, очагом, рождением и воспитанием детей, если ее жизнь ограничивалась только близлежащим пространством, то сегодня ей дано право решать жизненно важные проблемы на мировом уровне. Следует сказать, что буряты взяли из буддийской религии именно то, что не противоречило их привычному представлению о мире и не подрывало их вековые устои и ценности, а что противоречило – оставили.

Итак, подводя итог, необходимо подчеркнуть, что буддийские религиозные постулаты оказали огромное влияние на формирование образа женщины в традиционной культуре бурят. В первую очередь, помогли пересмотреть обществу отношение к женщине, определить ее статус, роль в окружающем социуме. Весомый вклад в данном случае внесли женские буддийские божества, которые помогли относиться к женщине как к личности, олицетворяющей продолжение жизненной субстанции. С другой стороны, буддийская религия помогла бурятской женщине пройти трудный путь от простой, забытой женщины, чье жизненное пространство ограничивалось семьей, до весомой фигуры, олицетворяющей культурный символ.

¹² Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье. Научное издание. М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2008. – С. 584.

¹³ Там же.

¹⁴ Галшиев Э-Х. Зерцало мудрости. Улан-Удэ, 1993. – С. 171.

¹⁵ Там же.

Список литературы

1. Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье. Научное издание. – М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2008. – 600 с.
2. Донцурунов Ю. Хранители и защитник Белого месяца / Донцурунов Ю. // Сагаалган. Эксклюзивный спецвыпуск к празднику белого месяца: Улан-Удэ. 2007.- С. 35-39.
3. Цыбиков Г.Ц. Избранные труды. Том 2. Новосибирск: Сибирское отделение. 1991. – С. 160-180.
4. Жимбиев Ц.А. Родословная хоринских бурят. Эссе. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство. 2001. – С.21-23.
5. Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: Вторые Доржиевские чтения. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. – С.136-137.
6. Дождь из цветов. (Бурятские буддийские притчи). – Центр русско-азиатских исследований «Агарты» совместно с издательством Л.Г. Мухановой. М., 2005. – С. 274-277.
7. История Чойджид-дагини. Факсимиле рукописи. Транслитерация текста, пер. с монг., исслед. и коммент. А. Г. Сазыкина. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. – 253 с.
8. Галшиев Э-Х. Зерцало мудрости. – Улан-Удэ, 1993. – 352 с.

IMAGE OF THE WOMAN IN THE RELIGIOUS REPRESENTATIONS OF THE BURYATS

N.D. GONCHIKOVA

Chita State University

e-mail:
nimazhab@mail.ru

The article is devoted to the great influence of the female goddesses and religion ideas on the formation of the woman's image in the Buryat traditional culture. It helped the society to revise the attitude forward a woman, her status, her role in the society. It also provoked the woman to open as an individual personifying the duration of the life substance.

Key words: image of the woman, female goddesses, Buddhist ideas, female ideal.

УДК 316.775-0536 : 004.738.6 (470.325)

СТРАТЕГИИ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ-УЧАСТНИКОВ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВ В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

А.В. ГОРДИЛОВ А*Белгородский государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail: a.v.gordilov@gmail.com*

Статья посвящена исследованию особенностей информационно-коммуникативного поведения молодежи в интернет-сообществах и способов активизации субъектных механизмов в регулировании отношения «молодежь – интернет-сообщество» с целью обеспечения эффективного участия молодежи в процессах развития информационного общества.

Ключевые слова: интернет-сообщество, информационно-коммуникативное поведение, саморегуляция, молодежь.

Современное поколение российской молодежи формируется в условиях становления информационного общества, с которым связаны процессы ускорения темпа жизни, разрушения традиционных институциональных механизмов социальной регуляции, отмирания старых образцов поведения. Их место занимают новые механизмы, изучение которых представляет научную ценность. Поведение молодежи попадает в поле зрения государственной политики, поскольку «сегодняшней молодежи предстоит жить и действовать в условиях усиления глобальной конкуренции, возрастания роли инноваций и значения человеческого капитала как основного фактора экономического развития»¹. Однако в настоящее время все усилия вовлечь молодежь в развитие общества и решение собственных проблем не дают ощутимых результатов (только 2,7 процента молодых людей принимают участие в деятельности общественных организаций, доля участвующих в жизни общества молодых людей не превышает 7%). На этом фоне наблюдается тенденция массового «исхода» молодежи в пространство электронной виртуальной реальности – социальные сети (интернет-сообщества). В социальных сетях сегодня зарегистрированы 82% пользователей Интернета. Типичным пользователем социальных медиа является молодой человек в возрасте 18-24 лет (96%), обеспеченный (87%), проживающий в Москве и Санкт-Петербурге (94%). Согласно статистике, самые популярные социальные сети Рунета – это «Одноклассники» (ими пользуются 73% пользователей интернета), «ВКонтакте» (62%), третье место занимает сеть «Мой мир» (31%), при этом увеличивается аудитория зарубежных сетей «Facebook» и «Twitter», а доля пользователей остальных сетей не превышает 6%².

Эти интернет-сообщества – относительно неустойчивые группы людей, взаимодействующих посредством системы интернет-коммуникаций, обеспечиваемых службами сети Интернет, обладающих общностью интересов и осуществляющих совместную деятельность в виртуальном пространстве. Интернет-сообщества образуют два типа реальных общностей и групп: общности, сформированные в реальной жизни, и виртуальные общности, объединяющие незнакомых людей на основе общей идеи или цели. Смысл интернет-сообществ, представленных на сайтах, форумах, блогах, состоит в том, чтобы удовлетворять групповые и личные интересы и потребности пользователей, предоставлять им возможность для *коммуникации и обмена информацией*³.

Однако это информационно-коммуникативное взаимодействие пока недостаточно исследовано средствами социологии. Данное обстоятельство объясняется тем, что

¹ Молодежная политика в Российской Федерации. Доклад. Июнь, 2009 г. // Государственный Совет РФ, 26 Февраль 2010. Стратегия государственной молодежной политики в РФ до 2016 года.

² Россияне «в сети»: рейтинг популярности социальных медиа. Пресс-выпуск. №1951. 13.02.2012. [эл. ресурс] URL: <http://www.wciom.ru>

³ Богданов Д. В. Социальные функции Интернета // Вест. Нижегор. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2011. № 1 (21).

данный социальный процесс не приобрел еще статуса всеобщности, необходимого для его категориального осмысления. Вместе с тем, анализ исследований виртуального общения (электронной коммуникации) помогает понять, что делает интернет-среду привлекательной для молодежи.

Привлекательность интернет-сообществ непосредственно связана с возможностью удовлетворения потребностей в свободе и независимости, в самовыражении и самоутверждении, в принадлежности к группе сверстников, в ярких впечатлениях и положительном подкреплении, которые являются новообразованиями юношеского возраста. Особенно привлекательна для молодежи возможность конструировать идентичность по своему выбору. Одновременно с конструированием собственной виртуальной личности молодой человек создает образ желаемого собеседника – «друга», который он домысливает, ориентируясь на собственные ожидания. «Интенцией к созданию виртуальной личности, может служить неудовлетворенность реальной жизнью (попытка «прожить» другую, лучшую жизнь), пресыщенность реальной жизнью, желание получить новые ощущения, потребность в конструировании иной – символической реальности для творческого самовыражения, конспирация (желание скрыть информацию о себе от широкой общественности или донести до нее достоверные факты инкогнито)»⁴.

Специфика общения в интернет-сообществах определяется принципом строящихся взаимодействий, свободой вступления и выхода из состава сообщества, выбора времени и объема участия в коммуникационных процессах, не предполагающей ответственности за свои действия и видимого социального контроля. В пространстве виртуального общения нет ограничений, сформированных традиционными социальными нормами, – «это мир, лишенный социального порядка в традиционном его понимании»⁵. Это обуславливает чувство свободы и независимости, востребованное в молодом возрасте.

Исследования интернет-коммуникаций студенческой аудитории показывают, что для многих привлекательными являются такие особенности, как анонимность, отсутствие временных и пространственных ограничений, отсутствие визуального контакта, возможность обманывать и обсуждать откровенные темы, простота общения, полная свобода, отсутствие моральных норм и обязательств⁶. Представляется, что эти особенности характерны не для всех социальных сетей. Например, в Facebook многие пользователи знают друг друга, кроме того, там созданы страницы многих политиков, чиновников, деятелей культуры. Таким образом, интернет-сообщества являются средством информационно-коммуникативного взаимодействия, идентификации и позиционирования молодежи в виртуальном пространстве.

Вместе с тем, рассмотренные выше блага и свободы, делающие понятной непреодолимую тягу молодежи к интернет-сообществам, могут оборачиваться видимостью, иллюзией. Это связано с тем, что интернет-сообщество как виртуальная среда общения характеризуется специфическими свойствами, прежде всего, нематериальностью воздействия: когда изображаемое производит эффекты, характерные для вещественного. Виртуальная среда отличается условностью параметров, ее объекты искусственны и изменяемы; эфемерностью, поскольку свобода входа/выхода обеспечивает возможность прерывания и возобновления существования⁷.

Неконтролируемый процесс освоения молодежью интернет-сообществ оборачивается угрозой безопасности личности: «расширением возможностей манипулирования сознанием человека, информационной перегрузкой, ростом интернет-зависимости и развитием форм психосоциальной депривации»⁸. В итоге, сложилась ситуация, при которой

⁴ Силаева В. Л. Интернет как социальный феномен // Социологические исследования. 2008. № 11. – С. 102.

⁵ Владимирова Т. В. Сетевые коммуникации как источник информационных угроз // Социс. 2011. № 5. – С. 123 – 129.

⁶ Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet. /Под ред. В.Л. Волохонского, Ю.Е. Зайцевой, М.М. Соколова. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006.

⁷ Иванов Д.В. Феномен компьютеризации как социологическая проблема. Информационное общество: фантом постиндустриальной эры. URL: <http://www.follow.ru/article/117>

⁸ Владимирова Т. В. Сетевые коммуникации как источник информационных угроз // Социс. 2011. № 5. – С. 123 – 129.

целое поколение молодежи не участвует в жизни страны и решении собственных проблем и «уходит» от решения проблем в виртуальную социальную реальность. Поэтому знание реальной картины того, что происходит в интернет-сообществах, анализ и понимание особенностей информационно-коммуникативного поведения белгородской молодежи позволяет делать обоснованные прогнозы ее социального развития.

Под информационно-коммуникативным поведением молодежи интернет-сообществах понимаются осознанные и неосознанные действия молодых людей как участников интернет-сообществ, являющиеся следствием реализации их потребностей, интересов и функциональных ролей, ориентированных на адаптацию и реализацию своего личностного потенциала в интернет-сообществах. Оно регулируется с помощью психологических (мысли, чувства человека, отражающие действительность, воля, направляющая его поведение) и социальных регуляторов (социальные институты, нормы, ценности, ожидания, образцы поведения), а также специфической системы регуляторов, созданных интернет-сообществами.

Мы предполагаем, что информационно-коммуникативные потребности и интересы не осознаются учащейся молодежью в полной мере, не выступают предметом ее рефлексии, что делает проблематичным саморегуляцию ее поведения в интернет-сообществах. В ходе социологического исследования особенностей информационно-коммуникативного поведения учащейся молодежи Белгородской области, проведенного в мае-июне 2011 г. (N=706), решались следующие задачи: уточнить мотивы, побуждающие молодых людей к установлению контактов в интернет-сообществах; определить степень информированности учащейся и студенческой молодежи об опасностях и угрозах общения в интернет-сообществах; выявить способы поведения молодежи в ситуации интернет-зависимости и другие. Эмпирическое исследование показало значительную степень ее вовлеченности в Интернет и интернет-сообщества: 97,6% опрошенных молодых белгородцев являются пользователями Интернета, а 88,8% – участниками интернет-сообществ. Данные социологического опроса среди учащейся молодежи и экспертов, работающих с учащейся молодежью Белгородской области, позволяют понять особенности информационно-коммуникативного поведения молодых белгородцев.

По мнению экспертов – специалистов по работе с молодежью в сфере образования, управления молодежной политики, в религиозных организациях, психологических службах г. Белгорода, – молодежь *не осознает* опасности интернет-зависимости, виртуализации общения, деструктивной информации, подрывающей основы духовного развития личности. Эксперты считают, что основной мотив, побуждающий молодых людей к общению в интернет-сообществах, – это способ «убить время». Стремление молодежи объясняется специалистами также желанием принадлежать к группе единомышленников и уйти от одиночества. Действительно, помимо чата, интернет-сообщества существуют как профессиональные сети, сообщества по интересам, неформальные организации молодежи, что определяет различные стратегии поведения.

Как показал опрос самой учащейся молодежи, к Интернету молодежь обращается с целью общения в социальных сетях (74,6%), с познавательной целью – поиск научной (учебной) информации и новостей (70,4% и 25,1%), а также с развлекательной целью – компьютерные игры, скачивание музыки и видеофильмов (11,6%, 56,2% и 35,6%). Как правило, обращаться к интернет-сообществу побуждает решение деловых вопросов и обмен информацией. Для каждого третьего молодого человека интернет-сообщество – это желание и способ познакомиться с кем-нибудь.

Для каждого пятого респондента побудительным мотивом выступает потребность в принадлежности к группе единомышленников, а для определенной части молодежи (37,4%) – это просто способ «убить время» (проведение досуга такое же число респондентов связывают с «сидением за компьютером»). Обращает на себя внимание, что для каждого десятого основным мотивом, побуждающим к общению в интернет-сообществах, выступает «потребность в самореализации, быть таким, какой есть на самом деле» (13,7%).

Анализируя мотивационную сферу поведения молодых участников интернет-сообществ, можно заключить о естественном характере социальных потребностей молодых людей, которые ничем не отличаются от мотивов социального поведения в реальной

жизни. Привлекательность интернет-общения респонденты связывают с быстротой и доступностью связи с нужным человеком, помощью в решении информационных и жизненных вопросов, лишь 5,4% опрошенных привлекает анонимность. В целом, это подтверждает представление об Интернете как новом средстве массовой коммуникации.

Осведомленность молодежи о проблемах электронной коммуникации и способах их решения предопределяет ее способность регулирования информационно-коммуникативного взаимодействия в интернет-сообществах. Часть респондентов считает основной проблемой зависимость от общения в Интернете (42,1%). Интернет-зависимое поведение рассматривается как нарушения поведения в виде повторяющихся поступков без ясной рационализации мотивации, которые противоречат интересам самого пользователя и других людей. По сравнению с алкогольной и наркотической зависимостями, данная аддикция в меньшей степени вредит здоровью молодого человека – ее последствия в большей степени связаны с осложнением отношений с окружающими (между родителями и детьми, супругами, друзьями).

Молодежь также выделяет проблемы морального характера – возможная нечестность собеседника (37,1%), взлом аккаунта (пароля личной страницы) и киберхулиганство (35,3% и 21,9%). Такого рода действия нарушают нормы, как привнесенные из реального социума, так и выработанные в интернет-сообществах. Они характеризуют асоциальный тип информационно-коммуникативного поведения и свидетельствуют о серьезном сбое в его регулировании.

Примерно треть опрошенных беспокоит слэнг – искажение и потеря словарного потенциала (32,4%). Отличительной особенностью взаимодействия личностей в интернет-сообществах является использование специфических языков интернет-общения, например, акронимов – символьных сокращений целых фраз и предложений. Стандартность построения фраз, использование небольшого числа слов, речевых оттенков и синонимов задают новый, «сетевой» стиль восприятия, передачи информации, в конечном счете, определяют особый стиль мышления субъекта. Осознание этой проблемы молодежью представляет собой важный шаг на пути ее решения.

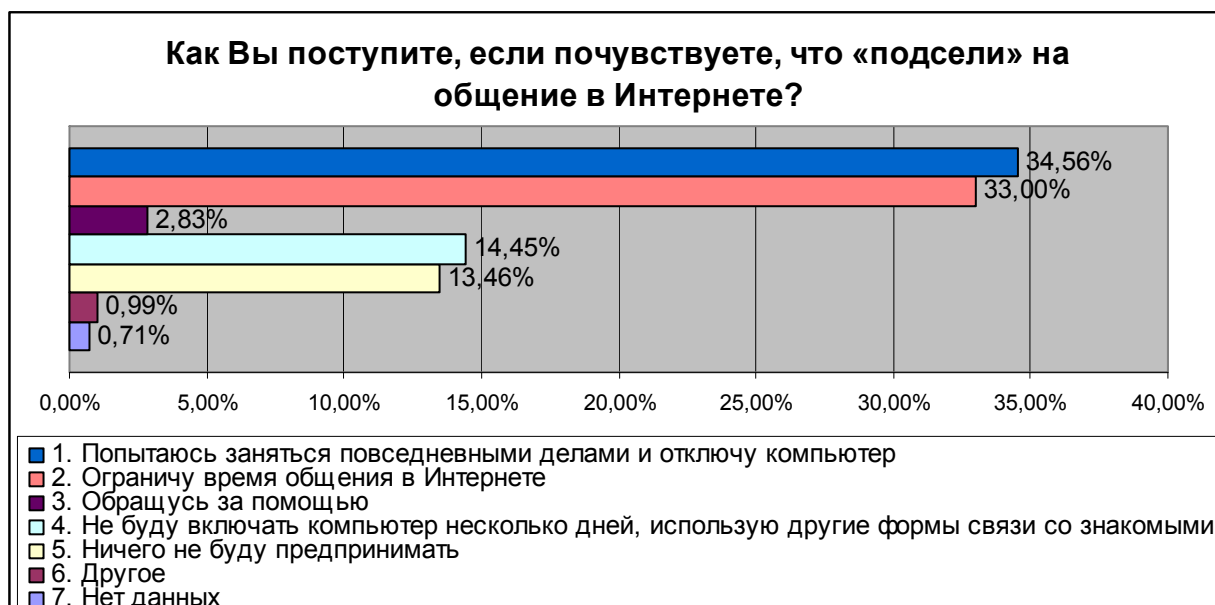
Навязывание сомнительной информации рассматривают как проблему интернет-общения 27,8% респондентов и примерно столько же видят проблему в самоизоляции от реальности и от самого себя (утрата личностной идентичности) (26,6%). Неспособность распознавать деструктивную информацию характеризует манипулятивный (или программированный) тип поведения – действия человека, регулируемые деформированным сознанием вследствие внешнего разрушительного воздействия информации на психику, подмены в сознании одной социальной информации, отражающей потребности конкретного индивида, другой, отражающей интересы внешнего источника. Таким образом, перечисленные выше действия пользователей Интернета рассматриваются респондентами как не соответствующие нормам морали и права, представляющие угрозу для социального и духовного развития личности.

Результаты исследования показывают, что белгородская молодежь распознает опасность интернет-зависимости и понимает ее причины. Большинство белгородцев (52,1%) считает, что интернет-зависимое поведение является следствием ухода человека от реальных трудностей жизни и неумением молодежи организовать свой досуг. Треть респондентов связывают компьютерную зависимость с влиянием сверстников, «модой» на сидение в чате (33%).

Примерно треть опрошенных усматривает причину в отсутствии контроля со стороны взрослых – учителей, родителей (27,8%). Однако запреты взрослых не могут обезопасить подростков от негативного влияния Интернета, наоборот, они могут спровоцировать естественное любопытство. Незначительное число респондентов указывает на «несформированность механизмов саморегуляции своего поведения» (14,7%) и «узость интересов» (15,6%).

Способность к распознаванию угроз и опасностей интернет-сообществ, в большей степени характерна для мужчин (17,9%), чем для женщин (11,8%). Она повышается с возрастом: так, в возрасте 16-19 лет она составляет 16,2%, повышаясь к 20-25 годам до 33,3%. Зависит данная способность и от образования: чем выше образовательный уровень респондентов, тем больше они способны к распознаванию угроз и опасностей виртуальной среды.

Вместе с тем, способность распознавать и предвидеть возможные риски сама по себе не гарантирует выбора оптимального действия из множества возможных, важную роль играют упреждающие действия. Так, в ситуации столкновения с компьютерной зависимостью важно, какие варианты поведения окажутся для молодежи более предпочтительными. Выбор поведенческих стратегий в ситуации компьютерной зависимости, сделанный респондентами, представлен на диаграмме, из которой следует, что при достаточной информированности и осведомленности о компьютерной зависимости лишь 2,8% респондентов выбрали вариант «Обращусь за помощью».

Респондентам также было предложено ответить на вопрос, к кому они обратятся за помощью в сложившейся ситуации. Обращает на себя внимание, что значительная часть молодых людей ответила: «Справлюсь сам» (45,7%). Показательно, что почти половина лиц, давших такой ответ, проводит в сети от 6 до 10 часов в сутки. С одной стороны, это свидетельствует о недооценке ситуации, связанной с интернет-зависимостью, с другой – отражает растущую индивидуализацию современной молодежи, связанную с рыночными механизмами развития современного общества.

Таким образом, значительная часть учащейся молодежи проектирует активную стратегию действий: в первом случае будет решать проблему интернет-зависимости самостоятельно – волевым порядком регулировать свои отношения с компьютером; во втором случае – обратятся за помощью, примечательно, что вначале к друзьям, затем – к родителям и только после этого – к психологу и врачу (невропатологу) (28,2%).

При этом 27,4% молодых людей будет придерживаться пассивной стратегии – ничего не станут предпринимать, а 45,7% респондентов не будут даже обращаться за помощью – «справятся сами». Однако, как показывает мировая практика, в частности, в КНР и Южной Корее, где проблема интернет-зависимости приобрела особый размах, большинство людей не может самостоятельно выйти из данного состояния. Для интернет-зависимых создаются специальные трудовые лагеря, в которых психологическая помощь и терапевтическое лечение соединяется с военными играми и строгой дисциплиной. А для того, чтобы научиться сокращать время пребывания в сети Интернет, в Лондоне для интернет-зависимых разработаны специальные программы групповой или индивидуальной терапии⁹.

⁹ Исакова Т. А. Интернет-зависимость как новый феномен современного мира: сущность и проблемы: аналитический доклад; под общ. ред. Д. В. Дубова. К.: НИСИ, 2011.

Способы сохранения своей идентичности часть молодежи предпочитает искать в реальности, но не виртуальной, мнимой, а в подлинной, настоящей. Значительная часть респондентов считает, что для этого надо иметь интересное дело, увлечение, работу (56,7%) и не терять чувства реальности (53%). Чтобы сохранить себя в виртуальном обществе, надо иметь прочные идеалы и ценности, убеждения, сформированные в реальной жизни (38,1%) и хороших, верных друзей (34,4%). Мало кто из молодых людей понимает, что для реальной жизни важно сформировать свою «Я-концепцию», повышать свою психологическую культуру. Незначительная часть молодежи считает важным во время предпринять упреждающие действия – знать об угрозах и опасностях общения в Интернете, овладеть способами психологической защиты.

Однако информация о негативном влиянии интернет-сообществ не интериоризируется, не соотносится молодым человеком с самим собой и поэтому не становится основой для регуляции своего поведения. Так, знание о существовании интернет-зависимости не избавляет молодых респондентов от непреодолимой тяги к Интернету – 20,7% опрошенных сами столкнулись с этим видом аддиктивного поведения, а еще 46,2% респондентов сталкивались с проявлениями компьютерной зависимости у своих знакомых. Распознавание угрозы контента с сомнительным содержанием для духовного развития личности не мешает 10% респондентов полностью доверять информации, циркулирующей в Интернете. Отдавая себе отчет в возможной нечестности собеседника, 5,4% респондентов, тем не менее, используют Интернет в качестве способа знакомства с анонимным собеседником.

Согласно результатам исследования, с интернет-сообществом («Одноклассники», «ВКонтакте», «Мой мир» и другие) себя идентифицируют 34,7% молодых людей. Виртуальная идентификация не имеет устоявшихся механизмов, поэтому она не является такой «строгой» как реальная и часто выступает как условная идентификация. Способность же конструирования своего виртуального образа (имиджа) в разумных пределах может компенсировать неудовлетворенную потребность в самовыражении в реальной жизни и, при условии перенесения полученного виртуального опыта в практику реального общения и самореализации, может быть весьма полезной для развития творческих способностей.

Таким образом, анализ результатов проведенного исследования позволяет сделать ряд выводов о специфике информационно-коммуникативного поведения учащейся молодежи в интернет-сообществах:

1. Стратегии информационно-коммуникативного поведения учащейся молодежи в интернет-сообществах отличаются достаточно *неустойчивой* позицией молодежи, поскольку знание об опасностях и угрозах интернет-общения является для части молодежи безличным, отвлеченным и не трансформируется в готовность действовать определенным образом. Эксперты однозначно утверждают, что молодежь не осознает опасности интернет-зависимости, виртуализации общения, деструктивной информации, подрывающей основы духовного развития личности.

2. Противоречивость установок молодежи проявилась и в том, что, признавая значительное влияние интернет-сообществ на жизнь и развитие личности, большинство молодых людей считают, что на них оно не распространяется. Это говорит о том, что молодежь не в полной мере определилась с тем значением, которое имеет для нее интернет-общение. Не случайно эксперты убеждены, что основным мотивом интернет-общения для молодежи является способ «убить время».

3. Часть учащейся молодежи не готова к саморегуляции информационно-коммуникативного поведения в интернет-сообществах, так как молодые участники интернет-сообществ не обладают необходимым уровнем рефлексии и самосознания, например, идентифицируя себя с интернет-сообществом. Это может свидетельствовать о нарушении критического отношения к самому себе и своим поступкам, снижении уровня рационального контроля.

4. Проектируя возможные риски, в частности, попадание в ситуацию интернет-зависимости, молодые люди не продемонстрировали способность к выбору оптимальных вариантов поведенческих стратегий. Можно утверждать, что на сегодняшний день они недооценивают опасность, связанную с интернет-зависимостью, и не умеют ее упреждать.

5. В перспективе модификация информационно-коммуникативного поведения молодежи в интернет-сообществах может происходить в двух направлениях: первое – по

пути сужения сферы сознания и утраты рациональности и целенаправленности поведения; второе – по пути расширения сферы сознания, за счет включения в нее архаичного, пред- и пост-рационального мышления, структур группового и человеко-машинного интеллекта. Задача первостепенной важности – обеспечить «перенос» виртуального опыта, приобретенного в интернет-сообществах, в реальную деятельность, для решения практических задач, главной из которых является самореализация и самоутверждение молодежи в реальной жизни, совпадающая с преобразованием реальных социальных отношений и социальным развитием общества. Это потребует от молодежи высокого уровня процессов моделирования, целеполагания, планирования и контроля.

В трансформирующемся обществе саморегуляция и рационализация выступают необходимыми условиями адаптации молодежи к изменяющейся социальной среде, выстраивания жизненной траектории. Субъектная регуляция отражает «способность активно и автономно существовать и действовать в изменяющемся обществе и рассматривается как «способность оптимального выбора в ситуациях неопределенности»¹⁰. Исходя из вышесказанного, под саморегуляцией информационно-коммуникативного поведения молодежи в интернет-сообществах понимается деятельность, направленная на предупреждение и преодоление *личностных* отклонений, то есть того, что индивид принимает для себя как должное и желательное, в соотношении с нормой, в качестве которой может выступать представление личности о роли и значении информации и коммуникации в личной жизни, или модели самореализации своего потенциала в интернет-сообществе с учетом возможных рисков. Очевидно, что молодое поколение нуждается в научно обоснованной поддержке ее стремлений. Данное обстоятельство актуализирует необходимость разработки и внедрения технологии саморегуляции информационно-коммуникативного поведения учащейся молодежи, результатом которой должна стать устойчивая диспозиционная готовность молодежи к саморегуляции в целях предупреждения виртуализации сознания и интернет-зависимости.

Институциональной основой саморегуляции поведения молодежи в интернет-сообществах являются федеральное и региональное законодательство, политика в сфере молодежной культуры, а также программы, регулирующие отношения, связанные с защитой детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. При этом, главным условием перевода внешних норм и предписаний во внутреннюю основу действий личности выступает пример взрослого человека, реализующего в своем поведении данные правовые нормы и установления. Обобщая опыт информационной политики в области информационной безопасности и культуры, нельзя не заметить, что внимание акцентируется на внешних механизмах регуляции, и практически не видна роль молодежи в создании «чистого Интернета». Очевидно, предпосылкой активного участия молодежи в информационной молодежной политике является базовая культура личности молодого человека, которая недостаточно эффективно формируется средствами гуманитарного образования: молодежи необходимы помощь в определении смысла жизни и содействие формированию самосознания, профессиональной «Я-концепции», ценностного отношения к жизни, потребности в ее проектировании и реализации, что составляет основу ее саморегуляции и самореализации.

Профилактика как способ саморегуляции информационно-коммуникативного поведения молодежи в интернет-сообществах, организуется системой образования, культуры и средствами массовой информации. Как показали результаты исследования, основным недостатком в их деятельности является неразработанность технологий предупреждения негативных последствий виртуального общения. Образовательное направление профилактики характеризуется недостаточной реализацией в учебном процессе концепции медиаобразования, целью которого является формирование информационной культуры учащейся молодежи, способности не только распознавать угрозы и опасности общения в интернет-сообществах, предвидеть негативные последствия, но и предупреждать их. Практически никто не занимается обучением молодежи навыкам безопасного пользования Интернетом и конструктивного поведения в ситуации интернет-

¹⁰ Зубок Ю. А. Саморегуляция и рационализация в условиях трансформирующегося общества // Современная российская молодежь. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – С. 98.

зависимости. В системе профилактики существенную роль играет физическая культура, которая является важнейшим средством самореализации и самооценки, формирования способности к волевым усилиям, к волевому управлению своей личностью. Нуждается в расширении социальное пространство для реального общения учащейся и студенческой молодежи в свободное от учебы время на базе образовательных учреждений, для удовлетворения коммуникативных потребностей и потребности в самовыражении.

Сфера культуры недостаточно эффективно осваивает Интернет – доля контента культурного характера в Интернете не превышает 0,5%. Это делает актуальной задачу наполнения Интернета культурным контентом, которая должно решаться на принципах социального партнерства государства, молодежных организаций, бизнеса, негосударственных и общественных структур. Целесообразно привлечение молодежи к созданию библиотечных веб-сайтов, формирование дизайна сайта посредством опроса молодых библиотечных пользователей и консультаций с членами групп чтения по поводу их читательских предпочтений и контента сайта. Использование идей молодежи при создании библиотечного сайта обеспечивает его популярность среди молодых пользователей, возможность обратной связи с подростками¹¹ и, в конечном счете, вовлечение их в конструктивную, инновационную деятельность в виртуальной реальности.

Что касается деятельности СМИ, то до сих пор не отлажена практическая деятельность экспертных Советов на предмет выявления в печатных и медийных материалах информации сомнительного содержания. Необходимо создание сети электронных молодежных СМИ и привлечение молодежи, молодежных сообществ к наполнению Интернета культурным контентом. Примером такой практики в Белгородской области может служить проект «Белгородская региональная информационная сеть «Новый взгляд» для участия молодежи в поиске и популяризации актуальных ценностей. Он призван развивать системы информирования по важным для молодежи вопросам, формировать позитивный образ успешного молодого россиянина. В формирующейся системе электронных молодежных СМИ, представленной информационной сетью «Новый взгляд», молодежным информационным агентством «Медиатрон», молодежной студией региональной телерадиокомпании «Мир Белогорья», сайтом областного управления по делам молодежи www.portal-31.ru, молодежь должна занять свое законное место. Представляется, что Интернет с помощью молодежи превратится в перспективе в современный инструмент реализации Государственной молодежной политики.

Существенным фактором формирования внутренних механизмов саморегуляции информационно-коммуникативного поведения молодежи выступает контроль родителей и информационная культура семьи. Родители в первую очередь ответственны за то, какое отношение сформировано у молодого человека к получаемой из Интернета информации, особенно, если подросток отдает предпочтение виртуальной реальности перед реальной жизнью с ее правами, обязанностями и ответственностью. Конечным результатом семейного воспитания должна стать устойчивость личности, ее способность к самоопределению и самоконтролю.

В заключение следует отметить, что в современных условиях механизмы саморегуляции молодых людей-участников интернет-сообществ невозможно сформировать административными методами, но целесообразно создавать в реальной жизни такие условия, которые делали бы реальную жизнь более привлекательной, чем виртуальная реальность.

Список литературы

1. Молодежная политика в Российской Федерации. Доклад. Июнь, 2009 г. // Государственный Совет РФ, 26 Февраль 2010.
2. Россияне «в сети»: рейтинг популярности социальных медиа. Пресс-выпуск. №1951. 13.02.2012. URL: [http:// www.wciom.ru](http://www.wciom.ru)
3. Богданов Д. В. Социальные функции Интернета // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2011. № 1 (21). С. 114–120.

¹¹ Янков А. В. Поведение молодежи в сети (по материалам интернет-источников). URL: http://vmo.rgub.ru/foreign/review/teen_act.php

4. Силаева В. Л. Интернет как социальный феномен // Социологические исследования. 2008. № 11. С. 101-107.
5. Владимирова Т. В. Сетевые коммуникации как источник информационных угроз // Социс. 2011. № 5. С. 123 – 129.
6. Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet. /Под ред. В.Л. Волохонского, Ю.Е. Зайцевой, М.М. Соколова. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006.
7. Иванов Д.В. Феномен компьютеризации как социологическая проблема. Информационное общество: фантом постиндустриальной эры // Проблемы теоретической социологии. Вып. 3. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2000. URL: <http://www.follow.ru/article/117>
8. Исакова Т. А. Интернет-зависимость как новый феномен современного мира: сущность и проблемы: аналитический доклад; под общ. ред. Д. В. Дубова. К.: НИСИ, 2011. 47 с.
9. Зубок Ю. А. Саморегуляция и рационализация в условиях трансформирующегося общества // Современная российская молодежь: от стихийной самоорганизации к целенаправленному формированию субъектности : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Белгород, 27-29 марта, 2007 г.); под ред. д-ра социол. наук, проф. Л. Я. Дятченко. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. С. 97 – 101.
10. Янков А. В. Поведение молодежи в сети (по материалам интернет-источников). URL: http://vmo.rgub.ru/foreign/review/teen_act.php

STRATEGY OF INFORMATION-COMMUNICATIVE OF YOUNG PEOPLE BEHAVIOUR - PARTICIPANTS OF INTERNET COMMUNITIES IN THE BELGOROD REGION

A.V. GORDILOV

Belgorod National Research University

*e-mail:
a.v.gordilov@gmail.com*

The article is devoted to research of features of information-communicative behavior of youth in Internet communities and activation ways of subject mechanisms in relation regulation «youth – Internet community» for the purpose of effective participation maintenance of youth in development of an information society.

Key words: Internet community, information-communicative behavior, self-control, youth.

УДК 165.21 : 316.774

ПОДАРОК КАК ИНФОРМАЦИОННО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

У.И. ГРЫЗОВА*Оренбургский
государственный
университет**e-mail: yasya87@mail.ru*

Статья посвящена исследованию подарка как неотъемлемого элемента информационно-символического пространства. Опираясь на результаты анализа содержания понятий «информация», «социальная информация» и «символ», автор выявляет наиболее важные характеристики подарка как информационно-символического феномена.

Ключевые слова: подарок, информация, социальная информация, символ, информационно-символическое пространство, информационно-символический феномен.

Как всякий человек, так и общество в целом немислимы без общения людей, с необходимостью приобретающего информационный характер, характер обмена сообщениями¹. Более того, в наши дни вряд ли кто-то усомнится в реальности существования в рамках социокультурной среды обитания человека специфического информационно-символического пространства, состоящего из графически-текстовых, аудиовизуальных и иных сообщений, несущих символически опосредованную информацию. Данное пространство постепенно обретает всё больший удельный вес в человекообразной социокультурной действительности, неуклонно вбирая в себя или же заслоняя собой все иные её порождения и составляющие. Для жителей развитых стран, а в перспективе — и для всего населения нашей планеты интенсивный информационно-символический обмен становится атрибутом практически каждой из жизненных реалий.

Думается, что рассматривающийся в настоящей статье феномен подарка является собой неотъемлемый элемент информационно-символического пространства. Далее имеет смысл обратиться к раскрытию сути понятий информации, социальной информации и символа, элементы содержательного наполнения которых обладают большой важностью применительно к исследованию подарка как информационно-символического феномена.

Вслед за А.Г. Мамиконовым информацию допустимо рассматривать как некоторую совокупность сведений, определяющих меру человеческих знаний о каких-либо процессах, событиях, явлениях, фактах и об их взаимосвязи. Огромное многообразие содержания информации, как он полагает, находит проявление в самых различных физических, экономических и социальных явлениях². При этом информацию, находящуюся в процессе передачи, он именует в соответствии со сложившейся традицией сигналом, а объект, в котором она возникает, обозначает термином «источник информации». Кроме того, данный автор обращает внимание на то, что информация может быть адресована конкретному получателю — отдельной личности или некоторому множеству людей³. Как совершенно справедливо подчёркивает В.З. Коган, понятие информации применимо тогда, когда имеется система и некое взаимодействие, в процессе которого передаются определённые сведения; у этих сведений обязательно должен быть потребитель, пусть даже воображаемый, потенциальный⁴.

В контексте проводимого исследования интерес представляют элементы понятийно-терминологического аппарата, используемого в работе Д.И. Дубровского⁵. Информационный процесс, как он отмечает, заключается в трансляции, преобразовании,

¹ См.: Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. М. : Политиздат, 1975. — С. 33.

² См.: Мамиконов А.Г. Принятие решений и информация. М. : Наука, 1983. — С. 104.; Мамиконов, А.Г. Управление и информация. — М. : Наука, 1975. — С. 83.

³ См.: Мамиконов А.Г. Принятие решений и информация. М. : Наука, 1983. — С. 106.

⁴ См.: Коган В.З. Человек в потоке информации. Новосибирск. : Наука, 1981. — С. 12.

⁵ См.: Дубровский Д.И. Информация, сознание, мозг : монография. М. : Высш. школа, 1980. — С. 99.

хранении и использовании сигналов. Сигнал данный автор определяет как единство информации и её материального носителя. В роли сигнала при этом может выступить всякий динамический или статический материальный объект, который несёт некоторую информацию, предназначенную для определённого получателя. Будучи воплощённой в своем материальном носителе, информация не может существовать вне и помимо него.

Что же касается вопроса о специфике социальной информации, то эвристически ценный материал для формирования ответа на него обнаруживается в работе В.Г. Афанасьева. «Информация, — как пишет этот философ, — циркулирующая в обществе, используемая в управлении общественными процессами, является социальной»⁶. Далее он уточняет, что социальна та информация, которая в первую очередь касается отношений людей, их взаимодействия, их потребностей, интересов и т. д. Отсюда довольно-таки явственно следует необходимость признания того, что в рамках социально-информационных процессов человек выступает в роли субъекта. «Творцом, — по мысли автора, — хранителем, преобразователем и потребителем социальной информации является человек, существо, обладающее специфически человеческой психикой, накладывающей глубокий отпечаток на характер информации»⁷.

Истинность последнего утверждения не вызывает никакого сомнения. Тем не менее, приписывать осознанно-субъективный характер любому моменту включённости человека в социально-информационные процессы не стоит. Дело в том, что, как утверждает тот же Афанасьев, социальная информация «активно воздействует на сознание и поступки людей, причём это воздействие осуществляется далеко не всегда заметно и непосредственно. Она зачастую действует на человека подспудно, в сознании человека протекают незаметные количественные изменения, которые в конечном счете приводят к коренным качественным сдвигам. Сознательно отобранная и целеустремленная информация обладает большой убедительной силой и способна серьезным образом изменить образ мыслей, мнение каждого человека, а с ним и общественное мнение, формировать взгляды и поступки людей, соответствующие общественным требованиям»⁸. Вполне очевидно, что в социальных системах содержится информация, не проходящая через сознание, не являющаяся результатом отражения разнообразия природы и общества в человеческом мозгу. Человек или не подозревает о существовании этого рода информации, или у него нет достаточных научных и технических средств, чтобы извлечь её. По-видимому, этого рода информацию (скрытую, не используемую человеком) следовало бы назвать потенциальной информацией в отличие от актуальной, используемой человеком»⁹.

Ф.И. Розанов, вполне убедительно трактующий социальное взаимодействие как информационный обмен, полагает, что ««социальная информация» не существует как специфическая физическая реальность и является абстрактной метакатегорией, обобщающей все виды информации, используемые в обществе в процессах социального взаимодействия»¹⁰. Данное уточнение применительно к специфике настоящего исследования представляется весьма существенным.

При непосредственном рассмотрении феномена подарка в информационно-символическом контексте определённую пользу принесёт учёт особенностей уровней социальной информации, о наличии которых можно судить по содержанию теоретических положений, представленных в статье З. Цацковского¹¹. Основанием для выделения трёх уровней информации стал характер её связи с практикой. На первом из этих уровней источником информации выступает сфера, доступная для восприятия и вместе с тем для практической деятельности. Со вторым уровнем может ассоциироваться информация, источник которой — односторонняя чувственная связь человека с миром. Третий уровень характеризуется обретением информации теоретическим путём. Если на первом уровне

⁶ Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. М. : Политиздат, 1975. — С. 39.

⁷ Там же. — С. 53-54.

⁸ Там же. — С. 49.

⁹ Там же. — С. 56-57.

¹⁰ Розанов Ф.И. Социальное взаимодействие как информационный обмен : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11.. Новосибирск, 2010. — 25 с.

¹¹ См.: Цацковский З. Регуляция, информация, сознание // Вопросы философии. — 1973. — № 5. — С. 83-91.

информация непосредственно связана с актуальной практикой человека, то на втором и третьем такая связь отсутствует.

Идея о ценности как свойстве информации, обладающая определённым эвристическим потенциалом применительно к специфике проводимого исследования конструктивно представлена в работе В.З. Когана. Связав ценность информации с возможностью её использования при выборе путей к достижению цели, он обращает внимание на бессмысленность однозначного приписывания этому свойству относительного или же абсолютного характера. Вряд ли можно подобрать весомые аргументы против того, что «с позиций субъекта и объекта информационного воздействия ценность информации может быть различной, иначе говоря, она относительна. Но она может быть и абсолютной. Абсолютной следует признать такую её ценность, которая имеет одинаковый уровень значимости и для субъекта, и для объекта процесса»¹².

Многогранность вопроса о ценности как свойстве информации вообще и социальной информации в частности диктует необходимость избрать те стороны этого свойства, которые актуальны для настоящего исследования и по возможности лаконично отразить их в тексте статьи. Сведения, помогающие решению данной задачи, находим в ранее неоднократно цитировавшейся работе В.Г. Афанасьева¹³. Опора на эти сведения позволяет вести речь о том, что ценность информации может интерпретироваться как её пригодность для организации подбора ситуаций отношений между людьми, обеспечения высокой эффективности их совместной деятельности. Соответственно для признания ценной циркулирующая в социокультурном пространстве информация должна быть оптимальной; её недостаточность и избыточность оказывают несомненное негативное влияние на все стороны жизни людей. Кроме того, ценной и полезной является информация, обладающая новизной; устаревшая информация, не дающая своему потребителю ранее неизвестные и нужные ему сведения, бесполезна, людей следует по мере возможности ограждать от неё.

Тем не менее, общая социальная значимость информации не должна напрямую отождествляться с её позитивной ролью в становлении какого-либо фрагмента социокультурной действительности. «Социальную значимость, — как вполне резонно утверждает В.Н. Костюк, — может иметь и нерелевантная информация, т. е. ложная информация или несущественная (для данного положения дел) истинная информация. Если ложная информация распространяется преднамеренно, то она называется дезинформацией. Информационный шум (истинная, но не существенная информация) и дезинформация могут существенно уменьшить положительное воздействие информации как социально-экономического ресурса и также способствовать превращению информационного неравенства в социальное»¹⁴. Отсюда следует, надо полагать, то, что и в предметно-практической деятельности в ходе реальной жизни, и в процессе проведения теоретических изысканий не стоит «с порога отбрасывать» информацию, релевантность которой спорна, так как она не может не оказывать влияния на содержание социокультурных процессов.

Далее речь пойдёт о практике представления информации в символической форме, широчайшим образом реализуемой в рамках любой этносоциальной общности вне зависимости от каких бы то ни было социокультурных обстоятельств. Следует отметить обилие литературных источников, проливающих свет на разнообразные тонкости этой практики. Так, в данном отношении весьма содержательны труды Э. Кассирера и Л. Уайта¹⁵, ставшие классикой современной социально-гуманитарной мысли. В частно-

¹² Коган В.З. Человек в потоке информации. Новосибирск : Наука, 1981. — С. 57.

¹³ См.: Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. М. : Политиздат, 1975. — С. 130, 141, 142, 145.

¹⁴ Костюк В.Н. Информация как социальный и экономический ресурс. М. : ИЧП "Издательство Магистр", 1997. — С. 31.

¹⁵ См.: Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Избранное. Опыт о человеке. — М. : Гардарика, 1998. — 784 с.; Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1. Язык / Э. Кассирер. — М.; СПб. : Университетская книга, 2001. — 271 с.; Кассирер, Э. Философия символических форм. Т. 2. Мифологическое мышление. — М.; СПб. : Университетская книга, 2001. — 280 с.; Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 3. Феноменология познания. — М.; СПб. : Уни-

сти, Уайт определяет символ «как вещь, ценность или смысл которой придают те, кто ею пользуется. <...> символ может иметь какую угодно физическую форму: он может иметь форму материального объекта, цвета, звука, запаха, движения объекта, вкуса»¹⁶. Думается, что к приведённому списку в случае возникновения необходимости можно добавить и немалое число других вполне подходящих примеров.

Тем не менее, следует отметить, что, скорее всего, наиболее широко используемой формой существования социокультурного символа является слово. Причём, данное высказывание будет справедливым применительно к любой этносоциальной общности. Причины тому достаточно очевидны. Согласно В.Г. Афанасьеву, использование слова для передачи сигнала является условием уплотнения содержания информации, снижения её избыточности, обеспечения её максимума при минимальной протяженности сообщений. Кроме того, слово, несущее социальную информацию, позволяет её оперативно декодировать, сразу извлекать из сообщения её смысловое содержание¹⁷.

Впрочем, какую бы форму не обретал символ, каким богатым не было бы его собственное содержание, исследователю надо помнить в первую очередь утверждение Г.В.Ф. Гегеля о том, что он «является лишь знаком, значением чего-то другого»¹⁸. Сравнивая символ с понятием, А.Ф. Лосев пишет о том, что он «является такой оригинальной и вполне самостоятельной идейно-образной конструкцией, которая обладает огромной смысловой силой, насыщенностью, смысловой заряженностью или творческой мощью, чтобы без всякого буквального или переносного изображения определённых моментов действительности в свернутом виде создавать перспективу для их продолжительного или даже бесконечного развития уже в развернутом виде»¹⁹.

Г. Блумер ведёт речь о существовании особого вида интеракции (иначе говоря, процесса общения, социального взаимодействия индивидов и составляющих его отдельных актов), который он именует «символической интеракцией»²⁰. Особенность данной интеракции автор усматривает в том, что люди не просто реагируют на действия друг друга, они интерпретируют или же определяют их. Реакция одного индивида не представляет собой следствия действий другого; она обусловлена значением, придаваемым действиям такого рода в соответствующей ситуации в этносоциальной общности, чьими членами эти индивиды являются.

Современные исследователи вряд ли усомнятся в том, что роль символа в социокультурной действительности является конституирующей²¹. Ведь, в самом деле, всякий присущий ей фрагмент до предела нагружен символически опосредованной социальной информацией и включён в процессы её трансляции. Признак всякого действительно символического средства состоит, согласно А.Д. Ковалёву, в его способности «порождать нечто вроде “прибавочной социокультурной значимости (ценности)”, превышающей значимые последствия действий, получаемых при использовании только “реально-натуральных” свойств этого средства»²². Информационное наполнение системы символов, исчерпывающим образом отражающее все тонкости свойств многомерных жизненных реалий определённой этносоциальной общности, в своей органической целостности создаёт системное свойство социокультурной действительности, обеспечивающее её качественную определённость.

верситетская книга, 2002. — 398 с.; Уайт Л. Наука о культуре // Избранное : Наука о культуре. — М. : РОССПЭН, 2004. — 960 с.; Уайт Л. Избранное : Эволюция культуры. — М. : РОССПЭН, 2004. — 1064 с.

¹⁶ Уайт Л. Наука о культуре // Избранное : Наука о культуре. — М. : РОССПЭН, 2004. — С. 37.

¹⁷ См.: Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. — М. : Политиздат, 1975. — С. 59.

¹⁸ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. — СПб. : Наука, 1993. — С. 273.

¹⁹ Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. — М. : Искусство, 1995. — С. 150.

²⁰ См.: Блумер Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология. — М. : Изд-во Московского ун-та, 1984. — С. 173-179.

²¹ См.: Квасова И.И. Конституирующая роль символа в социокультурной реальности, Ю.Б. Кондратьева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Социология. — 2003. — № 1(4). — С. 47-52.

²² Ковалёв А.Д. Символические средства взаимодействия и коммуникации // История теоретической социологии в 4 т. ; ответ. ред. и составитель Ю.Н. Давыдов. — М. : Изд-во «Канон +» ОИ «Реабилитация», 2002. — Т. 3. — С. 221.

Анализируя личностные функции социальной информации в связи с актуальными потребностями индивидов, В.А. Лосенков выделяет: а) функцию социальной идентификации, актуализирующую потребность в обретении чувства единения со своим социальным окружением; б) эмоционально-тоническую функцию, сопряжённую с потребностью в положительном эмоциональном тоне; в) социально-нравственную функцию, которая стимулирует потребность в социальной информации как «в пище» для разрешения моральных проблем; г) социально-ориентирующую функцию, инициирующую проявление потребности в ориентирующей информации как условия готовности к действию²³.

«Как бы то ни было, информация остро необходима индивиду при осуществлении любых видов деятельности, он испытывает в ней потребность»²⁴ и, что вполне естественно, стремится её удовлетворить. Это для него на самом деле важно. Вопрос же о том, какой именно предмет или процесс стал тем символическим передаточным звеном между ним и источником искомых сведений, которые помогли ему снизить остроту потребности до приемлемого уровня, в любом случае окажется на втором плане, а скорее всего — просто не возникнет.

Что же касается суждения о наличии у человека способности селекционировать информацию, отбирать нужную для удовлетворения насущных потребностей, то оно не нуждается в каких-либо доказательствах своей истинности. Тем не менее, следует уточнить, что данная способность воплощается в жизнь только в условиях: а) реальной включённости индивида в процессы циркулирования социальной информации; б) проявления им активности в рамках этих процессов.

Всякий феномен, непосредственно включённый в процессы символической интеракции, следует признать информационно-символическим. Три признака таких феноменов могут быть отнесены к числу главенствующих. Во-первых, это то, что в рамках социального взаимодействия людей, как индивидуального, так и группового, свойственная ему функция переноса информации доминирует над всеми иными функциями. Во-вторых, то, что социальная информация, носителем которой он выступает, оформлена в виде элементов системы социокультурных символов определённой этносоциальной общности. В-третьих, то, что сам он является элементом системы информационно-символических феноменов, играющих важную роль в обеспечении социокультурной целостности любых человеческих сообществ.

Все указанные признаки свойственны подарку, в связи с чем его следует признать информационно-символическим феноменом. Переходя к детализированному рассмотрению подарка, надо прежде всего отметить, что он представляет собой универсальное средство коммуникации, с помощью которого человек издревле договаривался с другими людьми и со сверхъестественными силами окружающего мира (данное суждение в почти дословно совпадающем вербальном отображении встречается в публикациях разных авторов²⁵). Стремление использовать подарок как средство добиться чего-либо от сверхъестественных сил не является в наши дни забытым людьми, не встречающимся в их повседневной практике пережитком старины. Напротив, такое стремление существует и реализуется довольно-таки широко, причём зачастую в условиях самого передового научно-технического окружения.

В рамках складывавшейся тысячелетиями традиции подарок «символизирует особые отношения симпатии, солидарности и взаимопомощи между сторонами, между дарителем и одариваемым. Дар символически закрепляет принадлежность и дарителя, и одариваемого к существующей общности»²⁶. При этом подарок (явный, вручённый адресату или же подспудно ожидаемый в сколько-нибудь отдалённой перспективе) всегда яв-

²³ См.: Лосенков В.А. Социальная информация в жизни городского населения. — Ленинград. : Наука, 1983. — С. 27-28.

²⁴ Коган В.З. Человек в потоке информации. — Новосибирск : Наука, 1981. — С. 41.

²⁵ См.: Ерискина Н.В. Подарок, дар в системе культуры (на примере культуры коренных народов Камчатки) // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. — 2003. — № 2. — С. 84.; Ильницкая, Е. Подарок. Многообразие форм и смыслов. [Электронный документ]. (<http://kogni.narod.ru/ilnitskaya.htm>). Проверено 07.08.2011.

²⁶ Бородай В.А. Общение и обмен в современном обществе, их взаимосвязь // Вестник ЮРГТУ (НПИ). — 2008. — № 3. — С. 69.

лялся феноменом, сопряжённым с диалогом участников акта дарения. Специфика данного диалога состоит в отсутствии прямой зависимости его процесса и результата от наличия или отсутствия словесной формы сообщаемой и воспринимаемой информации.

Сам по себе подарок порой бесполезен, однако объявление его ненужным было бы ошибочным. Существование этого феномена вполне оправдывается возможностью создать с его помощью атмосферу праздника, продемонстрировать внимание к людям²⁷ и обеспечить реализацию иных потенций его самого и процесса его передачи адресату.

Будучи информационно-символическим феноменом, подарок является сигналом, воплощающем в себе социальную информацию, вполне очевидным образом связанную с практикой. Выступая как носитель ценной социально значимой информации, непосредственно доступной для восприятия, реализуя свойственные ей личностные функции, подарок придаёт мироотношению причастных к нему людей практически-деятельностный импульс. Наряду с этим он является стимулирующим началом применительно как к чувственной связи индивидов с действительностью, так и к процессу её сугубо интеллектуального, теоретического постижения.

Верно воспринятая истинная социальная информация, в процесс циркулирования которой встроен подарок, может весьма существенно различаться по своей подлинной ценности. Приняв подарок, должным образом усвоив его символическое содержание и опираясь на вновь обретенный социально-информационный эвристически ценный ресурс, индивиды и их сообщества получают возможность более осознанно самоопределяться в процессе постижения действительности. Расширяется и их возможность улучшать взаимоотношения, складывающиеся с иными участниками социально-коммуникативного процесса. Реализация этих возможностей, находящая отражения в состоянии социокультурной действительности, делает социальную значимость подарка вполне зримой, доступной для философского осмысления.

Эффект ритуализированной передачи подарка от дарителя к одариваемому весьма многогранен. У участников этого акта обостряется ощущение своей укоренённости в социокультурной действительности, прочной связи с окружающими людьми. Повышается эмоциональный тонус каждого из них, возникает понимание того, что им подлежит делать и как это осуществить в морально непростых жизненных обстоятельствах.

Подарок выступает носителем поддающейся актуализации потенциальной социальной информации, чья ценность в одних случаях проистекает из приложимости к решению проблем, касающихся конкретного индивида и его ближайшего окружения. В других случаях круг лиц, для которых информация, сопряжённая с феноменом подарка и актом дарения, оказывается ценностно окрашенной, расширяется до формальных социальных групп. Наряду с этим вполне возможны и варианты, характеризующиеся тем, что информация станет восприниматься как ценность самыми широкими массами людей, причём вне зависимости от того, был ли её адресат чётко очерчен, или она изначально предназначалась для всех, кто получит к ней доступ.

Анализ содержания статьи Т. Каплоу вполне очевидно свидетельствует о том, что дарообмен в первую очередь имеет символическое значение, так как даримые людьми друг другу вещи фактически выступают в роли слов, призванных недвусмысленно выразить стремление каждого из них к поддержанию близких отношений²⁸. Последнее стоит подчеркнуть и уточнить: отношений, близких в самом широком значении этого термина! К сожалению, далеко не всегда и не во всём подарок привносит в межчеловеческие отношения по-настоящему добрую ноту подлинной близости. Во избежание негативных последствий, границы которых могут быть весьма широкими, людям, причастным к акту дарения, имеет смысл ориентироваться на то, чтобы сделать подарок символом и гарантом устойчиво-доброжелательных, мирных отношений между дарителем и одариваемым и/или теми сообществами, членами которых они являются, так как в противном случае он может превратиться в фактор, негативно влияющий на устойчивость социокультурной

²⁷ Шмерлина И. Подарок как «социальная вещь» // Социальная реальность. — 2007. — № 5. — С. 33.

²⁸ См.: Caplow T. Rule Enforcement Without Visible Means: Christmas Gift Giving in Middletown // The American Journal of Sociology. — 1984. — Vol. 89. — № 6, May. — P. 1306-1323.

системы. Соответственно, при выборе подарка должно быть учтено то, какой словесный эквивалент с наибольшей вероятностью припишет ему его адресат.

Завершая статью, следует отметить, что сам по себе информационно-символический характер подарка и процедуры дарения не вызывает никакого сомнения. Сомнительной представляется гарантия полного соответствия тех значений, которые, с точки зрения одариваемого присущи символам, усмотренным им, с одной стороны, в подарке и, с другой стороны, в особенностях процесса его вручения. Даритель, не учитывая данного обстоятельства, рискует не только не добиться искомого результата, но и столкнуться с общим ухудшением отношений с одариваемым. В связи с этим скоординированность информационно-символической нагруженности подарка и акта дарения должны стать объектом особого внимания дарителя. Впрочем, не стоит переоценивать практическую эффективность априорных соображений относительно гарантированного обеспечения должной адекватности восприятия информации, передаваемой посредством подарка. При этом вероятность успеха в целенаправленном использовании информационно-символического потенциала подарка окажется максимальной тогда, когда и компоненты процесса дарения, и все непосредственно связанные с ним многообразные феномены будут характеризоваться однозначным приоритетом творческого над репродуктивным и алгоритмизированным.

Список литературы

1. Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом / В.Г. Афанасьев. — М. : Политиздат, 1975. — 408 с.
2. Блумер Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология / Г. Блумер. — М. : Изд-во Московского ун-та, 1984. — С. 173-179.
3. Бородай В.А. Общение и обмен в современном обществе, их взаимосвязь / В.А. Бородай // Вестник ЮРГТУ (НПИ). — 2008. — № 3. — С. 67-71.
4. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Г.В.Ф. Гегель. — СПб. : Наука, 1993. — 480 с.
5. Дубровский Д.И. Информация, сознание, мозг : монография / Д.И. Дубровский. — М. : Высш. школа, 1980. — 286 с.
6. Ерискина Н.В. Подарок, дар в системе культуры (на примере культуры коренных народов Камчатки) / Н.В. Ерискина // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. — 2003. — № 2. — С. 84-88.
7. Ильницкая Е. Подарок. Многообразие форм и смыслов. [Электронный документ]. (<http://kogni.narod.ru/ilnitskaya.htm>). Проверено 07.08.2011.
8. Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Избранное. Опыт о человеке / Э. Кассирер. — М. : Гардарики, 1998. — 784 с.
9. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1. Язык / Э. Кассирер. — М., СПб. : Университетская книга, 2001. — 271 с.
10. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2. Мифологическое мышление / Э. Кассирер. — М., СПб. : Университетская книга, 2001. — 280 с.
11. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 3. Феноменология познания / Э. Кассирер. — М., СПб. : Университетская книга, 2002. — 398 с.
12. Квасова И.И. Конституирующая роль символа в социокультурной реальности / И.И. Квасова, Ю.Б. Кондратьева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Социология. — 2003. — № 1(4). — С. 47-52.
13. Ковалёв А.Д. Символические средства взаимообмена и коммуникации / А.Д. Ковалёв // История теоретической социологии в 4 т. ; ответ. ред. и составитель Ю.Н. Давыдов. — М. : Изд-во «Канон +» ОИ «Реабилитация», 2002. — Т. 3. — С. 217-227.
14. Коган В.З. Человек в потоке информации / В.З. Коган. — Новосибирск. : Наука, 1981. — 177 с.
15. Костюк В.Н. Информация как социальный и экономический ресурс / В.Н. Костюк. — М. : ИЧП «Издательство Магистр», 1997. — 48 с.
16. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А.Ф. Лосев. — М. : Искусство, 1995. — 320 с.
17. Лосенков В.А. Социальная информация в жизни городского населения / В.А. Лосенков. — Л. : Наука, 1983. — 102 с.
18. Мамиконов А.Г. Принятие решений и информация / А.Г. Мамиконов. — М. : Наука, 1983. — 184 с.

19. Мамиконов А.Г. Управление и информация / А.Г. Мамиконов. — М. : Наука, 1975. — 184 с.
20. Розанов Ф.И. Социальное взаимодействие как информационный обмен : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. / Ф.И. Розанов. — Новосибирск, 2010. — 25 с.
21. Уайт Л. Избранное : Эволюция культуры / Л. Уайт. — М. : РОССПЭН, 2004. — 1064 с.
22. Уайт Л. Наука о культуре // Избранное : Наука о культуре / Л. Уайт. — М. : РОССПЭН, 2004. — 960 с.
23. Цацковский З. Регуляция, информация, сознание / З. Цацковский // Вопросы философии. — 1973. — № 5. — С. 83-91.
24. Шмерлина И. Подарок как «социальная вещь» / И. Шмерлина // Социальная реальность. — 2007. — № 5. — С. 31-45.
25. Caplow T. Rule Enforcement Without Visible Means: Christmas Gift Giving in Middletown / T. Caplow // The American Journal of Sociology. — 1984. — Vol. 89. — № 6, May. — P. 1306-1323.

A GIFT AS AN INFORMATION SYMBOLIC PHENOMENON

U.I. GRIZOVA

Orenburg State University

e-mail: yasya87@mail.ru

The article is devoted to research of a gift as an integral element of information-symbolical space. Basing on an analysis of the concept of 'information', 'social information' and 'symbol', the author identifies the most important characteristics of a gift as an informational and symbolic phenomenon.

Key words: gift, information, social information, symbol, information and symbolic space, information and symbolic phenomenon.

УДК 291.11

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ НАУКИ О РЕЛИГИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ

А. Ю. ЗОРИНА*Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого**e-mail:
owerlord777@mail.ru*

Статья посвящена специфике методологической проблематики религиоведения. Автор рассматривает методологические принципы науки о религии, сформулированные классиками религиоведения и их практическую реализацию в современных условиях.

Ключевые слова: религиоведение, методология, методологические принципы, идеальный тип.

В докладе, озаглавленном «Наука как призвание и профессия» Макс Вебер, анализируя цель научного познания и научный прогресс, емко отметил, что «в стенах аудитории не имеет значения никакая добродетель, кроме одной: простой интеллектуальной честности»¹. В чем суть этой единственной «добродетели»? В четком разделении, разграничении научной деятельности и личных предпочтений. Этот принцип действителен для науки вообще, но в применении к науке о религии принцип интеллектуальной честности приобретает особенную значимость.

Мы понимаем, что сфера религиозного представляет собой то пространство, ступать по которому нужно с крайней осторожностью – вопросы религии играют слишком серьезную роль в личностном, социальном, культурном плане. Исследователь столь значимого с общественной и личной точек зрения вопроса, как религия, должен быть с одной стороны, максимально заинтересован в изучаемом вопросе, а с другой – максимально объективен и беспристрастен.

Другими словами, ступая на «тонкий лед» изучения феномена религии ученый-религиовед не должен примерять на себя роль проповедника либо обличителя, то есть, не должен занимать проконфессиональную либо антирелигиозную позицию. Представляется, что подобное возможно лишь при условии соблюдения принципа исключения трансцендентного Теодора Флурнуа. То есть, пока в своей профессиональной деятельности религиовед не принимает во внимание «фактор божественного», пока среди посылок его исследования нет изначальных «бог существует» либо «бога нет», возможно сохранение интеллектуальной честности.

Однако, если мы рассмотрим теории классиков мирового религиоведения, таких как Макс Мюллер и Пьер Шантепи де ла Соссе, то увидим, что их личные конфессиональные предпочтения оказали большое влияние на формирование их научных взглядов. Их прамотеистические представления были продиктованы во многом стремлением найти научное обоснование собственным теологическим представлениям.

С точки зрения современной науки о религии, религия предстает гораздо более широким феноменом, чем во времена Тэйлора и Фрезера, Мюллера и Тиле, и выводить религию только лишь из прамотеизма, фетишизма или тотемизма означает сузить явление, потрясающее своим многообразием до неоправданно узких пределов.

В том же докладе, посвященном науке, Вебер пишет, что «каждый из нас знает, что сделанное им в области науки устареет через 10, 20, 40 лет...быть превзойденными в научном отношении – не только наша общая судьба, но и наша общая цель. Мы не можем работать, не питая надежды на то, что другие пойдут дальше нас. В принципе этот прогресс уходит в бесконечность»². Однако, подобный поход отнюдь не означает, что современное религиоведение должно сбросить со счетов таких классиков, как Мюллер или Соссе, лишь от того, что некоторые их представления не выдержали критики времени.

¹ Вебер М. Наука как призвание и профессия // www.lib.ru/POLITOLOG/weber.

² Там же // www.lib.ru/POLITOLOG/weber.

М.Ю. Смирнов в статье «Религиоведение в России: проблема самоидентификации» отмечает, что современное российское религиоведение с одной стороны, не имеет единой методологии, «распадаясь» на отдельные дисциплины, а с другой стороны, постоянно балансирует на грани исследования религии и исповедания религии. То есть, не всегда, по сути, является интеллектуально честным по отношению к самому себе.

И поэтому в сфере выработки единой методологической парадигмы в отношении методологии типологизации религиозных объединений и в отношении соблюдения интеллектуальной честности научный опыт Мюллера и Соссе оказывается гораздо более актуальным, чем представляется.

Один из главных «уроков», который современное религиоведение может вынести из изучения опыта прошлого, это отделение от теологии и атеизма. П. Шантепи де ла Соссе был доктором теологии и священником, но, несмотря на это, придерживался прогрессивных взглядов: «Наука о религии (религиоведение) и наука о христианской религии (теология) идут своими собственными путями и преследуют свои собственные цели»³.

Современное религиоведение должно быть объективным, беспристрастным исследованием религии, а не апологетикой конкретных вероисповеданий, как в случае с теологией, или критикой религии и религиозного мировоззрения, как атеизм.

Разработка религиоведческой методологии во второй половине 19 века – задача, которой занимались очень многие ученые. Однако, наибольший вклад в эту область религиоведческого знания сделал Макс Мюллер, лингвист, востоковед, профессор Оксфордского университета, один из основоположников религиоведения. Одним из первых утверждал необходимость самостоятельной дисциплины, «науки о религии», предметной сферой которой стало бы все разнообразие религиозных верований, их развитие и закономерности этого развития.

Фактически, до разработок Макса Мюллера «область изучения религий была обширной и наполненной разнообразными данными, но фактически в ней царил хаос. После Макса Мюллера она предстала как нечто целостное и поддающееся освоению при помощи некоторых методов. Появилась возможность объяснять многочисленные данные научно»⁴.

Важнейшим методологическим принципом «науки о религии» Мюллер полагал принцип объективности научного исследования феномена: «Религия действительно является священным предметом и как в своих возвышенных, так и еще несовершенных формах имеет право на безусловное уважение. Такому уважительному отношению мы можем поучиться и у тех, кого всегда готовы поучать. Я могу обещать, что никто из слушающих эти лекции – христианин ли он, еврей, индус или магометанин, – не услышит ни одного оскорбительного слова тому роду почитания, которое он воздает своему Богу. Однако истинное уважение к этому предмету заключается вовсе не в провозглашении того, что он не может быть подвергнут нами добросовестному и вполне непредвзятому исследованию на том основании, что он нам дорог. Мы должны это решительно преодолеть! Истинное уважение проявляется в том, что любой предмет, будь то самый дорогой сердцу нашему, мы можем подвергнуть беспристрастному и непредвзятому исследованию, без страха и упрека; со всей бережностью и любовью, безусловно, но, прежде всего – с неуклонным и бескомпромиссным стремлением к истине»⁵.

Таким образом, мы видим, что Мюллер определил не только задачи религиоведения, справедливые и на сегодняшний день, но и выявил некую методологию, точнее, принцип методологии религиоведения, а именно принцип беспристрастного и непредвзятого исследования религии. Кроме того, еще в 19 веке Макс Мюллер ответил на вопрос, возникающий и у многих современных исследователей религии, а именно вопрос о личной религиозности. Как следует из приведенного отрывка, религиовед имеет полное

³ Шантепи де ла Соссе П.Д. Учебник по истории религии./Классики мирового религиоведения. Антология. – М., Канон+, 1996. – С. 202.

⁴ Красников А.Н., Гаврилина Л.М., Элбакян Е.С. Проблемы философии религии и религиоведения: учебное пособие. – Калининград: изд-во КГУ, 2003. – С. 5.

⁵ Мюллер М. Введение в науку о религии. /Классики мирового религиоведения. Антология. – М., Канон+, 1996. – С. 37.

право быть приверженцем какой-либо конфессии. Соблюдая принцип объективности, религиовед сохраняет собственную религиозность, проявляет уважение к иной, что особенно важно в современном поликонфессиональном мире, и, в конечном счете, не впадает в «парадокс брадобрея».

Собственно принцип объективности, сформулированный Мюллером, включает в себе два принципиально важных момента: беспристрастность и воздержание от оценочных суждений. Беспристрастность подразумевает разный исследовательский интерес к различным религиям и не допускает принижения или возвышения отдельных верований, а отсутствие оценочных суждений позволяет придерживаться беспристрастного взгляда. Это отнюдь не означает равнодушия исследователя, это говорит лишь о том, что ученый-религиовед не оценивает объект своих исследований с позиций личной или общественной морали, культуры, политических воззрений.

Пьер Шантепи де ла Соссе полагал, что только лишь обращение к базовым, элементарным составляющим религии раскроет ее суть. Фактически, предлагая «расчлнить религию» на составные «первокирпичики» отдельных феноменов, Соссе значительно упрощает применение сравнительного метода Мюллера. Благодаря феноменологическому подходу Соссе, возможно не только выделение отдельных феноменов, но и их сравнение, которое становится гораздо более простой процедурой. Это позволяет, в свою очередь, расширить пространство для составления типологизаций и сделать их более конкретными.

Из работ М. Мюллера и П. Шантепи де ла Соссе можно выделить ряд принципов научного исследования религии, помимо принципа объективности, то есть методологические принципы религиоведения:

- оба исследователя полагают, что религию, религиозные явления необходимо изучать в их историческом развитии;
- при изучении религии не следует пренебрегать целостным рассмотрением социально – исторического контекста, всех сторон общественной жизни, с которыми она взаимодействует.

Рассмотрев развитие религиоведческой методологии по работам М. Мюллера и П. Шантепи де ла Соссе, мы выделили ряд методологических принципов и методов религиоведения:

- принцип объективности, заключающий в себе беспристрастность и воздержание от оценочных суждений. Беспристрастность подразумевает разный исследовательский интерес к различным религиям и не допускает принижения или возвышения отдельных верований, а отсутствие оценочных суждений позволяет придерживаться беспристрастного взгляда;
- принцип историзма, то есть религиозные явления необходимо изучать в их историческом развитии;
- при изучении религии не следует пренебрегать целостным рассмотрением социально – исторического контекста, всех сторон общественной жизни, с которыми она взаимодействует.
- сравнительный метод как основное методологическое средство исследования феномена религии во всех его проявлениях;
- типологизация религий, знания о которых получены путем сравнения как логическое продолжение сравнительного метода;
- феноменологический метод, углубляющий сравнительный анализ и расширяющий пространство для составления типологизаций, позволяющий сделать их более конкретными.

Опыт исследований религии Максом Мюллером и Пьером Шантепи де ла Соссе показывает нам важность интеллектуальной честности. Те принципы исследования религии, выявленные ими более века назад, не должны быть преданы забвению. Объективность научного познания и недопустимость оценочных суждений в науке, особенно в науке о религии, как нельзя более актуально в современном мире.

Говоря же о практической реализации методологических принципов религиоведения, нельзя не затронуть тематику самого понятия религии. Французский социолог Жорж Гурвич относил религию к так называемым «глобальным структурам», которые

представляют собой макрокосмы над макрокосмами. Обращая внимание на эту специфическую сторону религии как глобальной структуры, Мирча Элиаде недоумевал, каким образом термином «религия» мы называем явления, столь непохожие друг на друга. Религия сродни его иерофании – существует некая общая иерофания, к примеру, Мирового Древа, но нет одинаковых Мировых Древ. В феномене религии удивительным образом сочетается общее и частное, глобальность и конкретность.

Рассматривая религию как глобальную структуру, Гурвич выделяет несколько признаков, свойственных ей, а именно

- наличие некой структуры, часто выраженной в иерархии,
- связи между элементами структуры,
- наконец, набор социальных ролей, ценностей, символов, укрепляющих эти связи⁶.

И действительно, даже в самом аморфном и небольшом образовании, которое Беккер назвал бы «культом», мы увидим структуру, пусть и лишённую иерархии, связи между ее элементами и набор определенных социально-культурных связей, скрепляющих эту структуру путем объединения ее элементов.

Что в этом принципиально важного для нас? То, что теперь мы ясно видим, что, несмотря на кажущийся хаос на «рынке спиритуальных товаров», религия представляет собой не что иное как **систему**. Конечно, это совсем не похоже на открытие Америки, однако, теперь становится ясно, что **систему** или отдельную ее часть можно изучить, только руководствуясь системным подходом.

Как на заре времен, когда человечество делилось на племена, объединенные «механической» солидарностью, так и в современном обществе с солидарностью «органической» сознание большинства делит все многообразие мира религий на две абстрактные категории: «свои» и «чужие», причем разделение это происходит зачастую из соображений религиозной и культурной идентичности, а, как известно, эти понятия зачастую воспринимаются как синонимичные. Доказательством этому может послужить то, что любой геополитический конфликт или столкновение на национальной почве приобретают в сознании людей (не без помощи СМИ) религиозный подтекст.

Ежедневно мы наблюдаем, что деление на религиозных «своих» и религиозных «чужих», причем последние, если верить большинству СМИ и отдельным «сектоведам» обязательно склонны в своей культовой практике к чудовищным злодеяниям, приводит к конфликтам. Причем, одной из причин этих конфликтов является изначально предубеждение ко всему незнакомому, подогреваемое громкими обвинениями в адрес «деструктивных сект» со стороны современных «охотников на ведьм» – депрограмматоров.

Разумеется, человеческую природу не изменить, и люди всегда будут настороженно относиться к незнакомому, в том числе и в области религии. Однако, религиоведение как наука направлена на объективное познание, и поэтому одной из задач является выработать адекватную методологию типологизации религиозных объединений, что, в том числе, расширит горизонты познания ученых-религиоведов, приоткроет для него многообразие религий, раздвинет границы категорий «своих» и «чужих».

Что представляет собой методология типологизации? Это определенный способ систематизирования ряда объектов и разделения их на группы, системный метод исследования. Метод представляет собой своего рода инструмент науки, вектор, направляющий ее движение. Неверно избранный метод ставит под сомнение все исследование.

Исходя из такого понимания методологии типологизации можно выделить следующие методы:

- метод идеального типа; где тип – абстрактная конструкция, с которой сопоставляются изучаемые объекты;
- метод конструктивного типа; где тип – некий объект, выделяемый по ряду критериев из всего множества и рассматриваемый в качестве представителя этого множества объектов⁷.

⁶ Осипов Г. История социологии в Западной Европе и США // www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Osipov/13

⁷ Философский энциклопедический словарь. Типология // www.cyclopedia.ru/100/210/2686858

Важность методологии идеального типа для нас состоит в том, что на основе этой методологии строились те концептуальные основы современной методологии религиозных объединений, которые мы рассмотрим, в частности, теории Э. Трельча, М. Вебера, Р.Х. Нибура; концепция серьезно повлияла на формирование современной методологии типологизации религии.

Идеальный тип представляет собой методологическую категорию, предложенную немецким социологом Максом Вебером для определения смысла тех или иных явлений культуры. Идеальный тип, приобретая вид гипотезы, служит критерием упорядочивания самого многообразного материала, предоставляемого исторической действительностью. При этом, Вебер предостерегал от смешения теоретических построений и исторической реальности, а именно, от отождествления теории и реальности. При таком, некритическом подходе исследование заводится в тупик самим исследователем, старающимся подогнать реальность к меркам собственного теоретизирования. Идеальный тип, по мысли Вебера, должен был не только упростить методологию типологизации явлений реальности, но и служить средством верификации исследований, проверки их соответствия реальности.

Согласно концепции Вебера, столь обсуждаемые в современном религиоведении понятия как «секта», «традиционная религия» etc не являются плодом эмпирического изучения действительности, не представляют собой феномены, встречающиеся наиболее часто и обобщенные, а являются идеальными типами – своего рода «утопиями». Идеальные типы есть порождения изучения эмпирической реальности исследователем, стоящим на определенной позиции, не продиктованной его ценностными воззрениями. Подобное рассмотрение действительности позволяет увидеть связь между разрозненными, на первый взгляд единичными явлениями.

Вебер не считал, что идеальный тип искушает исследователя отождествить теорию и реальность, закрыть глаза на те аспекты действительности, что не укладываются в теорию (как это было у Гегеля, в чьей классификации религии не нашлось место исламу, очевидно не укладывающемуся в концепцию развития и самопознания абсолютного духа). Напротив, идеальный тип не допускает такого фривольного обращения с реальностью, ведь он структурирует ее без привязки к некоей заранее созданной схеме, теории.

Критерием научного потенциала идеального типа является его продуктивность в исследовании. Необходимо отметить, что основное свойство идеального типа – его вариативность, изменчивость: как бы идеальный тип не подходил конкретным условиям действительности, на его место придет новый – в соответствии с изменчивой реальностью. По сути, идеальный тип представляет собой умозрительную конструкцию, отражающую различные феномены реальности посредством выделения типических черт данных феноменов.

Идеального типа не существует в действительности. Более того, идеальный тип достаточно далеко от нее отстоит. Он представляет собой мысленную конструкцию, но эта конструкция сохраняет в себе черты реального феномена, интересующего исследователя. И именно идеальный тип, как утопия, как нечто, не принадлежащее эмпирической реальности, но на эту реальность опирающееся, позволяет исследователю путем некоего дистанцирования, гораздо более объективно рассматривать интересующие его процессы и явления. Метод идеального типа позволяет препарировать феномены реальности, очистить их от оценок и ценностных суждений, рассмотреть их со всей объективностью.

Идеальный тип как основа методологии позволяет сделать понятным то, что в реальности не было таким, осознать смысл явлений, скрытый в опыте реальности.

Противоположным идеальному типу методом является метод конструктивного типа Г.П. Беккера. Данный метод отталкивается в первую очередь от данных эмпирической действительности, что скорее приведет к заблуждению исследователя, позволит его собственным оценочным суждениям влиять на ход исследования.

На первый взгляд нам может показаться, что в практическом исследовании религиозных объединений метод конструктивного типа куда более удобен и практичен, нежели метод типа идеального. Ведь изучая и типологизируя религиозные объединения, мы рассматриваем в первую очередь явления реальности, и было бы удобнее отталкиваться от самой реальности, пользуясь конструктивным типом, нежели строить логические кон-

струкции, которые соприкасаются с реальностью в той же степени, что и эйдосы Платона с вещами и явлениями. Однако, это не так.

Воспользовавшись методологией конструктивного типа в своем исследовании мы получим множество разрозненных фактов и явлений, которые не сможем отделить от плевел собственных оценок и суждений. Это отнюдь не поспособствует созданию научной типологии религиозных объединений.

Наглядно рассмотреть разницу между двумя методами нам помогут две типологии, которые широко известны в религиоведении. Первая – знаменитая дихотомия Трельча – Вебера «церковь-секта», в которую можно смело включить третье звено – деноминацию. Данная типология построена по методу идеального типа. Она безоценочна, объективна, что особенно важно в наше время «тоталитарных сект» и «деструктивных культов». Эта типология является умозрительно-утопической, построенной в отрыве от реальности, но в то же время актуальна по сей день, поскольку эту реальность отражает и позволяет ее структурировать, не отвлекаясь на мелкие, не типические ее свойства.

Вторая типология широко тиражируется в различных учебниках по религиоведению. Она представляет собой деление новых религиозных движений по методу конструктивного типа на неохристианские, неоориенталистские, синтетические, сциентистские, мистико-оздоровительные, неоязыческие, сатанинские и тоталитарные направления. Главные недостатки, виновные в нежизнеспособности данной типологии, являются следствием того, что она была основана на конструктивном типе.

Во-первых, обратившись к эмпирической действительности, минуя логику, автор данной типологии увидел множество явлений, и пытаясь охарактеризовать их, потерял лес за деревьями, а именно выделил множество типов, во многом упустив их суть. Одно и то же религиозное объединение может оказаться сразу в нескольких разделах данной типологии. К примеру, викканство можно отнести, по меньшей мере, к трем типам.

Во-вторых, такие определения как «тоталитарное» или «сатанинское» направление ясно показывают, что данная типология оценочна, и посему ее научная значимость весьма сомнительна.

Сравнение двух типологий религиозных объединений, основанных на двух методах, позволяет нам утверждать, что методология идеального типа более соответствует научному принципу объективности исследований и позволяет охватить все разнообразие феноменов религиозного мира.

Так же широкое распространение в современной России получили ряд методологий типологизаций религиозных объединений, которые определенно не могут быть использованы в качестве религиоведческой. Рассматривая типологизацию А. Дворкина (деление религий на «катарские секты» и «гностические секты») или А. Щипкова («зарубежные секты» – «аутентичные секты») мы видим, что методология, избранная данными авторами не имеет ничего общего с научной, начиная с искажения религиоведческого понимания термина «секта»⁸ и заканчивая отсутствием даже попытки объективного взгляда на религиозные объединения, явно выраженными оценочными суждениями.

Данные классификации не имеют системы, они не отображают мир религий во всем его многообразии и единстве, они лишь подогревают социальную напряженность общества.

К примеру, в Туле представители РПЦ МП не раз обращались в прокуратуру с жалобами на деятельность местного отделения «Общества сознания Кришны», имеющего тот же статус религиозной организации, что и РПЦ. При этом, следуя духу и букве типологизации А. Дворкина, представители РПЦ именуют вайшнавов не иначе как «деструктивной сектой», что не только оскорбляет достоинство последних, но и выходит далеко за рамки вероучительной дискуссии между представителями разных конфессий, не говоря уже о границах научного подхода.

Более того, в попытке взять на себя прокурорскую функцию, в многочисленных публикациях в СМИ члены миссионерского отдела Тульской епархии РПЦ выдвигали в адрес «Общества сознания Кришны» голословные обвинения в нарушении законодательства. Тульская прокуратура не раз заявляла, что деятельность «Общества сознания

⁸ Трельч Э. Церковь и секта./Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии / Сост. Гараджа В.И., Руткевич Е.Д. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 228.

Кришны» абсолютно законна, однако, к сожалению, официальные заявления прокурора меркнут перед красочными описаниями злодеяний «тоталитарной секты».

Несомненно, в рамках внутррелигиозных дискуссий представители различных религиозных организаций имеют право давать оценки деятельности друг друга, не соглашаться с иными вероучительными позициями, однако подобные оценочные суждения недопустимы для религиоведа как ученого. А в СМИ оценка деятельности «Общества сознания Кришны» представителями РПЦ МП преподносится как научное заключение, что, несомненно, формирует в общественном сознании негативный образ вайшнавов. И, к сожалению, рассмотренный нами пример отнюдь не единственный.

Вышеописанная ситуация показывает, что проблематика религиоведческой методологии имеет самое непосредственное отношение к вопросам реализации свободы совести. Более чем полно это утверждение иллюстрирует разработанный Министерством юстиции РФ Проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», а именно, исключение из текста закона статьи 7, посвященной понятию религиозной группы.

Фактически, из правового поля выпадает огромный пласт объединений, что равнозначно исключению из веберовской дихотомии «церковь-секта» понятия «секта». Аргументация чиновников вполне понятна: характеристики «религиозной группы», данные в законе размыты, нет указаний на численность, дату основания etc. Однако, вместо внесения необходимых корректировок в текст статьи, уточняющих данное понятие, предлагается вовсе вычеркнуть религиозные группы из числа религиозных объединений.

С методологической точки зрения подобное решение более чем ошибочно. Ведь основная цель религиоведческой методологии – классифицирование, описание, сопоставление феноменов религиозной жизни, что в свою очередь связано с фундаментальной задачей религиоведения в целом – с выявлением сущности религии. И если сейчас в российском законодательстве имеется методологически объективное и уместное разделение религиозных объединений на группы и организации, то с исключением религиозных групп сохранит ли свой методологический смысл понятие религиозной организации?

Очевидно, что вследствие принятия предлагаемых изменений, религиозные группы не перестанут существовать, продолжают появляться и развиваться. Но, фактически, вне государства, вне права. А на практике это добавит массу проблем в вопросах практической реализации свободы совести. Мы полностью согласны с тем, что «в данной ситуации применение может оказаться далеко не в пользу прав граждан – раз в Законе не содержится такого понятия как «религиозная группа», то и на практике таковых быть не должно. Примеров, когда нарушались права граждан на совместное исповедание веры, даже наша современная история знает не мало. От таких нарушений не спасает ни статус зарегистрированной религиозной организации, ни статус религиозной группы, ни наличие индивидуальных конституционных прав. В условиях широко распространённого правового нигилизма в нашей стране, в том числе среди тех, кто должен охранять наши права, не приходится надеяться на то, что надзорные органы будут относиться с должным уважением к конституционным правам граждан без особых указаний на это в иных законодательных актах. Поэтому предлагаемы Минюстом изменения, полагаем, приведут к возникновению еще большего количества вопросов и большего количества проблем в правоприменительной практике и потребуют дополнительных разъяснений со стороны компетентных органов, а также проведения ряда судебных процессов по защите прав граждан от необоснованных ограничений. Кроме того, возникает вопрос – какова цель законопроекта и достигается ли эта цель? Если цель состоит в усовершенствовании законодательства, то такую цель подобными методами достичь невозможно, так как с принятием законопроекта большая часть религиозных объединений перестанет существовать де-юре, продолжая свою деятельность де-факто. При этом религиозные группы не могут быть привлечены к ответственности, вплоть до запрета деятельности, поскольку они уже не будут являться субъектами, деятельность которых регулируется Законом о свободе совести. В этом случае логичным выглядит лишь один следующий шаг – запрет собраний для любых незарегистрированных религиозных сообществ»⁹.

⁹ Ряховский В.В., Пчелинцев А.В., Чугунов С.В. Свобода совести и вероисповедания под угрозой. www.kolokol.net/partners/439-svoboda-sovesti-pod-ugrozoi

Сегодня мы слишком много знаем о религиях мира, чтобы позволить себе роскошь и дальше руководствоваться порочной методологией «своих» и «чужих», не задумываясь над истинным значением терминов, называть НРД «тоталитарными культурами».

Выработка максимально объективной методологии типологизации религиозных объединений представляет собой не только узкий академический интерес, но насущную практическую необходимость. Пока на государственном уровне одни религиозные объединения именуется «деструктивными сектами», а другие – «титульными религиями», и, исходя из такого деления, первые притесняются, а вторые получают поддержку со стороны государства, принципы свободы совести и равенства религиозных объединений перед законом не смогут быть реализованы в той мере, в которой их гарантирует Конституция.

Список литературы

1. Вебер М. Наука как призвание и профессия // www.lib.ru/POLITOLOG/weber.
2. Шантепи де ла Соссе П.Д. Учебник по истории религии./Классики мирового религиоведения. Антология. – М., Канон+, 1996.
3. Красников А.Н., Гаврилина Л.М., Элбакян Е.С. Проблемы философии религии и религиоведения: учебное пособие. – Калининград: изд-во КГУ, 2003.
4. Мюллер М. Введение в науку о религии. /Классики мирового религиоведения. Антология. – М., Канон+, 1996.
5. Осипов Г. История социологии в Западной Европе и США // www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Osipov/13.
6. Философский энциклопедический словарь. Типология. // www.cyclopedia.ru/100/210/2686858.
7. Трельч Э. Церковь и секта./Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии./Сост. Гараджа В.И., Руткевич Е.Д. – М.: Аспект Пресс, 1996.
8. Ряховский В.В., Пчелинцев А.В., Чугунов С.В. Свобода совести и вероисповедания под угрозой // www.kolokol.net/partners/439-svoboda-sovesti-pod-ugrozoi.

METHODOLOGICAL PARADIGMS OF THE SCIENCE OF RELIGION: THEORETICAL BACKGROUND AND PRACTICAL IMPLEMENTATION

A.Y. ZORINA

*Tula State L.N.Tolstoy
Pedagogical University*

*e-mail:
owerlord777@mail.ru*

The article is devoted to specificity of a methodological problematics of religious studies. The author considers methodological principles of a science of religion, formulated by classics of religious studies and their practical realisation in modern conditions.

Key words: religious studies, methodology, foundations of methodology, ideal type.

УДК 17.022.1

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРА ФИЛОСОФСКОГО МЫШЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ

А.А. КЛЕЩЕНКО*Воронежский
государственный
университет**e-mail:
alexandr.kle@yandex.ru*

В статье подвергается критике имеющаяся абсолютизация значимости физкультуры и спорта в вопросах укрепления и физического, и духовного здоровья современного человека. Весьма часто акцент на физических параметрах в решении проблем улучшения здоровья молодежи является определяющим. В этом контексте наряду с понятием физическая культура необходимо говорить о «культуре философского мышления», которое является необходимым компонентом общей духовной культуры личности. Это понятие выводит в контекст «культуры глубинного общения».

Ключевые слова: здоровье молодежи, физическая культура, спорт, культура мышления, философия, образование, полноценная личность.

Сегодня остро стоит вопрос о здоровом образе жизни, особенно среди молодежи, в среде которой, «нездоровый образ жизни» более привлекателен и распространен. На здоровый образ жизни влияют множество факторов, среди которых, нравственность, от-рефлектированная в недрах философии, занимает одно из главных мест. Сейчас наиболее остро стоит вопрос о «нравственном здоровье» общества, в особенности молодежи. Однако в вопросе о здоровом образе жизни в последнее время на передний план выходит физический аспект, связанный с развитием физической культуры и спорта.

Важными мыслями для целей нашего исследования в этом контексте являются размышления о сущности образования академика Российской академии образования А.А. Королькова. Он пишет: «Образование, так или иначе, всегда ставило триединую задачу интеллектуального, духовного и физического развития учащихся, будь то дети или молодежь. Если об интеллектуальном развитии учащихся, в том числе студентов, заботятся немало (на это ныне и направлены основные усилия, связанные с инновационными преобразованиями обучения), если оживилось внимание также к физическому развитию молодежи, то менее значимые успехи можно отметить в духовно-нравственной сфере»¹⁰.

Однако сегодня распространена установка (в том числе и политико-идеологическая), что здоровый образ жизни, это, прежде всего, спортивный образ жизни. При таком подходе происходит дезинтеграция «телесного» и «духовного». Как отмечает И.М. Быховская: «Вряд ли кто-либо будет оспаривать тот факт, что распространенным и даже обычным стал подход, при котором телесно-физические качества человека являются объектом воздействия сами по себе, а интеллектуальные и духовные – сами, без какого-либо серьезного сопряжения их между собою». Такая несопряженность телесного и духовного начал в человеке, приводит, по мнению И.М. Быховской к двум крайностям: с одной стороны, к телесному негативизму, к девальвации смысла человеческого тела, а с другой, к «соматизации человека», возведению в абсолют его «мускульно-мышечных» или «бюстово-ягодичных достоинств»¹¹.

Это отмечают и другие исследователи. Характеристика нынешней ситуации приводит к таким констатациям: «превосходство мускулов охотно принимается населением за свидетельство собственной исключительности и силы»¹². Формируется своеобразный спортивно-физический стандарт или даже эталон человека, который ставит во главу угла исключительно физические параметры человека. Здоровый образ жизни с таким культивированием физической стороны совершенно не правомерно и не оправданно.

¹⁰ Корольков А.А. Органика культуры. Бийск, 2011. – С. 94.

¹¹ Быховская И.М. Аксиология телесности и здоровье: сопряженность в культурологическом измерении // Психология телесности между душой и телом. – М. : АСТ, 2007. – С. 55, 56.

¹² Шоломова Т.В. Современный патриотизм как явление массовой культуры // Образ России: Сборник научных статей. Санкт-Петербург: 2009. – С. 208.

Вообще гипертрофия физического аспекта и связанных с этим представлений о здоровом образе жизни как, прежде всего, физически здоровом образе жизни, являются частью евгенического проекта, который по своей сути есть миф и утопия. Так, в своем исследовании евгеники Ю.В. Хен показывает, что миф – это наиболее органичная форма для евгенических представлений: «Мечта о здоровье и долголетию, о талантах, которыми природа наделяет людей более скупой, чем хотелось бы, является неисчерпаемым источником фантазирования, лишенного связи с реальными возможностями человечества на каждом конкретном этапе его цивилизационного развития»¹³.

Иными словами, абсолютное здоровье, невозможно и не нужно, поскольку такие представления основаны на неверном (ограниченном и одностороннем) понимании человеческой природы, ее возможностей, сущности и закономерностей. Это хорошо понимали уже в античности. В «корпусе Гипократа» говорится, что «сделать всех здоровыми невозможно»¹⁴. Причем следствия этого непонимания не такие уж безобидные. Ю.В. Хен показывает, что в действительности евгеника была нацелена не столько на усовершенствование человека, сколько на управление размножением людей, что, в конечном счете, приводит к манипулированию людьми с самыми страшными последствиями.

Хорошо известно неравномерное проявление диспозиции «духовное-физическое», которое делает проблемным акцентировку лишь на физических аспектах телесного здоровья, культивируемых спором. Современный исследователь отмечает, что «имеющий физически развитое тело, красивую внешность и эмоционально обаятельный человек может быть признан нравственным уродом, что приведет к его неприятию в обществе; или, наоборот, обладая нравственно возвышенными качествами, неказистый, психически экзальтированный человек, вызывает восхищение и уважение у окружающих его людей. Подобные факты обуславливают наличие неиссякающего интереса в этико-философской среде к расшифровке данной специфики человека, выявлению корреляций между основными элементами его органической системы»¹⁵.

К тому же, необходимо помнить о том, что очень часто люди творческие, люди умственного труда часто не «дружат» со спортом. Это конечно можно поставить им в вину, указав на то, что как раз и необходимо умственное гармонизировать физическим, вспомнив при этом Л.Н. Толстого, Б.Л. Пастернака и др. Однако, проблема здесь все же глубже. Это на уровне некоего метафизического неприятия физкультуры и спорта, особенно в том виде, в которых они сегодня предстают. Точка зрения английского писателя-философа Д. Фаулза представляется весьма значимой и показательной, к которой нужно прислушаться и задуматься, чтобы избежать ошибки абсолютизации физического аспекта здоровья человека. Он говорит, что «длительные прогулки, возможно, очень полезны для здоровья, однако же, и пешие прогулки, и бег трусцой, и многие другие виды подобных физических упражнений представляются мне чрезвычайно скучными»¹⁶.

Позитивные стороны физкультуры и спорта, конечно, широко известны и всесторонне изучены давно. По этой теме существует невообразимо обширная литература. Так, согласно точке зрения известного ученого-этолога К. Лоренца, изложенной в его известной книге «Агрессия», спорт является особой ритуализованной формой борьбы, развившейся в культурной жизни людей. Положительные функции спорта, с точки зрения ученого, переоценить просто нельзя. Во-первых, он предотвращает социально вредные проявления агрессии; во-вторых, поддерживает в состоянии готовности функцию сохранения вида; в-третьих, учит людей сознательному контролю, ответственной власти над своими инстинктивными боевыми реакциями.

К. Лоренц называет важным культурным достижением «рыцарственность спорта», которую он характеризует следующим образом: «спорт благотворен в том смысле, что создает возможности поистине воодушевленного соперничества между над-

¹³ Хен Ю.В. Евгенический проект: «pro» и «contra». М., 2003. – С. 145-146.

¹⁴ Гипократ. Этика и общая медицина. Спб., 2001. – С. 184.

¹⁵ Бирюкова Э.А. Духовно-нравственное оздоровление человека: анализ сущности и виртуально-образных форм (этико-философское исследование). Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. Тула, 2010. – С. 29.

¹⁶ Фаулз Дж. Кротовые норы. М., 2004. – С. 542.

индивидуальными сообществами. Он не только открывает замечательный клапан для накопившейся агрессии в ее более грубых, более индивидуальных и эгоистических проявлениях, но и позволяет полностью проявиться и израсходовать ее более специализированной, сугубо коллективной форме»¹⁷.

Но при всех достоинствах спорта, в этом воззрении спорт предстает как механизм, с помощью которого социум канализирует коллективную агрессию – негативную разрушительную энергии. Это механизм выживания и приспособления, в котором собственно нравственные механизмы и характеристики, связанные с жертвенностью, милосердием, состраданием, просто-напросто отсутствуют.

Ставка на физическую культуру и спорт является одним из наиболее распространенных мер в поддержании и укреплении здоровья общества. «Необходимо усилить роль физической культуры и спорта в поддержании и укреплении здоровья населения». Такому воззрению присуща некоторая абсолютизация значения спорта: «Спорт на всех его уровнях – универсальный механизм для самореализации человека, для его самовыражения и развития. Именно поэтому за последние годы место спорта в системе ценностей современной культуры резко возросло. Мировое спортивное движение сегодня – одно из самых мощных и массовых международных движений. Олимпийское спортивное сообщество включает более 200 стран мира».

Однако, несмотря на усилия в этой сфере, ситуация продолжает оставаться неудовлетворительной. Этот же исследователь отмечает: «Приоритетным направлением социальной политики государства выступает развитие физической культуры и спорта. В условиях социально-экономических и политических преобразований особое значение приобретают вопросы укрепления физического и духовного здоровья человека, формирования здорового образа жизни. Однако, в действительности в нашей стране продолжает оставаться неудовлетворительным состояние здоровья населения»¹⁸.

Исток современной, с одной стороны экономической (коммерциализированной) сущности спорта, а с другой, идеолого-атлетической, раскрыт в работе Ж. Ле Гоффа и Н. Трюона, посвященной истории тела в средние века. Авторы выделяют два компонента идеологии тела, связанной со спортом: это экономизм и атлетизм. Они пишут: «Возрождение спорта в XIX веке после средневекового упадка объяснялось глубокими социальными и культурными переменами. Самая главная из них состояла в возникновении конкуренции, порожденной промышленной революцией и утвердившейся в экономике»¹⁹. Это приводит к появлению коллективных спортивных игр в мяч, что требовало создания команд. Английская аристократия изобрела регби, футбол и бокс, которые нашли распространение по всей Европе.

С другой стороны, в XIX веке утверждается новая культура и новая идеология тела, отвечавшая принципам гигиены, которая сопровождалась развитием гимнастики. Это приводит к атлетизму: «Повышению статуса гигиены способствовала еще одна идея, носившая более индивидуальный характер, – демонстрация тела. Она проявлялась в моде на атлетизм и отражала в новом контексте старую античную максиму: в здоровом теле – здоровый дух (*mens sana in corpore sano*)»²⁰. Весь этот комплекс экономических, социальных, символических и политических факторов, по мнению французских исследователей, привел к оформлению в XIX веке идеологии, опирающейся на опыт античности, что способствовало в 1986 году рождению Олимпийских игр.

В любом случае, экономизм, смешанный с политикой, и атлетизм как культ тела имеют слабую связь с духовно-нравственными аспектами физкультуры и спорта. Физическое развитие и физическое здоровье является безусловной ценностью. Однако для целей полноценного воспитания необходимо отметить, что нравственный потенциал физической культуры, как правило, остается вне поля зрения. Это не правильно, поскольку

¹⁷ Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М., 1994. – С. 260.

¹⁸ Киреев Д.С. Проблемы физической культуры и спорта в XXI веке // Духовное здоровье молодежи российских регионов в контексте обеспечения ее духовной безопасности (документы и материалы научн-практ. конференции). Белгород, 2008. – С. 274, 275.

¹⁹ Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в средние века. М., 2008. – С. 149-150.

²⁰ Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в средние века. М., 2008. – С. 150.

между физическим и духовным планами личности существует глубинная взаимосвязь: как нравственное влияет на физическое, так и физическое влияет на нравственное.

В этом контексте особое значение приобретают педагогические концепции, основанные на глубоко философском постижении человека. Ярким примером такой философско-педагогической системы («педагогическая трудовая система») является идея русского философа и педагога, ученика Г. Риккерта М.М. Рубинштейна. В своем фундаментальном труде «О смысле жизни» он развивает концепцию такого воспитания и образования, в основе которой лежит идея «всестороннего раскрытия человека как цельной личности». Это такая личность, которая способна творить жизнь и создавать смысл. Смысл и творчество, таким образом, является высшими целями воспитания и образования, который достигаются в ходе философского промысливания сущности человека.

Чтобы прийти к итоговой формулировке образовательно-воспитательной задачи М.М. Рубинштейн тщательно и основательно исследует «философию человека», начиная от античности до современных ему философов. В результате всестороннего изучения проблемы представлена типология личности, включающая все ее возможные измерения. Таковых четыре:

- 1) дитя природы, естества;
- 2) индивидуальность;
- 3) член социальных образований;
- 4) сочлен культуры.

Данная типология показывает важность каждого аспекта в развитии личности, устанавливая между ними верные иерархические соотношения, в том числе и между «физическим» и «духовным». Философско-педагогические мысли М.М. Рубинштейна имеют большую ценность для нашего исследования. Так, относительно первоначальной (естественно-природной) фазы в развитии личности М.М. Рубинштейн пишет: «В императиве «должен быть человек» прежде всего санкционируется его бытие, как животного, как естественной базы, и к педагогике предъявляется требование воспитать его жизнеспособность, иначе исчезнет и все остальное. Таким образом вырастает как первая необходимая задача воспитать здоровое, сильное, стойкое, жизнеспособное тело. В этой, с точки зрения многих, прозаической задаче сразу обнаруживается увлекательная черта выхода за голо животные задачи – в том, что здоровье, сила, стойкость, ловкость и т.п. физические свойства отливаются неизбежно в требование преодоление нескладности и воспитания гармоничного, физически красивого существа»²¹.

Это, важнейший эстетический момент физического воспитания человека, который, однако, при все его важности, не самодостаточен и требует дальнейшего развития, которое проецируется уже в этические задачи. М.М. Рубинштейн говорит о необходимости наряду с этим «воспитания жизнеспособности». Для этого нужно раскрыть «великое воспитательное значение организованного труда и трудовой школы».

Осмыслить сложную, полную противоречий внутреннюю, то есть духовно-нравственную сущность человека, чтобы определить меру его нравственного здоровья, оказывается весьма непростым делом, требующим глубокого философского анализа. Это очень сложное, неоднозначное и противоречивое понятие, которое достаточно проблемно эксплицировать в системе однозначно-непротиворечивых понятий. Здесь необходима особая методология, конгениальная духовной сущности человека.

В этом контексте заслуживает особое внимание понятие «культура философского мышления», которое наряду с понятием «физическая культура» необходимо для полноценного и гармоничного развития личности. Существует много исследований, посвященных культуре философского мышления. В данном контексте нам хотелось бы обратить внимание на понятие «культуры глубинного общения», введенного Г.С. Батищевым, которое, с нашей точки зрения, позволяет понять значимость философии для творческого становления личности, что является наиболее важным и существенным моментом общего развития молодого человека.

²¹ Рубинштейн М.М. О смысле жизни. Труды по философии ценности теории образования и университетскому вопросу: Том 1. М., 2008. – С. 563.

Г.С. Батищев развивает тезис Маркса о том, что «философия представляет собой живую душу культуры». Философ говорит о диалектике творчества, которая может быть опознана в свете истинной философии как подлинный смысл жизни и смысл человеческой деятельности, заключающийся в бесконечном становлении, саморазвитии, самосовершенствовании. «И тогда, – пишет Батищев, – уясняемое философским мировоззрением достойное место человека во Вселенной оказывается вовсе не некоей неподвижной Точкой, не Вершиной, но незавершимым путем в глубь неисчерпаемой и беспредельной своими богатствами объективной диалектики, царящей во всей Вселенной»²². Творчество, глубинное общение, путь жизни – оказываются связанными философией понятиями, которые из философской сферы, в которой получают метафизическую легитимизацию, возвращается в образовательную плоскость, становясь одним из наиболее действенных педагогических механизмов. Этот потенциал философии необходимо использовать в современном процессе образования, который претендует на то, чтобы и воспитать, и образовать полноценную личность во всех отношениях. Таков «философский императив» современной философии образования.

Список литературы

1. Корольков А.А. Органика культуры. Бийск, 2011.
2. Быховская И.М. Аксиология телесности и здоровье: сопряженность в культурологическом измерении // Психология телесности между душой и телом. – М. : АСТ, 2007.
3. Шоломова Т.В. Современный патриотизм как явление массовой культуры // Образ России: Сборник научных статей. Санкт-Петербург: 2009.
4. Хен Ю.В. Евгенический проект: «pro» и «contra». М., 2003.
5. Гиппократ. Этика и общая медицина. Спб., 2001.
6. Бирюкова Э.А. Духовно-нравственное оздоровление человека: анализ сущности и виртуально-образных форм (этико-философское исследование). Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. Тула, 2010.
7. Фаулз Дж. Кротовые норы. М., 2004.
8. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М., 1994.
9. Киреев Д.С. Проблемы физической культуры и спорта в XXI веке // Духовное здоровье молодежи российских регионов в контексте обеспечения ее духовной безопасности (документы и материалы научн-практ. конференции). Белгород, 2008. С. 274, 275.
10. Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в средние века. М., 2008. С. С. 149-1
11. Рубинштейн М.М. О смысле жизни. Труды по философии ценности теории образования и университетскому вопросу: Том 1. М., 2008.
12. Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. С.-Петербург, 1997.

PHYSICAL EDUCATION AND CULTURE OF PHILOSOPHICAL THOUGHT IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY PHILOSOPHY OF EDUCATION

A.A. KLESHCHENKO

Voronezh State University

e-mail:
alexandr.kle@yandex.ru

The article criticizes existing absolutization importance of physical culture and sports in the promotion of both physical and spiritual health of modern man. Quite often, the emphasis on physical parameters in the problem-solving to improve the health of young people is crucial. In this context, along with the concept of physical education to speak of a "culture of philosophical thinking," which is a necessary component of a common spiritual culture of the individual. This concept brings into the context of a "culture of deep communication."

Key words: young people's health, physical culture, sports, culture of thinking, philosophy, education, full personality.

²² Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. С.-Петербург, 1997. – С. 122.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРИНЦИПА НЕДЕЛАНИЯ В ОПЫТЕ ТОЛСТОВЦЕВ

И.С. КУДЮШЕВ

*Тульский
государственный
педагогический
университет
им. Л.Н. Толстого*

*e-mail:
iliakoodiushev@mail.ru*

В данной статье мы рассматриваем принцип неделания в религиозно – нравственном опыте толстовцев, взятым из учения Л.Н. Толстого. В статье говорится о принципе неделания в Восточных (даосизм) и западных (греческая (античная) культура) учениях, их влиянии на Льва Николаевича Толстого, и практическом применении их его последователями.

Ключевые слова: принцип неделания, религиозно – нравственное учение, автаркия, скептицизм, даосизм.

Принцип неделания является одним из основополагающих в религиозно – нравственном учении Л.Н. Толстого, ставший впоследствии одним из основных в опыте толстовцев. Этот принцип, взятый из различных религиозно – философских учений, переосмысленный и переработанный Толстым, являлся той нормой, по которой строили свою жизнь толстовские коммуны. Необходимо проследить те причины и исторические аспекты, в связи с которыми возник принцип неделания, который характерен для всех мировых цивилизаций.

Принцип непротivления злу является, прежде всего, правилом повседневной жизни, которое вывел для себя Лев Николаевич Толстой. Принцип неделания является одной из составляющих понятия непротivления, которую Л.Н. Толстой ставит во главу угла своего учения.

«И вопрос, и сомнение живого ума искреннего старика были, конечно, обоснованы. Большинство последователей Толстого, как и я, были внутренне удовлетворены тем, что нашли в его морали какой – то, более разумный и человечный путь жизни, но это внутреннее удовлетворение редко бывало полным и, следовательно, редко достигало уровня счастья»¹.

Принцип неделания у Л.Н. Толстого – это своеобразное переосмысление различных религиозно – философских традиций.

Каждое учение, имеющее в своем арсенале принцип неделания в той или иной форме, сформировалось в критический для своей страны период времени.

Даосизм возникает в эпоху Воюющих Царств, примерно во втором веке до н.э. Изначально это учение являлось реакцией на положение дел в стране: сторонники учения выступали за соблюдение общепринятых морально – этических норм, забытых в государстве, охваченном многовековой войной.

В результате основой этого учения стал антропоцентрический подход, где считалось, что человек – самодостаточная субстанция, которая должна жить и строить свою деятельность в естественных условиях, не применяя ничего лишнего. «Фактически это идеализированное родовое общество. Оказавшись перед реальной действительностью, Лао-Цзы смотрел не вперед, а пытался повернуть ход истории вспять»².

«Принципы недеания и самоестественности предполагали единение с природой и опрощение, важным аспектом которого был отказ от ухищрений цивилизации. И здесь даосы еще в древности предвосхитили многие антитехнократические и экологические идеи нашего времени»³.

¹ Булгаков В.Ф. О Толстом. Воспоминания и рассказы. – Тула, Приокское книжное издательство. 1978. – С.305.

² Титаренко М.Л. История китайской философии. – М., Прогресс. 1989. – С.48.

³ Торчинов Е.А. Даосизм. Дао- дэ цзин. – С- Пб, Мир Востока. 2004. – С.181.

«Лао-Цзы одним из первых наряду с ведийскими мудрецами и авторами «И цзин» выразил мировую идею обращения в естество»⁴.

В античной философии акцент смещается на самодостаточность человека. Характерно, что в периоды политических кризисов происходит обращение к морали: все вопросы познания сводятся к тому, что нужно делать и как нужно делать, чтобы обеспечить счастье за счет личного поведения. Меняется и трактовка понятия «счастье». В этот период в его содержание вкладываются такие качества жизни как «спокойствие», «отсутствие раздражителей», то есть того, что может нарушить гармонию человека. Это была пассивная форма существования в обществе. Таким образом, философия смещается в область личной этики.

Одной из таких школ стал античный скептицизм. Он вобрал в себя идеи предшествующих эпох. Например, те положения, согласно которым «все течет, все меняется», то есть текучесть всех вещей и явлений, и те, согласно которым чувственные впечатления и понятия – это разные вещи. Так же были открыты относительность всех явлений, которые воспринимаются через органы чувств, но также не было найдено оснований для оправдания выбора между двумя противоречащими утверждениями, так как они опираются на данные чувств и восприятий. Так же было установлено противоречие между постигаемым через чувства и постигаемым посредством ума.

«Античный скептицизм – оригинальное учение, если иметь в виду понимание задачи философии и ее содержание»⁵.

Этическая составляющая философских поисков, как и в Китае во время эпохи Воюющих Царств, сосредотачивалась на вопросах смысла бытия, назначения человека. Философ – мудрец, который обладает знанием о смысле жизни и умеет жить правильно, достигая состояния автаркии – безмятежного состояния духа, отрешенного от материальности мира.

Киренаики основывались на принципе удовольствия, полагая, что благо проявляется через познание удовольствия, отсюда – наслаждение – критерий блага. Таким образом, формируется принцип жизни, который отвергает внешние материальные блага, считая высшим благом наслаждение, высшее из которых – духовное наслаждение. Так, например, Феодор считал целью любой деятельности не наслаждение единичными удовольствиями, а радость, которая стоит выше всяких отдельных благ и предполагающую в том, кто к ней стремится, рассудительность.

Стремление к этой радости не должно вредить другим людям, следовательно, мудрец ориентирован на определенные ценности морали.

Образование и философия необходимы, согласно киренаикам, чтобы понять окружающую действительность, набраться мудрости и приблизиться к пониманию истины. Это поможет понять принцип «ухода от крайностей». Человек становится мудрецом, которому неведомы зависть, тщеславие, различные страсти и суеверия.

Мудрецы отстранены от внешних форм жизни, в том числе и от политической, например, государства, считая, что все ценности сосредоточены в духовном мире человека, «микросмосе».

«Философы, прежде всего стоики и киренаики, считали условием добродетельной жизни «освобождение человека от власти внешнего мира, и прежде всего – от политической – социальной сферы»⁶.

Принцип «неделания» Толстого тесно связан с непотворением злу насильем. Не противиться злему – значит ни в мыслях, ни в поступках или действиях не пресекать зло, которое совершается над человеком или еще как-либо. Ни сам человек, который терпит зло, ни кто – либо другой не должны, по мнению Толстого, «вмешиваться» в происходящее. «Не противься злему; никогда, ни в коем случае всякий да не противься» (письмо к г. Кросби)⁷.

⁴ Лукьянов А.Е.. Лао-Цзы и Конфуций: философия Дао. – М., Восточная литература РАН. 2000. – С.20.

⁵ Асмус Ф.В. Античная философия. – М., «Высшая школа», 1976. – С.405.

⁶ Введение в философию. – М., Республика. 2005. – С.55.

⁷ Лев Толстой. Pro et Contra Антология. Ред.: Д.К. Бурлака, А.А. Грякалов / Издательство Русского Христианского гуманитарного института. – С-Пб. 2000. – С.265

Для Толстого неприемлем никакой компромисс в этом вопросе. Толстой считает, как замечает С.Л. Франк, что «никогда, ни при каких условиях и ни по каким мотивам нельзя совершать дурных поступков»⁸.

В религиозно-нравственном учении Л.Н. Толстого произведен синтез восточной мудрости и античной рациональности. Однако Толстой интерпретировал «неделание» в своем ключе, не так как в других культурах. Для него неделание – это отказ от дурных помыслов, от дурных действий, переход от «тела» к «душе».

Из всего вышесказанного можно заключить, что Лев Толстой, изучая и анализируя различные философии, сумел синтезировать их в своем духовно-нравственном учении.

Его учение нашло широкий отклик во время его жизни и после его смерти.

В разных странах мира появляются общины и коммуны, которые строят свою жизнь согласно принципам религиозно-нравственного учения Л.Н. Толстого.

У толстовских коммун данный принцип проявлялся, прежде всего, в отказе от воинской службы, неучасти в политической жизни, «в совершенном отрицании вражды, убийства»⁹. Толстовцы не признавали государства как главного источника насилия в обществе, считая альтернативой ему общинную жизнь, а любой иерархии – братство.

Эти правила были присущи духоборам, чьей судьбой интересовался Лев Толстой. В 1887 году с введением всеобщей воинской повинности, жившие на Кавказе духоборы открыто заявили о своем отказе от военной службы, уничтожив все имеющееся у них оружие.

В истории различных народов были схожие процессы и явления, которые осмысливались философами и мудрецами, и, по сути, они приходили к одному решению. В данном случае – следовании своей природе, ненарушению ее законов.

Таким образом, переосмысленное и переработанное понимание принципа неделания стало той идейной (жизненной) основой, на которую опирались и сам Л.Н. Толстой, и его последователи.

Список литературы

1. Булгаков В.Ф. О Толстом. Воспоминания и рассказы. – Тула, Приокское книжное издательство. 1978.
2. Титаренко М.Л. История китайской философии. – М., Прогресс. 1989.
3. Торчинов Е.А. Даосизм. Дао-дэ цзин. – С-Пб, Мир Востока. 2004.
4. Лукьянов А.Е.. Лао-Цзы и Конфуций: философия Дао. – М., Восточная литература РАН. 2000.
5. Асмус Ф.В. Античная философия. – М., «Высшая школа», 1976.
6. Введение в философию. – М., Республика. 2005.
7. Лев Толстой. Pro et Contra Антология. Ред.: Д.К. Бурлака, А.А. Грякалов / Издательство Русского Христианского гуманитарного института. – С-Пб. 2000.
8. ГАУТО. Ф. Р-263, Д.8.

RELIGIOUS–MORAL BASES OF A PRINCIPLE OF INACTIVITY IN EXPERIENCE BY L.N. TOLSTIY'S FOLLOWERS

I.S. KOODIUSHEV

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

e-mail:

iliakoodiushev@mail.ru

The author considers a principle Principle of inactivity in Religious-moral experience of L.N. Tolstoy's followers as taken from the Tolstoy's doctrine. The paper observes a principle of inactivity in east (Taoism) and western (the Greek (Antique) culture) doctrines, their influence on Tolstoy's and practical application by its followers.

Key words: inactivity principle, religious-moral doctrine, autarchy, scepticism, Taoism.

⁸ Там же.

⁹ ГАУТО. Ф. Р-263, Д.86

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ

Л. У. КУРБАНОВА

ГНГУ

им. ак. М. Д. Миллионщикова

Е-мэйл: medna59@mail.ru

В статье рассматривается проблема гендерной идентичности сквозь призму социальных и культурных стереотипов, где личность использует пути формальной идентификации, не соотносимые с ее сущностью. На основе анализа теоретических концепций в рамках русской и западной философской традиции рассмотрения пола, автор приходит к выводу, что сущностная характеристика индивида привносит в мир новые смыслы, способствующие переоценке аксиологических основ, где мужчина и женщина – это не иерархизированный мир, а мир двух разных равноценных культурных пластов.

Ключевые слова: гендерная идентичность, структурирование и функционирование личности, личное пространство, социокультурная трансформация.

Вектор развития социальной реальности в условиях глобализации направлен на изменение, трансформацию бытийных основ отдельного индивида, его внутреннего мира. Проблема становления идентификации личности в планетарном масштабе и соотношение ее с уже имеющимся конструктом идентичности и идентификационных практик, является на настоящий момент одной из ключевых проблем для понимания трансформационных процессов во всех сферах жизнедеятельности человека.

Усиливается актуализация данного дискурса параллельным процессом автономизации личного пространства индивида, индивидуализацией и плюрализацией его социального бытия, особенно в контексте пола.

Отсюда индивидуализация и плюрализация социального бытия влечет за собой неизбежность признания не только разных типов маскулинности/фемининности, но и таких индивидуальных стилей жизни, которые вообще не вписываются в эту дихотомию.¹ Идентичность является открытой системой², поэтому процесс изменения идентичности как мужчины, так и женщины – это взаимообусловленная смена мировоззренческих установок дополняющих и обогащающих и друг друга, и окружающий мир. Принципиальная открытость миру предполагает, что человек сталкиваясь с этим миром самоидентифицируется под воздействием этого мира, меняет себя, но не меняя себя, он меняет этот мир.

По мнению Е. Трубиной самоидентификация индивида есть его установление тождества с самим собой через активное изменение внешнего влияния. В связи с этим, основными структурными составляющими самоидентификации являются следующее:

1. Тождество «Я» (сознания, разума).

2. Идентификация постоянного или продолжающегося единства деятельности (персональности, индивидуальности, характера) через изменение деятельности или поведения. Среди прочего это предполагает: а) существование памяти; б) способность идентифицировать себя (свою самость); в) способность никогда не утрачивать знание чего-то, что случилось или происходит с тобой (Эго, Я).³

Подчеркнем, что принципиальная важность, на наш взгляд, отводится преобразующей составляющей в личностном процессе гендерной идентификации, влияние этого процесса на изменение социокультурных установок, существующих нормативных ценностей. В процессе функционирования в обществе личность использует пути формальной

¹ См.: Куприянова И.С. Конструирование гендерной нормы в современном российском обществе: Автореферат дисс. ... канд. социол. наук. Саратов, 2004. – С. 4.

² З. Жаде, Е. Куква, С. Ляшева, А. Шадже. Российская идентичность на Северном Кавказе. Москва – Майкоп, 2010, – С. 23.

³ Трубина Е.Г. Рассказанное Я: Проблема персональной идентичности в философии современности. Екатеринбург, 2005. – С. 15.

идентификации, не соотносимые с ее сущностью. Вместе с тем, рассмотрение такого специфического вида идентификации является необходимым, так как он осуществляется с теми же онтологическими характеристиками, что и иные. И имеет своеобразную социальную функцию включение личности в формальные общественные структуры.⁴ Такой подход позволяет в новом ракурсе определить роль социокультурных трансформаций, определяющих новую динамику структурирования и функционирования личности в становлении ее половой самоидентификации. В этом контексте любопытны рассуждения современного немецкого философа В. Хесле. Осмысливая временную и непространственную природу сознания, он утверждает: «В то время как реальная идентичность физического предмета предполагает непрерывное существование его пространственной структуры, идентичность ментального акта основывается на других условиях. Ментальный акт не происходит в пространстве, он может продлить свое существование лишь в другом ментальном акте. Поэтому чрезвычайно важным фактором сохранения идентичности является память. Каждый ментальный акт некогда станет прошлым, поэтому он неотъемлемо от того временного измерения, единственно в котором он может длиться и сохраняться: продолженность в будущее не менее характерна для сознания, чем продленность в прошлое».⁵ На структуру идентичности влияют временные рамки прошлого, настоящего и будущего. Сознание индивида не просто пассивно отражает мир, но инстинктивно выбирает из всей доступной и навязываемой ему информации ту, которая оптимально способствует его росту. Его «социальное Я» (выражение Дж. Мида) развивается под влиянием мира людей, являющимся таким же «Я», но по отношению к нему это «Я» «Другого». Так как пол – это важнейшая сущностная характеристика индивида, все наши рассуждения укладываются в логику формирования и смены идентичности мужчины и женщины, способы и формы их взаимодействия и выявление результатов их взаимодействия как вариации смены социокультурной реальности общества.

Именно перед лицом «Другого» в лице мужчины идентифицируется природное и социальное «Я» женщины. Говоря «Я» она очерчивает границу своего бытия, не позволяющую «Другому» (мужчине) отчуждать его. В. Хесле выделяя структуру идентичности, предлагает следующую классификацию: 1) чувства, затрагивающие отдельные части тела; 2) чувства, относящиеся к телу в целом; 3) чувства, затрагивающие душу; 4) интеллектуальные чувства.⁶

Рассматривая тело как сущностное начало женского бытия А. Рич считает, что для него характерно состояние «мыслить через тело». Эта способность вырастает из своеобразия психобиологической структуры женщины: «высокого уровня развития тактильного восприятия, дара пристального наблюдения, стойкости к перенесению боли, многомерного вживания в телесность...».⁷ А. Рич утверждает, что женская биология наполнена духовными возможностями, проистекающими из целостности женского мышления, основанного на тесной связи между ее телом и сознанием. Реабилитация женского телесного бытия, через признание ее достоинств, требует изменения коннотации низшего и ущербного, господствующего в социокультурной реальности прошлых эпох. Только устранение негативных коннотаций с женского тела приведет, во-первых, к снятию теоретического неприятия, характерного для современных теорий феминизма, а во-вторых, к восстановлению и новому прочтению пола женщины как ее сущности. Следовательно, отношению индивида к своему телу, к природе его реакций составляет структурный компонент гендерной идентификации.

Половая принадлежность влияет на различные процессы присущие жизнедеятельности человека: влечения, взаимоотношения с миром, стиль поведения, вкусы, соци-

⁴ Полежаева Н.П. Идентификация как фактор становления и функционирования личности: Дис. ... канд. философ. наук. Омск, 2006. – С.50.

⁵ Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Сборник работ западных философов XX-XXI вв. «Апокалипсис смысла». М., 2007. – С.24.

⁶ Там же. – С. 25.

⁷ Цит. по: Брант Г.А. Философская антропология феминизма: природа женщины. Екатеринбург, 2004. – С. 149.

альные половые роли, действия и поступки⁸ Все эти теоретические рассуждения отражают и логически продолжают концепцию Г. Зиммеля. Нужно отметить, что, в контексте исторического становления западноевропейской философской мысли, посвященной проблемам пола (обсуждениям вопросов идентичности мужчины и женщины, особенностей мужского и женского самоопределения в мире и т.п.), работы Георга Зиммеля, крупного философа и социолога рубежа XIX–XX веков, занимают особое место. Зиммель, исходя из предельных предпосылок бытия мужчины и женщины в мире, пытался показать: во-первых, маскулинную ориентацию всей современной цивилизации, а, во-вторых, приписывал женщине обладание едва ли не высшими, по отношению к мужчине, бытийными характеристиками человеческой жизни. Именно женщина оказывается в его теории вписанной в «жизнь» наиболее органично и адекватно.

Мужчина дуалистичен, релятивен, в то время как женщина абсолютна, полностью заключает в себе свой пол. Для женщины ее бытие и идея непосредственно едины, и потому даже если судьбой ей уготовлено одиночество, она никогда так не одинока как мужчина. Она всегда у самой себя дома, тогда как дом мужчины находится вне его. Мужчина может сколько угодно жить и умирать за идею, она всегда останется вне его, она составляет для него бесконечную задачу.⁹ Обратной стороной этой драмы и является все грандиозное здание человеческой культуры. То есть, культура – результат априорного жизненного дискомфорта мужчины. Для женщины же с ее «глубокой погруженностью в жизнь» никогда в такой степени не будут значимы социальные идеи, культурные нормы, искусство, наука, философия и мораль. Это совсем не означает неполноценности женщины как человека, скорее наоборот, но именно мужское авторство культуры стало причиной фундаментального полового дисбаланса в нашей цивилизации.

Данная идея, по сути, является стержневой идеей в работе Зиммеля: мужской пол в сложившейся культурной традиции не просто превосходит женский, а представляет собой по сути то общечеловеческое начало, которое определяет все нормы проявления как женского, так и мужского. Мы оцениваем все социальные достижения, все свойства человеческого характера, все качества мужественности и женственности по определенным нормам, однако, нормы эти не нейтральны в отношении пола – они имеют мужское основание. Иными словами, Зиммель доказывает, что наша цивилизация носит одномерно маскулинный характер, что в ней произошла тотальная подмена, «объективное – мужское» оказалось непреложным тождеством: «для нас характерно мужские проявления понимать именно как надспецифические, нейтральные и объективные».¹⁰

Основной своей задачей Зиммель считал доказательство необходимости переосмыслить существующее положение вещей. Будучи сам в течение длительного периода приверженцем рационалистического способа мышления и соответственного ему мировоззрения, он прекрасно понимает логику возникновения полового дисбаланса, как необходимого следствия оценки духовно-социальной сферы, как сферы высшего проявления человека. Однако, с точки зрения новой философской позиции автора, главным оказывается не дух, не социальные достижения человека, а «жизнь» как непосредственное внутреннее переживание человеком себя в мире. И рассмотрение разницы данного переживания у мужчины и женщины показывает всю степень несправедливости непризнания «самостоятельности женского жизненного принципа». Так он утверждает: «Возведение мужского в ранг абсолютного, объективного и всеобъясняющего начала ... имеет фатальные последствия для оценки женского. С одной стороны, это приводит к мистифицированной переоценке женщины, поскольку все равно всегда было ощущение, что она существует на совершенно другой нормативной основе, по другим критериям, а неизвестное и непонятное часто приводят к переоценке, страху и трепету. Но, с другой стороны, и все унижение женщины исходит из того, что существование женщины оценивается по критериям, смоделированным для противоположного пола»¹¹

⁸ Курбатов В.И. Мужчина и женщина: коллекция взаимных заблуждений. Ростов-на-Дону, 2004. – С. 128.

⁹ Фризби Д. Социологический импрессионизм: переоценка социальной теории Георга Зиммеля // Современные западные исследования социологической классики: Реферативный сб. Вып. 1. Г. Зиммель. М., 1992. – С. 19.

¹⁰ Там же. – С. 24.

¹¹ Фризби Д. Социологический импрессионизм: переоценка социальной теории Георга Зиммеля // Современные западные исследования социологической классики: Реферативный сб. Вып. 1. Г. Зиммель. М., 1992. – С. 31.

Зиммель по сути подводит читателя к тому, что женщина, поскольку она имеет более прочную укорененность в «скрытом и непознаваемом единстве жизни», есть в определенном смысле более совершенный тип человека, чем мужчина – именно потому, что ее взаимодействие с миром не нуждается по сути в опосредовании культурой.

То же самое и в области познания, в частности вечного упрека женщинам в недостатке логики. Ведь логика, – считает Зиммель, – представляет собой тотальное разграничение нормативного и идеального от реального и непосредственного. Ввиду такой природы логических форм, идея и реальность в нашем мышлении оказываются противоположностями. Но подобный дуализм противоречит женскому принципу. В своей полноте этот принцип фокусируется не на различении идеи и реальности, а на их единстве. Поэтому для женщины так часто непонятны те титанические усилия, которые предпринимают мужчины в различных сферах деятельности по соединению бытия с идеей. То, что для мужчин является результатом абстракции, воссоединения ранее дуалистически расколотого мира, женщине дан непосредственно, изначально.

Такова общая концепция философии пола Г. Зиммеля, выраженная им в работе «Относительное и абсолютное в проблеме полов». Другой фундаментальной работой по обсуждаемой проблеме является его статья в двухтомнике, сравнительно недавно опубликованный в нашей стране «Женская культура». Здесь разделение между приоритетных сфер бытия: «мужчина – культура, женщина – природа» не только не опровергается, но, напротив, получает новое теоретическое подкрепление. Зиммель утверждает, что сознание мужчины содержит очень много чисто функционального, то есть, того, что можно было назвать делом (пол-функция), где сознание своего пола и собственная идентичность не занимает никакого места. Женщину, напротив, никогда не оставит отчетливое и в то же время неясное чувство, что она женщина. И это чувство создает основу, на которой разворачивается содержание всей ее жизни. Однако, подчеркивает Г. Зиммель, мужчина больше нуждается в женщине для своей половой идентичности и самоопределенности, а не наоборот, как считают, обычно. «Дело в том, что для женщины ее женская суть гораздо важнее, чем для мужчины мужская. Для него пол-это деятельность, для нее – бытие. Для мужчины его мужественность (как характеристика пола) гораздо теснее связана с его отношением с женщиной, чем женственность женщины с отношением к мужчине¹²

Таким образом, Г. Зиммель подтверждая стержневую идею культурной традиции, выражающейся в том, что наша цивилизация носит одномерно маскулинный характер, подчеркивает обратную сторону этой драмы. Культура – результат априорного жизненного дискомфорта мужчины. Для женщины, с ее «глубокой погруженностью в жизнь», никогда не будут в такой же степени значимы социальные идеи, культурные нормы, искусство, наука и мораль. Это совсем не означает неполноценности женщины, ущербности сути ее идентичности, скорее наоборот. Именно мужское авторство культуры стало причиной фундаментального дисбаланса в нашей цивилизации, определив различные культурные среды: культуру мужчины и культуру женщины, где погруженность в природу своего пола, определяет сущностные характеристики идентичности наряду с культурой.

В русской религиозной философии проблема женщины, женской природы занимает уникальное место. Не вдаваясь в подробный анализ творчества русских религиозных философов по проблеме пола, мы только отметим, что В. Розанов подтверждает мысль Г. Зиммеля и пишет о кризисе «односторонней мужской цивилизации: «Культура наша, цивилизация, подчиняясь мужским инстинктам, пошла по уклону специфически мужским путем».¹³

Принцип мужественности, наряду с женственностью, рассматривается в русской философии как «метафизический и космический принцип» В книге «Смысл творчества» Н. Бердяев пишет «В женском есть такое же вечное-богоподобное, как и в мужском. Человек-андроген не мужчина. Не дробное распавшее существо. А юноша-дева. Мистики чувствовали андрогинизм нового Адама-Христа. Только этим можно объяснить отсутст-

¹² Цит. по: Г. Брант. Философская антропология феминизма: природа женщины. СПб., 2006. – С. 71.

¹³ Розанов В. Женщина перед великою задачей // Розанов В. Соч. т. 1. М., 1990. – С. 245.

вие в абсолютном Человеке, в котором должна быть заложена полнота бытия, жизни пола, похожей на жизнь человеческого рода. В абсолютном Человеке, в новом Адаме не может быть дифференцированной, падшей жизни пола». ¹⁴ По мнению Н. Бердяева, культ вечной женственности был путь к освобождению от злой поработавшей женственности эмансипации.

Русский философ рассматривает эмансипацию как уродство, покоившееся на вражде полов. Он считает уравнение полов в форме феминистского движения «кризисом рода». Андрогинизм, автор считает, сверхприродным восхождением. «Женщина, механическим подражанием, из зависти и вражды присваивает себе мужские свойства и делается духовным и физическим гермафродитом. Женская эмансипация, конечно, является симптомом кризиса рода, надлома в поле, и она лучше лицемерного принуждения в старой семье, но в ней нет нового человека и новой жизни». ¹⁵

Как видим, «точки соприкосновения» на место мужчины и женщины в цивилизации в западной и русской философии очень противоречивы, а порой и противоположны, несмотря на кажущуюся однородность суждений о маскулинной природе человеческой цивилизации. Об этом высказывался в своих ранних статьях А.Ф. Лосев. «... Русской философии, в отличие от европейской, чуждо стремление к абстрактной, чисто интеллектуальной систематизации взглядов. Она представляет собой чисто внутреннее, интуитивное, чисто мистическое познание сущего, его сокрытых глубин ...». ¹⁶

Данный тезис представляется принципиальным, поскольку способ мышления является фундаментальной основой любой иерархии ценностей. Сам факт жесткой связи качества человеческой сути с рациональной сферой, присущей западной философии, проявляется фактическим признанием неполноценности женщины. Тогда как в русской философии признание женской индивидуальности ее полноценной самости возможно только вместе с мужчиной и он цел, только вместе с ней. «Полной человеческой индивидуальности нет, пока не преодолен пол... Мужчина не только не есть «нормальный тип человека, но вообще не человек сам по себе, не личность не индивидуальность без любви... И женщина пол, половина, осколок». ¹⁷

Таким образом, рассмотрение нами процессуальных и структурных аспектов гендерной идентичности привело нас к следующим выводам:

1. Процесс социализации в разных ее проявлениях (прямая и косвенная) является важнейшим социальным институтом, где формируется гендерная идентификация и самоидентификация личности. Теория социального обучения, учитывающая комплексный подход, является, на наш взгляд, наиболее перспективным, в рамках которого могут разворачиваться процессуальные характеристики конструирующие половую идентичность индивида.

2. Реабилитация женского телесного бытия через признание ее достоинств требует изменения коннотации низшего и ущербного, господствующего в социокультурной реальности традиционной культуры. Только устранение негативных символических языковых систем с женского тела приведет, во-первых, к снятию теоретического неприятия, характерного для современных теорий феминизма, а во-вторых, к восстановлению и новому прочтению пола женщины как ее сущности.

3. Индивидуализация и плюрализация социального бытия влечет за собой неизбежность признания не только разных типов маскулинности/фемининности, но и таких индивидуальных стилей жизни, которые вообще не вписываются в эту дихотомию. А процесс изменения идентичности как мужчины, так и женщины – это взаимообусловленная смена мировоззренческих установок дополняющих и обогащающих друг друга и окружающий мир.

¹⁴ Бердяев. Н. Смысл творчества. М., 2004. – С. 181.

¹⁵ Бердяев. Н. Смысл творчества. М., 2004. – С. 180.

¹⁶ Лосев А.Ф. Русская философия // Русская философия. Очерки истории. Екатеринбург, 1996. – С. 71.

¹⁷ Бердяев Н. Метафизика пола и любви. // Русский эрос или философия любви в России. М., 1991. – С. 250.

Список литературы

1. Куприянова И.С. Конструирование гендерной нормы в современном российском обществе: Автореферат дисс. ... канд. социол. наук. Саратов, 2004.
2. З. Жаде, Е. Куква, С. Ляушева, А. Шадже. Российская идентичность на Северном Кавказе. Москва – Майкоп, 2010.
3. Трубина Е.Г. Рассказанное Я: Проблема персональной идентичности в философии современности. Екатеринбург, 2005.
4. Полежаева Н.П. Идентификация как фактор становления и функционирования личности: Дис. ... канд. философ. наук. Омск, 2006.
5. Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Сборник работ западных философов XX-XXI вв. «Апокалипсис смысла». М., 2007.
6. Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Сборник работ западных философов XX-XXI вв. «Апокалипсис смысла». М., 2007. Цит. по: Брант Г.А. Философская антропология феминизма: природа женщины. Екатеринбург, 2004.
7. Курбатов В.И. Мужчина и женщина: коллекция взаимных заблуждений. Ростов-на-Дону, 2004.
8. Фризби Д. Социологический импрессионизм: переоценка социальной теории Георга Зиммеля // Современные западные исследования социологической классики: Реферативный сб. Вып. 1. Г.Зиммель. М., 1992.
9. Фризби Д. Социологический импрессионизм: переоценка социальной теории Георга Зиммеля // Современные западные исследования социологической классики: Реферативный сб. Вып. 1. Г.Зиммель. М., 1992.
10. Фризби Д. Социологический импрессионизм: переоценка социальной теории Георга Зиммеля // Современные западные исследования социологической классики: Реферативный сб. Вып. 1. Г.Зиммель. М., 1992.
11. Цит. по: Г. Брант. Философская антропология феминизма: природа женщины. СПб., 2006. С. 71.
12. Розанов В. Женщина перед великою задачею // Розанов В. Соч. т. 1. М., 1990.
13. Бердяев. Н. Смысл творчества. М., 2004.
14. Бердяев. Н. Смысл творчества. М., 2004.
15. Лосев А.Ф. Русская философия // Русская философия. Очерки истории. Екатеринбург, 1996. С. 71.
16. Бердяев Н. Метафизика пола и любви. // Русский эрос или философия любви в России. М., 1991.

GENDER IDENTITY WITHIN SOCIAL AND CULTURAL PARADIGM**L.U. KURBANOVA***Grozny State Oil Institute
after M. D. Millionshikov**e-mail: medna59@mail.ru*

This article deals with the problem of gender identity through the prism of social and cultural stereotypes wherein a personality exploits ways of formal identification incomparable with its essence. On the basis of the theoretical concepts analysis within the framework of the Russian and Western philosophic traditions of gender study the author comes to the conclusion that the essential description of a personality brings forth new meanings that foster the reassessment of axiological basics whereas man and woman are not an hierarchical realm but the realm of two different equivalent cultural layers.

Key words: gender identity, structuring and functioning of a personality, personal space, social and cultural transformation.

УДК 130

ИДЕЯ СОГЛАСИЯ В КОНТЕКСТЕ ЖИЗНИ, СУДЬБЫ И ТВОРЧЕСТВА П. А. СОРОКИНА

М. П. МЕНЯЕВА*Челябинская
государственная
академия культуры
и искусств**e-mail: kaf-fil@cngaki.ru*

Целью настоящей статьи является осмысление идеи согласия в контексте жизни, судьбы и творчества П. А. Сорокина. Идея согласия в статье является средством интерпретации размышлений П. А. Сорокина о культуре, личности и обществе, а также его концепции конвергенции культур.

Ключевые слова: согласие, интеграция, культура, культурные суперсистемы, альтруистическая любовь, конвергенция культур, единство, сотрудничество.

В современном мире нарастают конфронтационные тенденции между разными странами и государствами, усиливаются конфликты и разногласия на межкультурном, межнациональном и межличностном уровнях, в связи с чем становится необходимым согласие, идея которого пронизывает жизнь, судьбу и творчество всемирно известного мыслителя XX в. Питирима Александровича Сорокина (1889–1968). Он соединил в себе талант философа, социолога и культуролога. Являясь русским по происхождению, в 1922 г. П. А. Сорокин вынужденно эмигрировал из СССР в США, поэтому его жизнь связана с двумя периодами – российским и американским. Питирим Александрович Сорокин жил на рубеже веков, возможно, поэтому в его творчестве получила развитие идея согласия, а умение согласовывать оказалось важным в его личной биографии. П. А. Сорокин согласовал в своей жизни различные виды деятельности: общественно-политическую, педагогическую и научную. Он синтезировал традиции русской и западной наук, поэтому логика его мышления созвучна мыслителям, учения которых характеризуются идеалистической, религиозной и позитивной направленностью. Ему удалось мыслить интегрально. П. А. Сорокин сумел открыть то предельное основание, которое обеспечивает единство человечества, показав необходимость многомерного диалога и толерантности между культурами. Присущая самому П. А. Сорокину толерантность позволила ему не только синтезировать опыт и согласовать ценности русской и американской культур в собственной жизни, но вместе с тем критично взглянуть на обе культуры. Находясь в США, ученый-эмигрант из России сумел увидеть недостатки советской коммунистической системы, а за внешним благополучием Америки – проблемы в ее духовной жизни.

В США П. А. Сорокин предпринял попытку создать синтетическое учение. Его фундаментальный труд «Социальная и культурная динамика» (1937–1941) – четырехтомное исследование смены основных систем искусства, научного знания, этики, права и социальных отношений – стало результатом совместной деятельности круга единомышленников П. А. Сорокина. В него вошли: философы Н. Лосский, И. Лапшин, экономист П. Савицкий, историк С. Пушкарёв, специалисты по военной истории, генералы А. Зайцев, Н. Головин, специалист по искусству Византии Н. Окунев, социолог Н. Тимашев, культуролог Ю. Болдырев и др. В этом труде представлена интегральная система общественного развития и осуществлен анализ основных областей западной культуры. На основе обширных данных автор констатировал, что все важнейшие аспекты жизни, уклада и культуры западного общества переживали в то время кризис – разлад согласованной функциональности.

П. А. Сорокин выделял следующие формы согласования, интеграции, которые являются вариантами приспособления человека к природе:

- 1) механическое соседство (скопление);
- 2) косвенная ассоциация (возникает под воздействием общего внешнего фактора);
- 3) причинное или функциональное единство (в нем части непосредственно связаны друг с другом или же – если они связаны косвенно – при помощи особых внутренних

«центров», которые ближе им по своей «природной сути», чем это бывает при чисто внешней интеграции).

4) логико-смысловая интеграция (когда общим знаменателем служит главный смысл или идея)¹.

По мнению П. А. Сорокина, логико-смысловые единства можно обнаружить только в той сфере, которая включает в себя человеческую мысль и воображение, т. е. в сфере человеческой культуры, причем лишь в той ее части, которая является результатом деятельности человеческого ума, будь то наука, религия, искусство, философия, мораль или техника. Иначе говоря, «смысловая и логическая интеграция, по определению, может существовать лишь там, где есть разум и смысл»². Отсюда, по П. А. Сорокину, высшие ценности и комплексы ценностей любой великой культуры относятся к разряду логико-смысловых единств, именно этот уровень и придает ей ее социокультурную и логико-смысловую индивидуальность, её особый стиль, облик и характер.

П. А. Сорокин рассматривал культуру как надорганическое явление, которое представляет собой системное образование со смысловым принципом взаимосвязи всех его бесконечно многообразных составных элементов, тем самым отличающееся от культурных скоплений. По мнению мыслителя, культурных систем может быть неисчерпаемое множество. Однако среди них выделяются пять главных: язык, наука, религия, искусство, этика. Их сочетание в определенной интегрированной конфигурации образует суперсистемы – системы самого высокого уровня, сфера которых превосходит отдельные общества.

П. А. Сорокин различал две противоположные культурные суперсистемы («чувственную» и «идеациональную»), взаимодействие которых влечет за собой появление промежуточной между ними, компромиссной, согласующей их как две крайности («идеалистической»). П. А. Сорокин отмечает, что все интегрированные культуры в действительности оказываются состоящими из различных соединений двух чистых логико-смысловых форм. В некоторых преобладает первый тип, в некоторых – второй, а в каких-то они оба смешаны в равных пропорциях и на одинаковом основании. Соответственно, одни культуры ближе к идеациональному типу, другие – к чувственному, а некоторые представляют собой сбалансированный, органический синтез обоих чистых типов. Таков «идеалистический» тип культуры. Поскольку люди, по мнению П. А. Сорокина, не способны находить истинный баланс ценностей, переход от одной суперсистемы к другой сопровождается кризисом, создавая бесконечные флуктуации в истории.

П. А. Сорокин фиксировал кризис «чувственной» суперсистемы в XX в. Его проявления мыслитель видел в росте материальных ценностей, в культивировании прагматизма, утилитаризма, гедонизма, представленных в крайней чувственной форме, когда человек сосредоточен на технологических изобретениях, а также в господстве культа силы и принуждения, когда распространяется «моральный релятивизм, нигилизм» и отсутствуют абсолютные моральные ценности. Отсюда главный нравственный принцип нашего времени «Допустимо всё, что выгодно». П. А. Сорокин обратил внимание на то, что, когда составляющие культурной системы становятся морально безразличными, образуются такие ненормальные явления как, например, наука, совершенствующаяся в производстве средств войны и способствующая уничтожению человечества, вместо того, чтобы служить благу.

С ситуацией кризиса чувственной системы связано усиление насильственных отношений, результатом которых в XX в. стало торжество тоталитарных режимов и мировых войн. Насилие, по мнению П. А. Сорокина, исключает благотворная сила любви. В качестве средств выхода из кризиса П. А. Сорокин предлагал признание «альтруистической любви» абсолютной ценностью. Любовь, в его понимании, – «гармонизирующая сила, которая противодействует дезинтегрирующим силам хаоса. Она объединяет то, что разделяется враждой, строит то, что разрушается раздором, создает и поддерживает великий

¹ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та – 2000. – С. 31.

² Там же. – С.32.

порядок во всём универсуме»³. Другими словами, любовь предполагает согласие. Общество индивидов, связанное взаимоотношениями любви, П. А. Сорокин считал самым мирным и самым гармоничным. Он утверждал, что «энергия неэгоистической любви потенциально представляет собой гигантскую восстанавливающую силу»⁴. Такую любовь необходимо культивировать в отношениях между людьми. Следует отметить, что П. А. Сорокин различал два типа альтруистической любви: любовь-эрос и любовь-агапе. Любовь-эрос лежит в основании этики «добрососедства», которая важна для общества, так как обеспечивает выживание социума, образуя необходимые для этого моральные нормы. «Добрые соседи» являются носителями нравственности рационального типа. Тех, чья нравственность основана на сверхсознании и в этом смысле иррациональна, можно называть «святыми» (в соответствии с результатами исследования, изложенными П. А. Сорокиным в изданной в 1950 г. книге «Altruistic Love: A study of American 'Good Neighbors' and Christian Saints»). Основание их этики составляет любовь-агапе. «Добрые соседи» и «святые», согласно П. А. Сорокину, взаимно дополняют и уравнивают друг друга.

Исходя из критического состояния современного ему общества и грандиозных ресурсов влияния на него, которые содержатся в силе альтруистической любви, П. А. Сорокин формулирует задачу и соответствующую программу по выходу из кризиса посредством увеличения производства энергии любви. Он пишет, что в отличие от производства более осязаемых видов энергии, например, различного рода физических энергий, производством энергии любви человечество ещё никогда не занималось целенаправленно. Эта технология не разработана, и «мы «собираем» и используем любовную энергию только в той степени, в какой она «натурально» производится в наших обществах»⁵. Любовь во всех ее формах возникает при взаимодействии человеческих существ, но этот процесс случаен, любовь возникает наряду с другими чувствами, и нет никакой гарантии, мер предосторожности, чтобы предотвратить возникновение ненависти вместо любви. Однако в истории встречались немногие исполнители и вдохновители альтруистической любви, среди которых, например, семья, сообщества близких друзей и др. В качестве эффективного средства альтруизации П. А. Сорокин предлагает проявление другими искренней дружбы и доброй воли. Та же творческая деятельность становится ещё более эффективной, если осуществляется совместно с другими людьми.

По мнению П. А. Сорокина, кризисное состояние «чувственной» суперсистемы может быть преодолено переходом к «идеациональной»: «Настоящий кризис представляет собой разрушение чувственной суперсистемы, за которым последует новая интеграция»⁶. При интегральном миропорядке главную роль играют отношения семейного типа, базирующиеся на энергии любви и согласии. Поэтому грядущая интегральная эпоха, по убеждению П. А. Сорокина, должна быть эпохой мира, а также, думается, эпохой согласия.

На протяжении всего творческого пути П. А. Сорокин пытался создать систему практических решений по устройству гармоничного миропорядка и международных отношений, которые предупреждали бы возможность развязывания новых войн и военных конфликтов. В статьях «Вечный мир и всемирное единение народов» (1917) и «Причины войны и условия мира» (1944) П. А. Сорокин рассматривает ситуацию, сложившуюся в результате мировой войны, и предлагает пути установления прочного мира и согласия между государствами, а также меры по предотвращению подобных бедствий в будущем. Он указал условия, которые могли бы обеспечить длительный и прочный мир, среди которых основной пересмотр и переоценка большинства современных культурных ценностей, а также распространение и внедрение во все государства, народы и общественные группы системы основных норм и ценностей, связующих всех без различия⁷. По мнению П. А. Сорокина, «мирное мировое сообщество будет представлять собой более высокую ступень взаимодействий по отношению к существующей ныне международной системе,

³ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. – С.250.

⁴ Там же. – С. 259.

⁵ Там же. – С. 298.

⁶ Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. – С. 433.

⁷ Сорокин П. А. Причины войны и условия мира // Социс. – 1993. – № 12. – С. 145.

ибо его субъекты будут объединены прежде всего общностью интересов, общечеловеческими ценностями и целями»⁸.

Единение людей на основе общих ценностей, целей и интересов означает духовное сближение, другими словами – культурную конвергенцию (от латинского «convergere» – сближаться в точке), концепцию которой П. А. Сорокин детально развил на примере двух стран – России и США, культуры которых знал особенно хорошо. П. А. Сорокин относил их к противоположным общественным системам, которые принадлежат к распадающейся «чувственной» культурной суперсистеме. Сближение двух систем П. А. Сорокин считал объективной тенденцией развития, переходом в бескризисную фазу истории, к устойчивому, гармоническому состоянию. В сближении мыслитель увидел путь мирного решения конфликтов. По мнению П. А. Сорокина, «чистый результат конвергенции – последовательное уменьшение и устранение практически всех аргументов для продолжения холодной или горячей войн, безумной гонки вооружений и политик вооруженной конфронтации»⁹. Идеи о конвергенции он изложил в книге «Россия и Соединенные Штаты» (1944) и в эссе «Взаимное сближение Соединенных Штатов и СССР к смешанному социокультурному типу» (1960). Доклад о конвергенции ученый прочитал на XIX международном конгрессе социологов в г. Мехико (1960). Поначалу концепция конвергенции была встречена в штыки, так как в то время СССР и США находились в состоянии «холодной войны» друг с другом. Однако конвергенцию культур СССР и США П. А. Сорокин рассматривал как путь взаимовхождения в «интегральную» систему ценностей. Он констатировал, что оба строя в западных и восточных блоках всё более теряли свои специфические черты и «заимствовали» и объединяли в себе характеристики друг друга, становились всё более похожими в своих культурных, социальных институтах, системе ценностей и образе жизни. По мнению П. А. Сорокина, «обе страны представляют собой огромные лаборатории успешно проводимого социального эксперимента – создание единого общества из различных элементов, связанных воедино узлами равенства и свободной солидарности»¹⁰. Выделив ряд общих черт двух самобытных культур, обрисовав их комплементарный, взаимодополняющий характер, П. А. Сорокин показал отсутствие серьезных столкновений их жизненных интересов и возможность прийти к согласию.

Вся жизнь П. А. Сорокина представляет собой практическое утверждение разрабатываемой им концепции конвергенции. Прежде чем предложить человечеству идею интеграции культур, П. А. Сорокин «испытал» ее на себе. Он сумел органично соединить в своей жизни, судьбе и творчестве опыт культур двух стран – России и США. В идеях П. А. Сорокина ощутимо стремление согласовать состояния эмпирического и духовного существования человечества.

Интегрализм у П. А. Сорокина стал основой не только его собственной жизни, но также реконструкции и гармонизации культуры, личности и общества. Сущность любой культуры, по мнению П. А. Сорокина, определяется её внутренним аспектом – ментальностью. Логически интегрированной является идеалистическая культурная ментальность, поскольку она синтезирует в качественном отношении послышки обоих типов (идеационального и чувственного) в одно внутренне согласованное и гармоничное единство.

В целостной ментальности-структуре индивидов П. А. Сорокин различает такие формы ментальной энергии и уровни деятельности, как биологическое бессознательное (подсознание), биологическое сознание, социокультурное сознание и сверхсознание. Следует отметить, что социокультурное сознание формируется в процессе взаимодействия с другими индивидами, в опыте социальной жизни. Это коллективный собирательный опыт, передающийся от поколения к поколению, на основе чего создаются традиции, нормы, ценности, составляющие основу семейных, профессиональных, религиозных и иных «эго» социального характера. Гармония и интеграция этих «эго» зависят от солидарности и прочности групп, к которым принадлежит человек. Каждое из социокультурных «эго» стремится навязать индивиду свою волю (хотя бы на какое-то время) в ущерб

⁸ Алексеева Т. А. Контуры ненасильственного мира // Принципы ненасилия. М., 1991. – С. 230.

⁹ Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. – С.120

¹⁰ Сорокин П. А. Общие черты и различия между Россией и США. Из истории развития международных отношений в России. (Фрагменты из книги «Россия и США», 1944) // Социс. – 1993. – № 8. – С.138.

всем прочим. Поэтому человек существует в постоянном состоянии внутреннего конфликта, раздора. Силой, примиряющей и консолидирующей различные «эго» индивида является, по П. А. Сорокину, интегральная система ценностей.

П. А. Сорокин утверждает, что все уровни сознания индивида трудно привести к согласию, если вообще возможно. Почти все «нормальные» индивиды переживают конфликт между различными формами духовной энергии, стремлениями, императивами, побуждениями и действиями. Полностью интегрированными личностями могут быть только те, в ком центры сверхсознания и социокультурного сознания находятся во взаимной гармонии и полностью контролируют бессознательную и биологически сознательные части их психики. Но большинство обычных человеческих существ не достигают такого уровня интеграции и поэтому подвержены разного рода психическим конфликтам. Кроме того, каждый индивид имеет столько различных «эго» и «ролей», каково количество социальных групп, к которым он принадлежит. Если же эти группы взаимно антагонистичны, то и «эго» индивида вступают в нём во внутреннее противостояние. Только когда все социокультурные и биологически сознательные «эго» и «роли» находятся в индивиде во взаимной гармонии и побуждают его к одним и тем же акциям и линии поведения (причем все эти «эго» подчинены сверхсознательному), тогда индивид находится в мире и согласии с самим собой, со всеми своими «эго», сознательными и подсознательными стремлениями. Такой мир, который превосходит любое понимание», и такая полная интеграция достигается как постоянное состояние сознания только очень немногим числом индивидов и только на сравнительно краткие моменты. Людей, полностью гармонизированных, по мнению П. А. Сорокина, практически нельзя встретить.

Мыслитель проводит параллели между картиной индивидуального сознания и состоянием общества. Подобно тому, как человек консолидирует свои «эго» вокруг ценности, которую он признает для себя важнейшей, так и общество должно собирать индивидов вокруг системы важнейших предпочтений, иначе ему грозят беспрестанные конфликты и разрушение. В Гарварде в 1946 г. П. А. Сорокин создал исследовательский центр с целью прекращения межчеловеческой агрессии на основе принципов любви, альтруизма и свободного сотрудничества. Он отмечал необходимость сотрудничества созидательных сил человечества для преодоления как мирового, так и русского кризиса. В российский период творчества мыслитель стал одним из основателей теории социальной мобильности, главная идея которой – классовое сотрудничество.

Сам П. А. Сорокин был сотрудником (одним из соредакторов) эсеровской газеты «Дело народа». Он занимался подготовкой созыва Всероссийской крестьянской конференции и организацией издания правозэсеровской газеты «Воля народа», а также был избран членом Совета Комитета народной борьбы с контрреволюцией и членом Временного Совета Российской республики (совещательного органа при Временном правительстве). Как депутат Учредительного собрания от Вологодского губернского округа, как лидер правых эсеров он работал в Союзе защиты Учредительного собрания, в Союзе возрождения России и Союзе защиты родины и свободы. До эмиграции П. А. Сорокин совместно с академиком И. П. Павловым организовал Общество объективных исследований человеческого поведения. Будучи в США, П. А. Сорокин дал согласие на предложение Гарвардского университета возглавить только что созданный социологический факультет. В дальнейшем ученый председательствовал на Международном конгрессе социологов в Париже (1937), на I международном конгрессе по сравнительному изучению цивилизаций в Зальцбурге (1961). В 1964 г. в знак признания заслуг П. А. Сорокина избрали председателем Американской социологической ассоциации. Следует отметить, что долгое время в нашем Отечестве работы П. А. Сорокина почти не издавались. Ныне его плодотворные идеи исследуются в ходе проведения международных научных симпозиумов, конференций и круглых столов.

Таким образом, стремление к гармонии сыграло важную роль в жизни, судьбе и творчестве П. А. Сорокина. Оно имело смысл для П. А. Сорокина как человека, философа и ученого. П. А. Сорокин являет собой пример гармонической, интегральной личности. Он сумел согласовать в своей жизни разные стороны деятельности, в результате чего его судьба может быть охарактеризована как уникальная целостность. В творчестве мыслителя обнаруживается стремление увидеть единство человечества, основанное на способности к диалогу и толерантности.

В контексте идей П. А. Сорокина согласие выступает в качестве фундамента культуры, оно характеризует один из ее типов – «идеалистический» – интегральный и гармонический по своей сути. Согласие собирательно, оно есть консонансное совмещение голо-сов с целью образования гармонической целостности и потому является созидательным. П. А. Сорокин фиксировал ситуацию разлада, рассогласования, кризиса современной ему культуры – «чувственной» суперсистемы. В ней он констатировал культ насилия, результатом чего оказались конфликты, породившие революции и войны. Для преодоления кризиса П. А. Сорокин считал важной силу альтруистической любви, ее восстанавливающую и гармонизирующую функцию. Культивирование отношений любви, дружбы и солидарности означает культивирование отношения согласия. Культура согласия представляет собой средство примирения и творения мира, т. е. его сохранения и обновления, тем самым обеспечивает устойчивость.

Переход к гармоничному мироустройству невозможен без культуры согласия, которая предполагает поиск компромиссов, движение навстречу друг другу, что является важным при переходе от «чувственной» суперсистемы к «идеалистической». В качестве условий и предпосылок развития культуры согласия можно рассматривать концепцию конвергенции П. А. Сорокина, которую он разрабатывал по отношению к культуре как глобальному и локальному образованию. Конвергенция, в понимании П. А. Сорокина, есть процесс согласования интересов, целей и ценностей разных стран и их культур. П. А. Сорокин прогнозировал бесконфликтные отношения между Россией и США, способность последних преодолеть противостояние, выраженное в форме «холодной» войны, и прийти к согласию.

Идея согласия получила развитие не только в контексте теоретических разработок П. А. Сорокина. В творчестве и общении мыслителя обнаруживается попытка культивировать согласие, выражающее стремление людей держаться вместе, воплощающееся, например, в сотрудничестве (т. е. совместном труде). Культура согласия способствовала обретению П. А. Сорокиным целого круга единомышленников в науке, в результате чего его научная деятельность оказалась плодотворной.

Список литературы

1. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / П. А. Сорокин, пер. с англ. В. В. Сапова. – СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманист. ин-та – 2000. – 1054 с.
2. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / П. А. Сорокин, пер. с англ. В. В. Сапова. – СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманист. ин-та – 2000. – 1054 с.
3. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 542 с.
4. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 542 с.
5. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 542 с.
6. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. – М.: Наука, 1997. – 350 с.
7. Сорокин П. А. Причины войны и условия мира // Социс. – 1993. – № 12. – С. 140–148.
8. Алексеева Т. А. Контуры ненасильственного мира // Принципы ненасилия. – М., 1991. – 231 с.
9. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. – М.: Наука, 1997. – 350 с.
10. Сорокин П. А. Общие черты и различия между Россией и США. Из истории развития межнациональных отношений в России. (Фрагменты из книги «Россия и США», 1944) // Социс. – 1993. – № 8. – С. 133–146.

IDEA OF CONSENT IN THE CONTEXT OF LIFE, FATE AND CREATION BY P. A. SOROKIN

M. P. MENYAIEVA

*Chelyabinsk state academy
of culture and art*

e-mail: kaf-fil@cngaki.ru

The aim of the article is to grasp the meaning of the idea of consent in the content of the life, fate and books of P. A. Sorokin. The idea of consent in the article is the means of interpretation of P. A. Sorokin's reflections on culture, person and society and his concept of convergence of cultures.

Key words: consent, integration, culture, culture of consent, cultural supersystems, altruistic love, convergence of cultures, dialogue, unity, collaborate.

УДК 130.2

ФИЛОСОФИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОИСКА – КОСМОГЕНЕЗ, ВСЕЛЕНСКОЕ ВЕЧНОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ

И.М. НЕВЛЕВА*Белгородский
университет кооперации,
экономики и права*

В статье рассматривается природа и сущность творчества в различных аспектах: аксиологическом, методологическом, гносеологическом, отнологическом. Показано, что интеграция базовых культур и философии формирует глобальные подходы к творческому поиску, видению инновационных задач. Актуальность изучения философии творчества возрастает в связи с потребностью оптимизации инновационных процессов в современной научной картине мира.

Ключевые слова: аксиология, методология, гносеология, онтология, трансконтинентальные информационные поля, инновационный потенциал, креативность, философия поиска, гипотеза, интуитивное и дискурсивное.

Философия, раскрывая природу и сущность творчества, рассматривает его в различных аспектах: аксиологическом, методологическом, гносеологическом, онтологическом. Так, в своем аксиологическом статусе творчество выступает как одна из ведущих ценностей современной цивилизации, восходящей к библейским представлениям о сотворении Богом Мира и Человека. Эта креативная ценность современной культуры выражает поступательный вектор развития нашей цивилизации, символизирует идеалы социально-производственного и научно-технологического прогресса общества в целом и цели инновационного саморазвития индивидуальности отдельного человека. Онтологический статус творчества заключается в том, что оно трактуется как одна из наиболее фундаментальных и универсальных граней бытия высших форм и ступеней развития и проявления человеческой активности в виде деяний, оплодотворяемых продуктивной рефлексией и определяемых социальными условиями. В гносеологическом плане творчество выступает как один из наиболее сложных предметов познания, который строится в системе полимодальных категорий на многоаспектной концептуальной основе и отображает полифоническую и разнокачественную феноменологию творческого бытия: индивидуального, диалогического, группового, социального, культурного. В методологическом плане творчество предстает как предмет комплексного междисциплинарного изучения взаимодействующих наук о человеке – фундаментальных, раскрывающих закономерности и механизмы его бытия и развития (социология, психология, акмеология, физиология, генетика и др.), а также прикладных (педагогика, медицина, экономика, право, праксиология и т. д.), которые используют научные знания в качестве технологических средств реального освоения и преобразования социальной практики.

Мыслительная деятельность человека ищущего находится в разнополюсном информационном мире. В одном случае человек рассматривает и оценивает существующий опыт. Такой вариант, по мнению философа и психолога Эдварда де Боно, можно назвать «мышлением, обращенным вспять». Он же, человек ищущий, занимается не только анализом имеющейся предметной среды, но творит и элементы новые, включает свой интеллектуальный ресурс в процесс созидающей творческой деятельности. Это уже «мышление, смотрящее вперед». Вместе взятое, пребывание на двух «думающих» полюсах, собственно, и делает мыслительный аппарат творца, как характеризовал подобное состояние де Боно, «системой самоорганизующейся информации».

Навыки творческого поиска складываются на базе культуры и философии. Понятие «инновация» появилось именно в культурологии и было связано с включением европейских обычаев и способов организации жизни в азиатские и африканские общества. Очевидно, что мыслелогика древних греков или римлян сильно отличалась, к примеру, от

взглядов на житейский смысл древних китайских философов. Так же контрастируют между собой и нынешние социокультурные, цивилизационные концепции развития, хотя одновременно идет и нарастающее по мере уплотнения трансконтинентальных информационных полей взаимопроникновение соседствующих культур и идеологий.

Интеграция базовых культур и философии создает свои зоны влияния, формирующие некие глобальные подходы к творческому поиску, видению инновационных задач. Однако параллельно – не без участия этого интегрирующего фактора – складывается и сугубо индивидуальная творческая ниша. В инновационной деятельности образуется своя методика поиска, которая зиждется на собственной философии творчества. Как справедливо отмечает профессор А.В. Шевырёв, что мастера в любом деле выделяет не только качество его изделий, есть более тонкое отличие – мастер особенно заботится о своих рабочих инструментах. Лишь имея надежный и проверенный инструмент, человек способен достичь желаемого.

Под «инструментами» в данном случае подразумевается, конечно же, вся совокупность условий и средств творческого процесса, включая интеллектуальные, умственные и психофизические ресурсы. В рамках эвристического подхода (эвристика, как известно, наука о творческом мышлении) любое решение проблем начинается с того, за счет каких общетеоретических приемов и правил находим искомым результат.

Люди, которым свойственно думать и действовать не по шаблону, получают несомненное преимущество в созидании нового. Но их нешаблонность – проявление и неординарной психологии, особой философской константы.

Философское познание изменяющейся, развивающейся действительности возможно лишь в форме творческого поиска, который считает полученные решения не окончательными, а открытыми для дискуссии, для критики, для переосмысления, уточнения и углубления.

Поэтому можно сказать, что философский поиск всегда не только опирается на предшествующие достижения философской мысли и одушевляется ими, но и сам вновь и вновь одухотворяет эти достижения, делает их актуальными для мировосприятия и раздумий современного человека.

Проблема творческого поиска стала в наши дни настолько актуальной, что по праву считается «проблемой века». Творчество далеко не новый предмет исследования. Оно всегда интересовало мыслителей всех эпох и вызывало стремление создать «теорию творческого поиска».

Творческий поиск – такая деятельность, которая создает нечто новое: вещь, построение ума, чувство. В деятельности человека существует два вида поступков:

- воспроизводящие (репродуктивные), теснейшим образом связанные с памятью – более или менее точное повторение прежнего опыта;
- творческие – создание новых образов вещей или действий на основе прежнего опыта.

Именно творческая деятельность делает человека существом, обращенным к будущему, созидующим его и видоизменяющим свое настоящее.

Креативность – это своеобразное отношение к миру, и это отношение в некотором смысле может противостоять познавательному отношению. Если для познающего субъекта в традиционной гносеологии мир и даже искусственно созданное бытие рассматривается как данность, как если бы она не была никем создана, то творчество принимает действительность так, как если бы она всегда поддавалась порождению заново, при участии и глубокой сопричастности человека.

Весь мир для креативного отношения предстает, как в самом себе незавершенный, неполный, недостроенный, и именно с позиции этого отношения субъект берет для себя обязательство и решимость устремлено строить мир дальше и делать его все лучше. Отсюда вырастает и способность к коренным новообразованиям в мире, но не ради корысти или самооригинальности, а ради вселенского вечного совершенствования, космогенеза. Все существо человека вступает в глубокую сопричастность и приобщенность к бытию. И поэтому креативное отношение – это бытийное отношение и только затем мыслительно-когнитивное.

Для повышения эффективности решения творческих задач и уровня изобретательства – необходимо овладение методами активизации творческого мышления, методами поиска новых идей и решений.

Современный этап развития общества характеризуется ускоренными темпами освоения техники и технологий. Непрерывно требуются новые идеи для создания конкурентоспособной продукции, подготовки высококвалифицированных кадров. Внешние условия служат предпосылкой для реализации творческих возможностей личности, имеющей в биологическом отношении безграничный потенциал. Сегодня актуальной является задача поиска инновационных подходов, методик, технологий для реализации потенциалов, выявления скрытых резервов личности.

Творческая деятельность – это деятельность, порождающая нечто качественно новое и отличающаяся неповторимостью, оригинальностью и общественно – исторической уникальностью. Творчество специфично для человека, так как всегда предполагает творца – субъекта творческой деятельности. В природе происходит процесс развития, но не творчества. По мнению психолога Фромма: «Творчество – это способность удивляться и познавать, умение находить решение в нестандартных ситуациях, это нацеленность на открытие нового и способность к глубокому осознанию своего опыта».

Развитие научного знания зачастую представляет собой смену парадигм, смену резко различающихся методов, образцов мышления. Переход от одной парадигмы к следующей не всегда поддается логическому описанию. Мышление, развивающееся лишь по логически заданным стандартам, шаблонно. Несравненно большей ценностью для развития творческой мысли обладают трудно прогнозируемые, нестандартные утверждения и гипотезы.

Многие психологи советуют для развития творческого мышления записывать все приходящие в голову идеи, как хорошие, так и плохие. Если вы будете стараться выдвигать только хорошие идеи, это может привести, с одной стороны, к «ухудшению» потенциально плодотворных мыслей, а с другой – к постоянному чувству неудовлетворенности. Полезно разыграть решаемую задачу в лицах или нарисовать ее схему, чтобы создать о ней более наглядное представление.

Психологи рекомендуют разговаривать вслух с самим собой и, разыгрывая задачу в лицах, проходить через все ее решения. Для развития креативности психологи предлагают специальные рекомендации. Вот, например, некоторые из них: сознательно прилагайте усилия к тому, чтобы проявлять оригинальность и выдвигать новые идеи; старайтесь мыслить широко, при этом, не обращая внимания на запреты, накладываемые традициями, если вы ошиблись при первой попытке, рассмотрите другие варианты и попробуйте найти новые пути, будьте всегда открыты для дискуссии и проверяйте свои предположения, ищите объяснения странных и непонятных вещей, преодолевайте – функциональную фиксированность и ищите необычные способы применения обычных вещей, откажитесь от привычных методов деятельности и попробуйте поискать новые подходы, чтобы выдать «на-гора» как можно больше идей, при оценке идей старайтесь быть объективными.

Изучение творческого мышления в психологии позволяет глубже познать процессы развития, дает возможность выявить объективные закономерности творческого мышления и создать систему развития творческих способностей в обучении. Проблема способностей – это прежде всего комплексная психологическая проблема, требующая к себе внимания всех отраслей этой науки (от физиологической до когнитивной). Только в творческой деятельности происходит развитие творческих способностей – овладение методами (способами) познания и преобразования признаков объектов.

Г. Гельмгольц, А. Пуанкаре и ряд других авторов выделили четыре фазы любого творческого поиска: фаза собирания материала, накопления знаний, которые могут лечь в основу решения или переформулирования проблемы; фаза созревания или инкубации, когда работает в основном подсознание, а на уровне сознательных регуляций человек может заниматься совсем другой деятельностью; фаза озарения или инсайта, когда решение часто совершено неожиданно и целиком появляется в сознании; фаза контроля или проверки, которая требует полной включенности сознания.

Эмпирическое изучение творческого поиска в современной психологии проводится с использованием различных методов. Анализ процесса решения так называемых малых творческих задач, или задач на смекалку, требующих, как правило, переформулирования задачи или выхода за пределы тех ограничений, которые субъект сам на себя накладывает.

Использование наводящих задач. В этом случае изучается чувствительность человека к подсказке, содержащейся в наводящей задаче, которая решается легче, чем основная, но построена по тому же принципу и поэтому может помочь в решении основной.

В педагогической психологии на современном этапе выделяются две парадигмы обучения: авторитарная и личностно-ориентированная. Эти два противоположных направления в образовании находятся в разных системах морально-психологических координат. С одной стороны, неличностный, бездушный подход, с другой – вера в доброе начало в человеке, терпимость, такт. Цели педагогической деятельности в контексте авторитарной педагогики определяются господством дидактической задачи. Альтернативой авторитарной педагогике является педагогика гуманизма, во главу угла ставящая личность обучаемого.

Один из основателей гуманистической психологии К. Роджерс характеризует личностно-ориентированное обучение как осмысленное, самостоятельно инициируемое, направленное на усвоение смыслов как элементов личностного опыта. Преподавание при этом должно носить характер не трансляции информации, а активизации и стимуляции учения. Формирование и обучение творческому мышлению не является целесообразным, так как творчеству нельзя научить, креативную личность можно только воспитать, создав условия для самовоспитания личности.

Среди личностных черт, благоприятствующих творческому мышлению, выделяют следующие: уверенность в своих силах; доминирование эмоций радости и даже определенную долю агрессивности; склонность к риску; отсутствие боязни казаться странным и необычным; хорошо развитое чувство юмора; наличие богатого по содержанию подсознания; любовь к фантазированию и построению планов на будущее.

Таким образом, в настоящее время проблемы творческого поиска, творческого мышления и интуиции находятся в процессе активного изучения. Развитие инновационных подходов в науке и технике, внедрение в жизнь достижений научно-технического прогресса способствует доказательству самых смелых теорий и выдвижению новых гипотез в этой области. Успехи в изучении творческого мышления дают дополнительные возможности в процессе развития творческих способностей каждой человеческой личности и общества в целом.

Творческий поиск – это продукт человеческого созидания, это результат «самопроизвольной» созидательной творческой деятельности, начинающейся с созидания «идеальной модели» и заканчивающейся объективацией (воплощением) этой модели в реальную действительность.

Память и способность человека оперировать с богатством, хранящейся в ней информации – обязательное условие продуктивного творческого мышления. Новое качество «продукт творчества – возникает только тогда, когда две (или более) относительно автономные системы знания соединяются в одну новую систему. Именно их взаимодействие в рамках этой новой системы ведет к возникновению нового качества. Пограничные области знания считаются наиболее творчески потенциальными, а в практической жизни – таковыми являются, как правило, переходные периоды. Соединение различного (именно противоположного) есть один из самых важных источников творчества. При этом очень важно, что это вновь созданное качество не содержится в исходных для этих актов предпосылках.

Культурный потенциал общества детерминирует его инновационное развитие и включает три варианта инновационного процесса. Первый: инновационный потенциал новшества, оцениваемый по критериям:

а) интенсивности-экстенсивности, то есть степени соответствия роста конечных результатов росту затрат на новшество, оценка объекта; а также степени соответствия суммарной эффективности факторов, участвующих в инновационном процессе, затратам на поддержание этого процесса – оценка процесса;

б) комплексности, то есть по способности вносить изменения в другие подсистемы (например, технико-технологическую, управленческую, правовую, социально-психологическую);

в) радикальности, то есть возможности предоставления новых практических средств для удовлетворения новых или уже известных потребностей, новизне качественных изменений в способах человеческой деятельности.

Второй: инновационный потенциал социокультурной среды, в которой осуществляется нововведение, ее экономических, социальных, культурных характеристик. Это необходимое, но нередко недооцениваемое направление деятельности. За общими рассуждениями о «косности среды» нередко скрывается простое незнание ее инновационных характеристик и возможностей, равно как и неумение их использовать.

Третий: инновационный потенциал организаций, участвующих в нововведении. Речь идет о максимально полном использовании профессионально-квалификационной подготовки специалистов, рабочих и организаторов для решения задач, возникающих при осуществлении нововведений. Кроме того, к инновационному потенциалу организаций относятся принятая в них научно-техническая политика, социально-психологический климат, установки в отношении нового.

Следует раскрыть понятия «инновационный потенциал» и «восприимчивость к нововведениям». Категория «восприимчивости» входит в понятие «инновационный потенциал», являясь одной из трех составляющих этого понятия. Разработка понятия «восприимчивость к нововведениям» шла по двум основным направлениям: снижение сил отторжения и умножение сил внедрения.

Первое направление инновационной деятельности преимущественно связывается с необходимостью разрушения трудовых и поведенческих стереотипов, с проблемой преодоления психологического барьера к нововведениям, который может быть вызван следующими факторами:

а) недоверие к новой технике (как недоверие к тому, что техника может улучшить условия труда и обогатить содержание труда; нежелание переучиваться, приобретать новую квалификацию);

б) боязнь социальных последствий нововведения, как то: изменения статуса, потери престижа (например, вытеснение квалифицированного труда некоторыми технико-технологическими новшествами).

Второе направление в разработке понятия «восприимчивость к нововведениям» – «умножение сил внедрения» – носит по преимуществу превентивный характер по отношению к процессу освоения и восприятия новшества, предполагает ряд мер, направленных на вовлечение персонала в инновационный процесс который включает:

1. Привлечение работников на этапе разработки новшества – метод, получивший название социального проектирования. В центре концепции – идея взаимоадаптации работника и новшества, в отличие от бытовавших ранее представлений о необходимости одностороннего приспособления работника к новшеству.

Вовлечение пользователей в разработку новшества в свою очередь предоставляет следующие возможности:

а) прогнозирования и своевременного устранения негативных социальных, психологических, психофизиологических и других последствий, порождаемых новшеством;

б) повышения заинтересованности пользователя во внедрении новшества;

в) снижения трудностей адаптации пользователя к новому содержанию и условиям труда.

2. Разработка новых форм организации труда (тип так называемых обеспечивающих нововведений), повышающих уровень идентификации работников с деятельностью за счет привлечения их к процессам принятия решений и решения проблем, связанных как непосредственно с рабочим местом сотрудника, так и с функционированием и развитием организации в целом.

Инновационный потенциал – это категория, выражающая способность существующей технологии и ее агентов создавать и реализовывать возможности развития, подразделяется:

– инновационный потенциал как способность к креативно-деструктивной и рецептивной деятельности;

- инновационный потенциал как способность организации к саморазвитию;
- характер зависимости инновационного потенциала от гибкости и адаптивности элементов организационного механизма;
- постадийный подход к проблеме повышения инновационного потенциала;
- зависимость инновационного потенциала от характеристик и типа новшества;
- зависимость инновационного потенциала от синергических эффектов;
- связь инновационного потенциала с социокультурными характеристиками среды;
- зависимость инновационного потенциала от степени идентификации работника с деятельностью; от статуса работника.

Возможны и другие подходы. Очевидно, однако, что дальнейшая разработка этого ключевого направления инноватики необходима не только для концептуальных моделей, но и для эмпирических измерений эффективности инновационных процессов. Учеба тоже есть наращивание инновационного потенциала человека.

Философия поиска, нововведений стоит рассматривать особенно внимательно с той именно стороны, где остро проявляет себя социальное качество и где человек пытается преодолеть нравственно-психологические, этические барьеры в противостоянии с социальной несправедливостью, правовой незащищенностью. Самое большее, что допустимо в созидании нового, «новоделании» (по Платону) – это признание реальной философской категорией самого противоречия между необходимостью знать, где целесообразно себя ограничить, а где можно и продолжить бесконечный полет творческого поиска.

Инновационная деятельность имеет те составные, которые одинаково касаются проблем – мышления, философии, культуры, психологии, и более осязаемых проблем – концепций, идей нововведений, непосредственной инновационной практики. Базовые знания не ограничиваются ничем, но им есть что ограничивать в сфере практики. Опыт использования знаний может быть ограничен той или иной сферой и временем применения, но ему ничто не мешает трансформироваться под любые социальные цели и экономические доминанты.

Философия и психология творческого поиска – это исторически эволюционная форма человеческой деятельности, – способствующая развитию личности, ее духовному росту. Основным критерием духовного развития человека является овладение процессом творческого поиска в определенной области знаний. Именно творческий потенциал личности способствует инновационным помыслам в ее сознании.

Между процессом творчества и реализацией способностей человека существует прямая связь. Деятельность личности в творческом процессе становится самостоятельностью, а реализация ее способностей в процессе деятельности приобретает характер самореализации. «Творчество – процесс создания нового, который требует выхода за существующие границы знания».

Таким образом философия и психология творческого поиска представляет деятельность как результат инновационных мотиваций и побуждает личность к созданию материальных и духовных ценностей, способствующих расширению пределов человеческих возможностей.

Творческая деятельность возникает не сразу, а очень медленно и постепенно развивается из более элементарных и простых форм в более сложные. На каждой возрастной ступени она имеет собственное выражение. Интересы ребенка и взрослого различны, поэтому и воображение у ребенка работает иначе, чем у взрослого.

У людей «среднего ума» интеллект и творческие способности обычно тесно связаны друг с другом. У человека с нормальным интеллектом обычно имеются и нормальные творческие способности. Лишь, начиная с определенного уровня, пути интеллекта и творчества расходятся. Этот уровень лежит в области IQ, равного 120. Коэффициент интеллекта можно измерить тестами. В настоящее время для оценки интеллекта чаще всего используют тест Стенфорд–Бине и шкалы Векслера. При IQ выше 120 корреляция между творческой и интеллектуальной деятельностью исчезает, поскольку творческое мышление имеет свои отличительные черты и не тождественно интеллекту. Творческое мышление пластично (т.е. творческие люди предлагают множество решений в тех случаях, когда обычный человек может найти лишь одно или два);

– подвижно, т.е. для творческого мышления не составляет труда перейти от одного аспекта проблемы к другому, не ограничиваясь одной-единственной точкой зрения;
– оригинально, оно порождает неожиданные, небанальные, непривычные решения.

Творцом, так же как и интеллектуалом, не рождаются. Все зависит от того, какие возможности предоставит окружение для реализации того потенциала, который в различной степени присущ каждому из нас. Как отмечает Фергюсон, «творческие способности не создаются, а высвобождаются». Поэтому игровые и проблемные методы обучения способствуют «высвобождению» творческих возможностей студентов, повышению интеллектуального уровня и профессиональных умений [59].

Смена парадигмы общественного развития и вхождение в информационно-техническое пространство грядущего века сформулировали новое поле образовательной деятельности России. Большое внимание на совершенствование всей системы образования в стране оказывает социальный заказ общества на творческую, активную личность, способную проявить себя в нестандартных условиях, гибко и самостоятельно использовать приобретенные знания в разнообразных жизненных ситуациях.

Психологи выделяют критерии развития творческих способностей, в частности Н.Е. Щуркова предложила в практике обучения и воспитания творческих способностей опираться на следующие критерии:

- чувство новизны;
- способность преобразовать структуру объекта;
- направленность на творчество;
- критичность.

И в качестве показателей предложила:

- умение и стремление к познанию;
- наличие положительной самооценки, уверенность в своих силах и возможностях;
- развитость чувства прекрасного, стремление к реализации своих способностей и возможностей;
- обладание способности к рефлексии, оценке и самооценке.

Одним из методов творческого поиска является мозговой штурм – метод основанный на психологическом эффекте. В небольшой группе людей (5–8 человек) можно создать условия, при которых количество идей высказанных коллективно, значительно превышает сумму идей, высказанных, при других условиях, каждым индивидуально. Эффект цепной реакции идей, приводящей к интеллектуальному взрыву (озарению).

В основу метода синектики положен мозговой штурм. Но участниками мозгового штурма являются специально подготовленные люди – синекторы – «профессиональные генераторы новых идей». Их подготовка происходит по специальным методикам – при этом главное внимание уделяется развитию умения искать аналогии. Суть метода контрольных вопросов состоит в использовании при поиске решений творческих задач специально подготовленных вопросов.

Проблема в философии и психологии является формой творческого поиска. Решение проблемы осуществляется в процессе мышления. Мышление – главный механизм в разрешении противоречия между проблемной ситуацией и результатом, следовательно мышление – это процесс решения задачи творцом. В процессе мышления, решение проблемной ситуации (или задачи), как правило, возникает внезапно и независимо от предшествующей деятельности или опыта.

Решение проблем (нестандартных задач) в любой сфере деятельности и есть процесс творчества. Творчество, создание существенно нового, создание новых полезных комбинаций, решение нестандартных задач, разрешение проблем – эти понятия синонимичны.

Форму творческого поиска представляет гипотеза. Зарождение гипотезы начинается с идеи. Идея – это основная мысль, лежащая в базе теоретической системы, ее логического построения и плана функционирования.

Идея – это мысль, переходящая в действие. Идея включает формулировку цели и способ ее достижения. Идея возникает на основе существующего противоречия и направлена на его разрешение. Идея дает возможность организовать практическую деятельность, сделать ее целенаправленной и сформировать идеальный образ будущей ве-

щи, объекта, процесса. Основное направление идеи – активизация и организация знаний на достижение требуемого результата. Идея – это основа синтеза знаний. Этап порождения идеи – кульминация всего творческого процесса.

Творчество – процесс человеческой деятельности, в результате которого создаются качественно новые материальные и духовные ценности. В процессе творчества принимают участие все духовные силы человека, в том числе воображение, а также приобретаемое в обучении и в практике мастерство, необходимое для осуществления творческого замысла.

Проблемное обучение – это система методов и средств, обеспечивающих возможности творческого поиска в процессе усвоения новых знаний, формирование творческого мышления и познавательных интересов личности.

По степени проблемности различают три основных уровня проблемного обучения: проблемное изложение, при котором сам преподаватель ставит проблему и находит ее решение; проблемное обучение, при котором преподаватель ставит проблему, а поиск ее решения осуществляется совместно; творческое обучение, предполагающее активное участие студентов в формировании проблемы и поиске ее решения. Эта форма обучения наиболее целесообразна при организации и проведении учебно-исследовательских и научных работ.

Показателем эффективности проблемного обучения служит существенное повышение качества усвоения учебного материала и возможностей его практического использования в профессиональной деятельности. Отдаленным показателем эффективности проблемного обучения является формирование творческих способностей и познавательной мотивации, обеспечивающей возможности самообразования.

Источником творческого поиска служит принцип умозаключения по аналогии. Способность человеческого ума увидеть общее в глубоко разном связана с силой абстрактного мышления. Если два события оказываются похожи в каких-то отношениях друг на друга, то известная причинная связь одного переносится на другое.

Творческие компоненты имеются у человека и в составе чувственных представлений, и в системе понятийных образов, как в живом созерцании, так в эмпирическом и теоретическом. В сознании человека функционируют многие понятия идеального, нацеленные на будущее. Но имеются и чувственные представления, являющиеся продуктом абстрактного мышления, которые содержат образ будущего, выступают как представления-цели. На них замыкаются многие представления только отражательного типа, следовательно чувственное отражение в немалой степени определяется практикой, будущим, теми новыми творческими представлениями, в которых воплощается будущее.

Творчество изучается многими науками: философией, психологией, науковедением, кибернетикой, теорией информации, педагогикой. В ракурсе инновационных поисков встал вопрос о создании особой науки, которая исследовала бы творческую деятельность человека, – эвристики (считается, что термин «эвристика» происходит от «эврика» – «я нашел!», восклицания, приписываемого Архимеду при неожиданном открытии им основного закона гидростатики. «Эврика» – слово, выражающее радость при решении какой-либо проблемы, при появлении удачной мысли, идеи, при «озарении»).

Круг ее проблем широкий: здесь и вопрос о специфических чертах творческого поиска и о структуре, этапах творческого процесса, типах творческой деятельности, о соотношении научного и художественного творчества, о роли догадок и случая, о таланте и гениальности, стимулирующих и репрессирующих факторах творческого процесса, о роли мотивационных и личностных факторов в творческом поиске, влиянии социальных условий на проявление творческих способностей и на творческий процесс, о роли научных методов в продуктивном мышлении, стиле мышления в науке и творчестве, диалоге и дискуссиях как средствах и формах научного творчества.

Философия изучает мировоззренческую сторону творческой деятельности человека, проблемы гносеологического и общеметодологического характера. В их компетенции такие проблемы, как творчество и сущность человека, отражение и творчество, отчуждение и творческие способности, гносеологическая специфичность творческого поиска, творчество и практика, соотношение интуитивного и дискурсивного, со-

циокультурная детерминация творческой деятельности, соотношение индивидуально-гносеологического и социологического уровней творчества.

В разработке проблем философии опираются на результаты других наук творческого поиска. В то же время специалисты-психологи в своих исследованиях ориентируются на результаты исследования мировоззренческого и гносеологического аспектов творческой деятельности. Здесь происходит взаимодействие, аналогичное взаимоотношению философии и психологии, в алгоритме творческого поиска.

Рассмотрение творческого поиска показывает его глубоко индивидуальную природу, большое знание в нем профессионализма и таланта исследователя, его нравственных качеств, интуиции и случайностей; в то же время творчество не является таинственным явлением. Приближается разгадка механизма интуиции и роли случайных факторов.

Процесс научного познания на уровне индивидов интуитивен и дискурсивен, в нем сливается необходимость со случайностью, случайность оказывается доминирующей для «запуска» механизма интуиции, вероятностный результат дополняется последующей дискурсивностью. На уровне общества и культуры в целом доминирующей оказывается необходимость, подчиняющая себе случайность. Деятельная и социальная природа творческого поиска обеспечивает его рациональный в целом характер и закономерное развитие в соответствии с логикой объективного мира.

Нисколько не умаляя роли интуиции и случайности в творческом поиске, ученые ориентируются прежде всего на рациональные способы исследования, действующие относительно автономно от той же интуиции, способные давать крупные научные результаты и в то же время подводящие процесс познания к интуитивным скачкам.

Современное знание и соответствующий ему творческий поиск характеризуются своими объективными измерениями-определенным миропониманием и мироощущением, находящимися в некоем полисистемном гносеологическом (познавательном) пространстве. Философский смысл открытого для мыследеятельности пространства предстает в разных системах координат. Их особенности на базе зарубежных и отечественных источников А. В. Шевырёв группирует по четырем основаниям.

Во-первых, всякий интересующий нас предмет выступает в качестве самостоятельной системы – причем даже тогда, когда является несомненной составной частью, структурной единицей другого исследуемого или реконструируемого объекта.

Во-вторых, тот же предмет – часть своей видородовой макросистемы и подчиняется ее природным (общественным) законам. Допустим, в социальной сфере таковыми могут быть лечебно-профилактическое учреждение и система здравоохранения региона, страны.

В-третьих, тот же предмет подчинен требованиям микромира – тут уже свои условия существования, влияние своих закономерностей и фоновых зависимостей. К примеру, лечебная специализация и средства, которые она предполагает, открывают почти бесконечное многообразие пластов проникновения в процесс реабилитации больного – на микробиологическом, медико-санитарном или сугубо социальном уровнях. И каждый уровень – опять же своя микросистема.

В-четвертых, предмет всегда рассматривается вкупе со средой, в системе внешних взаимодействий. И это, как доказала современная философия, абсолютно необходимо, поскольку инновационные последствия в социальной среде особенно актуальны.

Поиск полноты представлений о предмете тем продуктивнее, чем глубже, прочнее проникает философия творческого поиска в сознание и душу человека. Психологическая готовность к переменам не может быть сколько-нибудь высокой, пока не осмыслены как потребность, так и возможность изменений.

Именно в личности, полагает Гегель, дух выступает как целостность, ибо признает, что его предмет и его цель разумны. Деятельность духа предполагает творчество. Преодолевая свою ограниченность, он должен реализовать себя в двух формах – теоретической и практической. Теоретический дух отрицает односторонность сознания, находящегося в зависимости от внешних объектов. Практический дух отрицает односторонность самосознания, замыкающегося в субъекте. По Гегелю, теоретический дух (или ум) и практический дух (или воля) посредством друг друга определяют свою суть и могут восприниматься в единстве («мыслящая воля»).

Гегель не принимал утверждения, будто ум в состоянии действовать не желая того, а воля – обходится без ума. Он четко видел соотношение чувств и мышления, ощущал важность ориентации на объективную действительность: «Если кто-либо по поводу чего-либо ссылается не на природу или понятие предмета... но на свое чувство, то ничего другого не остается, как предоставить его самому себе, ибо вследствие этого он отказывается от общения на основе разумности и замыкается в свою субъективность...».

Разумность предполагает знание, его накопление и использование. И это использование – в определенных условиях и формах – воплощается в нововведениях, является по природе своей инновационным процессом.

В инновационном процессе, есть закономерность. Суть ее в том, что сущностные изменения материи реализуются в трех направлениях и проходят три стадии – нестационарность, эволюционность, творчество. Нестационарность действует на базе физических сил, эволюционность – витальных (жизненных) сил, а творчество – психических сил.

Эвристическая деятельность будучи отражением новаторского мышления создает в первую очередь новую систему действий или открывает неизвестные ранее закономерности окружающих человека объектов, а не выступает чьей-то ориентированной на определенный результат целью. Это было бы невозможно уже хотя бы потому, что ни новая система действий, ни тем более вытекающие из открытых закономерностей задачи не являются универсальными, они требуют приспособления к реальному объекту будущих изменений.

Понимание смысла формируется не сразу, порой долгими десятилетиями. Но когда оно созрело до конца, легче воспринимаются границы разумности, пределы знания, от которых, собственно, предстояло или предстоит вести отсчет нового качества, новых целей.

Творческий поиск, ориентирует на рациональное достижение цели. Творчество не может допускать вариантов с «любыми средствами». В книге «Теория творчества» П.К. Энгельмеиер приводит слова Э. Маха о приоритетности той именно изобретательской мысли, которая отвечает требованиям целесообразности. И выстраивает – руководствуясь философией нацеленного действия – свой «трехакт»: желание как цель творческого поиска, знание как база и план достижения цели, умение как средство выполнения плана, то есть достижение цели.

Философский взгляд на творчество и его преобразующую роль естественным образом трансформировался. «Творчество – это универсально-преобразующая, целостная, культурно-историческая самодеятельность, в процессе которой осуществляется самопроизводство социальных сил людей». Муки творчества остаются обязательной категорией подсознания. Преодолеть свои внутренние барьеры при столкновении с новым сложно, причем эта психологическая особенность с возрастом усугубляется – дети, в отличие от взрослых, несопоставимо свободнее, раскрепощеннее переносят «тяготы первооткрывателя».

В детстве каждый из нас прошел школу, а кто-то и университеты исследования и творчества, достаточные для формирования базового инновационного потенциала, но конечный творческо-поисковый уровень, как справедливо замечает доктор Моррис, разительно меняется у взрослых, очень малое их число отваживается на новые эксперименты. Изыскания влекут за собой неопределенность, а та пугает.

Лишь в двух ситуациях можем мы побороть свои страхи: первая – беда, вторая – полное благополучие, обеспеченность. К примеру, в тяготах войны человеческое сообщество вынуждено проявлять изобретательность, чтобы выжить, а в условиях процветания – чтобы реализовать «свободный» интеллектуальный потенциал. В процветающей стране, впрочем, слишком немногие занимаются активным творчеством, предпочитая телевизор, спорт или примитивные игры.

В ином контексте, философско-культурном и этическом, оценивает творческий поиск Н.А. Бердяев. На вершинах культуры, замечает он, человека мучит противоположность между тем, чтобы создавать что-то, и тем, чтобы быть чем-то.

В культуре, по убеждению Н.А. Бердяева, есть вечная, мучительная неудовлетворенность. Кризис культуры в XXI веке есть отражение воли человека к переходу от символически-условных достижений к достижениям реально-абсолютным. Человек желает не символов истины, а саму истину, не символов красоты, а саму красоту. Неудовлетворенность возникает потому, что культура закрепляет плохую бесконечность и никогда не достигает вечности.

Культура есть лишь творчество плохой бесконечности, бесконечной срединности. Творчество новой эпохи преодолевает культуру изнутри, не извне. Творческая мировая эпоха может быть лишь сверхкультурной, а не докультурной и не вне-культурной. Культура всегда права против нигилизма и анархии, против дикости и варварства.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Смысл творчества // Философия творчества, культуры и искусства. – М., Искусство. 1194.
2. Локк Д. Избранные философские произведения в 2 т.
3. Микешина Л.А. Философия познания. Полелогические главы. – М., 2002.
4. Невлева И.М. Философия духовного творчества. Белгород. 2012.
5. Яковлев В. Философия творчества в диалогах Платона // Вопросы философии. 2003. №6.

PHILOSOPHY OF THE CREATIVE SEARCH: COSMOGENESIS, COSMIC ETERNAL DEVELOPMENT

I.M. NEVLEVA

*Belgorod university
of cooperation,
economics and law*

The article discusses the nature of creation in different aspects: axiological, methodological, epistemological, ontological. The paper shows that integration of basic cultures and philosophy constructs global approaches to the creative search and innovative goals. Topicality of philosophy of creation bases on the need for optimization of innovative processes in the scientific worldview.

Key words: axiology, methodology, epistemology, ontology, transcontinental informational fields, innovative potential, creativeness, philosophy of search, hypothesis, intuitive and discursive.

ПЛАТОН И КУЛЬТУРА В СВЕТЕ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

Л.Я. ПОДВОЙСКИЙ

*Астраханский
государственный
университет*

В статье рассматривается соотношение двух констант «Платон» и «культура». Подчеркивается важное значение философии Платона, пронизывающей как мировую философию, так и мировую культуру. Замечено, что человек давно живет не только в пространстве природы, но и в пространстве культуры. Обращено внимание на то, что без решения вопроса о соотношении идеального и реального нельзя создать онтологию культуры. Представлены ряд научных определений культуры, а также авторское определение-метафора культуры. Особое внимание уделено подходу В.С. Степина, выделяющему понятие «универсалии культуры», наряду с понятием «культура». Раскрыто соотношение понятий «культура» и «пайдейя».

Ключевые слова: Платон, культура, философия, язык, понятия, категории, пайдейя, онтология культуры, универсалии культуры.

Проблема культуры во всех ее аспектах является одной из «вечных» проблем философии, хотя бы потому, что человека всегда интересовали и будут интересовать вопросы отношения к миру, к другим людям, к себе самому, вопросы творческого духа и созидательной деятельности. Культура не только создается людьми, но она и создает человека, делает его Человеком. В мировой философской культуре есть такие личности, вклад которых в решение этих вопросов невозможно переоценить и без которых ее невозможно представить. Одной из таких знаковых личностей, безусловно, является великий Платон.

Драматург Николай Эрцман как-то высказал интересную мысль о том, что «мы знаем классику гораздо лучше, чем сами думаем. Она в нас живет...»¹. По аналогии с этой мыслью, можно совершенно определенно утверждать, в крайнем случае, смело предположить, что *мы знаем Платона гораздо лучше, чем сами думаем. Он в нас живет*. Причем, речь в данном случае может идти не только о специалистах – философах, филологах, историках, политологах, культурологах и т.д. Платон живет в нас всех, независимо от образования, рода занятий, языка, на котором мы думаем и говорим и т.п. Не случайно Цицерон в работе «Тускуланские беседы» писал, что Панеций, впервые оценивший в Платоне философа, назвал его «Гомером философов».

Как справедливо замечает А.Ф. Лосев, один из крупнейших в XX веке из отечественных исследователей философии античности в целом и Платона, в частности, «имя Платона является не просто известным, значительным или великим. Тонкими и крепкими нитями философия Платона пронизывает не только мировую философию, но и мировую культуру... Можно сказать, продолжает А.Ф. Лосев, что Платон оказался какой-то вечной проблемой истории человеческой культуры, и пока нельзя себе представить, когда, как, при каких обстоятельствах и кем эта проблема будет окончательно разрешена»².

Разница в отношении к Платону может быть, на наш взгляд, только в том, что одни знают, что они его знают, а другие не только не знают, что они его знают, но и не догадываются об этом. Иначе говоря, речь может идти как о глубине и объеме нашего знания Платона, так и о знании осознанном или неосознанном. Дело в том, что Платон настолько широк и глубок, что даже те, кто его знают, зачастую знают его всего лишь настолько, что могут, без всякого самоуничижения, используя знаменитую формулировку Сократа, признаться в том, что они знают, что они его не знают во всей глубине, а другие не знают и этого.

¹ Цит. по: Наталья Старосельская. Уроки умерших учителей // Октябрь. 1987. № 4. – С. 206.

² Лосев А.Ф. Жизненный и творческий путь Платона // Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т.1. М., 1990. – С. 3-4.

Представляется, что не знающим Платона, как философа, в этом отношении гораздо проще и даже комфортнее: они ведь не терзают себя мыслью о том, что не знают его или знают недостаточно. Они просто, как бы интуитивно, используют его слова, которые узнали в процессе образования, умственного развития, общения, размышления, не задумываясь об их первоначальном значении, тем более о том, кто именно придал этим словам определенный смысл. Эти слова настолько органично вошли в нашу речь, язык (научный и обыденный), что воспринимаются и терминологически, и содержательно как бы существующими извечно, как говорится, особенно, если этим специально не заниматься.

Имеется в виду то обстоятельство, что, говоря, например, о чем-то, что не свершилось, или же свершилось, но не так, как предполагалось: «А ведь по идее это должно было быть таким-то и таким-то», мы неосознанно уже апеллируем к Платону, к его понятию «идеи» как чего-то совершенного в своем роде. Это – одна сторона дела. Но есть и другая, которая, собственно, имеет прямое отношение к Платону и его учению об идеях. Дело в том, что, говоря: «По идее», мы уже предполагаем, что изначально есть что-то такое, что впоследствии должно или может воплотиться в нечто, обладающее какими-то определенными параметрами и характеристиками. Иначе говоря, понятие «идея» мы зачастую используем как синоним замысла чего-то такого, чего еще нет, но что в будущем может проявиться, материализоваться, наполниться каким-то конкретным содержанием и обрести конкретную форму.

То же самое и со многими другими словами – человек, добро, зло, любовь, красота и т.д. В самом деле, многие ли, к примеру, из не специалистов (имеется в виду, философов, прежде всего) знают, что Платон одним из первых пытался дать определение понятию «человек», полагая, что это – двуногое животное без перьев (насколько оно было удачным по форме и по содержанию – вопрос другой)? По поводу других слов и понятий можно сказать нечто аналогичное.

Однако не специалисту этого и знать не надо. Ведь каждый человек приходит в уже готовый, давно сформировавшийся мир социума, мир культуры и мир языка, в том числе, где многочисленные слова, понятия живут сами по себе, независимо от того, знает он их или не знает. Однако корни их, вполне возможно, уходят в древность, в античность, а многие из них, в том числе, и к Платону. Значит, у нас, таким образом, всегда обязательно есть связь с Платоном (читали мы его или нет), опосредованная многими другими людьми, пространственно-временными, социокультурными и языковыми феноменами, текстами (как самого Платона, так и текстами его многочисленных исследователей и интерпретаторов).

Следовательно, задача каждого из нас – освоить этот мир языка и мир культуры, без чего невозможно быть человеком в полном смысле слова. Разумеется, что степень и глубина освоения могут при этом существенно отличаться, но в данном случае это не столь важно, поскольку гораздо важнее сам принцип. В связи с этим утверждением обратимся к следующему сравнению. В свое время Александр Блок отчеканил формулу: *только влюбленный имеет право на звание человека*. С полным на то основанием мы можем также сформулировать, что только освоивший мир языка и мир культуры имеет право на звание человека. Рискнем продолжить этот ряд и предложим следующую «формулу»: *только изучивший философию Платона имеет право на звание человека, обладающего философским знанием*.

Заслуживает внимания мысль, высказанная Т.С. Лапиной о том, что «культура представляет собой фундаментальное явление социума, ибо человечество пока выживает и развивается благодаря преобладанию культуры над разрушительными общественными процессами. Она формируется в ходе исторического *возделывания субъектами ресурсов достойного человеческого существования* и вмещает в себя созданное ими *ценностное достояние*. Культура может существовать и развиваться, справедливо подчеркивает Т.С. Лапина, только если субъекты активно противостоят как естественным разрушительным процессам, так и ее общественным антиподам: антикультуре, бескультурью, аккультурации... Понятие культура можно определить как *позитивный опыт людей по производству и освоению ценностей*³».

³ Лапина Т.С. Философия культуры: вариант понимания. М., 2003. – С. 6-7.

В целом же, не будет преувеличением сказать, что человек, как *homo sapiens*, давно уже живет не только и не столько в пространстве природы, сколько в пространстве культуры. Более того, в настоящее время обращается внимание на то, что «человек живет в созданной им самим информационной среде – в мире предметов и явлений, являющихся знаками, в которых закодирована разнообразная информация. *Эта среда и есть культура*. Можно сказать, что культура играет в обществе роль, подобную той, которую играет в компьютере его информационное обеспечение. Последнее, как известно, включает в себя машинный язык, память, программы работы компьютера. Аналогичным образом и культура обеспечивает общество языком, социальной памятью, программами человеческого поведения. Следовательно, можно сказать, что культура выступает как своего рода *информационное обеспечение общества*»⁴. Происходит это потому, что сегодня «культура погружается в «пространство» глобальной коммуникации»⁵.

На первый взгляд может показаться странным, что великий Платон, имя и философия которого раз и навсегда прочно вошли в мировую философскую культуру, ни разу в своих диалогах слово «культура» не употребляет. Однако, в этом нет ничего ни странного, ни парадоксального, если принять во внимание тот факт, что термин «культура» появился много лет спустя после смерти великого античного мыслителя, к тому же на латинском языке. Как известно, автором этого термина является Цицерон, впервые употребивший его в словосочетании, которое чаще всего приводится в литературе, «философия – есть культура ума», считая, что глубокий ум может возникнуть благодаря философским размышлениям.

Эту мысль можно несколько уточнить следующим образом. Как отмечает И.И. Гарин⁶, «Цицерон в письме Тускулану впервые использовал это понятие в сочетании с «духом»: *cultura animi autem philosophia est* (культура духа есть философия). Цицерон писал, что разум необходимо возделывать так же, как крестьянин возделывает почву». Таким образом, следует отметить заслугу Цицерона в том, что слово, взятое из обыденного языка, обозначающее обработку почвы, он использовал в переносном смысле, понимая его как возделывание человеческого ума, уход, улучшение, облагораживание телесно-душевно-духовных склонностей и способностей человека в процессе воспитания и образования, формирования полезных качеств и черт личности, «окультуривание», одним словом. Соответственно, существует культура тела, культура души и духовная культура (в этом смысле Цицерон и говорил о *cultura animi*).

С учетом сказанного, представляется необходимым подвергнуть сомнению (во всяком случае, корректировке) утверждение В.С. Малахова, который считает, что «хотя термин «культура» (*cultura*) в противопоставлении «природе» (*natura*) встречается на протяжении всей истории философии – от досократиков и Платона (курсив наш – Л.П.) до мыслителей эпохи Возрождения, понятие культуры в современном значении восходит к эпохе Просвещения»⁷. В этой мысли все вроде бы и правильно, но правильно лишь за исключением того, что использования Платоном термина «культура» не могло быть в принципе, поскольку в греческом языке этого термина не было, зато широко употреблялся термин «пайдейя». Например, О.А. Митрошенков замечает, что, «в античном сознании понятие культуры отождествляется с пайдейей, то есть воспитанностью, образованностью, которые отличали эллинов от «некультурных» варваров. У софистов и киников просматривается противопоставление природы как явления относительно постоянного человеческого закону, или установлению – изменчивому, произвольному. Культура в этой системе ценностей трактуется как феномен менее значимый, нежели природа»⁸.

⁴ Кармин. А. Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 2006. № 2. – С. 53

⁵ Миронов В.В. Коммуникативное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Вопросы философии. 2006. № 2. – С. 31.

⁶ Гарин И.И. Что такое этика, культура, религия? М., 2002. – С. 494.

⁷ Малахов В.С. Философия культуры // Новая философская энциклопедия: В 4 т.: Т.4 – М.: 2001. Т. 4. – С. 214.

⁸ Митрошенков О.А. Культура и цивилизация (материалы лекции) // Личность. Культура. Общество. Т. II. Вып.2 (3), 2000. – С. 196.

Поэтому, на наш взгляд, следует подчеркнуть, что если В.С. Малахов имел в виду не буквальное употребление Платоном термина «культура», а его содержательную сторону, то есть, как понятие, то это обстоятельство нужно было специально оговорить, чтобы не создавать такой двусмысленности, на которую мы обратили внимание выше. В противном случае, получается как-то неуклюже: приводится термин на латинском языке и утверждается, что именно его использовал Платон. Нам представляется, что это недоразумение связано с не совсем строгим различением слов «понятие» и «термин». Вполне возможны, наверное, ситуации, когда их можно употреблять как взаимозаменяемые, тождественные. Однако в данном случае этого делать не следует, хотя бы потому, что по своей этимологии слово *cultura* восходит к латинскому *colere* (возделывать, обрабатывать). Впоследствии слово *cultura* стало использоваться в качестве понятия, а затем приобрело терминологический характер. Соответствие латинскому слову «культура» греческого слова «пайдейя» говорит о том, что в данном случае они употребляются именно как понятия.

Как отмечает Г.В. Драч, «понятие «пайдейя» (греч. *paideia*) близко по содержанию латинскому «культура», трансформация которого в римской античности свидетельствует об их общей наполненности антропологическим (общечеловеческим) содержанием, общий контекст этой трансформации – человеческая ученость, образованность»⁹. Интересное уточнение предлагает Л.И. Микешина, подчеркивая, что пайдейя означает образование и воспитание как формирование человека через овладение культурой, универсальным знанием и добродетелями, составляющими сущность его бытия. Более общее значение пайдейя – внутренняя жизнь, духовность, культура как высшее богатство человека, которое его душа всегда «носит с собой», даже после смерти¹⁰.

Таким образом, Платон пользовался, конечно, понятием «пайдейя» в том смысле, в котором позже стали пользоваться понятием «культура». Различие пайдейя софистов и Сократа, замечает Л.А. Микешина, Платон рассматривал в диалоге «Протагор», а в «Государстве» и «Законах» он представил пайдейя не только как смысл жизни души, но и политики государства¹¹.

Интересное замечание по этому поводу делает И.И. Гарин. Он пишет, что уже Платон в своих последних работах наслаждался игрой двух одинаково звучащих слов: «*paideia*» – культура и «*paideia*» – игра, шутка, жизнерадостность, ребячество. Свой собственный философский труд он сравнивал с трудом корабеля, налаживающего киль культуре. В Платоне, продолжает И.И. Гарин, на склоне лет вновь расцвела ирония его учителя Сократа. И эта ирония, эта столь действенная двусмысленность принесла самые ироничные плоды: случилось так, что по спискам, в которых дошли до нас последние книги Платона, можно заметить, что переписчик уже не знал, когда писать «*paideia*», «культура», а когда – *paideia*, «шутка»¹².

Хорошо известно также, что в дальнейшем понятие «культура» приобрело еще более общее значение и получило расширительное толкование, поскольку стало связываться с распространением его на все то, что создано человеком и противостоит всему природному, естественному. Именно такое понимание этого термина было использовано немецким философом-просветителем С. Пурендорфом, который определял культуру как оппозицию «естественному состоянию», как все то, что произведено. Впоследствии это стало называться надбиологическими программами человеческой жизнедеятельности.

Как справедливо подчеркивают Ю.Г. Волков и В.С. Поликарпов¹³, жизнедеятельность человека невозможно представить без многообразного и многоцветного мира культуры – мира мифологии, религии, искусства, философии, науки, права, политики, интимных отношений, суеверий, мистики, колдовства и др. Неудивительно, что в современ-

⁹ Драч Г.В. Пайдейя // Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М., 2003. – С. 770.

¹⁰ Микешина Л.А. Пайдейя // Глобалистика... – С. 773.

¹¹ Там же.

¹² Гарин И.И. Что такое этика, культура, религия? М., 2002. – С. 494-495.

¹³ Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Интегральная природа человека: Естественнонаучный и гуманитарный аспекты. – Ростов н/Д., 1993. – С. 110.

ной культурологии и социологии понятие «культура» является фундаментальным. Оно считается столь же необходимым для анализа социальной жизни и деятельности человека, как понятие «гравитация» для физики или понятие «эволюция» для биологии.

Нельзя не согласиться с крупным современным российским философом академиком В.С. Степиным, в том, что в историческом развитии понятия «культура» была своя внутренняя логика. Движение мысли шло от отождествления культуры со всем, что создано человеком, к анализу человеческой активности (деятельности, поведения и общения), благодаря которой создается надприродная сфера человеческого бытия, искусственное в противовес естественному, природному¹⁴.

Другой исследователь, А.Л. Доброхотов, подчеркивает, что философы античности были нацелены главным образом на толкование природы как единственной всеохватывающей реальности, и субъективный аспект культурного творчества рассматривался ими в качестве того, что надо изживать в пользу объективно верного «подражания» (мимесиса) природным образцам (как бы при этом ни понималась природа). Правда, продолжает он, античность знала понятия, близкие к нашему пониманию культуры: таковы, например, греческая «пайдейя» и римская «гуманитас», общий смысл которых – воспитание и образование, делающие из природного человека достойного гражданина. Было также понятие «мусейя», которое обозначало область духовных достижений образованного человека. Однако древние не видели здесь специфического предмета науки, поскольку «мусическое» отличает свободного и образованного грека от варвара, но само не является наукой, и в нем нет особых законов его собственного бытия¹⁵.

Многообразие определений культуры, существующих на данный момент, хорошо объясняется, на наш взгляд, известной мыслью Гегеля о том, что «чем богаче подлежащий определению предмет, т.е. чем больше различных сторон он представляет рассмотрению, тем более различными оказываются даваемые ему дефиниции»¹⁶. Хорошо известно, что понятие культуры включает в себя целый спектр смыслов, а в ее изучении пересекаются интересы многих наук: истории, этики, эстетики, антропологии, этнографии, социологии, психологии, этнопсихологии, демографии, семиотики, информатики и т.д.¹⁷. Не случайно поэтому, на данный момент нельзя более-менее определенно зафиксировать количество дефиниций культуры (специалисты порой называют их от трехсот до шестисот).

Такое многообразие дефиниций культуры, по мнению Ю.Г. Волкова и В.С. Поликарпова, свидетельствует и о сложности этого феномена, и о полифункциональности, емкости и универсальности понятия «культура». Во всяком случае, считают они, заслуживает внимания формулировка культуролога Э.А. Орловой, согласно которой понятие «культура» фиксирует человечески-содержательный аспект общественных отношений, его можно определить через вовлечение в процесс общественного производства предметы, знания, символические системы, наборы ценностей, способы деятельности и взаимодействия индивидов, механизмы организации и регуляции их связей с окружением, критерия оценок окружения и связей с ним. При таком подходе культура понимается как процесс, результат и поле осуществления потенций человека в данную эпоху¹⁸.

Как совершенно справедливо подчеркивает Л.Г. Ионин, «культура – одно из двух-трех самых сложных слов, используемых в практическом и научном обиходе. Отчасти это объясняется тем, что оно имеет сложную и запутанную языковую историю, а отчасти тем, что оно применяется для обозначения крайне сложных понятий в разных научных дисциплинах и к тому же в самых различных системах мысли»¹⁹. Разумеется, что при таком положении дел, было бы очень наивно рассчитывать на то, что какое-либо определение культуры способно заслужить единодушное признание.

¹⁴ Степин В.С. Культура // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М., 2001. Т. 2 – С. 341-342.

¹⁵ Словарь философских терминов / Научная редакция В.Г. Кузнецова.- М., 2005. – С. 271-272.

¹⁶ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1975. – С. 413.

¹⁷ Шишин М.Ю. Перспективы построения ноосферной философии культуры // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2003. №4. – С. 42.

¹⁸ Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Интегральная природа человека... – С. 110.

¹⁹ Ионин Л.Г. Социология культуры. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2004. – С. 13.

Конечно, далеко не все они в строго логическом смысле являются определениями, а зачастую более похожи на метафорические высказывания, фиксируя, тем не менее, важные отдельные характеристики этого феномена. Например, П.А. Флоренский говорил, что культура – это веревка, которую можно бросить утопающему, а можно ею же и соседа удушить. Собственно говоря, здесь нет определения в строгом смысле слова, однако кое-что весьма существенное относительно культуры (на уровне межличностных отношений) схвачено довольно верно. Мы можем предложить и такое определение-метафору: культура это вечнозеленое дерево с многочисленными ветвями и пышной кроной, своими корнями уходящее в глубь веков человеческой истории; дерево, питающее человечество своими живительными соками и само подпитывающееся от человека и общества, благодаря их материальной и духовной деятельности.

Заслуживает внимания также определение культуры, предложенное академиком Д.С. Лихачевым в разработанной им «Декларации прав культуры». По его мнению, «под культурой понимается сотворенная человеком материальная и духовная среда обитания, а также процессы создания, сохранения, распространения и воспроизводства норм и ценностей, способствующих возвышению человека и гуманизации общества»²⁰.

В качестве примера строгих определений культуры можно привести следующие, представленные в современной справочной литературе и научных статьях. Так, по мнению А.Л. Доброхотова, культура есть совокупность искусственных объектов (идеальных и материальных), созданных человеком в процессе освоения природы и обладающих структурными, функциональными и динамическими закономерностями (общими и специальными). Понятие «культура» употребляется также для обозначения уровня совершенства того или иного умения, а также его внепрагматической ценности²¹.

По мнению В.В. Миронова, «культура представляет собой диалектическое образование, противоречивые стороны которого в виде противоположных культурных тенденций – массового и элитарного – находятся в относительном единстве. С одной стороны, она вбирает в себя стереотипы, традиции и нормы жизни, которые характерны для большинства людей в их повседневной жизни. С другой – в культуре вырабатывается такой вид деятельности и такие продукты этой деятельности, которые далеко отстоят от стандартных жизненных стереотипов и представлений, удалены от реальности, представляя собой особый культурный пласт. Противоречие заключается в том, что каждый человек, участвуя в образовании культуры, одновременно испытывает на себе влияние обеих сторон...»²².

С точки зрения В.С. Степина, культура это система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях. Программы деятельности, поведения и общения представлены многообразием знаний, норм, навыков, идеалов, образцов деятельности и поведения, идей, гипотез, верований, целей, ценностных ориентации и т.д.²³.

Обратим внимание на выделение В.С. Степиным в сложном исторически развивающемся многообразии надбиологических программ трех уровней: *первый* уровень представляет собой реликтовые программы, осколки прошлых культур, которые живут в современном мире, оказывая на человека определенное воздействие; *второй* уровень – это слой программ поведения, деятельности, общения, которые обеспечивают сегодняшнее воспроизводство того или иного типа общества; *третий* уровень образуют программы социальной жизни, адресованные в будущее. Их культура генерирует за счет внутреннего оперирования знаковыми системами. Этот уровень культурного творчества, адресованный к будущему, обретает тем большую ценность, чем динамичнее общество²⁴.

В настоящее время специалисты в области исследований феномена культуры насчитывают более десяти подходов к ее определению, Это связано, на наш взгляд, не только со сложностью определения этого многогранного и полифункционального явления, но

²⁰ Лихачев Д.С. Декларация прав культуры // Рубежи. 1997, № 12. – С. 154.

²¹ Словарь философских терминов... – С. 271.

²² Миронов В.В. Коммуникативное пространство как фактор трансформации... – С. 31.

²³ Степин В.С. Культура // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001. Т. 2. – С. 341.

²⁴ Там же. – С. 343.

и с тем, что, как отмечает академик В.С. Степин, «культура пронизывает все без исключения состояния социальной жизни, и нет ни одного социального феномена, который был бы изолирован от влияния культуры, не нес бы на себе печати ее воздействия»²⁵.

В этой связи заслуживает внимания подход В.С. Степина, в соответствии с которым роль культуры в обществе, как целостном социальном организме, понимается как аналог генетических кодов, то есть как социокод, посредством которого от человека к человеку, от поколения к поколению передается развивающийся массив социального опыта. Важнейшим видом социокода, который регулирует человеческую жизнедеятельность, по утверждению В.С. Степина, является естественный язык, позволяющий не только описывать человеческий опыт, но и порождает новый опыт в процессе коммуникации²⁶.

По поводу соотношения двух констант «Платон» и «культура» можно сказать, что ситуация здесь примерно такая же, на которую обращал внимание академик М.А. Барг в связи с использованием понятия «смысл истории». Как известно, подчеркивал он, ни Платон, ни Аристотель не оставили человечеству ни единой строки на тему как «О смысле истории», тем не менее, без обращения к их творениям историческое сознание античности останется не раскрытым в ряде важных его аспектов²⁷. На наш взгляд, совершенно очевидно, что в достаточно полной мере раскрыть содержание такого феномена как культура, причем, как в историческом, так и в современном контексте без обращения к философии Платона также нельзя.

Представляется, что как раз об этом же, т.е. о том, что без выяснения вопроса о соотношении идеального и реального (по сути дела, без Платона – Л.П.) создать онтологию культуры нельзя, пишет Т.С. Лапина. Именно Платон, напоминает она, в свое время ввел в философию предпосылки миру земных, чувственных вещей мира умопостигаемых духовных сущностей-идей в качестве образца и парадигмы земных вещей, на нашем языке – реальности (бытия). Платон первым в Европе, фактически, увидел разделение сущего на идеальное и реальное. Идеальное у Платона – это мир идей, общих родовых понятий, понятий класса вещей. Идеи он понимал и как причины земных вещей. Со времени Платона, подчеркивает Т.С. Лапина, *принцип платонизма* в той или иной модификации, но неизменно как разделение сущего на идеальное и реальное и предположение идеального в качестве объекта стремления и предела становления реальному стал проходить через мировую философию и проходит до сих пор. В отечественной философии, справедливо замечает она, этот принцип наиболее ярко воплотился в философской системе Вл. Соловьева²⁸.

Фактически все мыслители, продолжает Т.С. Лапина, которые придерживаются принципа платонизма, считают, что нередко человек в своих действиях или исходит из идеальных представлений и/или при помощи их проверяет свою активность и ее результаты. Многих философов вообще занимает сложная проблема соотношения идеального и реального, которую каждый из последователей Платона решал несколько по-разному. Однако почти все те из них, кто занимается проблемами культуры, не представляют культуры вне выражения в ней определенного соотношения идеальных сущностей и бытия, идеального и реального²⁹.

Более того, по мнению Т.С. Лапиной, соотношение идеального и реального адекватно выражается в принципе *взаимной обусловленности идеального и реального*, которого, конечно, Платон не мог выдвигать, поскольку считал идеи самодостаточными, неизменными и предельно совершенными. Онтология культуры, считает она, непостижима без обращения к взаимосвязи идеального и реального, значит, без утверждения в осовремененной форме великого принципа платонизма. Он является одним из принципов понимания культуры, тогда как обеспечение субъектами того, чтобы реальное и идеальное взаимно обогащали друг друга, является одним из принципов производства культуры³⁰.

²⁵ Степин В.С. Культура // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001. Т. 2. – С. 342.

²⁶ Там же. – С. 342.

²⁷ Барг М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма. – М., 1987. – С. 32.

²⁸ Лапина Т.С. Философия культуры: вариант понимания. – М., 2003. – С. 88.

²⁹ Там же. – С. 88-89.

³⁰ Там же. – С. 89.

В контексте размышлений о феномене культуры, мысль о Платоне, философия которого диалогична не только по форме, но и по содержанию, не может не возникнуть, если учесть, что культура, как замечает В.В. Миронов, носит диалогичный характер. Он подчеркивает, что «диалог культур» – это познание иной культуры через свою, а своей через другую путем интерпретации и адаптации этих культур друг к другу в условиях смыслового несовпадения большей части обеих. Главным средством этого процесса выступает язык, знание которого является важнейшей предпосылкой понимания другой культуры³¹. Совершенно справедливо В.В. Миронов замечает далее, что «понимание культуры как диалога культур – это область философского исследования, которое не может быть заменено знаниями филологическими, лингвистическими, социологическими, историческими и т.д. Именно в этом смысле философия стоит в центре того, что когда-то очень метко назвали «науками о духе», и в этой своей ипостаси она непосредственно выражает не только смысл культуры той или иной эпохи, но и смысл культуры в целом, увеличивая сам культурный массив смыслов³².

По нашему мнению, очень многое в данном контексте рассмотрения проблемы, становится на свои места, если обратить внимание не просто на понятие «культура», а на понятие «универсалии культуры». Это понятие использует В.С. Степин в статье, опубликованной в энциклопедии «Глобалистика», где универсалии культуры понимаются как предельные основания культуры, представленные мировоззренческими универсалиями, (категориями культуры), которые в своем взаимодействии создают целостный обобщенный образ человеческого мира³³.

Следует при этом заметить, что в «Новой философской энциклопедии» отдельной статьи об универсалиях культуры нет, но их характеристика органично входит в большую статью «Культура». Вообще-то, точнее было бы сказать, что в энциклопедии «Глобалистика» представлен материал «универсалии культуры», вычлененный из этой статьи, то есть в данном случае В.С. Степин придал словосочетанию «универсалии культуры» терминологический характер.

Прежде чем говорить о содержательной стороне этого термина, следует подчеркнуть несколько важных аспектов относительно понятия «культура». Так, академик В.С. Степин подчеркивает, что противопоставление феноменов материальной и духовной культуры весьма относительно, поскольку любые феномены культуры являются семиотическими образованиями. Предметы материальной культуры выполняют в человеческой жизни двоякую роль: с одной стороны, они служат практическим целям, а с другой – выступают средствами хранения и передачи смыслов и значений, регулирующих деятельность, поведение и общение³⁴.

Известный специалист в области изучения культуры, Ю.М. Лотман, подчеркивал, что только во второй своей функции они выступают в качестве феноменов культуры. Кроме того, согласно Ю. М. Лотману, как отмечает А. Кармин, культура, если понимать ее как своего рода информационное обеспечение общества, представляет собой «коллективный интеллект общества», который – подобно индивидуальному интеллекту человека – вырабатывается, хранит и использует для решения разнообразных задач информацию (но информацию социальную, т.е. содержащуюся не только в голове индивида, а во множестве культурных «текстов», создаваемых с помощью знаков и знаковых систем)³⁵.

Многообразие культурных феноменов всех уровней, подчеркивает академик В.С. Степин, организовано в целостную систему, систематизирующим фактором которой выступают предельные основания каждой исторически определенной культуры. Они в свою очередь представлены мировоззренческими универсалиями, аккумулирующими исторически накопленный социальный опыт, и в их системе человек определенной куль-

³¹ Миронов В.В. Коммуникативное пространство как фактор... – С. 35.

³² Там же.

³³ Степин В.С. Универсалии культуры // Глобалистика... – С. 1040.

³⁴ Степин В.С. Культура // Новая философская энциклопедия... Т. 2. – С. 342.

³⁵ Кармин А. Философия культуры в информационном обществе ... – С. 53.

туры оценивает, осмысливает и переживает мир, сводит в целостность все явления действительности, попадающие в сферу его опыта³⁶.

Поскольку понятия «мировоззрение» и «культура» по объему шире понятия «философия», то и понятие «универсалии культуры» («мировоззренческие универсалии») шире понятия «категории философии». Поэтому, ссылаясь на В.С. Степина, заметим, что: во-первых, их не следует отождествлять с философскими категориями, которые возникают как результат рефлексии над универсалиями культуры; во-вторых, мировоззренческие универсалии могут функционировать и развиваться и вне философской рефлексии, о чем, к примеру, свидетельствует тот факт, что они были присущи и тем культурам, в которых не сложились развитые формы философского знания (Древний Египет, Вавилон и т.п.)³⁷.

Академик В.С. Степин считает, что многочисленные универсалии культуры можно свести в два больших и связанных между собой блока. *Первый блок* составляют категории, фиксирующие наиболее общие, атрибутивные характеристики объектов, включаемые в человеческую деятельность. В данном случае речь идет о таких категориях, как «пространство», «время», «движение», «вещь», «отношение», «количество», «мера», «содержание», «причинность», «необходимость», «случайность» и т.д.³⁸.

Совершенно очевидно, что категории этого блока представляют собой универсальные онтологические характеристики окружающего мира в его природном и социальном измерении, выступая в качестве базисных структур сознания человека.

Кроме них, в историческом измерении культуры сформированы и другие, особые типы категорий, напрямую связанные с человеком как субъектом деятельности, со структурой его общения, отношения к другим людям и обществу в целом, к ценностям и целям социальной жизни. Как раз они-то и составляют *второй блок* универсалий культуры. Он включает в себя такие категории, как «человек», «общество», «сознание», «добро», «зло», «красота», «вера», «надежда», «долг», «совесть», «справедливость», «свобода» и т.п.³⁹.

Как видим, категории этого блока можно представить как гносеологические и аксиологические характеристики окружающего мира в его собственно человеческом измерении. Именно эти категории показывают, что человек есть стержень культуры, и именно эти категории способны, как нам представляется, наиболее адекватно выразить целостность культуры.

Относительно целостности культуры уместно привести мысль В.В. Сильвестрова, который полагал, что «определить целостность культуры – это значит найти смыслообразующий источник в формах ее выражения, представить последние как способы выражения смысла и преемственности этого выражения в межиндивидуальном общении. Этот смыслообразующий источник, разумеется, неотделим от реальных индивидов, в общительной деятельности которых культура живет, воспроизводится и развивается. Вот почему, считает В.В. Сильвестров, выявление процесса смыслообразования предполагает обнаружение реального творческого сообщества индивидов – реальной представленности межиндивидуальной общительной связи. Это творческое общительное содружество индивидов – сердце и душа любой культуры»⁴⁰.

По-нашему мнению, совершенно очевидно, что без обращения к философии Платона, вряд ли можно достаточно адекватно, всесторонне и плодотворно рассматривать проблему культуры, безотносительно к тому, с точки зрения какого подхода такая мыслительная работа осуществляется. При этом вовсе необязательно, как мы уже отмечали выше, пытаться найти это понятие в его работах в буквальном смысле. Примечательно в этом плане замечание академика М.А. Барга относительно использования понятия «смысл истории», а также мнение Т.С. Лапиной по вопросу соотношения идеального и реального. Весьма важно для решения вопроса о содержании культуры учитывать предлагаемое академиком В.С. Степиным понятие «универсалии культуры».

³⁶ Степин В.С. Культура Т. 2. – С. 343.

³⁷ Степин В.С. Там же – С. 344.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Сильвестров В.В. Культура. Деятельность. Общение. М., 1998. – С. 94-95.

Список литературы

1. Старосельская, Наталья. Уроки умерших учителей [Текст] / Наталья Старосельская // Октябрь, 1987. – №4.
2. Лосев, А.Ф. Жизненный и творческий путь Платона [Текст] / А.Ф. Лосев // Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т.1 / Общ. ред. А.Ф. Лосева и др.; Авт. вступит. статьи А.Ф. Лосев; Примеч. А.А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1990.
3. Лапина, Т.С. Философия культуры: вариант понимания [Текст] / Т.С. Лапина. – М.: ООО «Профобразование», 2003.
4. Кармин, А. Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы [Текст] / А. Кармин // Вопросы философии, 2006. – № 2.
5. Миронов, В.В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии [Текст] / В.В. Миронов // Вопросы философии, 2006. – № 2.
6. Гарин, И.И. Что такое этика, культура, религия? [Текст] / И.И. Гарин. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2002.
7. Малахов, В.С. Философия культуры [Текст] / В.С. Малахов // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т.4. – М.: 2001.
8. Митрошенков, О.А. Культура и цивилизация (материалы лекции) [Текст] / О.А. Митрошенков // Личность. Культура. Общество. Т. II Вып. 2. (3). 2000.
9. Драч, Г.В. Пайдейя [Текст] / Г.В. Драч / Глобалистика: Энциклопедия // Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003.
10. Микешина, Л.А. Пайдейя [Текст] / Л.А. Микешина // Глобалистика: Энциклопедия // Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003.
11. Волков, Ю.Г., Поликарпов, В.С. Интегральная природа человека: Естественнонаучный и гуманитарный аспекты [Текст]: Учебное пособие / Ю.Г. Волков, В.С. Поликарпов. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1993.
12. Степин, В.С. Культура [Текст] / В.С. Степин // Новая философская энциклопедия...Т. 2
13. Словарь философских терминов [Текст] / Научная редакция В.Г. Кузнецова. – М.: ИН-ФА-М, 2005.
14. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук [Текст] / Г.В.Ф. Гегель. Т. 1. Наука логики. – М.: Мысль, 1975.
15. Шишин, М.Ю. Перспективы построения ноосферной философии культуры [Текст] / М.Ю. Шишин // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2003. № 4.
16. Степин, В.С. Универсалии культуры [Текст] / В.С. Степин // Глобалистика: Энциклопедия // Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003.
17. Ионин, Л.Г. Социология культуры [Текст] / Л.Г. Ионин. – М.: Логос, 2004.
18. Лихачев, Д.С. Декларация прав культуры [Текст] / Д.С. Лихачев // Рубежи. Научно-философский и общественно-политический журнал Конгресса интеллигенции Российской Федерации, 1997. – № 12.
19. Барг, М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма [Текст] / М.А. Барг. – М.: Мысль, 1987.
20. Сильвестров, В.В. Культура. Деятельность. Общение [Текст] / В.В. Сильвестров. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998.

PLATO AND CULTURE IN THE VIEW OF PHILOSOPHIC KNOWLEDGE

L. Y. PODVOYSKY

*Astrakhan State
University*

The article studies the relation of two constants – “Plato” and “culture”. The author emphasizes the great significance of Plato's philosophy, which penetrates into the world philosophy and the world culture. The article marks that people have been living not only in the space of nature, but also in the space of culture. It also says that it is impossible to create the ontology of culture without solving the issue on the balance between the ideal and the real. The author quotes a number of scientific definitions of culture and gives his own definition- metaphor of culture. Much attention is paid to V.S. Styopin's approach that distinguishes besides the notion of “culture” and “universals of culture”. The author discloses the notions of “culture” and “paideia”.

Key words: Plato, culture, philosophy, language, notions, categories, paideia, ontology of culture, universals of culture.

ПАРТНЕРСТВО И МИГРАЦИЯ ИНОСТРАННОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ¹

Н.В. ПОСОХОВА

*Белгородский
государственный
институт искусств
и культуры*

Национальная миграция рабочих является важной составляющей мировой экономики. Существующая система использования трудовых мигрантов требует серьезной модернизации. Выполнение стратегии выживания снижает значение социального капитала миграционных потоков, исключает мигрантов из региональных процессов. Механизмом преодоления негативных тенденций может выступать социальное партнерство как институт, обеспечивающий не только общественную стабильность, но и улучшение качества человеческой сути.

Ключевые слова: трудовая миграция, глобализация, социальное партнерство.

Миграция иностранной рабочей силы сегодня представляет из себя одну из главных составляющих совокупных миграционных перемещений. В пределах 90% всех интернациональных мигрантов передвигаются в экономические развитые страны в поисках постоянного заработка. В условиях глобализации огромное количество государств включается в процесс интернациональной миграции, среди них новейшие страны, возникшие на постсоветском пространстве.

Миграция как момент глобального взаимодействия считается важной проблематикой изысканий в идущем в ногу со временем мире. Предпосылки чуткого исследования этой трудности детерминированы её масштабами, воплощенной тенденцией к росту миграционных перемещений, социально-экономическими, политическими, социокультурными результатами миграционных действий.

Белгородская область привлекательна для трудовых мигрантов из ближнего и далекого зарубежья. Это обусловлено, прежде всего, географическим, климатическим и экономическим положением. Следует заметить, что стойкая, отстроенная система действия на миграционные процессы в России пребывает в стадии возникновения. Как не прискорбно, переход возможностей по регулированию передвижения структурам правопорядка принесла определенные итоги в наиболее строгом противодействии нелегальной миграции, но не изменила миграционную обстановку в общем. Сначала это связано с тем, что органы исполнительной власти региона и местного самоуправления оказались практически немного отстраненными от решения задач передвижения иностранной рабочей силы. Органами государственной власти не сопоставлены ценности миграционной политики в стране.

Противоречивость и несоответствие миграционных действий замечают почти все ученые. Вроде как, трудовая миграция содействует социально-экономическому развитию ареала, если взглянуть под другим углом, затрудняет структурную перестройку и техническое перевооружение отдельных секторов экономики, образует ансамбль трудностей административного и общественного характера. Имеющая место быть система привлечения и применения иностранной рабочей силы настоятельно просит серьезного переустройства.

Е.А. Назарова считает нужным создание рекрутинговых организаций по привлечению иностранной рабочей силы, прежде всего грамотной, либо государственной (региональной) «биржи труда» для жителей других стран при подходящем законодательном сопровождении, несомненно, станет содействовать увеличению качеству трудовой миграции, учету мигрантов на основании заявительного принципа.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта для ученых области по основным направлениям профессионального образования региона (договор № Г 02)

В этот момент разноплановость миграционных действий, неоднозначное отношение к ним не могут закрывать от нас трудности человеческого измерения этого явления. Какое место мигрант как индивидум занимает в системе координат социокультурного места ареала, каковы его профессиональные статусы и роли, с какими ожиданиями он прибывает и с какими чувствами отбывает «домой»? Надлежит отдавать отчет в том, что реализация стратегии самовывживания мигрантов порождает закомплексованность в следующем дне, воссоздает обстановку непостоянности, что приводит к неприятию мигрантами принимающего сообщества, вызывает ответную злость местных жителей.

Все это, так же, сокращает значение общественного капитала миграционных потоков, ликвидирует мигрантов из региональных действий. По видению Дж. Коулмана, понятие «социальный капитал» описывает природу общественных взаимоотношений индивидов. Он оценивал социальный капитал как потенциал обоюдного доверия и взаимопомощи, целерационально формируемый в межличностных отношениях. Отсюда идет, собственно основная функция общественного капитала – повышение результативности общественных деяний.

Нужно будет отметить, собственно целерациональность деяний представляет взаимодействие соучастников взаимоотношений, применительно к нам – трудовых мигрантов и принимающего сообщества в лице представителей органов власти, силовых структур, нанимателей, жильцов региона.

Представители символического интеракционизма заостряли внимание на том, собственно хоть какое стойкое взаимодействие вероятно только на базе взаимного признания партнерами общих критериев, ценностей, общепризнанных мер.

Этот расклад важен, учитывая мнение автора, для понимания кого-то из основных качеств преодоления неблагоприятных результатов трудовой миграции – формирования механизма институализации взаимоотношений мигрантов и принимающей стороны. Таковым механизмом имеет возможность выступать социальное партнерство – главнейший институт, обеспечивающий не столько социальную устойчивость, но и увеличение качества человеческого капитала.

Определим ключевые характеристики института партнерства. В первую очередь, этот институт, отражая единые характеристики сообщества и уровень партнерских взаимоотношений, в этот момент разрешает сделать свежие черты отношений в области трудовой миграции.

Так же, составление институализированных партнерских отношений содействует исследованию адекватной и действенной миграционной политики, что разрешит умеренно сформировывать неотложные государству потоки иностранной рабочей силы.

Кроме того, составление института социального партнерства в РФ осуществляется сверху. Зарождение этого института в области трудовой миграции настоятельно просит инициативы и управляющей роли органов государственной власти, так как миграционные процессы напрямую соединены с защищенностью страны.

Институализация взаимоотношений содействует развитию поведенческих ориентиров, системы ценностей, нравственных установок и норм, которые детерминируют поведение принимающего общества и мигрантов.

Остановимся на наиболее развернутой характеристике параметров социального партнерства.

1. Область использования социального партнерства значительно расширяется, и партнерские дела входят во все сферы публичной жизни. В этой связи случается составление новейших тенденций в развитии института социального партнерства. Одним из этих новых направлений считается развитие социального партнерства в области трудовой миграции. При таком варианте партнерство содержится в выработке совместной позиции по каким-нибудь вопросам и организации общих взаимовыгодных поступков при сохранении других интересов.

Выделим социально-экономические задачи в отношениях мигрантов и принимающей стороны, решение которых вполне вероятно, с нашей точки зрения, в масштабах социального партнерства:

– обеспечение прав мигрантов в области социально-трудовых взаимоотношений;

– легитимизация и институализация трудовых инцидентов между мигрантами и работодателями и их оперативное разрешение;

– составление представительных органов социальных партнеров в миграционной сфере на всех уровнях общественного диалога, увеличение обоюдной ответственности за соблюдением соглашений и договоров;

– решение трудностей охраны труда, общественного и медицинского обеспечения сотрудников, подготовки и переподготовки кадров, включая исследование русского языка, ситуации и культуры страны пребывания.

В масштабах социального партнерства нужно использовать малые социальные стандарты – оплата труда, медицинская страховка, страхование от несчастного производственного случая, охрана от произвола работодателя, что бы добиться общедоступности социальной защиты мигрантов при соблюдении интересов принимающего сообщества.

2. Ежели исходить из того, что основным моментом финансового подъема выступает человеческий капитал, то творение условий для его функционирования считается отправной точкой при определении стратегии социальной политики и социального партнерства, как одного из механизмов ее реализации. Можно согласиться с Л.А. Еловиковым, который признаёт, собственно «социальная политика обязана строиться на базе исследования нормативных характеристик, отражающих притязания производства к единому и профессиональному образованию и здоровью жителя нашей планеты, уровню становления его потребностей и мотивов трудовой деятельности».

Имеет смысл усилить внимание к профессиональной подготовке, использовать единую систему определения уровня квалификации мигрантов – такое может стать функцией социального партнерства.

Миграционная политика может рассматриваться как самостоятельный инструмент государственного управления таким сложным социально-демографическим явлением, как миграция населения, и вместе с тем она – важная часть обще социальной политики государства. Разделяя мнение Л.Л. Рабфаковского, считаю, что мероприятия, направленные на решение миграционных проблем, должны быть взаимоувязаны с политикой, реализуемой в других сферах государственного управления. Сегодня основными факторами миграции выступают механизмы формирующегося всероссийского рынка с его региональной спецификой и политическая конъюнктура как внутри России, так и на постсоветском пространстве.

Значит, очень важна разработка действенных механизмов перераспределения миграционных потоков с учетом геополитических интересов страны и облегчения интеграции мигрантов в районах вселения; составление условий для притока высококвалифицированных мигрантов, нацеленных на адаптацию в новых местах проживания, принятие производственной, организационной культуры принимающего общества.

3. В обеспечивании механизмов рационализации и легализации партнерских взаимоотношений между работодателями и трудовыми мигрантами в трансформирующемся сообществе одна из основных ролей принадлежит государству. Правительство при таком варианте как арбитр и гарант должно гарантировать одинаковые возможности субъектов социального партнерства. При всем этом подразумевается не прямое вмешательство страны, а опосредованное действие через составление экономико-правового, межгосударственного приспособления при интенсивном участии третьего сектора в лице культурно-национальных автономий, профессиональных объединений мигрантов, иных организаций и объединений.

Ограничивают развитие социального партнерства между муниципальными органами, работодателями и трудовыми мигрантами, понижают его эффективность следующие причины:

– маленький уровень производственно-экономической деятельности множества организаций, использующих труд мигрантов;

– предпочтительно сезонный характер трудовой миграции в регионе;

– дифференциация в имущественном положении и социальном статусе всевозможных групп мигрантов;

– непоследовательность в формировании и реализации прогрессивной миграционной политики.

Социальное партнерство в области трудовой миграции обязано обеспечить благополучную жизнь зарубежных трудящихся согласно с их квалификацией, трудовым вкладом, условиями труда, интенсивностью трудовой деятельности.

Крупнейший предмет партнерских взаимоотношений всех видов и значений – состояние жизни жителя нашей планеты, цивилизованность сообщества и уютность среды обитания.

Не говоря уже о том, что, психология и культура поведения страны, работодателей и иностранной наемной рабочей силы как субъектов социального партнерства обязаны основываться на осознании политического нрава этого на подобии взаимодействия, потому что согласование интересов в этой области в условиях демографического упадка в РФ представляет устойчивость и сохранность страны.

4. Социальное партнерство, характеризуя трудовые дела, с одной стороны, и устремляясь к их регулированию, с другой, характеризуется:

- в первую очередь, наличием субъектов взаимодействия, интересы которых в собственной основе противоположны;
- так же, потребностью осознания взаимодействующими участниками отличий собственных интересов;
- кроме того, пониманием того, собственно рыночная экономика реализует новейшую функцию рыночных трудовых взаимоотношений – охрану и реализацию важных интересов субъектов труда методом образования особых организационных структур и организации коллективных действий.

В отношении мигрантов российские коммерсанты примут на вооружение не лучший вариант классической системы патернализма, как скоро несоблюдение режима пребывания, неимение коллективных и личных договоров с трудовыми мигрантами разрешает нанимателю воплотить, на самом деле, безмерную власть в отношении зарубежных наемных тружеников. Патернализм ясно проявляется в доминировании взаимоотношений типа: строгость и справедливость, требовательность и доброжелательность, что подразумевает особенное покровительство, «охрану» собственных сотрудников, даже от закона, контроля органов власти, поскольку это знает работодатель.

А.В. Соловьев правомерно концентрирует внимание на такой важнейшей дефиниции, лежащей в базе социального партнерства, как взаимодействие.

Взаимодействие быть может непротиворечивым, базирующихся на обоюдной поддержке, содействии, координации взаимодействия сторон. В тот момент борьба как взаимодействие противоречивого характера включает такие качественно разные отношения сторон, как самосохранение, становление, функционирование одной стороны с помощью иной, уничтожение, отталкивание иной стороны, подавление ее. При всем при этом взаимодействие как динамическое явление станет содействовать современному или же регрессивному развитию.

Если мы обратимся к опыту иных государств, в том числе Германия – держава с высочайшим уровнем мигрантов и как следует развитой системой взаимоотношений социального партнерства, то тут особенный интерес представляет работа советов по делам жителей других стран в Германии. Задача советов – предоставление уроженцам немецкого происхождения полномочия роли в соответствующей политике и формировании социально-трудовых взаимоотношений.

Механизмы и процедуры разговора и совместной работы меж объединениями трудовых мигрантов, государственными и региональными властями, работодателями не отработаны. Предстоит шире внедрять прогрессивные способы и расклады к ведению переговоров, урегулированию споров, обоюдному признанию и почтению прав заинтересованных сторон.

Появляются закономерные вопросы: какая структура обязана быть координатором трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых взаимоотношений в системе «государство-работодатель-трудовой мигрант?» Обязана ли комиссия быть безусловно трехсторонней?

Вероятно в дальнейшем совместная работа страны, среднего и малого бизнеса и трудовых мигрантов станет развиваться через публичные фонды, учрежденные на регио-

нальном и местном уровнях. Их работа обязана строиться на принципах гласности и открытости.

В РФ работают культурно-национальные автономии, и случается интенсивное стихийное формирование народных объединений разного смысла. Этнокультурные союзы решают не совсем только этнокультурные или же конфессиональные вопросы, да и финансовые либо политические трудности прибывающих в регион мигрантов.

Институциональная полнота работы этнокультурных объединений, сообществ и общин в состоянии сделать их полноценными субъектами социального партнерства. Надлежит согласиться с Т.Г. Бортниковой, отмечающей высочайший общественный статус этнокультурных объединений. Анализ работы этнокультурных организаций разрешает рассматривать их как общественные институты. Являясь социальными добровольными формированиями, они исполняют функцию возведения гражданского общества в виде его составляющих

Неувязка социального партнерства меж трудовыми мигрантами, работодателями, структурами исполнительной власти и местного самоуправления, миграционными службами обязана обрести точное законодательное решение, при всем этом нужно будет предугадать вероятность блокирования общественно малоэффективных решений. Непосредственно социальное партнерство готов стать основой общественной включенности жителя нашей планеты, общественной жизни индивидуума, а главенствующий тип отношения к нему – базисной чертой самого сообщества. Понимание этого станет содействовать взаимодействию трудовых мигрантов, органов власти, работодателей и сообщества на началах плюрализма, множественности раскладов и оснований. Социальное партнерство как задача взаимодействия на базе права и добродушной воли обязано быть хорошим приспособлением становления взаимоотношений между мигрантами и принимающим сообществом и привести к социальной устойчивости.

Список литературы

1. Назарова Е.А. // Социальные процессы в современной России: традиции и инновации: тезисы докладов конференции «Сорокинские чтения». – М., 2007. – Т.4.
2. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // *Общественные науки и современность*. – 2010. – №3.
3. Вебер М. Избранные произведения / М.Вебер. – М., 1990. – 629 с.
4. *Общая социология* / под общ. ред. А.Г. Эфендиева. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 654 с.
5. Рыбаковский Л.Л. Миграционная политика / Л.Л.Рыбаковский // *Социальная политика: Энциклопедический словарь* / под общ. ред. Н.А.Волгина. – М.: Академический проект; Трикста, 2005.
6. Соловьев А.В. Социальное партнерство в России: проблемы содержания, эффективности и развития / А.В.Соловьев // *Современная конфликтология в контексте культуры мира* / под ред. Е.И. Степанова. – М.: Эдиториал УРСС, 2007. – 592 с.

PARTNERSHIP AND MIGRATION OF FOREIGN WORKERS

The national migration of workers is one of the main components of the world economy. The contemporary system of exploitation of labour migrants needs the crucial modernization. Since migrants follow the strategy of survival decreases the role of social capital of migration flows and excludes migrants from regional processes. The mechanism of overcoming the negative tendencies might be the social partnership as the institution which maintain the social stability and improvement of the human nature.

N.V. POSOKHOVA

*Belgorod State Institute
of Arts and Culture*

Key words: labour migration, globalization, social partnership.

УДК 17.022.1

ДОБРО И ЗЛО КАК КАТЕГОРИИ НРАВСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ М.В. ЛОДЫЖЕНСКОГО

О.В. СОЛОПОВ*Тульский государственный
педагогический университет
им. Л.Н. Толстого**e-mail: podvizhnik@mail.ru*

В статье рассматриваются основные нравственные категории философии М.В. Лодыженского. Выявляются ценностные основания его философии. Определяется соотношение понятий добра и зла. Рассматриваются нравственные добродетели и злые человеческие страсти.

Ключевые слова: М.В. Лодыженский, добро, зло, страсть, добродетель, этика, христианство, теософия.

В данной статье представлена реконструкция системы основных этических категорий религиозно-философского учения М.В. Лодыженского, её ценностных оснований, соотношения добра и зла, а также классификация добродетелей и злых человеческих страстей.

Проблема добра и зла пронизывает мистическую философию мыслителя. Это связано с тем, что исследуя проблему сверхсознания, Лодыженский приходит к выводу, что злые человеческие страсти способны принести человеку больший вред в «сознании расширенном», чем при «состоянии обыденного сознания». Под расширенным сознанием или сверхсознанием, Лодыженский понимает возможность нефизического восприятия человеком различных сфер бытия. В этом он опирается на теософскую доктрину существования, наряду с физическим миром, иных миров, в которых также существует человек, и только направленность на мир физических явлений мешает ему увидеть эти миры, как они есть. Это астральный (эмоциональный), ментальный (рассудочный) и духовный миры. Достижение сверхсознания требует определенного уровня подготовки.

Необходимость нравственного очищения представляется для Лодыженского необходимым условием для занятия мистической практикой. Злые страсти таят опасность для человека. Страсть по Лодыженскому «укоренившаяся в человеке привычка к известным ощущениям», которые «происходят они из физического его начала, или из начала астрального или наконец, ментального. Привычка же человека к таким ощущениям является или вследствие незаметного для него попустительства его самого в их частом восприятии, или же вследствие прямого увлечения его этими ощущениями, доходящего до подчинения человека непрерывным мыслям об ощущениях. Таким образом, страсть является усиленным желанием этих ощущений»¹.

Похожие определения можно встретить и в православной литературе. Но если для Лодыженского, страсть сама по себе – нейтральна, то в христианстве, понятие «страсть» имеет более негативное значение².

В работе мыслителя «Сверхсознание и пути его достижения» представлена классификация страстей:

- 1) Физическая страсть, как приверженность к известным физическим ощущениям как положительным, так и отрицательным (спорт, наркотики, чревоугодие и т. д.);

¹ Лодыженский М.В. Мистическая трилогия. Т. 1. Сверхсознание. – СПб., 1992. – С.34.

² Преподобный Нил Сорский «Страстью называет такую склонность и такое действие, которые, долгое время гнездясь в душе, посредством привычки, обращаются как бы в естество ее. Человек приходит в это состояние произвольно и самоохотно; и тогда помысл, утвердись от частого с ним обращения и сопребывания, и согретый и воспитанный в сердце, превратясь в привычку, непрерывно возмущает и волнует его страстными внушениями, от врага влагаемыми» См.: Преподобный Нил Сорский. О восьми главных страстях и о победе над ними – М., 1997. // [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.hesyhasm.ru/library/nilsor1/txt01.htm#08>

- 2) Астральную страсть, как привычку к различным эмоциональным состояниям, будь то, например, гнев, вспыльчивость, или наоборот чувство сострадания;
- 3) Ментальную страсть, как привычку к различным мыслительным процессам, как например занятие науками или мысленное наслаждение своего превосходства;
- 4) Духовную страсть, привычку к духовным наслаждениям, выраженную в неудержимом влечении к высшим духовным ощущениям.

По мнению Лодыженского, страсть, как проявление зла, определяется через **ценностное** содержание добра и зла, причем **критерием** высших ценностей является абсолютность добра, которая проявляется через переживание высшего наслаждения, которое проявляется как высшее духовное переживание: «К правильному пониманию добра и зла можно подойти лишь следующим путём. Из всех наслаждений или степеней счастья, которые может дать нам жизнь человеческая, надлежит установить, какое наслаждение, какое счастье есть высшее в мире, надлежит установить, что делает человека наиболее счастливым субъективно и в равной мере, что делает того же человека источником счастья для других людей, его окружающих. Одним словом, в каких ощущениях всеми людьми может быть пережита гармония всеобщего высшего счастья, всеобщего высшего наслаждения, при коих уже будет невозможно наличие какого-либо страдания в мире.

Как только мы установим, какое наслаждение, какое счастье есть высшее в мире, тогда мы определим, что есть добро высшее, абсолютное, а установивши понятие о добре, нам не трудно будет, установит понятие о зле, как об антитезе добра»³.

Таким образом, абсолютность добра обнаруживает и критерий зла. Лодыженский, исследуя христианские, индуистские и теософские труды, приходит к выводу, о высшем наслаждении, как критерии абсолютного добра, именно потому, что фиксирует акт духовного единения с Богом и людьми. Целью жизни, является достижение этого блаженства духовного плана человека, его тончайших вибраций и ощущения его в полной мере. В этом смысле, мыслитель подчеркивает, что «вся эволюция человечества должна идти и идёт к этой цели. Всё, что идёт с этой эволюцией, есть добро, что противится ей, есть зло. Всё, что в человеке способствует развитию такого чувства высшей любви к Божеству и братьям людям, есть добро, все, что препятствует в нём этому развитию, есть зло, есть то, что мы называем грехом»⁴.

Достижению высших вибраций духа препятствуют различные ощущения физических, астральных и ментальных тел. Проявление высшего духа, связано с тем, что все вибрации планов физического, астрального (эмоционального) и ментального (рассудочного) гармонировали с ним, чтобы они были настроены в тон с высшим духовным аккордом, проявляющимся как любовь к божеству, любовь к людям»⁵.

Исходя из этого злые страсти представлены как «укоренившиеся привычки человека к известным ощущениям, которые препятствуют и делают невозможным достижение духовности, дающей человеку высшие наслаждения, при коих будет невозможно наличие какого либо страдания в мире»⁶.

Корень злых страстей человека Лодыженский усматривает в эгоизме, как основе любой дисгармонии⁷, исходя из оригинального понимания «теории захвата живой материи», смысл которой в том, что «жизнь постоянно привлекает к себе новую материю, чтобы заменить ею утраченную»⁸. Поэтому, злые страсти, подчеркивает Лодыженский, проявляются через жизни формы, а эгоизм основывается на наслаждении захватом, что отличает их от духовных переживаний, как «добровольном излиянии своей жизни, что

³ Лодыженский М.В. Мистическая трилогия. Т. 1. Сверхсознание. – СПб., 1992. – С.36.

⁴ Там же. – С.37.

⁵ Там же. – С.38.

⁶ Там же.

⁷ Здесь он опирается на сочинения А. Безант: «духовной жизни свойственно проявление себя в жертве, тогда как материальная, к какой бы сфере жизни не относилась, к сфере ли физической астральной или ментальной – осуществляет себя, наоборот, в жизни формы, питаемой захватом». См.: Там же. – С.39.

⁸ «живая форма, в которую жизнь заключена, не может существовать, не захватывая новой материи. Так выполнение жизненных отправления разрушает форму». Там же. – С.39-40.

бы другие могли жить и становились независимыми»⁹. Это согласуется с тем, что мы находим в трудах христианских подвижников¹⁰. Эгоистическое начало в человеке, с сожалением отмечает Лодыженский, происходит благодаря рассудку.

К подобному выводу приходили и другие русские философы. Так, Н.А. Бердяев писал о том, что рационалистические философские направления только отражают разорванность и рассеченность человеческого духа и человеческой культуры¹¹.

Для классификации страстей Лодыженский подробно останавливается на восьми страстях, указанных Кассианом Римлянином, а именно: чревоугодие, блуд, уныние, печаль, гнев, тщеславие, гордость и сребролюбие.

Конкретизируя злые страсти, Лодыженский к *физическим* страстям относит *чревоугодие* и *блуд*, которые, по его мнению, определяются чистотой мысли и чувства, а также характеризуются взаимозависимостью друг от друга.

К *астральным* (эмоциональным) злым страстям, относятся *уныние*, *печаль*, и *гнев*. «Состояние уныния или упадка духа овладевает человеком, входит в его привычку и делается таким образом как бы страстью тогда, когда человек с этим состоянием не борется, ему подчиняется и губит этим свою энергию физическую мысленную и духовную»¹². В «Добротолюбии» (сборнике трудов христианских Святых Отцов), уныние понимается как «сердечная тоска» и «изнеможение души».

Состояние уныния может служить свидетельством сверхфизических влияний из астральной сферы до тех пор, пока человек не научится ясно осознавать, отчего эти влияния происходят. Примером таких влияний, могут быть страдания любимого человека, находящегося далеко от нас. Что же касается мнений христианских подвижников, об унынии, то Лодыженский отмечает, что «они верили в демонов и в их злом воздействии видели причину уныния, мучающего людей»¹³.

Астральной злой страстью является *печаль*, которая «по сравнению с унынием, есть чувство более острое», и если уныние «является во многих случаях настроением как бы безотчетным, тогда как в основании печали лежит всегда ясно сознаваемая её причина. При этом печаль не есть страсть самодовлеющая, а является как бы отражением от других страстей человеческих, она происходит от неудовлетворения человека в его привычке или приращении к известным ощущениям»¹⁴. Печаль также является следствием неудовлетворенных эгоистических (самолюбивых) желаний¹⁵.

Гнев, как страсть «такое возмущение сердца, которое может перейти в желание сделать зло огорчившему»¹⁶ который имеет различные проявления: вспыльчивость, злопамятство и ненависть, что развивает другие дурные привычки *к злословию*, *к осуждению* и *к уничтожению ближних*. Взрыв злобы, происходящий в астральном мире (эмоциональный план), по мнению А. Безант, вызывает к жизни опасную мыслеформу, приспособленную к причинению вреда тем, кто может её воспринять¹⁷. Как форму гнева Лодыженский выделяет усиленный гнев или «двоегневие», когда человек вместо осознания своей вины, не довольствуясь первым раздражением, сознательно возбуждает в себе новое.

Ментальные страсти проявляются через *тщеславие*, *гордость* и *сребролюбие* (чрезмерная приверженность человека к имуществу).

⁹ Безант А. Древняя мудрость // Древняя мудрость / А. Безант. – М., 2008. – С.235.

¹⁰ Ср. Иисака Сириянина, разъяряющего, что страх за тело или жизнь формы бывает в людях настолько силён, что они оказываются неспособными совершить что либо достойное. И наоборот, когда вместо страха за тело, люди испытывают страх за душу, то телесный страх исчезает. См.: Добротолюбие. В 5 тт. – М., 2008. – Т.2. – С.801.

¹¹ См.: Бердяев Н.А. Вера и знание // Вопросы философии и психологии. Книга 2 (102). Март-апрель – М., 1910. – С.217.

¹² Состояние уныния или упадка духа овладевает человеком, входит в его привычку и делается таким образом как бы страстью тогда, когда человек с этим состоянием не борется, ему подчиняется и губит этим свою энергию физическую мысленную и духовную» См.: Лодыженский М.В. Мистическая трилогия. Т. 1. Сверхсознание. – СПб., 1992. – С.50.

¹³ Там же. – С.52.

¹⁴ Там же. – С.53.

¹⁵ Добротолюбие. В 5 тт. – М., 2008. – Т.2. – С.317.

¹⁶ См.: Лодыженский М.В. Мистическая трилогия. Т. 1. Сверхсознание. – СПб., 1992. – С.53.

¹⁷ См.: Безант А. Древняя мудрость // Древняя мудрость / А. Безант. – М., 2008. – С.63.

Лодыженский указывает на сильную взаимосвязь тщеславия и гордости, и следуя мысли подвижников «Добротолюбия», признаёт тщеславие началом гордости. Одно из определений тщеславия, мыслитель заимствует из книги В.С. Соловьёва «Духовные основы жизни» под которым последний, понимает «стремление значить для других или иметь преимущество в чужом мнении»¹⁸. По мнению же православных подвижников, тщеславие, скорее превозношение своей значимости и преимущество в своём мнении перед другими¹⁹. В свою очередь, тщеславие вызывает неприязненные чувства *соперничества, ревности и зависти*. «От чрезмерного тщеславия рождается страсть гордости»²⁰.

Гордость – это «привычка человека часто погружать себя в мысленное самоуслаждение (страсть ментальная) может привести к тому, что состояние это, из чувства сравнительно спокойного, как и всякое мысленное сознание известного блага, может перейти в настроение более возбуждённое, в эмоцию, проникающую всё существо человека, может перейти в такое состояние, которое св. Антоний Великий называет *гордостью сердца* и что мы обыкновенно называем *самовлюблённостью* или *самообожжением*»²¹.

Гордость и тщеславие развивают такие злые страсти как ложь и лицемерие.

Лодыженский указывает на три вида лжи: *ложь словами* – когда человек придумывает лживые объяснения своим эгоистическим целям; *самообман* – бессознательную ложь, когда привыкая обманывать других, человек начинает обманывать себя; *ложь жизни* – когда человек притворяется своими поступками, чтобы обмануть других.²² Лицемерие предстает как ненависть под видом дружбы, или как зависть подражающая любви, или как жизнь под притворным видом добродетели²³.

Мыслитель указывает на расхождение во взглядах на гордость у А. Безант и христианских подвижников. Для последних, гордость является «самым свирепым и неукротимым зверем», нападающим на людей и «пожирающим» подвижников, «когда они достигают почти уже самой вершины добродетели»²⁴, поэтому от этой страсти подвижник должен избавляться прежде всего. Для А. Безант гордость есть наиболее тонкое проявление человеческого «я», освобождение от которого возможно, только в конце пути к совершенству²⁵.

Сребролюбие – злая страсть, выражающая чрезмерную приверженность человека к захвату, собственности, что определяет мотивацию к властолюбию и удовлетворению других злых страстей.

В своей «Мистической трилогии», Лодыженский исследовал состояния духовного сверхсознания, которое определяется им как высшая форма единства и любви Бога и человека, соответственно выделяя те добродетели («плоды подвигов»), которые должны способствовать достижению данного состояния.

Это – *религиозная ревность*, объектом которой являются нематериальные, а исключительно божественные, духовные блага, она пробуждает в человеке сильный гнев, направленный на пороки, злые помыслы и злоупотребления. Ревность «должна служить для переработки злых эгоистических страстей в возвышенные порывы сердца и в высокие чувства альтруизма и любви»²⁶.

Страх Божий, покаяние, смирение, вера в благодать и терпение. Страх Божий – это благоговение, или чувство, в котором содержится зародыш любви к Богу. Библейский страх рождается от угрозы божественного наказания или возмездия, у людей только начинающих свой духовный путь, и исчезает, когда человек обретает совершенный страх, происходящий от благоговения перед Богом. *Покаяние* или «сокрушение сердечное» (св. Авва Дорофей) – переосмысление и осуждение своей прежней душевной жизни, для возрождения к новой. Средством для покаяния является исповедь и таинство евхаристии,

¹⁸ Соловьёв В.С. Духовные основы жизни // Собрание сочинений. Т.3. – СПб., 1912. – С.329.

¹⁹ Добротолюбие. В 5 тт. – М., 2008. – Т.2. – С.666.

²⁰ Там же. – С.24.

²¹ Лодыженский М.В. Мистическая трилогия. Т. 1. Сверхсознание. – СПб., 1992. – С.59.

²² Там же. – С.61.

²³ См.: Добротолюбие. В 5 тт. – М., 2008. – Т.3. – С.345.

²⁴ См.: Добротолюбие. В 5 тт. – М., 2008. – Т.2. – С.102-103.

²⁵ См.: Безант А. Древняя мудрость // Древняя мудрость / А. Безант. – М., 2008. – С.258-260.

²⁶ Лодыженский М.В. Мистическая трилогия. Т. 1. Сверхсознание. – СПб., 1992. – С.212.

представляющие собой «таинство очищения в грехах своих», отсекающих «от человека греховную часть его души»²⁷. *Смирение* – чувство, при котором человек ощущает всю свою несостоятельность перед Богом и без Бога. При этом смирение привлекает на душу благодать Божью. Лодыженский подчеркивает, что смирение предстает не только в качестве нравственной добродетели, но само по себе является неким мистическим состоянием. Так, св. Авва Дорофей утверждает, что «никто не может выразить словами, что такое есть смирение и как оно рождается в душе, если не узнает сего из опыта»²⁸. *Вера в благодать* – добродетель, которая исходит из понимания присутствия в человеке всех добродетелей, развитие которых, возможно только с помощью Божественного воздействия, при свободном волеизъявлении человека.

Качеством, необходимым для христианина, Лодыженский обозначает терпение, соединённое с кротостью. Необходимость развития терпения обусловлена верой в благодать Божью и неизвестностью её проявления. Христианин не знает когда благодать снизойдет до него, терпение является необходимым условием преодолением испытаний. Добродетели *воздержание, милостыня и послушание* по Лодыженскому – «подвиги», мотивирующие развитие добродетелей.

Воздержание – проявление аскетизма, как отказ, как от чрезмерного употребления пищи, самолюбивых и властолюбивых действий, направленный на борьбу со злыми страстями, и их обузданием.

Милостыня – развитие милосердия и любви, выражается в регулярном делании добра.

Подвиг *послушания*, в отказе от своей эгоистической воли и необходим для устранения огорчений, неприятностей, споров и зависти, вызываемых нашими произвольными и неосознанными желаниями.

Лодыженский положительно высказывается и по поводу *непротivления злу*, в случаях, «когда кто лично от кого подвергается обидам. Эти обиды подвижник должен терпеть безропотно»²⁹. Однако мыслитель отстаивает, в духе «Добротолубия», право на ревность против тех «кои на бедных нападают, или на Бога глаголют неправду»³⁰. Принцип непротivления злу не приобретает у Лодыженского того абсолютного характера, который мы встречаем, например у Л.Н. Толстого. Как отмечает Е.Д. Мелешко в учении Толстого «оправданы различные формы культивирования непротivления и степени его осуществления: общинная, личностная, мирская, монашеская, юродствующая»³¹. Для Лодыженского непротivление злу относится в большей степени к монашеской жизни, хотя он, безусловно, указывает его высокое нравственное значение для всех³². Так, мыслитель, особенно превозносит роль мученичества первых веков христианства, которое как нельзя лучше демонстрирует применение заповеди непротivления в жизни³³.

Подвиг «юродства ради Христа» Лодыженский называет наитруднейшим, выражающимся в «произвольном постоянном мученичестве, постоянной борьбе против себя, против мира и зла, и притом борьбе самой трудной и жестокой». Как замечает В.Н. Назаров, ««эффектация имморализма» выступает оборотной стороной юродствующего сокрытия добродетели, стыда перед добродетелью, которые означают стремление юродивого пребывать добродетельным абсолютно перед Богом, представляясь перед миром и людьми»³⁴. Ценность данного подвига Лодыженский видит в его положительном влиянии на мирян, в способности юродивых изобличать грехи людей, заставляя их задумываться и исправляться³⁵.

²⁷ Лодыженский М.В. Мистическая трилогия. Т.3. Тёмная сила. – СПб., 1992. – С.142.

²⁸ Добротолубие. В 5 т. – М., 2008. – Т.2. – С.747.

²⁹ Лодыженский М.В. Мистическая трилогия. Т.2. Свет незримый. – СПб., 1992. – С.58.

³⁰ Добротолубие. В 5 тт. – М., 2008. – Т.3. – С.84-85.

³¹ Мелешко Е.Д. Христианская этика Л.Н. Толстого. – М., 2006. – С.125.

³² См.: Лодыженский М.В. Мистическая трилогия. Т.2. Свет незримый. – СПб., 1992. – С.58.

³³ См.: Там же. – С.218-228.

³⁴ Назаров В.Н. Введение в теологию русской культуры – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2002. – С.267.

³⁵ См.: Лодыженский М.В. Мистическая трилогия. Т.2. Свет незримый. – СПб., 1992. – С.151-152.

На наш взгляд, изучая труды и жизнеописания святых, Лодыженский стремится выявить основные нравственные добродетели применимые на практике, не только аскетами, но и мирянами. Так идеалом мирской жизни, а также средством избавления от похоти, мыслитель утверждает христианский брак. «При христианском браке – пишет Лодыженский – мужчина и женщина соединяются в атмосфере христианского чувства любви. Чувственная эротика, соединяющая брачующихся, гибнет в лучах этой любви. Здесь превыше всего – духовная сторона человека. Силою духа и освещается человеческая плоть»³⁶.

Мыслитель положительно высказывается по поводу вегетарианства, указывая на крепкое здоровье и длинный период жизни русских православных подвижников, при том, что поступая в монастырь, они прекращали употреблять мясную пищу.³⁷

Исследуя работы по Раджа-Йоге, Лодыженский указывает на следующие добродетели: непричинение вреда, правдивость, нестяжание, целомудрие. «Это в существе своем тоже – подчеркивает мыслитель – что требуется христианским подвижничеством в борьбе подвижника со страстями – гнева, лжи, лицемерия, корыстолюбия и блуда»³⁸. Лодыженский не находит в трудах Свами Вивекананды по Раджа-Йоге каких либо указаний относительно борьбы ученика с гордостью и властолюбием. Мыслитель приходит к выводу, что йога призвана развивать силу индивидуальной воли, противопоставляя её Воле Божественной. Отсутствие в практике йоги такой добродетели как смирение, а также указание на единственность Бога и человека, стали для Лодыженского доказательством противоположности христианского мистицизма и йоги, и основой для его последующей критики индуизма, буддизма и теософии.

Следует отметить, что для православного христианства характерна тщательная разработка учения о злых человеческих страстях гораздо в большем объеме, нежели учение о добродетелях. В связи с этим, В.Н. Назаров замечает, что «терминологически пороки разработаны особенно четко, недвусмысленно, последовательно и всесторонне, с учетом всех оттенков возможного нарушения правил поведения»³⁹. Поэтому, неудивительно, что злые страсти, в отличии от добродетелей, имеют у Лодыженского оригинальную классификацию.

По нашему мнению нравственная философия Лодыженского обусловлена идеей преобразования страсти в добродетель. Мыслитель не только указывает на практическую ценность добродетели, но и на механизм её развития, а также взаимодействие и взаимозависимость понятий.

Выводы: нравственная философия М.В. Лодыженского представляет собой **синтез христианской теологии морали и теософских доктрин**. В данном учении он

- выделяет четыре вида страстей: физические, астральные, ментальные и духовные;
- в данной системе нравственной философии страсти характеризуются процессом преобразованием, а не их искоренением;
- мыслитель определяет добро как высшее наслаждение духовного единения человека с Богом и людьми;
- цель жизни – достижение абсолютного добра через любовь к Богу и людям;
- зло определяется как то, что препятствует духовному единению человека с Богом и людьми.

Список литературы

1. Безант А. Древняя мудрость // Древняя мудрость / А. Безант. – М., 2008.
2. Бердяев Н.А. Вера и знание // Вопросы философии и психологии. Книга 2 (102). Март-апрель – М., 1910.
3. Добротолюбие. В 5 тт. Т.2.– М., 2008.
4. Добротолюбие. В 5 тт. Т.3.– М., 2008.
5. Лодыженский М.В. Мистическая трилогия. Т.1. Сверхсознание. – СПб., 1992.

³⁶ Лодыженский М.В. Мистическая трилогия. Т.3. Тёмная сила. – СПб., 1992. – С.92.

³⁷ См.: Лодыженский М.В. Мистическая трилогия. Т. 1. Сверхсознание. – СПб., 1992. – С.238-239.

³⁸ Лодыженский М.В. Мистическая трилогия. Т. 1. Сверхсознание. – СПб., 1992. – С.171.

³⁹ Назаров В.Н. История русской этики – М., 2006. – С.23.

6. Лодыженский М.В. Мистическая трилогия. Т.2. Свет незримый. – СПб., 1992.
7. Лодыженский М.В. Мистическая трилогия. Т.3. Тёмная сила. – СПб., 1992.
8. Назаров В.Н. Введение в теологию русской культуры – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2002.
9. Назаров В.Н. История русской этики – М., 2006.
10. Мелешко Е.Д. Христианская этика Л.Н. Толстого. – М., 2006.
11. Преподобный Нил Сорский. О восьми главных страстях и о победе над ними – М., 1997.
// [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.hesychasm.ru/library/nilsor1/txt01.htm#08>
12. Соловьев В.С. Духовные основы жизни // Собрание сочинений. Т.3. – СПб., 1912.

GOOD AND EVIL AS THE CATEGORIES IN THE MORAL PHILOSOPHY OF M.V. LODYZHENSKY

O.V. SOLOPOV

*Tula State Pedagogical
Institute Named After
L.N. Tolstoy*

*e-mail:
podvizhnik@mail.ru*

The article deals with the main categories in the moral philosophy of M.V. Lodyzhensky. It identifies the value foundations of his philosophy. The article discusses the relationship of good and evil. It gives a detailed analysis of the moral virtues and evil human passions.

Key words: M.V. Lodyzhensky, good, evil, passion, virtue, morality, Christianity, theosophy.

ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА ИКОНЫ

И.В. ШАЛДА

*Тульский
государственный педа-
гогический универси-
тет*

им. Л.Н. Толстого

e-mail:

irina_shalda@mail.ru

В статье представлен целостный философско-этический анализ символизма иконы. Дается подробная цветовая характеристика, определяется соотношение религии и искусства. Рассматриваются учение о перспективе и времени, как семиотических аспектах, и их роли в понимании иконы.

Ключевые слова: символизм, «София», «Деисус», икона, цвет, свет, перспектива, время, этика, христианство.

В статье представлен целостный философско-этический анализ символизма иконы. Акцентируется внимание на понятие света, и его значения в иконе, а так же цвета, и его смысловой характеристике.

В историческом процессе эволюции, движения художественно-религиозных структур наглядно обнаруживает общность и противоположность, формализованное единство и содержательный антагонизм искусства и религии. Этот процесс идет от символа, в котором сакральный смысл, его тайное значение очень тесно связывает религиозное и художественное, к канону, в котором уже намечаются различия между религиозным и художественным пониманием ортодоксального правила.

Символ как художественно-религиозная структура возникает в самых ранних формах первобытного мышления, в котором возникает определенная система знаков, обозначающая покровительство и запреты – тотем и табу. Общность между символом, тотемным знаком и табу особенно ясно выявляется в их существенном признаке – все они есть обозначения тайного, скрытого смысла, доступного лишь посвященным. Другим существенным общим признаком является то, что все они есть знаки того, чем на самом деле не являются. В символе эти признаки наиболее развиты и выявлены, так как символ превращается в целую конструкцию, «указывающую на нечто, чем она не является»¹, и которая несет в себе смысл и идею, выражая их внешне и внутренне².

В христианстве была создана целая система символов, обозначающая его самые существенные принципы. В «символе веры», и в православии, и в католицизме были сформулированы основные принципы христианства – его учения о триедином боге: бог-отец, сын, дух святой. Это учение было зашифровано в символах-знаках, для обозначения которых были созданы изобразительные аналоги: глаз, агнец, голубь. Затем первые два символа трансформируются, приобретая антропоморфный характер, и существуют параллельно с первоначальным вариантом.

Огромное эстетическое значение в символике христианства имеет свет – лучезарный, божественный свет, являющийся символом божественной благодати. Символ света имеет большие исторические традиции, которые связаны с античными представлениями о двух началах жизни – светлом и темном. Светлое в античной культуре – с образом лучезарного, светоносного, солнцеликого Аполлона – носителя знания и разума. Именно лучезарный Аполлон как символ света – знания – противостоит темному, мрачному дионисическому началу. Позднеантичная эстетика, тяготеющая к мистике, трансформировала этот антропоморфный символ, изъав из него образ богочеловека и превратив в чистый мистический символ совершенного и божественно-прекрасного³.

В христианской символике свет приобретает особое эстетическое значение, становясь прообразом божественного. Материальным носителем этого света становится золо-

¹ Лосев А.Ф. Логика символа. В кн.: Контекст 72, – С. 184.

² Лосев А.Ф. Указ. соч., – С. 196-200.

³ Аверинцев С.С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры. – В. сб.: Византия, южные славяне и Древняя Русь, западная Европа. Искусство и культура. М., 1973, – С. 46-49.

то, которое символизирует свет, является овеществленной божественной ясностью, так как оно чисто и вечно, так же как чист и вечен божественный дух. Божественный свет – это и нимбы вокруг голов святых, не говоря уже о нимбах Христа и Богоматери, это и луч в сцене благовещения, исходящий от бога, и сияющая мандала¹ вокруг Христа на иконах «Преображения», «Воскресения» и «Вознесения».

В христианском богословии есть прямые указания на то, что многие символы христианства есть результат трансформации символов античной религии, культуры и мифологии. Например, Л. Успенский² говорит о том, что раннехристианская церковь заимствовала ряд символов у «язычников». «... Символ корабля, – пишет он, – в далекой древности обозначал путешествие души в потусторонний мир, а со времени появления христианства стал просто символом благоденствия...»³. А затем «корабль стал символом церкви, плывущей по по волнам житейского моря, а также символом души, ведомой церковью»⁴.

Далее он пишет: «одним из наиболее распространенных символов первых веков была рыба. Символ этот был также заимствован. Принятию его христианами, конечно, способствовало то, что рыба играет большую роль в евангельских повествованиях»⁵. Но заимствования эти не меняли существа христианства, так как по утверждению Л. Успенского: во-первых, «пользуясь формами античного искусства, первохристианская церковь наполняла их своим содержанием, от которого изменялись и самые эти формы»⁶, а во-вторых, церковь «берет все из языческого мира то, что можно назвать «христианством до Христа»⁷.

Так христианство трансформировало и мистифицировало многие символы – образы античной культуры, хотя официально в своей ортодоксии, оно всячески отказывалось от античной культуры.

Сложными и противоречивыми путями шел процесс создания христианской символики, опирающейся на различные традиции и художественно-образное мышление. Так, например, один из центральных православных религиозно-художественных символов – «Деисус»⁸, который «воплощает идею заступничества: Богоматерь и Предтеча обращаются с молением к спасителю...»⁹, формировался в процессе длительного исторического развития и, возможно, под влиянием церемониала византийского двора, когда по сторонам василевса становились придворные лица в позе адорации. Вместе с тем на этот религиозно-художественный символ оказали влияние, через византийскую иконографию, более древние символы поклонения Христу.

Не менее сложным в православии является символ «Софии»¹⁰ – творческой премудрости бога, являющейся вечной идеей человечества и тайной мира. В иконографиче-

¹ Мандала – (санскр. «диск», «круг», «сфера») сакрализованный графический символ.

² Успенский Леонид Александрович (1902-1987) – видный богослов и иконописец, основатель иконописной школы.

³ Успенский Л. А. Первохристианское искусство. – Журнал Московской патриархии, 1958, № 8, – С. 53.

⁴ Там же.

⁵ Успенский Л. Церковное искусство в эпоху св. Константина. – Журнал Московской патриархии, 1958, № 10, – С. 54.

⁶ Там же. – С. 45.

⁷ Там же.

⁸ Деисус – (от греческого деисес – моление святых за человеческий род) каноническая композиция иконописи, включающая Христа (в центре) и обращенных к нему в молитвенных позах Богоматерь и Иоанна Крестителя (обязательные персонажи). Церковный смысл деисусного чина состоит в том, что Иисус Христос сидит на престоле, готовясь судить людей за их многочисленные грехи, а близкие умоляют его быть снисходительным и милосердным. Греческое слово ДЕИСУС означает в переводе с греческого моление или прошение. На русской земле деисус превратился в деисусный чин, то есть один из рядов высокого иконостаса. Почти всегда чин расширяется, включая больше или меньше икон, изображающих архангелов, апостолов, пророков и других достойных быть на этом месте. Порядок остается неизменным: Христос в середине, Божья Матерь, Иоанн, два архангела, два апостола.

⁹ Лазарев В.Н. Русская средневековая живопись. М., 1970. – С. 128

¹⁰ Святая София – Премудрость Божия – это выражение идеи сына божия, логоса (в его вечном существовании) до воплощения в Иисусе Христе. На толкование Софии в смысле логоса указывает и бывший некогда праздник Святой Софии – 24 декабря, как раз накануне Рождества Христова. Чудотворная икона Богоматери «София – Премудрость Божья» имеется во многих храмах России. Известно два типа этой иконы: Киевский и Новгородский. Первая такая икона появилась в Новгороде в XV веке.

ском каноне София изображается сидящей на огненном троне между богородицей и Иоанном Предтечей с пылающими крыльями и огненным ликом. Не менее сложно символическое значение грома и молнии, которые в иконографическом варианте являются символом нуминоза, т.е. божественной силы и власти.

Так или иначе, но символы христианской религии, имеют тайный смысл, строго соответствующий основным догматам веры. Существенным признаком религиозного символа является то, что он догматичен и замкнут, в его структуре нет указания на перспективу, отсутствует возможность изменения, а следовательно, и совершенствования. Многие современные исследователи указывают на эту особенность религиозно окрашенного символа.

Религиозный символ закончен и неизменен. И поэтому в строгом смысле религия не имеет в своей структуре категории идеала, ибо идеал предполагает совершенствование, улучшение мира. Некоторая близость эстетического и религиозного сознания определяется тем, что они являются такими формами общественного сознания, которые наиболее основательно тяготеют к созданию совершенных конструкций человеческого бытия, хотя и по-разному понятых.

Одной из причин, затрудняющих понимание древних русских икон, является особый способ изображения пространства и находящихся в нем земных и «небесных» существ и предметов. Мы смотрим на картины глазами европейца, и изображенное на них нам представляется очень похожим на то, что мы видим в окружающем мире. Важнейшим фактором, объясняющим «правдоподобность» европейской живописи, является применение в изобразительном искусстве Европы линейной перспективы.

Учение о перспективе зародилось в XIII веке, и это явилось событием, сыгравшим весьма заметную роль в судьбе европейской культуры. Первым художником, в творчестве которого нашло практическое воплощение представление о перспективе, создавшим в изображении на плоскости иллюзию трехмерного пространства, был итальянец Джотто (Джотто ди Бондоне, 1267-1332).

Отношение к пространству у создателей икон в Древней Руси было иным. Пространство «не от мира сего» обычно обозначается на иконах сплошным золотым фоном, а предметы в нем и их взаимное расположение даются в так называемой обратной перспективе.

Рассмотрим возможное объяснение природы обратной перспективы и ее свойства. Обратная перспектива древнее линейной. Иконописцы и иллюстраторы древних рукописных христианских книг были убеждены в несовершенстве человеческого зрения, которому нельзя доверять из-за его плотской природы, и потому считали для себя обязательным пытаться изобразить мир не таким, каким они его видят, а таким, каков он есть на самом деле. Вопрос же о том, каков мир на самом деле, мог решаться только умозрительно, когда в качестве аксиомы принимается не опыт земной телесной жизни, а догматы веры. И представляется весьма знаменательным, что и сами авторы первых трудов по линейной перспективе Ибн аль Хайсам и Ц. Витело считали уменьшение размеров тел при их удалении от наблюдателя обманом зрения, что, конечно же, верно. Однако геометрия линейной перспективы (воспроизведение «обмана зрения») оказалась удобным формальным приемом и была со временем освоена европейскими художниками и закрепились в свободном от жестких канонов западноевропейском искусстве.

Православные же иконописцы остались верны обратной перспективе. Икона — это окно в священный (сакральный) мир, и мир этот распаивается перед человеком, взирающим на икону, раздается вширь — простирается.

Пространство не от мира сего обладает свойствами, отличными от свойств земного пространства, не доступными телесному зрению и не объяснимыми логикой здешнего мира. Обратная перспектива и ее свойства ярко выражены на иконе «Положение во гроб». На переднем плане иконы изображен гроб с лежащим в нем спеленутым телом Христа. К нему припала Богородица, прижавшая свое лицо к лицу Сына. Рядом с ней к телу Учителя склонился Его любимый ученик — апостол Иоанн Богослов. Подперев ладонью подбородок, он с невыразимой печалью смотрит в лицо Иисуса Христа. За Иоанном в скорбных позах застыли Иосиф Аримафейский и Никодим. Слева от них стоят же-

ны-мироносицы. Горестная сцена разворачивается на фоне «иконных горок», написанных в обратной перспективе — иконные горки радиально расходятся «вглубь».

Обратная перспектива производит здесь чрезвычайно сильный, ошеломляющий эффект: пространство разворачивается вширь и вглубь, вверх и вниз с такой безудержной мощью, что происходящее на глазах взирающего на икону обретает космический масштаб. Поднятые вверх «руце» Марии Магдалины как бы соединяют место, где находится гроб Господень, со всей Вселенной.

Сверкающая неземной белизной плащаница сразу же привлекает внимание смотрящего к завернутому в нее телу Христа, но детали «исподних» одежд Иоанна Богослова и Марии Магдалины написаны и скомпонованы так, что производят впечатление темных расходящихся сполохов, устремленных вверх на ярком фоне красного мафория (ризы) Марии Магдалины. Они увлекают за собой взгляд к воздетым и широко разнесенным в трагическом изломе рукам — и выше, «в горняя» — туда, где простирается надземный мир. Но ребра иконных горок лучами сходятся вниз к гробу и возвращают взгляд обратно — к телу Христа — средоточию мироздания.

Лаконичность, корректность, ясность и выразительность изобразительных приемов делают эту икону образцом как бы застывшей молитвы-плача, скорбные слова которой обрели очертания и цвет и легли на иконную доску. Обратная перспектива не должна восприниматься как неумение изображать пространство. Древние русские иконописцы не приняли линейной перспективы, когда познакомились с ней. Обратная перспектива сохраняла свой духовный смысл, но была и протестом против соблазнов «плотского зрения». Нередко использование обратной перспективы давало и преимущества: она, например, позволяла разворачивать строения так, что открывались «заслоненные» ими детали и сцены, что расширяло информативность иконного повествования.

Пространство иконы раскрывается при помощи обратной или сферической перспективы. О. Павел Флоренский в своей работе об обратной перспективе пишет, что этот прием используется в иконописи намеренно. Именно у лучших иконописцев он выражен наиболее сильно. Обратная перспектива может служить «приемом подчеркивания». Так, зачастую Евангелие является живописным центром в иконе. Оно дается в обратной перспективе и боковые грани пишутся в ярких тонах¹. Мы видим обложку Евангелия, но разрастающиеся в глубину яркие грани показывают, как несравненно более важно то, что стоит за этой обложкой. Если в картине наше внимание привлекают изображения первого плана, то на иконе — образы, находящиеся за гранью понимания.

Обратная перспектива — это не просто художественный прием, при котором удаленные объекты кажутся более масштабными, а невидимые грани предмета — видимыми: значение такого изображения состоит в его реалистичности, в отказе от иллюзионизма, «казания». В какой-то степени, это образ видения вещей по сути, а не чисто внешне: не поверхностное созерцание, а мгновенное постижение, видение. По мнению св. отцов такое умное видение было свойственно Адаму до грехопадения, поскольку первозданный человек не мыслил образами, но сразу проникал в истинную сущность вещей². Прямая перспектива, напротив, выражает субъективный взгляд на мир. «Эвклидово пространство», согласно о. Павлу Флоренскому, отличается безликостью, как бы неподвижной бескачественностью³. То есть пространство, представленное в прямой перспективе — это не полная идея самого пространства, не его сущность, а внешняя разрозненная оболочка, приписываемая пространству падшим человеческим умом, утратившим целостность.

Обратная перспектива изображает предмет цельным, в совокупности всех своих внешних характеристик; представляет все его грани, минуя «естественные» законы визуального восприятия. Предмет предстает не таким, каким он видится, но таким, каким он мыслится. Важнейшая пространственная характеристика изображения в обратной пер-

¹ Философия русского религиозного искусства XVI – XX вв. Антология. Вып. I. Сокровищница русской религиозно-философской мысли. М., 1993. – С.249.

² Свящ. Павел Флоренский. Обратная перспектива. Философия русского религиозного искусства. – С. 255.

³ Священник Павел Флоренский. Обратная перспектива Философия русского религиозного искусства. – С. 260-262.

спективе – сфера. Она символизирует место вечного пребывания, рай. На иконах рай часто изображается в виде круга (овала). Например, на Московской иконе XVI века «Притча о хромце и слепце» (ГРМ), иллюстрирующей текст Кирилла Туровского (1130-1182)¹, Эдем изображен в виде эллипса. Интересно, что икона имеет 4 масштабных регистра для фигур, из которых важнейшими оказываются именно те, в которых изображения заключены в круг или эллипс. Две сферы – это высшие иерархические зоны иконописного изображения, связанные с темой Небесного Царства. Персонажи притчи, проникая в эти сферы или даже приближаясь к ним, делаются выше ростом, словно попадают под увеличительное стекло. Низшая иерархическая зона «4» (ад) представляет фигуры малыми, незначительными.

Еще один вопрос, который необходимо рассмотреть для «адаптации» в мире икон – как в эпоху Средневековья людьми воспринималось и понималось время. Различие в понимании времени, как философской категории в Западной Европе и в Византии обозначилось и сформировалось в эпоху Возрождения, когда Европа, в отличие от Византии, встала на путь нового миропонимания. После временного захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. отчуждение Византии от Европы стало во многом еще более глубоким и непримиримым.

Разный подход к тому, что такое время, в значительной степени определил разницу в отношении к миру, к происходящим в нем событиям, к роли человека в этих событиях и, как следствие, к целям, смыслу и возможностям изобразительного искусства, которое в Византии и на Руси было религиозным и преимущественно оставалось таким еще и в Западной Европе. Это в свою очередь непосредственно сказалось в формировании принципиально разных изобразительных приемов, использовавшихся художниками Западной Европы и иконописцами православных стран.

Земная жизнь человечества – это и есть конечное время – промежуток между созданием мира и человека и вторым пришествием, это лишь скоротечное испытание перед вечностью, когда времени больше не будет. Прошедших это испытание ждет жизнь вечная, совершенная, а значит, неизменная. Святые, изображенные на древних иконах, уже сподобились вечной жизни, в которой нет движения и изменения в обычном смысле слова. И сложенные в благословляющем жесте пальцы правой руки – это послание оттуда – из царствия не от мира сего. Тонкие чуткие пальцы приподняты без усилия и напряжения. Они не имеют веса, ибо в том мире нет тяжести. Взгляд святого с иконы на нас – это взгляд из глубины запредельного мира, это вопрос из вечности. Он не затуманен страстями, и поэтому лишь в редкие моменты духовного просветления мы можем ответить на этот взгляд. Вот почему глаза, смотрящие на нас с икон, так тревожат, рождая и беспокойство, и страх, и надежду. Изображение святого иногда сопровождают более мелкие изображения – клейма.

Изображенное на древних русских иконах не подразумевает, таким образом, ни пространственной, ни временной локализации в традиционном понимании. Образ подразумевается внепространственным и вневременным. А то, что иногда можно принять за неподвижность, следует понимать как движение, но не во времени, а в вечности.

Литургическое время в иконе может быть выражено символикой цвета, соотносимой с цветами богослужебного годового круга². Красный и белый цвета в большинстве случаев оказываются синонимами золота в иконе, так как они связаны с основными значениями золотого фона (ассиста), о которых говорилось выше: нетварный Свет (рай), мученичество (пасхальное преображение), царственность и девство. Так, изображение белых одеяний может иметь пасхальное значение. На Пасху священнослужители бывают облачены в белые ризы, «в знак божественного света, воссиявшего из гроба воскресшего Спасителя»³. Белый цвет, как красный и золотой может символизировать мученичество «они... убелили одежды свои кровию Агнца» (Откр.7:14-15). Красный – цвет жертвенно-

¹ Памятники литературы древней Руси. XII в. М., 1980. – С. 290-309.

² Пасха – красный и белый; Троица – зеленый; Рождество и Преображение – белый; Богородичные праздники – голубой; память мучеников – красный; время поста – темно-фиолетовый и черный.

³ Шалина И.А. Псковские иконы «Сшествие во ад» Восточнохристианский храм. Литургия и искусство. СПб., 1994. – С.232.

сти – наполняет икону пасхальным звучанием. Например, ризы Христа в иконе «Сошествие во Ад» могут быть красного цвета¹. Красные одежды – образ души Господней «ибо душа всякого тела есть кровь его» (Лев.17:14).

Византийцы считали, что смысл любого искусства – в красоте. Они писали иконы, сияющие позолотой и яркими красками. У каждого цвета было свое место, свое значение. Цвета никогда не смешивались, они были светлыми или темными, но всегда чистыми. В Византии цвет считали таким же важным, как и слово, ведь каждый из них имел свое значение. Одна или несколько красок создавали говорящий образ. Обучаясь у византийцев, русские мастера-иконописцы приняли и сохранили символику цвета. Но на Руси икона не была такой пышной и строгой, как в императорской Византии. Краски на русских иконах стали более живыми, яркими и звонкими. Иконописцы Древней Руси научились создавать произведения, близкие местным условиям, вкусам и идеалам.

Золотой цвет – золотой блеск мозаик и икон позволял почувствовать сияние Бога и великолепие Небесного Царства, где никогда не бывает ночи. Золотой цвет обозначал самого Бога. Этот цвет сияет различными оттенками на иконе Владимирской Божией Матери. Пурпурный цвет – пурпурный, или багряный, цвет был очень важен в византийской культуре. Это цвет царя, владыки – Бога на небе, императора на земле. Только император мог подписывать указы пурпурными чернилами и восседать на пурпурном троне, только он носил пурпурные одежды и сапоги (всем это строжайше запрещалось). Кожаные или деревянные переплеты Евангелия в храмах обтягивали пурпурной тканью. Этот цвет присутствовал в иконах на одеждах Богоматери – царицы Небесной. Красный цвет – один из самых заметных цветов в иконе. Это цвет тепла, любви, жизни, животворной энергии. Именно поэтому красный цвет стал символом Воскресения – победы жизни над смертью. Но в то же время это цвет крови и мучений, цвет жертвы Христа. В красных одеждах изображали на иконах мучеников. Красным небесным огнем сияют крылья приближенных к престолу Бога архангелов-серафимов. Иногда писали красные фоны – как знак торжества вечной жизни. Белый цвет – символ Божественного света. Это цвет чистоты, святости и простоты. На иконах и фресках святых и праведников обычно изображали в белом Праведники – люди, добрые и честные, живущие «по правде». Тем же белым цветом светились пелены младенцев, души умерших людей и ангелы. Но белым цветом изображали только праведные души. Синий и голубой цвета – означали бесконечность неба, символ иного, вечного мира. Синий цвет считался цветом Богоматери, соединившей в себе и земное и небесное. Росписи во многих храмах, посвященных Богоматери, наполнены небесной синевой. Зеленый цвет – природный, живой. Это цвет травы и листьев, юности, цветения, надежды, вечного обновления. Зеленым цветом писали землю, он присутствовал там, где начиналась жизнь – в сценах Рождества. Коричневый цвет – цвет голой земли, праха, всего временного и тленного. Смешиваясь с царским пурпуром в одеждах Богоматери, этот цвет напоминал о человеческой природе, подвластной смерти. Черный цвет – цвет зла и смерти. В иконописи черным закрашивали пещеры – символы могилы – и зияющую адскую бездну. В некоторых сюжетах это мог быть цвет тайны. Например, на черном фоне, означавшем непостижимую глубину Вселенной, изображали Космос – старца в короне в иконе Сошествия Святого Духа. Черные одежды монахов, ушедших от обычной жизни, – это символ отказа от прежних удовольствий и привычек, своего рода смерть при жизни. Цвет, который никогда не использовался в иконописи – серый. Смешав в себе черное и белое, зло и добро, он становился цветом неясности, пустоты, небытия. Такому цвету не было места в лучезарном мире иконы.

Итак, красное, золотое и белое имеют в иконе сходную символику. Интересно, что черный цвет изображает не только ад, или землю, погруженную во мрак, но и очень яркий, ослепительный свет. На иконах Преображения, Сошествия во ад Христос изображается в сиянии и пишется иногда белыми красками, иногда синими с переходом в черный цвет, а иногда только черными. Черная, или синяя сфера сверху иконы символизирует тайну Божества. Очень часто черный цвет используется в обоих смыслах на одной иконе.

Как уже сказано выше, в каждой иконе символическое решение цвета бывает разным и подчеркивается другими изобразительными средствами. Поэтому для того, чтобы

¹ Там же. – С. 230-269.

понять, что символизирует тот или иной цвет, надо ориентироваться не только на общую тенденцию, но и на смысловую и композиционный контекст каждой конкретной иконы.

Краски древнерусских икон давно уже завоевали себе всеобщие симпатии. Приведем примеры из древнерусская иконописи – которое является большим и сложным искусством. Для того чтобы его понять, недостаточно любоваться чистыми, ясными красками икон. Краски в иконах вовсе не краски природы, они меньше зависят от красочного впечатления мира, чем в живописи нового времени. Вместе с тем, краски не подчиняются условной символической, нельзя сказать, что каждая имела постоянное значение. Однако определенные правила цвета все же существовали. Таким образом, мы находим все эти цвета в их символическом, потустороннем применении. Ими всеми иконописец пользуется для отделения мира запредельного от реального.

Древнерусским мастерам досталась в наследие тональная живопись византийцев с ее чуть приглушенными тонами, выражавшими покаянное настроение. В XIV веке Феофан Грек выступает так же как мастер сдержанно-насыщенных тонов: вишнево-красного, темно-синего, темно-зеленого и тельных тонов и высветлений. Свет падает у него на пребывающие во мраке тела, как небесная благодать на грешную землю. Только в Донском Успении красный херувим горит, как свеча у смертного одра. Древнерусские мастера противились этому пониманию света, всячески стремились утвердить нечто свое. В старинных текстах перечисляются излюбленные краски наших иконописцев: вохра, киноварь, бакан, багор, голубец, изумруд и другие. Но в действительности гамма красок была более обширна. Наряду с чистыми, открытыми цветами есть еще множество промежуточных, различной светосилы и насыщенности.

Уже в иконах XIII-XIV веков пробивается любовь к чистым и ярким цветам, незамутненным пробелами. Благодаря этим открытым краскам иконы получают способность светиться и в полутемных интерьерах храмов. Нередко чистые цвета сопоставляются друг с другом по контрасту: красные – синие, белые – черные. Они плотны, вещественны, почти весомы и осязаемы, что несколько ограничивает их светозарность. Вместе с тем они сообщают иконе большую силу выражения. Новгородская иконопись XV века сохраняет традиционную любовь к ярким, легким краскам с преобладанием киновари. Но раньше цвет имел предметный характер, теперь он становится светоносным. Например, в «Чуде Георгия о Змие» красный фон заполняет поля иконы, ограничивает белизну коня. В XV веке красный плащ Георгия, как вспышка пламени рождается из ослепительной белизны, из золотистого фона иконы. Интенсивное чувство цвета свойственно Псковской школе, но в отличие от звонкого колорита Новгорода, в ней преобладают землистые тона, зеленые, иногда довольно глухие. Зато псковские иконы никогда не кажутся пестро расцвеченными. Краска рождается из глубины доски, загорается светом, выражает внутреннее горение души, соответствует духовному напряжению в ликах псковских святых. В новгородской иконе краски горят при ясном свете дня. В псковском «Рождестве Христовом с избранными святыми» краски и свет возникают из таинственной мглы, символизируя «святую ночь».

Выводы: в отдельных школах древнерусской иконописи не было строгой регламентации цвета. Но определенные правила все же существовали: независимо от сюжета краски должны были составлять нечто целое и этим давать выход тому, что каждой из них присуще. В иконах часто выделяется центр композиции, устанавливается равновесие между ее частями, краски же вливаются в единую живописную ткань. В творчестве Дионисия и мастеров его круга краски обладают одним драгоценным свойством: они теряют долю своей насыщенной яркости, приобретая свечение. Здесь происходит окончательный разрыв с византийской традицией. Краски становятся прозрачными – подобие витража или акварели. Сквозь них просвечивает белый левкас.

Все это исчезает в иконописи XVI-XVII веков. Побеждают темные тона: сначала насыщенные, звучные, благородные, потом все более тусклые, землистые, с изрядной примесью черноты.

В современном искусстве иконописный канон используется как для создания церковных образов, так и в светском искусстве как своеобразный художественный прием. Понятно, что в последнем случае художник выбирает отдельные элементы канонического искусства, не принимая художественного языка иконы как целостной системы. Говоря

о современной живописи, удобнее пользоваться термином «художественный язык» иконы, поскольку в понятие художественного языка включается не только канон, но также стиль изображения с его символическими образами.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры. – В. сб.: Византизм, южные славяне и Древняя Русь, западная Европа. Искусство и культура. М., 1973.
2. Лазарев В.Н. Русская средневековая живопись. М., 1970.
3. Лосев А.Ф. Логика символа. В кн.: Контекст 72.
4. Памятники литературы древней Руси. XII в. М., 1980.
5. Трубецкой Е. Умозрение в красках // Философия русского религиозного искусства. М.: Белый город 2006.
6. Успенский Л. Церковное искусство в эпоху св. Константина. – Журнал Московской патриархии, 1958, № 8, 10.
7. Философия русского религиозного искусства XVI – XX вв. Антология. Вып. I. Сокровищница русской религиозно-философской мысли. М., 1993.
8. Флоренский П.А. Обратная перспектива Философия русского религиозного искусства. СПб.: Русская книга, 1993.
9. Флоренский П.А. Иконостас // Сочинения в 4 тт. Т2.
10. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-образительных произведениях. Курс лекций, прочитанных во ВХУТЕМАСе. М.: «Прогресс», 1993.
11. Хоружий С.С. Философский символизм Флоренского и его жизненные истоки. \ \ После перерыва. Пути Русской философии. СПб.: Алетейя. 1994.
12. Шалина И.А. Псковские иконы «Сошествие во ад» Восточнохристианский храм. Литургия и искусство. СПб., 1994.

PHILOSOPHICAL-ETHICAL ANALYSIS OF THE LANGUAGE OF ART ICONS

I.V. SHALDA

*Tula State Pedagogical
Institute Named After
L.N.Tolstoy*

*e-mail: iri-
na_shalda@mail.ru*

The article presents holistic philosophical-ethical analysis of the symbolism of the icon. The author gives the detailed description of the color determined by the relation of religion and art. It claims in the paper the importance of perspective and time, as the semiotic aspects, and their roles in understanding icons.

Key words: symbolism, “Sophia”, “Deesis”, icon, color, light, perspective, time, ethics, Christianity.

ЧЕЛОВЕК И КОНКУРЕНЦИЯ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В. Н. ШИЛОВ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: Shilov@bsu.edu.ru

В статье анализируются различные интерпретации термина и понятия «конкуренция». Рассматривая конкуренцию и конфликт как особые формы социального взаимодействия, автор видит в конкуренции соперничество, когда соперники не находятся в состоянии контакта друг с другом, а результаты соперничества определяет некто третий.

Ключевые слова: конкуренция, конфликт, соперничество, социальное взаимодействие.

В современной литературе имеется громадный массив исследований по экономической конкуренции. Но конкуренция существует и в других сферах социальной жизни. Так актуальным в теории и практике является вопрос о политической конкуренции. Понятие конкуренции используется и при описании реалий искусства, спорта, семейно-брачных отношений и т.д. Все это делает необходимым рассмотрение конкуренции как понятия социологической теории, которое охватывает, описывает явления присущие не только экономике, но и остальным сферам социальной реальности.

Вначале о термине «конкуренция». Термин «конкуренция», долгое время существовал в обыденной речи, и только с эпохи Просвещения» начинает использоваться в науке. Историческими предпосылками введения термина (понятия) «конкуренция» в научный оборот явилась ситуация ликвидации наследственных, сословных привилегий и утверждение в ряде стран принципов демократии и рыночной экономики¹.

В настоящее время термин «конкуренция» широко используется при научном анализе многих сфер социальной и природной реальности. Кроме работ анализирующих экономическую конкуренцию², имеются работы посвященные конкуренции в правовой сфере³, в области образования⁴, в системе здравоохранения⁵, пишется о конкуренции социальных институтов⁶, конкуренции идей⁷. Имеют место исследования, где выявляется специфика конкуренции в животном мире⁸, проводятся исследования конкуренции в неживой природе⁹.

Этимологический анализ термина «конкуренция» показывает, что он произошел от бытовавшего в средневековом латинском языке слова «concurrentia», что буквально означало совместный бег, соревнование, столкновение¹⁰. В этот плане можно проследить этимологическую близость термину «конкуренция» термина «конкурс», происшедшего

¹ Кашпур В.В. Понятие «конкуренция» в исследованиях системы образования: методологические основания применения // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 298. – С. 242.

² Краткий обзор состояния анализа феномена экономической конкуренции см.: Данилов И. А., Волкова Е. В. Теоретические аспекты конкуренции: ретроспективный анализ и современное отечественное и зарубежное трактование // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 2 (183).

³ Дергачева И.В. К понятию конкуренции правовых норм // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2009. № 1.

⁴ Кашпур В.В. Указ. соч.

⁵ Лунёва Т. В., Белик Е. А. Анализ видов конкуренции в системе здравоохранения // Вестник Алтайского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2010. № 1.

⁶ Либман А.М. Институциональная конкуренция и постсоветская трансформация // Общественные науки и современность. 2006. № 6.

⁷ Евдокимов В. А. Конкуренция идей в политической коммуникации // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2009. № 4.

⁸ Мильн А. Определение понятия «конкуренция» у животных // Русский орнитологический журнал. 2005. Том 14. Экспресс-выпуск 276.

⁹ Глявин М.Ю., Запелалов В.Е., Куфтин А.Н. Конкуренция мод в нестационарных режимах мощных гиротронов // Известия высших учебных заведений. Радиофизика. 1998. № 6.

¹⁰ Иорданский Н.Н. Конкуренция // Большая российская энциклопедия. Т.15. М., 2010. – С.51.

от латинского «concursum», означавшего также совместный бег, соревнование, столкновение¹.

Близкими по смысловому содержанию являются термины «конфликт», «соперничество», «состязание»². Часто они используются через запятую, что подразумевает, что они обозначают одни и те же или близкие понятия, соответственно, области реальности. Если говорить об этимологической основе термина «конфликт», то она схожа с подобной основой термина «конкуренция»: от латинского «conflictus» – столкновение.

Подобная смысловая и этимологическая близость вышеприведенных терминов затрудняет определение специфики именно конкуренции как определенного вида соперничества, состязательности, агональной деятельности³. Принципиальное значение имеет определение соотношения между конкуренцией и конфликтом как формами соперничества, видами агональной деятельности.

Ряд авторов под конкуренцией понимают нечто более широкое, нежели конфликт. Так говоря о политическом конфликте, В.П. Пугачев и А.И. Соловьев определяют его как «разновидность (и результат) конкурентного взаимодействия»⁴. Подобная точка зрения по отношению к политическому конфликту представлена и в Википедии⁵.

Более распространена противоположная позиция. Так Б.С. Волков и Н.В. Волкова рассматривают конкуренцию как «один из видов социального конфликта (особый вид борьбы), целью которого является получение прибыли, доступа к дефицитным благам и другой выгоды»⁶. А.В. Дмитриев пишет о конкуренции как виде конфликта «в котором противоборствующие стороны применяют только санкционированные морально-правовыми нормами и господствующими институтами власти формы борьбы»⁷.

Нам же более импонирует позиция тех авторов, которые рассматривают конкуренцию и конфликт как самостоятельные формы социального взаимодействия, которые могут лишь частично пересекаться. Эта позиция обоснована в первой половине прошлого века известным американским социологом Робертом Парком. Он писал, что «из четырех основных типов взаимодействия – конкуренции, конфликта, аккомодации и ассимиляции – конкуренция является элементарной, универсальной и фундаментальной формой. Социальный контакт, как мы видели, ведет к взаимодействию. А конкуренция, строго говоря, есть взаимодействие без социального контакта... Социальный контакт, который неизбежно ведет к конфликту, аккомодации или ассимиляции непременно создает также и симпатии, предрассудки, личные и моральные отношения, которые видоизменяют, усложняют и контролируют конкуренцию...⁸ конфликт – состязание, в котором контакт является необходимым условием. Конкуренция, явная и бесконтрольная, как у растений, и как великая жизнь-борьба человека со всем человеческим родом и живой природой в целом, бессознательна. Конфликт же всегда осознан... И конкуренция, и конфликт являются формами борьбы. Конкуренция при этом непрерывна и безлична, а конфликт – носит временный и личностный характер... Итак, в общем, можно сказать, что конкуренция становится осознанной и личностной в конфликте. По ходу дела конкуренты превращаются в соперников и врагов»⁹.

Разделяют вышеприведенную точку зрения на конкуренцию как самостоятельную форму социального взаимодействия и другие, уже современные авторы. В словаре тер-

¹ Чуковская Е.Э. Конкурсы // Большая российская энциклопедия. Т.15.- М., 2010. – С.52.

² Данилов Р.С. Состязательность как форма социального бытия. Автореф. дисс... канд. философ. наук. Саратов, 2007. – С.8.

³ Летунова О.В. Конкуренция как тип агональной деятельности (социально-философский анализ). Автореф. ... канд. философ. наук. Красноярск, 2006.

⁴ Пугачев В.П., Соловьев А. И. Введение в политологию. М., 1997. – С. 367.

⁵ Конфликт // Википедия. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D1%82>

⁶ Волков Б.С., Волкова Н.В. Конфликтология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2005. – С. 361.

⁷ Дмитриев А.В. Конфликтология: Учебное пособие. М., 2003. – С. 307.

⁸ Парк Р. Конкуренция // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. /Пер. ... Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. Ч.1. М., 2002. – С. 392-394.

⁹ Парк Р. Конфликт // Теоретическая социология... – С. 400 – 402.

минов хрестоматии по конфликтологии, составленной Н.И. Легионовым отмечается: «Конкуренция – это борьба между субъектами или группами, которые не обязательно находятся в коммуникации или контакте, но которые заинтересованы в достижении одной и той же цели»¹.

В.В. Радаев, пишет о конкуренции следующее: «конкуренция может быть определена не столько как столкновение, чреватое конфликтами, сколько как постоянное *соотнесение деловых стратегий*. В ходе такого соотнесения конкурентная ситуация относительно редко приводит к лобовым ударам, последствия которых разрушительны для обеих сторон. Конкуренция уподобляется групповому забегу на длинную дистанцию, когда каждый участник избегает столкновения с другими, но постоянно с двух сторон чувствует локти соперников. А постоянное наблюдение за их скоростью помогает каждому из участников соревнования выработать свои собственные ритм и стратегию. Или еще один иллюстративный образ. Посмотрим, как «конкурируют» между собой грибники в лесу. Вновь подошедшие к грибному месту не пытаются согнать с него тех, кто пришел на это место раньше, хотя места в лесу формально ни за кем не закреплены. Существует также негласное правило не лезть, если «место занято». Поэтому вновь пришедшие пытаются обнаружить свою делянку, но при этом внимательно следят за направлениями, в которых двигаются конкуренты, пытаются распознать за этими передвижениями скрытую информацию и выстраивают свой путь в определенном отношении к траекториям других»².

«Соперничество может принимать вид конкуренции и конфликта, – отмечает Г.В. Пушкарева. – При наличии конкуренции соперники пытаются просто опередить друг друга (предложить более качественный или более дешевый товар, убедить избирателей, что предлагаемая им политическая программа соответствует их интересам и т.д.). При наличии конфликта предпринимаются более жесткие агрессивные попытки заставить соперника отказаться от притязаний на неделимый объект, навязать свою волю, изменить поведение соперника, отстранить его от неделимого объекта, а может быть, и вообще социально-статусно или даже физически устранить его... *Конкуренция* – это соперничество двух социальных субъектов или более за что-то находящееся вне этих субъектов (чаще всего соперничество за признание кем-то третьим): конкуренция претендентов на определенную должность, политических партий на власть в государстве и т.д. Конкуренция не обязательно предполагает знание конкретного соперника (например, конкурс при приеме в вуз, участие в творческом соревновании пианистов и т.д.). Даже если соперник известен, то главное, на что направлены действия в условиях конкуренции – добиться признания *третьим* своих усилий, возможностей, т.е. добиться предпочтения. Иными словами конкуренция предполагает не прямое воздействие на соперника (может быть, кроме конкуренции в таких видах спорта, как борьба, спортивная игра и др.), а демонстрацию *перед третьими* своих возможностей»³.

Заслуживает внимания и позиция английских авторов Дэвида Джерри и Джулии Джерри, ярко характеризующая существующую в науке неопределенность в плане соотношения конфликта и конкуренции. Характеризуя конкуренцию, они пишут следующее: «Конкуренция – деятельность, в которой человек (группа) соперничает с одним или большим числом других людей (групп) в достижении цели, особенно когда искомые результаты дефицитны и не все могут ими воспользоваться... Понятие «конкуренция частично совпадает с конфликтом. Хотя последнее чаще используется в отношении ситуации с недостатком институционализации или нормативного регулирования либо ведущих к разрушительной социальной напряженности, никакого другого различия здесь не существует, что иллюстрируется наличием термина «институционализированный конфликт»⁴.

Обобщая все точки зрения относительно соотношения конкуренции и конфликта, можно сказать, что существует как предельно широкая трактовка конкуренции в качестве

¹ Конфликтология: Хрестоматия / Составитель Н.И. Легионов. М.- Воронеж, 2003. – С.295.

² Радаев В.В. Что такое конкуренция? //Экономическая социология. Электронный журнал. – Том 4. № 2. Март 2003. С.20. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.ecsoc.msses.ru

³ Общая социология: Учеб. пособие / Под общ. ред. проф. А.Г. Эфендиева. М., 2005. – С. 197-198.

⁴ Джерри Д., Джерри Дж. Большой толковый социологический словарь. Пер. с англ. М., 1999. – С. 319-320.

любой формы состязательной деятельности, включая конфликт, так и узкая, специфическая трактовка, когда конкуренция видится как особая форма состязательной, агональной деятельности, отличная от конфликта и даже в чем-то противостоящая ему. Есть и промежуточные точки зрения, где по-разному понимается степень взаимопроникновенности конкуренции и конфликта.

На наш взгляд более перспективна именно узкая трактовка конкуренции как особой формы состязательного социального взаимодействия. В этом случае **конкуренция понимается как борьба за один и тот же объект (ресурс), когда соперники не находясь в состоянии контакта друг с другом, когда некто третий определяет результаты их соперничества.**

Но это идеальная теоретическая модель конкуренции, которая далеко не всегда имеет место в реальной социальной практике. Во взаимодействии одних и тех же субъектов мы можем обнаружить как конкуренцию, так и сотрудничество и конфликт. Даже для того чтобы поддержать свое соперничество, конкуренты порою вынуждены сотрудничать по поводу фундаментальных правил игры. «Не все действия людей, которые являются конкурентами ... суть акты конкуренции»... Так «люди способны соперничать в достижении одних целей (скажем, в продвижении по службе) и сотрудничать в достижении других (например, в поддержке близкой им политической партии)»¹, отмечает В.В. Новиков. Нужно согласиться с Р.Парком, что «только в растительном сообществе мы можем наблюдать процесс конкуренции изолированным, не осложненным другими социальными процессами»².

В советский период конкуренция понималась как некое отрицательное явление, присущее капиталистическому обществу, где господствует слепая игра рыночных сил. Капиталистической конкуренции противопоставлялось социалистическое соревнование. Реабилитация принципов рыночного хозяйства, предпочтение его плановому, централизованному управлению экономикой привели и к реабилитации конкуренции в сфере экономики. В настоящее время конкуренция в экономике видится как неотъемлемое условие экономического развития и общественного прогресса в целом.

Однако считать конкуренцию в экономике неким чудодейственным средством, вряд ли оправдано. Прежде всего, нужно отметить, что механизм экономической конкуренции основан на презумпции правоты потребителя, который выбирает на его взгляд лучшее, наиболее подходящее ему. Как отмечают исследователи, «проявляется суверенитет потребителя: решающее слово за ним, даже если он объективно не прав. В истории бизнеса немало примеров, когда товары, получавшие наивысшие оценки экспертов, не нравились потребителям. Например, фильмы-победители престижных фестивалей почти никогда не бывают кассовыми»³. Потребитель может предпочесть низкопробный детектив классической литературе, здоровую натуральную пищу избыточно калорийным и канцерогенным продуктам. Спросом пользуются и товары, обладающие разрушительным действием по отношению к организму человека, например, наркотики. В силу этого ряду товаров закрыт легальный доступ на потребительский рынок.

То же самое касается и политической конкуренции. Имеет место миф о компетентности населения как покупателя «политического продукта»⁴. Без этого мифа невозможен глобальный демократический миф о народе как верховном носителе власти. Однако история дает массу примеров некомпетентного выбора населением того или иного «политического товара». Это дает основания для ограничения свободы политического рынка: закрывается доступ на него ряду «политических товаров». Так в России запрещена деятельность партий, созданных по национальному или религиозному принципу,

¹ Новиков В. В. Конкурент — не человек // Экономическая социология. — Т. 12. № 1. Январь 2011. — С. 145, 147. [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.ecsoc.hse.ru

² Парк Р. Конкуренция // Теоретическая социология... — С. 393.

³ Соседов Г.А. Конкуренция и конкурентоспособность: содержание категорий в условиях смешанной экономики // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т.82. №2. — С.21.

⁴ Пшизова С.Н. От «гражданского общества» к «обществу потребителей»: политический консьюмеризм в сравнительной перспективе // Полис. 2009. № 1. = С. 102.

хотя они бы имели существенную поддержку у определенных групп населения, говоря рыночным языком, были бы «куплены».

Актуальной для экономической теории была и остается проблема соотношения позитивных и негативных (созидательных и деструктивных) последствий конкуренции. Наличие тех и других признаются всеми. Но оценка их соотношения различна. Так для науки советского периода было характерна абсолютизация отрицательных последствий: считалось, что в ходе конкуренции происходит массовое разорение мелких и средних товаропроизводителей, банкротства предприятий, рост безработицы. Радикальные левые политические силы обвиняли и обвиняют конкуренцию также и в том, что она ведет к моральной деградации общества, к разобщенности людей, борьбе всех против всех, представляя собой модификацию прежних войн и грабежей¹. И.В. Сталин о конкуренции писал так: «принцип конкуренции: поражение и смерть одних, победа и господство других... конкуренция говорит: добивай отставших, чтобы утвердить свое господство»².

Негативные последствия конкуренции несомненны. Это не только банкротство предприятий, что, в конце концов, не всегда плохо (рынок очищается от неэффективных агентов), но и в ряде случаев повышение издержек производства, замедление обновления производства и др. Говоря о конкуренции, английские социологи Дэвид и Джулия Джерри отмечают следующее: «...конкуренция не может рассматриваться в качестве универсальной тенденции, но в то же время как полностью положительная или отрицательная. Скорее всего, она должна оцениваться в качестве аспекта социальных отношений, последствия которого требуют индивидуального анализа в каждом конкретном случае»³.

Нужно согласиться и с Г.В. Пушкаревой, когда отмечает, выступая против однозначно позитивной оценки сотрудничества и негативной соперничества, что «обще-признанна польза конкуренции для общества, если она ведется по определенным правилам. Чем шире область социальных взаимодействий, в которых установлены конкурентные связи, тем выше вероятность того, что наиболее подготовленные, конкурентоспособные люди, организации будут востребованы в этом обществе. Достаточное развитие конкурентных начал означает, что мы имеем дело с развитой в обществе достигенческой мотивацией...»⁴.

Исходя из главного критерия – общественного блага – в ряде случаев необходимо со стороны общества (государства) сдерживать экономическую конкуренцию⁵. Сами агенты рынка исходят из стремления к максимизации собственной выгоды и редко соотносят реализацию своих интересов с интересами социального целого.

Вышесказанное справедливо и по отношению к политической конкуренции. В современном «маркетинговом подходе ...политические субъекты трактуются как цели/или ценностнорациональные индивиды/коалиции индивидов, склонные к оппортунизму и гедонизму, стремящиеся к максимизации своей индивидуально понимаемой выгоды и не ставящие во главу угла заботу об общественном благе»⁶. Исходя уже из этого, можно предположить, что политическая конкуренция имеет не только позитивную направленность. В ряде случаев ее деструктивные последствия явно превышают последствия созидательные: об этом свидетельствует опыт России конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого века. Иногда ситуация в обществе делает необходимым сдерживание политической конкуренции или даже перехода к ее антиподу – политической монополии. Успешность применения политической конкуренции в сфере политики предполагает наличие таких предпосылок как компетентность населения в роли «покупателя политического товара» и ответственность политической элиты предлагающей те или иные «политические продукты». Необходима также развитая правовая культура, обязывающая политических соперников соблюдать правила честной конкуренции.

¹ Соседов Г.А. Указ. соч. – С.16.

² Рубин Ю. Теория конкуренции и задачи повышения конкурентоспособности российского образования // Высшее образование в России. 2007. № 1. – С. 37.

³ Указ. соч. – С.320.

⁴ Общая социология... – С.200.

⁵ Данилов И. А., Волкова Е. В. Указ. соч. – С. 126.

⁶ Недак И.Л. Маркетинговый подход к исследованию политических процессов. Автореф. дис. ... д-ра пол. наук. М., 2011. – С.4.

Конкуренция в сфере экономики в целом воспринимается как нечто положительное и поэтому имеет место институционализация конкуренции, она введена в рамки закона, регулируется также устоявшимися традициями и обычаями. Законодательство многих стран содержит правовые нормы, охраняющие конкуренцию в сфере экономики¹. Подобная институционализация имеет место и по отношению к политической конкуренции. При отсутствии специального закона о защите политической конкуренции законодательство в части партийного строительства, электорального процесса, функционирования СМИ и др., так или иначе, защищает политическую конкуренцию.

Развитие конкурентной экономической среды, нарастание и упорядочивание политической конкуренции, упрочение конкурентности в иных сферах общественной жизни, несомненно, будут повышать статус термина, и понятия «конкуренция», стимулировать исследование в науке, в том числе и в социологической теории, феномена конкуренции.

Список литературы

1. Кашпур В.В. Понятие «конкуренция» в исследованиях системы образования: методологические основания применения // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 298.
2. Данилов И. А., Волкова Е. В. Теоретические аспекты конкуренции: ретроспективный анализ и современное отечественное и зарубежное трактование // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 2 (183).
3. Дергачева И.В. К понятию конкуренции правовых норм // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2009. № 1.
4. Лунёва Т. В., Белик Е. А. Анализ видов конкуренции в системе здравоохранения // Вестник Алтайского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2010. № 1.
5. Либман А.М. Институциональная конкуренция и постсоветская трансформация // Общественные науки и современность. 2006. № 6.
6. Евдокимов В. А. Конкуренция идей в политической коммуникации // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2009. № 4.
7. Мильн А. Определение понятия «конкуренция» у животных // Русский орнитологический журнал. 2005. Том 14. Экспресс-выпуск 276.
8. Глявин М.Ю., Запевалов В.Е., Куфтин А.Н. Конкуренция мод в нестационарных режимах мощных гиротронов // Известия высших учебных заведений. Радиофизика. 1998. № 6.
9. Иорданский Н.Н. Конкуренция // Большая российская энциклопедия. Т.15.- М., 2010.
10. Чуковская Е.Э. Конкурс // Большая российская энциклопедия. Т.15.- М., 2010.
11. Данилов Р.С. Состязательность как форма социального бытия. Автореф. дисс... канд. философ. наук. Саратов, 2007.
12. Летунова О.В. Конкуренция как тип агональной деятельности (социально-философский анализ). Автореф. ... канд. философ. наук. Красноярск, 2006.
13. Пугачев В.П., Соловьев. А. И. Введение в политологию. М., 1997.
14. Конфликт /Википедия. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D1%82>
15. Волков Б.С., Волкова Н.В. Конфликтология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2005.
16. Дмитриев А.В. Конфликтология: Учебное пособие. М., 2003.
17. Парк Р. Конкуренция // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. /Пер. ... Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. Ч.1. М., 2002.
18. Парк Р. Конфликт // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. /Пер. ... Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. Ч.1. М., 2002.
19. Конфликтология: Хрестоматия / Составитель Н.И. Легионов. М.-Воронеж, 2003.
20. Радаев В.В. Что такое конкуренция? //Экономическая социология. Электронный журнал. – Том 4. № 2.- Март 2003. – С. 20. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.ecsoc.msses.ru
21. Общая социология: Учеб. Пособие / Под общ. ред. проф. А.Г. Эфендиева. – М., 2005.
22. Джерри Д., Джерри Дж. Большой толковый социологический словарь. Пер. с англ. М., 1999.
23. Новиков В.В. Конкурент – не человек //Экономическая социология. Т. 12. № 1. Январь 2011. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.ecsoc.hse.ru

¹ В России также имеется Федеральный закон № 135-ФЗ "О защите конкуренции" (в редакции от 29.11.2010). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.fas.gov.ru/legislative-acts/legislative-acts_9498.html7

24. Соседов Г.А. Конкуренция и конкурентоспособность: содержание категорий в условиях смешанной экономики // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т.82. №2.

25. Пшизова С.Н. От «гражданского общества» к «сообществу потребителей»: политический консьюмеризм в сравнительной перспективе // Полис. 2009. № 1.

26. Рубин Ю. Теория конкуренции и задачи повышения конкурентоспособности российского образования // Высшее образование в России. 2007. № 1.

27. Недяк И.Л. Маркетинговый подход к исследованию политических процессов. Автореф... докт. пол. наук. – М., 2011.

28. Федеральный закон № 135-ФЗ "О защите конкуренции" (в редакции от 29.11.2010). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.fas.gov.ru/legislative-acts/legislative-acts_9498.html

MAN AND COMPETITION AS THE FORM OF SOCIAL INTERACTION

V.N. SHILOV

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Shilov@bsu.edu.ru*

The article discusses various interpretations of the term and concept «competition». Considering the competition and the conflict as special forms of social interaction, the author sees in competition rivalry when contenders are not in contact condition with each other, and results of rivalry defines somebody the third.

Key words: competition, conflict, rivalry, social interaction.

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ: ДИНАМИКА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

С 8 по 10 сентября 2011 года в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2010-2013 гг. (государственный контракт № 14.741.12.0170) в Белгороде состоялась Всероссийская молодежная конференция «Когнитивное моделирование: динамика гражданского общества и фактор национально-конфессиональной толерантности». Конференция была организована Министерством образования и науки РФ, Департаментом образования, культуры и молодежной политики Белгородской области, Белгородским государственным национальным исследовательским университетом. В этой рубрике мы публикуем лучшие доклады и статьи участников конференции в более полных вариантах, чем в соответствующем сборнике Всероссийская молодежная конференция «Когнитивное моделирование: динамика гражданского общества и фактор национально-конфессиональной толерантности» г. Белгород, 8-10 сентября 2011 г.: Материалы докладов и выступлений. – Белгород: НИУ «БелГУ», 2011.

УДК 130.2

ДИАЛОГ СВЕТСКОГО И РЕЛИГИОЗНОГО И ТОЛЕРАНТНОСТЬ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

О.В. КОВАЛЬЧУК
В.П. РИМСКИЙ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru

Статья посвящена рассмотрению специфики средневековой западноевропейской культуры сквозь призму диалогичности «светского» и «религиозного». В средневековой культуре Западной Европы находит свое отражение такое необходимое свойство межкультурного диалога, как интериоризация одной культурой образа другой культуры, принятие и «включение» социокодов и языков участников культурного диалога во внутрь «семиотической телесности» культуры, перекодировка информации и переинтерпретация культурных символов и смыслов, что обуславливает синтетическую модель религиозно-светского культурного диалога.

Ключевые слова: диалог культур, межкультурный диалог, светская культура, религиозная культура, толерантность, модель диалога культур.

Для средневековой культуры основополагающую, фундаментальную роль сыграли традиции Западной Римской империи, в культурном наследии которого главным являлось право, высокая правовая культура, наука, искусство, философия, а также христианство, ставшее на закате Рима государственной религией империи. Эти традиции усваивались «варварами» (франками, галлами саксами, ютами, готами и другими племенами

Западной Европы) во время борьбы с римлянами и активно влияли на их языческую культуру. В результате этого взаимодействия возникло *напряжение «диалога культур»* (Г.В. Драч), давшее мощный импульс становлению и развитию собственно западноевропейской средневековой культуры.

Спецификой средневековой культуры являлось доминирование христианской религии и Церкви, которая выступает как новая культурная парадигма цивилизации, социокультурный институт и мировоззренческое ядро сознания. Вера средневекового человека в Бога была «постулатом, настоятельнейшей потребностью всего его видения мира и нравственного сознания. То была высшая истина, вокруг которой группировались все их представления и идеи, истина, с которой были соотнесены их культурные и общественные ценности, конечный регулятивный принцип всей картины мира эпохи»¹. В искусстве, как нигде, наиболее отчетливо проявляются все ведущие тенденции жизни той или иной эпохи. Именно поэтому средневековая литература, например, носит преимущественно религиозный характер, преобладают произведения, построенные на библейских мифах, посвященные Богу, жития святых были наиболее распространенным и популярным в эту эпоху жанром литературного произведения, живопись выражала библейские темы в линии и цвете (преобладающим жанром была икона), основу музыкальной культуры составляло литургическое пение, воспевающие Бога в напевах, а потом и гимнах, соединяющих стихотворный текст с песенной мелодией, архитектура и скульптура средних веков были «Библией в камне». Все важные разделы культуры средневековья выражали фундаментальный принцип или ценность, которым являлся Бог.

Как указывал в своих работах П.А. Сорокин², в эту эпоху философия была практически идентична религии и теологии и концентрировалась вокруг той же основной ценности или принципа, каким являлся Бог. Знание было поставлено на службу христианской религии и теологии. Этика и право представляли собой только дальнейшую разработку абсолютных заповедей христианства. Политическая организация в ее духовной и светской сферах была преимущественно теократической и базировалась на Боге и религии. Семья, как священный религиозный союз, выражала все ту же фундаментальную ценность. Даже организация экономики контролировалась религией, налагавшей запреты на многие формы экономической деятельности, которые могли бы оказаться уместными и прибыльными, поощряя в то же время другие формы экономической деятельности, нецелесообразные с чисто утилитарной точки зрения. Господствующие нравы и обычаи, образ жизни, мышления подчеркивали свое единство с Богом как единственную и высшую цель, а также свое отрицательное или безразличное отношение к чувственному миру, его богатству, радостям и ценностям. Ученый определяет средневековую культуру *не как конгломерат* различных культурных реалий, явлений и ценностей, а *единое целое*, все части которого выражали один и тот же высший принцип объективной действительности и значимости: бесконечность, сверхчувственность, сверхразумность Бога, Бога вездесущего, всемогущего, всеведущего, создателя мира и человека.

Однако, несмотря на доминирование религии, религиозной культуры, исследователи отмечают, что даже в таких официально христианских странах, как Англия, Франция, Италия, наряду с христианством сохраняли большое влияние языческие верования, а для различных социальных слоев наблюдалась *своя особая религиозность*. Европейские философы и ученые давно говорят о существенном различии образа мышления, нравов и поведения *христиан-господ* и *христиан-простолудинов*. В начале XX века в результате этого возникла теория двух культур: аристократической и народной. А к настоящему времени заметное влияние приобрела точка зрения, что у единой средневековой культуры существует два полюса: *ученая культура* духовной и интеллектуальной элиты (образованного меньшинства) и *«культура безмолвствующего большинства»*, фольклорные традиции простонародья (М.М. Бахтин, А.Я. Гуревич, Д.С. Лихачев, Л.Я. Ястребицкая и другие).

¹ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1984. – С. 19.

² Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. – М., 1997; Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. – М., 1992; Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. – СПб., 2000.

На наш взгляд, есть смысл говорить скорее о *трех культурных традициях* единой цивилизации средних веков: *культуре церковной, культуре светской* (в данном случае – культуре привилегированного класса, аристократии) и *народно-фольклорной культуре*. Две последние можно было бы объединить в одну культуру *мирскую (праздничную и повседневную)* в противоположность *церковной*, поскольку сопоставлять культуру аристократическую и народную можно и относительно друг друга (это вариант *горизонтально-пространственного, внутрикультурного или системного-синхронного диалога*), а вместе они могут быть противопоставлены культуре религиозной и ее частному проявлению – культуре церковной. Причем культуры мирская и церковная находились друг с другом в неразрывном, *системно-диалогическом синтезе*, что и задавало специфику западноевропейского средневекового хронотопа, который достаточно подробно реконструировал и описал А.Я. Гуревич.

В его исследованиях прослеживается мысль о неразрывном взаимодействии культуры народа (фольклорной культуры) и культуры церкви. При этом ученый отмечает, что народная культура средневековья во многом сохраняет свои дохристианские черты, мифопоэтическую традицию. И хотя эта традиция в контексте средневековой церковной культуры становится противостоящей «официальной» клерикальной культуре и переходит на положение гонимой, оттесняется на периферию духовной жизни, язычество, пронизывавшее миф и эпос, вырождается в «суеверие», а под ударами церковной идеологии традиционное мировидение разбивается на фрагменты, лишь частично абсорбируясь новой системой мирозерцания. Несмотря на это, торжество новой культуры не означало полного подавления архаики. Более того, духовная жизнь средневекового общества не может быть понята достаточно всесторонне без учета мифопоэтической, фольклорной традиции, остававшейся достоянием народа, который едва ли был целиком включен в русло «официальной» культуры. Все это может быть отнесено не только к народной культуре, но и в целом к *мирской культуре* средневековья.

Важно, что религиозность как доминанта духовной жизни средневековья обуславливает роль Церкви как важнейшего социокультурного института. Именно Церковь выступает в качестве социальной силы, стремящаяся в лице папства к господству над христианским миром и жизнью каждого человека. Она стояла у колыбели младенца и провожала покойника в последний путь, принимала человека в общество, и она же претендовала на то, чтобы определять его загробную судьбу, его «погибель» или «спасение». К примеру, Церковь полностью контролировала весь хронотоп вступления в брак, освящая его: заключение контракта, помолвку, самую брачную церемонию, регламентировала всю жизнь индивида и семьи, вплоть до интимной, и взяла на себя обязанность наблюдать за нравственностью семейной жизни¹. Соответственно регламентировалось и пространство – путь к дому невесты или жениха, дом, все вещи, одежда, которые в иное время имели сугубо обыденные, светско-профанные знаковые измерения, в такие периоды подвергались перекодированию и символической сакрализации. Эти взаимопревращения светско-профанного и священного хронотопов христианства можно проследить и на примере символики рождения и смерти².

Всякие попытки выйти из-под церковного контроля неукоснительно пресекались: церковь запрещала трудиться в праздничные дни, занимавшие более трети времени в году, причем соблюдение религиозных запретов представлялось ей более существенным, нежели получение дополнительного количества, например, продуктов питания (что было существенно для человека средневековья). Церковь определяла состав пищи, которую можно было принимать в те или иные отрезки времени, и строго карала за нарушение поста; она освящала сексуально-интимную жизнь, предписывая, когда половая близость допустима и когда она греховна. Год расчленялся праздниками, знаменовавшими события из жизни Христа, днями святых. Для основной массы населения главным ориентиром суток был звон церковных колоколов, регулярно призывавших к заутрене и другим службам. «Колокольный звон, призывающий священников и монахов к службе, был

¹ Подробнее см.: Ястребицкая Л.Я. Западная Европа XI–XIII веков. – М., 1978. – С. 88.

² См.: Дюби Ж. Европа в средние века. – Смоленск, 1994.

единственным средством отсчета дневного времени»¹. Сутки делились на ряд отрезков – канонических часов, обычно их было семь, и обозначались они боем церковных часов. Различали «колокол жатвы», «колокол тушения огней», «колокол выгона в луга». Таким образом, даже течение времени контролировалось церковью.

Наряду с земным, *мирским временем* существовало *священное, сакральное время*, и только оно обладало истинной реальностью. Библейское время – не преходящее; оно представляет абсолютную ценность. С актом искупления, совершенного Христом, время обрело особую двойственность: Царство Божие уже существует, но вместе с тем время еще *не завершилось* и Царство Божие остается для людей окончательным исходом, целью, к достижению которой они должны стремиться.

В средневековом сознании, как и в мифосознании древних, категория сакрального времени («история откровения») *существует* с категорией земного, мирского времени, и обе эти категории объединяются в категорию *времени исторического* («история спасения»). «Историческое время подчинено сакральному, но не растворяется в нем: христианский миф дает своего рода критерий определения исторического времени и оценки его смысла»². Например, год представлялся как год литургический. Важной чертой ментальности средневековья было то, что «литургический год воспринимался как последовательность событий из истории Христа, разворачивавшейся от Рождественского поста до Троицы, а кроме того, он был наполнен событиями и праздниками из другого исторического цикла – жизни святых»³.

Оппозиция религиозного и светского, священного и мирского в хронотопном измерении христианской цивилизации нашла теологическую санкцию в теории «двух градов» Августина Блаженного. Сама церковь как социальный институт основывалась на идее Церкви, таинственного Тела Христова – «град земной» тайно содержал в себе сакрально-метафизическое измерение «Града Небесного». Сакральным становилось не только историческое время, но и обыденное пространство европейских государств, когда они объединились в Священную Римскую империю (до этого сакрализации был подвергнут лишь Иерусалим, Земля обетованная, и Рим, как место папского престола). Сакрализации подлежало пространство городских соборов и деревенских храмов, пространство жилищ, отведенное для молитвенной беседы с Богом. Так тексты религиозно-сакрального и светско-профанного хронотопов вступали в сложный синтетический диалог внутри единой западноевропейской христианской культуры.

Жизнь средневекового христианина во всех отношениях проникнута, всесторонне насыщена религиозными представлениями. Нет ни одной вещи, ни одного суждения, в которых не усматривалась бы всякий раз связь с Христом, с христианской верой. Однако перед церковью стояла довольно сложная задача, поскольку *хранить религиозную культуру церковь могла лишь «обмирщаясь»*. Иными словами, церковь должна была, развивая свою «небесную» жизнь в высших формах религиозности, спускаться в мир и, преображая его в град Божий, жить земной жизнью.

Не вызывает сомнения тот факт, что «беспримесное богословие» (А.Я. Гуревич), верное нормам первоначального христианства и патристики, на практике существовать не могло. Поэтому и происходил *синтез двух культур*, религиозной и мирской, что отразилось, например, в литературе. Как отмечал известный французский медиовист Ж. Легофф⁴, отношения между обеими культурами были в высшей степени многообразны (это подтверждает полифонизм диалога культуры светской и религиозной в христианском мире): они включают как антагонизм, «блокирование» ученой культурой культуры мирской (у Ж. Легоффа – «фольклорной»), подавление ее традиций церковью либо их искажение и частичное приспособление к потребностям официальной идеологии. При этом часто имело место непонимание духовенством народной культуры, вызванное тем,

¹ Легофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992. – С. 170.

² Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1984. – С. 119.

³ Легофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992. – С. 170.

⁴ Цит. по: Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – М., 1981. – С. 11. См. также: Легофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992.

что «рационализму» культуры клириков, четко разделявшему мир на добро и зло, противостояло *амбивалентная* «фольклорная культура».

Но господствующая культура оказывается неспособной полностью обуздать фольклорную стихию и частично *воспринимает фольклор*. Более того, Ж. Легофф полагает, что условием осуществления духовенством своей миссии была его *культурная адаптация к народу*, церковная культура должна была *включаться* в фольклорную культуру, в мирскую. Существенную роль в ходе рассуждений Ж. Легоффа играет идея «*внутренней аккультурации*», взаимного приравнивания культур. Иными словами, синтез культур был просто необходим, т.е. они благодаря этому поддерживали жизнеспособность друг друга. Исходя из этого, А.Я. Гуревич говорит о «*парадоксе средневековой культуры*», (мы же можем говорить о некоем *синтезе*), который порождается встречей, пересечением, *системным диалогом* мирской культуры с культурой религиозной, церковной, взаимодействием фольклорных традиций с официальной церковной доктриной.

Однако для того, чтобы мысли духовной элиты стали «господствующими мыслями», их нужно было *перевести на язык*, понятный всем – *перекодировать* культурные символы, языки и образы. Этим занимались по большей части проповедники, непосредственно общавшиеся с паствой. Приходские священники, монахи, миссионеры должны были растолковывать народу основные положения богословия, внушать принципы христианского поведения и искоренять несправедливый образ мыслей. С этой целью создавалась специальная литература, которая популярно излагала христианское учение, давая пастве образцы для подражания. Произведениями, адресованными пастве, были проповеди, наставления, «*примеры*», повествования о чудесах, нечистой силе, о странствиях души по загробному миру и о видениях, жития святых, катехизисы. Все эти материалы предполагали широкую аудиторию и были рассчитаны на ее понимание. Христианское учение в этих проповедях, поучениях и занимательных рассказах о чертях и святых находило доступ к сознанию народа, который обладал собственной культурной традицией мифа, эпоса, языческого ритуала, магии. В борьбе за умы и души людей, которую постоянно вела Церковь, такого рода сочинения играли самую активную роль, поскольку они являлись важнейшими каналами коммуникации между духовенством и массой, *формами диалога*, и при их посредстве церковь осуществляла *контроль* над духовной жизнью народа. Именно поэтому в упомянутых произведениях не могли не отразиться некоторые существенные стороны *народной религиозности* и народного миросозерцания, поскольку церковные проповедники стремились завладеть сознанием каждого слушателя, кто бы он ни был.

Нужно отметить, что в этом проявился *принцип терпимости*, который отнюдь не был чужд раннему средневековью, поскольку *способность культурного диалога* с различными субкультурами и верами, социальными слоями и индивидами, возможность популярного *перекодирования языков культуры* была возможна лишь на позициях терпимости (веротерпимости), которая изначально была заложена в учении Спасителя и духе христианства. В этой связи интересным является факт Евангелия о том, что Иисус говорил с образованными, начитанными в Писании фарисеями в Иерусалиме иначе, чем с простыми неграмотными крестьянами и рыбаками из Галилеи. Говоря с одними, он употребляет слова, образы и понятия, которыми почти не пользуется в разговоре с другими. Иными словами, как всякий мудрый воспитатель, Спаситель всегда учитывает круг понятий своих слушателей, стараясь пояснить свое благовестие на близких для них примерах из жизни природы, *повседневной жизни* и истории.

Как предполагает А.Я. Гуревич, разные пласты культуры народной, мирской, уходящей корнями в язычество, в архаические верования и обычаи, и церковно-христианской не просто сосуществовали, но, пересекаясь, *взаимодействовали в сознании средневековых людей*, от крестьянина до епископа: «На страницах средневековых текстов, адресованных широкой аудитории, идет постоянный диалог официальной доктрины и фольклорного сознания...Высшие жанры церковной литературы вступали в соприкосновение с народной словесностью не прямо, не непосредственно, но именно при посредничестве «низовой» популярной литературы, которая в свою очередь, испытывала со стороны аудитории сильнейшее воздействие. Народные верования и представления, подчас весьма далекие от ортодоксальной картины мира, а то и находившиеся в прямом

противоречия с официальной догмой, *прорываются* в эти сочинения помимо намерения их авторов»¹.

Средневековье чаще всего мыслят как эпоху тотального засилья церкви и христианской идеологии. Те же аспекты культуры средних веков, которые не вмещаются в рамки официальной церковности, исследователи расценивают как *ересь*, либо как симптомы начинающегося противопоставления мирского начала религиозному и возникновения духа Возрождения. Мы согласны с А.Я. Гуревичем, который считает, что дихотомия церковного и светского слишком схематична для того, чтобы охватить все богатство средневековой духовной жизни². В результате взаимодействия двух традиций в сознании средневековых людей произошло органическое *сращение* церковного и мирского, благодаря чему человек средневековья понимал мир своеобразно: «сакральное и профанно-изменное не разделены четко, переплетаются, срастаются в противоречивое целое»³. Интересно, но именно в этом Й. Хёйзинга видит истоки последующей секуляризации западной культуры. Он пишет: «Жизнь была проникнута религией до такой степени, что возникала постоянная угроза исчезновения расстояния между земным и духовным. И если, с одной стороны, в святые мгновения все в обыденной жизни возвышается до священного, с другой – священное постоянно тонет в обыденности из-за неизбежного смешения с повседневностью»⁴.

В этом отношении интересно обратиться к такой институционально организованной форме социального общения людей средневековой эпохи, как *церковный приход*, поскольку как раз в рамках этой низовой, первичной *институциональной молекулы церковной структуры* в значительной мере и сосредоточивалась жизнь народа. Человек принадлежал своему приходу: здесь он получал крещение после рождения, то есть из существа природного превращался в существо социально-нравственное, посещал церковь, слушал молитвы и поучения, присутствуя при отправлении культа, исповедовался, вступал в брак; здесь же он получал и последнее отпущение грехов. При этом приходские церкви были центрами не одной только религиозной деятельности – в них в немалой степени протекала и гражданская жизнь. В церкви заключались сделки, устраивались пиры, их *подсобные помещения* могли быть использованы для хранения зерна, торговли, служили аренами для игр и борьбы. Приходская церковь привлекала народ по многим и самым разным причинам. И этот *микромир* и определял все стороны поведения принадлежавших ему людей, сам строй их мыслей и эмоций. При церквях и монастырях (они также зачастую составляли приходские центры) с самых первых веков христианства – западного и восточного – начинают создаваться приходские и монастырские *школы*, в которых обучают первичной светской и библейской грамоте не только монахов и будущих клириков, но и детей из самых различных социальных слоев. Именно здесь рождается *христианская Пайдейя*, которая создала принципиально новый тип личности, заложила основы будущей европейской науки, определила на столетия поступательное развитие человеческой культуры и цивилизации⁵.

Явственная неразделенность религиозной и мирской сфер жизни непосредственнее всего выражалась в том общественном явлении, что, например, чисто светские мелодии без каких-либо изменений сплошь и рядом использовались для церковных песнопений и наоборот, а также в процессе богослужения в текст литургии влетали слова светских песенок. Постоянно происходит *смешение церковной и светской терминологии*. Выражения мирского характера без особых раздумий используются для обозначения религиозных предметов и наоборот. Человек средневековья пользуется языком церковного обихода для выражения своих чувств, преклоняясь перед земным величием (например, короля и его наследника нередко сравнивают с Богом-отцом и Сыном). С особой

¹ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1984 – С. 23-26.

² Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – М., 1981. – С. 132.

³ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. – М., 1989. – С. 47.

⁴ Хёйзинга Й. Осень средневековья. – М., 2002. – С. 187.

⁵ Подробнее см.: Бухтина Т.П., Римский В.П. Философская антропология и воспитательно-образовательные парадигмы: от античной Пайдейи к Просвещению. – Волгоград, 2004.

легкостью в средние века практиковались выражения сексуального в терминах церковного культа. Часто церковь делалась обычным местом свиданий, а паломничества к святым местам служили поводом для возможных развлечений и, как правило, были удобны влюбленным. Это найдет затем продолжение в культуре и литературе Возрождения (например, в творчестве и жизни Петрарки, Данте и других творцов новой эпохи).

Устойчивая черта средневекового сознания – сочетание спиритуализованности носителей сакрального начала с их «обмирщенностью», «заземленностью», которые граничили с *профанацией и фарсом*. Преклонение святому могло принимать такие гротескные формы, когда верующие, озабоченные тем, чтобы обеспечить себя на будущее чудотворными останками, решают умертвить его, или когда крестьяне поклоняются могиле собаки, считая ее святою. Святость в латинской народной религиозности порой выступает как сплав возвышенного благочестия и примитивной магии, предельного самоотречения и сознания избранности, бескорыстия и алчности, милосердия и жестокости.

Стоит отметить, что и презрительное отношение к духовенству, каким-то подводным течением проходящее через всю средневековую католическую культуру наряду с почтением к духовному сану, частично объясняется *обмирщением* высшего духовенства и далеко зашедшим деклассированием низшего. Нравственное вырождение духовенства само по себе довершало картину, и неудивительно, что и в высшем и в низшем сословиях веками вызывали насмешки фигуры распутного монаха и жирного попа, обжоры и сластолюбца (литература эпохи Возрождения и Реформации опять же дала нам уже профессионализированные продукты подобного смехового творчества – «Декамерон» Дж. Боккаччо, «Похвала глупости» Эразма Роттердамского, «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле и др.).

Очень точно, на наш взгляд, А.Я. Гуревич подметил сущность взаимодействия культуры мирской и церковной в средние века. Он отметил, что контакт обеих культурных традиций представлял собой *диалог-конфликт*. А.Я. Гуревич подчеркивал, что «диалогичность средневековой культуры нужно мыслить не как спор между двумя метафизически противопоставленными целостностями, а как *присутствие одной культуры в мысли, в мире другой* и наоборот»¹. *Диалог*: стараясь утвердить прихожан в сознании необходимости жить сообразно учению церкви и повиноваться ей, клирики неизбежно апеллировали к фонду привычных представлений народа, наследуемых из поколения в поколение. Но вместе с тем и *конфликт*: указанный фонд коллективных представлений и ментальных привычек прихожан то и дело оказывался в противоречии с духовной культурой церкви. Именно поэтому речь должна идти *не о двух обособленных культурах*, а о постоянном их системном диалоге, правильно поняты они могут быть лишь в обоюдной соотнесенности. Каждую из культурных традиций надлежит понимать не в ее внутренней замкнутости, но именно в напряженном *переплетении* и *разговоре* между собой. В этом состоит одна из специфических черт католической народной религиозности, которая роднит ее с православной народной религиозностью средневековой Древней Руси, которую некоторые исследователи – и до революции, и после – трактовали как двоеверие.

Это полностью согласуется и с семиотической концепцией межкультурного диалога Ю.М. Лотмана и других представителей тартуско-московской культурологической школы, подчеркивавших как синтез светской и религиозной культур в цивилизации средних веков, так и тенденции к их конфликту.

Пока церковная культура проявляла *веротерпимость* (или иными словами, гибкость) в отношениях с мирской культурой и была способна частично включать в себя элементы народных традиций и верований, христианство сохраняло живые силы. Затем этот симбиоз был разрушен, и на первый план выступило *противоборство*.

Нами в свое время было отмечено, что суперцивилизации средних веков, складывающиеся в результате центростремительных тенденций и локализующиеся на огромных пространствах, характеризуются *динамично-устойчивыми жизненными ритмами* с большим чувством историзма. Сложный, неустойчивый и открытый характер этих культурно-цивилизационных систем, *органический синкретизм культурных архетипов*

¹ Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – М., 1981. – С. 277.

обусловили возможность появления в недрах суперцивилизаций средневековья различных антисистемных образований (этнорелигиозные диаспоры, гностико-манихейские секты, тайные ордена и т.п.) с разрушительными тенденциями¹. Религиозные ереси усиливали энтропийные процессы в недрах европейской средневековой цивилизации, разрушая самые основы христианского образа жизни, отрицали семью, традиционный земледельческий труд, гармоничное отношение к природе. Это служило основным источником конфликта в диалоге сакрального и светского, церковного и мирского в цивилизации средневекового Запада.

До поры органичная и диалогичная народная религиозность католичества стала «выталкиваться» в ересь, главным инструментом церковной политики сделалась инквизиция, начались массовые преследования еретиков и ведьм, а с диалогом было покончено. Наступает время конфликтов двух культурных традиций, а маргинальная, *монологичная субкультура еретиков* (гностики-манихеи, богомилы, павликаны и катары-альбигойцы, тамплиеры, а позже апостольские братья и анабаптисты, гуситы и табориты, объединенные в тайные, эзотерические секты) начинает провоцировать социокультурный конфликт, который и привел позже к реформационному расколу западноевропейской католической цивилизации.

Прежде всего, традиционные религии и ереси представляли собой противоположные культурные образования: *культура и антикультура; гуманизм и антигуманизм; традиционные ценности, мораль и аморализм*. Например, пуритане психологически ощущали себя *избранными*, а подобное избранничество всегда оказывается *монологичной (закрытой) антисистемой* по отношению к существующему строю, культуре и традиции². Будучи по своей природе маргинальным образованием, она легко разрушает сложившиеся связи и отношения, действуя, как правило, в запретных зонах и запретными методами. Это касается как правил поведения, закрепленных в нравственных табу и традиционных святынях, так и способов мышления.

Таким образом, можно заключить, что в средневековой цивилизации Западной Европы находит свое отражение такое необходимое свойство межкультурного диалога, как *интериоризация* одной культурой (или субкультурой) образа другой культуры, принятие и «включение» социокодов и языков участников культурного диалога во внутрь «семиотической телесности» культуры, перекодировка информации и переинтерпретация культурных символов и смыслов, что обусловило *синтетическую модель* религиозно-светского культурного диалога.

Основываясь на *веротерпимости*, заложенной в христианстве, *религиозная культура средневековья* (в данном случае и культура церковная как аспект религиозной культуры) *включала* в себя (и в себе) языческий миф (живой или рудиментарный), лежащий в основе народной, фольклорной культуры, и культурно-идеологические тексты профессионально-элитарной культуры, содержала в себе трансформированные элементы мирской (народной или профессиональной) культуры. Причем для этого ей приходилось *терпеть* языческие рудименты которые имели место в народной, фольклорной культуре (в том числе и телесно-мифологические практики – от оздоровительной магии до эротики). Но эта веротерпимость, в конце концов, вылилась в нарастание цивилизационных и религиозных претензий еретиков, что мягко проявилось в Возрождении, а жестко закончилось в социокультурном расколе Реформации.

Список литературы

1. Бухтина Т.П., Римский В.П. Философская антропология и воспитательно-образовательные парадигмы: от античной Пайдеи к Просвещению. – Волгоград, 2004.
2. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1984.
3. Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. – М., 1989.
4. Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – М., 1981.
5. Дюби Ж. Европа в средние века. – Смоленск, 1994.

¹ См.: Римский В.П. Культура и тоталитаризм. – Белгород, 1999. – С. 18-19.

² Подробнее см.: Римский В.П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. – Белгород, 1997.

6. Легофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992.
7. Римский В.П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. – Белгород, 1997.
8. Римский В.П. Культура и тоталитаризм. – Белгород, 1999.
9. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. – М., 1997.
10. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. – СПб., 2000.
11. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. – М., 1992.
12. Хейзинга Й. Осень средневековья. – М., 2002.
13. Ястребицкая Л.Я. Западная Европа XI-XIII веков. – М., 1978.

DIALOGUE BETWEEN SECULAR AND RELIGIOUS IN THE MEDIEVAL CULTURE OF THE WESTERN EUROPE

O.V. KOVALCHUK
V.P. RIMSKIY

*Belgorod National
Research University*

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru

The article discusses the features of medieval western European culture in the context of the dialogue between "secular" and "religious". The medieval culture of the Western Europe reflects such main feature of the cross-cultural dialogue as interiorisation of images of one culture into another one. It is characterised also with adoption and "incorporation" of social codes and languages of cultural subjects into the "semiotic body" of the culture. What is common for this type of culture is re-coding of information and re-interpretation of cultural symbols and meanings, which determines the synthetic model of the cultural dialogue between secular world and religion.

Key words: cultural dialogue, cross-cultural dialogue, secular culture, religious culture, tolerance, cultural dialogue model.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Авилов В.В.** преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Института права и экономики, г. Липецк
- Авилов М.А.** аспирант кафедры философии, культурологии, прикладной этики, религиоведения и теологии им. А.С. Хомякова ТГПУ им. Л.Н. Толстого
- Алексеева А.А.** главный специалист отдела аренды городских земель Комитета имущественных и земельных отношений Администрации города Белгорода
- Алексейнок А.А.** кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и психологии управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Орловский филиал)
- Андросова Н.О.** аспирант кафедры социально-культурной деятельности Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма
- Асеева О.В.** аспирантка кафедры философии Белгородской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Я. Горина
- Бахарев В.В.** доктор социологических наук, профессор кафедры социальной работы Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Беляев И.А.** кандидат педагогических наук, доцент кафедры философской антропологии Оренбургского государственного университета
- Благоевич М.** доктор социологических наук, профессор института философии и общественной теории, Белград (Сербия)
- Борисов Г.А.** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Борисов С.Н.** кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социальных наук Белгородского государственного института искусств и культуры
- Варава В.В.** доктор философских наук, профессор, профессор кафедры культурологии Воронежского государственного университета
- Волченко А.В.** соискатель кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Гайдуков Р.И.** аспирант кафедры социальных технологий ИГМУ Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Глушаченко С.Б.** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена
- Гончаров С.З.** доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологи Российского государственного профессионально-педагогического университета

- Гончикова Н.Д.** аспирантка Читинского государственного университета
- Гордилов А.В.** аспирант кафедры социальных технологий ИГМУ Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Грызова У.И.** аспирант кафедры философии науки и социологии Оренбургского государственного университета
- Гусева А.А.** аспирантка юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Деревянко П.А.** аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Ельникова Г.А.** доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Белгородского университета кооперации, экономики и права
- Ермаков В.Г.** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина
- Захарова Е.А.** доцент, декан факультета государственного и муниципального управления МАУ ВПО «Воронежский институт экономики и социального управления»
- Зорина А.Ю.** аспирант кафедры философии, культурологии, прикладной этики, религиоведения и теологии им. А.С. Хомякова ТГПУ им. Л.Н. Толстого
- Касаткин В.П.** доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Клещенко А.А.** соискатель кафедры культурологии факультета философии и психологии Воронежского государственного университета
- Коваленко В.И.** доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Ковальчук О.В.** кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной работы Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Кудюшев И.С.** аспирант кафедры философии, культурологии, прикладной этики, религиоведения и теологии им. А.С. Хомякова ТГПУ им. Л.Н. Толстого
- Курбанова Л.У.** кандидат исторических наук, доцент кафедры философии ГГНТУ им. ак. М.Д. Миллионщикова
- Летуновский В.К.** аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Мархгейм М.В.** доктор юридических наук, профессор кафедры международного права и государственного управления юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

- Мельникова Р.И.** доктор социологических наук, профессор, ректор МАУ ВПО «Воронежский институт экономики и социального управления»
- Меняева М.П.** кандидат культурологии, доцент кафедры философских наук Челябинской государственной академии культуры и искусств
- Невлева И.М.** доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной работы и психологии Белгородского университета кооперации, экономики и права
- Носков В.А.** доктор философских наук, профессор кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Олейник Н.Н.** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой украиноведения Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Подвойский Л.Я.** кандидат философских наук, доцент кафедры философии Астраханского государственного университета
- Пожарова Л.А.** студентка юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Полухин О.Н.** доктор политических наук, профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Попова Н.В.** аспирантка кафедры философии и культурологии Российского государственного профессионально-педагогического университета
- Посохова Н.В.** кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социальных наук Белгородского института искусств и культуры
- Проценко Е.Д.** доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника университета по переподготовке, повышению квалификации Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации
- Реутин М.Ю.** кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований при Российском государственном гуманитарном университете
- Римский В.П.** доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Самсонов В.Н.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и международного права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Сапрыка В.А.** кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Сергеева Д.А.** студентка 4 курса юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Солопов О.В.** аспирант кафедры философии, культурологии, прикладной этики, религиоведения и теологии им. А.С. Хомякова ТГПУ им. Л.Н. Толстого

- Тарабаева В.Б.** доктор социологических наук, профессор, декан факультета управления и предпринимательства Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Тонков Е.Е.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, декан юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Трошихин В.В.** доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических наук Белгородского университета кооперации, экономики и права
- Туранин В.Ю.** кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового и предпринимательского права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Тычинин С.В.** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Фомченкова Г.А.** кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии Смоленского государственного университета
- Чалых И.С.** кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Шалда И.В.** аспирант кафедры философии, культурологии, прикладной этики, религиоведения и теологии им. А.С. Хомякова ТГПУ им. Л.Н. Толстого
- Шаповалова И.С.** доктор социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Шемраев С.А.** кандидат философских наук
- Шилов В. Н.** доктор философских наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Шмигирилова Л.Н.** кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодёжью Белгородского государственного национального исследовательского университета

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ: ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПРАВО В ЖУРНАЛЕ «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского государственного университета»

Уважаемые коллеги!

Материалы в журнал необходимо высылать в 2-х экземплярах с приложением внешней и внутренней рецензий (для аспирантов необходима рецензия или соавторство научного руководителя):

- первый экземпляр по адресу: 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78, социально-теологический факультет, Белгородский государственный университет;
- по электронной почте: в раздел «Философия» – Rimskiy@bsu.edu.ru (Римский Виктор Павлович, главный редактор серии); в раздел «Социология» – Babintsev@bsu.edu.ru (Бабинцев Валентин Павлович, заместитель главного редактора); в раздел «Право» – ETonkov@bsu.edu.ru (Тонков Евгений Евгеньевич, заместитель главного редактора); во все разделы – SBorisov@bsu.edu.ru (Борисов Сергей Николаевич, ответственный секретарь серии журнала).

Редакция проводит внутреннее рецензирование всех материалов и оставляет за собой право отправить на доработку или отклонить полученные работы.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются.

Материалы, присланные без соблюдения требований к оформлению, редколлегией не рассматриваются.

Требования к оформлению материалов для представления в журнал:

1. УДК научной статьи.
 2. Аннотацию статьи (не более 1200 знаков).
 3. Ключевые слова.
 4. Текст статьи (должен иметь введение и выводы).
 5. Библиографический список.
 6. Ссылки.
 7. Внешняя рецензия доктора наук, рекомендация кафедры, рецензия научного руководителя (для аспирантов).
 8. Сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны).
 9. Объем статьи – до 1 усл.п.л. или уч.-изд. лист (до 16 страниц)
 10. Объем сообщения – до 0,5 усл.п.л. (до 8 страниц).
 11. Объем рецензии или обзора конференции – до 0,3 усл.п.л. (5,4 страниц).
- на русском и английском языках
- на русском языке

Технические требования к оформлению текста статьи:

1. Поля:
 - правое – 1,5 см;
 - левое – 3,0 см;
 - нижнее – 2,0 см;
 - верхнее – 2,0 см.
2. Шрифт:
 - гарнитура для заголовков – Impact (14 кегль) прописной, для статьи – Georgia (11 кегль), для сносок и литературы – Georgia (10 кегль);
 - межстрочный интервал 1,0 пункт.
3. Ссылки:
 - номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
 - нумерация – автоматическая, сквозная по статье;
 - текст сноски располагается с абзацным отступом внизу каждой страницы;
 - размер шрифта – 10 кегль.
4. Библиографический список:
 - список литературы с полными названиями работ приводится в порядке цитирования;
 - при ссылке на данные, полученные из Internet, указывается электронный адрес цитируемого источника, например: www.soclib.ru/2007/5;
 - при ссылке на монографии указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название книги, город, название издательства, год выхода издания с соблюдением ГОСТ;
 - при ссылке на статьи из журналов указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название статьи, через косую линию (/) указывают авторов согласно ГОСТ, затем название журнала, год, том, номер, страницы ссылки;
 - при ссылке на авторефераты диссертаций указывают фамилию, инициалы автора, полное название работы, докторская или кандидатская, место и год издания.
5. Примеры оформления статей, сносок, сведений об авторах, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

*Приложение 1. Оформление статьи и сведений об авторах***УДК 130.2****ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА
МЕЖДУ МИФОЛОГИЕЙ МОДЕРНА И РАЦИОНАЛЬНЫМ ЗНАНИЕМ****А. В. ИВАНОВ¹⁾
Л. Н. ПЕТРОВ²⁾***¹⁾ Департамент
экономического развития
Белгородской области**e-mail: ivanov@bsu.edu.ru**²⁾ Белгородский
государственный
университет**e-mail: petrov@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается генезис основных логико-методологических парадигм европейского социально-гуманитарного знания, укорененных в идеологии и мифологии эпохи модерна.

Ключевые слова: модерн, мифология, сциентизм, социально-гуманитарное знание.

Основной задачей данной статьи будет усвоение некоторых логико-методологических «уроков» и анализ фактов из истории становления классической и неклассической западной философии и современного социально-гуманитарного знания¹.

**BETWEEN MYTHOLOGY OF MODERNITY AND RATIONAL
KNOWLEDGE: QUESTION OF HISTORY
OF EUROPEAN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES****A. V. IVANOV¹⁾
L. N. PETROV²⁾***¹⁾ Department of economic
development of the Belgorod area**e-mail: ivanov@bsu.edu.ru**²⁾ Belgorod state university**e-mail: petrov@bsu.edu.ru*

The article deals with the genesis of main logical and methodological paradigms of the European social sciences and humanities rooted into the ideology and mythology of modernity era.

Key words: modernity, mythology, scientism, social sciences and humanities.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**Иванов А.В.**

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: ivanov@mail.ru, тел. 30-00-00

¹ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе нации / Дж. Вико. – Л.: Худ. лит., 1940. – С. 128.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на двух страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице, так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Таблица, расположенная на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру под рисунком.

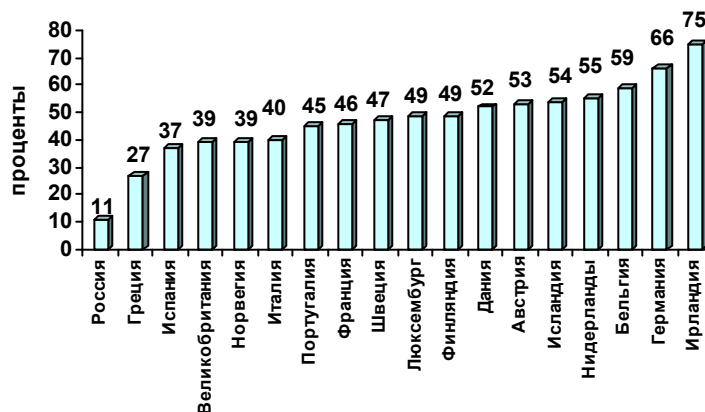

Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

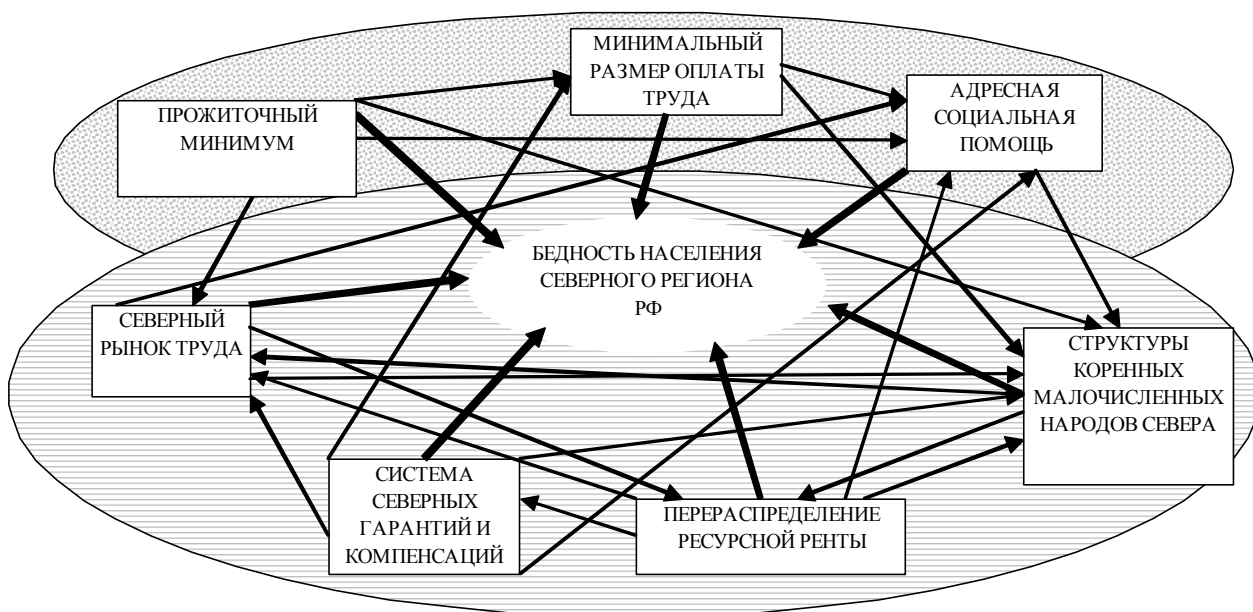

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.

